

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Сергей МИХЕЕНКОВ
Солдатский маршал
Роман-биография 7

Иван ЕВСЕЕНКО
Дмитриевская суббота.
Повесть 76

Владислав ШАПОВАЛОВ
Маршевая рота.
Рассказ 116

Поэзия

Владимир СКИФ
Сибирский дивизион 3

Михаил КАРАЧЁВ
Холод родного жилья... 72

Валерий ФОКИН
Душа моя насквозь пробита... 112

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
Испить воды из
Божьего следа... 126

Очерки и публицистика

Джон СТЕЙНБЕК
Русский дневник.
С предисловием
Станислава Куняева 156

Борис КУРКИН
Тоже "победители" 178

Георгий ЦАГОЛОВ
Мир и мы 200

Михаил ДЕЛЯГИН
Как вымирает "благополучная"
Россия 209

Павел ЛАВРЁНОВ
"Здесь начинается Россия..." 237

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Слово читателя

“Бесстрашное провозглашение
правды...” 217

Память

Юрий ПАХОМОВ
Прощай, Рузовка! 131

Критика

Станислав КУНЯЕВ
“В борьбе неравной
двух сердец” 247

Александр РАЗУМИХИН
“Бывают странные
сближения” 260

Сергей НЕБОЛЬСИН
Годы с Петром Палиевским 282

Среди русских художников

Анна ФЕДОРЕЦ
Образ Сергея Радонежского в
живописи Михаила
Васильевича Нестерова 274

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов
Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова
Корректор: С. А. Артамонова

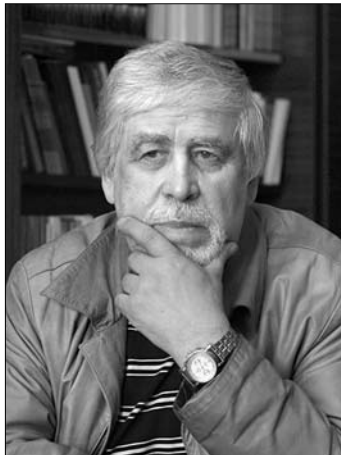
Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
Подписано в печать 26.04.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 1865. Тираж 9400 экз.
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР СКИФ

СИБИРСКИЙ ДИВИЗИОН

* * *

“Укрепрайон, укрепрайон” —
Откуда-то звучит ночами.
Восходит из войны печальной
Погибший в ней дивизион.

Он под Москвой,
  как твердь, стоял,
Дивизион сибирской дали.
Он был из нервов и из стали,
Железу противостоял.

Он помнил Жукова слова
И слышал собственную душу,
Он снегом

  запахнулся
  в стужу,
Когда за ним была Москва.

И к сердцу не пустил того,
Кто над Москвою
  смерчем вилял,
Дивизион с землёю слился
И весь погиб, до одного.

СКИФ Владимир Петрович — известный русский поэт, автор многих стихотворных книг, в том числе и детских, постоянный автор журнала “Наш современник”.

...Гудит Москва —
со всех сторон
почти что взятая врагами.
И у врагов под сапогами
Лежит родной дивизион.

ВЗЯТИЕ КРЕМЛЯ

Я чуял, знал, что варвары нагрянут,
Для них Москва была,
как тульский пряник,
С её дворцами и её Кремлём.
Они не только душу ей изранят,
Не просто древний город испоганят,
А будут рвать и жечь Москву огнём.

И варвары пробили крепь оплота,
Они вошли в Кремлёвские ворота,
Где раздавался колокольный звон.
Они громили отчие красоты,
Они кромсали вечные высоты,
Был даже воздух ими взят в полон.

И вид Кремля вдруг оказался страшен:
Горело небо. С раскалённых башен
Рубиновые звёзды вниз текли.
Иван Великий был обезображен,
Он, как кострище, покрывался сажей,
И варвары Царь-пушку волокли.

Был даже полк засадный уничтожен,
А на Москве правитель
с пьяной рожей
В Нью-Йорк звонил о взятии Кремля.
И посреди глухих многоэтажек
Дымился кровью даже Сивцев Вражек,
И Сталина — почувала земля.

Он шёл легко вдоль Старого Арбата
Незыблемою поступью солдата,
Минуя Храм Спасителя Христа.
Великий призрак, для врагов расплата,
И на груди его горела свято
Ещё никем не взятая звезда.

* * *

Дремлю на сеновале. Пахнет сеном.
Поют собаки, брешут петухи.
Я вдруг почую сквозь меня,
сквозь стены
Как будто люди — ломаются стихи.

Они галдят, они перебивают
Друг друга.
Катят,
как байкальский вал.

К душе ютятся, споры затевают
И свары, аж дымится сеновал.

А я молчу, я строчками играю,
Но вдруг
                                стремнину высверка схвачу,
И лучшие из строчек выбираю,
И рифмы-заклинания шепчу.

Всю ночь пишу, как будто умираю,
Потом хвосты кометам тереблю,
Окно небес от ночи протираю
И до звезды на сеновале сплю.

ЗАБВЕНЬЕ

Как неба седина, и как свинец — забвенье.
Забвение молчит, как в космосе дыра.
В забвенье нет луча, нет боли, озаренья.
Забвенье — это смерть на кончике пера.

Век Пушкина ушёл
                                и Блока век —
  в забвенье,

В забвение ушла история Руси.
Созрело среди нас манкуртов поколение:
Как омуты глядят — о чём их не спроси.

Забвеньем поражён, как будто бы проказой,
Моей России лик, и город, и село.
Народ не прошибить
                                простою русской фразой:
“Давайте выживать забвению назло”.

Поэзией родной свои омоем раны,
Вернёмся в Божий дом, одыбаем в тепле,
А то мы всей страной
                                сидим, как наркоманы,
На острой и слепой Останкинской игле.

Сидим в безглазой тьме, забыв своё рожденье,
Забыв, что мы — творцы, поэты, мастера...
Нас оплетает сеть всемирного забвенья,
И с неба нам грозит живая тень Петра.

* * *

Александр Казинцеву

Звонит надо мною большое стеклянное небо,
Царапает душу колючая, ломкая высь.
Ещё далеко до осеннего первого снега,
А птицы, как пули, уже в никуда понеслись.

За ними душа, словно ласточка,
  в небо рванулась,
За край горизонта ушла и на самом краю

Крылом зацепилась за Родину и оглянулась,
И с лёту упала на тихую землю свою.

Упала, уткнулась в пожухлые, горькие травы,
Забыв улетевших в невечное прошлое птиц...
Ей стали ненужными почести,

вестники славы,

Ей только б с молитвою

пасть перед Господом ниц.

Покинули Родину птицы и, может быть, правы...
Травинки приникли к моей измождённой душе.
И небо, как зеркало,

не отразило Державы,

Стеклянной Державы,

которой не стало уже.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Александр Твардовский

*С благодарностью к дочери Маршала Наталии
Ивановне Коневой за предоставленные матери-
алы из семейных архивов и всяческую помощь
при написании этой книги*

Глава первая

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ ЛОДЕЙНО

*“Моя родина там, где не было крепостно-
го права и не ступала нога завоевателя”.*

Когда бываешь в родных краях прославленного человека, судьба которого тебя волнует особенно, всегда пристально вглядываешься в черты его родины и пытаешься разглядеть в них нечто такое, что, кажется, и дало тот

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

внутренний толчок, который помог выйти твоему герою, как говаривали совсем недавно, на широкую дорогу жизни.

У маршала Ивана Степановича Конева, как, впрочем, и у большинства крестьянских детей, родина довольно скромная. Тихая северная деревня Лодейно. Когда-то, в пору детства нашего героя, она относилась к Щёткинской волости Никольского уезда. В то время уезд входил в Северо-Двинскую губернию. Потом, когда начались деления и переделы, связанные то с одной властью и её политикой, то с другой, уезд и родная деревня Ивана Конева попеременно отходили то к Вологодской губернии, то к Вятской. Теперь Лодейно принадлежит Подосиновскому району Кировской области. Вот и спорят вологодские с вятскими, кому же из них приходится истинным земляком прославленный полководец XX столетия, кому он роднее. Подолью масла в огонь и я. Когда весной 1945 года в Южной Саксонии, где тогда стоял штаб 1-го Украинского фронта, маршал диктовал свою биографию писателю Борису Полевому, то начал буквально следующим: “Родился я в деревне Лодейно на Вологодчине...” Вот так и выпало из памяти маршала Конева северодвинское его происхождение: “...на Вологодчине”. Правда, как часто случается, всё своим мудрым ладом умиротворил поэт, на этот раз свой, местный, подосиновский, а устами поэта, как известно, говорит его родная земля:

*...Вологодские, вятские —
Все мы крови одной,
Наши судьбы солдатские
Перевиты войной. (М. Рыбин)*

Лодейно же деревня, как уже было сказано, довольно обычная. Таких по речке Пушме когда-то стояло много. Слава богу, что Лодейно и по сей день жива, шумит, рождает детей, трудится и кормится как может. И особо хранит в своей памятной душе образ одного из своих сыновей, который когда-то в смутный период истории России выпорхнул из родительского гнезда, и судьба его приласкала своей и доброй, и недоброй лаской, сделав маршалом СССР, и возложила на его плечи тяжкий груз ответственности за судьбы миллионов людей, которых он посылал на смерть, чтобы их потомки могли жить на своей земле хозяевами, в мире и довольстве.

Однажды в разговоре с народной артисткой СССР, актрисой МХАТа Ангелиной Степановой зашла речь о родине маршала. Разговор этот произошёл уже после войны, в стенах МХАТа. Чуткая к слову Ангелина Степанова поразила чистотой и богатством речи маршала, его особым интонациям, в которых чувствовался русский Север, своеобразие, исконность. Актрису удивило ещё и то, что с годами Конев несколько не растерял этот свой особый северный, родовый дар.

— Моя родина, — ответил Конев, — там, где не было крепостного права и не ступала нога завоевателя. Мы сохранили свободный и вольный язык славян, которые жили под Великим Устюгом.

Суровый северный край. Некогда Устюгский удел Ростово-Суздальского, а затем великого Владимиро-Суздальского княжества. Когда-то Устюг стоял несокрушимой крепостью на древнем торговом и военном пути новгородцев по реке Сухоне вниз, к хлебородным землям. Устюгская земля дала России знаменитого путешественника и открывателя новых земель Семёна Дежнёва, воина, покорителя Приамурья Ерофея Хабарова, исследователя Камчатки Владимира Атласова.

О своей родной деревне Конев вспоминал так: “...вологодская деревня, высокие дома с подклетами, рубленные из толстых брёвен. Колодезные журавли. Корыта для пойки лошадей и коновязи чуть ли не под каждым окном. Это для проезжавших подводчиков, останавливавшихся на ночлег или постой. Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом вглубь страны и с

водкой для всех казёнок¹ в обратную сторону. Вот этот оживлённый тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни”.

Речка Волосница, на которой стоит Лодейно, неподалёку расходится вширь и образует небольшой залив. Можно предположить, что когда-то он был полноводнее. Именно здесь, на этом плёсе и его берегах, как утверждают местные старожилы, их предки ладили лоды.

По переписи 1895 года по Вологодской губернии записано буквально следующее: “Деревня Лодейно. Пушемско-Николаевского прихода Щёткинской волости Никольского уезда”. В более ранних письменных источниках упоминается в связи с событиями X—XII веков как место жительства племени угро-финнов. Когда новгородцы начали заселять земли Поюжья, то есть бассейна реки Юг, здесь, по всей вероятности, произошла ассимиляция народов. Из этой уникальной историко-культурной плавильни на берега реки Юг, Сухона, Вятка и их притоков вылилось удивительно красивое, самобытное и мужественное племя людей, веками пахавших свою землю, растивших на ней хлеб, строивших прочные и просторные жилища из кондовой сосны, защищавших порубежье от лихих и беспокойных соседей. Русский Север. Суровый быт накладывал отпечаток и на характер здешних жителей, веками выковывая в нём чувство собственного достоинства, свободолюбие, стойкость и умение общее, общинное, государственное поставить выше личного.

Дом, в котором родился Иван Конев, в середине XIX века построил его дед, тоже Иван Степанович. Дед имел прозвище — Епишня. Происхождение прозвища таково. В русских деревнях детей, рано оставшихся без отца, называли не по отчеству, а по имени матери. Мать Ивана Конева-1 звали Епифанией. А детей — Епишня.

Дом Коневых в Лодейной стоит до сей поры. Теперь в нём музей маршала.

Иван Епишня был человеком предприимчивым. И землю пахал, и лес валил, и извозом занимался, и торговлишку вёл. Его стараниями в Лодейной была построена школа для крестьянских детей. Детей тогдашняя Россия, в особенности сельская, рожала щедро. Не исключением был и русский Север. Вот и у Ивана Степановича Конева было четверо: трое сыновей и одна дочь.

Дети растут быстро. Сыновья поднялись и все трое, каждый в свой срок, отслужили службу в царской армии. Старшие вернулись в звании унтер-офицеров. Младший угодил на войну, в самое пекло, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве.

В феврале 1897 года Степан Иванович Конев высватал за себя крестьянскую девушку Евдокию Степановну Мергасову. 15 декабря того же года у молодых родился первенец. В фондах музея маршала Конева хранится копия выписки из метрической книги. Привожу документ целиком: “Выпись из Метрической книги на 1897 год. Часть 1-я, о родившихся. Мужеского пола. 106. Рождения декабря 15. Крещения 16. Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания: Деревни Лодейной крестьянин Степан Иванов Конев и законная его жена Евдокия Степанова, оба православного исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: деревни Подволочья крестьянский сын Иван Степанов Мергасов. Кто совершил таинство крещения: Священник Пётр Жуков и диакон Виктор Нечаев”.

Вторым ребёнком Коневых была девочка. Назвали её Марией. Но день её рождения был омрачён смертью матери. Такое прежде случалось довольно часто. Женщины умирали родами. Воспитательницей Ивана и его младшей сестры Маши, как говорили в деревне, нянькой, стала тётка, младшая сестра отца Клавдия Ивановна. Судьба повторялась в роду Коневых: родители Степана Ивановича, Клавдии Ивановны и двоих их братьев умерли рано, и Степан Иванович, ещё неженатый, остался с малолетними братом и сестрой на руках, заменив им сразу и отца, и мать.

---

¹ Казёнка — государственная винная лавка, где продавали хлебную водку. Водка носила то же название — “казёнка”. До 1917 года эта водка являлась монополией Российского государства.

Первым другом Ивана в детстве был его дядюшка, Григорий Иванович Конев, младший брат отца. Этот Григорий Иванович был всего на несколько лет старше своего племянника. Все детские забавы дядюшка и племянник делили вместе. Как и Иван, Григорий рано остался сиротой. И его тоже воспитывала Клавдия Ивановна, в замужестве Мергасова. Одному из них она доводилась тёткой, а другому сестрой. Но обоим-двоим, по самой своей сути, — матерью.

Был у Вани Конева и ещё один дядя — Фёдор Иванович. Службу в царской армии отслужил в уланском полку. Затем поступил на службу в полицию, состоял в должности местного урядника и обязанности свои исполнял исправно и с завидным рвением, которое порой смущало сельчан, в том числе и Коневых.

Что такое детство в деревне? Воля! Рядом лес, река. Грибы, ягоды. Пескаринные места и щучьи заводи. Река Пушма невелика, но не мала. Чем-то похожа на среднерусскую реку Угру. И размерами, и берегами, и своими рыбными омутами. Но и домашние обязанности, которые деревенские дети познают довольно рано, были частью детства будущего маршала. С шести лет Иван был приучен к труду. Когда взрослые, в том числе и дядя Григорий, уходили, к примеру, на полевые работы, на сенокос или в лес, заготавливать на зиму дрова, его оставляли домовничать. Что значит домовничать в крестьянском дворе? В первую очередь, конечно, сторожить дом. Одновременно приглядывать за домашним хозяйством. А что значит — приглядывать? Нет, это вовсе не глядеть со стороны. Убраться в доме, подмести полы, прибраться во дворе. Выпустить из курятника кур, покормить их, поставить воды. Вынести меса свиньям. Почистить за ними. Встретить с полей корову. А если запаздывает домой хозяйка, то и подоить. Вечером загнать в хлев овец. Наносить воды, дров. Начистить картошки. Если пошёл дождь, убрать всё, что может намочнуть, под крышу. Хозяйство...

Но детство есть детство. Проказничали.

Однажды дядя Григорий сказал племяннику:

— Вань, хочешь, я тебя летать научу?

Как тут не согласиться?

Северные дома высокие. Дядя спустил племянника на полотенце в окно и начал раскачивать.

— Ну как? Летаешь? — крихтя от напряжения, спрашивал дядя, раскачивая племянника всё сильнее и выше, так что тот вскоре стал подлетать к обрезу кровли, к самым причелинам.

— Летаю!

И Ванька полетел...

Вечером, когда царапины немного подсохли, а синяки проявились во всей своей лиловой красе, отцу он объяснял, что упал, выгоняя из огорода соседского козла.

Дом Коневых стоял на бойком месте, *на юру*, как говаривают в здешних краях. Служил он не только хозяевам, но и проезжим подводчикам. А потому в бойкую пору, когда по большаку на Великий Устюг и обратно шли обозы, превращался в самый настоящий постоялый двор.

Подводчики — народ простой. Но интересный. И разговоры у них были интересные. Всё же бывали они в разных краях, многое успевали повидать, о многом слыхивали. Многие могли рассказать. Почти как в сказке Пушкина: Ой вы, гости-господа! Путь свой держите куда? Славно ли за морем, иль худо? Да какое в свете чудо?.. И — пускались корабельщики-подводчики в рассказы о своих странствиях и дальних неведомых краях...

Иногда в доме на юру останавливались постояльцы побогаче — приказчики, лесоторговцы. Вот тогда уж самовар на стол! Иван бежал в местную лавку за баранками и сахаром, за махоркой и водкой. Приказчики, те хоть и выглядели как настоящие господа, но почти все были из вчерашних крестьян. Курили махорку, чай пили вёдрами. Да и речи вели всё о том же. Вот, бывало, засидятся за полночь, захмелеют и — пошли языками чесать, рассказывать разные были и небылицы, сказки да побасёнки. У иного речь цветистая, заковыристая, с прибаутками да шутками, так что не сразу и пой-

мёшь, к чему он клонит. За извилистой дорогой пути не видать... Особенно нравились Ивану рассказы о войне. Дух захватывало, когда кто-нибудь из постояльцев заводил сказ о том, как он служил солдатом в полку: “А вот как отдали меня, братцы мои, в полк, а полк наш стоял там-то, тут я жизнь повида-а-а!.. Плюй в ружьё, да не мочи дула!..” — “А на войне ж ты бывал?” — вдруг спрашивал кто-нибудь особо охочего до разговоров, чтобы пуще раззадорить его. “А как же!” — отвечал тот, как будто только того и ожидал. И начиналась какая-нибудь удивительная или страшная история о Русско-турецкой войне или походе генерала Скобелева в Закаспийскую область, чтобы усмирить непокорных текинцев. В то время ветеранам Шипки было по пятьдесят лет, а участникам Ахалтекинской экспедиции и того меньше. Только что отгремела Русско-японская война, и инвалиды в местную казёнку заходили в распахнутых шинелях, чтобы опрокинуть стакан-другой за здоровье государя-императора и за упокой души героя Порт-Артура адмирала Макарова.

Заметил Иван, что над теми, кто не послужил в солдатах, посмеивались, порою зло: “Грешно чужою кровью откупаться”. Или: “Служить, так не картавить, а картавить, так не служить, как говорил Суворов-батюшка”. Поглядывали прикащики на стройного парня, говорили и ему: “Вот вырастешь, и тебя под красну шапку отдадут...”

И деревенский мальчик, слушая эти истории, очень похожие на те, которые он знал по книжкам, понимал, что на свете есть другая жизнь, более интересная. И “красна шапка” казалась ему вовсе не тяготой судьбы, а почти что счастьем — пропуском в новую и необычную солдатскую жизнь, где гремят ружейные залпы, ухают пушки, звучит булат, визжит картечь, и с гулом летит конная лава, чтобы смять атаку противника... Эх, сказка, а не жизнь!

Когда Иван и дядя Григорий подросли, отец начал их брать в лес, на лесозаготовки. Конев вспоминал: “Зимний лесоповал — нелёгкое мужское дело. Сосны огромные. Надо её подрубить, свалить в нужную сторону, обрубить сучки, распилить, поднять на сани и отвезти к речке Пушме...” По реке лес сплавливали до деревни и дальше, смотря по надобности. Но прежде сплавивали, связывали в плоты, чтобы не растерять лес и труды всей зимы на водном пути. “Работа не для мальчика, — рассказывал Конев Борису Полевому, — что верно, то верно. Однако работа научила нас многому. Так, благодаря колу и ваге, которыми мы приподнимали и перекачивали брёвна, я понял, что такое рычаг первого рода, задолго до того, как узнал о нём в школе на уроки физики”.

Вначале Иван окончил сельскую трёхклассную школу — церковно-приходскую. Школа та находилась в четырёх верстах от Лодейно в деревне Яковлевская Гора. В школу ходил вместе с дядюшкой Григорием. Так и росли вместе. Соседи, глядя на них, с улыбкой говорили: дядя с племянником, как чёрт с мельником... В классе Иван оказался недоростком, на год моложе своих одноклассников. Учителем в сельской школе был, как вспоминал Конев, человек уже пожилой, прекрасный педагог, любивший своё дело и особенно один предмет — чтение. Вот на чтение Иван сразу и нажал. Тем более что учитель, почувствовав страсть мальчика к военной истории, начал приносить ему книги из своей библиотеки, так как школьную Иван Конев, освоив грамоту, перечитал довольно быстро.

“После первого класса, — как писал Борис Полевой в своей книге “Полководец”, — соседи уже заставляли его читать письма, а то и старые газеты, которые завозил в глушь из города какой-нибудь подводчик”.

Церковно-приходскую школу Иван окончил успешно в 1906 году. При выпуске ему вручили похвальный лист. А учитель от своего имени присовокупил к тому листу прекрасное издание комедии “Ревизор” Николая Васильевича Гоголя с очень значительной надписью: “За выдающиеся успехи и примерное поведение”.

— Учись, учись, Ваня, — напутствовал учитель лучшего своего воспитанника. — Образованный человек сможет больше послужить своему Отечеству. А что может быть выше служения своему народу?

Кто знает, возможно, именно эта надпись, сделанная старым приходским учителем, и его напутственные слова разбудили в мальчике то здоровое честолюбие, которое и повлекло его к дальнейшей учёбе и стараниям как можно лучше исполнять то дело, которое поручено и на которое наставила судьба и детская мечта.

Следующей ступенью в учении было Пушемско-Никольское четырёхклассное земское училище. Находилось оно в селе Щёткине, в десяти верстах от Лудейно. “Десять вёрст пешком отмахать зимой туда и обратно — не шутка, — вспоминал Конев. — Но тяга к учению была сильная”. Вскоре при училище был открыт приют, и Ивана, хорошо успевающего по всем предметам, сразу же приняли на полное обеспечение. Учителем в земском училище был либерал, толстовец, страстный любитель литературы Илья Михайлович. В Щёткине при выпуске, который состоялся в 1910 году, Иван был отмечен похвальным листом. “Сейчас вот вспоминаю моих учителей, — рассказывал маршал в 1945 году Борису Полевому, — и сельского кузнеца, и ветерана Алёшку-турка, всех вспоминаю с большой благодарностью. Общение с такими людьми обогащает душу, а это ох как надо было в те глухие времена!”

Конев вспоминал о своей привязанности к кузнечному делу. Жил в Лудейном кузнец Алёша Артамонов. Человек мастеровой. Что угодно мог выковать из бесформенной заготовки. Известное дело, в деревне кузнец да конюх — первые люди. Одно время подался Алёша в Ярославль, устроился там на завод. На курсах выучился грамоте. Пристрастился к чтению. Больше всего Алёша любил читать исторические романы, былины. Хотя почитывал и разные брошюры о текущей, как говорится, жизни. Однажды одну из таких брошюрок в его вещах обнаружили полицейские, и Алёша был выслан из губернского города по месту жительства “по причине неблагонадёжности”. Алёша вернулся в родное Лудейно, открыл кузню. Дела его шли неплохо. Семью кормил. И по-прежнему в свободные вечера читал исторические романы. Некоторые из них знал почти наизусть. Вот почему деревенская ребятня, кроме того, что в кузне можно было постучать молотком по мягкому раскалённому металлу, так и крутилась вокруг кузнеца. Ошинует Алёша колесо, загонит на место новые втулки, отправит в путь очередного подводчика, съедет на лавке у горна, прикурит от раскалённой заготовки и начинает очередную свою сказку. О походах князя Олега в греческую землю, о Петре Великом, об Иване Грозном, о Суворове и адмирале Нахимове, о находчивом и неунывающим русском солдате, которому сам чёрт не брат и который может и суп сварить из топора, и выйти из самого безвыходного положения героем, и всегда весел и счастлив! Как вспоминал Конев, самого положительного мнения из всех российских правителей Алёша-кузнец был о Петре Великом. Потому, что тот, кроме всего прочего, чем обязан заниматься царь, был добрым кузнецом, что заботился о могуществе России, и в первую очередь об армии и флоте.

Рассказы Алёши-кузнеца проникали в самую душу Вани, будили воображение. Хотелось поскорее вырасти, набрать тот гвардейский рост, при котором его непременно примут в Преображенский гренадерский полк, выдадут красивую форму, винтовку, подсумок с патронами...

Жил в деревне и ещё один Алёша. Этот носил прозвище Турка. И замечателен был другим. Человек он был вроде и зряшный, частенько запивал, не отличался хозяйственностью. Но было в нём то, чего не имели другие. Он был старый солдат. А значит, именно тот, о ком складывали в народе сказки и писали в книгах. Алёшка Турка отмахал на царской службе свои двадцать пять лет и вернулся на родину. И самым главным событием его службы была война с турками. Бои у Плевны. Шипкинский перевал. Попал Алёша в самое пекло тех событий. Любил рассказывать о том, что довелось повидать, пережить. Человек он был с юмором, и подчас невозможно было понять в его рассказах, где он шутит, а где, сквозь слезу, говорит самую что ни на есть душевную правду. Очень часто ребяташки уговаривали Алёшу Турку рассказать о том, как он однажды всю атаку провисел на гвозде. А дело было так...

Изготовился их батальон к наступлению. Командиры поставили задачу, наметили ориентиры. Алёше с товарищами предстояло идти мимо болгарской

деревни. И вот пошли. Чтобы спрямить себе путь, он решил не обходить усадьбу, а перелезть через забор. Забор хозяин выстроил прочный, не хуже вологодского. И вот, перелезая его, Алёша зацепился ремнём ранца за кол и повис. Росточка солдат был далеко не богатырского, болтался-болтался, да так и провисел всю атаку на колу. Начальство его смекалки и рвения первым быть в атаке не оценило и приказало пропустить сквозь строй под шомполами.

Так что военная служба, как ещё в детстве уяснил себе Иван Конев, это не только красивая форма, героические атаки, штурмы вражеских укреплений и крепостей, походы, ордена и трофеи, но и опасность во время атаки оказаться на колу, с которого тебя снимут под шомпола твоих же товарищей...

По праздникам Турка облачался в свою солдатскую гимнастёрку, надраивал медаль и шёл в казёнку, где опрокидывал рюмку-другую-третью и, захмелев, плёлся домой. Если навстречу попадалась ребячья ватага, останавливал её:

— Стройся! Равняйся! Кругом марш! Эх, сено-солома, курицыны дети!

Ваня Конев с дядюшкой Григорием со своими товарищами по детским забавам тут же охотно выстаивались *во фронт*, изумляя Алёшу-Турку и переполняя его гордостью за то, что тот был когда-то солдатом и служил под началом самого генерала Скобелева...

Было в этом старом деревенском чудике нечто такое, что не просто влекло к нему мальчишек, но и заставляло их потом с особым чувством брать в руки книжки о подвигах отцов и дедов, о походах русского войска в дальние страны, чтобы помочь братьям по вере и крови защититься от бусурман и притеснителей.

Так что учителями Вани Конева были и эти два Алёши, кузнец-книгочей и старый солдат-скобелевец, получивший за храбрость в период боёв на Шипкинском перевале медаль.

После окончания земского училища отец Степан Иванович устроил сына табельщиком по приёмке леса. Табельщик — должность на лесозаготовке серьёзная. Надо не только знать грамоту и быстро считать, но и быть добросовестным, ответственным. Тут впервые его начали звать по имени и отчеству — Иваном Степановичем. Но быстро закончился рабочий сезон, табельщик на лесоскладе стал не нужен. Лес начали вязать в плоты и погнали вниз по реке Пущме к Яхренье, где река впадала в более полноводную реку Юг, и уже мощный Юг, вобрав в себя силу притоков, нёс плоты к Великому Устюгу.

Вот по этому водному пути в один из дней и проводил Степан Иванович своего сына Ивана Степановича *в люди*. Что ж, как говорят, что в людях ведётся, то и нас не минует. Судьба Конева до определённого времени ничем особым не отличалась от судьбы его сверстника, который с котомкой за плечами отправлялся из родительского дома в большую жизнь с надеждой устроить её так, чтобы не только самого себя обеспечить, но и помогать семье. В пути Иван, чтобы не быть нахлебником, помогал плотогонам. Благо и эту работу он знал. До Архангельска путь не близок. В берестяном коробе, собранном в дорогу няней Клавой, лежала чистая косоворотка, пара белья и письмо отца к своему брату и дяде Ивана Конева Дмитрию Ивановичу Коневу. Дядя работал в архангельском порту грузчиком. Жил, как и все портовые люди, которым приходилось тяжёлым физическим трудом зарабатывать свою копейку, небогато, но племянника принял с добром, по-родственному, дал угол и помог устроиться в порту по прежней специальности — табельщиком.

Он ещё вернётся на свою родину, в Лодейно. Но это будет странное возвращение. Новое свидание с родиной станет следствием великой смуты, которая всколыхнёт всю державу, потрясёт её устои, обрушит многие основы, но вместе с тем и станет истоком новой жизни, и Иван Конев прикинёт к тем, кто первым и всем сердцем почувствует это. Та новая встреча станет недолгой. После неё Конев расстанется с родной Вологодчиной навсегда. Казалось бы, навсегда. Жизнь захватит новым вихрем. Но, как известно, детство человек не проживает бесследно, детство уходит в подсознание,

чтобы всю жизнь потом окликать неожиданными воспоминаниями, смутными голосами и яркими картинками счастья, которое принадлежит только тебе одному.

Изучая жизнь маршала, перебирая её, запечатлённую в документах, хрониках, свидетельствах родни и людей, знавших его, я пришёл к мысли о том, что родиной Конев был наполнен всегда, всю жизнь; её корни прорастали в нём, в его характере, в поступках и решениях, в отношении к людям, к делу, к службе, которой он отдал всё; его родовое светилось в его глазах, проступало в лице, звучало в лёгком северном говорке. И всегда в гуще людей, в, казалось, безликом скопище армейской массы, которая постоянной рекой протекала перед ним, он безошибочно узнавал земляков — по родной речи, по разрезу глаз и лёгкой скуластости лиц, по жестам, в которых угадывались одновременно и северная сноровка, и несуетливость, чувствовалось достоинство терпеливых людей, привычных ко всему — и к тяжёлой физической работе, и к тяжкой обязанности идти на смерть.

Глава вторая

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

“... начал солдатом”.

Долго в портовых табельщиках при хорошем заработке Коневу ходить не пришлось.

1916 год. Уже два года шла война, которая впоследствии войдёт в историю войн как Первая мировая. Газеты пестрили тревожными сообщениями с фронтов. Дядя Дмитрий Иванович поглядывал на племянника с беспокойством. Потери обеих сторон росли. Старый солдат Дмитрий Иванович хорошо понимал, что вот-вот начнут призывать и Иванов год. В связи с военными действиями не улучшалась жизнь и внутри империи. Дорожали продукты питания, другие товары. Приходилось потуже затягивать пояса. Как и всегда, нестроения в государстве особенно тревожным эхом отдавались в глубине простого народа.

— На рать сена не напасёшься, — ворчал Дмитрий Иванович, снова и снова заглядывая в казённую бумажку, доставленную на имя Ивана Степановича Конева, 1897 года рождения и подписанную местным воинским начальником.

— Что это, дядя? — спросил Иван, а у самого уже колыхнулось внутри.

— Судьба твоя. Вот что. Иди и помни: то, что иному по уши, удалому по колено. Коневы никогда перед врагом не дрожали. Отец тебе сказал бы то же.

И пошёл Иван на войну.

Но вначале была учёба. Запасной полк.

Из Вологды команду новобранцев отправили вначале в Моршанск. Здесь Конев окончил свою первую военную академию — солдатскую. Борис Полевой об этом периоде службы Конева, который теперь бы поименовали курсом молодого бойца, написал следующее: “Здесь новобранец показал себя грамотным и дисциплинированным. Ему не пришлось, как бывало с иными рекрутами, засовывать в голенища сапог сено и солому, чтобы отличать правую ногу от левой. Но он никак не мог свыкнуться с самодурством ефрейтора. Не сразу усвоил, что ефрейтор, например, может заставить тебя чистить сапоги, и тяжело переживал, еле сдержался, когда рядом с ним ефрейтор вlepил его однодеревенцу в ухо”.

По поводу “однодеревенца” Борис Полевой, возможно, допустил неточность. Если Конев призывался в Архангельске, то рядом с ним вряд ли были его земляки из Лодейна. Что же касается “в ухо”, то, конечно, человеку, родившемуся и выросшему в краю, где не любили ломать шапку перед господами, не терпели любых притеснений, трудно было привыкнуть к новым отношениям между командиром и подчинённым. Можно себе представить, как хотелось Ивану Коневу засветить в ухо первому своему армейско-

му начальнику в чине ефрейтора. Но служба ему понравилась, и он понял, что, для того чтобы стать в армии кем-то, надо вначале многое претерпеть, многое подавить в себе. В книге “Маршал Конев — мой отец” дочь маршала Наталия Ивановна Конева пишет: “Во время отдыха в санатории “Барвиха” мама записала рассказ отца о событиях дореволюционных. Эта запись с небольшими сокращениями публикуется впервые. “В мае 1916 года я был досрочно призван в царскую армию. Через полгода призвали и моего отца, в ополчение. Призывной пункт находился в городе Никольске. (Значит, призывался Конев не в Архангельске. Повестку ему, по всей вероятности, в Архангельск переслали из уездного Никольска соседней Вологодской губернии. — С. М.) Я был парнем крепким, сильным, физически развитым, и меня решили определить во флот, что меня вполне устраивало, но уже на вторые сутки меня отправили в пехоту, в 212-й полк под Моршанск. Тут я прошёл свои армейские “университеты”: то ефрейтор приказал сапоги ему чистить, то сосед по казарме оплеуху норовил вклепить, то с температурой “40” отправили на покос, нужно было запастись сеном для армейских нужд. Но служба в армии многому и научила. Я освоил все ружейные и строевые приёмы. Однажды в часть, где я служил, наведались офицеры, чтобы отобрать людей в школу прапорщиков. Меня отобрали в артиллерию, определив во 2-ю запасную тяжёлую артиллерийскую бригаду...”

Месяц муштры, скудной солдатской каши, деспотизма ефрейтора, который был, конечно же, не лучшим ефрейтором Русской императорской армии образца 1916/17 годов, и роту молодых солдат выстроили на плацу для того, чтобы распределить их по командам для дальнейшей службы. Образовательный ценз Ивана Конева, характеристика, данная ему за предшествующий период учёбы, в том числе и зверем-ефрейтором, позволили направить его для дальнейшего обучения воинской специальности. Так Конев впервые оказался в Москве.

Николаевские казармы располагались на знаменитой Ходынке. Здесь дислоцировалась 2-я Гренадерская артиллерийская бригада. С началом военных действий бригада отбыла на Юго-Западный фронт, а здесь, в казармах действовала учебная команда бригады. Здесь же, на Ходынском поле, был устроен артиллерийский полигон, и поэтому местные долго называли это поле Военным. После октября 1917 года Военное поле стали именовать Октябрьским. Там же размещался аэродром Московского общества воздухоплавания. Здесь, над Военным полем и Николаевскими казармами, закручивал свою “мёртвую петлю” поручик П. Н. Нестеров. С 1926 года это место стало Центральным аэродромом им. М. В. Фрунзе.

В учебной команде Иван Конев засел за книги. Дело в том, что специальность разведчика-наблюдателя требовала многих знаний, в том числе необходимо было быстро производить геометрические и тригонометрические вычисления. Приходилось консультироваться с товарищами, которым артиллерийская наука давалась легче, с офицерами, засиживавшаяся в учебном классе по ночам.

В архиве маршала, бережно хранимом дочерью Наталией Ивановной, сохранился учебник 1913 года, издательства “В. Березовский. Комиссионер военно-учебных заведений. С.-Петербург, Колокольная улица, дом 14”. Это учебник для пехотных учебных команд, руководство для унтер-офицеров. В разделе “Обязанности нижних чинов” рукой Конева синим карандашом отчёркнуты два абзаца. Приведу их полностью, так как суть, заключённую в них, конечно же, просеивая через сито семейного воспитания и тех нравственных ценностей, которые он вырастит в себе сам посредством дальнейшего образования и самообразования (в особенности чтением книг, литературы, специальной и художественной), Конев пронесёт через всю свою жизнь.

“Каждый нижний чин должен всегда и везде иметь бравый и молодецкватый вид, держать себя с достоинством, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в споры, не участвовать в сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках”.

“Не посещать вовсе клубов, маскарадов, публичных танцевальных вечеров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа

спиртных напитков и пива (кроме станционных и пароходных буфетов 3-го класса)”.

Пройдёт двадцать восемь лет. Бывший унтер-офицер 2-й тяжёлой артиллерийской бригады маршал Советского Союза Конев, стройный и подтянутый, выйдет на парад Победы и пройдёт по брусчатке Красной площади во главе 1-го Украинского фронта. В руке будет сиять сабля, на груди ордена и среди них орден Победы.

Второй пункт руководства для унтер-офицеров, настойчивое следование ему, погубит его первую семью. Однако и ему он будет следовать всю жизнь. Но об этом чуть позже.

На Юго-Западный фронт Конев отбыл в 1917 году. Зачислен на должность унтер-офицера 2-го отделения артдивизиона. 2-я Гренадерская тяжёлая артиллерийская бригада имела трёхбатарейный состав: первая и вторая батареи были вооружены шестидюймовыми гаубицами; третья — 42-линейными полковыми пушками образца 1910 г. Бригада считалась одной из лучших на этом участке фронта. Вскоре была включена в состав так называемых “частей смерти”. “Части смерти”, или “ударники”, имели даже особую форму и знаки различия. К примеру, офицеры и солдаты на фуражках и папахах носили кокарду в виде так называемой адамовой головы со скрещенными мечами и лавровым венком. Такая же эмблема носилась на погонах и в петлицах. Погоны и петлицы обшивались серебряным галуном. А на рукав нашивался чёрно-красный угол. Эти знаки различия впоследствии были упразднены Приказом главковерха Н. В. Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 года.

В дивизион большевики приносили листовки и газеты. Чаще всего они тут же шли на сигарки. Но иногда батарейцы просили молодого фейерверкера почитать им какую-нибудь статью. Газеты Конев начал почитать ещё в Москве. Простым солдатам по душе пришёлся лозунг большевиков: “Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, власть трудящимся”.

В 1965 году в Барвихе на даче в беседе с Константином Симоновым Конев, перечисляя свои служебные ступеньки и особо нажимая на то, что “пять лет командовал полком и в общей сложности семь лет дивизией”, сказал не без гордости:

— А начал солдатом! Практически прошёл все военные ступени, которые существуют.

Первая воинская специальность Конева — фейерверкер — не раз помогала ему в дальнейшем, а однажды спасла жизнь. Под Витебском в июле 41-го, в самый разгар летних боёв, ему пришлось стать к панораме противотанковой пушки, которую солдаты позднее прозвали “Прощай, Родина”. Он выстрелил удачно. В противном случае о Коневе, как о маршале Победы, эту книгу писать бы не пришлось. Выстрелил и попал в немецкий танк. Но об этом рассказ впереди.

Дальнейшая судьба унтер-офицера Конева складывалась так:

“Однажды мне в руки попала газета “Русское слово”. Помещённые в ней материалы были восприняты как правда, которую от нас долго скрывали: о нравах царского двора, о царице-немке, о Распутине, об упадке, который охватил Россию”. По всей вероятности, Конев имеет в виду публикации в связи со смертью старца Григория Распутина. В то время популярность Григория Ефимовича Распутина-Новых была необыкновенной. Фигура Распутина часто упоминалась в связи с царской фамилией и в весьма скандальном контексте, в котором религиозность, целительство и сексуальная озабоченность “старца” составляли одно целое. В России было смутно. Неудачи на германском фронте эхом отдавались по всей стране. Накалялись антинемецкие настроения. Распускались слухи, что Российской империей руководит “святой чёрт” Гришка Распутин, немка-царица Александра Фёдоровна и их сводница Вырубова”.

Известно также, что в марте 1916 года, то есть примерно за год до отправки унтер-офицера Конева на фронт, германские цепелины разбрасывали над русскими позициями в большом количестве “карикатуру, изображавшую Вильгельма, опиравшегося на германский народ, и Николая Романова, опиравшегося на половой орган Распутина”. Листовку использовали агита-

торы от различных революционных, настроенных антимоноархически партий, распространяя их в окопах, в госпиталях, на батареях и даже в штабах.

“Газету “Правда” тоже иногда добывал и внимательно читал, — вспоминал Конев. — Временное правительство готовило военные действия на юго-западном направлении. Стали готовить оружие, оно, кстати, было английское. Вооружённые и оснащённые части отправляли под Тернополь. Наш дивизион задержали под Киевом, там нас стали обучать, повышать нашу боеготовность. А в это время в Киеве захватила власть Украинская Рада. Ночью гайдамаки произвели налёт на наши части и всех русских разоружили. Я прятал шашку и наган под полушубком — мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину”.

Можно предположить, что рассказ Конева, записанный женой Антониной Васильевной, и есть подлинная история унтер-офицера Конева. В 1965 году уже свободно можно было говорить о многом. В тридцатые же и сороковые годы признание вроде: “Все командиры перешли на сторону гайдамаков”, — могло послужить поводом для обвинений и ареста.

Не правда ли, рассказ Конева служит прекрасным комментарием для некоторых страниц романа Михаила Булгакова “Белая гвардия”.

В Киеве тяжёлый артдивизион задержался, по всей вероятности, по причине того, что летнее наступление, намечавшееся на южном участке фронта, провалилось. В основном из-за разложения, охватившего в то время армию. И дивизион, на всякий случай, чтобы сохранить хотя бы материальную часть, был оставлен в Киеве.

Вооружённое восстание в Киеве вспыхнуло вслед за восстанием в Петрограде. Власть в городе большевики захватили почти мгновенно. Но затем, 28 октября, отряд юнкеров и казаков окружил Мариинский дворец и арестовал находившийся там ревком в полном составе. Весть об этом мгновенно облетела город. Солдаты взбунтовались и атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных революционно настроенных солдат. К 14 ноября повстанцы (против Временного правительства) победили. Но тем временем Центральная Рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат, настроенных националистически. Это были гайдамаки Петлюры и так называемые “вольные казаки”. Центральная Рада декларировала образование Украинской народной республики, а себя объявила верховным органом. Начались расправы над красновардейскими отрядами. Рада не признала законности октябрьского переворота в Петрограде и власти большевиков. В начале декабря в Киеве начали разоружать красновардейские отряды и подразделения, совсем недавно подчинявшиеся Временному правительству, а теперь симпатизирующие большевикам.

Маршал Конев очень скуп и туманно пишет эту страницу своей биографии. Возможно, потому, что дивизион, в котором он в то время служил, входил в состав гвардейского кирасирского полка или был прикомандирован к нему. Полк отказался “украинизироваться”, имел несколько стычек с “местными” подразделениями и вскоре был заподозрен в подготовке восстания против Центральной Рады. Возвращаться в Россию, охваченную большевистским восстанием, гвардейцы не могли, оставаться среди враждебной среды стало невозможно, и собрание офицеров Кирасирского полка приняло решение о самороспуске. 10 декабря 1917 года был издан последний приказ (№ 343) по полку: “...Полк категорически отказался украинизироваться, что по единому решению офицеров и кирасир было бы явно недопустимым для старого русского гвардейского полка. Наша полковая Святыня — Штандарт — после отказа полка украинизироваться был заблаговременно вывезен за пределы Украины. Когда Господу Богу угодно, мы соберёмся вокруг своего Штандарта и снова станем на стражу чести нашей дорогой великой родины — России, истерзанной войной и междоусобными распрями. Соберёмся тогда все, как один, и снова будем служить так же честно, как 200 лет служили наши деды и как мы служили до сегодняшнего, последнего дня на-

шего горячо любимого родного полка, просуществовавшего 215 лет...” Последним шефом полка был император Николай II. Офицеры вскоре собрались на Дону. Они были сведены в 3-й лейб-эскадрон под командованием штаб-ротмистра Вика. В январе 1919 года полк (полковник Коссиковский), в который был включён эскадрон лейб-гвардейцев, вступил в бой. Через месяц был сильно потрепан при встрече с конницей Будённого у станицы Егорлыкской. 2 ноября 1920 года в составе полка 3-й эскадрон погрузился на транспорт “Крым” и покинул родные берега. В эмиграции объединение 3-го лейб-эскадрона насчитывало 32 человека. С приходом Гитлера к власти в Германии и началом Второй мировой войны лейб-гвардейцы вошли в Русский корпус. Но Гитлер так и не решился послать русских белогвардейцев на Восточный фронт. Конечно же, многого из этого Конев не знал. Но упоминать в анкетах название и свою, пусть даже косвенную причастность к полку, который до последних дней сохранял преданность царю, было бы безумием.

На фотографиях той поры Конев всегда с шашкой, которую носит по-кавалерийски. И рост у него был вполне гвардейский — 180 см. И русые волосы. И глаза голубые. Что было непременным условием для вступления в гвардейский Кирасирский полк. Но теперь всё это оставалось позади. И об этом не стоило напоминать никому, даже себе. Начиналась новая жизнь, более интересная и захватывающая.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИЯ НА МЕСТАХ

“... нельзя действовать грубой силой”.

Зимой 1917/18 годов бывший фейерверкер дивизиона тяжелых орудий особого назначения возвратился в родные края. На жизнь он уже смотрел иначе.

“В наших краях в то время ещё существовали земские управы, — вспоминал потом маршал Конев. — Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взялись за организацию советской власти в своей Щёткинской волости Никольского уезда. Не скажу, что всё шло гладко, но у нас было большое желание произвести революционные преобразования, и нам удалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были народ слабо подготовленный. Говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки, из “Азбуки коммунизма” под редакцией Бухарина и Преображенского”.

Запомните название этой “популярной книжки”, мы к ней ещё вернёмся, ибо именно её коммунистические постулаты отравят семейную жизнь (в первой семье), а отчасти и здоровье Конева.

В беседе с Борисом Полевым Конев вскользь признался, что, когда возвращался домой, мечтал пожить в тишине, отдохнуть. Но беспокоило и другое. Он знал, каково сейчас в деревне.

С тяжелыми и противоречивыми мыслями возвращался Конев на родину, хотя в глубине души был искренне уверен в справедливости власти большевиков, в том, что именно она принесёт народу, его землякам желанную свободу, возможность трудиться и пользоваться плодами своего труда.

Конев сошёл с поезда, огляделся. Вдохнул с облегчением, почувствовав, наконец, вокруг себя то родное, о чём давно тосковал. Забросил за спину вещмешок и зашагал по знакомому просёлку. Где-то там, в снежной тишине, за километрами, заметёнными снегами, в таких же снегах лежала его родная деревня Лодейно. Вскоре позади услышал храп лошади. Оглянулся. А из широких саней, застланных сеном, его уже окликнул подводчик:

— Садись, солдат. — Голос вроде знакомый. А может, это потому, что давно не слышал родного вологодского говорка, и вот теперь каждого встречного-поперечного готов признать за родню.

Опрокинулся в сено, и поплыли над головой облака, высокие сосны с шапками застарелого снега на могучих лапах.

— Ну, как тут живёте? Как новая власть? — спросил подводчика, которому и самому не терпелось поговорить попутчиком, тем более с солдатом.

— Что ж, живём, в долг не просим, — уклончиво ответил тот. — А что до новой власти... Она, может, и правильная. Свой брат, мужик, в волостных начальниках. Да только не крепко она на ногах стоит, эта самая советская власть. Ноги у неё дрожат.

— Это как же? С чего ей, нашей власти, дрожать? Власть народная, на своей, народной земле...

— Так-то оно так, — опять неопределённо согласился подводчик, — да только подламывают ей ноги, этой самой новой власти. Может, и ничего, устоит. А может... Так что это ещё вопрос.

— Какой вопрос? В Петрограде всё уже и решилось. Или ты не слышал? Мужик усмехнулся.

— Слышал, слышал. В Петрограде ухнуло, а у нас отозвалось... Но что из этого выйдет, ещё на воде писано. Моё дело сторона. Мне что ни поп, то батька. Моё дело крестьянское — пахать да сеять. В Питере, может, и ясно всё как божий день, а у нас края лесные, глухие... Многие на новую власть своё мнение имеют. Ты, служивый, вижу, большевик? Или агитатор?

— Да нет. Пока ещё просто сочувствующий.

— Ну, что ж, и это тоже должность. По нынешним-то временам. Только я тебе вот что скажу. Парень ты молодой. Подумай, кому сочувствовать. А лучше пока осмотришься. Там и ясно станет, сочувствовать этой власти или пока подождать.

Лошадь шла ходко. Хорошая, сытая, она легко несла широкие пошевни. Упряжь тоже добротная. Должно быть, подумал Конев, и дом у него такой же прочный, основательный, с вековым духом дедовской сосны. И хозяйство под стать. В хлевах скотина, в чулане хлеб, замороженные бараньи туши да кули намороженных на всю зиму пельменей. А город голодает...

Начал расспрашивать подводчика дальше. Но тот, оглянувшись, только покачал головой:

— Здорово ж тебе, служивый, агитаторы голову заклумили. Вот скоро приедешь в своё Лодейно и сам всё увидишь.

Увидел. Услышал. Стал больше понимать, что столица — это одно. Там — сила. Там и на штыках власть можно поднять и удержать. А тут...

Дома обнял отца, няню Клаву. Заметил, как они оба постарели. Родня радовалась его возвращению. Особенно сестра Мария. Когда дядюшка Григорий вышел из комнаты при всём своём параде, Иван невольно ахнул: у того на груди сияли боевым серебром четыре Георгиевских креста. В душе позавидовал ему. Не пришлось Коневу повоевать за Отечество и отличиться в настоящем деле. А Григорий — настоящий герой! Только что-то глаз у дядюшки невесел...

Коневы жили дружно, большой семьёй. Затопили баню. Когда разделись, Иван увидел на исхудавшем теле дядюшки свежие, ещё не побелевшие шрамы. А тот, перехватив его взгляд, сказал:

— Вот мои кресты, Ваня. Тут их, как видишь, больше. — И вдруг спросил: — Ты у нас человек образованный. Вон сколько книжек привёз. Скажи, за что мы воевали?

— Боюсь, что война ещё не окончена.

Отец слушал их молча. Смотрел на сына, вспоминал себя в его годы. Но на душе было невесело. Новая власть слабая. Ни в волости, ни в уезде порядка нет. Всяк норовит на свой интерес полоза поставить... Но молодые своё будущее волят связать именно с ней, с новой властью, склоняются к большевикам. Наслушался Иван армейских агитаторов, начитался газет...

Как в воду смотрел Степан Иванович Конев. Утром сын встал ещё затемно. Побросал в свой солдатский вещмешок ещё сырое, а вечера выстиранное заботливой Клавдией бельё, связал шпагатом нужные книжки и, дождавшись первого же подводчика, ехавшего по Никольскому большаку, отправился в уездный город.

В Никольске солдат, который хорошо разбирался в текущей политике и правильно мыслил по поводу роли и места в этой политике партии большевиков, дали поручение: подобрать надёжных людей в Щёткинской волости, избрать там исполнительный комитет. И Иван Конев кинулся в новую для себя работу. Вскоре он с другими земляками, разделявшими его взгляды, в основном бывшими солдатами, побывал во всех деревнях и сёлах, переговорил с людьми. Созвали волостной съезд, избрали исполком. Время безвластия на родине заканчивалось. Его землякам тоже хотелось поскорее навести порядок, вот только не знали ещё крестьяне, какой он будет, этот большевистский порядок.

Маршал Конев вспоминал: “Затем меня избрали делегатом на уездный съезд Советов, где я был избран в уездный Исполнительный комитет и оставлен в городе Никольске на постоянную работу. Никольский уезд был очень большой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье. Но мы выявляли в волостях актив: солдат, вернувшихся с фронта, представителей передовой интеллигенции, которые примкнули к большевикам...”

В 1918 году в Никольске, во многом по инициативе Ивана Конева, был создан “боевой революционный отряд”. Конева назначили его начальником. Всю жизнь в своём архиве он будет хранить дорогую его сердцу юношескую фотографию: первый состав того революционного отряда. На фотографии молодые никольцы, почти театральные нарочитые позы, обнажённые шашки, винтовки с примкнутыми штыками и револьверы в руках, у ног пулемёт “гочкис” на станке с заправленной лентой. В лицах уверенность, энтузиазм. Они ещё не знали, что впереди их ждёт жестокая война, кровавая междоусобная битва, с которой не все вернутся домой, в родной уезд и милые сердцу деревни и сёла.

“Отрядов Красной гвардии тогда не было, — вспоминал маршал Конев. — Красной армии тогда ещё не существовало, а вооружённая сила была необходима, нужны были надёжные люди, которые были бы способны продолжать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали своё отношение к революции конкретными делами. На первых порах в отряде было двадцать пять человек, а в последующем — около ста человек. С этим отрядом я выехал в волости. Чутьё мне подсказывало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой — ведь многие из восставших ещё не разобрались, что за события произошли в России, что такое революция”.

1918 год для Советской России был годом смут и трагедий. Весной активизировали свою работу в деревне левые эсеры. Борьба за наркомат земледелия в правительстве молодой Советской России между большевиками и левыми эсерами, которые возглавляли Наркомзем и не желали его уступать, вылился в противостояние на местах.

Некоторые военные историки и публицисты, касаясь биографии Конева периода его комиссарской юности в родном Никольске, говорят о его работе в “военной комиссии, ответственной за продразвёрстку и борьбу с кулачеством”. На самом деле из публикаций об этом периоде жизни и деятельности будущего маршала невозможно совершенно определённо сказать, что же входило в его обязанности как военного комиссара Никольского уезда. Продотрядником Конев не был. Он не отнимал “излишки” хлеба у своих земляков, поскольку продразвёрстка была введена советской властью позже, в начале января 1919 года “в критических условиях гражданской войны и разрухи”. Но ещё в марте 1917 года Временное правительство ввело хлебную монополию, предполагавшую передачу всего урожая хлеба за вычетом установленных норм потребления на личные и хозяйственные нужды. “Хлебная монополия” была затем подтверждена Декретом Совета народных комиссаров от 19 мая 1918 года.

В уездах по всей России началась борьба с “мешочничеством”, то есть со спекулянтами хлебом. В условиях, когда цены на продовольствие устанавливали чиновники, а инфляция рубля приобретала катастрофические разме-

ры, крестьяне склонны были придерживать хлеб. Известно, что когда рубль нестабилен, народ начинает приобретать валюту. Самой твёрдой валютой в 1918 году стал хлеб. Свободная торговля советскими законами запрещалась. Продовольственные управы на первых порах не справлялись с потоком поступающего из деревень хлеба, кассы не имели денег, чтобы расплатиться со сдатчиками. Крестьяне почувствовали себя обманутыми новой властью и начали продавать действительные излишки хлеба и вообще продовольствия перекупщикам и мешочникам. Как заметил один из отечественных историков, исследователь периода первой русской революции: “Поднималась волна русского мешочничества”. По набитому тракту от Котельнича на Великий Устюг и далее на Сольвычегодск, к северным землям Архангельской губернии потянулись обозы и одиночные повозки новых ушкуйников, промышленявших незаконной куплей-продажей хлеба. В тот год родилась поговорка: плохо с хлебом, зато хорошо с голодом. И голод в некоторых губерниях начался. Новая власть поняла, что она на грани катастрофы. Именно в этот период местные органы власти организуют отряды так называемых “легионов свободы” или “голодной гвардии”, которые изымали у спекулянтов припрятанные до лучших времён или вывозимые за пределы губернии или уезда партии зерна. Ситуацию подхлестнула в сторону её катастрофического обострения активизация левых эсеров. Справедливости ради стоит заметить, что именно продовольственная программа левых эсеров, которые считались большими знатоками крестьянского вопроса и которые в первый период революции были едины с большевиками, предложили идею “хлебной монополии”, а затем её реализовывали по всей стране.

В Никольске же в то время существовала и ещё одна серьёзная проблема. Наряду с новыми органами власти параллельно продолжала существовать и зачастую реально заправляла делами старая земская управа. В земстве заседали сторонники прежнего режима и гнули в свою сторону. Как говорится, бог своё, а чёрт своё. Хотя где бог, а где чёрт, мы, размышляя о том времени и исследуя его, страницу за страницей, до сих пор не можем разобраться.

Весной 1918 года Конев был принят на должность уездного военного комиссара Никольского уезда Вологодской губернии. Земляк маршала Геннадий Михайлович Пинаев вспоминал: “Иван Степанович в унтер-офицерской школе получил специальность артиллериста-вычислителя, поэтому умел пользоваться угломерными инструментами. Вот он и решил вдвоём с помощником под видом уездного землемера провести личную разведку и установить силы и расположение бунтующих. Так на тарантасе они объехали эти волости, выяснили, что активных бунтарей мало, поддержки населения нет, поэтому открывать боевые действия нет необходимости, достаточно лишь арестовать зачинщиков. Что и было затем сделано. Меня в этой истории поразил тот факт, что двадцатилетний комиссар, имеющий в своём распоряжении сотню солдат и два пулемёта “максим”, не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнём и мечом защищающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошёл в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, кажется, кровопролитие. В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры...”

Но не всё было так безоблачно. Эсеры, активно действовавшие в волостях, в основном среди зажиточных крестьян и хозяев, в базарные дни присылали в Никольск своих агитаторов и эмиссаров, распространяли листовки, подстрекали народ к неповиновению новой власти, к срыву запланированных мероприятий, в том числе поставок продовольствия городу. В листовках недвусмысленно угрожали: скоро, мол, возьмём власть, а эту развешаем на фонарях... Отряд Конева действовал. Но пулемёты пока молчали. Даже когда случался повод открыть огонь, чтобы сломить волну и наглость противника. Противника юный комиссар видел, но им был его земляк, вологодский мужик. Нет, не сразу заполыхала по русской земле эта кровавая метель — брат на брата. Не сразу...

Как рассказывает военный историк Григорий Макаров, “весной 1918 года в деревне Дурово Конев был сильно избит крестьянами и чудом спасся, вывезенный из деревни товарищами по команде, вынужденными крестья-

нами к отступлению”. Если это и так, то в драке Конев был безоружным, а это означает, что он пытался договориться с местными без кровопролития. В любом случае перед нами встаёт из прошлого не жестокий продотрядник, хладнокровно выгребаящий у крестьян последние зерна пшеницы, а человек, наделённый властью и употребляющий свою власть с искренним желанием наладить в уезде новую, справедливую жизнь.

В это же время, весной 1918 года, Конева приняли в РКП(б). Очевидно, именно в этот период он окончательно решил связать свою судьбу с новой властью, со строительством в молодой Советской Республике вооружённых сил, новой армии. Вступление в партию большевиков стало серьёзным, глубоко осмысленным шагом к осуществлению мечты.

Летом 1918 года Иван Конев поехал в Москву. Его избрали делегатом на V Всероссийский съезд Советов. Вместе с ним на съезд ехал и ещё один делегат — уездный агроном от партии левых эсеров. Это характеризовало расклад сил, существовавший на тот период в политической жизни Никольского уезда Вологодской области. Любопытны впечатления Конева, которые он вынес из той поездки в Москву: “Мне помнится выступление на съезде одного из лидеров левых эсеров, Марии Спиридоновой. Нужно прямо сказать, оратор она была неплохой, говорила здорово. В чём только она не обвиняла большевиков, как только не клеймила Ленина. Вся наша фракция большевиков была возмущена её речью. Мы шумели, не давали ей говорить... Я наблюдал, как держал себя Ленин. Он сидел с краю за столом президиума и был совершенно спокоен. Иногда улыбался, покачивал головой, когда она бросала явно клеветнические обвинения. (...) 6 июля левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти... Когда мы утром пришли на заседание, Большой театр был оцеплен войсками. У входа стояли латышские стрелки и несколько броневиков. Мы выходили на заседание большевистской фракции через сцену, а надо сказать, что сцена Большого театра — это такой лабиринт, что, не зная там всех переходов и выходов, трудно оттуда выбраться, поэтому на всех поворотах стояли наши товарищи — члены большевистской фракции и, указывая путь, говорили: “Немедленно отправляйтесь на заседание фракции в здание Коммунистического университета — на Большой Дмитровке”. И мы — бегом по Петровке на Большую Дмитровку. Заседание вёл М. И. Калинин. Михаил Иванович обрисовал обстановку, сложившуюся в результате выступления левых эсеров, сообщил о том, что убит немецкий посол, блокирован Кремль, что идёт борьба за московский почтамт, а под конец сообщил о том, что решением Центрального Комитета вся фракция большевистской партии съезда, партийная организация Москвы, весь рабочий класс столицы мобилизованы на разгром контрреволюционного мятежа левых эсеров”.

Воспоминания маршала прекрасно передают атмосферу того периода русской революции, когда чаша весов вдруг заколебалась и почва, казалось, начала уходить из-под ног у большевиков.

“Мне было поручено охранять Каланчёвскую площадь, теперешнюю Комсомольскую, три вокзала, с тем чтобы воспрепятствовать подходу враждебных мятежных сил в Москву. Задача эта была почётной и ответственной, но сил для её выполнения у меня было мало: всего два станковых пулемёта и максимум человек сорок бойцов. Впрочем, мы выполнили задачу довольно успешно.

На V съезде Советов была принята первая Конституция Советской России, показавшая всему миру, куда большевики ведут народ. Тогда же было принято решение создать регулярную Красную Армию для защиты молодой Республики Советов. Я уже сказал, что мы, солдаты-фронтовики, теоретически не были сильны, но у нас за плечами был тяжёлый опыт войны, и классово чутьём мы поняли значение принятой Конституции, умом и сердцем поверили, что правда там, где Ленин, где партия большевиков”.

Вернувшись из Москвы в родной Никольский уезд, уже без своего компаньона — “уездного агронома от партии левых эсеров”, Конев уже твёрдо знал, кто враг новой власти, в которой он искренне видел власть рабочих и крестьян, на что способен этот враг и как с ним надо бороться.

Вслед за мятежом левых эсеров в Москве, словно по мановению дирижёрской палочки в хорошо вышколенном оркестре, вспыхивают восстания против большевиков в Ярославле, Петрограде, Витебске, Жиздре, Симбирске, Казани, сотнях уездных городов и посёлков. Одновременно активизирует свои действия чехословацкий корпус. Теперь чехословаки повсюду, где они в это время находятся (эшелоны растянуты от Самары до Владивостока), открыто, с оружием в руках выступают против советской власти. При этом союзниками их становятся все, кто против большевиков — от социалистов-революционеров до монархистов. Страны Антанты после подписания Советской Россией “похабного” (В. И. Ленин), но объективно необходимого молодому государству Брестского мира, фактически утратили столько выгодного в войне против Германии союзника и, более того, обнаружили вдруг в Советской России нового союзника Германии. Некоторые историки и публицисты склонны рассматривать эсеровский мятеж как тщательно спланированную акцию. Эсер Блюмкин, “человек Троцкого” или, как его ещё называют в некоторых публикациях, “агент по особым поручениям Троцкого”, убивает германского посла фон Мирбаха, и этот кровавый акт мгновенно ввергает Россию в кровавую мировую бойню. Возникают сразу несколько фронтов, внешних и внутренних.

В этих непонятных и до сей поры смутных хитросплетениях международной и внутренней политики Иван Конев и сотни тысяч таких Иванов — вятских, вологодских, смоленских, самарских и калужских, были простыми солдатами, которые, как любой солдат, в трудную для своего Отечества минуту вынуждены были взять в руки оружие и идти драться за свою свободу, за волю, за землю, за всё то, что только-только было обещано им, их семьям и всему народу. Они защищали то, что только-только обретали, а потому дрались за свою химеру с особой яростью.

Конев вспоминает: “...Враги Советской власти, белогвардейцы и английские интервенты высадились в Архангельске и начали продвигаться по северной Двине к югу, — уезд был объявлен на осадном положении”.

Как военком довольно обширного и многолюдного уезда, Конев тут же получил соответствующие инструкции и приступил к формированию коммунистических отрядов. “Эта работа проходила тоже не без трудностей. Иногда доходило до того, что, пробравшись, скажем, на уездный пересыльный пункт или сборно-пересыльный пункт, левозеровские пропагандисты, а также анархисты организовывали провокационные выступления. Они заявляли: “Хватит, повоевали! Пора передохнуть!” В связи с острой необходимостью организовать оборону уезда, а также чтобы предотвратить выход английских интервентов и белогвардейцев на его территорию, мы одну за другой проводили партийные мобилизации”.

Но его влекло то, что он уже почувствовал и полюбил. Конев рвался к воинской службе. Он уже тогда знал, что родной Никольск в той дороге, которую он выбрал, всего лишь небольшой полустанок с короткой стоянкой в несколько минут.

Глава четвёртая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

“И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат...”

В то время Никольский уезд отошёл к Северо-Двинской губернии, поэтому своё желание убить на фронт с ближайшей же отправлявшейся командой Конев должен был решать с губернским военным комиссаром. Северодвинцы формировали и пополняли Шестую, северную армию. Но в это время жаркие бои шли на востоке — в Ярославле и на Урале. Ещё весной 1918 года был создан Ярославский военный округ. В него входили Владимирская, Костромская, Нижегородская, Петроградская, Псковская, Тверская и

Ярославская губернии. Военным комиссаром Ярославского округа стал М. В. Фрунзе. Именно ему Конев подаёт рапорт с просьбой отправить на фронт в составе первой же команды. Окружной комиссар, прочитав рапорт настойчивого уездного комиссара, решил познакомиться с ним лично. Вскоре состоялась встреча Конева и Фрунзе.

Бравый вид русоволосого, высокого и стройного комиссара из глубинки, его армейская выправка, отточенные движения и точные лаконичные ответы не могли не подтолкнуть Фрунзе к мысли о том, что такие сейчас нужнее на фронте, в действующих войсках, а не в тылу.

— Ну что же, пойдёте на фронт, если так настаиваете, — ответил Фрунзе, не отходя от карты, на которую были нанесены условные обозначения, красные и синие стрелки, указывающие очаги восстания, направления ударов и передвижение войск. — Смотрите, сколько их теперь, фронтов. И везде нужны военные люди, преданные революции.

Конев стоял неподвижно, время от времени поглядывая на карту. Фрунзе перехватил его взгляд. Спросил:

— А военную карту читать умеете?

— Так точно, — с готовностью ответил Конев.

— Очень хорошо. Думаю, что на фронт вы попадёте очень скоро. Формируйте отряд земляков. С ним и поедете. Командуйте. Я понимаю вашу жажду и разделяю её. Желаю удачи. — И Фрунзе пожал Коневу руку.

В эти дни Конев познакомился с секретарём губкома Дмитрием Фурмановым. Вскоре судьба, а точнее, революционная необходимость пошлёт на фронт и его. Фурманов станет комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политотдела Туркестанского фронта, комиссаром Красного десанта на Кубани. А потом, когда гражданская война утихнет, уйдёт в литературу, в творчество, напишет свои знаменитые книги “Чапаев” и “Мятеж”, которые встанут в один ряд с такими советскими шедеврами, как “Железный поток” Александра Серафимовича и “Как закалялась сталь” Николая Островского. Вспоминая Фурманова спустя многие годы, Конев скажет: “Дмитрий был одним из тех, кому хотелось подражать”. Должно быть, знакомство и общение с Фурмановым окончательно сформировала в представлении Конева то, каким должен быть комиссар.

На защиту новой власти из многих внутренних губерний и уездных городов России ехали тысячи добровольцев и бойцов, подлежащих призыву. Ехали со своими отрядами и три уездных военных комиссара: будущий герой гражданской войны легендарный В. И. Чапаев и два будущих маршала СССР — К. А. Мерецков и И. С. Конев. Двоих последних судьба ещё сведёт.

Вначале Конев попал в Сольвычегодск. Но вскоре его всё же направили на Восточный фронт, в Третью армию. Дали маршевую роту. Рота заняла оборону близ Вятки. Первое наступление Верховного правителя Сибири адмирала Колчака к тому времени было отбито. Но белогвардейские части, вооружённые и экипированные англичанами, казаки, поддерживавшие мятеж, эсеры и прочие партии и всяческие ватаги неясного происхождения, выступившие против большевиков, проводили перегруппировку своих сил, накапливались перед фронтом, чтобы на этот раз прорвать красную оборону и хлынуть в столицу и крупные города центра России.

“Там меня сразу назначили в артиллерию, в запасную батарею Третьей армии. Эта запасная батарея, — рассказывал впоследствии Конев, — по теперешним понятиям была больше, чем полк. В ней числилось около двух тысяч солдат и командиров, имелась большая партийная организация, около 200 коммунистов. Вскоре меня выбрали секретарём. Я почувствовал, что здесь меня могут опять задержать, поэтому, отправившись в политотдел с докладом о состоянии партийной организации и о задачах коммунистов батареи, решил снова проситься на фронт. Мне были предложены сразу три назначения: комиссаром артиллерийского полка, комиссаром пехотного полка и комиссаром бронепоезда. Причём было сказано, что политотдел предпочёл бы, чтобы я пошёл комиссаром бронепоезда, потому что бронепоезда в условиях гражданской войны являлись большой ударной и маневренной силой. Их роль была особенно велика в наступлении.

Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев — народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не особенно сплочённый. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой”.

“По части дисциплины” красногвардейцы, особенно на первых порах, сильно уступали своим неприятелям. Что же касалось матросов-балтийцев, то это была особая каста военных. Оставшись без кораблей (многие из них на палубу никогда и не ступали, а попали в водоворот событий из тыловых частей и учебных команд), эти вольные люди революции, не привязанные ни к земле, ни к родине, где бы им какой-нибудь подводчик из земляков мог заронить в душу свои сомнения и свою печаль о жите-бытье, исполняли любую работу, которая могла бы служить “делу революции”. На пехотных командиров “главный костяк революционного Петрограда” посматривал свысока, а на комиссаров с недоверием. Как правило, у матросов были свои вожаки. Но юному комиссару Коневу, во многом благодаря своей армейской подтянутости, уму и постоянству удалось сплотить команду бронепоезда, подтянуть дисциплину, прекратить пьянки и вольности, наладить боевую и политическую учёбу. А начал Конев свою комиссарскую работу с... личной гигиены стрелков и артиллеристов бронепоезда. День, армейский распорядок во всей его последовательности, предусмотренной уставом, начинался с умывания. Так вот, первой заботой Конева стало то, чтобы вся команда, без исключения, умывалась и чистила зубы. Вольным людям революции, уставшим от пьянства и стрельбы, это комиссарское нововведение понравилось.

Бронепоезд № 102 относился к типу лёгких бронепоездов, но название носил достаточно увесистое — “Грозный”. Три вагона, обшитых стальными листами различной толщины, паровоз, обеспеченный такой же защитой, артиллерийская башня. Вооружение и оснастку имел соответствующую своему типу: две бронеплощадки; на каждой из них по 4 короткоствольных 76.2 мм пушки образца 1902 г. и 12 бортовых пулемётов “максим”; кроме того, одно орудие в башне, обеспеченной поворотным механизмом, так что оно могло вести огонь под любым углом; вагон-канцелярия, вагон-клуб и вагон для личного состава. Экипаж бронепоезда состоял из взвода управления, взводов броневагонов и башенных стрелков, а также отделений бортовых пулемётов, взвода тяги и вагонов. Толщина брони колебалась от 10 до 15 мм. Бронепоезд, в зависимости от необходимости и поставленной боевой задачи, мог цеплять по нескольку пустых платформ, на каждой из которых помещалась стрелковая рота десанта. На одной заправке мог двигаться до 120 км при максимальной скорости 45 км/час. В качестве паровозного топлива использовались уголь, мазут или дрова. Учитывая то, что гражданская война, особенно начальный её период, была схваткой на дорогах или, вернее, за дороги, за основные коммуникации, по которым перебрасывались войска, боеприпасы и хлеб, бронепоезда играли подчас исключительную, даже решающую роль.

Командовал бронепоездом С. Н. Иванов, бывший морской офицер. Так же, как и комиссар, он был артиллеристом. В кронштадтской крепости командовал одной из артиллерийских батарей.

Из воспоминаний маршала Конева: “Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулемётов, врвался на станцию, прокладывая путь огнём, а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населёнными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьёзной преградой. Всё же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули — по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бой не только с белогвардейцами атамана Семёнова, но и с японскими самураями. И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н. А. Каландаришвили. Бывший ссыльный революционер Каландаришвили

был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семёнова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гонгота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было принимать ответственное решение — бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гонгота была взята”.

События, о которых вспоминал маршал Конев, относились к апрелю 1920 года. Народно-революционная армия Дальневосточной республики и отряды красных партизан дрались с Дальневосточной армией (забайкальские казаки генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова и белогвардейские подразделения бывшей армии Колчака). К тому времени на фронте сложилось такое положение, когда Дальневосточная армия, занимая крупные города и ключевые железнодорожные станции Чита, Карымская, Сретенск, Нерчинск, опасно разделяла Дальневосточную республику на две части. Для того чтобы пробить “читинскую пробку”, войска Дальневосточной республики провели несколько операций. Та, о которой рассказывает Конев, была первой. Потому и запомнилась Коневу.

Осенью войска Народно-революционной армии ДВР, наконец, дожали Дальневосточную армию в Забайкалье. Белые испытывали нехватку оружия и боеприпасов. В октябре 1920 года начали эвакуацию в Приморье. Там находилась их база снабжения. Бои продолжались до конца октября, в ходе которых войска ДВР и отряды красных партизан заняли станцию Даурия. Забайкалье стало частью Дальневосточной советской республики.

Именно в этот период у комиссара бронепоезда Конева вспыхнул и озарил его жизнь новым смыслом яркий роман с Анной Волошиной. Конев любил всем сердцем, и ему тогда казалось, что то, что у него происходило с Анной — на всю жизнь.

Анна Ефимовна Волошина родилась 30 августа 1901 года в селе Торчин Каменец-Подольской губернии. Для Ивана Конева встреча с Анной было первым сильным чувством. Для Анны нет. У неё уже была семья. До революции она работала в услужении в господском доме. Там у неё произошёл роман с хозяином. Родила от него дочь. Вихрь гражданской войны всколыхнул все основы, и то, что вчера казалось незыблемым и вечным, в один миг оказалось обесцененным. Земля, недвижимость, накопленное богатство... Всё казалось ненужным прахом перед валом наступающих частей красновардейцев и партизан. Новая власть оказалась неприемлемой для тех, кто до революции имел всё. И эта часть русских людей, в своё время не ушедших вместе с отступающей Дальневосточной армией, вскоре начала покидать родину. Уезжали в основном в Харбин, в Китай.

Китайский Харбин был в то время русским городом. Он и основан был русскими в 1898 году как посад при железнодорожной станции Трансманьчжурской магистрали. Старые кварталы до сих пор носят черты архитектуры, типичные для уездных городов старорусской Сибири. Наряду с китайской в городе существовала и русская администрация. До революции в Харбине размещалась штаб-квартира Заамурского пограничного корпуса пограничной стражи Министерства финансов. В 1917 году в городе проживало более 100 000 человек, из них 40 000 русских. После Октябрьской революции Харбин начал наводняться эмигрантами из Советской России, которые по разным причинам бежали от новой власти, — дворяне, чиновники, офицеры. Затем начался новый поток — белогвардейцы и казаки из разбитых частей Дальневосточной армии. В 1924 году в Харбине проживало около 100 000 русских. Впоследствии многие из них уезжали в Европу или Америку.

Кем был тот, кто стал первым мужем Анны Волошиной, неизвестно. Может, чиновник. Может, офицер. Может, из купеческого сословия. Из семей-

ных преданий известно только, что, уезжая в Харбин, он умолял ехать с ним и Анну, которую страстно любил. Но сердце её, как писали в старых романах, уже принадлежало другому. Избранником её стал комиссар бронепоезда “Грозный”. Ехать за границу Анна отказалась. Не остановило её и то, что отец забирал с собой их дочь Варвару. Впоследствии Анна Ефимовна пыталась разыскать свою дочь, но поиски результата не дали. Ходили слухи, что первый её муж перебрался в Америку и Варвару увёз с собой.

В книге “Маршал Конев — мой отец” Наталия Ивановна Конева пишет: “Никто не знает подробностей этой любовной истории, известно лишь, что Анна заслушивалась пылкими речами молодого комиссара, высокого, русоволосого, с яркими голубыми глазами. Вокруг него всегда люди, он умеет их выслушать и готов оказать помощь. Анне он кажется очень образованным, начитанным. Не осталась незамеченной и его физическая сила: на воскресниках легко таскает тяжести, видно, привык это делать в родном краю, где и крестьянствовал, и сплавливал лес, и работал в Архангельском порту. Романтический герой, да и только. Впоследствии она как-то сказала: “Он — мой Бронский”. (...) В 1921 году отец заболел тифом, болел очень тяжело, целый месяц провалялся в госпитале, ну а Анна выхаживала его, отпаивала клюквенным морсом, приносила домашнюю еду — и выходила, спасла. Он был ей страшно благодарен и решил, что, когда поправится, будет просить её стать его женой. Анна была привлекательной девушкой — энергичной, обаятельной”.

Семейную жизнь Коневы строили в соответствии с новой моралью, которая не предполагала обязательной регистрации брака. Кроме того, как известно, всякая революция — это расшатывание сложившихся веками устоев семьи, отношений между мужем и женой, их взаимных обязательств. “Азбука коммунизма” Бухарина и Преображенского внушала молодёжи той поры свободу в семейных отношениях, вольно раскрепощала женщину, в том числе и от многих обязательств по отношению к мужу и детям. Анне “Азбука...” новой жизни очень понравилась. Конев, воспитанный в рамках старой культуры и впитавший в подсознание иные отношения между мужем и женой, где основой основ была верность, преданность мужу, вскоре понял, что “любовная лодка”, да что там любовная — семейная, даёт течь. С годами эта течь увеличивалась и сделалась необратимой. В конце концов, семья распадётся. Как всегда бывает в таких случаях, трудно искать причины, а тем более, первопричины разлада. Молодой командир не мог достаточно времени уделять молодой красавице-жене, а Анна Ефимовна, натура артистическая, утончённая, не могла в достаточной степени посвятить себя домашним заботам и мужу.

В 1921 году Конев возвращается в Забайкалье, теперь уже на должность комиссара 2-й бригады 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии. Дивизия усиленно готовилась к боям. Но с нею Коневу в бой пойти не довелось. В феврале того же 1921 года он срочно вызван в Верхнеудинск и получил новое назначение — комиссаром стрелковой дивизии. А буквально через несколько дней он уже ехал в пассажирском вагоне в Москву. Паровоз тащил состав по местности, освобождённой от чехословаков, колчаковцев и белоказацких отрядов. В нагрудном кармане красноармейской гимнастёрки Конева лежала выписка из протокола партийной конференции о том, что он, комиссар 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии, избран делегатом X съезда РКП(б) и командирован в Москву. Соседом по купе оказался комиссар партизанской бригады и тоже делегат съезда Александр Бульга. Почти месяц тащил до столицы их состав неторопливый паровоз. В пути комиссары подружились. Спустя годы Конев прочитает роман Александра Фадеева “Разгром” и на фотографии автора узнает своего друга-дальневосточника. Как оказалось, Бульга — это партизанская кличка Александра Фадеева.

“Оба мы были молоды, — вспоминал маршал Конев о первой встрече с Фадеевым на страницах своих мемуаров (“Сорок пятый”). — Мне шёл двадцать четвёртый, ему — двадцатый, симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товари-

щеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде”.

Они не раз ещё встретятся. В самое тяжёлое время битвы за Москву Фадеев придет на Калининский фронт вместе с группой писателей. Вскоре в московских газетах появятся его очерки, рассказывающие о том, как дерутся войска генерала Конева. Они не раз будут встречаться и на войне, и после войны. В том числе и на премьерных спектаклях МХАТа, восхищаться игрой несравненной Ангелины Степановой, жены Фадеева.

А тогда, в 1921-м, они попали сперва не на съезд, а снова на войну. За несколько дней до открытия X съезда большевистской партии в Кронштадте, главной базе Балтийского флота, вспыхнул мятеж. Мятежные матросы, солдаты гарнизона и примкнувшее к ним население военного городка выдвигали в основном экономические требования. Не доверяя большевикам, они выбросили лозунг: “Власть Советам, а не партиям!”

Первый штурм был отбит. Во втором штурме приняли участие делегаты только что открывшегося в Москве X съезда РКП(б). Среди них были комиссары Конев и Фадеев. Конев, как артиллерист, во время штурма находился на косе Лисий Нос, где была установлена батарея тяжёлых орудий. Орудия вели огонь по крепости, поддерживая атаку ударного коммунистического батальона, в котором было много делегатов съезда. Большая часть восставших погибла. Около 8 000 ушли по льду в Финляндию. Остальные сдались и ответили за всех: 2 103 были расстреляны. Репрессии органов ЧК в отношении участников мятежа были очень жестокими. Потери среди штурмовавших крепость тоже оказались большими. Сейчас в Санкт-Петербурге рядом с Троицким собором Александро-Невской лавры находится братская могила, на плите надпись: “Памяти жертв Кронштадтского мятежа. 1921”.

После возвращения из Москвы Конев был снова направлен на Дальний Восток, но теперь уже на должность комиссара штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Штаб НРА ДВР находился в Чите. Летом 1921 года в должность командующего войсками ДВР вступил В. К. Блюхер.

В этот период Блюхер со своим штабом пытается сформировать из разрозненных подразделений Красной Армии и партизанских отрядов регулярные части, которые смогли бы решать любые тактические задачи на поле боя. В первую очередь необходимо было выстроить централизованно, систему подчинения, где всё могло управляться единой волей и из единого штаба. Для этого в первую очередь необходимо было ликвидировать партизанщину, при которой каждый командир партизанского отряда оставался и батькой, и атаманом, и верховной властью. Доклад, с которым выступил в июне 1921 года Блюхер, прекрасно характеризует не только ситуацию, существовавшую в тот период в НРА ДВР, но и самого Блюхера. Вот краткие выдержки из него: “В расплывшемся болоте штабов почти отсутствуют работники, преданные интересам революции. Должности заняты опытными, прекрасно подготовленными техническими специалистами, по оценке своей почти исключительно принадлежащими к группе... бывших офицеров кашпелевских и семёновских частей. В армию они пошли ввиду своего безвыходного положения... При материальной необеспеченности и отсутствии идейной связи с армией они являются богатым материалом для японского шпионажа”. И далее: “Необходимы строгие меры... чтобы армия не разлагалась и могла оказаться боеспособной”.

Герой гражданской войны, отличившийся во время сражения на Перекопе и во многих других боях, кавалер ордена Красного Знамени № 1 Василий Константинович Блюхер был незаурядной личностью, обладавшей высокими качествами командира и организатора. Он в короткие сроки с помощью своего штаба и преданных командиров сумел создать боеспособную армию. Вскоре на её основе был сформирован Приморский военный округ.

Летом 1921 года обстановка на Дальнем Востоке начала накаляться. Активизировались отряды казаков генерала Семёнова, возобновили свои претензии японцы, а с юга начала вторжение орда барона фон Унгерна.

Фон Унгерн-Штернберг со своей Конно-Азиатской дивизией, состоящей из монголов, казаков, белогвардейцев, бурят, татар, башкир, японцев и ещё

десяти языков, пересёк границу ДВР и начал опустошать русские сёла и станции, двигаясь вдоль железной дороги. Этот поход действительно чем-то напоминал набег древних монголов, которые предавали огню и мечу всё, что попадало под копыта их коней.

Блюхер предпринял несколько атак на летучие отряды Конно-Азиатской дивизии “нового Чингисхана”. Сам “Цаган-Бурхан” (Бог Войны) в одной из схваток был ранен. В августе в стане Унгерна вспыхнул мятеж. Монголы, боготворившие его, предали своего предводителя. Они связали его и бросили в палатке, а сами ускакали в разные стороны, чтобы он не догнал и не покарал их. Через несколько часов Унгерн был схвачен красноармейцами.

“Забайкальского крестоносца” судили показательно-шумно, по записке самого Ленина, приказавшего расстрелять его в любом случае. Главным обвинителем на процессе, состоявшемся в Новониколаевске (ныне Новосибирск), был Е. Ярославский-Губельман. Во время суда обвинитель, должно быть, желая подчеркнуть чуждое пролетариату происхождение барона, неосторожно спросил его: “Чем отличился ваш род на русской службе?” — “Семьдесят два убитых на войне”, — ответил подсудимый. На суде, так же, как и во время допросов, Унгерн вёл себя с величайшим достоинством и хладнокровием, уже зная свой исход. В тот же день суд приговорил его к расстрелу. Приговор привёл в исполнение председатель Сибирской ЧК И. Павлуновский, собственноручно. Перед расстрелом фон Унгерн-Штернберг зубами сломал на мелкие кусочки Георгиевский крест, который всё время носил на груди, и проглотил его.

Конно-Азиатская дивизия как боевое подразделение перестало существовать, хотя остатки его ещё долго беспокоили большевиков. Некоторые отряды ушли в Приморье.

В феврале 1922 года Народно-революционная армия под командованием В. К. Блюхера атаковала укрепленные позиции белогвардейцев у станции Волочаевка. Генерал Молчанов, командовавший обороной белых, называл свой укрепрайон “Дальневосточным Верденом”, считая его неприступным. Вспоминая последние, решающие бои на Дальнем Востоке, маршал Конев тепло отзывался о бывшем своём командующем: “Блюхер был замечательный организатор. Он объединил усилия своих красноармейских частей с усилиями партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, преодолел элементы партизанщины, анархии, сконцентрировал всё, чтобы добиться поставленной цели. Авторитет Блюхера был непререкаем. (Не напрасно японский военный атташе в Москве капитан Коотани в своём секретном докладе 1937 года написал о Блюхере: “...в нынешнем положении он царёк Дальнего Востока”. Нарком внутренних дел Ежов тут же представил текст доклада Коотани Сталину. Тот внимательно его прочитал и сделал карандашные пометки там, где атташе писал о командующем Особой Краснознамённой Дальневосточной армией. Вообще Конев в своих характеристиках, которые он давал тому или иному персонажу нашей истории из числа тех, с кем сводила его жизнь, служба и войны, был довольно комплиментарен. Об отрицательных сторонах характера и о поступках — осторожные намёки для посвящённых, и только. Что ж, порой и этого достаточно. — С. М.) Его отличительной чертой была способность охватить обстановку на Дальнем Востоке в целом: и оперативные-тактические детали, и конкретные задачи, решение которых ведёт к победе. Это особенно проявилось в знаменитом штурме Волочаевска. Близ станции Волочаевка есть высоты, возвышающиеся над окружающей местностью. Блюхер правильно оценил, что эти высоты — “шверпункт” операции: пока их не возьмёшь, не овладеешь станцией Волочаевка. Оценив обстановку, изучив противника, Блюхер умело спланировал операцию, тщательно, скрупулёзно её готовил, выбирал момент удара, знал, каким полком, под чьим командованием, какие задачи ставить. Операция под Волочаевкой — это, если хотите, операция прорыва сильно укрепленной обороны противника, и здесь Блюхеру помог датский опыт Первой мировой войны и опыт штурма Перекопа. Высоты под Волочаевкой были взяты двусторонним штурмом красноармейцев и партизан, которые продвигались по снегу, в мороз, под ожесточенным огнём белогвардейцев. Сблизились с

ними до рукопашного боя и разгромили. (...) Весь Дальний Восток был освобождён от белогвардейцев и интервентов. Ленин обратился с приветственной телеграммой к рабочим и крестьянам освобождённых областей и городов Владивостока. Мне выпала честь зачитать эту телеграмму Ильича на съезде. Помню, как японский представитель в ДВР демонстративно поднялся и ушёл со съезда, поняв, что японцам на советском Дальнем Востоке не быть. Вспоминая сейчас то время, видишь наше прошлое ещё более значительным”.

Эта цитата — прекрасная характеристика самого Конева, иллюстрация того, как умел он видеть в человеке главное и ценить его за это, опуская второстепенное, на что, по большому счёту, действительно можно закрыть глаза. И ещё: Конеv всегда был военным, и не просто военным, а полководцем; даже в воспоминаниях он без конца проигрывал в уме те или иные войсковые операции и умел восхищаться блеском маневра не только своих учителей, безусловных военных авторитетов, но и своих учеников и подчинённых. В мемуарах “Сорок пятый” и “Записках командующего...” мы находим много тёплых слов в адрес командующего 3-й танковой армией генерала П. С. Рыбалко, командующего 21-й армией генерала Д. Н. Гусева, командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. К. Баранова, командира 4-го гвардейского танкового корпуса генерала П. П. Полубурова, командующего 60-й армией генерала П. А. Курочкина. Некоторые из этих генералов сейчас уже совершенно забыты. А ведь было в нашей истории время, когда их именно произносились с восхищением и благодарностью, потому что они олицетворяли новые победы. Маршал Конеv с глубочайшим уважением отзывался о своих боевых товарищах и до конца жизни не изменил своего отношения к ним. Они были и остались верными генералами, солдатами, которые исполняли его приказания настолько, насколько простиралась его командирские и человеческие надежды на них и позволяла обстановка. Он умел гордиться ими, как гордятся собственными подвигами. Но всё это будет потом...

В октябре 1922 года НРА ДВР вошла во Владивосток. А через месяц Народное собрание ДВР приняло решение о добровольном вхождении республики в состав Советской России. Президиум ВЦИК тут же ратифицировал это соглашение — Дальний Восток стал нераздельной частью РСФСР.

Вольно или невольнo, красный командир Василий Константинович Блюхер, его штаб, командиры дивизий, полков, командиры партизанских отрядов и комиссары, а также рядовые бойцы Красной Армии, для нашей истории стали теми людьми, кто сохранил Дальний Восток для России.

За всеми действиями белогвардейских формирований, за каждым серьёзным шагом казачьих формирований атамана Семёнова и Земской рати барона Дитерихса, особенно на последнем этапе сражений в Приморье, явно просматривались иностранные интересы, в особенности Японии.

Японские войска вступили в пределы Советской России в апреле 1918 года, заняли Владивосток и по Транссибирской магистрали гарнизоны обосновались в Верхнеудинске, Хабаровске, Имане. Выбиты были в 1921 году. А с островов Северного Сахалина ушли только 1925 году.

Вместе с японцами во Владивосток вошли англичане. Ушли в 1920 году.

Канадцы в апреле 1921 года высадились на о. Врангеля. Хозяйничали ровно два года.

Войска США по Транссибирской магистрали гарнизоны стояли от Владивостока, через Верхнеудинск и Иман до Мысовска. Сохранились фотографии, где доблестные янки в стальных шлемах браво маршируют по булыжной мостовой Владивостока под звёздно-полосатыми знамёнами. Кроме того, с сентября 1921 года по август 1924 года американцы пребывали на о. Врангеля. На Чукотку их влекли дешёвая пушнина и золото. Золото там можно было добывать открытым способом и в очень больших количествах.

Франция ввела свои войска во Владивосток в августе 1918 года вместе с США. Вместе с американцами в 1920 году они отсюда и ушли.

Эвакуация войск вовсе не означает эвакуацию интересов. Там, откуда уходят солдаты, остаются различные эмиссары, агентурная разведка.

В семейном архиве Конеvых хранится старая папка с надписью “1923 г., Никольск-Уссурийск”. В папке собраны собственные записи, выписки из

прочитанных книг. В ней то, что казалось комиссару Коневу главным в военном строительстве. В тот год он был назначен военкомом 17-го Приморского стрелкового корпуса, который дислоцировался на Дальнем Востоке. До корпуса сразу после бронепоезда была бригада, потом 2-я Верхнеудинская дивизия, откуда его перевели на должность комиссара штаба Народно-революционной армии ДВР. В то время армией командовал Василий Константинович Блюхер. Какие же мысли и какие идеи волновали тогда, в начале двадцатых годов, комиссара Конева?

“Взамен технической подготовки я выдвигаю усовершенствование сердца, потому что ведь не пушки и не ружья сражаются, а человек” (Полковник французской армии Кардр).

“Переживаемая эпоха характеризуется наибольшим обострением классовых противоречий внутри страны и вовне — борьбой между сильными государствами за рынки, владение колониями, господство над морями. Эти обострения временно сглаживаются, заглушаются, но неминуемо повлекут за собой величайшие потрясения, взрыв новых войн”.

“Групповая тактика и применение автоматического оружия, с его массовым и разрушительным действием, требуют большой военной выучки, самостоятельности, полного самообладания, моральной устойчивости и готовности бороться за идею советской власти...”

“...значение имеет в мирное время дисциплина, порядок в повседневном укладе: вовремя подъём, выход на занятия, вовремя сон, отдых в обед. Нужно рационально использовать свои силы и приучать солдат к сознательному автоматизму привычек, выносливости всех походных тягот и соблюдению дисциплины в бою”.

“Строй, конечно, не должен являться воспроизведением старых печальных традиций плацпарадности. Строем мы занимаемся и теперь, и не без увлечения. Строй нами понимается не как механическая, самодовлеющая форма, оторванная от общей воспитательной работы. Этот взгляд должен быть изменён. Строй должен иметь воспитательное значение: постоянное разумное упражнение в сомкнутом строю, в равнении, в приёмах, он вырабатывает точность и правильность движений, напряжённость внимания, чувство времени, но, кроме того, он, что важнее, вырабатывает умение, когда нужно, ограничивать свою волю, согласовывать свои движения и действия с движениями и действиями товарищей; он вырабатывает чувство локтя, единства, без которого не может быть коллективного действия. Стройным должен быть не только строй, вся военная жизнь насквозь должна быть проникнута стройностью”.

“Взаимоотношения начальника и подчинённого должны покоиться целиком на основе единства целей, долга и товарищества. Тут важную роль играет принцип, положенный начальником на основу взаимоотношений с подчинённым. Прежде всего, не должны нарушаться права красноармейца как гражданина. Нужно устранить пережитки старого, принесённого в Красную Армию в форме денщицества и личного использования солдат. Это есть яркий образчик нарушения прав гражданина. Нужно добавить, что в этом вопросе у нас нет особенно чёткой линии: наши отношения являют крайности, с одной стороны — грубость, цуканье, с другой — панибратство и фамильярность, всё это отражается на внутреннем единстве в части и на дисциплине. Необходима искренность, простота в обращении, способность вовремя прийти на помощь солдату советом и делом (ибо кому больше дано, с того больше спросится); важен личный пример выдержанности и дисциплинированности. Напротив, афиширование и дешёвая популярность, бьющая на внешний эффект, послабления, демонстрация своего рвения перед подчинёнными, желание выставить себя покровителем и защитником там, где это выгодно, вот что должно жёстко изгоняться из взаимоотношений начальников и подчинённых в рядах Красной Армии”.

Любопытно в этих записках то, что Конев по-прежнему называет своих подчинённых “солдатами”, а не “красноармейцами” или “бойцами Красной Армии”. Это слово в применении к рядовому красноармейцу вернётся в армию в 1943 году с возвращением погон и георгиевской ленты.

Многие странички “Военного дневника”, как называет листки из папки 1923 года дочь маршала Наталия Ивановна Конева, посвящены прочитанным книгам. Размышления о тех впечатлениях, которые оставили только что прочитанный роман или специальная книга о военном искусстве. Мысль о том, что “культура избавляет от рабства”, засела в голове комиссара Конева настолько, что он повторяет её в нескольких местах. “Обучить красноармейца грамоте, расширить его общеобразовательный кругозор, что достигается школьными и внешкольными занятиями, клубной кружковой работой, которые призваны развивать навыки самостоятельности, самотворчества, поднять культурный уровень, избавить от вековых предрассудков, как то: невежества и раблепства”.

В этих записках сконцентрированы те чаяния и мечты поколения 20-х, с которыми они ходили в бой и шли к людям в часы мирной учёбы. Маршал К. К. Рокоссовский, который, как известно, в эти годы командовал кавалерийским полком и воевал в тех же местах, в разговоре со своим боевым товарищем и другом генералом П. И. Батовым, касаясь темы мемуаров, однажды сказал: “Очень хотелось написать воспоминания о гражданской войне, сожалею, что не успел... Ничего мне так не хотелось, как написать о гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!”

Маршал Конев тоже не оставил мемуаров о гражданской войне, и теперь биографы и историки собирают его историю периода гражданской войны по крупицам, по отдельным фрагментам. В основном это чьи-то свидетельства, которые нуждаются в документальной перепроверке и уточнениях. Но, думается, что и он о том периоде своей жизни думал примерно то же, что и Рокоссовский.

“...красноармейцу недостаточно знать про Керзона, надо приобщить его к культурному быту, научить бережному отношению к народному достоянию и опрятности. С этой целью с помощью шефов заготовить для красноармейцев сапожные щётки, мазь для сапог, зубные щётки и порошок, носовые платки”.

“Нужно вести работу над общим образованием красноармейцев для того, чтобы общим образованием закреплялась политработа, а то красноармеец знает про политику, но не знает явлений природы, в этом случае политика может быстро улетучиться из его головы. Для того, чтобы ликвидировать культурную отсталость в армии, можно привлечь шефов. В армию необходимо присылать преподавателей-естественников, математиков, географов, предоставлять учебные пособия и книги, приглашать артистические труппы”.

Можно предположить, что во время одной из поездок к шефам Конев и познакомился с будущей своей женой Анной Волошиной.

В 1923 году, 1 мая, у Коневых родилась дочь. Назвали её Тамарой. Но, поскольку девочка родилась не просто в мае, а 1 Мая, в День Международной солидарности трудящихся, то, в соответствии со святыми тех времён, в повседневной жизни в семье её больше называли Майей. А когда пришла пора оформлять метрики, то со слов родителей урождённую Тамару вписали Майей. Майя Ивановна Конева проживёт очень яркую жизнь, всегда будет тянуться душой к отцу и ненадолго переживёт его. Обо всём этом будет рассказано в своё время.

Глава пятая

КОМАНДИР

“Полководец начинается в полку”.

В 1924 году, когда Конев служил начальником политотдела и комиссаром 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, произошло его знакомство с командующим войсками Московского военного округа прославленным конником, героем гражданской войны К. Е. Ворошиловым. В штабе Московского военного округа проводилось совещание, на котором обсуждалась проблема

введения в Красной Армии единоначалия. Идею единоначалия предложил Центральному комитету РКП(б) М. В. Фрунзе, который в то время занимал должность заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, а с апреля одновременно начальника штаба Красной Армии и начальника Военной Академии. На совещании Конев выступил по очень актуальной в тот период теме, касающейся повышения дисциплины, а также организации и порядка перехода армейских подразделений к нормальной боевой и политической подготовки в мирный период. Ворошилову очень понравилось выступление комиссара Конева. После выступления он подошёл к нему и сказал:

— Ты, оказывается, комиссар со строевой жилкой. Как ты думаешь, если нам перевести тебя на командную работу?

— Не возражаю, — ответил Конев.

Ворошилов, конечно же, заметил, какой радостью вспыхнули глаза комиссара.

— Предварительно пошлём на курсы высшего командного состава при Военной Академии, а там... Там — как сам себя покажешь.

— Не возражаю.

Вот что об этом периоде своей жизни рассказывал сам Конев: «В 1925 году я был уже на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной Академии, готовивших командиров Красной Армии.

На эти курсы прибыло немало боевых комиссаров — участников гражданской войны, в том числе П. С. Рыбалко, будущий танковый командарм, Логинов, который во время Отечественной войны был у меня заместителем по тылу на Северо-Западном фронте, и ряд других товарищей.

Ещё на Дальнем Востоке в штабе армии и корпуса я учился у бывшего полковника Генерального штаба русской армии Андриана Андриановича Школина. Это был замечательный человек, он, офицер царской армии, ещё до революции был большевиком. Сидел в царской тюрьме, в Александровском центральном, и только революция освободила его. (Революция дала маршалу Коневу и его поколению, выходцам из народа, всё. Поэтому вряд ли стоит, цитируя его, приглушать тот пафос, который окрашивает в совершенно определённый цвет его воспоминания. — С. М.) В последующем он партизанил на Дальнем Востоке. На Дальнем Востоке в период, когда командовал там В. К. Блюхер, начальником его штаба был Токаревский, старый генштабист, — на ВАКе он сказан преподавателем группы артиллерии. Партия привлекла к обучению красных командиров не только близких нам бывших офицеров, которые уже служили в Красной Армии, но и тех, кто принял Октябрьскую революцию не сразу. В академии лекции по тактике отлично читал профессор А. И. Верховский¹, бывший военный министр в правительстве Керенского; интересные и полезные были лекции по стратегии профессора А. А. Свечина² — он был начальником информационного отдела ставки Николая II, генштабистом. Я учился в группе профессора Лигнау — большого знатока пехоты.

Учился я отлично. Взял всё, что один год мог мне дать”.

Учился будущий маршал, победитель Манштейна, Шернера и других полководцев Третьего рейха, действительно блестяще. С жаром. С азартом. Командовать подразделением — это не агитировать за самый справедливый в мире строй и не прививать бойцам правила гигиены. Здесь требовалось иное искусство, которое создавалось веками, кровью побеждённых и восторгом победителей.

После успешного окончания Курсов усовершенствования высшего командного состава (КУВНАС) при Военной Академии им. М. В. Фрунзе Конев назначили командиром стрелкового полка. Вернее, он сам попросился на

¹ Верховский Александр Иванович (1886–1938) — русский и советский военный деятель. Генерал-майор (1917). Комбриг (1936).

² Свечин Александр Андреевич (1878–1938) — русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда “Стратегия”. Комдив.

полк. По сути дела, сделав такой выбор, он вынужден был пойти на понижение. Снял с петлиц ромбы, прикрепил шпалы. Сохранилась фотография середины 30-х, где Конев, командир 50-го стрелкового полка 17-й Нижегородской дивизии. Ему чуть больше тридцати пяти. Красивое лицо с правильными чертами, светлые глаза. В петлицах три шпалы. Всё ещё впереди.

— Полководец, — подчёркивал Иван Степанович, — начинается в полку. И как жалеют потом те, кто когда-то этой истиной пренебрёг. Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну, а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя.

В 17-й стрелковой Нижегородской дивизии Конев получил тот самый полк, в котором служил комиссаром. И командовал им пять лет.

Конев и его поколение, к счастью для Советской России, успело научиться у генералов и полковников старой русской армии многому. Их, *бывших*, расстреляют в 1937/38 годах. А в двадцатые и начале тридцатых годов они ещё преподавали в военно-учебных заведениях Красной армии. Они владели военной наукой, той наукой, какой добывали свои победы Суворов, Кутузов, Румянцев, Багратион, и будучи талантливymi педагогами и наставниками, знали, как её привить лучшей части красных командиров. В конце концов, кроме Красной, другой русской армии в России не существовало.

Много лет спустя, уже без Сталина, маршал Конев в беседе с Константином Симоновым о репрессиях тридцатых годов будет говорить с горечью. А о своих учителях — с восхищением. Но не скажет, как они погибли. За плечами уже будет жизнь, наполненная романтикой гражданской войны (и с нею не хотелось расставаться), победами в Великой Отечественной войне, послевоенной службой, сложной, в которой чисто военное дело, армейская работа тесно переплетались с политикой. Прошлое настигало. Но в нём виделось больше хорошего. Потому что служил он Родине, забывая порою и о семье, и о собственных нуждах и здоровье.

Поколение маршала Конева, Рокоссовского, Жукова было особенным поколением. Конечно, если бы в кровавой смуте двадцатых и тридцатых годов сгнули и они, то армиями и фронтами под Смоленском, Москвой и на Курском выступе командовали бы другие полководцы. И кто-нибудь другой не хуже Рокоссовского провёл бы Сталинградское сражение. И кто-нибудь другой, а не Жуков, но с той же непреклонной волей, граничащей с жестокостью к собственным войскам, отогнал бы немцев от Москвы. И кто-нибудь другой, а не Конев, так же блестяще завершил бы Яско-Кишинёвскую операцию, задушив в огромном “котле” колоссальную по численности и вооружению группировку противника. Но судьба выбрала в качестве избранных их.

А он, Маршал, понимал: расстрелянных уже не вернуть. Так же, как и погибших на полях сражений. Лежали они в разных могилах. Над одними стоялиobelisks, к ним носили цветы. Над другими шумели, колосились травы забвения. И это жгло душу. Но говорить об этом было не принято. Да и не хотелось.

...Год учёбы в Москве пролетел как одно мгновение. То, что Конев слышал на лекциях, преломлялось в его сознании через опыт боёв, тех или иных операций, участниками которых ему довелось быть. Строгий аналитик, он снова и снова прокручивал память-киноплёнку, на которой были запечатлены и эпизоды смелых рейдов их бронепоезда, и белогвардейские контратаки, и гибель товарищей, и неожиданные решения командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера, его многоходовый маневр, который всегда приносил успех.

И вот — снова войска. Полк. Маршал Конев размышлял: “Полк учит, полк воспитывает, полк по-настоящему готовит кадры. Комполка — организатор боя, он обязан правильно использовать артиллерию, полностью и до отказа дать огонь, а не штык, использовать танки, использовать поддержку сапёров и даже авиацию, запросив решения высших инстанций. Он хозяин на поле боя, в организации боя. Вот кто такой командир полка, вот почему я с большим желанием пошёл на эту должность. Командовал полком пять лет. Многие говорили, что “засиделся”, предлагали всякого рода должности, намекали, иногда даже иронизировали... Я учил полк и учился у полка. Про-

водил занятия сам, очень сложные, продолжающиеся непрерывно днём и ночью, с выходом в поле, с отрывом от базы, учил полк маршам и походам, боевой стрельбе и тактике, взаимодействию...”

Основным пулемётом стрелкового полка в то время был станковый пулемёт “максим”. И однажды Конев вдруг понял, что недостаточно полно владеет тактико-техническими данными этого вида оружия. И вот, когда жизнь в палаточном городке замирала и службу несли только дозоры, комполка пригласил к себе в штабную палатку начальника боепитания. Пригласил не одного, а... с пулемётом. Бывший офицер Русской армии, опытный оружейник, тот быстро ввёл командира полка в курс дела. Ночи напролёт они разбирали и собирали “максим”, обсуждали его боевые характеристики. Не раз выезжали на стрельбище. Во время первых же инспекторских стрельб комполка сам лёг в пулемётный окоп, заправил ленту в приёмник и выполнил задачу на “отлично”.

Войсками Московского военного округа, в который входили все войсковые подразделения, дислоцированные в Нижнем Новгороде и окрестностях, а значит, и 17-я стрелковая дивизия с 50-м полком Конева, командовал в тот период И. П. Уборевич. Впервые они познакомились ещё на Дальнем Востоке. Вообще, надо заметить, дальневосточники, оказавшись потом волею судьбы в других округах, легко сходились, дружили и в любом случае чувствовали нечто большее, чем просто служба. Потом, во время Великой Отечественной войны, дальневосточные корни тоже давали о себе знать. Берлин и Прагу маршал Конев будет штурмовать с дальневосточниками — генералами Рыбалко и Курочкиным.

Уборевич сразу выделил из массы командиров комполка Конева. Всегда подтянутый, аккуратный в одежде и службе, он привлекал к себе внимание командующего округом тем, что и полк его отличался прекрасной выучкой. Надо заметить, что Конев обладал и ещё одним даром, который всегда ценился в войсках и, пожалуй, ценится до сего времени. Он умел подать и себя, и свою работу, и боевую выучку своих подчинённых из числа командиров и бойцов. Что ж, ему было что и кого подавать. Это качество, которое, впрочем, он никогда не ставил впереди дела, он приобрёл в комиссарские годы.

В 1932 году город Нижний Новгород был переименован в Горький — в честь первого пролетарского писателя, которого очень уважал и любил Сталин. Название Нижегородская исчезло из наименования 17-й стрелковой дивизии. Какое-то время её пытались именовать Горьковской, но новое название не прижилось.

В тот же год Конев снова отбыл в Москву для продолжения образования.

Дочь маршала Наталия Ивановна бережно хранит среди прочего записи отца, сделанные им в дни учёбы, в тот самый период, когда он взахлёб слушал лекции Шапошникова, Свечина, Верховского, Лигнау. Вот некоторые фрагменты этих записей.

“Ныне действующей Академии Генерального штаба тогда ещё не было, и высший комсостав осваивал сложные проблемы вождения войск в Особой группе Академии им. Фрунзе.

(...) у нас к тому времени уже складывались собственные взгляды, определялись методы практического решения боевых задач. Новое в теории зарождалось не только в академии, но и в войсках, на опытных учениях и маневрах.

Мы изучали и разрабатывали вопросы глубокого боя и глубокой операции. Это была принципиально новая теория вождения массовых, технически оснащённых армий.

В ходе глубокой операции решались задачи прорыва обороны противника с одновременным ударом на всю её тактическую глубину, взлом фронта противника и немедленный ввод эшелона подвижных войск — танковых, механизированных корпусов для развития тактического успеха в успех оперативный”.

Здесь мы прервём записи маршала и, нарушив хронологию, вновь перенесёмся в 41-й и последующие годы Великой Отечественной войны. В июле 41-го, командуя 19-й армией, Конев станет свидетелем того, как захлебнутся

глубокие прорывы танковых корпусов в обороне немцев, усиленной короткими контрударами. Командуя войсками Западного и Калининского фронтов, он будет отражать удары танковых и моторизованных клиньев фельдмаршала фон Бока и генерала Моделя. И многому у них научится. Уже в 43-м под Белгородом и Харьковом он проведёт одну из своих самых блестящих операций, а потом, в 44-м и 45-м, доведёт тактику глубокого маневра на охват противника до совершенства. В каждом из сражений будет участвовать всё большее количество войск и вооружения, техники и иных ресурсов войны, и каждое из них будет завершаться всё большим поражением войск противника и захватом многочисленных трофеев и пленных.

Записи маршала Конева: “По этим проблемам высказывались Тухачевский, Шапошников, Триандафиллов, — мы осознавали, что будущая война будет войной моторов.

(...) настрой на учёбу был глубоко характерен для военной академии. Он чувствовался а аудиториях, где негромко звучали оценки обстановки, отдавались приказы, и шумно проявлялся в перерывах между занятиями, в коридорах, в яростных спорах о том, как лучше обороняться, как лучше нанести удар. Думаю, что слушатели многих поколений сейчас тепло улыбнутся, вспомнив вечный вопрос о том, каким флангом бить”.

Конев пишет о своих однокашниках, но нюхавших пороха, с мягкой иронией. Можно его понять. Он и те, кто вернулся с фронтов гражданской войны, в лекциях преподавателей, в каждом их слове видели несколько иное. Теорию управления войсками они слушали примерно так, как в бою слушают приказ: прошлое и будущее мгновенно сопрягалось, выдавая картинку наиболее вероятного. Вот почему им, слушателям другой, Особой группы, так не терпелось вновь оказаться в войсках, в родной стихии, где на практике, в поле, на рельефе, применить то бесценное, что они впитали здесь, в аудиториях со слов преподавателей, из книг, которых раньше не знали, из журнальных публикаций, где обобщался опыт не только тех боёв, участниками которых совсем недавно были они сами, но и вся история войн.

“В Особой группе внешне всё выглядело иначе, — писал маршал Конев, — спокойней, солидней, значительней, но хорошо помню, что за сдержанностью скрывался накал страстей: сильные, умудрённые войнами люди, склонившись над картами, решали военную задачу с таким напряжением ума, точно в этом весь смысл бытия”.

Конев дал очень точный психологический рисунок той особой атмосферы, царившей в Особой группе. Можно предположить, что во время этих занятий приобретали не только курсанты, но и преподаватели. И, конечно же, учились друг у друга. “Склонившись над картами”, они, конечно же, мысленно “перевоёвывали” те боевые операции, которые совсем недавно разрабатывали или непосредственно выполняли во главе отрядов, полков, дивизий и дивизионов.

С ним же происходило то, что и с многими крестьянскими детьми, перед которыми открылись массивные двери аудиторий. Он вошёл в неё скромно, не топя сапогами, но с достоинством командира, уже имевшего немалый боевой опыт. И налёг на учёбу с таким прилежанием, с такой жадностью, что по окончании курса получил предложение остаться на преподавательской работе.

“...с признательностью вспоминаю Бориса Михайловича по личному поводу. После моего доклада о Мартовской операции 1918 года профессор военной истории Коленковский рекомендовал командованию оставить меня преподавателем академии. Всегда внимательный, Шапошников после моих настоятельных просьб и доводов согласился, что моё место — в строю, хотя я очень люблю историю”, — так об этом вспоминал сам Маршал.

Забегая вперёд на десятилетия, стоит заметить, что история всё же любила Конева. Он не оказался среди забытых. Ведь память истории, а уж тем более людская память — категория куда как тонкая, прихотливая.

Именно тогда, в конце тридцатых, в Особой группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в самый канун войны, будущий маршал твёрдо уяснил одну из главных заповедей полководца: каждая операция должна глу-

боко и всестороннее прорабатываться, каждым маневр войск должен иметь мотивировку и просчитываться на несколько шагов, а также обеспечиваться маневром других родов войск и тылами. Однажды Б. М. Шапошников на очередном занятии по тактике обронил: “Не вытряхивайте свои дивизии из рукава, реально рассчитывайте марши. Ваши солдаты идут ночью, в осеннее время, вы этого не учитываете и не представляете себе, какими придут войска к полю боя...” Конев тут же записал эту мысль и запомнил её на всю жизнь. И всю войну потом поверял ею свои действия. И тому же учил подчинённых. Ох как непросто будет овладеть этой теорией на практике! Какими колоссальными потерями будет оплачен опыт 41-го и 42-го годов! Но молодые маршалы и генералы Сталина всё-таки освою науку побеждать и переиграют опытных фельдмаршалов Гитлера в самой жестокой, самой масштабной и кровопролитной и самой маневренной войне XX века.

Глава шестая

РАССТРЕЛЫ. 37-Й ГОД И ДРУГИЕ

“После 37-го года Сталин приглядывался к оставшимся кадрам и брал на заметку людей, на которых собирался делать ставку в будущей войне”.

После выпуска из академии Конев направлен в Белорусский военный округ. Его назначают на дивизию. 37-я стрелковая. Она была расквартирована в Речице. Именно с ней Конев участвовал в Белорусских маневрах 1936 года и получил высокую оценку командующего войсками округа И. П. Уборевича. В феврале 1965 года в беседе с Константином Симоновым Конев признается, что в Белорусский военный округ его “забрал” Уборевич.

Дивизия Конева в составе “синих” стояла в обороне. “Эта оборона была многополосной, глубоко эшелонированной, — вспоминал маршал, — с системой траншей, ярко выраженными батальонными районами и противотанковой системой огня. Это было новое. Система противотанкового огня была организована и на переднем крае, и в тактической зоне обороны, и по всей оперативной глубине”.

Именно тогда, строя оборону с противотанковыми рубежами, Конев, как он рассказывал потом Константину Симонову, отказался от “принятого тогда метода рыть одиночные ячейки и организовал целый укрепленный район с отрытием траншей и ходов сообщения, с возможностью полного маневрирования внутри этого района, не поднимая головы выше уровня земли”.

— Мы оборудовали такой командный пункт, — не без гордости вспоминал те учения маршал Конев, — что на него приводили потом тогдашнего начальника штаба французской армии генерала Гамелена. Генерал был в группе иностранных наблюдателей. И вот пришёл генерал Гамелен и осматривал образцовый командный пункт. КП французам понравился. Понравилось и то, как командир дивизии расположил и обустроил боевые линии своих полков.

Первую правительственную награду — орден Красной Звезды — Конев получил в августе 1936 года. Без войны. За прекрасную боевую выучку введенного ему боевого подразделения. Но пора тишины иссякала. В воздухе всё явственней пахло войной.

Ровно через пять лет, почти в этих же местах Коневу придётся, уже не на учениях, стоять в обороне против танков генерала Гота, который считался одним из лучших танковых генералов вермахта. Вот когда вспомнилось знаменитое суворовское: тяжело в ученье... Но тяжело оказалось и в бою.

Командующий округа И. П. Уборевич явно симпатизировал молодому и перспективному комдиву, называл его: “Суворов”. Хорошее образование, ярко выраженная командирская жилка, здоровые народные корни, что в те годы было немаловажно. Вскоре Уборевич перевёл перспективного комдива на 2-ю Белорусскую дивизию. Дивизия считалась, как сейчас говорят, элитной.

“Это была особая дивизия, — признавался и сам Конев, — на положении гвардейской. Она была лучше других экипирована, полностью укомплектована, на всех учениях, маневрах и парадах всегда представляла Белорусский военный округ. К тому же 2-я Белорусская дивизия находилась на главном, минском, оперативном направлении”. Понятно, что Уборевич хотел иметь во главе такой дивизии хорошего и надёжного командира.

В это время Конев отрабатывает со своими полками взаимодействие с танковыми частями. Стрельбы — только боевыми патронами и снарядами. Характерно следующее: учились в основном наступательному бою, к обороне практически не готовились. Ни обороняться, ни отступить не собирались. Этого требовала тогдашняя военная доктрина. Бить, как тогда говорили, врага на его территории и малыми силами. Очень скоро Красная Армия будет пожинать горькие и катастрофические плоды этой доктрины на бескрайних полях сражений и поражений 1941 года. За первые пять месяцев войны наши потери были огромными.

В те дни, когда Конев водил по белорусским полигонам свою 2-ю стрелковую дивизию, в Минске и окрестностях квартировал кавалерийский корпус, которым командовал другой будущий маршал будущей великой войны — Георгий Константинович Жуков. Одновременно Жуков занимал должность начальника минского гарнизона.

Конева и Жукова связывали непростые отношения. Но попробую предположить, что осложнялись они больше окружением того и другого, а затем, в качестве второй волны, историками и публицистами, вольно рассуждающими о войне, а заодно и о сложностях взаимоотношений главных её действующих лиц.

Вспоминая белорусский период предвоенной службы, Конев, к примеру, сказал буквально следующее: “...наши добрые отношения завязались во времена, когда мы вместе служили в Белорусском военном округе”. О том же, как развивались взаимоотношения этих двух полководцев, которым суждено будет стать маршалами, бравшими в 45-м Берлин, мы ещё поговорим, и не раз.

В июле 1937 года, когда политическая атмосфера в стране была накалена до предела и при этом источник высокой температуры *был обнаружен* именно в войсках, Конева прямо с партийной конференции Белорусского военного округа вызвали к телефону — срочно прибыть в Москву к наркому обороны К. Е. Ворошилову.

У Конева с наркомом были хорошие, деловые отношения. Благодаря Ворошилову он теперь занимался любимым делом, потихоньку, не спеша, но последовательно, с ощущением твёрдой почвы под ногами, осваивал военную науку и теории и на полигонах, одновременно поднимался по служебной лестнице. Не ловчил, не обходил трудности по мелководью да вброд, всё давало поётм и постоянной кропотливой работой, работой и работой. Идеи партии принимал, борьбу её понимал. О том, что считал неправильным, помалкивал. На партийных собраниях вёл себя так, как подобает командиру, горячих на слово обрывал, хорошо понимая, чем это может кончиться.

И вот — звонок. Из Москвы. От наркома. Что он мог означать?

А означать он мог в то время всё что угодно.

Ещё весной, 29 мая, по “делу Тухачевского” был арестован командарм 1-го ранга И. П. Уборевич. Вместе с ним другие военачальники РККА: командиры А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна, командарм 1-го ранга И. Э. Якир. 11 июня Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе В. В. Ульриха, маршалов Советского Союза В. К. Блюхера и С. М. Будённого, командармов Я. И. Алксниса, Б. М. Шапошникова, И. П. Белова, П. Е. Дыбенко и Н. Д. Каширина рассмотрело дело о военно-фашистском заговоре и приговорило его участников к расстрелу. Газеты тех дней пестрили заголовками и информационными сообщениями о ходе следствия и новых показаниях заговорщиков. “Военно-политический заговор против советской власти, стимулированный и финансируемый германскими фашистами”. “Органами

Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии”. Однажды ему попала в руки довольно популярная тогда “Литературная газета”: “И вот страна знает о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путны, Корка, Фельдмана...” В конце коллективного письма известных писателей, инженеров человеческих душ, негодующее: “Мы требуем расстрела шпионов!” Конев пробежал длинный список подписавших: Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Фадеев, Федин, Алексей Толстой, Павленко... Завёрстанное рядом такое же негодующее письмо ленинградских писателей: Слонимского, Зошенко...

Шпионов расстреляли на следующий же день после обнаружения приговора, то есть 12 июня. Но газеты *требовали* казни ещё неделю. Белорусским военным округом командовал командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов. Во время судебных слушаний Белов находился в зале заседания в качестве члена Военного совета при наркомате обороны. Позже, когда Конев был уже за тысячи километров от Минска, на Дальнем Востоке, до него дошли слухи, что командующий округа крайне неосторожно повёл себя на заседании Военного Совета 21 ноября 1937 года: заявил, что чистка, проводимая в войсках среди комсостава, отрицательно сказывается на ходе боевой и политической подготовки, что многие части практически парализованы.

Слухи оказались верными. Ивана Панфиловича Белова, что называется, прорвало: он заявил, что “было много перестраховочных представлений, было много слухов, когда люди сводили счёты, когда принимали за врага не того, кого надо. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД”. Герою гражданской войны, бывшему главкому Туркестанской республики и командующему Бухарской группой войск РККА, вероятно, простили бы и “перестраховочные представления”, и “слухи”, и то, что “принимали за врага не того, кого надо”, но последняя фраза, сказанная им в запале об “органах НКВД”, погубила Белова. Позже, уже в январе 1938 года, Конев узнает, что командарм 1-го ранга Белов арестован. История с Уборевичем повторится. Белова расстреляют 29 июня 1938 года.

И вот — звонок из Москвы. Так брали многих. Чтобы не будоражить войска и семьи, не поднимать шум в гарнизонах, командармов, комкоров и комбригов вызывали в Москву, а там, на вокзале, их ждали машины с вежливыми офицерами сопровождения...

На всякий случай Конев спросил о цели вызова и... что иметь с собой.

— Обо всём узнаете на месте. Захватите с собой пару белья. Больше ничего.

Семья в то время жила с ним в Минске. Пришёл домой, сказал жене о срочном вызове в Москву. Анна Ефимовна сразу побледнела. Конев решил тему не развивать, но, уезжая, попрощался так, как если бы уезжал навсегда.

Внучка маршала Конева Анна, вспоминая семейные предания, рассказывала мне зимой 2010 года:

— Бабушка говорила, что в те дни дед спал с пистолетом под подушкой. Чтобы успеть застрелиться, если придут за ним...

Глава седьмая

КОМАНДИР ОСОБОГО “МОНГОЛЬСКОГО” ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

“Есть выход, товарищ Сталин!”

В Москве на Белорусском вокзале его уже ждала машина. Конев сразу взглянул на фуражку, на петлицы и вздохнул с облегчением: это был человек из секретариата К.Е. Ворошилова. Но, поздоровавшись, на всякий случай спросил:

— Куда едем?

— В Наркомат, — коротко ответил тот.

В Наркомате его тут же проводили к Ворошилову. О том, что было потом, пусть расскажет сам Конев: “После выяснения ряда вопросов К. Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Дальний Восток. Я ответил, что знаю, воевал там, прошёл до Владивостока включительно. Знаю ли я Монголию? Ответил, что Монголию немного знаю: наша 2-я Верхнеудинская дивизия находилась на границе с Монголией и Маньчжурией, когда там развёртывались бои за освобождение Забайкалья от банд Семёнова, я хорошо представляю себе весь район, особенно восточную часть Монголии, её бескрайние степи, характер её местности. К тому же 2-я Верхнеудинская дивизия принимала участие в ликвидации банд Дитерихса. Ворошилов тогда сказал: “Нам нужно послать в Монголию представителя — советником при Монгольской Народной Армии. Как вы смотрите, если мы вас назначим на эту должность? Справитесь ли вы с ней?”

Для меня, разумеется, этот вопрос был неожиданным, но я сразу понял, что отказываться не имею права, и заявил: “Справлюсь, товарищ Народный комиссар, я согласен на это назначение”.

Ворошилов был в высшей степени удовлетворён таким ответом, и у него вырвался реплика: “А говорят, что у нас нет кадров! Очень хорошо, товарищ Конев, что вы сразу согласились поехать в Монголию и выполнить это ответственное поручение. Сегодня состоится заседание Политбюро. Я доложу на Политбюро о вашем согласии, и вопрос о вашем отъезде будет окончательно решён”.

Примечательный эпизод. Он характеризует многое. И степень оперативности в принятии тех или иных государственных решений. И ту готовность командиров РККА выполнить порученное. И то, какое место при этом занимала личная жизнь и личные интересы. Конечно, Конев, услышав от Ворошилова такое предложение, мгновенно понял, что его звёздный час настал, что это не простое повышение, а то, которое, в случае если он выполнит порученное ему задание, не просто благоприятно повлияет на всё его будущее, а определит его. Так и произошло. И так потом, на протяжении всей службы в войсках, Конев, получая приказ любой сложности, будет по-солдатски отвечать: “Есть”. Так будет под Москвой осенью 41-го, так будет в 45-м южнее Берлина, а затем, уже после войны, маршал Конев без долгих размышлений и колебаний отправится в Венгрию (1956 год), в Берлин (1961 год), чтобы исправить ошибки, допущенные политиками и дипломатами.

Конев: “Действительно, вечером состоялось решение Политбюро о моём назначении. Меня известили, что в Монголию вместе со мной едет делегация. После этого сообщения я был вызван в кремль к Сталину с тем, чтобы получить от него личные указания в связи с предстоящей командировкой. Сталин объяснил обстановку, складывающуюся в Монголии. Он сказал, что в связи с наступлением японцев в Маньчжурии и их подготовлен и план захвата Монгольской Народной Республики, а задача советских войск — не допустить захвата Монголии японскими войсками, не допустить выхода японцев к границам Советского Союза в районе озера Байкал и не дать им перерезать нашу дальневосточную магистраль. Далее мне было сказано, что согласно договору о дружбе между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом поставить вопрос об опасной угрозе, нависшей над Монголией, и о готовности Советского Союза оказать Монголии необходимую военную помощь”.

На восточных рубежах СССР обстановка в этот период резко осложнилась активизацией японцев. Потерпев фиаско в схватке с Красной Армией и советской дипломатией в двадцатые годы, японцы пошли по другому пути. У юго-восточных границ Монголии из остатков своих военных ресурсов, дислоцированных на материке, они изготовили “троянского коня” — марионетное государство Маньчжоу-го, укрепили его, вооружили, оснастили самой новейшей на тот период военной техникой. Вскоре Маньчжоу-го предъявило территориальные претензии к МНР. Начались пограничные конфликты с Монголией. Угрозы простирались значительно дальше и глубже монгольских границ. Терпеть такого соседа стало опасно. В 1936 году Германия и Япо-

ния заключили “Антикоминтерновский пакт”, после чего в отношении союзников СССР японцы начали наглеть в открытую. Квантунская армия, дислоцированная на материке, неподалёку, могла решить “монгольскую проблему” в результате одной стремительной операции. 7 июля 1937 года началась война между Японией и Китаем. Японцы быстро продвигались вглубь Китая. Под угрозой оказалась единственная коммуникация — Транссибирская магистраль, — которая связывала европейскую часть СССР с её дальневосточными областями и краями. Армия МНР насчитывала чуть больше 17 000 штыков. Реальной силы, таким образом, она не представляла. Спасти ситуацию, то есть преградить путь японцам в Монголию, могли только советские войска. Пока Конев был в дороге, в штаб Забайкальского военного округа пришла секретная директива за подписью Сталина: “Первое. Пакт о взаимной помощи (имеется в виду Пакт от 1936 г. между СССР и МНР. — С. М.) гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ. — С. М.) и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам. Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР”.

В Забайкальском военном округе спешно разрабатывали операцию по вводу войск в Монголию. После гражданской войны, когда здесь сходились в кровавой рубке красногвардейские отряды с одной стороны и казачьи формирования атамана Семёнова, а также орды самозваного правителя Монголии барона фон Унгерна, это была первая крупная операция.

Марш из Улан-Удэ на Кяхту начался 20 августа. В авангарде шли 36-я дивизия и 32-я мотомеханизованная бригада. Неделью спустя на монгольский аэродром в Баян-Тумене совершили посадку 52 советских самолёта. 28 августа механизированная колонна 36-й дивизии и 32-й бригады пересекли монгольскую границу и по тракту Кяхта—Улан-Батор двинулись вглубь Монголии.

Разведка тем временем сообщала, что Квантунская армия находится в местах постоянной дислокации в состоянии готовности, но приказа выступить не получала. Конев торопил войска. Вперёд! Вперёд! Можно было предположить, что японская разведка тоже не дремала, и марш советского экспедиционного корпуса на Улан-Батор секретом уже не являлся. Теперь важно было выиграть время. опередить японцев, выйти к коммуникации Калган—Улан-Батор, оседлать её и тем самым отрезать для японцев всякую возможность для вторжения.

3 сентября передовые части экспедиционного корпуса достигли города Саин-Шанда, через который проходила дорога на Улан-Батор из Калгана, и оседлали её. К 9 сентября 1937 года Особый корпус закончил сосредоточение и занялся обустройством на новом месте.

Разведка доносила: части Квантунской армии не двинулись с места. Марш корпуса комдива Конева оказался настолько стремительным, что японцы, явно опаздывая с выступлением, решили остаться на месте, потому что иное теряло всякий смысл. Этот бросок в Монголию впечатлил не только японцев, но и самих участников марша. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, Конев не раз будет применять нечто подобное — то с целью перехватить важнейшие коммуникации, то с задачей закрыть образовавшийся “котёл”, чтобы покончить с очередной группировкой окружённого противника. Дочь маршала Наталия Ивановна не раз повторяла мысль о том, что Конев и как человек, и как полководец *постоянно формировал себя*.

После завершения похода, в Москве, докладывая Главному военному совету, Конев более отчётливо прояснил обстановку, сложившуюся в тот период в Монголии и вокруг неё. Стилистика, характерная для того времени, в данном случае неважна. “Известно, что опоздание с вводом войск РККА в МНР на 8—10 дней могло изменить обстановку не в нашу пользу, так как банда шпионов и японских агентов Гэндэн, Дэвид, Даризап готовила переворот в МНР 9 сентября, в этот же день должен был состояться переход границы японскими войсками”.

Конев всегда, в любых обстоятельствах и при всех правителях был честным и верным солдатом своего Отечества. В тот период он, комдив, скорее всего, не был посвящён в тайны большой политики. В Монголии шла ожесточённая борьба за власть. Всё это происходило на фоне обострения международной обстановки.

Корпус Конева был мощнейшим подвижным соединением, усиленным двумя авиационными полками, двумя мотоброневыми и одной механизированной бригадой, которые имели 545 бронеединиц — танков и броневедомостей. Ничем подобным Квантунская армия на тот момент не располагала. Можно себе представить, какие лица были у японских генералов, когда разведка донесла о марше русских, о численности группировки и, главное, о темпах движения тогда ещё пока потенциального противника.

В эти дни напряжённого марш-маневра, когда стало понятно, что график движения выдерживается с опережением и что отставших и потерь удалось избежать, комдив Конев в какой-то момент действительно почувствовал себя потомком Суворова. Среди любителей и почитателей русской военной истории бродит такой анекдот: однажды, когда Александр Васильевич Суворов после предательства союзников-австрийцев оказался запертым со своим войском в Мутенской долине и русским грозила гибель, он вышел вечером из своей палатки к солдатам. Те сидели у костров, доедали свою кашу, чинили амуницию, порядком изношенную в походе, и точили о камни штыки и сабли. Все понимали то положение, в котором они оказались. Поглядывали за высокие шпильки перевала Рингенкопф. Если бы можно было перебраться через перевал, они в одно мгновение не только спаслись бы от во много раз превосходящей их армии французов, поджидающих их у выхода из долины, но и мгновенно оказались бы в тылу у них. Суворов понял настроение солдат и, глядя на озарённые закатным солнцем шпильки перевала Рингенкопф, вдруг воскликнул: “А что, ребяташки, махнём-ка мы через эту горку! Вот они там очумеют!” Там — это во французском стане, и в австрийских штабах, и в Петербурге, где тоже считали их положение погибельным. Знал ли этот анекдот комдив Конев, нет ли, неизвестно. Но он знал о Суворове всё и восхищался переходом русской армии через Альпы. Однажды, много позже описываемых событий, выступая перед слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе, сказал следующее (запись сделана кем-то из присутствующих): “Даже в годы Великой Отечественной войны у меня не было, пожалуй, таких напряжённых двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Всё происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах земля порой так тверда, что лопата звенит о неё, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину “Переход Суворова через Альпы”, мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью”.

Нет, мне всё же кажется, что комдив Конев знал тот старинный анекдот об Александре Васильевиче Суворове. И вполне можно себе представить, как восприняли сообщение о появлении красноармейских мотострелковых колонн на фланге Квантунской армии перед перевалами Большого Хинганского хребта в японских, да и иных штабах.

В Москве тоже были довольны удачно проведённой операцией. Пройдут годы, Красная Армия и союзные армии США, Великобритании, Франции покончат с германским фашизмом на западе, и, планируя операцию по разгрому Квантунской армии Японии, советские штабы примут решение идти в центральную Маньчжурию именно по этому маршруту, через прорыв обороны противника на Хингане.

Когда Конев докладывал на Главном Военном совете, Сталин вдруг задал ему вопрос, которого он совершенно не ожидал:

— Говорят, вы в Монголии запрещаете пить нашим командирам?

С юных лет Конев испытывал почти отвращение к спиртному. С годами, правда, это отношение претерпело некоторую эволюцию: в сущности, хоро-

ший крепкий напиток или вино — это благо, но — в умеренных дозах, в качестве лекарства и как средство общения. В Монголии же, когда корпус остался в промёрзшей пустыне, в землянках, когда благом считалась железная печка, охалка дров и горячий чай, всё остальное быстро начала заменять водка. И Конев ввёл жесточайший режим её потребления. Слухи об излишне строгих порядках, которые были заведены командиром корпуса, дошли до Москвы. Сталин счёл необходимым заговорить об этом на Военном совете.

— Запрещаю, товарищ Сталин, — ответил Конев.

Заседание Главного Военного совета, как правило, проходило в Овальном зале. Председательствовал Ворошилов. Сталин сидел за крайним столиком справа от стола Наркома обороны. Когда выступающий выходил к трибуне, а потом наступало время вопросов, Сталин подходил вплотную к трибуне и задавал свои вопросы, глядя прямо в глаза стоящему за трибуной. Так было и в этот раз. Сталин понял, что Конев ответил прямо, как солдат, не кривя душой. Но ответ его не удовлетворил. И он сказал:

— Может быть, не рекомендуете, скажем так...

— Не рекомендую, товарищ Сталин.

— Ну, это другое дело.

Кстати, признание Конева Сталину о том, что он сам стирает своё бельё и моет полы в своём жилье, не рисовка. Помните его юношеские записи о том, как отвратительно ему “денщикство и личное использование солдат” и что “не пушки, не ружья сражаются, а человек”? О людях он умел позаботиться. И, как видно из разговора со Сталиным, тему эту приготовил заранее и довольно стройно её изложил, дипломатично закончив шуткой, которая, возможно, в большей степени и помогла решить проблему. Подтверждением тому, что Конев себя в Монголии, да и везде, когда оказывался без семьи, обстирывал себя сам и сам наводил порядок в своём жилище, другой эпизод, который произойдёт спустя четыре года, на Калининском фронте. И именно ему, этому счастливому случаю, Конев будет обязан своему семейному счастью, которое он, наконец, обретёт с другой женщиной. Но об этом рассказ впереди.

За успешно проведённую монгольскую операцию Конев был награждён орденом Красного Знамени. А заместитель премьер-министра МНР маршал Чойбалсан вручил командиру Особого корпуса РККА высший орден республики имени Сухэ-Батора.

Осенью из Москвы пришёл приказ: передать дела своему заместителю и прибыть за новым назначением.

Командование 57-м Особым экспедиционным корпусом Конев передал своему комиссару Коровникову. С Иваном Терентьевичем Коровниковым он успел подружиться. Знал: передаёт налаженное хозяйство в надёжные и добросовестные руки. Расставаясь, два Ивана с искренней надеждой сказали друг другу, что судьба, возможно сведёт их вместе. И точно, свела. В декабре 1944 года из резерва Ставки в состав 1-го Украинского фронта маршалу Коневу передадут 59-ю общевойсковую армию. Командовать ею будет генерал Коровников. Армия генерала Коровникова в составе 1-го Украинского фронта примет участие в Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской и Пражской стратегических операциях.

Глава восьмая

КОМАНДУЮЩИЙ 2-й ОСОБОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ

“... он завёл на командиров и политработников чёрные списки”.

Дальневосточная одиссея Конева продолжалась. Уже в звании комкора он снова едет по знакомой дороге, по которой когда-то продвигался с боями на бронепоезде “Грозный”. На этот раз прибыл в Хабаровск. Здесь размещался штаб Второй Отдельной Краснознамённой армии.

Назначение комкора Конева на новую должность происходило на фоне драмы Блюхера.

Пока Конева со своим корпусом зарывался в землю, прикрывая юго-восточные границы МНР, японцы активизировались у озера Хасан. Судьбе так было угодно, что и эта короткая война (“События... немногих дней”), и выводы, сделанные по её итогам в Москве, и те кадровые перестановки среди высшего командного состава РККА, сделанные вскоре, непосредственно коснулись Конева.

“Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны СССР

№ 0040

4 сентября 1938 г.

г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного Военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Будённого, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный Военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена Военного совета КДФронта тов. Мазепова, пришёл к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДФронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочёты в состоянии КДФронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

(...)

Количество наших войск, участие в операциях нашей авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери могли быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причём процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

(...)

4. Виновниками в этих крупнейших недочётах и в понесённых нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДФронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер.

(...)

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определённых задач и полномочий.

(...)

На основании указаний Главного Военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

(...)

Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознамённого фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного Военного совета РККА.

1. Создать в войсках Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать — г. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознамённую флотилию.

(...)

4. Утвердить:

а) командующим 1-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Штерна Г. М., членом Военного совета армии — дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Конева И. С., членом Военного совета армии — бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.

(...)

11. Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий:

а) немедленно приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность, о принятых мероприятиях и проведении их в жизнь Военным советам армий доносить Народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов народного комиссара обороны № 071 и 0165 — 1938 г. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7 сентября 1938 г.

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различном виде работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам армий разрешается, только с утверждения Народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ

Начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга
ШАПОШНИКОВ”.

Граница с Китаем проходила по Амуру от Кумры до Хабаровска. Манчжурию контролировали японские войска. На многочисленных островах на Амуре часто происходили стычки вплоть до применения стрелкового оружия. Японцы появлялись возле Хабаровска, в районе протоки Казакевича.

Два года назад, а именно 25 ноября 1936 года в Берлине Япония и Германия заключил договор, так называемый “Антикоминтерновский пакт”. Пакт обязывал стороны применять самые суровые меры против тех, “кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала”. В случае необходимости эту статью можно было трактовать довольно произвольно. Пакт был дополнен секретным соглашением о совместных действиях против СССР. 6 ноября 1937 года к пакту присоединилась Италия. 24 февраля 1939 года — Венгрия и марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте того же 39-го — Испания, а затем Болгария, Финляндия, Румыния, Дания. Постепенно оформлялся военный союз.

Тон в нём задавали Германия и Япония. Вскоре стало очевидным, что добром всё это не кончится.

Территории влияния для Второй Особой армии достались трудные. Достаточно сказать, что на отдалённых Сахалине и Камчатке гарнизонов не было. Японцы же поглядывали на эти земли с вождедением. Так уж сложилось исторически, что, как только в России начинаются нестроения, мятежи и смуты, Япония тут же начинает подплывать на своих каноэ к этим нашим полуостровам и островам.

Разведка доносила, что японцы наглеют не только в нейтральных водах, что их сейнеры заплывают в советские территориальные воды и ведут незаконный лов рыбы. По островам шарит пешая разведка. Комкор Конев решил эту проблему радикально: на Камчатку была переброшена 101-я стрелковая дивизия комбрига Городнянского¹, а на Сахалин введена 79-я дивизия комбрига Макаренко. Архивные источники свидетельствуют о том, что, к примеру, 79-я формировалась спешным порядком, можно предположить, что создавалась она для прикрытия островов. Комбриг Иван Алексеевич Макаренко затем станет генералом, во время Великой Отечественной войны будет командовать 12-й Амурской, а затем 82-й гвардейской стрелковой дивизиями, закончит войну в Австрии. С Авксентием Михайловичем Городнянским Конев встретится на фронте летом 41-го. Под Смоленском в трудную минуту боя они окажутся в одной батальонной цепи, которую поднимут, чтобы контратакой выправить тяжёлое положение. Дивизия Городнянского входила в состав 16-й армии генерала Рокоссовского и обеспечивала стык между своей и 19-й армией Конева. Немцы ударили в стык и прорвались, угрожая флангам и тылам. Но об этом немного позже.

А тогда, на Дальнем Востоке, перед ними стояли японцы.

Связь с Петропавловском-Камчатским у Конева осуществлялась по радио. Очень часто командующий получал от начальника камчатского гарнизона такую шифровку: в территориальных водах появились японские рыболовецкие суда, высылаю на перехват боевые катера. Через час новое сообщение: подошли японские боевые корабли, предъявили ультиматум — мы незаконно разместили на островах свои войска, требуют немедленно вывести войска на материк, в противном случае угрожают открыть огонь из корабельных орудий и высадить на острова десант. Конев отвечал, стараясь выдерживать спокойный тон: Авксентий Михайлович, японцы вас недооценивают, полагая, что у вас слабые нервы... Но тут же приказывал привести войска в полную боеготовность. Городнянский радиовал: готовы. Во время таких обострений Конев иногда прибывал в Петропавловск. Смотрел в бинокль на японскую эскадру и видел наведённые на город стволы главного калибра.

На Сахалине, после того как там обосновалась 79-я стрелковая дивизия, стало поспокойней. Дивизия эта в 45-м примет участие в боевых действиях против Квантунской армии. Расформируют её спустя многие десятилетия, когда государство и армия станут другими, — в 1995 году.

Граница по Амуру была территорией особого напряжения. После поражения на озере Хасан летом 1938 года японцы готовились к более масштабному вторжению. Как известно, на Амуре много островов. Демаркационная линия, проходившая по фарватеру рек Амура и Усури, оставляла за СССР сотни островов. И если раньше это были просто “покосные места”, где местные жители заготавливали сено для домашнего скота и занимались земледелием, то впоследствии на них были оборудованы укрепленные районы большой мощности. После расширения Хабаровского аэропорта над островом Большой Усурийский проходила посадочная глиссада. Кроме того, здесь же находились дачные участки хабаровчан. Несмотря на это, в 2004 году тогдашние власти Российской Федерации передали Китаю 174 квадратных километра островной территории. Но невозможно не упомянуть о том, что в тридцатые годы

¹ Городнянский Авксентий Михайлович (1896–1942) — полководец, генерал-лейтенант. С 1918 г. в Красной Армии. Участвовал в Смоленском сражении. В ходе Харьковской операции Городнянский погиб при попытке выйти из окружения во время рукопашного боя. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области.

и начале сороковых за эти острова гибли советские бойцы и командиры, пограничники и красноармейцы. Маршал Конев вспоминал: "...японцы пытались захватить острова или проливы, даже делали попытки высадить небольшие десанты, чаще всего в протоке Казакевича. Так что конец 1938-го и весь 1939 год я всё время был в состоянии боевого напряжения. За все годы службы, сначала в Монголии, а затем на Дальнем Востоке у меня, разумеется, не было ни одного выходного дня. Я не ездил в отпуск, и даже не возникал вопрос о том, что я могу поехать отдохнуть".

Интенсивная работа, полукочевой образ жизни, конечно же, не шли на пользу ни семейным отношениям, ни собственному здоровью. Всё это: и нестроения в семье, и пренебрежение заботой о регулярном питании и отдыхе — развилось в хроническую болезнь — язву желудка. Но первое Конев старался заглушать работой, работой и работой. А второе... Тогда ещё организм был молод, и молодость была лучшим лекарством от всех недугов. Правда, молодость относится к категории тех человеческих достоинств, которые с годами изнашиваются и исчезают почти бесследно...

За полтора годы службы в должности командующего 2-й ОКА Конев дважды отлучался из расположения армии: оба раза в Москву, куда выезжал по вызову наркома обороны для доклада на Главном Военном совете о мобилизационной готовности армии.

В марте 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Конев принял участие в его работе как делегат от Хабаровской партийной организации. На съезде его избрали членом Центрального Комитета партии. В итоговом документе ставилась задача "усиления борьбы за предотвращение войны, активной поддержки народов, оказавшихся под угрозой порабощения, укрепления деловых отношений со всеми странами, выступающими против фашистской агрессии". Вместе с тем указывалось на необходимость "всемерно повышать обороноспособность страны, держать в боевой готовности советские Вооружённые Силы". Это касалось Конева непосредственно.

Конев: "Перед выборами руководящих органов партии я был приглашён на заседание Совета старейшин. Когда началось обсуждение моей кандидатуры, Сталин спросил, как я оцениваю деятельность Мехлиса, начальника Главпура, и какое у меня к нему отношение? Я ответил, что оцениваю его деятельность отрицательно, потому что он ведёт неправильную линию по отношению к командирским кадрам. Прямо, открыто сказал, что он завёл на командиров и политработников чёрные списки. Это недостойно. Сталин задал второй вопрос, спросил, какие у меня взаимоотношения со Штерном. Штерн был командующим 1-й ОКА. Ответил, что личные отношения нормальные, а по службе — плохие, так как товарищ Штерн хотел бы командовать всем Дальним Востоком, а я считаю, что его претензии необоснованные. Интересно, что даже такая деталь не ускользнула от Сталина. Это показательно. Он хорошо знал кадры, знал и взаимоотношения. Счёл необходимым в присутствии всех задать такой вопрос, я ответил прямо, как надлежит коммунисту".

Очень характерный эпизод. И для Сталина. И для Конева. Сталин предложил одному из своих командармов довольно жёсткий, как сказали бы теперь, тест. Он давно присматривался к молодому комкору. Что тот скажет в ответ? О сложных взаимоотношениях двух дальневосточных командармов Сталин уже был наслышан. После низложения "царька" Дальнего Востока Блюхера Сталин на время разделил властные полномочия в самом отдалённом своём гарнизоне. Но события складывались так, что командование, видимо, снова придётся сконцентрировать в одном штабе. Конев действительно ответил прямо. Он и потом, когда судьба будет подтаскивать к плахе или к черте, за которой могла последовать немилость того, от кого зависела не только карьера, но и сама жизнь и жизнь близких, будет отвечать прямо.

В лице Мехлиса Конев, конечно же, наживёт после того прямого ответа злейшего врага на многие годы. Но и в этой истории проявится прямота и последовательность Конева. Через три года он скажет Сталину о нецелесообразности присутствия в войсках комиссаров. Сталину было странно это слышать от бывшего комиссара. Может быть, потому он его не только выслушал, но и,

по сути дела, последовал его совету. После войны главный маршал авиации А. Е. Голованов расскажет писателю Феликсу Чуеву вот какую историю.

Голованов: “Осенью 1942 года в моём присутствии в разговоре с Верховным Конев поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, доказывал он, это единоначалие.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был! — говорил Конев. — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот участок работы, а с остальным я и сам справлюсь. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле, а в институте комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам.

Рассуждения командующего фронта, его уверенный тон произвели впечатление на Сталина, и он, как это часто бывало в подобных случаях, стал выяснять мнения по *комиссарскому* вопросу среди высшего командного состава Красной Армии, особенно прислушиваясь к мнению командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. Большинство поддерживало Конева, и вскоре решением Политбюро институт комиссаров в армии упразднили, отметив, что он сыграл положительную роль в начальный период войны”.

Надо заметить, что к этому времени комиссар Конев уже стал командиром Коневым, а командир мыслит уже несколько другими категориями, да и повседневные заботы, обязанности и тревоги были уже иными. И когда он сколачивал 2-ю Особую Краснознамённую армию, когда наводил порядок в дивизиях и полках, где зачастую процветало пьянство, неподчинение командирам, воровство, он, конечно же, в первую очередь, рассчитывал на помощь командиров. Многие командиры в это время оказались *изъяты* из армии, а точнее, арестованы органами НКВД, осуждены как враги народа, как японские шпионы и диверсанты. В лучшем случае они томились в лагерях, в худшем — были расстреляны.

Буквально накануне приезда Конева в Хабаровск по Дальнему Востоку прокатилась волна репрессий по так называемому делу “дальневосточной правотроцкистской шпионской диверсионно-вредительской организации”. Автором этой грандиозной трагедии был полпред НКВД по Дальнему Востоку Люшков¹. Во всех областях края были “выявлены” “участники” и “шпионы”. В том числе и среди военных. Поскольку Люшков обладал особым нюхом, идя по следу бывших белогвардейцев, последние, настоящие и мнимые, а также все, похожие на них, были вычищены под метлу. В том числе и из штабов воинских частей, из дивизий и полков. Вот цифры, которыми исчисляются ведомственные подвиги полпреда НКВД на Дальнем Востоке: с ноября 1937 года по май 1938 года уволено — 1 867 человек; арестовано — 642 человека. Когда Люшков бежал через границу, японцам он назвал другие цифры: в тюрьмы и лагеря отправлено 1 200 командиров и политработников и 3 000 младших командиров. Видимо, давая показания, Люшков пытался предьявить себя в глазах японцев тем человеком, который своей неутомимой деятельностью принёс им, врагам большевизма и СССР, огромнейшую пользу. Действительно, на такую акцию вряд ли способен целый отряд хорошо подготовленных диверсантов. Как отмечают исследователи репрессий на Дальнем Востоке, за эти годы “три-четыре раза сменились руководители всех сфер управления края и областей, включая органы НКВД, были обезглавлены вооружённые силы региона”. В июне 1938 года на Дальний Восток прибыли ещё два “красных коршуна”: Лев Мехлис и Михаил Фриновский — “для проведения чистки руководства Тихоокеанского флота, погранвойск и местного НКВД”. Волна репрессий снова захлестнула край. На повышение обороноспособности войск эти акции положительного влияния, конечно же, не имели. И Конев вынужден был молчаливо наблюдать за тем, как парили эти нездешние птицы над флотом и сухопутными войсками, над погранзаставами и военными городками.

¹ Люшков Генрих Самуилович (1900–1945) — деятель ЧК-ГПУ-НКВД. В июне 1938 г. перебежал к японцам. В 1945 г., ещё до краха Квантунской армии, японцами был застрелен.

Но его прорвало в Москве, когда сам Сталин спросил о Мехлисе. Давайте попробуем предположить, что всего, что было на сердце, при всей своей прямоте, Конев всё же не сказал. Возможно, и сказал бы, если бы Сталин пошёл дальше. Но дальше Сталин не пошёл. Видимо, ему было достаточно того, что он услышал. А может, он пожалел молодого комкора, который вдруг начал говорить слишком откровенно, что он думает о человеке, которому Сталин безмерно доверял? Помните, чем закончились откровения для командующего войсками Минского военного округа командарма 1-го ранга Белова? Помнил и Конев. И, возможно, Сталин понял его. Сталину было достаточно того, что Конев уже сказал. Сказать тому, кто к тому времени обладал уже исключительной властью в стране, о “чёрных списках” — это сказать многое. Лысецы мели хвостами. Гордецы молчали или валили лес в отдалённых лагерях, подписав на себя абсурдные обвинения. Коневу в тот год было уже за сорок. Не юнец, на молодость такое высказывание не спишешь. Возможно, он почувствовал, что крылья “красных коршунов” застыт небо уже и над его головой? Его биография и его послужной список казались безупречными. Но когда за дело брались такие люди, как Люшков... В любой момент могла выплыть история первого мужа-эмигранта Анны Ефимовны и её исчезнувшая дочь, следы которой терялись то ли в Харбине, то ли в Америке. Да и сам он не всегда вёл себя безупречно с точки зрения отношения к врагам партии. В восемнадцатом в Никольске сквозь пальцы смотрел на активность старой Земской управы. А за что его пощадил, не добились колыями дуровские мужички? Да ещё гвардейский кирасирский полк, который потом появился на Дону... Такой, как Люшков, всё выведает.

Сталин к тому времени уже заметил Конева и внимательно следил за его работой в войсках, отмечая его профессиональный рост. Доносы шли. И он их прочитывал. И некоторым тут же давал ход. Но не позволял людям из НКВД трогать тех, кто ему был нужен, кто был надёжен, и в первую очередь профессионально. Правда, в первые два года не всегда нужные генералы и маршалы по его воле оказывались там, где они были нужнее.

После съезда Конев вернулся в Хабаровск. Но вскоре получил из Москвы за подписью наркома обороны Ворошилова пакет со следующим предписанием: Дальний Восток, говорилось в нём, единый театр военных действий, поэтому в оперативном отношении разумнее было бы объединить все находящиеся в пределах края войска под единым командованием; в связи с этим образуется Дальневосточный военный округ и его командующим назначается командарм 2-го ранга Штерн. В том же письме предлагалось ему, комкору Коневу, принять должность командующего Забайкальским военным округом.

Главные события 1939 года на Дальнем Востоке снова минуют Конева. Новая короткая война с японцами, теперь уже на реке Халхин-Гол, будет более кровавой. Для советско-монгольских войск она станет победной. Штерн возглавит фронтовое управление, которое будет координировать действия советских войск и подразделений МНРА. А 57-й Особый корпус, тот самый, “монгольский”, коневский, на который в период решающих боёв будет возложена главная задача, возглавит тогда ещё мало кому известный комкор Георгий Константинович Жуков. Корпус будет усилен ещё несколькими стрелковыми дивизиями, артиллерией и танками и получит наименование 1-й армейской группы. Штерн и Жуков вскоре станут Героями Советского Союза.

Общепризнано, что результаты мощных атак, которые испытала японская армия во время событий на Халхин-Голе, очень сильно повлияли на правительство Японии. После подписания пакта о ненападении между СССР и Германией в Японии разразился правительственный кризис. Правительство Хиракумы Киитиро ушло в отставку. Восторжествовала так называемая “морская партия”, которая развернула свои вооружённые силы в сторону Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана. Сталин ликовал. Ведь это неминуемо вело Японию к столкновению с США. Динамика официальных взаимоотношений СССР и Японии такова:

— 15 сентября 1939 года правительства обеих стран подписали соглашение о перемирии;

— 13 апреля 1941 года заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Надо заметить, что и та, и другая стороны будут соблюдать условия этих договорённостей до конца лета 45-го. Когда в декабре 41-го группа армий “Центр” будет стоять у ворот Москвы и замерзать в её выстуженных полях, Гитлер яростно потребует от Японии вторгнуться своими силами в пределы СССР на Дальнем Востоке. Но японские танки и пехотные дивизии останутся в районах сосредоточения и не сдвинутся вперёд ни на шаг. Впечатления, полученные в мае-августе 1939 года, будут сильны. Японцы народ впечатлительный.

7 декабря 1941 года, буквально через двое суток после начала контрнаступления советских войск под Москвой, японцы атакуют американскую морскую базу Пёрл-Харбор и тем самым вовлекут США в число основных участников Второй мировой войны.

Сталин снова будет ликовать: для него японская атака американской базы станет более чем удачей. Из пассивного заокеанского наблюдателя США сразу стали активным союзником не только Англии, но и СССР.

Глава девятая

ЗАБАЙКАЛЬЕ

“... в случае необходимости нанести удар”.

Весной, в начале апреля 1940 года, Конев был вызван в Москву. Главный Военный совет заслушивал доклады по итогам боёв только что закончившейся советско-финляндской войны.

Доклады были разные. Но Конев понял, что результаты Зимней войны, как её тогда называли, были нерадостными.

И эта война пронеслась мимо него. Те, кто хлебнул там пороха, рассказывали о боях скупо, неохотно.

Правда, всех порадовала поездка на полигон, где были продемонстрированы испытания новых танков. Т-34 даже с виду казались мощнее лёгких танков и танкеток, которые стояли на вооружении в бронетанковых частях. Легко маневрировали. Да и вооружение у них было более мощным. Там же, на полигоне, Конев познакомился с конструктором этой сверхмощной на тот период боевой машины М. И. Кошкиным. На полигоне во время испытаний “тридцатьчетвёрок” Конев оказался рядом с Жуковым и начальником артиллерии Красной Армии командармом 2-го ранга Н. Н. Вороновым. Разговорились. Обсуждали только что увиденное. И необычный внешний вид, и маневренность, и вооружение танка впечатляли. Боевые командиры, они сразу увидели новую машину в поле, в войсках.

После Москвы — Чита. Штаб Забайкальского военного округа.

К тому времени в Забайкальском военном округе собралась целая когорта военачальников, обладавших глубокими знаниями, владевших практикой управления войсками. В этот период на территории округа формировалась 16-я общевойсковая армия под командованием генерала М. Ф. Лукина. Буквально летом того же 40-го развёрнута 1-я армия генерала П. А. Курочкина. С Лукиным, плечом к плечу, Конев будет стоять в 41-м под Смоленском, а потом под Вязьмой. С Курочкиным встретит Победу. Одним из стрелковых корпусов в армии Лукина командовал В. Я. Колпачки, 78-й стрелковой дивизией — полковник А. П. Белобородов.

В то лето Конев носил новые знаки различия — три звезды в петлицах нового образца. Звёзды он получил вместе с новым званием — генерал-лейтенант.

В декабре 1940 года командующие военных округов и начальники штабов прибыли в Москву. Новый нарком обороны маршал С. К. Тимошенко проводил не только совещание высшего командного состава своего ведомства, но и большую военно-стратегическую командную игру. Участвовали штабы округов и армий. С докладами выступили генералы, которые тогда хо-

дили в героях после двух войн. Они делились опытом и своим оперативным искусством. О наступательной операции в условиях современной войны докладывал командующий Киевским Особым военным округом генерал Г. К. Жуков. О танковом маневре в ходе наступательной операции говорил командующий Западным военным округом генерал Д. Г. Павлов. Пройдёт совсем немного времени, каких-нибудь полгода с небольшим, и один из них подпишет санкцию на арест и предание суду Военного трибунала другого — за трусость, бездействие и паникёрство, создание возможности прорыва фронта противником “в одном из главных направлений”. Начальник Генерального штаба генерал К. А. Мерецков сделал доклад по общим вопросам. Были заслушаны доклады командующих округов: Ленинградского — генерал П. Г. Понеделин и Московского — генерал И. В. Тюленев. Заключительное слово взял маршал С. К. Тимошенко. Из выступлений стало совершенно очевидно, что угроза нависает с запада и что теперь противником РККА станет германский вермахт и армии союзников Германии.

Предоставлено было слово и генералу Коневу. Он сказал о необходимости пересмотреть некоторые статьи и положения уставов, которые устарели и уже не отвечают реальностям, в которых находятся и должны действовать вооружённые силы страны. Тактика современной войны, её приёмы значительно ушли вперёд. А уставы, оставшиеся прежними, действительно сдерживали развитие управления войсками в современном бою. Конев в своём выступлении особое место уделил боевому порядку войск в наступлении, затем остановился на проблеме построения противотанковой обороны. Завершил своё выступление по-комиссарски, в духе времени: “Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии, изучении географии как обязательного предмета для командного состава. А у нас ещё существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимость от настроения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были политически неграмотными, в таком случае они не могут воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех”.

К этому фрагменту выступления командующего Забайкальским военным округом можно отнестись как к общему месту. А можно и задуматься. На смену вычищенным из войск командирам, особенно старшего состава, пришли люди, не обладающие необходимыми знаниями, ни военными, ни общими, более того, малокультурные. Что впоследствии скажется. Вот о чём говорил Конев. Что уж говорить о топографии и умении читать карту; командиры полков и батальонов не знали географии, то есть не владели знаниями выше уровня трёхклассной церковно-приходской школы. Если определение “марксизм-ленинизм”, к примеру, заменить определением “патриотизм” (а в то время это было тождественно), то Конев завершил своё выступление очень верно. Что же касается необходимости, по словам Конева, обязательного изучения командирами военной истории и географии, то вынужден рассказать одну печальную историю, которой совсем недавно довелось быть свидетелем. Разговор с генералом, выпускником Военной академии им. М. В. Фрунзе уже постсоветского курса. Затронули тему войны. Оказалось, он термина Великая Отечественная война не признаёт. В беседе всякий раз вежливо поправлял меня — “Вторая мировая...” Правда, позже узнал, что мой собеседник генерал не командный — торгует оружием. Дело, конечно, тоже нужное. Только в нашей беседе он это почему-то скрыл. Иные времена — иные генералы...

После совещания состоялась оперативно-стратегическая игра на западном театре военных действий и на юге. И совещание, и большая военно-стратегическая игра проводились в обстановке особой секретности. Участники её впоследствии отмечали, что даже записей в эти дни не делали — не рекомендовалось. Маршал Конев отметил: “Игра прошла очень интересно. Из неё были сделаны правильные выводы, Сталин счёл необходимым лично провести разбор, пригласив в Кремль её участников. После совещания и военной игры в армии произошли кадровые перестановки. В частности, в январе 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал ар-

мии Г. К. Жуков. Кроме того, в этот же период были произведены изменения в руководстве округами. Меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом, а на моё место был назначен Курочкин, командующий 17-й армией”.

Фраза Конева о том, что по итогам игры были сделаны “правильные выводы”, звучит неубедительно. Особенно теперь, когда часть архивов того периода открыта, и можно понять, что усвоили тогда маршалы и генералы из уроков конца тридцатых годов в войнах на востоке и на севере, а также из штабных игр, а чем пренебрегли. Играя на картах в декабре 40-го в Москве, они ещё не знали, что основные уроки они получают летом и осенью уже следующего года, что армию им придётся создавать заново, заново перевооружать, да и учиться воевать они будут у немецких “преподавателей” — в полях под Смоленском, под Москвой и Сталинградом. Научатся. Но оплатят уроки большой кровью.

В связи с новым назначением нарком обороны маршал Тимошенко пригласил Конева к себе. Поговорили. В конце разговора после традиционного: “Мы рассчитываем на вас”, Тимошенко произнёс довольно многозначительную фразу, смысл которой Конев до конца разгадал только в июне следующего года:

— Будете представлять ударную группировку войск, в случае необходимости — нанести удар.

Теперь, когда много пишется и говорится о том, что Сталин со своими маршалами готовил армию к нападению на Германию задолго до 22 июня, слова тогдашнего Наркома обороны, его последняя фраза, сказанная генералу Коневу при назначении того на округ второго эшелона, действительно приобретает несколько иной смысл. Ведь именно таким порядком, в затылок фронту первого эшелона (Воронежского фронта) весной-летом 43-го Ставка расположит Степной фронт с целью не только остановить, и не столько остановить, а ударить вперёд. И именно Степной, с его свежими армиями, корпусами и частями прорыва, станет тем бронебойным снарядом, который проломит несокрушимую до той поры броню немецкой обороны на южном фланге Курской дуги и откроет возможность выхода на оперативный простор на белгородском и харьковском направлениях.

Сталин молчал на совещании. Молчал и во время игры. Он вёл свою игру. Опытный политик и стратег, он слабо разбирался в вопросах тактики, и это не было его слабой стороной. Он торопился и чувствовал, что не успевает. Не успевает перевооружить армию. Сформировать танковые корпуса. Дать своим “соколам” новые самолёты, которые бы не уступали скоростным “мессершмиттам” и маневренным “юнкерсам”. Не успевал сделать необходимые кадровые перестановки.

Но главное было впереди.

Глава десятая

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

“Хорошие были войска — казаки, прекрасный русский народ”.

С запада уже явственно пахло порохом. И Конева направляли именно туда, где этот запах чувствовался острее.

Штаб Северо-Кавказского военного округа находился в Ростове-на-Дону. Конев прибыл туда в конце января 1941 года.

Что в это время происходило на западе?

Гитлер тонко почувствовал, какие семена нужно бросить в германскую почву, чтобы они буйно проросли и принесли ему и его партии необходимые плоды. Семена были брошены, и вскоре они дали нужные всходы...

Ещё в марте 1939 года Германия оккупировала Чехословакию. 7 апреля итальянцы, заручившись поддержкой Гитлера, вторглись в Албанию. 1 сентября немецкие части без объявления войны перешли польскую границу и

начали наступление вглубь страны, наращивая силы вторжения и, следовательно, свой удар. Через два дня Великобритания и Франция объявили Германии войну. Европа снова запылала. Германские люфтваффе уничтожили польские самолёты на аэродромах, а довольно значительные по количеству пехоты и танков наземные войска были разгромлены молниеносными ударами. Полки не успели даже развернуться для организации сопротивления. Польскую кампанию вермахт провёл за один месяц. 17 сентября на территорию Польши с востока и юго-востока вошли войска Красной Армии. Марш был бескровным и неглубоким. На границе с Восточной Пруссией, по Бугу и в Галиции, советские войска остановились. Зимой 1939—40 годов между Германией и Францией, которые формально находились в состоянии войны, шли вялые перестрелки по линии Мажино. Историки потом назовут это “странной войной”. Но на севере тем временем началась настоящая война. 30 ноября советские ВВС произвели бомбардировку столицы Финляндии Хельсинки. Начались бои на линии Маннергейма между войсками РККА и Финляндии. Советско-финляндская война длилась всю зиму. 13 марта при посредничестве Германии СССР и Финляндия подписали перемирие. К СССР отошли некоторые спорные территории, в том числе Карельский перешеек и город-крепость Выборг. Перемирие оказалось недолгим. В апреле 1940 года германские войска высадились в Норвегии. Вторжение немцев и итальянских войск началось 10 мая. Блицкриг удался странам Оси и на этот раз: через четыре дня без боя сдался Париж, а 22 июня Франция была вынуждена подписать капитуляцию. Почти вся территория Франции была оккупирована, армия разбита. Одновременно захвачена Дания. Началось вторжение в Бельгию. При этом разгромлен Британский экспедиционный корпус. Один из главных противников Германского рейха — Франция — пала. В результате молниеносной войны создан плацдарм для решающей атаки на Британские острова. 12—13 августа 1940 года германские люфтваффе произвели массированные налёты на Англию. Начальная стадия операции “Морской лев” прошла успешно. В феврале шли упорные бои между итальянцами и англичанами в Африке. Британские королевские ВВС потопили половину итальянского флота. Одновременно германский подводный флот начал топить корабли и суда под британским флагом во всех морях. В феврале того же 1940 года в Триполи высадился германский экспедиционный корпус “Африка”. Англия перенес линию фронта с Германией за тысячи километров от своего побережья. 31 марта командующий Африканским корпусом немецкий генерал Роммель нанёс удар в Ливии. Англичане и их союзники опрокинуты и обращены в бегство. Впереди у Роммеля уже виднелись Александрия и Нил. Но Гитлер остановил своего генерала. Танки нужны были в другом месте, более важном. Ещё 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план “Барбаросса” — блицкриг в России. Вторжение планировалось на середину мая. Но потом было отложено на несколько недель.

На новом месте Конев в курс дел вошёл сразу. Провёл оперативную штабную игру на картах. Северо-Кавказский округ, как он обмолвился впоследствии, “не был приграничным”. Но, на всякий случай, не делясь ни с кем своими предположениями и опасениями, он в первые же дни объехал его, с целью “изучения территории как возможного театра военных действий”. “В результате этих поездок, — вспоминал маршал, — я пришёл к выводу, что Северо-Кавказский военный округ не готовился к войне. А война, как известно, пришла потом и на эту территорию”.

По результатам поездки Конев подготовил доклад и срочно направил его наркому обороны. Одновременно приказал войскам приступить к строительству оборонительных рубежей на наиболее важных оперативных направлениях.

Семью Конев перевёз в Ростов.

Страна готовилась к войне. В округе шло формирование нескольких новых стрелковых и кавалерийских дивизий, комплектовались техникой и оружием танковые бригады, авиадивизии, артиллерийские подразделения. Части формировались уже по новым штатам. И эта суматошная спешка, и новые штаты, и новое вооружение свидетельствовали о многом.

В мае 1941 года Конев вызвали в Москву. Принял его заместитель начальника Генерального штаба генерал В. Д. Соколовский и вручил директиву о развёртывании на базе войск округа 19-й общевойсковой армии. Встретился с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Семён Константинович передал следующие указания: срочно формировать армию по новым штатам, получать вооружение и снаряжение и под видом учений перебросить её на Украину в район Белой Церкви, где занять рубеж: Белая Церковь, Смела, Черкассы. Передислокацию завершить до конца мая. Когда Конев поинтересовался, какая задача ставится армии, услышал вполне определённый и лаконичный ответ:

— Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота.

С этим Конев и отбыл в Черкассы, где расположился штаб 19-й армии. Войска перебрасывались в обстановке строжайшей секретности. Даже штаб Конева не располагал точной информацией о конечной цели маневра на северо-запад, не говоря уже о дальнейших задачах. Уже под Белой Церковью в состав 19-й армии вошёл 25-й стрелковый корпус генерал-майора Честохвалова. Войска вышли в указанные районы и расположились компактно в палаточных городках. “За три недели до начала войны, — не без гордости впоследствии вспоминал маршал Конев, — заранее отобюрокраченная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, как казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины”.

18 июня Конев прибыл в штаб Киевского военного округа, как он потом пояснил, “для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии”. Его армия не входила в состав Киевского Особого военного округа, а значит, и на довольствие её здесь надо было ещё устраивать.

К командующему округом генералу М. П. Кирпоносу Конев не попал. Ему сообщили, что тот болен. Беспокойство росло. А дальше я приведу цитату из воспоминаний маршала Конева. Она достаточно отчётливо характеризует обстановку неопределённости, осторожности и, в некоторой степени, растерянности, которая в те дни царил в штабе Киевского Особого военного округа. Никто не осмеливался брать на себя ответственность признать очевидное, чтобы принять необходимые меры к недопущению того разгрома, который начнётся уже спустя трое суток. “Отправился к начальнику штаба М. А. Пуркаеву. Я хорошо его знал ещё по Московскому военному округу, когда командовал 17-й дивизией, а он был заместителем начальника штаба Московского округа. Но, к сожалению, от него я не получил ясной картины обстановки. Тогда я направился к члену Военного совета Вашугину. Беседа носила дружеский характер, но узнать от него что-либо новое мне также не удалось. /.../ Впоследствии я узнал, что в первые дни неудачных боёв на Юго-Западном направлении он покончил жизнь самоубийством. /.../ Не прояснили ситуацию ни мой давний приятель, заместитель командующего войсками округа Всеволод Яковлев, с которым я вместе учился в Военной академии имени Фрунзе, ни генерал-майор А. И. Антонов, заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению. И вот, проходя из кабинета в кабинет по коридорам и холлам прекрасного здания штаба Киевского военного округа /.../, я неожиданно столкнулся с полковником Иваном Христофоровичем Баграмяном. Он в то время был начальником оперативного отдела штаба округа и спешил на доклад к М. А. Пуркаеву. /.../ Через полчаса, когда Иван Христофорович вернулся, мы вместе с ним в его кабинете заслушали донесение начальника разведотдела. Как только разведчик открыл карту юго-западной границы округа, бросилась в глаза большая плотность условных знаков, нарисованных синим карандашом, а синим цветом, как известно, обозначают противника... Видно было, что на границе Советского Союза сосредоточивается большая немецкая группировка: моторизованные дивизии, корпуса, штабы, сосредоточение танков, авиации; на карте были зафиксированы и пролёты вдоль нашей границы немецких самолётов. Никаких сомнений быть не могло — это развёртывалась ударная группировка

противника для наступления. Я задал Ивану Христофоровичу и начаразведки один вопрос: “Знает ли об этом Москва, нарком обороны и Генеральный штаб?” — “Да, знает, — был ответ, — мы ежедневно докладывали об этом в Москву”. И добавил, что, видимо, завтра или послезавтра Военный совет и штаб округа выедут на передовой командный пункт в район Тернополя, будут там в полной боевой готовности.

У меня, как и у каждого военного, мог быть только один вывод: да, это война”.

Конев срочно вернулся в штаб армии и отдал распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность. Связался по телефону с начальником Генерального штаба Жуковым, доложил о том, что наблюдал в Киеве, и попросил разрешения срочно выехать в штаб округа в Ростов. Жуков выслушал его спокойно, выезд в Ростов разрешил, но предупредил, чтобы постоянно был на связи.

В Ростов Конев прибыл вечером 20 июня. Весь следующий день занимался делами округа. Выслушал доклады об обстановке на границе. Проанализировав информацию, тут же отдал необходимые распоряжения для приведения войск в полную боеготовность. “В ночь на 22 июня, — вспоминал маршал, — находился у себя на квартире. В два часа ночи 22 июня раздался звонок по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. “Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности”.

Рано утром, в четыре часа, Си-47 вылетел из Ростова и взял курс в сторону Черкасс. Видимость была плохой, начался сильный дождь. Пилот опасался потерять визуальную связь с землёй и пошёл на бреющем. На борту, кроме командующего, находились член Военного совета 19-й армии комиссар Шекланов и начальник особого отдела армии Королёв. Вскоре внизу оказалась широкая лента Днепра, и пилот потянул вдоль реки.

Около пяти утра Конев был уже в штабе армии. Спросил у начштаба, знает ли он о том, что произошло на границе. Ни начальник штаба, ни кто другой ещё не знали, что началась война. И Конев отдал приказ: боевая тревога! Спустя несколько минут доложил в генштаб, что подразделения 19-й армии находятся в состоянии полной боевой готовности. “Весь первый день войны штаб армии получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошёл для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии не было установлено противником. На второй или третий день нарком обороны С. К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского Уфа, по реке Тетерев и далее по периметру этого укрепленного района”.

В тот же день Конев прибыл в Киев с головной группой армейского управления и с удивлением обнаружил, что войск ни в Киеве, ни в укрепрайоне нет. Сам Киевский УР в весьма запущенном состоянии. Вооружение и обеспечение укрепрайона отсутствовало. Особо важные объекты охраняются небольшим числом бойцов-резервистов. Конев не увидел у них даже винтовок. Когда головные колонны дивизий начали втягиваться в район Киевского Уфа, Конева вызвали к ВЧ: звонил нарком обороны.

— Севернее, на московском направлении, создалась угрожающая обстановка, — тут же сказал Тимошенко. — Противник развигивает наступление на Смоленск. Может ли ваша армия передвигаться бегом?

— В каком смысле, товарищ нарком? — спросил Конев.

— Срочно поворачивайте колонны в сторону погрузочных станций и перебрасывайте их на западное направление — в районы Рудни, Орши, Смоленска. Как только управление армии прибудет на Западный фронт, лично получите дальнейшие указания в штабе фронта.

Никакого плана перевозки, никакого графика погрузки и движения. Конев знал, чем это могло закончиться. Но приказ есть приказ. Война рушила все правила, планы и расчёты.

В первые эшелоны Конев приказал погрузить управления дивизий, средства обеспечения, тыловые части. Главные силы пришлось отправлять к месту назначения по мере их подхода к станциям погрузок. Станциями погрузки были определены: Золотоноша, Дарница, Фастов. Немецкая авиация, следя за движением эшелонов, тут же накинулась на эти коммуникационные узлы, стараясь их разрушить и, таким образом, парализовать движение по железной дороге. Состав, в котором находилось полевое управление 19-й армии и сам командующий, тоже был обстрелян парой истребителей. Произошло это на станции Рудня. К счастью, всё обошлось благополучно. Зенитки, установленные на открытых платформах, открыли ураганный огонь, и “мессершмитты” ушли.

Как только главные эшелоны закончили разгрузку, Конев отдал приказ начальнику штаба Рубцову выдвинуть полевое управление в район леса близ станции Рудня, а сам направился разыскивать штаб Западного фронта. Ясности не было. Где противник? Какой рубеж занимать дивизиям армии? Какая задача определена 19-й армии? Где соседи справа и слева?

Такой войны ни в штабах, ни в окопах не ожидали.

Глава одиннадцатая

ВИТЕБСК. ИЮЛЬ 41-го

“Сила силу ломит”

Ранним утром 9 июля 1941 года две штабных машины выехали из дачного посёлка Гнездово, что в нескольких километрах от Смоленска. Какое-то время они пробирались просёлком, маскируясь в зарослях придорожных рабит. Наконец, выбравшись на шоссе, миновали небольшой лес и помчались в сторону Витебска. В головной ЗИС-101 сидел генерал-лейтенант Конев.

Он прислушивался к дальним раскатам артиллерийской канонады, которая подкатывалась к городу с запада и северо-запада, и перебирал в памяти фрагменты всего того, что он увидел вчера и сегодня в Смоленске и в штабе фронта. Адьютант Лобов, сидевший рядом с водителем, время от времени беспокойно поглядывал в окно, шурился в прозрачную, будто умытую синеву неба, ещё прохладную, пронизанную свежестью минувшей ночи, ловил в зеркало заднего обзора идущую следом машину командующего артиллерией генерала Камеры.

Судя по тому, что противник активизировался на витебском и оршанском направлениях, размышлял Конев, судьба “котлов” под Белостоком и Минском решена. Тимошенко, конечно же, понимает всю сложность положения, в котором мы здесь находимся. Именно поэтому ставит задачи, которые вряд ли выполнимы. Но приказ есть приказ.

Несколько часов назад в одной из просторных дач пригородного посёлка Гнездово, которую приспособили под штаб фронта, командующий войсками Западного фронта Тимошенко чётко и лаконично изложил задачу для 19-й армии:

— Соберите всё, что имеется под рукой, товарищ Конев, и отбросьте немедленно противника от Витебска. За Двину. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Вот здесь. — Тимошенко стоял у карты, наполовину задёрнутой чёрной шторой. Голос его был усталым. Маршал указал на карте полосу обороны, которую должна занять и в короткие сроки укрепить 19-я армия.

— У меня и дивизии-то нет, товарищ маршал, поэтому...

Тимошенко поднял на командарма тяжёлый взгляд и сказал:

— Знаю. Одновременно подумайте над тем, как лучше разгромить соединения тридцать девятого корпуса немцев.

— Так точно, товарищ маршал, подумаю.

— И не только думайте, но и действуйте. И не теряйте времени. События на фронте меняются быстро. — И Тимошенко кивнул на запад, в сторону не утихавшей ни на минуту канонады.

В Смоленске всю ночь польхали пожары. Немецкие самолёты непрерывно бомбили железнодорожную станцию и другие объекты. Пожарные команды и бригады добровольцев тушили дома, заводские цеха, разбирали завалы, вытаскивали тела погибших. В основном это были гражданские, и вид убитых во время бомбёжки мирных жителей, среди которых были и женщины, и дети, холодил душу.

На фронте дела складывались хуже некуда. Немцы, думал Конев, глядя в засаянное реденькой пылью окно, по всей вероятности, прервали оперативную паузу: “котлы” под Белостоком и Минском, возможно, уже ликвидированы, так что немецкие танки не сегодня-завтра будут здесь.

19-й армии судьба послыдала схватиться с 39-м корпусом. Конев вспомнил очертания линии фронта, обозначенной на карте маршала синими и красными стрелками, и вдруг понял, что немцы, по всей вероятности, намереваются создать в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск очередной “котёл”. Вот в него-то и может угодить группировка армий резерва Ставки: 20-я, 21-я, 22-я и его 19-я.

Он смотрел в мутноватое окно своего ЗИСа, перебирал в мыслях номера дивизий, прикидывал, сколько времени понадобится для того, чтобы все триста шестьдесят эшелонов с его 19-й армией смогли прибыть на место, чтобы благополучно разгрузиться и развернуться в боевой порядок. Пока приехали сто тридцать...

— Воздух! — неожиданно прервал его мысли адъютант.

В своих мемуарах И.С. Конев рассказал об этом эпизоде так.

“На командном пункте фронта я пробыл примерно около часа, а затем выехал двумя машинами в Витебск. Я — впереди, на ЗИС-101, за мной — командующий артиллерией генерал Камера. Как только мы выехали из леса на шоссе Смоленск—Витебск, нас сразу атаковала пятёрка “хейнкелей”. Они патрулировали шоссе. Я, шофёр Яковенко и адъютант Лобов едва успели выскочить в кювет, как вспыхнула и взорвалась машина. Все пожитки, походное обмундирование и снаряжение тут же сгорели. Видя, что самолёты противника делают второй заход, я сделал перебежку и залёг в кювете. Утро было замечательное, солнечное, раннее. Видимость изумительная. На зелёном фоне генеральские шевроны и красные лампасы были отчётливо видны. Самолёты сделали пики, пошли на новый заход...

Меня обдало комьями земли и оглушило. Я оказался между двумя воронками. Ранен я был легко, несколько мелких осколков попало в бедро. Адъютант Лобов был тяжело контужен, пришлось его тут же отправлять в госпиталь. Шофёр Яковенко, раненный в шею, остался в строю. Вот так началась моя служба на Западном фронте.

После обстрела, добыв полторку, мы вместе с шофёром вернулись в штаб армии в Рудню, где я выслушал доклад начальника штаба Рубцова. Затем с группой офицеров и членом Военного совета Шеклановым снова выехал в Витебск, чтобы разобраться в обстановке и установить связь с генералом Е. А. Могилевчиком”.

Итак, Конев, имея приказ комфронта контратаковать противника, со своим штабом срочно выехал в Витебск. Войска тем временем всё ещё находились в пути. Не так-то просто перебросить на расстояние даже в сто двести вёрст такое количество живой силы, вооружения, снаряжения, техники, лошадей, боеприпасов и продовольствия.

За несколько дней до этого командующий войсками 3-й танковой группы генерал-полковник Гот поставил задачу: 57-му моторизованному корпусу овладеть Полоцком, 39-му — Витебском. В авангарде моторизованного корпуса, нацеленного на Витебск, шла 7-я танковая дивизия. Вторым эшелоном двигалась 20-я танковая дивизия.

Конев с офицерами своего штаба продолжал путь по шоссе в сторону Витебска. Вскоре встречный поток беженцев и бегущих в тыл бойцов разбитых частей стал настолько густым, что водитель заглушил мотор. Вода в радиаторе уже закипала. “Движение наших машин в направлении Витебска, — как впоследствии вспоминал маршал, — совершенно исключалось. Шоссе было забито. Я решил с офицерами штаба навести на шоссе порядок, дал

команду всех военных задержать, организовывать подразделения пехоты, отдельно собирать артиллеристов, танкистов и направлять всех обратно к Витебску. К моему удивлению, от Витебска в сторону Рудни двигались даже танки — несколько тяжёлых КВ и несколько Т-26”.

“К моему удивлению...” — это, конечно, слишком мягко сказано, не коневски. Хотя, возможно, годы смягчили крутой характер генерала и маршала Великой войны, которого по твёрдости натуры и напористости в достижении поставленной цели часто сравнивают с Г. К. Жуковым. Их всегда ставят в один ряд. И по праву. Да и судьба их слишком часто, и в довольно сходных обстоятельствах, сводила вместе. Одного в народе называют Маршалом Победы. Другого — Солдатским Маршалом. И то и другое определения верны. И то и другое — имеют свою глубинную историю и своё нравственное обоснование.

Когда командарм увидел толпы бегущих бойцов и командиров, можно представить себе, какая волна всколыхнулась в нём. И тут уж пистолет сам собой вылетел из генеральской кобуры.

“Особенно странно было видеть отступающие танки новых образцов. Три таких танка двигались на Рудню якобы на ремонт. Буквально угрожая оружием (просунув револьверы в люки механиков-водителей), мы остановили эти танки, кстати, они оказались исправными, и взяли их под контроль. Таким путём удалось к вечеру собрать около батальона пехоты, батарею 85-мм зенитных орудий и батарею 122-мм пушек армейской артиллерии”.

“Подойдя к Витебску с востока, мы увидели пожары в отдельных местах. К западу от Витебска никакого движения не обнаруживалось. По всем признакам Витебск не был немцами занят, а пожары возникли при отходе наших войск. Из здания обкома партии валил густой дым, не могло быть и речи о том, чтобы связаться по ВЧ со штабом Западного фронта и доложить обстановку. На центральной площади я увидел людей. Окликнул. Оказалось, что это остатки 37-й Горьковской стрелковой дивизии, которая была разбита в приграничном сражении. Уцелел в этой битве работник штаба майор Рожков с группой тыловиков. Он прибыл на грузовой машине в Витебск и, обнаружив, что войск в городе нет, сформировал из местных жителей-осоавиахимовцев роту и приказал ей занять мост через Западную Двину, а сам остался организовывать оборону в центре города.

Нужно отдать должное бесстрашному майору... Он всерьёз решил оборонять город и даже разведку организовал. Когда посланные мной офицеры к утру прибыли в Витебск, Рожков доложил, в частности, что к рассвету немцы подошли к Витебску и пытаются форсировать Западную Двину. Часть войск неприятеля — подвижные механизированные и танковые подразделения — по западной стороне реки проследовали к северо-западу.

К сожалению, удержать Витебск не удалось”.

Если верить памяти маршала, а не верить у нас нет никаких оснований, всю ночь с 9-го на 10 июня Конев с офицерами штаба провёл на одном из холмов на восточной окраине города. Командарм надеялся, что вот-вот подойдут прибывшие части его армии. И тогда немцев, которые замешкались перед мостом через Западную Двину, можно будет контратаковать.

Радист постоянно выходил на связь. Новости были неутешительными. Основная часть войск армии всё ещё находилась в пути. Однако в район Лизно прибыла 220-я мотострелковая дивизия. Командарм отдал приказ командир дивизии форсированным маршем двигаться в направлении Витебска. И вот к полуночи в тылу послышался рокот танковых моторов. Конев увидел, как беспокойно закрутили головами автоматчики охраны. Беспокойство было понятным: не обошёл ли их противник, что-то подозрительно за тих правый берег. Вскоре прибыл офицер связи и доложил:

— Товарищ командующий, прибыл танковый батальон и арtpолк двести двадцатой дивизии.

Командарм с офицерами штаба тут же начал готовить прибывшие подразделения к атаке. Из города прибежал связной от майора Рожкова: сводная рота 37-й стрелковой дивизии и витебских добровольцев смята атакой противника, немцы заняли аэродром и приближаются к западной окраине

Витебска. Майор Рожков, конечно же, не мог удержать авангарды 20-й танковой дивизии противника, но дело своё сделал: задержал немцев до подхода основных сил, дал время на то, чтобы развернуть боевые порядки.

Читая воспоминания полководцев и солдат, исследования историков и расследования исторических публицистов, порой наталкиваешься на эпизоды, в которых рассказывается о том, что некоторые генералы и старшие офицеры боялись передовой и запаха пороха. Скажу лишь, что ни у одного из авторов не обнаружил ничего подобного в рассказах о Коневе. О Коневе написано много. Писали о нём в своих воспоминаниях и друзья, боевые товарищи, и недруги. И много чего о нём порассказали. Но в отсутствии храбрости, которой должен обладать солдат на войне, в недостатке твёрдости, решительности и умения владеть собой в самых крайних обстоятельствах его не упрекнул никто.

Под Витебском в июле 41-го Коневу пришлось побывать и комбатом, и истребителем танков. Выжить в буквальном смысле слова помогли навыки, полученные когда-то в артиллерийской батарее.

Витебское сражение продолжалось. Командарм-20 генерал-лейтенант Курочкин вновь и вновь бросал свои войска на Лепель. Но 5-й и 7-й мехкорпуса были обескровлены настолько, что продолжать наступление уже не могли. На северном крыле оборонительного рубежа наступило затишье.

Тем временем, не дожидаясь подхода основных сил своей армии и уже понимая, что, по всей вероятности, её так и не удастся собрать и развернуть единым фронтом лицом к противнику, Конев энергично действовал, опираясь на те силы, которыми располагал на тот момент. Частями 220-й сд и другими подразделениями прибывавшего 25-го стрелкового корпуса прикрыл шоссе на Смоленск, откуда продолжали идти к фронту его войска. Одновременно из последних сил удерживались позиции в самом городе. Армия запаздывала с сосредоточением и развёртыванием в боевой порядок. И это грозило тем, что противник, прорвав оборону и выйдя на оперативный простор, мог смять колонны полков и дивизий на марше. Дивизии вынуждены были вступать в бой там, где их застал противник.

Штарм продолжал запрашивать в эфир местонахождение частей и дивизий, переподчинённых ему буквально в последние часы. Большинство из них так и не отозвались.

Размышляя о причинах неудач лета и осени 41-го года, нельзя не брать во внимание то очевидное обстоятельство, что РККА, её зачастую наспех сколоченным, переброшенным из тыла дивизиям противостояли лучшие на тот период дивизии вермахта и СС. На полигонах Франции, Бельгии, Греции, Польши, на Балканах и во фьордах Норвегии германские войска отработали тактику блицкрига, до совершенства довели приёмы и тактику боя, способы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Противник, вышедший к линии Невель—Витебск—Орша—Гомель, был хорошо вооружён, действовал уверенно, дерзко, эффективно применяя танки, авиацию, противотанковую и тяжёлую артиллерию. Противостоять такому противнику было непросто. Но — противостояли! Вот почему группа армий “Центр” пришла к Москве не до наступления холодов, как планировали немецкие штабы и мечтали рядовые солдаты; к русской столице немцы подошли по расхлябанному дорогам глубокой осени, растеряв в пути значительную часть своей техники, вооружения, снаряжения и, самое главное, потеряв тех надёжных и опытных солдат, которым, казалось, не сможет противостоять ни одна армия мира. Вот фрагмент из воспоминаний немецкого танкового аса из 3-й танковой группы Отто Кариуса: “8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины. Это произошло возле полностью сожжённой деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позицию вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и всё! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требова-

лось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватился рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепёжные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд”.

Бедняга Отто, подбитый артиллеристами 19-й армии генерала Конева, он впервые испытал со своим экипажем то, что случается на войне почти в каждом бою. Конечно, ему хотелось, чтобы от чешской стали русские снаряды отлетали, как теннисные мячи от стенки...

История показала, что, чем ближе они будут продвигаться к Москве, тем чаще им *придётся выбираться из подбитой машины...*

Получив второй приказ, Конев, конечно же, понял, в каком положении находится его армия, а точнее, те подразделения, которые после прибытия и изнурительного марша от места разгрузки до района сосредоточения оказались в его распоряжении. Противник начал обтекать их группировку с флангов. А это грозило окружением.

Опасность, угроза гибели действует на людей по-разному. Некоторые теряют самообладание или впадают в состояние прострации. Инстинкт самосохранения подавляет в них всё остальное. Служебные, командирские обязанности, долг, честь — всё это, как едкой кислотой, мгновенно разъедает личное желание выжить — во что бы то ни стало, любыми путями и средствами. Других, наоборот, экстремальные обстоятельства максимально мобилизуют, делают сверхэнергичными, заставляют соображать мгновенно и с той же энергией принимать точные и единственно верные решения. К таким командирам принадлежал генерал Конев.

Буквально накануне этих событий командующие армиями встретились, обсудили создавшееся положение, наметили план взаимодействия. Обменялись офицерами связи. И Коневу, и Курочкину нужно было выполнять невыполнимый приказ штаба Западного направления, подписанный маршалом Тимошенко. О возможности отхода не проронили ни слова.

А фронт, изменяясь в своих очертаниях каждый день и каждый час, уже свидетельствовал о том, что Витебск не вернуть и линию фронта по Днепру и Западной Двине не восстановить. Угроза нависла над Смоленском.

Глава двенадцатая

ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ. ИТОГИ

“...танковые армии нельзя остановить бутылками с бензином”.

Витебское и Смоленское сражения были для генерала Конева и его армии первыми сражениями в Великой Отечественной войне. Будущий маршал, победитель Манштейна, начинался здесь, на позициях по Западной Двине и Днепру летом 41-го.

Второй Стратегический эшелон РККА, который, по первоначальным замыслам Ставки, должен был развивать успех армий, дислоцированных под Минском и Белостоком, вынужден был сдерживать натиск подвижных соединений группы армий “Центр” на линии Полоцк—Витебск—Жлобин—Андреаполь—Ярцево—Ельня. Западный фронт словно заново возродился.

Армии первого эшелона оказались частично разгромленными, частично окружёнными в Белостокско-Минском “котле”. Они распались на группы численностью иногда до полка, иногда до батальона и меньше. Некоторые из этих групп, несмотря на полную обречённость, продолжали драться изолированно. Одним в ходе этих отчаянных боёв выпадала удача пробиться к своим, на восток. Они шли по дорогам и лесам, минуя немецкие заслоны. Такие группы, как правило, уже не представляли опасности для противника, а для своих зачастую были просто обузой. Сломленные морально, они, поставленные в оборону, не выдерживали очередного артналёта или появления

вражеской авиации, бросали позиции и бежали дальше на восток. Вирус страха и паники действовал, как чума, угрожая распространиться и на войска Второго Стратегического эшелона. Катастрофа под Белостоком и Минском открыла путь противнику к Смоленску — историческим воротам на Москву.

В число семи общевойсковых армий Второго Стратегического эшелона, который теперь, в соответствии с изменившейся ситуацией на фронте, должен был остановить врага, входила и 19-я армия генерал-лейтенанта Конева.

Именно она оказалась в самом невыгодном положении в момент немецкого наступления. Ставка не ожидала, что на западе дела пойдут настолько скверно, что минский оборонительный район падёт так быстро, и поэтому фактически оказалась не готовой встретить немцев на рубеже Гомель—Могилёв—Орша—Витебск—Невель—Великие Луки. Только часть армий была развернута в боевой порядок, окопалась на своих рубежах, обеспечив себя тылами и подвозом. Но противник, наткнувшись на их твёрдую оборону, не стал упорствовать на этих труднопробиваемых участках и тут же начал искать более слабые места.

4 июля были арестованы и отданы под суд командующий войсками Западного особого военного округа генерал Павлов, работники его штаба и командующий 4-й армией генерал Коробков. За катастрофу под Минском и Белостоком должен был кто-то ответить. По представлению посланного в войска Мехлиса виновных нашли быстро.

По пути в 34-й ск Конев встретился с генералом Ерёмченко, в то время заместителем командующего войсками Западного фронта, отвечающего за витебское направление. “Он сказал, что уже побывал в 34-м корпусе и недоволен действиями комкора Хмельницкого, — вспоминал Конев. — В резкой форме Ерёмченко совершенно необоснованно обвинил меня в том, что я лично не сумел остановить противника, который прорывается к Смоленску, обходя Витебск северо-западнее и одновременно обходя Оршу. Разговор был неприятный. Я дал Ерёмченко отпор, заявив, что, если он считает необходимым, чтобы я лично пошёл в атаку, в этом отношении затруднений не будет, но для меня сейчас важно взять в руки управление прибывшими частями”.

На той дороге они, два генерала, посмотрели друг другу в глаза и через мгновение заговорили уже спокойнее. Они прекрасно понимали, что происходит вокруг. А через несколько минут на дороге появились немецкие танки, и штабные машины были накрыты их огнём.

Об этом эпизоде уместно предоставить слово самим свидетелям и участникам этой истории.

А. И. Ерёмченко: “Мы с командующим армией выехали в передовые части. Он — под Витебск, я — на правый фланг, под Сураж, где действовала одна стрелковая дивизия. Связи с этой дивизией уже не имелось, так как она вела бой в окружении. В районе Кольшки я встретил стрелковый и артиллерийский полки другой дивизии, которые имели приказ выдвигаться на Сураж. Гитлеровцы тем временем уже захватили этот населённый пункт, продвинулись к городу Велиж и заняли его. Правый фланг 19-й армии оказался открытым. Я приказал стрелковому и артиллерийскому полкам прикрыть рубеж Понизовье—Кольшки, чтобы не допустить удара противника по открытому флангу армии, сам же вернулся в штаб, чтобы выяснить, как подходят войска.

Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развёртывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесённый вглубь на 50—60 км. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить.

Я был удручен этим непонятным решением. Без всяких на то оснований врагу оставалась территория в 50—60 км глубиной.

Телефонной связи со штабом фронта не было, и я, не медля ни секунды, выехал туда. Ещё не взошло солнце, как я уже был у маршала Тимошенко. Он только что лёг спать, но я его разбудил и доложил о странном приказе.

— Андрей Иванович, — сказал маршал, — видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, поезжайте быстрее обратно и восстановите положение.

Я немедленно выехал в район Рудни...

Передвижение штабов, да частично и войск, происходило главным образом по магистрали Витебск—Смоленск, поэтому перехватывать части было легко.

Однако штаб 34-го стрелкового корпуса мы перехватить не сумели. Командир корпуса, оставив части под Витебском, отошёл со штабом на 60 км, как и было приказано. (Обратите внимание, как мудро писали свои мемуары маршалы. Даже такой прямой человек, как Ерёмко. Имя Хмельницкого, командира 34-го ск, он не называет. Зачем? Хмельницкий с лёгкостью, без последствий, вышел сухим из воды. Андрею Ивановичу дорогу он не переходил. Дело прошлое... А может, маршал Ерёмко, да и наш герой, хорошо знали, к примеру, что Хмельницкий успешно служит по другому ведомству? Никудышный вояка и армейский генерал, он прекрасно выполнял приказы Лаврентия Павловича Берия... Вот тогда всё встаёт на свои места. — С. М.)

Мы выбрали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в 150 м от шоссе на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась в сторону Смоленска на удалении 18—19 км.

...Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услыхав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперёд, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную гранату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Танки противника на некоторое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись в Рудню.

Пока офицер связи добрался до нас, вражеские танки вышли в район командного пункта. Они обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело пронеслись немецкие самолёты, бомбившие и обстреливавшие местность, лежащую на пути движения танков.

Мы находились в густом кустарнике в ложбине, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой рожью, а выезд с командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне.

Когда вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машины и побежали к позициям противотанковой батареи, расположенным на подступах к городу. Несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по просёлочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев и начальник политотдела армии бригадный комиссар А. М. Шустин, который был в этом бою ранен. Они направлялись в передовые части, попутно предполагая захватить и наш командный пункт. Выехав из города и неожиданно натолкнувшись на вражеские танки, И. С. Конев быстро организовал отпор танкам.

На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулемёты. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров 150—200. Я сказал шофёру Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мною ехали Хирных и Пархоменко, остальные тоже приготовились к отходу, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулемёты не были повернуты в нашу сторону, и наш маневр удался. Вслед нам раздались несколько автоматных очередей. Спаслись все. Генерал Конев, считая меня погибшим, донёс об этом в штаб фронта..”

Наблюдавший дуэль между танками и артиллеристами, которыми командовал командарм-19, Ерёмченко, в свою очередь, доложил в штабе фронта о вероятной гибели генерала Конева.

И. С. Конев: “У шоссе, идущего от Витебска на Рудню, я увидел брошенную 45-мм пушку с несколькими снарядами, а возле неё артиллериста. Чтобы поставить орудие на более выгодную позицию, мы вытянули его с обочины прямо на шоссе. Пока мы эту операцию проводили, подполковник Чернышёв, мой адъютант для поручений, вёл наблюдение в бинокль, и он вдруг докладывает: “Товарищ командующий, из леса выходят на шоссе немецкие танки”.

Смотрю, действительно, танки с крестами и свастикой. Тогда я встал к орудью, прицелился за первого номера, а тому парню-артиллеристу скомандовал: “Огонь!” Пальнул из пушки — и попали в передний танк. Облако дыма... Немцы, однако, быстро пришли в себя и стали разворачивать танки. Пришлось ретироваться, сперва на машине, она была под рукой, а когда машина, как назло, застряла у деревни Рудни на огороде, — бросить её и перебежать, укрываясь от огня за домами. Начальника политотдела, бывшего со мной, ранило в руку... Перемахнули через забор, по овражку вверх, а за ним на высотке стоял наш бензовоз. Откуда-то подоспела легковая машина, в неё мы втащили раненого и под огнём по шоссе отправили его в штаб армии. Сам я на бензовозе перевалил через высотку, нашёл ещё какую-то машину и к вечеру добрался в свой штаб армии, находившийся на станции Кардымово. Приехал, а мне докладывают: “Получено донесение, что вы убиты... Сообщил генерал Ерёмченко. Он видел, как немецкие танки развернулись и вели огонь по командарму Коневу”.

Как видите, два генерала вспоминают один и тот же случай по-разному. Но, скорее всего, Конев в деталях точнее. Посудите сами, почему “противотанковая батарея, расположенная на подступах к городу”, не открыла огонь до того, как к ней подбежали офицеры штаба армии и сам командующий? Так что вряд ли соответствует действительности картина, нарисованная заместителем командующего Западного фронта о том, что “несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам”. Противотанковые пушки, скорее всего, были брошены своими расчётами. Конев, старый артиллерист, конечно же, умел обращаться с “сорокапяткой” — самой распространённой в наших войсках пушкой. При этом, из описания последовательности событий, произошедших в тот день на шоссе Витебск—Смоленск, следует, что Конев успел всех своих офицеров расставить по местам в орудийном расчёте. Но при этом знал, что лучше него никто выстрелить по танку не сможет. Поэтому обязанности наводчика принял на себя. Обстоятельства, в которых оказался командарм и его офицеры, подтверждают, что артиллеристов в тот момент рядом не было.

Эпизод можно комментировать с разных точек зрения. С одной стороны, не дело командарма стрелять из ПТО по немецким танкам. Его дело организовать свою армию так, чтобы по танкам палили те, кому это положено по штату. Как говорил Наполеон, храбрость генерала и храбрость ротного фельдфебеля не одно и то же. Но это был 41-й год. И генерал Конев каждую минуту не мог ручаться за то, что следующая не будет последней в его жизни, как и в жизни любого солдата. Однако в любом случае этот эпизод характеризует будущего маршала как воина, способного действовать при любых обстоятельствах.

Витебское сражение научило Конева многому. И не только управлению войсками. Но и управлению генералами. Уже под Смоленском он пишет представление Главкому Западного направления маршалу Тимошенко: “Командир 34 СК (стрелкового корпуса) генерал-лейтенант Хмельницкий в бою показал неустойчивость, плохо руководил войсками, снят с занимаемой должности. Предан суду. 27.07.1941”.

К сожалению, командиры корпусов 19-й армии показали полную неспособность руководить войсками в условиях военных действий. Можно предположить, что имел в виду Конев под словом “неустойчивость”. Цену слову он знал, и только, видимо, в последний момент сдержал себя, и в документе, таким образом, не появилось слово “трусость”. А оно тогда было в ходу. Но можно предположить, что Конев знал или догадывался о второй сути своего подчинённого, и поэтому в представлении был сдержан.

Первые бои научили Конева ценить хороших, толковых командиров, которые не боялись запаха пороха, регулярно, как того требует обстановка, бывали на передовой, наблюдали не только противника с передовых НП, но и хорошо знали, в каком состоянии пребывают их батальоны, роты и взводы, на что способны и не способны. Впоследствии, через все пять фронтов, с ним пройдут его боевые товарищи, генералы, полковники, которые к концу войны тоже станут генералами. Среди них генерал Н. Ф. Лебеденко. В августе 41-го Лебеденко командовал 91-й стрелковой дивизией, которая входила в состав 19-й армии. А в начале января 44-го генерал Лебеденко, командуя 50-й стрелковой, которая тоже из бывшей 19-й, коневской, смоленского состава, одним из первых ворвётся в Кировоград. 50-я дивизия в то время будет драться в составе 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. Генерал П. А. Курочкин, стоявший с ним плечом к плечу на витебском рубеже (20-я армия), в период завершающей фазы Великой Отечественной войны будет командовать 60-й общевойсковой армией 1-го Украинского фронта. Генерал П. С. Рыбалко, командующий 3-й гвардейской танковой армией — на завершающем этапе войны в дни Берлинской наступательной операции именно его танки, смяв глубоко эшелонированную оборону, первыми ворвутся в логово врага. Генерал А. С. Жадов, командир 5-й гвардейской общевойсковой армии — они станут добрыми и преданными друзьями. После войны, оставшись уже не у дел, маршал и генерал будут вспоминать своих молодцов-гвардейцев, храбро дравшихся на Днепре и во время Львовско-Сандомирской наступательной операции, под Берлином и Прагой.

Не повезло Коневу с командирами корпусов. В послужном списке генерала Хмельницкого густо мелькают записи вроде: “агитатор в Харькове...”, “секретарь члена РВС Первой конной...”, “порученец наркома по военным и морским делам...”, “порученец наркома обороны СССР”. На должность командира самого сильного и многочисленного в РККА 34-го стрелкового корпуса он попал, видимо, случайно. Надо же было как-то оправдать доверие: в 1940 году его аттестовали сразу генерал-лейтенантом. Случай рядовой. Судьба прищучила его под Витебском в 41-м. Командарм, в подчинение которого поступил корпус, оказался человеком сугубо военным, требовательным, не из придворных ворошиловцев. Правда, и Рафаил Павлович сумел в критический момент сгруппироваться: от ответственности каким-то непостижимым образом таки отвертелся. По всей вероятности, помог богатый опыт, приобретённый за годы безупречной службы в Красной Армии, и, конечно же, связи. Неудавшегося командира корпуса спас его патрон и покровитель маршал К. Е. Ворошилов. Генерал Хмельницкий стал его порученцем, и в Центральном штабе партизанского движения вскоре занял должность снабженца. Потом снабженца сделали генералом для особых поручений при заместителе наркома обороны СССР. Была и такая должность. В конце войны Рафаил Павлович занимался (ну чем можно заниматься в конце победной войны?) трофеями. Вот уж воистину: кому война, а кому мать родна...

Война очищает. И под Смоленск Конев прибыл уже без Честохвалова и Хмельницкого.

Глава тринадцатая

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 41-ГО

*“Дни лёгких побед врага
уже миновали...”.*

Хронологически Смоленское сражение началось 10 июля. Длилось ровно два месяца. Следуя исторической хронологии, 19-я армия в день начала Смоленского дела 1941 года атаковала противника в Витебске и окрестностях. Тяжёлые бои, серьёзные потери.

Об этих днях Конев вспоминать не любил.

Справедливости ради замечу, что воспоминания о боях под Витебском и Смоленском, а также об октябрьской катастрофе под Вязьмой Иван Степанович всё же оставил. Есть и страницы разрозненных воспоминаний и интервью, посвящённых Смоленскому сражению. Правда, они очень скупы. Перечитывая “Записки...” и те разрозненные публикации, которые хронологически к ним тяготеют, вдруг ловишь себя на мысли о том, что Конев всё же не любил писать о поражениях. И ошибках. А кто о них любит писать? Тем более что за спиной такие победы! Да и не поощрялось тогда каяться в ошибках и сыпать соль на раны, и свои, и своих непосредственных начальников и подчинённых.

Понятное дело, что мемуары полководцев, если бы они не прошли через чистилище Главпура и цензуры, могли быть человечней, правдивей и, таким образом, ценней для нас, внуков и правнуков. Кабы не обнизил, как говаривали старые солдаты, так бы не быть пуле в земле, а кабы не обвысил, так прямо бы в лоб...

На фронте в районе севернее Смоленска происходило следующее. 19-я и 20-я армия генералов Конева и Курочкина вели почти непрерывные встречные бои, стремительно истощая и противника, и собственные силы. Тем временем генерал Лукин со своей 16-й армией оборонялся в районе Смоленска.

После танкового маневра, в результате которого охватом силами 2-й и 3-й танковых групп был блокирован, а затем захвачен Смоленск, противник пытался замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки 16-й и 19-й армий. Но активными действиями небольшой по численности боевой группы генерала Рокоссовского и левофланговыми подразделениями 19-й армии кольцо постоянно размыкалось, и в результате основные силы 16-й и 20-й армий и части 19-й армии вырвались из окружения. Подвиг стойкости в эти дни совершили бойцы и командиры сводного отряда под командованием полковника И. К. Лизюкова. Усиленный пятнадцатью танками, отряд удерживал переправу через Днепр у села Соловьёва и не позволял противнику ликвидировать коридор, по которому шли колонны войск, отходящих из-под Смоленска. Немцы пытались организовать здесь такой же классический “котёл”, как и под Минском. На этот раз у них ничего не вышло. Хотя часть войск всё же оказалась в окружении.

Войска Западного фронта с 21 по 31 июля потеряли 105 723 человека. Армия Конева 18 248 человек; из них убитыми около 4 000 человек, пропавшими без вести около 8 000 человек и около 6 000 — санитарные потери.

Сейчас много спорят, принесло ли Красной Армии Смоленское сражение июля-августа 41-го года пусть не победу, но хоть какие-то реальные результаты. И реальные результаты, и победы сражение на Смоленской дуге, конечно же, принесло. Правда, при этом, унесло много жизней. Но таяла и германская армия! И немцы оказались более чувствительными к потерям. Герман Гот в своих мемуарах, рассказывая о летних боях под Смоленском, признаётся, что в штабе 3-й танковой группы считали 19-ю армию разгромленной, что после боёв под Витебском она уже не в состоянии собраться в сколько-нибудь реальную силу. Но на новом рубеже под Ярцевом и Духовщиной его танки снова были встречены дивизиями и подразделениями 19-й армии. “... обстановка развивалась не так, как предполагали в штабе 3-й танковой группы, — вспоминал немецкий генерал, летом 41-го пытавшийся истребить армию генерала Конева. — Все данные указывали на то, что противник не намерен использовать преимущества, которые предоставляют ему

обширные просторы страны, а наоборот, несмотря на понесённые потери, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы контрударами и упорным сопротивлением на оборонительных рубежах остановить вторжение в его страну”.

Первым городом, отбитым у наступавших германских войск прекрасно спланированной и столь же блестяще проведённой масштабной контратакой, был городок Ярцево Смоленской области. Это произошло 19 июля 1941 года. В наступлении участвовала часть сил 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова и 44-го стрелкового корпуса комдива В. А. Юшкевича. Затем Ярцево снова было захвачено противником, а потом снова отбито, и так несколько раз городок переходил из рук в руки.

Впервые на востоке немцы явно почувствовали, что их железная кобыла не везёт именно здесь, под Смоленском.

16 августа Конев доложил в штаб Западного фронта план Духовщинской операции. Военный совет фронта идею наступления утвердил. Действия 19-й армии были частью фронтовой операции, разработанной штабом маршала Тимошенко. Одновременно с наступлением в районе Духовщины войска Резервного фронта под командованием генерала Жукова проводили Ельнинскую наступательную операцию. Обе они закончатся в сентябре примерно при одинаковом количестве потерь с обеих сторон. Потери будут большими. Немцы уступят Ельню, Ярцево, Батурино и другие населённые пункты. Продвижение фронтов окажется незначительным. Немцы удержат оборону, но потеряют нечто большее — уверенность в том, что война в России завершится, как обещал фюрер, быстро и триумфальной победой в Москве. Под Ельней и Духовщиной Красная Армия впервые в этой войне не просто контратаковала, а наступала, освобождая территорию, захватывая важные коммуникационные узлы и опорные пункты и нанося противнику значительные потери в живой силе и вооружении.

Основная роль в наступлении войск Западного фронта в районе Духовщины и Ярцевских высот предназначалась двум армиям: 19-й и 30-й генерал-майора В. А. Хоменко. Обе армии имели по три стрелковых дивизии, что примерно приравнивалось к корпусу. Следует заметить, что немецкий пехотный корпус по численности превосходил армию генерала Конева периода боёв под Духовщиной в августе–сентябре 41-го примерно вдвое.

Севернее наступала 29-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. Южнее действовали 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и 20-я генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, прикрывая район Ярцева и днепровские переправы.

Немцы в это время имели перед фронтом 19-й и 30-й армий следующую группировку: до трёх пехотных и одну танковую дивизию. Одна мотодивизия находилась во втором эшелоне в качестве резерва.

Боевой приказ командующего войсками Западного фронта № 01 от 15 августа 1941 года маршала Тимошенко, в частности, предписывал: “...концентрическим ударом 30 и 19 армий в общем направлении Духовщина окружает и уничтожает духовщинскую группу пр-ка и выходит своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево”. На рассвете 16 августа кавалерийская группа Доватора смяла редкие боевые охранения немцев и пошла по тылам, уничтожая тыловые объекты и базы снабжения в районах Вельж, Демидов, Духовщина.

Состав 19-й армии в день наступления был таков: 166-я, 91-я, 50-я, 64-я, 89-я, 162-я стрелковые и 101-я танковая дивизии. Армию поддерживала с воздуха 43-я смешанная авиадивизия, три гаубичных артиллерийских полка, две батареи “катюш”, артполк ПТО, инженерные части.

Утром 17 августа, оставив на фронте Потелица–Приселье усиленную 162-ю стрелковую дивизию, Конев бросил свои дивизии в атаку.

Это было второе наступление на Духовщину на Смоленском направлении. Первое, начавшееся 8 августа, ощутимых результатов не дало. На отдельных участках войска продвинулись до десяти километров и вынуждены были перейти к обороне. Бои отличались особым упорством и ожесточением. Поэтому главным их итогом стали огромные потери с обеих сторон.

Конев впервые именно здесь почувствовал себя командующим армией на войне. Войска удалось развернуть в боевой порядок, наладить связь и взаи-

модействие артиллерии, танков и пехоты, подтянуть тылы и обеспечить подвоз. Теперь он чувствовал, как дивизии и полки перемещаются в соответствии с указаниями штабов, как штабы реагируют на изменение обстановки. Сказать, что командарм часто бывал в войсках, на передовой, — это отделиться банальной расхожей фразой, которая, пожалуй, подходит к большинству военачальников. Но для Конева НП командиров дивизий, полков и даже батальонов станет местом постоянного живого общения.

Когда он к полудню вернулся в свой штаб в село Вадино, ему тут же доложили: оборона противника прорвана сразу на нескольких участках, в местах прорыва части первого эшелона имеют продвижение до десяти километров, захвачены богатые трофеи.

В эти дни фельдмаршал фон Бок записал в своём дневнике: “9-я армия докладывает, что противник ворвался в расположение наших войск на левом крыле VIII корпуса. 161-я дивизия истекает кровью и находится на пределе возможностей”. На следующий день, 20 августа, командующий группы армий “Центр” снова с беспокойством подводит результаты первых трёх суток боёв: “Прорыв на фронте 161-й дивизии оказался настолько серьёзным, что Гот, который временно принял на себя командование 9-й армией из-за болезни Штрауса, вызвал на подмогу свои последние резервы — 7-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии”.

Конев получил данные авиаразведки: из тыловых районов, где противник держал свои резервы, к фронту движутся колонны войск и бронетехники. Тут же на танкоопасных участках были созданы противотанковые районы. Дороги, переправы и броды минированы, переброшены резервы противотанковой артиллерии. Контрудар немцев натолкнулся на заранее подготовленную оборону.

До сих пор некоторые исследователи, говоря о Смоленском сражении 1941 года, продолжают утверждать, что немцы в тот период не располагали танками, что танковые группы были направлены на север и на юг, чтобы помочь сдвинуться с места двум другим группам армий, которые тоже были остановлены контратаками и упорной обороной Красной Армии. Но ведь танками в вермахте располагали и некоторые пехотные дивизии. Кроме того, моторизованный разведбат каждой немецкой пехотной дивизии имел бронетранспортёры и лёгкие танки. А тут — целая дивизия, 7-я танковая.

Немцы подтянули свои резервы, произвели перегруппировку и контратаковали. Бой произошёл 20 августа возле деревень Задняя и Потелица. Местами немцам удавалось прорваться через линии 19-й армии. Группы танков углублялись в тыл. Но тут их встречали на новых рубежах огнём противотанковых пушек, связками гранат, бутылками с зажигательной смесью. Бреша, пробитые танковыми атаками, тут же заделывали резервами, огнём артиллерии и штурмовой авиации. Вечером бой затих. Немцы отошли. В предполье перед окопами первой линии противник оставил 37 танков и бронетранспортёров, сотни трупов солдат. За три дня непрерывных боёв перед позициями 19-й армии противник потерял около 80 танков. Данные взяты из донесений штаба армии штабу Западного фронта. Правда, в приказ Военного совета Западного фронта № 03/ОП, который в те дни зачитывали в войсках, значится другая цифра немецких потерь — 130 танков. Что ж, надо понимать: приказ о первых значительных победах должен был воодушевлять войска на новые победы, формировать в каждом бойце и командире личное мужество и уверенность в том, что врага можно бить в каждом бою. В своих воспоминаниях маршал Конев, рассказывая о боях на Смоленской дуге, повторяет эту цифру, правда, со ссылкой на вышеназванный приказ: “...войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и миномётов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни лёгких побед врага уже миновали”, — такой был вывод”. И далее: “Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле—августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьёзные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий “Центр” и удалось за эти два месяца продвинуться на восток до Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских

войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6—7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий “Центр” была вынуждена перейти к обороне”.

Оборону, однако, немцы держали прочно. 22 августа Гальдер записал в своём дневнике: “9-я армия отразила перед своим фронтом сильные атаки противника. Серьёзные потери понесла 7-я танковая дивизия (30 танков потеряно безвозвратно)”.

Безвозвратная потеря танка означало только одно: он повреждён настолько, что отремонтировать его, даже в тылу, в заводском цеху, невозможно — сожжён или взорван, и его разнесло по частям.

Читая приказы штаба армии и боевые донесения тех дней, сразу обращаешь внимание на характер и стилистику боёв, в которых уже чувствовался определённый почерк и оперативное искусство командующего. Массирование огневых средств на участке прорыва. Использование полковой артиллерии во время наступления пехоты, ведение огня с открытых позиций прямой наводкой в тот момент, когда батальоны уже поднялись и пошли, а огневые точки противника вдруг начинают оживать. Вот тут-то и необходимо было подавлять их огнём миномётов и лёгких 45-мм пушек, которые, по приказу командарма, должны были передвигаться вперёд вместе с боевыми порядками рот и батальонов. Среди приказов есть довольно жестокие: Конев приказывал беспощадно расправляться с теми командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию и тем самым ставят под губительный удар противника стрелковые подразделения.

Впоследствии маршал вспоминал о тех боях:

“Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия. Подбито было 113 танков врага. Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15—16 километров и уже были на подступах к Духовщине. К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: “Не сумеете ли вы взять Духовщину? В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии”. Я ответил: “Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная”. Тогда Сталин спросил: “А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?” Я ответил: “Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии”. “Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину и будете непрерывно держать ее под огнём”. Я принял к исполнению этот приказ”.

В эти дни в газетах и сводках Совинформбюро публиковалось много материалов и сообщений об удачных действиях 19-й армии. В августе—сентябре из Москвы в 19-ю армию прибыл писательский десант: М. Шолохов, А. Фадеев, Е. Петров. Эта встреча известных писателей с генералом Коневым и его солдатами впечатлила и тех и других. Вскоре в журнале “Огонёк” появился очерк Евгения Петрова. Михаил Шолохов написал несколько очерков: “По пути к фронту”, “Первые встречи”. Многие впечатления и наблюдения, привезённые Шолоховым из поездки под Духовщину, впоследствии легли эпизодами, стали основой характеров героев романа “Они сражались за родину”, рассказов “Наука ненависти” и “Судьба человека”.

Встреча генерала и писателей запечатлена на известной фотографии.

Маршал вспоминал неожиданный приезд писателей так:

“Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочки войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разде-

лить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве”.

В книге “Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества”, составленной Т. Кузнецовой, запись за август–сентябрь 1941 года самая подробная:

“1941, конец августа — начало сентября

С командировочным предписанием № 239 и пропуском № 27224/89 полковой комиссар М. А. Шолохов вместе с бригадным комиссаром А. Фадеевым и старшим батальонным комиссаром Евг. Петровым прибыл на Западный фронт, в расположение штаба 19-й армии, которой командовал Конев, в 229 дивизию генерала Козлова. В сосновых лесах восточнее деревни Вадино, в трех километрах от переднего края, во время боев под Духовщиной провел на боевых позициях несколько дней. Встречался в землянке с военкорами А. Бусыгиным, М. Штительманом, И. Котенко, Г. Кацем, А. Софроновым, А. Оленичем-Гнененко. Беседовал с лейтенантом Наумовым, сержантом Беловым и бойцом А. Недзельским. Опубликовал в № 100 солдатской газеты 19-й армии “К победе” статью “Пленные”. Присутствовал при допросе Вернера Гольдкампа, немецкого ефрейтора. (Статья была написана по свежим следам этого допроса).

Из воспоминаний И. Котенко, бывшего сотрудника армейской газеты “К победе”: “...К нам, армейским газетчикам, Михаил Шолохов и Александр Фадеев зашли на второй или третий день пребывания в нашей армии. Было это недалеко от смоленской деревни Вадино. Ал. Бусыгин (он дружил с писателями) попросил их написать что-нибудь для газеты. <...>

Уже к концу второго дня у секретаря редакции Михаила Штительмана лежали готовые статьи. Особенно заинтересовали “Пленные” Шолохова. О героизме советских солдат мы и сами писали, а вот о военнопленных не довелось...” (Котенко И. На главном направлении).

Софронов А. В. “...Осень 1941 года. В ту пору я находился в одном из московских госпиталей. Помнится, ко мне в госпиталь приезжали мои друзья, с которыми мы вместе служили в газете 19-й армии “К победе”. Друзья рассказывали о приезде в нашу редакцию Михаила Шолохова, Александра Фадеева и Евгения Петрова. Они в подробностях передавали долгие беседы с нашими армейскими журналистами, среди которых было и несколько ростовских писателей. Таким образом, Михаил Александрович хорошо знал обстановку, сложившуюся осенью 1941 года на Западном фронте” (Софронов А. В. Шолоховское. М.: Современник, 1973).

Солдатам передовой линии фронта М. А. Шолохов подарил томик романа Л. Толстого “Война и мир” с надписью:

“Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом.

До встречи в Берлине!

Ваш М. Шолохов”.

Там же, в шолоховской летописи, говорится о том, что по приезде с фронта в Москву Шолохов передал Сталину записку:

“Дорогой тов. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять меня.

М. Шолохов.

2 сентября 1941 г.”

Состоялась ли встреча, о которой просил прибывший из-под Духовщины писатель, неизвестно. В списке посетителей кремлёвского кабинета Сталина Шолохов не значится.

Конев любил писателей. Боготворил их труд. Умел с ними дружить, и это качество сохранил на всю жизнь. До последних дней был страстным книголюбом. Толк в литературе знал. И обе дочери его, Майя и Наталия, получают филологическое образование и посвятят свою жизнь русскому языку и литературе.

А тогда, в конце августа под Духовщиной, его обрадовала встреча с товарищем юности Александром Фадеевым, которого он знал ещё комиссаром партизанской бригады Александром Булыгой, знакомство с автором “Тихого

Дона” и “Поднятой целины” Михаилом Шолоховым, одним из авторов “Золотого телёнка” Евгением Петровым. Судя по очеркам, фронтовым зарисовкам и статьям, знакомство с командармом на писателей произвело такое же доброе впечатление.

Но на этот раз пишущая братия явно перестаралась. Главный редактор газеты “Красная звезда” Давид Ортенберг любил рассказывать в редакции вот какой случай. Когда войска Западного и Резервного фронтов контратаковали ельнинскую и духовщинскую группировки немецких войск, по командировке “Красной звезды” на этот участок фронта были направлены несколько бригад корреспондентов и писателей. Наступление шло успешно. Начиная с 20 августа в газете каждый день стали появляться статьи и корреспонденции примерно под такими заголовками: “Успешные бои частей командира Конева”, “Новые успехи частей командира Конева”, “Части командира Конева продолжают развивать успех”. Случались дни, когда в один номер заверстывали по два материала: “Части командира Конева продолжают громить врага” и “Славные коневцы разгромили вражескую дивизию”. Так продолжалось до 28 августа. В своей книге “Июнь—декабрь сорок первого” Ортенберг так и напишет: “28 августа. Этот день мне запомнился...” Накануне в “Красной звезде” вновь прошёл развёрнутый материал, в котором сообщалось: “Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками Западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанеших крупное поражение врагу”. Приказ маршала Тимошенко, разумеется, лёг и на стол Сталину. Приказ завершила слова: “Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!” Бдительный редактор Ортенберг, вычеркнул номер армии и написал: “...частей командира Конева”. Дело в том, что существовало предписание, согласно которому в печати и в радиосообщениях допускалась необходимая редакция для соблюдения режима секретности.

Ортенберг: “Все это, надо полагать, было понятно читателю. Если что и было неясным, так эти самые “командир Конев”, “части командира Конева”. Что это? Дивизия, корпус, армия, фронт? И кто такой этот самый таинственный командир Конев? Майор, полковник, генерал? Зашифровывали Конева и его армию, понятно, в целях сохранения военной тайны, хотя я не очень был уверен, что немецкая разведка не знала, кто именно воюет под Духовщиной. (...)

Кстати, сам Конев, конечно, знал, почему мы не обозначали его чин, армию, и все же спустя некоторое время, когда мы вновь встретились, он в шутливой форме мне напомнил, поздоровавшись: “Командир Конев!” Больше того, в середине 1944 года, когда я служил начальником политотдела 38-й армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта, и вновь встретился с командующим фронтом Коневым, теперь уже маршалом, он, вспомнив, вероятно, мой приезд к нему в 19-ю армию и публикации “Красной звезды”, не без подначки весело сказал:

— Что, будем вместе служить в частях командира Конева?..

Вернусь, однако, к событиям августа сорок первого года. Итак, мы продолжали день за днём освещать ход сражения 19-й армии. (...) Всё как будто правильно. Но 28 августа на моём редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

— Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнёс всего одну фразу:

— Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева “всё в порядке”. Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и всё объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на “Красную звезду”, чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать её за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда ещё не

было. В то время когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель...”

Маршал Рокоссовский в своих послевоенных мемуарах оценивал бои на Смоленской дуге более скромно.

Обычно результаты боёв принято оценивать цифрами потерь. 19-я армия в августе—сентябре 41-го здесь, на Ярцевских высотах и на позициях по рекам Вопь, Лойня и Царевич отдала за каждого убитого немецкого солдата почти пятерых своих. Но в этих боях, не только армиями Западного и Резервного фронтов, но и всей Красной Армией было добыто иное: в войсках появилась уверенность в собственных силах. Именно в этих боях, под Ельней, родилась советская гвардия. Поколебленный в ходе летних боёв боевой дух Красной Армии был восстановлен и впредь возрастал от сражения к сражению, от битвы к битве.

23 августа немцы сделали ответный ход: на северном участке группа армий “Центр” атаковала позиции 22-й армии генерала Ершакова. Спустя двое суток были захвачены Великие Луки. 29 августа немцы овладели Торопцом.

Тем временем 19-я, 30-я и 29-я армии Западного фронта продолжали атаковать. Одновременно Резервный фронт 30 августа начал Ельнинскую наступательную операцию, успешно завершив её 6 сентября взятием Ельни. Противник был вынужден оставить ельнинский выступ.

Фон Бок уже не мог так свободно маневрировать резервами, потому что их попросту не осталось. 26 августа он сделал запись в дневнике: “Тот, временно занимающий пост командующего 9-й армией, давая оценку сложившемуся положению, упомянул о больших потерях, которые понесла его армия в оборонительных сражениях, и сказал, что, если ситуация не изменится, армии скоро придётся плохо”. В эти дни он предупредил командующего 4-й полевой армией фельдмаршала фон Клюге, что, если удержать Смоленск не удастся, 4-й армии также придётся отступать.

Но и Западный фронт исчерпал свой наступательный ресурс. Все резервы были буквально сожжены в гигантской топке под названием Смоленская дуга. 10 сентября пушки под Смоленском начали остывать. Ставка приказала фронтам прекратить наступление.

Удачные действия командарма-19 были замечены и по достоинству оценены в Ставке.

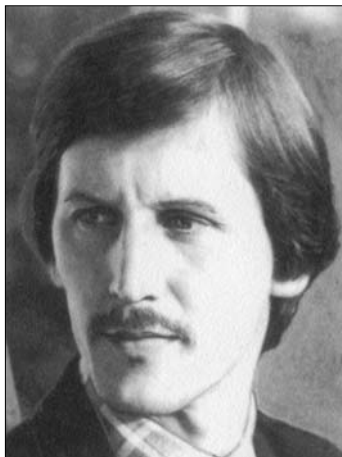
11 сентября Сталин назначил маршала Тимошенко командующим Юго-Западного направления. Там, в районе Киева, назревали крупные события. Маршал Будённый назначался командующим войсками Резервного фронта. А на Западный, по предложению генерала армии Жукова, решено было назначить командарма, особо отличившегося в ходе Смоленского сражения — командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева с присвоением ему звания генерал-полковник.

Сталин понял: для того чтобы выстоять в войне и победить, на высших командных должностях в действующей армии нужны другие люди. Армия нуждалась в других маршалах, способных быстро реагировать и мыслить на поле боя иначе. Других маршалов у Сталина в то время не было. Но были другие генералы. И он начал искать их и находить в войсках, продвигать и даже опекать, зачастую прощая серьёзные ошибки в надежде на то, что завтра они, его молодые генералы, наученные опытом летних боёв, принесут ему победы, которые и определяют ход войны, а затем и её финал.

На огромном фронте, протянувшемся от Балтийского моря до Чёрного, прихотливые пути истории свели именно здесь, под Смоленском, троих генералов, которые впоследствии станут символами победы в Великой Отечественной войне. В середине августа генерал-лейтенант Рокоссовский возглавил 16-ю армию. Когда сосед справа, 19-я армия, атаковала на Духовщину на Смоленском направлении, 16-я армия наступала на Ярцево на том же направлении. Генерал армии Жуков тем временем будет выполнять приказ Ставки по ликвидации Ельнинского выступа. Через несколько лет они, все трое, получат маршальские погоны и закончат войну командующими войсками основных фронтов. Три маршала — три богатыря Красной Армии.

(Продолжение следует)

МИХАИЛ КАРАЧЁВ

ХОЛОД РОДНОГО ЖИЛЬЯ...

* * *

Старый тополь первый встретил,
Расшумелся мне в ответ.
Ты узнал меня, приветил
Через тридцать с лишним лет.

Это старое селенье
С белым храмом у реки
Бережёт мои волненья
Давней радостной тоски.

В этом времени забытом
Я один ещё живу
В мире радостном, сокрытом,
Безответном наяву...

Незнакомые мне дети
Молча смотрят на меня.
Был и я на белом свете
Неразумное дитя.

КАРАЧЁВ Михаил Иванович родился в 1953 г. в посёлке Лаптюг Вологодской области. Служил в армии, окончил филологический факультет Вологодского пед-института. Долгое время руководил на Вологодчине государственной дирекцией по охране и реставрации памятников истории и культуры. Член Союза писателей России. Автор нескольких стихотворных сборников. Ныне руководит Вологодской областной организацией Союза писателей России.

И не знал пути-дороги,
И не ведал ничего,
Кроме маминой тревоги,
Кроме счастья своего.

Жизнь развеется в безмерный
Мир — беззлобно и легко.
Только тополь вспомнит верный
Всех, ушедших далеко.

Старый тополь, грустью вечной
Для чего мне сердце мнёшь
И листвою своей беспечной
В невозможное зовёшь?

* * *

Ветер дул. Осины на погосте
Трепетали в счастье молодом.
Что сказать? В село пришли мы, гости,
А родня заснула вечным сном.

Ветер дул. Сияя над погостом,
Грозовая высилась гряда.
Здесь в холме покоятся лишь кости.
Где та жизнь? Отстала навсегда.

Ветер сник. К далёким перелескам
Отошла небесная гряда.
Где та жизнь в её покорном блеске?
Где та жизнь? Замолкла навсегда.

Что желать? О чём молиться Богу?
Полон мир несбывшейся любви.
Не зовите в долгую дорогу.
Никого не вижу впереди.

Только здесь могильные перины
Будут ждать покоя моего.
Слышу, слышу в радости незримой
Голоса отставших далеко.

Только здесь, в молитве одинокой,
И далёким воздухом дыша,
Голоса, отставшие далёко,
Будет ждать забытая душа.

* * *

Отыщет ли сердца томленье
Любви затаившейся мглу,
Губами немного забвенья
Её призывать не могу.

Всё слышится мне дорогое
Забывтое слово её —
Печальное, нежное, злое,
Упавшее в ночь, в забытьё.

Обманчивы сны молодые,
Забывчива юная кровь,
Летающая в ночи шальные,
Не веря ни в смерть, ни в любовь!

Как пенится жизнь молодая
И рвётся в запретную даль
Родного небесного края,
Где жизни и счастья не жаль!

Но жизнь ожидания разрушит.
Знобящий вечерний восток
Обнимет дрожащую душу
И кинет в холодный поток.

Лишь память, храня постоянство,
Сжимаясь в единую плоть,
Несётся в пустое пространство,
Как маленький брошенный плот.

* * *

Сыплется иней с ветвей
В заросли зябнувших трав.
Ждёшь ли под вечер гостей,
Топишь ли печку с утра?

В мёртвом селе одному
Много ли надо тепла!
Дачник в родимом доме,
Где твоя жизнь отцвела?

Грядки копаешь весной,
Садишь картошку и лук.
За деревянной стеной
Что бережёшь от разлук?

Кончилось лето давно.
Кто сохранит урожай?
Кто на пороге родном
Вымолвит: “Не уезжай!”?

Что же! Безудержных дней
Всё перетрут жернова.
Что сохранишь без людей?
Только родные слова.

* * *

Помнишь — усталые травы
Никли к литым сапогам,
А у речной переправы
Волны ласкались к ногам.

Помнишь ли — первые льдины
Плавно несло по реке.
Край лесовой, нелюдимый
Весь отдавался тоске.

Скудость предзимнего света
И неотчётливый страх.
Крикнешь — не слышно ответа
В мёрзлых туманных лесах.

Надо успеть к перекрёстку,
К шуму на том берегу,
И на попутной трёхоске
Ехать в знобящую мглу,

К дому за дальним болотом.
Там, где за тусклым окном
После домашней работы
Молится мать перед сном.

Скоро морозы — как праздник!
Мёрзнет дорожная грязь,
Но в колее непролазной
Глохнет машина. Вылазь!

Дальше пешком... Серебристый
Воздух с высоких равнин!
Небо открылось! За мгlistой
Далью мерцающей, близкой,
В доме под крышей земlistой
Жизнь и забвеньё равны.

ИВАН ЕВСЕЕНКО

ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

ПОВЕСТЬ

*Дмитриевская Родительская суббота —
день поминовения усопших воинов.
(Православный календарь)*

Еще рано по весне, как только растаяли снега, неподалеку от деревенского кладбища, в березовой роще, что положим бугорком возвышалась над окрестными полями, начались строительные работы. Вели их какие-то чужие, заезжие люди, не то турки, не то казахи, все в одинаковых добротных спецовках желто-глинистого цвета. Они подогнали к березняку несметное количество землеройной техники: малых и больших бульдозеров, тракторов, экскаваторов и буровых установок. В две-три недели эти турки или казахи разбили рощу на квадраты, вырезали, где требовалось, белоствольные раскидистые березы, и начали в тех квадратах рыть неглубокие ямочки-могилы, укладывая вдоль них на изготовке короткопалые, гладко отполированные бетонные столбы с русскими и иноземными надписями на лицевой стороне — надгробные камни.

Слухи о том, что возле Серпиловки будут строить немецкое военное кладбище, ходили давно. Несколько раз в село приезжали всевозможные комиссии из района, из области и даже, говорят, из самой Москвы. В каждой комиссии непременно были представители немецкой, германской стороны.

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг", им. В. М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Они особенно придирчиво приглядывались к местности, что-то записывали и чертили в тетрадках, дотошно расспрашивали через переводчиков главу серпиловской администрации (по-старому — председателя сельсовета), хитровато-услужливого перед начальством мужика Артёма Забойкина, который в обязательном порядке сопровождал гостей.

При появлении очередной комиссии серпиловцы взбудораживались, приступали к Артёму с расспросами насчет кладбища — правда или неправда. Артём, отбиваясь от них, всегда отвечал уклончиво и нетвердо:

— Да это просто так, прикидывают. Может, еще ничего и не будет.

Народ, издавна привыкший начальству верить, мало-помалу успокаивался и вскоре забывал обо всех слухах и прикидках. Других забот было у него сверх всякой меры. Ничто ведь не ладилось в порушенной крестьянской жизни: ни с землей, ни со скотиной, ни с лесными и луговыми угодьями, куда теперь без позволения новых хозяев зайти не смей, гриба-ягоды не сорви, травы для коровы накосить остерегайся. До кладбищенских ли слухов нынешнему крестьянину...

Но вот всё самым достоверным образом подтвердилось: понаехали в Серпиловку турки с казахами, обосновались посреди поля в шатрах кочевым становищем, и работа в березовой роще, где прежде серпиловцы по праздникам любили отдыхать, водить хороводы-гуляния — закипела.

Дед Витя, тяжело опираясь на палку-крюку и припадая на протез, в ближайший выходной день, в субботу, сходил туда, посмотрел на весь умысел начальства, на турков-казахов и на двух долговязых немцев, которые вместе с нашими прорабами распоряжались стройкой. Шаг в шаг за ними сновал по аллеям Артём Забойкин. Но ни к нему, ни к прорабам, своим и германским, дед Витя подходить не стал. Прислонившись к старой березе, что росла на самой опушке рощи, он с полчаса наблюдал за хорошо налаженной работой иноземных строителей, а потом развернулся и поковылял к деревенскому погосту, огороженному шатким, кое-где уже и подгнившим штакетником.

Суббота нынче была Родительская, поминальная, а у деда Вити давно так было заведено, что в Родительскую субботу он всегда проводывал могилу матери. С собой дед Витя приносил четвертинку водки и самую малость какой-никакой закуски: завернутый в газетку ломоть хлеба, огурец, луковичку, кусочек сала да сваренные в мундирах картофелины — любимая их с покойной матерью еда, на которой они в годы немецкой оккупации только и выжили.

Зайдя за ограду, дед Витя разворачивал газетку на дощатом столике, устойчиво сооруженном на двух дубовых опорах, ставил четвертинку-чекушку и специально заведенную им для кладбищенских таких походов граненую стопочку. Но сразу к поминальной трапезе он не приступал, а с полчаса сидел на лавочке подле стола и молча глядел то на повитый белым вышитым рушником крест, то на песчаный бугорок-могилку, на которой в летнюю пору всегда росли посаженные женой деда Вити, Ольгой Максимовной, многолетние цветы-петушки, а в зимнюю лежали глубокие белые снега.

Наконец дед Витя наливал стопочку, поясно склонял обнаженную свою пепельно-седую голову перед крестом и песчаной могилой и, обращаясь к матери, говорил ей всегда одни и те же, совсем вроде бы не поминальные слова:

— Ну, вот, мать, мы и свиделись!

— Дай-то Бог! — тоже одними и теми же и тоже не поминальными, не скорбными словами отвечала ему мать.

Дед Витя выпивал стопочку, осторожно закусывал и, теснясь спиной к ограде, ожидал продолжения разговора с матерью. И он непременно возникал.

— Отец не вернулся? — спустя недолгую минуту, тихим, но таящим в себе надежду голосом спрашивала мать.

— Нет, не вернулся, — не смел скрывать от нее правду дед Витя. — И дядя Петро, и дядя Андрей, и дед Степан тоже не вернулись. Сто четыре человека не вернулись.

Мать умолкала, и с каждым разом все тяжелей и печальней. Но вскоре опять окликалась и наказывала деду Вите:

— Ты сходи, тетку Соно, тетку Валию и детей проведай.

— Сейчас схожу, — послушно отвечал дед Витя и, захватив четвертинку со стопочкой, действительно шел через неширокий прогал-просеку к соседним могилам, где в одном ряду стояли два больших, взрослых, и пять маленьких, детских, крестов.

Он останавливался возле них, выпивал стопочку за упокой души тетки Сони и тетки Вали. Потом делал два шага в сторону, наливал еще одну стопочку и говорил, обращаясь к маленьким крестам и маленьким бугоркам, под которыми лежали бывшие его ровесники и погодки, сыновья и дочери тетки Вали и тетки Сони: Гриша, Коля и Нина Слепцовы и Лида и Ваня Борисенко:

— Мир вам и покой, ребята!

Слова были, конечно, стариковские, до конца малым детям, наверное, и не понятные. Но других у деда Вити не находилось. Деля на пять равных глотков стопочку, он тоже с низким поклоном выпивал ее и возвращался назад к матери.

* * *

Когда началась война, Витьке исполнилось всего пять лет, но он помнил это начало до самых малых подробностей. На шестой или на седьмой день отцу и многим другим серпиловским мужикам пришли мобилизационные повестки из военкомата. Долгих проводов, как это случалось раньше, в довоенную пору, когда отправляли на службу в Красную Армию молодых деревенских ребят, никто не устраивал. Собиралась самая ближняя родня, да соседи выпивали, кто сколько мог — и на том все прощание. Война ведь застала всех врасплох, в самую жаркую сенокосную пору: впрок не было заготовлено ни самогонной водки, ни вдосталь закуски. Да и какие там гуляния, песни и пляски (это после так лишь в книжках писали да в победном кино показывали), а на самом деле — одни только слезы и плач. Прощались скоро и скорбно: не на увеселительную прогулку уходили мужики — на войну, где смерть и погибель ожидали их на каждом шагу. Уходили, считай, из каждого деревенского дома, и родные с соседями иной раз душу и сердце рвали, не зная, кого в первую очередь провозжать.

У Витькиного отца на сборы и провода и вовсе времени не осталось. Был он в селе человеком заметным и во многом даже незаменимым — лучшим из лучших соломенным кровельщиком. Его так все и звали в Серпиловке — Василий Кровельщик. Ржаною, кулевого обмолота соломою (а есть еще и обмялица, то есть мятая и ломаная, которая годится лишь на подстилку скотине) никто надежней отца покрыть деревенский дом или сарай не мог. Иные хозяева, задумавшие обновлять крышу, случалось, ждали его по полгода, не доверяя другим, не столь удачливым и искусным мастерам.

За неделю до начала войны своей очереди дождался на дальнем конце села, в подлесье хозяйственный, дореволюционной еще закалки мужик Афанасий Демьянович, друг и однополчанин погибшего в гражданскую войну Витькиного деда по отцу — Михаила.

Каждое утро отец, приспособив за пояс топор, а под мышку главный инструмент кровельщика — трепицу (деревянную, в метр длины, дощечку с ухватистой ручкою и забитыми по одному продольному торцу в виде гребешка гвоздиками с обрубленными головками), отец шел в подлесье. Напрашиваясь ему в помощники, Витька часто увязывался за отцом и действительно, как мог, помогал: пробовал крутить перевясла, связывать маленькие парные кулики, которые кладут первым рядом, в подстрешье, бесстрашно взлетал по крутой лестнице, чтоб подать отцу напиток студеной колодезной воды, квасу или сыворотки. Но не столько, конечно, помогал, сколько, глядя на отца, научался мудреной и нелегкой работе кровельщика (после наука та содтилась, сам не одну крышу в Серпиловке накрыл и перекрыл) да веселил его своим детским неостановимо-бойким гомоном.

Дом у Афанасия Демьяновича был большой, на две комнаты: горница-светелка и кухня, к которой примыкали просторные рубленые сени и камора-кладовка. Крыша на таком доме возвышалась четырехскатная, с островерхим, взлетающим в небо коньком. Работы на ней отцу с Витькой предстояло много. Словно предчувствуя беду, они старались изо всех сил, но все равно не успели. Когда пришло известие о начале войны, и отцу принесли из военкомата повестку, они накрыли всего четверть этой крыши. Если по-хорошему, то отцу надо было бы бросить заказ да перед уходом на войну привести в надлежащий порядок всё у себя в доме: починить заботы, до которых прежде за чужими заботами не доходили руки, заготовить впрок дров (мать, оставшись одна с малолетним Витькой, как сама заготовит?), перевести с луга недавно только сметанный стожок сена (опять же, как матери одной будет с ним справляться?), но Афанасий Демьянович слёзно просил отца довести до ума его крышу. Ведь взамен ему придется звать какого-нибудь старика-кровельщика, у которого уже и сил нет, и умение растеряно. Накрытая им крыша через год-полтора просядет на стыках, начнет подтекать и сгниет раньше отведенного ей срока. И отец не мог не уважить слёзной этой просьбе Афанасия Демьяновича. Все последние перед расставанием с семьей дни пропалал он возле его дома и завершил кровельную свою страду, выложил островерхий конек в самый канун отправки новобранцев в район. Витька на той, считай, уже военной страде был неразлучно с отцом, и так и запомнил его высоко стоящим с трепицею в руках на крыше, молодого, красивого и сильного, в вольно развевающейся на июльском ветру рубахе, в выгоревшем на солнце, почти белом картузе, из-под которого выбивались волнистые его светло-русые волосы.

Вечером они ходили с отцом к реке мыться и купаться. Долго плавали в теплой, потемневшей к ночи воде, ныряли и выныривали, игрались в прятки, и Витька опять восхищался своим отцом: его крепким загорелым, как у всех деревенских мужиков, лишь по шее телом, на котором при каждом движении бугрились тугие, будто железные мышцы — и тоже запомнил вечернее то купание с отцом до самой последней мелочи.

Когда они вернулись домой, мать накрыла в горнице прощальный стол. Уже при свете керосиновой лампы они всей малой своей, но такой сплоченной семьей посидели, наверное, часа два. Отец с матерью выпили по рюмке водки, а Витька полный стакан хлебного, почти хмельного квасу. Мать несколько раз, глядя то на отца, то на Витьку, начинала плакать, вытирать глаза кончиком фартука. Отец останавливал ее и даже как будто сердился:

— Ну что ты плачешь, что плачешь?! Даст Бог, вернусь. Главное, парня береги.

— Да нам-то что, — обнимая Витьку, крепилась мать. — Кругом люди, народ — не дадут пропасть. Ты себя береги.

— Это уж как получится, — не стал лукавить отец.

Жесткие эти его, но справедливые слова опять-таки запали Витьке в память на всю жизнь...

Утром отец оделся в повседневную свою, порядком обветшавшую одежду: хлопчатобумажные брюки, ситцевую рубаху и серенький, с двумя заплатами на локтях пиджак. А вот с сапогами у него вышла заминка. Они были совершенно новыми, только по весне пошитыми из добротной яловой кожи деревенским сапожником дедом Кузьмой. Отец наматал портянки и начал уже было обуваться, но потом посмотрел на сапоги каким-то особым, оценивающим взглядом, помял в руках голенища и вдруг сказал Витьке:

— Принеси-ка мне из сеней лапти.

— Да ты что?! — изумилась и опять заплакала мать. — В лаптях на войну пойдешь?!

— Пойду, — вполне серьезно ответил отец. — Меня босым на фронт чай не отправят, а тебе сапоги здесь пригодятся: и сама при случае обуешь, и Витька, когда подрастет, в школу в них ходить будет.

Мать заплакала еще сильнее, стала еще настойчивей отговаривать отца. Но Витька, не всё понимая в их разногласиях, послушаться отца не посмел, прожогом бросился в сени и снял там с гвоздика целую связку лаптей.

В те, довоенные годы, мужики в деревне лапти носили еще часто. Особенно в сенокосную пору или во время жатвы, когда в лаптях ходить и прохладней и мягче. Обувал их иногда и отец на кровельные свои работы, оберегая новые сапоги, которые можно было оцарапать и поранить колючей и острой кулевой соломой.

Из принесенной Витькой связки отец выбрал поношенные, не раз уже бывшие в употреблении лапти (чтоб ноги не натереть, как объяснил он матери), заново перемотал портянки и, обувшись, туго, крест-накрест переплел их высоко по щиколоткам и голениям конопляными веревочками.

— Чем не солдат?! — стараясь развеселить мать и Витьку, гулко приотпнул он, прихлопнул лыковыми лаптями по глинобитному полу.

Мать на это только вздохнула и покачала головой, а Витька и вправду развеселился и по малолетству своему и слабому разумению подумал, что отец в лаптях собрался вовсе не на войну (ни одного солдата на газетных картинках и на плакатах, что висели в сельсовете, он в лаптях не видел), а на привычную свою заказную работу. Сейчас он возьмет в повети трепицу, топор, и они пойдут с ним опять в подлесье или на дальнюю луговую улицу и начнут перекрывать у кого-нибудь из мужиков, с которыми у отца на этот счет есть договоренность, дом или сарай.

* * *

Но пошли они совсем в иную сторону, к сельсовету, где был назначен сбор всем новобранцам. Вместо трепицы и топора отец забросил за плечи приготовленный матерью мешочек-торбочку с парой запасного нательного белья и едой на трое суток, как о том было написано в повестке. Минуты две-три они по обычаю посидели на дорожку (чтоб она была удачной и счастливой) в полном молчании на лавке и вышли во двор. Отец взял Витьку за правую руку, мать — за левую, и так, в неразлучной цепочке, они и добрались до сельсовета.

Там уже было полным-полно народу. Вдоль забора стоял конный обоз подвод на десять, на котором предстояло везти новобранцев в район. Многие женщины собирались идти вслед за ним до самого города, чтоб побыть с уходящими на войну мужьями лишние два-три часа. Загорелась сопроводить обоз и мать, но отец остановил и удержал ее:

— Чего ты зря будешь рвать сердце?! Да и Витька истомится.

Мать послушалась отца. Они в последний раз обнялись, припали друг к другу. Потом отец поднял на руки Витьку, поцеловал его и теперь уже ему как совершенно взрослому, самостоятельному мужчине наказал:

— Береги мать! Она у тебя одна.

И больше Витька отца никогда не видел.

От него пришло два письма, но еще из запасного, учебного полка, откуда-то из-под города Серпухова, а вот с фронта — ни единого. Пока отец обучался солдатскому, военному делу и ремеслу, фронт сам пожаловал к ним в село. Четыре дня с короткими привалами шли через него наши отступающие войска, унылые и виноватые перед каждым деревенским домом и перед каждым деревенским жителем, которых они оставляли в полоне, может быть, и на верную гибель.

Вместе с последними разрозненными частями Красной Армии ушел в отступление и Витькин дед по матери Степан Игнатьевич. По возрасту он призыву в армию не подлежал (в самый канун войны деду исполнился пятьдесят один год), но по какому-то особому приказу таких вот, в общем-то нестарых еще, крепких деревенских мужиков поднарядили на колхозных подводах подвезти до соседнего села военное имущество, боеприпасы или раненых бойцов. Дед уехал в расчете вернуться через день-другой, но так и не вернулся. Часть, к которой он был прикомандирован, попала в окружение, и дед остался при ней уже полноправным солдатом, прорвался из окружения и долго воевал рядовым красноармейцем в хоззвезде. Ни одного письма от деда Степана тоже не пришло. До сентября сорок третьего года, пока село

находилось под оккупацией, писать ему письма было некуда. А к тому времени, когда село освободили, он уже погиб. О судьбе деда кратенько рассказал сельский их учитель Иван Петрович, который вместе с ним ушел в отступление, но на войне уцелел, вернулся домой в офицерском уже звании. Витька в старших классах семилетней школы учился у него математике.

А о судьбе отца Витька узнал лишь после войны. Под диктовку все того же Ивана Петровича он написал запрос в военный архив, и оттуда через полгода пришло извещение, в котором сообщалось, что его отец погиб смертью храбрых в декабре сорок первого года, защищая столицу нашей Родины — город Москву.

* * *

Как они с матерью пережили оккупацию, о том дед Витя вспоминать не любит. Всего они натерпелись: и голода, и холода, и притеснений полицаяв, которые деревенских женщин, вчерашних колхозниц, вместе с детьми гоняли на сельхозработы, заставляя и картофель для немецкой армии, вермахта, сажать, и рожь цепами молотить, и сено заготавливать.

Но погибельного, смертельного дня, что настиг их с матерью осенью сорок третьего года, дед Витя не забудет до последнего своего дня и часа — слишком большими слезами и большой кровью врезался он в его память.

Еще в конце августа стала доноситься с востока далекая, не стихающая ни днем, ни ночью канонада. Вначале глухая, будто грохочущая где-то за горизонтом гроза, а потом все ясней и ясней. Таясь от полицаяв, взрослые и дети прикладывали головы к земле — и было слышно, как она вся дрожит и наполняется непрерывным гулом.

— Наши! — передавалось из дома в дом, из уст в уста.

И действительно, вскоре фронт приблизился вплотную к селу. Бои шли всего в нескольких километрах от него, по берегу реки. Начались бомбежки и артобстрелы. Витька с матерью и прибившиеся к ним ближние соседки, тетка Соня и тетка Валя с детьми прятались в старинном их дедовском погребе, что стоял за сараем в углу двора. Сообща было не так страшно, да и дедовский погреб был надежнее, чем у соседей: кирпично-каменный, с неодолимо крепким, похожим на церковный купол сводом, не то что у тетки Сони и тетки Вали — деревянные, рубленные, правда, из дуба, но уже обветшавшие, готовые обрушиться при отдаленном даже взрыве снаряда или бомбы.

В тот день они с соседями сидели в погребе с самого утра, ожидая и надеясь, что немцы возле реки долго не удержатся и вот-вот побегут через луг и огороды прочь из села, а в него войдут солдаты Красной Армии — наши.

Немцы и вправду побежали скопом и поодиночке, на ходу отстреливаясь и, где можно, поджигая деревенские дома (во время тех поджогов и пожаров сгорел и дом Афанасия Демьяновича с новенькой, не успевшей еще потемнеть крышей, которую перекрыл перед самым уходом на фронт Витькин отец).

Несколько немецких солдат пробежали и через их двор. Дом и сарай они не подожгли, не до того уже фашистам было — наши солдаты неотвратимо настигали их. И тогда немцы сотворили еще более страшное и непоправимое изверство.

Услышав топот и крики отступавших фашистов, мать, тетка Соня и тетка Валя поплотнее закрыли дверцу погреба и велели детям сидеть смирно, не подавая ни единого звука. И уже почти переждали беду, но вдруг самая младшая из детей, двухлетняя Нина Слепцова громко и неудержимо заплакала. Пробежавший мимо немец, должно быть, различил тот плач. Ударом сапога он вышиб дверцу погреба и бросил в его глубину гранату на длинной ручке. Дед Витя до сих пор видит, как она летит из погребного зева (или ему кажется, что видит) и как оцепенели все прятывшиеся в погребе женщины и дети, понимая, что спасения им от той гранаты нет. И лишь одна Витькина мать в последнее перед взрывом мгновение успела толкнуть его за громадную бочку с солеными огурцами и прикрыть своим телом.

* * *

Очнулся, пришел в себя Витька в одном из классов деревенской их школы, где нашим командованием был оборудован полевой госпиталь. На соседних с ним койках лежали раненные солдаты и офицеры, а рядом сидела старшая материна сестра, тетка Анюта.

— Где мать? — первое, что спросил Витька.

Тетка заплакала.

— А остальные? — нашел в себе силы спросить ее и дальше Витька. Тетка заплакала еще сильнее.

И сколь ни мал был Витька, а по тем ее горячим слезам понял, что нет в живых ни матери, ни тетки Сони, ни тетки Вали, ни соседских детей, его сверстников и погодков.

Он тоже заплакал, уткнулся головой в подушку и долго так лежал, глядя на соседнюю койку, где стонал весь в бинтах и повязках пожилой тяжело раненный солдат. Когда же опять повернул голову к тетке Анюте, то вдруг как-то по-мальчишески невпопад, испуганно спросил:

— А я?

— А ты — живой, — обняла его за плечи тетка. — Только ранен в ногу. — Витька отбросил одеяло и увидел, что левая его нога взята в гипс и что ступни на ней и половины голени нет. Он попробовал пошевелить укороченной этой ногой, но все его тело пронизала такая острая, непереносимая боль, от которой Витька снова едва не потерял сознание.

— Терпи, браток, — перестав стонать, приободрил его сосед по койке. — Главное — колено цело. Протез сделают — еще в футбол будешь играть.

Утешительные слова старого солдата-сибиряка по имени Пётр (он умер через несколько дней) тоже навсегда запали в память Витьке. И особенно слово “браток”, которое как бы уравнивало Витьку со всеми ранеными на войне красноармейцами. Хотя, конечно, равняться ему с ними не приходилось: они были ранены в боях и сражениях, а он всего лишь в погребке, где хотел укрыться от этих сражений.

* * *

Сегодня тоже была поминальная суббота. К тому же особая, называемая Дмитриевской. Учреждена она, говорят, давным-давно, в честь победы князя Дмитрия Донского на Куликовом поле над татарами. В эту субботу в первую очередь принято помянуть всех погибших на полях сражений воинов. Дед Витя всегда и поминал их: вначале отца с дедом, потом ближних и дальних родственников, дядьев, старших двоюродных и троюродных братьев, умершего в госпитале у него на глазах старого солдата Петра, которого тоже почитал теперь за родственника, и вообще, как и полагалось и требовалось в Дмитриевскую субботу, всех до единого не вернувшихся с войны солдат, пусть они ему и не знакомые, безымянные.

Мать, теток Соню и Вало и своих ребят-сверстников дед Витя в этот день поминал наравне с павшими воинами. Погибли они, считай, тоже на поле сражения и боя, хотя и были безоружны и никем не защищены от врага-неприятеля, кроме неодолимой своей веры, что рано или поздно неприятель этот будет побежден и наши красноармейские бойцы-защитники вернутся.

Верно это или не верно, грешно или праведно, но поминал дед Витя и оторванную свою ногу. Он представлял, какой бы она выросла во взрослой его жизни, как бы он в летнюю пору ходил на обеих устойчивых ногах босиком, и левая его ступня, точно так же, как и правая, чувствовала бы и прохладную утреннюю росу в сенокосных лугах, и жарко разогретый (раскаленный даже) к полудню песок на уличных тропинках, и каждый-любой корешок и камушек на огородах. А в зимнее, студеное время, обувая сапоги или валенки, Виктор равноценно наматывал бы на обе ступни байковые ворсистые портянки, и, опять-таки, левой ноге в них было бы точно так же тепло, как и правой.

Много и еще чего хорошего представлял дед Витя об этой утерянной своей ноге, которой уже почти и не помнил (какие на ней были пальцы, какой подъем, какая щиколотка). Он только помнил, что обут был в тот день в яловые отцовские сапоги. Старенькие его, еще довоенной покупки ботинки совсем прохудились, и мать, собираясь в погреб, велела Витьке для тепла обуть отцовские бережно хранимые ими сапоги. Случалось, Витька носил их и раньше, наматывая двойные портянки и набивая в передки побольше ветоши и скомканных газет, чтоб сапоги хоть отдаленно подходили ему по размеру.

В погребной сырости Витьке было в отцовских сапогах действительно и тепло, и уютно и совсем не страшно, как будто отец тоже был здесь, рядом, и в любую минуту мог защитить и Витьку, и мать, и соседок с детьми. Он лишь боялся, как бы не повредить сапоги о кирпичи и железную, стоящую внаклон лесенку.

Но повредились сапоги совсем от иного. Во время взрыва гранаты осколками посекло не только левый, но и правый сапог. Его располосовало вдоль всей подошвы и пятки, чудом не задев ноги. Никакой починке изуродованный этот сапог не поддавался, хотя тетка Анюта и носила его к деду Кузьме.

Чем больше Виктор вырослел, тем все больше становилось ему совестно перед отцом, что не уберег он его такие теплые и непромокаемые в любую погоду, почти новенькие еще сапоги. Лучше бы отец ушел в них на фронт, может быть, и уцелел бы, остался жив.

Дед Витя наливал отдельную, особую рюмочку и молча выпивал ее на помин детской своей обутой в отцовский сапог ноги, о которой думал в эти мгновения, как о совершенно живом существе...

* * *

В полевом армейском госпитале Витька пролежал три недели, пока тот не снялся и не ушел вслед за наступающими нашими войсками. Из окошка ему хорошо был виден колхозный двор и бревенчатая конюшня, в которую заперли немецких военнопленных. Их было, наверное, сотни полторы, обшарпанных, злобно-угрюмых, потерявших свой прежний бравый и наглый вид, с которым два года тому назад входили в село.

Рано поутру конвоиры выпускали пленных из конюшни в обнесенный изгородью лошадиный загон. Они брели к стоявшему посередине загона колодцу с водопойной колодой-корытлом, кое-как умывались там и брились, жадно пили мутную, взбаламученную воду (иногда прямо из корыта), потом всем скопом подходили к ограде и, прося есть, кричали хором и поодиночке проходившим по улице деревенским жителям:

— Эссен! Эссен!

Голодный их, одичавший рев был слышен по всему селу, и сердобольные женщины, не в силах переносить его, нет-нет да и подсылали к загородке мальчишек и девчонок с ломтем-другим хлеба или с ведерком сваренной в мундирах картошки.

Немцы жадно, влопыхах ели, запивая хлеб и картошку все той же мутной с ворсинками-стебельками зеленого колодезного мха водой. А поев и ополоснув возле колодца ведерко, возвращали его мальчишкам и девчонкам и тоже хором, словно по команде, говорили:

— Данке шён!

А иногда дарили им зажигалки и губные гармошки, показывали фотографии, на которых были изображены их жены и дети.

— Майн фрау, майн киндер! — произносили они охрипшими голосами, тыча себя в грудь.

Раз в два дня приезжала на колхозное подворье полевая солдатская кухня, и повар-красноармеец в окружении все тех же неусыпных мальчишек и девчонок варил для военнопленных кашу из пшеницы или ячменя.

Ребята, часто проводывавшие Витьку в госпитале, приносили ему в настоящем солдатском котелке, который одалживали у повара, наваристой ячменно-пшеничной каши, и она почему-то казалась ему гораздо вкуснее той, что варили для раненых бойцов в госпитале.

Пленные немцы вели себя вроде бы смиренно и послушно, ничем не противореча красноармейцам-охранникам. И, похоже, усыпили их бдительность. Однажды, выбрав глухую дождливую ночь, трое военнопленных вылезли из конюшни через соломенную крышу, перепрыгнули через жердяную изгородь и стали уходить в болотистый ольшаник, который начинался сразу за колхозным подворьем. Но далеко не ушли. Охранники все-таки обнаружили их, бросились в погоню и застрелили всех троих из автоматов на самой опушке ольшаника.

Похоронили немцев там же, на краю болотца. Из военнопленных была выделена специальная похоронная команда, пять или шесть человек. Под присмотром красноармейцев они вырыли три отдельных, не очень глубоких могилы (грунт был топкий и вязкий, сразу проступающий болотной водой), положили туда застреленных, прикрыли шинелями и забросали землей. С позволения конвоиров похоронщики сладили три березовых креста, написали на них химическим карандашом имена убитых и воткнули те кресты в надмогильные насыпи.

Никто из взрослых сельских жителей смотреть на немецкие похороны не ходил. Свидетелями были одни лишь мальчишки. Молчаливой настороженной стайкой они стояли далеко в стороне, смотрели, как расчетливо, сменяя друг друга через равные промежутки времени, работают пленные немцы и как тоже угрюмо молчат наши красноармейцы.

Никто из серпиловцев не заглядывал к немецким могилам и после похорон, не косил поблизости от них болотную траву осоку и камыш, не рубил в ольшанике жердей. Мальчишки тоже обходили это место стороной: рано по весне, в первые майские дни, не рвали сладкую съедобную траву — аир, а в самый разгар лета не собирали ягоду-ежевике, которой на опушке ольшаника было видимо-невидимо. Никакого запрета ни на косьбу, ни на порубку жердей, ни на сбор аира и ежевики никто вроде бы не устанавливал — запрет образовался как-то сам собой, и немецкое это трехмогильное кладбище все больше и больше отчуждалось и от жизни серпиловцев, и от их песчаной, не больно плодородной земли.

Березовые кресты на немецких могилах с надписями на непонятном чужом языке быстро подгнили и куда-то исчезли. А вскоре исчезли и сами могилы: торфяное топкое болото разрослось, расширилось и год за годом навсегда поглотило их. О могилах вспомнили лишь прошлым летом, когда пошли все эти разговоры насчет германского кладбища, и когда по всей округе стали бродить отряды своих и иноземных, одетых в одинаковую камуфляжную форму людей, отыскивая под землей, на месте боев погибших немцев. Но дед Витя все это не касается...

Как только речь заходила о войне, он сразу умолкал, делался мрачным и тяжелым и пил сверх меры водку. Вообще, характер у Виктора годам к двадцати образовался вспыльчивый, с резкими перепадами от нелюдимого молчания и забывтья до каких-то горячечных взрывов. Особенно если он выпивал рюмку-другую. Тогда с ним могла справиться одна только Ольга Максимовна, женщина властная, но добрая. Она двумя-тремя словами унимала распявшегося своего мужа, называя его иногда в шутку, а иногда, если уж сильно доводил ее, так и всерьез “хромым бесом”. Виктор на эти сказанные ею в сердцах слова не обижался. Ругаться-то Ольга Максимовна ругалась, а замуж вышла за “хромого беса” не по принуждению, а по доброй воле и девичьему влечению, послушавшись родителей, которые остергали ее связывать жизнь с хромым, увечным парнем, да еще такого неумного, вспыльчивого характера. Но она не послушалась их — связала и никогда о том не жалела...

* * *

Нынче дед Витя пришел на кладбище по деревенским меркам не так уж чтоб и рано — в девятом часу. Утро выдалось ясным и солнечным, без единого облачка на прозрачно-голубом небе. Сизо-лиловый туман, опустившийся вчера с вечера на все окрестные поля, на дуга и речку, сегодня к утру

растаял, невидимо рассеялся и лишь в березняке за кладбищем он устоял, зацепившись за багряную позолоту плотной, будто дождевой тучей.

Изредка поглядывая на эту тучу, скрывающую от деда Вити всё, что делалось-творилось в березняке, он развернул на столике узелок, долго устанавливал стопку и четвертинку (раньше, в молодые годы приносил он поллитровку, а теперь уже не та сила и не та возможность), еще дольше чистил картошку в мундире, вчера с вечера запеченную Ольгой Максимовной в подувале лежанки (всегда, каждый год, в одном и том же числе: ровно девять недавно только вырытых на огороде картофелин — для матери, теток Сони и Вали, для малых детей, Гриши, Коли, Нины Слепцовых, Лиды и Вани Борисенко (он клал их на перекладинки крестов, как кладут на Радоницу яйца-крашенки и ломтики пасхального кулича). И одну — для себя.

В начале одиннадцатого дед Витя в последний раз оглядел материнскую могилу (всё ли на ней хорошо и ладно), поправил захлестнутый набежавшим ветром за опору креста вышитый рушник и собрался уже было уходить домой (обещал Ольге Максимовне срубить на пойменных грядках капусту, солить которую на зиму как раз подоспела в эти начальные дни ноября пора), но вдруг он увидел, что со стороны города по осенней пустынной дороге, минуя село и кладбище, движется прямо к березовой раскопанной и растевоженной роще целая кавалькада машин. Впереди, охранно сопровождадая этот обоз, мчался милицейско-полицейский “уазик” с синей угрожающей мигалкой на крыше. Вслед за ней несло несколько легковых, сверкающих на солнце лаком и затененными, будто маскировочными, стеклами машин-иномарок, потом громадный на три двери тупорылый автобус, тоже не нашего производства, заграничный, с заграничными, непонятными надписями по всем стенкам. Замыкали колонну три военных грузовика, крытых брезентом, какая-то затёрханная машинёнка-“Жигули” (как после выяснится, с журналистами телевизионщиками и фоторепортерами) и на почтительном расстоянии от них юркая бытовка, еще с весны хорошо примелькавшаяся в Серпиловке, на которой ездили прорабы, ведавшие работами на будущем немецком кладбище, подневольники-казахи и добровольно набивавшийся им в помощники Артём.

Замедлила ход и остановилась колонна на опушке рощи всего в тридцати метрах от деда Вити. Глядеть на всю предстоящую церемонию у него не было никакого желания. Пусть Артём глядит, коль он прослал таким поборником строительства немецкого погоста, безропотно отдал под него березовую серпиловскую рощу. Может, и вправду ему что-либо от того пособничества обломится: асфальтная дорога до самого дома или какой-нибудь шинок-корчма возле погоста, которым проворный Артём и станет заведовать.

Завернув в лоскутик-полотенце остатки еды и опорожненную чекушку, дед Витя спрятал их в сумку и, поскрипывая протезом, направился к кладбищенским воротам. Но с удалением своим он немного опоздал: со стороны села к березовой роще наперез ему шли-торопились многие деревенские мужики и бабы. Рядом со взрослыми бежали малые и чуть постарше, школьного уже возраста дети, большие охотники до любых происшествий и зрелищ.

Встречаться с мужиками и бабами, вступать с ними в какие бы то ни было разговоры, да еще при детях, деду Вите не хотелось. Он вернулся назад, к материнской могиле, снял шапку и сел на лавочку. Самым тщательным и придирчивым образом он обследовал четвертинку-чекушку: не осталось ли в ней еще хотя бы полрюмочки, чтоб, не произнося уже никаких поминальных слов, просто выпить, пока деда Витю не обнаружил кто-нибудь из бегущих к роще и не стал звать с собой. Но четвертинка была пуста и прозрачна, на слёзы в ней он не оставил ни капли.

Березовую с почти уже опавшими листьями рощу колонна-обоз охватила в широкий полукруг, как будто намерена была держать здесь долговременную оборону. Из “уазика” тут же выскочили бойкие милиционеры-полицейские, вооруженные резиновыми дубинками, и действительно начали организовывать эту оборону. Они перехватили подступивших на опасно близкое расстояние к легковым иномаркам деревенских мужиков и баб и указали им место в стороне от рощи, на пустыре, который отделял ее от кладбища.

Мужики и бабы попробовали было о чем-то спорить с милиционерами-полицейскими, но потом, с опаской поглядывая на их черные ребристые дубинки, уступили превосходящей военной силе и покорно заняли указанное место на пустыре. Не подчинились полицейским одни лишь мальчишки-подростки. Обманув их, они проворно взобрались на березы и зависли там грачными говорливыми стайками. Полицейские, запрокидывая головы, что-то прокричали мальчишкам, пригрозились даже дубинками, но снимать не решились: лезть на березы без вспомогательной техники, подъемного крана или хотя бы какой-нибудь лестницы было и высоко и опасно, да и ребятишки никакой угрозы для предстоящей церемонии пока вроде бы не представляли.

Из легковых машин тем временем начали выгружаться гости и начальники (свои и иноземные), все в добротных, тоже будто покрытых лаком плащах и куртках, которые прямо-таки горели-сияли на осеннем утреннем солнце. Первыми из серебристо-белого “Опеля” вылезли, как догадался дед Витя, два самых главных и важных начальника, наш и немецкий (поди, губернаторы или какие-нибудь мэры). Догадаться об этом и вправду было нетрудно, потому что возле “Опеля” в ту же минуту и секунду услужливо засуетились милиционеры-полицейские и всякая иная челядь. Даже дверцу в машине открывали не сами губернаторы-мэры, а юркий охранник-распорядитель, вынырнувший из толпы.

Наш губернатор был совсем еще молодым человеком (может, лет сорока-сорока двух), бодрым, напористым и, как почудилось деду Вите по первым его шагам и движениям, хорошо знающим себе цену.

Немец выглядел годами чуть постарше, с копной густых седеющих волос и крупным, будто переломленным надвое горбинкой, носом. Держался он спокойно, с достоинством, как, наверное, и полагается держаться столь значительному лицу, представляющему за границей свою мощную, сильную державу, с которой считаются во всем мире.

Вслед за губернаторами-мэрами выпорхнула из “Опеля” переводчица, бойкая тонконогая девица в штанах-джинсах, высоченных, с накладками на коленях сапогах-ботфортах и укороченной, словно для равновесия с этими ботфортами, кожаной переполёсой куртке. Чувствуя себя на торжестве-мероприятии едва ли не главнее самых губернаторов, она гордо встала между ними и, с нескрываемым превосходством поглядывая на всех остальных гостей, что-то залепетала-зачастила, хотя ее подопечные, кажется, еще и не начинали никакого разговора.

Из машины, затормозившей рядом с губернаторской, вылезли два генерала: один опять-таки наш, а другой — немецкий. Своего дед Витя легко признал по широким красным лампасам на брюках и непомерного размера фуражке-аэродроме с высоко, почти к самой макушке загнутой тульей (дед Витя давно заметил по телевизору, что у наших военных пошла нынче такая мода: чем выше начальственный чин, тем выше задрана у него тулья). Немецкий же генерал смотрелся поскромнее, но как-то внушительней. Одет он был в парадную светло-мышинного цвета (любимый немецкий цвет) шинель-пальто с тяжелыми, ниспадавшими с правого плеча на грудь аксельбантами. Оба генерала заслуженные (может быть, даже и боевые), в больших армейских или штабных должностях. Сквозь распахнутые полы шинелей (в машине, наверное, жарко, да и на улице — еще не зима) ярко гляделись и у того, и у другого, занимая полгруды, наградные колодки. У немца они были мясистые и увесистые, чем-то напоминающие окурки сигар, зато у нашего наградных (пусть и поуже) колодок насчитывалось вдвое больше, и это уравнивало генералов в их воинских доблестях. Сопровождал генералов военный щеголеватый переводчик, лейтенант или старший лейтенант, в фуражке, понятно, поменьше, чем у генерала, но с тульей, загнутой по-молодому лихо и нахально. Сразу было видно, что он тоже метит в генералы и с годами непременно им будет.

Только вступив на землю, переводчик ненавязчиво завладел вниманием генералов, принялся помогать им в непринужденной беседе, будто связывая в единый узел и цепочку, но превосходства ни над кем не выказывал: человек военный, он четко знал свое место.

Еще из одной машины тоже попарно выбрались два священника. Дед Витя по их одеяниям и по их обличьям и тут безошибочно определил, что один священник немецкий (протестантской или какой там еще веры?), а другой — доподлинно наш православный батюшка. Немецкий пастор был гладко выбрит, худой и поджарый, будто всю жизнь только тем и занимался, что постился. Облачен он был в длиннополую сутану, подпоясанную красным поясом-кушаком. Когда пастор поворачивался спиной, то дед Витя замечал на его затылке тоже красную, похожую на блюдечко шапочку, которая неведомо каким образом удерживалась там. Руки пастора были заняты неустанной работой: правой он размеренно перебирал четки, а в левой твердо удерживал махонькую какую-то книжицу, может, “Библию”, “Молитвослов” или немецкий их протестантский “Требник”.

Наш батюшка росточка был невысокого, но плотненький (с заметно даже обозначившимся брюшком), обросший густой курчавой бородой, длинными, заплетенными в косичку и забранными для удобства под синий клубок волосами. Батюшка оказался более догадливый, чем пастор, и оделся согласно осенней, прохладной уже погоде не только в рясу, а еще и в утепленную скуфейку. Но все эти различия между пастором и батюшкой скрадывали два наперсных, играющих на солнце позолотой креста (точь-в-точь, как наградные колодки у генералов): у пастора протестантско-католический, всего с одной перекладиной, а у батюшки — православный, с двумя, прямой и косой, но издалека, из укрытия деда Вити это почти не различалось.

Переводчик был приставлен и к священникам, согласно их чину и званию не мирской и не военной, а воцерковленный, молодой парень в повседневном походном облачении, то ли уже начинающий, недавно окончивший духовную семинарию или академию попик, то ли какой-нибудь монастырский послушник — они теперь все образованные и грамотные.

Но больше всего деда Витю поразил вылезший из тупорылого расписного автобуса прежде всех иных его пассажиров высоченный немец-старик. Годами, сколько мог различить дед Витя, он действительно был уже древний, но держался бодро и уверенно, не гнулся ни в плечах, ни в спине. В руках, правда, он держал толстую палку с согнутой в полукруг металлической рукояткой-набалдашником. Но выходя из автобуса, палкой этой старик почти не пользовался, а лишь, словно для забавы, поигрывал ею.

На груди у него (куда твой пасторский крест или наградные планки?!) висел здоровенный, тяжелый фотоаппарат с удлинненным, похожим на жерло миномета объективом.

Взойдя на землю, старик поначалу не примкнул ни к генералам, ни к священникам, а стал внимательно оглядываться по сторонам и целиться из своего фотоаппарата-миномета то на рощу (и особенно на мальчишек, повисших гирляндами на березовых сучьях), то на толпу серпиловских мужиков и баб, которых по-прежнему зорко стерегла полиция, не давая переступить запретную черту, и наконец на само село, на шиферные крыши домов, тонущих в деревьях, на реку и на деревянную, увенчанную голубой маковой и узорчатой колоколенкой над притвором церквушку. Церквушка эта, будто заговоренная, уцелела в Серпиловке и во времена гражданской войны, и во время безбожных гонений в тридцатые годы, и даже во время войны Отечественной, когда фронт дважды прокатился над ее неустрашимой маковой и колоколенкой. Деда Витю в серпиловской церквушке, носящей имя Пресвятой Богородицы, когда-то крестили, в ней он, несмотря на все партийно-комсомольские запреты, венчался с Ольгой Максимовной, даст Бог, здесь его и будут отпевать, к чему дед Витя, в общем-то, уже давно готов.

Немец-старик нацелился дальнобойным фотоаппаратом-минометом и на кладбище, поводил жерлом с одного его конца в другой, но, по-видимому, не найдя там ничего достойного запечатления, обронил на грудь и слился наконец воедино с губернаторами, генералами и скорбными священниками. Пока смешанное это собрание вело дружеские, заинтересованные разговоры, делясь, наверное, впечатлением от увиденного, из военного грузовика, словно орехи, высыпались солдатики, но не с автоматами или с каким-либо иным огнестрельным оружием, как того можно было ожидать, а с обыкновенными

лопатами. Выстроившись двумя шеренгами возле дороги, они наскоро выслушали наставления своего начальника-командира и под руководством прапоров (нашего и немецкого) начали выгружать из зелено-пятнистого КРАЗа малые, похожие на детские, гробы-ящички с загодя заколоченными крышками. Подхватывая их на руки, они впробегжку несли не больно тяжкую и обременительную ношу к могилам и устанавливали рядом с бетонными столбиками. Все гробы были обиты черным креповым материалом, и от этого на фоне осенней порыжевшей земли и отливающего багряным цветом березняка гляделись пронзительно остро и болезненно глазу.

Дед Витя начал было считать их (мало ли, много ли нарыли немецких костей-останков), но вскоре сбился со счета, заметив вдруг в толпе Артёма, который безостановочно сновал от одной грушпы к другой, всем на правах хозяина предстоящей траурно-торжественной церемонии жал руки, давал пояснения. Немцам через переводчиков излишне пространно и подробно, а своим кратко и четко, словно на докладе у вышестоящего грозного начальства. Не обошел Артём вниманием и односельчан, приблизился к ним почти вплотную, но здороваться с каждым по отдельности, за руку не стал (их вон сколько набежало — со всеми не поручкаешься), а лишь сказал несколько, судя по всему, веселых и ободряющих слов и отошел к милиционерам-полицейским, которые за какой-то надобностью поманили его к себе. Одет был Артём тоже празднично, но как-то не по-городскому, не по-киношному и телевизионному, а определенно по-деревенски: в сине-блеклую, чуть мешковатую для него куртку при разлапистом, выбивающемся из-за ворота галстуке и фетровую шляпу, которая все время напоззала ему на глаза и которую он явно носить не умел.

Переговорив с полицейскими, Артём опять засеменял в самую гущу гостей, теперь выжидательно наблюдавших, как солдатики по-муравьиному трудолюбиво расставляют гробы, с немецкой точностью выравнивают их в одну строгую линию, но на полдороге он вдруг остановился, глянул в сторону кладбища (нет ли там какого недочета и оплошности, за которую ему, главе сельской администрации, будет стыдно и перед начальством, и перед гостями) и высмотрел-таки сидящего на лавочке за могильной оградой деда Витю. Артём сорвал с головы праздничную свою шляпу и призывно помахал ею, мол, чего там сидишь один, иди сюда, к народу. Дед Витя сделал вид, что зазывных этих его взмахов не замечает. Уклоняясь от них, он подвинулся на самый край лавочки и укрылся за кустом калины, что росла в изголовье соседней прадедовской могилы, с которой и начинался их родовой погост. Куст был рясно усыпан красными созревшими гроздьями (такими красными, кто каждая ягодка напоминала деду Вите капельку застывшей крови). Сравнение это всегда приходило ему в голову по осени, в Дмитриевскую субботу, когда ягоды, иной год уже и чуть подернутые морозцем, пламенели особенно ярко, щемили сердце.

* * *

Из госпиталя Витьку забрала к себе тетка Анюта. Поначалу он передвигался на маленьких детских костылях, которые ему смастерили военные санитары из обломков старых взрослых костылей, а через полгода сосед тетки Анюты, дед Харитон, участник и инвалид Первой мировой войны, вырезал Витьке из осинового чурбачка настоящий пешеходный протез с двумя высоко поднятыми к самому паху и бедру дощечками-лещетками. На таких протезах тогда перемагались многие обезноженные на Первой мировой, гражданской и последней, Отечественной войнах деревенские мужики, у которых сохранилось колено. Поставив его на проложенную войлоком площадочку, они туго привязывали ремнями, а то и обыкновенными бечевками дощечки-лещетки к бедру и ходили на том осиновом подбитом толстою резиною от автомобильного ската протезе иногда даже и без вспомогательной палочки. Мало-помалу приспособился ходить на протезе и Витька. И не только ходить, но и делать в подмогу тетке Анюте любую посильную по его возрасту рабо-

ту: рубить дрова, ухаживать за скотиной, курами и гусями, полоть (стоя, правда, на коленях) картофель и просо. Да что там дрова, скотина и просо с картофелем, Витька даже, помня слова солдата Петра, играл вместе с остальными, здоровыми, деревенскими ребятами в футбол. Не в поле, конечно, не нападающим и не защитником, а вратарем, и ребята к нему особых претензий не имели. Парнем он был юрким, по-обезьяньи цепким, и кидался на мяч под ноги соперникам безоглядно на свое увечье и протез.

Одно было плохо, рос Витька быстро, и на протезе часто приходилось менять резиновые набойки на более толстые, двойные и тройные, а раз в полтора-два года так и сам протез, иначе Витька начинал припадать на укороченную осиновую подпорку.

На ночь он протез отстегивал, давая отдохнуть и колену, на котором постепенно образовалась похожая на подошву мозоль, и онемевшей ноге с туго натянутым на обрубок шерстяным носком-чехольчиком — изобретением тетки Анюты. Но во сне, без протеза, Витька забывал, что ноги у него нет, и несколько раз, в первые по увечью годы, просыпаясь, сгоряча ступал на культу, по-новому, в кровь ранил ее и даже едва не обломал кость. После таких падений тетка порывалась везти его на подводе в районную больницу к хирургам, но Витька ехать напрочь отказывался, боясь, что ему опять будут делать операцию. Он терпеливо отлеживался дома, отмачивал культу в холодной воде, позволял тетке лечить ее единственно верным и незаменимым крестьянским средством — компрессами из листьев подорожника и лопуха. И недели через две-три культура переставала болеть и саднить, опухоль на ней спадала. Витька оживал, вновь вставал на протез, чтоб поначалу осторожно и боязно ходить лишь по дому и по двору, а потом и в школу, которую за время болезни порядком подзапустил.

Так на сменных осиновых подпорках-чурочках Витька перемогался до сорок девятого года. А потом тетка Анюта прознала от фронтовиков, что в областном городе при собесе есть специальная мастерская, где изготавливают на заказ протезы (хоть со ступней, хоть без ступни, с одной лишь костыльной, обутой в резиновый наконечник опорой) для получивших увечье на фронте солдат. Витька солдатом не был, но тетка, выпросив у бригадира подводу, все равно повезла его за шестьдесят километров в область, чтоб заказать там устойчивый, почти что и не отличный от настоящей ноги (по требованию Витьки обязательно со ступней) протез.

По вдовьей горемычной жизни с целым выводком детей, двумя своими, сыном и дочерью, и третьим, приемным, Витькой-крестником (муж ее, дядя Сергей, которого они все так ждали с войны, погиб в начале сорок пятого года), тетка была женщиной многоопытной и предприимчивой. В передок телеги она поставила кошелку с двумя увесистыми кусками сала, с зарезанным накануне поездки и опипанным петухом, с венком репчатого лука и с мешочком сушеных яблок, груш, слив и вишен. Завернутая в газетку, тайно стояла там, понятно, и бутылка самогона. Тетка Анюта хорошо понимала и предчувствовала, что такие дела, как у них с Витькой, без подобных деревенских подарков не делаются. Получилось, правда, все совсем по-иному...

Протезную мастерскую они отыскивали быстро, хотя деревенский их конек, не привыкший к машинам, трамваям и вообще к шумной городской жизни, шарахался на каждом шагу и едва не поломал оглобли. Но в самой мастерской дело не заладилось. Приемщица, дородная, коротко остриженная и завитая в шестимесячную химическую завивку женщина, выслушав просьбу тетки, наотрез отказала им:

— Делаем только фронтовикам!

— А он что, не фронтовик!? — указывая на Витьку, стала наседать на приемщицу и тетка. — Его немец гранатой поранил! А мать убила!

— Это я не знаю — немец или не немец, — не поддалась на ее напор и жалобы приемщица, поди, наслушавшаяся в протезной этой мастерской еще и не таких историй. — Может, он с оружием баловался, вот ногу и оторвало.

Тетка едва не заплакала, но потом всё же сдержалась и решила повести разговор с приемщицей иным образом. Пододвигая к ней прикрытую чистым полотенцем кошелку, она по-деревенски простоудшно сказала:

— Мы отблагодарим.

Приемщица пристально глянула на кошелку, но не соблазнилась ею:

— Не нужны мне ваши благодарности!

Отчего и почему приемщица так себя повела, ни тетка, ни Витька понять не могли. Может, старенькая их обтерханная кошелка показалась ей слишком легковесной, а может, привыкшая и разбалованная на доходном своем месте продуктовыми подарками, приемщица намекала, что надо бы отблагодарить ее деньгами. Но уж чего-чего, а лишних денег у тетки не было (они едва-едва собрали их на протез, откладывая почти целый год Витькину инвалидско-сиротскую пенсию — сто двадцать пять рублей), да она и не знала, сколько надо давать, чтоб приемщица помягчала: сто рублей, двести или много больше...

В общем, все клонилось к тому, что надо было тетке с Витькой возвращаться домой и на время забыть о настоящем фабричном протезе. По крайней мере, до тех пор, пока их изготовят для фронтовиков и дойдет очередь до таких инвалидов, как Витька.

Но тут в мастерскую как раз и зашел, опираясь на палочку, доподлинный фронтовик — степенный мужчина лет тридцати пяти-сорока. тетка, уже действительно вся в слезах, начала жаловаться ему на обиду и несправедливость. Фронтовик быстро разобрался в ее жалобах, вник в положение деревенских неудачливых просителей и приступил с допросом к приемщице:

— Ну, и чего ты парня не запишешь?!

— Не положено! — уперлась та.

— Почему это — не положено?! — для начала вроде бы вполне мирно спросил фронтовик.

— Потому что инструкция! — совсем распоясалась приемщица.

Не обращая больше внимания ни на фронтовика, ни на тетку Анюту с Витькой, который всё это время безучастно стоял в уголке, она стала перекладывать какие-то квитанции, громко щёлкать на счетах, делать записи в толстой амбарной книге.

— Больно ты рыжая и кудрявая! — вдруг не на шутку взорвался фронтовик. — Сейчас пойду в обком, пусть вам тут мозги вправят. Пиши парня вместо меня. Я уступаю ему свою очередь.

Обкомов и райкомов партии тогда боялись еще начальники и повыше приемщицы. Она мигом это сообразила, по одному только виду безногого фронтовика поняв, что этот (может, в прошлом и офицер в значительных чинах, командир) ни перед чем не остановится и действительно пойдет, если не в обком партии, то к заведующему облсобесом. А ей лишние приключения ни к чему.

— Ну, если уступаете, — вняла его угрозам приемщица, — тогда иное дело — запишу.

Проворно, с каким-то особым шиком, так, что даже нельзя было заметить, куда, в какую сторону отлетают те или иные костяшки, пощёлкав на счетах, она назвала цену, которую надо было заплатить за протез, и выписала квитанцию. Цена была не так уж чтоб и большая, но для тетки Анюты с Витькой и не маленькая. Тетка развязала платочек и выложила перед приемщицей все до единой копейки пенсионные их сбережения, да еще и добавила целых десять рублей из подорожных денег.

С обнадеживающей той квитанцией они направились теперь уже в самую мастерскую. Фронтовик и тут вошел в их положение и взялся сопровождать.

В мастерской пахло деревом, кожей и резиной. В дальнем углу стояли два небольших токарных станка, на которых, наверное, вытачивались заготовки протезов. Сейчас они, правда, не работали (может, были сломаны или остановлены на обденный перерыв), чему Витька очень огорчился: токарного станка он сроду не видел, и ему хотелось хоть одним глазком понаблюдать, как на нем вытачивают дерево, а еще бы лучше металл, чтоб после, дома, рассказать о том друзьям-товарищам, которым токарные станки тоже были в диковинку и невидаль.

Вдоль стены за низенькими, заваленными заготовками и всевозможными инструментами столами сидели мастера в кожаных толстых фартуках. Одного из них фронтовик, судя по всему, частый здесь гость, и позвал.

— Роман! — бодро и весело, совсем не так, как разговаривал с приемщицей, крикнул он. — Гляди, какого я привел тебе заказчика!

На зов фронтовика к ним подошел невысокий, щупленький видом мужчина в круглых, совиных каких-то очках. Вскинув их высоко на лоб, он поздоровался вначале с фронтовиком и теткой (Витька заметил, что на правой руке у него недостает двух пальцев: мизинца и безымянного) и лишь потом посмотрел на Витьку, но как-то странно посмотрел: не в лицо, не в глаза, а сразу вниз — на ноги.

— Заказчик как заказчик, — немного утомленно и не в тон фронтовика сказал он.

Расспрашивать Витьку, где и как тот потерял ногу, Роман не стал (тетка, вклинившись в разговор и, словно боясь, что мастер откажет им, в одну минуту всё выложила и объяснила), а, усадив Витьку на табурет, велел ему отстегнуть самодельный протез и оголить культю. С протезом Витька справился быстро, а вот с культей замешкался: долго развязывал штанину и шерстяной чехольчик. Культия была тоненькой и темно-синюшной. Витька, кроме тетки Анюты, редко ее кому показывал, особенно своим ровесникам, ребятам и девочкам, которые при виде ее умолкали и страшились. Видели они ее разве что на речке, во время купания, когда Витька, отстегнув протез, заползал в воду и выползал обратно на берег на коленях, а иногда так и по-пластунски.

Роман придирчиво, со знанием дела, словно врач-хирург, осмотрел и ощупал культю со всех сторон, время от времени спрашивая Витьку:

— Так — не больно?

— Не больно, — торопливо отвечал тот, вслед за теткой боясь, что, если он скажет правду (культия все-таки от жестких прикосновений немного побаливала), то Роман делать ему протез откажется.

— А вот так?

— И так не больно, — терпел Витька.

— Ну и хорошо, — остался доволен осмотром Роман и широко улыбнулся Витьке. — Сладим тебе ногу лучше прежней.

Приезжать за готовым протезом он велел через месяц. Время вроде бы недолгое, особенно летом, когда в школу ходить не надо, и мальчишеские дни бегут быстро и незаметно. Но предприимчивая тетка Анюта начала просить и уговаривать Романа, нельзя ли поторошиться.

— Парень вконец извелся! — жалилась она и опять вспомнила о своей кошелке с подношениями и выпивкой.

От подношений Роман отказался. Но совсем не так, как отказывалась избалованная сытными подарками, кошёлками и оклунками приемщица. Поглядев на измученную работой и вдовьей жизнью тетку, он лишь махнул рукой:

— Да ладно тебе...

А вот от выпивки Роман уклоняться не стал. Он завел тетку с Витькой и фронтовика в тесную каморку-подсобку, заперся на ключик, и они вчетвером распили там (Витьке тоже налили рюмочку) бутылку деревенского хлебного самогона. Чуть захмелев, Роман попросил Витьку еще раз показать культю, повторно ощупал ее пальцами, обмерял портновским метром, записал какие-то цифры на обрывке бумажки и не очень уверенно, но все-таки пообещал:

— Загляните недели через две, вдруг успею...

И не обманул заказчиков — обещание свое выполнил. Когда Витька с теткой через две недели опять появились в мастерской, Роман вынес им первозданно пахнущий кожей, масляным лаком и деревом-березой протез. Не протез даже, а действительно почти что живую настоящую ногу с широкой, в Витькин размер ступней, которая была приделана к щиколотке блестящим, чутким в движении шарнирчиком.

Когда Витька надел протез и встал в полный рост, то сразу почувствовал себя совершенно иным человеком, здоровым и сильным, равным всем остальным, неувечным людям, как будто в одно мгновение вырос из маленького, полудетского еще человечка во взрослого парня и мужчину. При первом

шаге, правда, кулья вспыхнула точно такой же острой, как и когда-то в госпитале, болью, которая не укрылась от Романа.

— Ничего, — попридержал он его за плечо беспалой своей рукой, — это только поначалу больно, а потом привыкнешь...

Когда последний гроб был установлен, и солдатики по указанию начальника-командира застыли наизготове с лопатами и длинными обрезками брезентовых ремней за песчаными насыпями, вся говорливая толпа приезжих хлынула в рощу и плотным кольцом окружила первую в ряду, правофланговую могилу. Среди серпиловских мужиков и баб тоже возникло волнение, и они ринулись было вслед за приезжими, но полицейские строго осадили их, должно быть, вразумительно объяснив, что пока им лучше понаблюдать за всем происходящим издали, а вблизи посмотрят позже, когда могилы будут зарыты.

Мужики и бабы, приученные к послушанию, остались за охранной чертой, вдоль которой неусыпным дозором прохаживались милиционеры-полицейские и несколько молодых крепких ребят в штатском из тайной какой-то охраны высокого областного и московского начальства. Видеть подобных охранников серпиловцам доводилось только по телевизору, и они побереглись вступать с ними в какие бы то ни было переговоры, хотя и милиционеров-полицейских в таком числе и количестве, да еще с дубинками в руках, тоже видели впервые, робели и этих и всё теснее сбивались в молчаливую стайку на опушке березняка, будто коровье стадо в загоне. И лишь несколько самых шустрых и бойких мальчишек безбоязненно просочились сквозь все заслоны и, словно какие лазутчики, приблизились к правофланговой могиле. Их начал было приструнять Артём, но мальчишки легко уклонялись от него, прятались за деревьями, машинами, заводили веселые разговоры с солдатами и казаками-турками. Артём в конце концов махнул на мальчишек рукой (охрана мероприятия — это все ж таки не его забота, пусть милиция-полиция получше сторожит), да ему было уже и не до мальчишек.

Начальство, генералы, священники и все остальные гости-свита изготовились говорить речи перед целым сонмом микрофонов, которые на всевозможных треногах и подпорках установили распорядители и телевизионщики в двух шагах от могилы. Артём, изловчившись, тоже нашел себе место в начальственной и гостевой толпе: нельзя сказать, чтоб слишком уж близко к микрофонам, но и не совсем в отдалении, а как раз так, чтоб его хорошо видели и начальство, и гости и понимали (и по достоинству оценили), что хозяевами они без внимания и опеки не оставлены.

Первым говорил губернатор. Дед Витя сроду с веку не видел его и решил послушать, что он провозглашает. Губернаторские слова, усиленные микрофоном, долетали до него через пустырь гулким, многократно повторяемым эхом. Изредка, правда, микрофон, наверное, по недосмотру связистов или по каким-то иным непредвиденным причинам шипел и потрескивал, искажая губернаторскую речь. Но дед Витя, преодолевая все эти помехи и искажения, хотя и с трудом, но понял, о чем губернатор говорил и хотел сказать. Мол, так случилось, что по вине своих вождей наши народы много лет тому назад вступили в кровавую войну, во время которой с обеих сторон погибли миллионы ни в чем не повинных людей. Теперь настало иное время: немецкий и русский народы живут в мире и согласии, и нам надо взаимно помнить погибших наших сограждан. И если будем помнить, то война никогда больше не повторится.

Примерно то же говорил и немецкий губернатор. Микрофон к началу его выступления был налажен и исправлен: слова теперь летели к деду Вите через пустырь по-немецки отчетливо и ясно. Эхо на все лады повторяло их, множило и уносило поверх деревенского кладбища в Серпиловку и еще дальше, за речку и луг.

Единственно, что сердило деда Витю, так это переводчица. Занятая демонстрацией своих нарядов, она следила за речью важного иностранного гостя рассеянно и невнимательно. Он произносил фразу за фразой без запинок и остановок-пауз, а переводчица постоянно путалась, сбивалась, и перевод-

ные русские слова выходили из ее уст какими-то корявыми, неверно сложенными друг к другу и от этого не всегда понятными. Особенно запуталась переводчица в конце речи, когда гость начал говорить о крови, немецкой и русской, которой было пролито в годы войны очень много, но теперь нам надо взаимно покаяться друг перед другом и взаимно простить друг друга.

Вслед за гражданскими начальниками к микрофону подступили генералы. Говорили они не так пространно и складно, как генералы гражданские, но зато по-военному кратко и доходчиво, словно отдавали приказы и распоряжения. Речи их тоже сильно смахивали одна на другую.

— Солдаты, — вторили один другому генералы, — в войнах не повинны. Они выполняют приказы и платят за эти приказы своими жизнями.

И опять о крови, о памяти, покаянии и прощении.

Генеральские речи переводил военный переводчик-лейтенант, более опытный и ответственный в своем деле. Строгие, будто рубленные слова генералов он доносил до деда Вити с полным вразумлением и каким-то особым гортанным переливом. Чувствовалось, что ему очень нравится немецкий, отточенный и отшлифованный язык, и переводчик, если приходилось делать для гостей обратный перевод с русского на немецкий, произносил каждое германское слово с нескрываемым удовольствием и наслаждением.

Когда генералы отговорили свои воинственно-примирительные речи, пожали друг другу руки и отдали честь, к микрофону стали звать старого немца, который до этого, все так же прицельно поводя со стороны в сторону хоботом фотоаппарата-миномета и словно соревнуясь с телевизионщиками и фоторепортерами, снимал на пленку митингующую толпу. Но старик неожиданно от выступления отказался и даже попятился от микрофонов.

— Наин, наин! — дребезжащим, но неуступчиво-твердым голосом проговорил он: — Данке шён!

Отказные его слова дед Витя понял и без переводчика: “Нет, нет! Большое спасибо!”

Старика принялись наперебой уговаривать и гражданские начальники-губернаторы, и генералы, и даже священники, но он остался непреклонен, еще сильнее замахал руками и, словно в каком-то забыты, опять повторил свое отречение:

— Наин, наин! Данке шён!

“Ишь ты какой,— подумал про себя дед Витя, — робеет чего или стесняется”.

Отказника еще немного поугovarивали и на русском, и на немецком языках (вся эта разногласица долетала через микрофон до деда Вити и почему-то тоже сердила его, хотя, казалось бы, какая ему разница — хочет этот капризный немец-старик говорить или не хочет), но в конце концов оставили в покое. Старик тут же снова подхватил в руки оброненный было на грудь фотоаппарат и, радуясь свободе, зашелкал им навскидку, не целясь, как будто заранее знал, что не промахнется.

Взамен его к микрофонам подтолкнули Артёма.

Тот снял шляпу, прокашлялся и, удивляя многих собравшихся, сказал незамысловатую, но вразумительную речь (он еще с советских времен, когда был в колхозе секретарем комсомольской, а после и партийной организаций, научился говорить складно и вразумительно, чем всегда заслуживал похвалу начальства и аплодисменты собрания). Не подвел начальство Артём и сегодня.

— Собратья! — одним единым словом объединил он всю примолкнувшую толпу. — Мы очень рады, что именно в Серпиловке, где в годы войны шли кровопролитные бои (“И этот о крови” — не ускользнуло от деда Вити высказывание Артёма), устроено кладбище павших немецких солдат. В те далекие годы они были нашими противниками и врагами, а нынче просто погибшие люди. И мы обещаем с достоинством и честью хранить их могилы в полном порядке.

Толпа действительно разразилась громкими аплодисментами и одобрительными разноязыкими возгласами.

— Молодец! — отечески приобнял Артёма за плечо наш губернатор.

— Гут! Зэр гут, — следуя его примеру, похвалил Артёма и обнял за другое плечо губернатор немецкий.

Потом Артёму поочередно пожали руку генералы, и священники вроде как благословили его крестными знаменами. Немецкий — своим, протестантским, слева направо, а наш батюшка своим — православным, широким и размашистым, справа налево. Но этой разницы никто, кроме деда Вити, кажется, и не заметил.

Немец-фотограф столь счастливых, зрелищных мгновений не пропустил: длинной непрерывной очередью он успел заснять Артёма, застывшего в обнимку с губернаторами, пожимающего руки генералам и смиренно стоящего под благословением священников.

Артём от всеобщего повышенного внимания смутился, стал раскланиваться во все стороны, скороговоркой благодарить всех и каждого и незаметно отходить от микрофонов, прятаться за спинами начальства. Свое дело он сделал (и, кажется, неплохо), и теперь ему лучше было скромно затеряться в толпе и не путаться до поры до времени под ногами этого начальства. Оно хорошо его уже заметило и оценило и в нужный момент само вспомнит и снова вызовет в первые ряды. Немалый комсомольско-партийный опыт подсказывал Артёму, что так оно всегда было прежде, так будет и нынче.

Оказавшись далеко от начальства, он надел шляпу и внимательно глянул на стайку серпиловцев, словно задним числом старался понять: аплодировали они ему (и как громко и продолжительно) или не аплодировали вовсе, толком не расслышав его речи. Но ничего понять в поведении серпиловцев он не мог. Они стояли темным расплывчатыми тенями за отведенной им чертой, о чем-то негромко переговаривались и томились ожиданием дальнейшего действия в роще. Артёму, конечно, можно было подойти к землякам, разузнать об их настроении, приободрить, если надо, назидательным словом. Но он поостерегся это делать. Во-первых, ободряющих этих и назидательных слов у него как-то не находилось. А во-вторых, слишком удалиться ему от начальства было все-таки нельзя — вдруг понадобится по какому-либо неотложному, срочному делу.

Посмотрел, глянул Артём из-под низко опавшей ему на лоб и глаза шляпы и на деда Витю, но тоже не сделал в его сторону ни единого шага, а лишь как бы удостоверился, сидит тот еще на кладбище, прячется за кустом калины или его давно уже там нет.

* * *

Привыкал, приспособлялся к протезу Витька, наверное, с полгода, пока не образовалась теперь уже на культе устойчивая грубая мозоль.

Тетка Анюта, как-то исхитрившись с деньгами, купила ему новенькие ботинки на высокой шнуровке. Витька обул в них обе ноги и почувствовал себя еще более уверенно, чем в первый момент, когда только примерил протез в мастерской у Романа. А до этого он обувал лишь одну здоровую правую ногу, левые же ботинки и сапоги тетка Анюта, почему-то не решаясь их выбрасывать, прятала в сенях-каморе. Для взрослых безногих фронтовиков продавалась в те годы в магазинах беспарная обувь (хоть на левую, хоть на правую ногу), а вот для детей такого удобства придумано не было. В городской же сапожной мастерской заказ всего на один ботинок или на один сапог брать не хотели. Не выгоден он был, что ли. Лишь однажды дед Кузьма пошел для Витьки яловый, будто игрушечный, сапожок. Но Витька носил эту самодельную крупно прошитую смоляной дратвою и пробитую по подметке кленовыми гвоздиками обувь всего года полтора. Нога у него быстро выросла, сапожок даже без портянки перестал лезать на нее, и тетка, в последний раз смазав изобретение деда Кузьмы детем, тоже спрятала его в кладовке. Так сапожок и лежал там несколько лет, словно гордась перед сиротливыми своими собратями: они все левые, а он один-единственный — правый, да еще и пошитый на заказ...

Первое время Витька ходил на новом поскрипывающем и пощелкивающем в шарнирчике протезе с палочкой и недолго: только по двору и возле дома. А если предстала какая-нибудь более дальняя дорога, в поле, в лес или в луга, пристегивал старый свой осиновый с двумя высокими лещетками. Но по мере того, как на культе образовывалась мозоль, и она все больше притиралась в глубокой, похожей на ступку ямочке нового протеза, он настойчиво удлинял дорогу и отказывался от палочки, хотя после затяжных этих путешествий ему опять приходилось отмачивать под присмотром тетки Анюты культю в холодной воде.

Вообще, если бы не тетка, то Витька, наверное, не выжил бы и сразу после ранения, и в дальнейшей своей инвалидской детской и юношеской жизни тетка доводилась ему крестной матерью. Она и относилась к нему, как мать, ни в чем не отделяя от своих собственных детей, Николая и Людды, а даже, наоборот, иной раз заботясь о Витьке больше.

— Вы сироты только наполовину, — назидательно говорила она им, — а он круглый сирота, и без ноги.

Витька в ответ почитал тетку Анюту тоже, словно родную мать (называть ее матерью он привык по деревенскому обычаю еще с самого малого возраста).

Будучи старшим в доме среди детей, он опекал Николая и Людду, как родных своих брата и сестру, всегда уступал им лучший кусочек в еде, берег в работе, заступался на улице и в школе, если кто-нибудь пробовал их обидеть. Когда же тетка Анюта постарела, и Николай забрал ее к себе, в город нанять внуков, Виктор будто осиротел еще раз.

* * *

К следующей весне Витька ходил на новом протезе совсем уже бойко. Он приловчился надевать на него и валенок, и даже сапог, чтоб никто не мог отличить, своя у Витьки нога или деревянная. А еще через год по завершении учебы в седьмом классе (в школу он пошел из-за войны и оккупации на две зимы позже) Витька решился на поступок, о котором до сих пор не знает ни одна живая душа.

Сразу после выпускных экзаменов и получения свидетельства об окончании семилетки он поехал подвоюю в город (возил из маслозавода на колхозную свиноферму отгон-обрат) и постучался в райвоенкомат. Парнем Витька был настырным и изворотливым. Он пробился на прием к самому райвоенкому, хорошо известному любому парню-допризывнику подполковнику Черноусову.

— Хочу поступить в военное училище, — решительно заявил ему Витька.

— В какое? — заинтересованно спросил его подполковник (многих деревенских ребят, ровесников Витьки, в те годы военные вербовщики зазывали в училища, а тут пришел сам).

— В летное! — совсем осмелел Витька.

— Можно и в летное, — и тут поддержал его подполковник. — Если, конечно, пройдешь по здоровью.

— Пройду! — уверенно и серьезно сказал Витька. — На здоровье пока не жалуюсь.

Подполковник внимательно посмотрел на него и протянул чистый листочек:

— Тогда пиши заявление. Через неделю вызовем на медкомиссию. Можно в Борисоглебское, а можно в Качинское.

— В Борисоглебское! — минуту помедлив, сделал выбор Витька (уж больно ему понравилось название города).

— Хорошо — в Борисоглебское, — согласился с ним подполковник и сделал на Витькином, прилежно, без единой помарки написанном заявлении какую-то пометку. — Там сам Чкалов учился.

На радостях, что все так удачно у него получилось, Витька резко поднялся со стула, почти уже по-военному повернулся через левое плечо и по-

шел из кабинета. Но возле самой двери протез его предательски скрипнул и щелкнул в шарнире. Странные эти и подозрительные звуки не укрылись от многоопытного в общении с допризывниками и кандидатами в военные училища подполковника Черноусова.

— Подожди, — остановил он Витьку. — А что у тебя с ногой?

— Ничего, — спокойно и по-мальчишески дерзко ответил Витька.

— Подними штанину! — приказал подполковник.

Деваться Витьке было некуда, он подчинился строгому приказу подполковника и штанину поднял.

— Та-а-к, — изумился тот. — И ты что же, хочешь с протезом летать?!

— Хочу! — поспешно ответил Витька. — Маресьев же летал.

— Летал, — сам опустил и даже отряхнул подвернувшуюся Витькину штанину подполковник. — Но у него на ногах были отморожены только ступни, а у тебя нет ноги почти до самого колена.

— Как это — ступни? — не поверил подполковнику Витька. — Я в книжке читал...

— В книжке — это одно, — вздохнул подполковник, — а в жизни, брат, совсем иное.

Он снова сел за рабочий свой стол, достал из папки Витькино заявление, долго глядел на него, будто надеясь увидеть там что-то новое, дающее ему право все-таки разрешить деревенскому этому мальчишке-инвалиду поступать в военное училище. Но, увы, так и не нашел.

Подполковник зачеркнул на заявлении прежнюю разрешительную пометку и написал новую, коротенькую и безжалостно-неопровержимую: “Отказать по состоянию здоровья”.

Смягчая неизбежный свой отказ, он заговорил с Витькой мягко, без военной строгости и жесткости. Похвалил даже:

— Это хорошо, что ты хотел стать летчиком. Но, сам подумай, ни в какое военное училище тебя не примут: ни в летное, ни в танковое, ни даже в интендантское, тыловое. Тебе на бухгалтера надо учиться или в педшколу поступать.

— Не хочу я на бухгалтера! — весь вспыхнул, загорелся Витька и, на глазах у подполковника разорвав заявление, вышел из военкомата.

Поначалу он решил ни за что не сдаваться, написать письмо тогдашнему военному министру, маршалу Советского Союза Васильевскому, а может, даже и самому Сталину. Но постепенно Витька остыл. И не потому, что заробел (парень он был как раз не робкого десятка), а потому, что вскоре все слова и предсказания подполковника Черноусова сбылись. Витьку не приняли не только в военное училище, но даже в училище механизации сельского хозяйства, куда он подал было заявление. Не взяли Витьку из-за протеза и на трехмесячные районные курсы трактористов и шоферов. В общем, действительно одна ему была дорога — в бухгалтера или в сапожники, учеником и подмастерьем к деду Кузьме. Тетка, стараясь смягчить его переживания, настаивала, чтоб Витька сперва окончил в районе десятилетку, а потом уж поступал куда-нибудь учиться дальше: например, на агронома, учителя или инженера, где его увечная нога не будет помехой.

Но в десятилетку Витька не пошел. Во-первых, за учебу в восьмом, девятом и десятом классах тогда еще платили деньги. Пусть не слишком большие, но все равно деньги. А откуда их было тетке при ее колхозных пусто-порожных труднях и малых детях брать?! Во-вторых, Витьке предстояло бы жить в городе, на квартире, что опять-таки деньги и отлучка из дома, где без его ежедневной помощи тетке было бы обходиться с малыми этими детьми нелегко. А в-третьих, Витьку при его резком, вспльчивом характере будто заклинило: раз нельзя в военное училище или хотя бы в училище механизации сельского хозяйства, так ему больше никуда и не надо.

Подманув тетку, что его, переростка, в восьмой класс тоже не берут, Витька пошел с осени в колхоз. Тут никто никаких справок и медосмотров от него не требовал. Можешь трудиться на земле — трудись. Витька и трудился. Поначалу наравне с другими, здоровыми и увечными (здоровых в те послевоенные годы было мало: кто на фронте здоровье потерял, кто во вре-

мя оккупации, под немцами), обретался на любых рядовых колхозных работах: пахал на пароконном плуге, заготавливал в лесу на расчистке дрова, возил с поля на воловых упряжках к токам снопы, а зимою к фермам сено, пробовал даже косить. Но тут у Витьки часто случались оплошности. На высококом месте, на буграх ни на шаг не отставал он от других косарей, а иногда так даже и вел их за собою в длинном ряду. А вот, чуть выпадет где топкое болотце, там Витьке приходилось туго. Мужики косили босиком, подвернув повыше штанины, Витьке же с его протезом надо было воды беречься. Деревянная стопа и щиколотка от влаги набухали и после, высыхая, могли в любой момент пойти трещинами, лопнуть. Вода затекала и в сам протез, в ямочку-ступку, войлок и шерстяной носок-чехольчик быстро намокали; культу начинало саднить, будто в самые первые дни, когда Витька только приспособивался к протезу. Помучившись так и раз, и другой, он выходить на косовицу перестал, хотя и сам огорчался этому, и огорчал бригадира, у которого все мужчины-косари были наперечет.

Повезло Витьке лишь в конце пятидесятых годов. По распоряжению Хрущева районные машинно-тракторные станции, МТС, были расформированы, и вся техника передана в ведение колхозов, поближе к земле, как тогда писалось в газетах. В Серпильковке спешным порядком был оборудован машинный двор, построены гаражи и мастерская по ремонту сельхозтехники. Витька, после недолгих переговоров с бригадиром и председателем, устроился туда вначале учеником слесаря, а месяца через три уже и полноправным слесарем. К машинам и технике у него была просто какая-то природная способность и талант. Любую поломку он определял не только на взгляд, но даже и на слух, чем немало удивлял опытных, с фронтовым еще стажем, шоферов и трактористов. С ремонтом, устранением этой поломки, если, конечно, были запчасти, Витька тоже справлялся быстро, что в весеннюю пахотную страду или в летнюю, уборочную, ценилось на вес золота.

Занимаясь ремонтом техники, Витька легко и незаметно даже для самого себя выучился ездить и на автомобилях, и на тракторах любых марок, хоть колесных, хоть гусеничных. После это умение и навык не раз ему в жизни пригодилось. И даже не столько ему, сколько бригадиру и председателю колхоза. Бывало, в самый разгар полевых работ кто-нибудь из шоферов заболает или крепко многодневно запыет (что случилось гораздо чаще), так бригадир с председателем сразу бежали к Витьке:

— Выручай, Виктор Васильевич, больше некому.

И Витька выручал. Неделями не вылезал из кабины грузовой машины, трактора, а то и комбайна: в апреле-мае месяце пахал, сеял, бороновал, в июле-августе убирал комбайном рожь, пшеницу, овес, возил в район на элеватор, не имея шоферских прав, зерно. О своем увечье, о протезе Витька в такие дни напрочь забывал. Ну какое может быть увечье, когда идет такая горячка, битва за урожай, как опять-таки любил писать в газетах, который гибнет, а без Витькиного участия вовсе погибнет на корню.

В те же годы Витька впервые стал заглядываться на девчонок, а они — на него. Пока он шкандыбал на осиновой подпорке с согнутой в колене и далеко отброшенной назад ногой, девчонок Витька сторонился и робел. А теперь, когда протез его почти не отличим от настоящей живой ноги, когда Витька во всем полноправный работник, как ему было не осмелеть и в клубе, на танцах, не поглядеть то на одну деревенскую красавицу, то на другую, то на третью. Танцевать он тоже выучился (Маресьев на двух протезах танцевал, а он — всего на одном) и смело приглашал этих красавиц и на медленно-томное танго, и на быстролетучий вальс, и даже на искрометную “сербиянку с выходом”. Во время танцев он безошибочно и выглядел будущую свою жену — Ольгу Максимовну. Характера она оказалась непреклонно-твердого (хотя на самом деле ласково-обходительного, о чем, может быть, один только Виктор по-настоящему и знал), как раз такого, какой и нужен Виктору при его вспыльчивости и частом гневе. Чуть он начнет яриться (особенно если выпьет с мужиками лишку где-нибудь возле магазина, в тенечке), Ольга Максимовна тут как тут. Сразу высвободит его из пьяного плена, возьмет под белые руки и за воротник и скажет любимую свою прибаутку:

— Ах ты, хромой бес!

Но так скажет, что Виктору иной раз хотелось захромать и на вторую ногу. Во какая у него Ольга Максимовна, не чета всяким иным несообразительным женам-супругам...

Жизнь они с Ольгой Максимовной прожили долгую и, в общем-то, счастливую, чего тут Бога гневить. Детей у них трое: два сына, Василий и Петр, и младшая дочь, которую они называли в честь матери Виктора Анастасией — Настенькой. Внуков у деда Вити и Ольги Максимовны пятеро и один правнук — тоже Витька.

* * *

Пока Виктор был холост, он жил в доме тетки Анюты. В свой, родительский, дом Виктор навещался редко, лишь затем, чтоб вспахать да засеять огород. Без отца и матери он казался ему умершим, будто тоже погибшим на войне и совершенно непригодным для жилья. А тут еще погреб, который Виктор вообще обходил стороной...

Но когда он женился на Ольге Максимовне, то по общему согласию и договоренностью с теткой Анютой поселились молодожёны бездетной еще своей семьей в наследственном, отцовско-материнском, дедовском и прадедовском доме.

За лето они с Ольгой Максимовной отремонтировали его, привели в Божеский вид: что надо — побелили, что надо — покрасили. Виктор самолично перекрыл дом соломой нового обмолота, и он под этой желто-горячей, золотой крышей (будто пасхальное яичко, так говорят о подобных крышах) сразу помолодел и, кажется, навсегда забыл обо всех прежних своих потехах и бедах.

А вот к погребу Виктор никак подступиться не мог. Он долгие годы стоял еще разорённым, с зияюще-провальным, обрушенным сводом. На стенках погреба были видны следы от осколков гранаты, а в нескольких местах, понизу, Виктору даже чудилась запекавшаяся, несмываемая кровь. Он хотел было вообще погреб зарыть, сравнять его с землей, чтоб всего этого каждодневно не видеть и не терзать душу. Но Ольга Максимовна установила его:

— Будет еще хуже!

Уж кто-кто, а она, наблюдая всю масть Виктора, знала, что, зарой он погреб, живым похорони, так после как жить при этой могиле, как растить детей и внуков?

Виктор послушался Ольгу Максимовну, раздобыл хорошего обжигного кирпича и в несколько дней восстановил погреб, свел над ним воедино разрушенный немецкою гранатой свод-купол. А вот осколочные следы-рытвины и причудливую ему кровь заделывать не стал и не велел заделывать их Ольге Максимовне.

— Пусть сохраняется,— попросил он её.

— Пусть, — без промедления согласилась с ним чуткая Ольга Максимовна.

Но и в обновленный погреб Виктор заходил редко, разве только в те дни, когда нужно было закатить туда бочки для засолки огурцов, помидоров и капусты. В остальное же время сторонился его, чувствуя в душе неодолимый запрет и преграду. Ольга Максимовна и тут ни разу Виктора не приневолила, зримо видела и чуяла этот его запрет и эту преграду. Погреб она обихаживала, содержала в полном порядке и чистоте сама. И мало того, что содержала, так еще и повесила там икону Божией Матери Заступницы, а во все поминальные дни ставила перед той иконой на специально заведенной дощечке семь свечей в память о погибшей матери Виктора, ее подругах-соседках и детях. Погреб при сиянии поминальных свечей светлел, рытвины и кровь как будто навсегда исчезали с его стен, и он напоминал подземную церковь, почти подобную тем, которые Виктор видел однажды в Киево-Печерской лавре, в Ближних и Дальних пещерах.

Но на душе у него при виде высоко горящих в погребке поминальных свечей легче и светлей не становилось. А наоборот, душа его тяжелела и будто наливалась свинцом и камнем. Осенний смертельно-погибельный день сорок третьего года всплывал в памяти Виктора ясней и четче, во всех подробностях: вот шаткая погребная дверца широко распаивается от удара немецкого сапога (с каждым годом этот удар казался Виктору все более сильным и безжалостным), вот граната на длинной ручке с визгом и свистом летит из погребного зева, и сразу за этим — взрыв, вспышка, предсмертный крик детей и женщин, безумный толчок матери, а дальше нестерпимая боль в ноге и полная темнота.

Виктор, не выдерживая этих видений, прятал в карман бутылку водки, случайно попавшуюся под руку закуску и уходил на кладбище.

В первые по женитьбе годы Ольга Максимовна порывалась идти вместе с ним, но Виктор угрюмо останавливал ее:

— Я — один...

Ольга Максимовна вздыхала и оставалась дома. Правда, несколько раз за день она выглядывала за калитку и тайком наблюдала за Виктором, как он, нахохлившись, сидит на лавочке возле могилы матери, но приблизиться не решалась, безошибочно чувствуя, что ему действительно лучше там побыть сейчас одному.

Совместно они ходили на кладбище лишь на Радоницу, когда там собиралось все село. Тут Виктор Ольгу Максимовну не останавливал, как не мог остановить и остальных односельчан, пришедших помянуть своих сродственников. Печаль и скорбь в этот день для всех одна...

С годами Ольга Максимовна все же придумала, как смягчить в поминальные дни тяжесть и ожесточение Виктора. Едва затеплив в погребке свечи, она сама увязывала ему узелок с вышивкой и закуской, помогала сойти с крылечка и долго смотрела вслед, как будто он уходил из дому безвозвратно.

Виктор действительно смягчался и, оглядываясь на Ольгу Максимовну, порывался все же взять ее с собой, но так ни разу и не взял. Там, на могилах он в одиночку пил водку, молчал, и с каждой новой выпитой рюмкой молчал все тяжелей и тяжелей. И никто не смел нарушить его молчания...

* * *

Ответной речью-обещанием Артёма митинг и закончился. Теперь наступало во всех торжествах главное событие — похороны. Уплотняя толпу, поспешно выдвинулись к гробу-ящичку оба священника. Немецкий открыл книжечку и начал читать по ней, должно быть, какую-то молитву, но не очень громко и напевно, а как-то неразборчиво, с частыми разрывами в словах, будто про себя. Читал ли какую молитву наш батюшка, дед Витя расслышать и определить не мог. Уступив главенство немецкому пастору, батюшка стоял в нескольких шагах от микрофонов, к тому же, кажется, и растерялся, не зная, читать ли ему поминальную молитву совместно и в один голос с немецким священником или ждать своей, отдельной очереди.

Но он так ее и не дождался, потому что, едва немецкий его соратник произнес (на этот раз громко и отчетливо) последнее в молитве слово: “Аминь!”, как по приказу командира-начальника к гробу выметнулись два солдата, заученно подхватили его на ремни (чувствовалось, что этой сноровке они долго и упорно тренировались) и в одно мгновение опустили в яму.

Немецкий пастор перелистнул в книжечке несколько страничек и, глядя в провальное дно ямы, прочитал еще какую-то совсем уже краткую молитву. Наш батюшка теперь оказался проворнее: он тоже сказал несколько слов, но была ли это молитва или просто подходящие к случаю мирские слова, дед Витя опять не разобрал.

Солдатики и выскочившие им на подмогу откуда-то из засады четверо казахов-турков в новеньких, похоже, специально выданных им к сегодняшнему дню робах взялись было за лопаты, но тут вдруг произошло небольшое замешательство. Упреждая их порыв, немецкий пастор что-то сказал своим

соплеменникам, и те, подступив к самому краю могилы, стали бросать в нее комья песчаной осенней земли. Первым бросил старик-немец. Но не сразу, а после долгой задерживающей всех остальных подготовки. Прежде всего, он зачехлил и передвинул для удобства далеко за спину фотоаппарат, потом достал из кармана черные перчатки и, тщательно притирая их и разглаживая на пальцах, натянул по самые запястья. Но и этого старику показалось мало. Наклоняться без опоры-подмоги к земле ему было опасно, и он, выбросив далеко вперед толстую свою палку, долго тыкал ею в нетронутый травянистый дерн, отыскивая необходимое равновесие. Когда же нашел, то оперся одной рукой на нержавеющий наконечник палки, а другой, подавая пример соплеменникам, расчетливо бросил в яму три горсти земли. На ярком осеннем солнце, в это мгновение выглянувшем из набежавшей было тучи, наконечник палки и металлические застежки перчаток ослепительно блеснули, но деду Вите показалось, что блеск этот какой-то тусклый, словно мертвый.

Вслед за стариком принялись бросать землю и остальные немцы, кто голыми озябшими руками, а кто тоже успев надеть перчатки.

Наши хозяева-гости во главе с губернатором, столпившиеся уже в стороне от могилы, замешкались и, не зная, как им надлежит поступить — бросать землю или не бросать, стояли в растерянности. Все смотрели на губернатора, ожидая от него решения и подсказки. Но и губернатор подрастерялся, беспокойно заоглядывался по сторонам, будто сам искал там какого-нибудь выхода из создавшегося положения. И, к своему удивлению, почти мгновенно нашел его.

На глаза губернатору, как нельзя более кстати, попался Артём, который неприметно, но весь на стрёме и изготовке стоял позади больших и малых начальников. Губернатор, не долго думая, опять обхватил его за плечо и без лишнего разговоров повелительно подтолкнул к земляной насыпи.

Артём быстро сообразил, чего от него требуется. Проваливаясь в могильном, оплывающем под ногами грунте по самые щиколотки и пачкая штанины выходного костюма, он взобрался на вершину бугорка, глубоко зачерпнул ладонью горсть сырого, влажного песка и прицельно бросил его в яму. Ладонь у Артёма была широкая, с длинными увертливыми пальцами, и песка набралось в нее на добрую штыковую лопату. Секунду-другую помедлив, пока первая горсть рассыплется поверх крышки гроба и смешается с комьями, брошенными немцами, он еще дважды зачерпывал с бугорка широченной своей ладонью-лопатой. Но бросал теперь землю не сразу, а постоянно оглядываясь на губернатора (так ли все, правильно ли делает), долго и мелко разминал, размягчал ее пальцами и лишь после этого, размахиваясь из-за плеча, россыпью и веером кидал, будто сеял зерно, с одного края могилы до другого.

Старик-немец, успевший уже разогнуться и опять завести на грудь фотоаппарат, в упор щелкнул им по Артёму, и этот снимок, похоже, был самым удачным из всех, которые старик сделал за всё утро.

Подражая Артёму, по малой (будто переведенной с русской на немецкую) горсточке земли метнули в яму переводчики и переводчицы: и губернаторские, и генеральские и даже неприметный семинарист-попик в клубочке-чепчике. Им как бы и нельзя было не бросить, нельзя было отстраниться от своих подопечных-немцев, с которыми они за время служения так близко сошлись и сроднились.

К земляному бугорку потянулись еще несколько человек из начальственной свиты, но, вовремя глянув на губернатора, который к могиле не подходил, а увлеченно беседовал с немецким коллегой и генералами, они от бугорка отпрянули, решив, что губернатор, несомненно, во всем прав, и вполне достаточно участия в ритуале главы местной администрации, Артёма, и переводчиков.

Да они уже и не успели со своим порывом. Как только последние комья земли, брошенной переводчиками, исчезли в неглубоком провале могилы, командир-начальник дал отмашку солдатам и казахам-туркам, и те в четыре лопаты начали поспешно и обвально зарывать ее. Когда земли там набралось чуть больше половины, солдатики (опять-таки, заученно и натренированно) положили в изголовье ее мерную рейку, а казахи-турки в два-три приема ус-

тановили на необходимой высоте похожий на обрубок водяной сваи надгробный столбик. После, конечно, по весне, когда грунт осядет и уплотнится, могилу придется разрывать и столбик цементировать, иначе он завалится на сторону или уйдет в землю по самую макушку. Но все это потом, по окончании долгой холодной зимы, а сейчас главное, чтоб столбик стоял по уровню, на заданной высоте и обозначал, что немецкое кладбище уже есть, уже существует.

Дождавшись, пока солдатики и казахи-турки довершат обустройство первой в ряду, правобланговой могилы, заметно поредевшая толпа вслед за священниками перешла к соседней. Никакого митинга там уже не затевалось, речей никто не произносил, один лишь немецкий пастор ускоренно прочитал из книжечки молитву и уступил место могильщикам, которых набралось теперь человек до десяти. С похоронной своей работой они сообща справились много быстрее, чем возле первой могилы — всего через каких-нибудь десять минут бетонный столбик-свая уже возвышался над невысоким песчаным бугорком.

К третьей и четвертой могилам толпа поредела еще больше. По крайней мере, наш и немецкий губернаторы со своими свитами и переводчиками туда не пошли, а вернулись на твердый пятак, поближе к машинам. Их примеру последовали генералы и даже немец-старик с фотоаппаратом.

Оно и вправду — не ходить же им от могилы к могиле по узеньким междурядьям-просекам, скользя по выброшенной из ям земле и спотыкаясь о пеньки спиленных во многих местах берез. Никакой необходимости в этом уже нет: что нужно было сказать — сказано, траурные почести и дань погибшим отданы, — и возле остальных могил теперь идет хотя и скорбная, но в общем-то рядовая работа. Там вполне достаточно священников, солдат и казахов-турок во главе с прорабами и командиром-начальником, да Артём, который догадался по доброй воле откомандироваться туда, представляя сразу все власти, начиная от самых высших, московских и областных, и заканчивая местными, низовыми. Мужик он расторопный, деловой и вполне справится самостоятельно, без руководящих указаний.

* * *

И Артём действительно справился. Терпеливо выслушивал краткое чтение немецкого священника-пастора, вступал в душевный разговор с нашим немного растерянным багюшкой, чем, кажется, приободрял его, бросал в каждую могилу по три обязательные горсти земли, давал дельные советы могильщикам, а иногда так и сам брался за лопату.

Пока шла неустанная эта погребальная страда, гости на пятачке, дожидаясь ее окончания, томилась, то разбиваясь на отдельные группки, то опять соединяясь вокруг губернаторов и генералов в одну общую кольшующуюся толпу.

Неутомимый немец-старик тоже утомился, но в продолжительные беседы ни с кем не вступал, а пристально поглядывал на село да на всё еще запертых в загоне милиционерами-полицейскими серпиловцев, словно хотел там увидеть кого-то знакомого. Не обносил он дальнотворким своим взглядом и деревенское кладбище-погост. Там старик опять высмотрел деда Витю и удивился, почему этот деревенский мужик в русской стеганке-телогрейке одиноко сидит на лавочке за могильной оградой (да еще и прячется в тени жиденьких с почти уже облетевшей листвой зарослях), а не присоединяется к односельчанам, которых вот-вот выпустят на свободу.

Ловко, словно артист-фокусник, поиграв палкою, старик даже сделал в сторону кладбища и деда Вити несколько шагов, но в это время на пятачке всё пришло в движение и совсем уже в праздничную суету. Не занятые в похоронах солдатики и какие-то посторонние молодые ребята и девчонки в голубеньких мундирчиках с галстуками (официанты или какие-нибудь другие прислужники, как догадался дед Витя) расставили по всему периметру пятачка длинные раскладывающиеся столы и покрыли их белоснежными скатертями. Через минуту на этих столах появилась и водка, и всевозможные

закуски, которые официанты-служки проворно выносили из отдельной поварской какой-то машины-кухни.

Толпа, увлекаемая губернаторами, стала окружать эти столы, разбираться вокруг них согласно своим рангам и должностям. Старику-немцу место было определено за столом, предназначенным для начальства и особо почетных гостей, как всегда это и делается во время праздничных банкетов (дед Витя ни разу в своей жизни на них не присутствовал, но видел в кино и по телевизору): рядовые гости стоят впритирку, плечом к плечу за общими столами-братинами, а президиум и гости почетные, особо отмеченные и приближенные, за отдельным, поставленным на особицу, в отдалении от общих братин и поперек им. По наблюдениям деда Вити, на столах этих выпивка и закуска тоже были особые и в особом изобилии: коньяки, разных сортов водка и вина, прохладительные напитки и фрукты. Само собой разумеется, что и посуда на стол президиума выносилась отдельная, хрустальная и фарфоровая, высокого качества, а на общих — пластмассовая, разового пользования.

На нынешних столах все было организовано точь-в-точь как в кино и в телевизоре. Стол президиума, поблескивая на солнце дорогими бутылками и дорогой посудой, возвышался на самой маковке бугорка, рядовые же как бы стекали в низинку, к пустырю.

Поминальное торжество-трапезу можно было уже и начинать, но наш губернатор медлил, позволения и команды пока не давал, дожидаясь священников.

Те появились минуты через три-четыре в сопровождении благостно-покорного воцерковленного переводчика и Артёма, утомленные затянувшейся службой, припорошенные березовыми листьями и могильной землей. Место им было определено в президиуме, в самой середине стола, между губернаторами и генералами.

Артём, доведя священников до президиума и сдав их из рук в руки начальству целыми и невредимыми, скромно понятился к столам рядовым, в самый конец их и завершение, где заняли себе места журналисты. Но губернатор повелительным жестом остановил его и указал место за столом президиума, в соседстве с немцем-фотографом. Противиться губернатору Артём не осмелился, хотя там, в конце рядовых столов в толпе журналистов — людей на поминках в общем-то случайных и необязательных (они все-таки на работе: сделали свое дело, что надо — засняли на пленку, что надо — записали в блокнотиках, и давно бы могли уехать), он чувствовал бы себя свободнее и вольнее (там и выпить можно было бы побольше и без оглядки). Но слово губернатора — закон, и Артём, сняв шляпу, пристроился рядом со стариком и сразу затеял с ним, призывая на помощь переводчицу, какой-то дружеский застольный разговор.

Еще через пару минут подошли к столу президиума несколько милиционеров-полицейских в серьезных, важных чинах, полковников и подполковников. Полицейские же рангом пониже продолжали исправно нести охранную бдительную службу. Серпиловцев они наконец-то из заточения выпустили и позволили им беспрепятственно разглядывать свежие захоронения, но к столам подходить близко не советовали. Да серпиловцы по деликатности своей и сами туда не стремились, хорошо понимая, что на них за столами не рассчитывали (это сколько же надо выпивки и яств, чтоб упоить и укормить полсела). Пусть там трапезничает от имени и по поручению крестьянского сообщества Артём, деревенский их самый главный начальник. Он в трапезах-застольях толк и обхождение понимает и после, если не загордится, то расскажет, что там было и как: какая выпивка, какая закуска. Рассказывать Артём умеет еще лучше, чем выпивать и закусьвать. Впрочем, народу в стайке, за чертой, к концу погребений задержалось совсем мало. Многие, посмотрев издали только начало митинга и похорон, разошлись по домам. Смотреть было вроде бы больше и нечего. Возле каждой могилы в березовой роще работа шла однообразная и скорая, будто на конвейере: священники, солдатики и казахи-турки трудились неразгибно. Подсобить им — это, конечно, совсем иное дело, а просто безучастно смотреть, ротозействовать как-то оно вроде бы и нехорошо, не по-людски и не по-человечески. В березня-

ке остались лишь старики, старухи да дети-подростки, свергшиеся с деревьев. Обретя свободу, серпиловцы стали бродить между рядами, читать, каждый по своему знанию, надписи на столбиках на немецком и русском языках. Именных надписей там было не так уж чтоб и много, да и то лишь в начальных рядах, а на дальних темнели одна под другой надписи “Томб офте Унковн” — “Неизвестный”.

Вслед за серпиловцами, наскоро собрав лопаты и другой шанцевый инструмент, уехали с похорон и солдатики. (Самовольно, как журналисты, занять места за столами они, понятно, не смели.) Поторапливаться солдатикам был особый резон. Если нигде не застрянут в дороге, то как раз поспеют в гарнизонную столовую к обеду. А он сегодня особый, субботний, с наваристым борщом, с кашей перловкой или макаронами “по-флотски”, и главное, с густым розово-красным киселем вместо обычного жиденького чая.

А вот для вольнонаемных казахов-турков время обеда еще не настало, и они, вытесняя из рощи последних серпиловцев, принялись совковыми лопатами и метлами зачищать междурядья, подравнивать, где необходимо, надмогильные бугорки и неровно, в спешке поставленные столбики. Негромко, на малых оборотах заурчали и уползли к дальнему, соприкасающемуся с деревенским погостом краю березняка два трактора: малый, экскаваторный с выброшенным вперед, будто какой хобот, ковшом-землечерпалкой, и тяжелый, играющий на солнце отполированным до серебряно-стального блеска бульдозерным ножом. Наверное, там, на окраине вновь обретенного немецкого кладбища была какая-то срочная земляная работа, с которой казахитурки вручную справиться не могли. А может, просто кто-то из распорядителей торжеств решил спрятать трактора куда подальше, чтоб они своим видом не мешали проведению заключительной части этих торжеств — банкета-поминок.

Пора было уходить домой и деду Вите. Ему тоже развлекаться тут больше нечем, на огороде ждет капуста и, если не терять время попусту, не прохладжаться, то к вечеру ее можно будет потихоньку срубить и свезти на тачке ко двору, и тем порадовать Ольгу Максимовну.

Дед Витя в последний раз оглядел материну могилу, снял с креста несколько только-только опавших листиков и вышел за ограду.

— Ну, мать, — поклонился он могиле и сказал так, как всегда и говорил при расставании, — прощай пока. В следующую субботу приду.

— Прощай, — молодым и вовсе не грустным голосом ответила мать, а может быть, это деду Вите лишь послышалось в шелесте березовых высоких ветвей и калинового, усыпанного гроздьями-кровинками куста.

За оградой он надел шапку, половчей приладил в руке палочку-посошок и твердо встал на протоптанную за долгие годы хождения к матери песчаную тропинку. Но тут дед Витя вдруг услышал, как позади него кто-то заполошно и надрывно кричит:

— Виктор Васильевич! Виктор Васильевич! Подожди!

Дед Витя оглянулся и увидел, как через пустырь, заплетаясь широкими брючинами в осеннем порыжевшем бурьяне, к нему бежит Артём.

— Чего тебе? — любопытства ради задержал шаг дед Витя, немало дивясь, почему это Артём вдруг стал окликать его по имени-отчеству, а не так, как привык по обыкновению, в повседневной жизни — дедом Витей.

— Тебя Юрий Иванович зовет!

— А кто такой Юрий Иванович? — перекинул посошок из руки в руку дед Витя.

— Ну, ты даешь! — неподдельно возмутился Артём. — Губернатор наш.

— И зачем я понадобился нашему губернатору? — повесил на посошок сумку с пустой четвертинкой дед Витя.

— Поговорить хочет. С гостями познакомить. Я рассказал ему о тебе.

— И что же ты рассказал ему? — вскинул отяжелевший взгляд дед Витя на фетровую шляпу Артёма, которая опять наполнила тому на самый лоб.

— Так, всё рассказал, — забеспокоился под этим взглядом Артём, — что ты в Серпиловке теперь, считай, последний, кто помнит войну, кто пострадал на ней.

— Некогда мне! — отрывисто и резко ответил дед Витя и, отстранив Артёма, зашагал по тропинке.

Но Артём не отставал, крутился, словно какой выюнок, вокруг него, загоразживая дорогу и уговаривая на все лады:

— Неудобно же, Виктор Васильевич. Тебя все ждут.

— Неудобно штаны через голову надевать, — начал уже всерьез заводить дед Витя, и Артём прекрасно знал, что ничего хорошего это не сулит.

Он прильнул к нему с другого боку и проговорил с обидой и жалобой в голосе:

— Меня ругать будут. Я же обещал...

— Зря обещал! — не стал больше слушать его дед Витя.

Но шаг он все-таки опять замедлил и дальнозорко посмотрел в сторону застолья.

Там, прервав трапезу, и хозяева, и гости действительно ждали, чем закончатся переговоры Артёма с дедом Витей. Они с напряжением и любопытством наблюдали за ними, а немец-старик даже нацелился своим минометным фотоаппаратом.

— А этот, что, — ткнул в него посошком дед Витя, — небось, воевал у нас?

— Бог его знает, — уклонился от прямого ответа Артём. — Но говорит — ветеран.

— Эсэсовец поди, — завелся еще больше дед Витя. — Там только такие верзилы и были.

Он еще раз посмотрел на всё застывшее, безмолвное застолье и вдруг в одну минуту переменял свое решение, как это нередко случалось с ним и в обыденной жизни, особенно если дед Витя выпивал рюмку:

— Ладно, я пойду!

Он свернул с тропинки на пустырь и, почти не помогая себе посошком, не прислушиваясь, как поскрипывает и саднит культу расшатавшийся за день протез, пошел к празднично-поминальным столам.

Артём семенил рядом, без умоку болтал и похвалялся, что и наш, и немецкий губернаторы твердо обещали проложить к Серпиловке асфальт, провести газ, а может быть, даже и воду. Но дед Витя мало его слушал, а всё поглядывал и поглядывал на подвыпивших уже поминальщиков и в первую очередь на старика-немца, который, не переставая, целился в него и щелкал фотоаппаратом.

На подходе к пятачку-площадке Артём ловко подхватил деда Витю под локоть и, минуя рядовые, на добрую треть уже опустошенные столы, подвел его к президиуму, где водки и закусок не убывало.

— Вот, — легонько подтолкнул он туда своего пленника: — Виктор Васильевич, я вам говорил, ветеран наш и герой войны.

— Очень рады, — потеснив священников и генералов, освободил губернатор рядом с собой место для деда Вити.

— Чему рады? — помедлил дед Витя занимать это место.

— Рады познакомиться, — немного смущаясь, протянул ему руку губернатор, не привыкший к подобным разговорам с собой.

Молодую холёную эту руку дед Витя пожал и стал выжидать, что будет дальше.

Губернатор попробовал было знакомить его с соседями по застолью, нашими и чужими, но вовремя догадался, что прежде знакомства надо все ж таки деду Вите, ветерану и герою, налить рюмку.

Он дал знать об этом стоящему прямо у него за спиной официанту. Но когда тот потянулся за бутылкой, ловко перехватил ее у него и начал самостоятельно наливать деду Вите водку в махонькую, прозрачно иссеченную затейливыми узорами рюмку.

— Я с такой тары и такими дозами не пью, — неожиданно остановил его дед Витя.

Губернатор, подождав, пока переводчица переведет его слова иноземным гостям, не смог сдержать улыбки и откровенно загордился перед этими гостями: вот, мол, какие у нас, у русских, ветераны и герои войны — из мел-

кой тары и мелкими дозами не пьют. Он потянулся за фужером, расчерченным точно такими же, как и рюмка, узорами, но потом что-то шепнул службе-официанту, и тот неведомо откуда раздобыл и водрузил на стол граненый двухсотграммовый стакан.

Теперь уже совсем широко и по-свойски улыбаясь, губернатор с пониманием дела и, чувствовалось, немалым опытом принялся наливать водку, которая утробно побулькивала и будто сама поскорее рвалась из бутылки. Но на половине стакана он горлышко бутылки оторвал и вопросительно посмотрел на деда Витю.

— Лей, лей, — поторопил его тот. — Водка поди не твоя — казенная.

— Казенная, — подыграл деду Вите губернатор и еще больше загордился им перед иностранными гостями. Заодно загордился и собой, своим открытым, открытым разговором с народом, от которого ему утаивать и скрывать нечего.

Когда стакан наполнился по самый венчик, дед Витя взял его твердой, недогнувшей рукой, внимательно оглядел всё застолье, начиная от заглавного поперечного стола и заканчивая стоящими продольно, вниз по склону, и вдруг опять озадачил, спросил молодого губернатора:

— И за что же вы тут пьете?!

Губернатор на этот раз гордыню свою смирил, вспыхнул и зарделся, словно красная девица, и с трудом нашелся, что ответить деду Вите:

— Похороны, сами понимаете...

— Ну, за эти похороны я пить не буду, — подвинулся поближе к столу, чтоб поставить на него стакан, дед Витя.

Иностранные гости, дожидаясь, пока толмачи объяснят им, что там за разговор затеялся между губернатором и ершистым русским стариком-инвалидом в шапке-ушанке, потертых штанах и телогрейке-стеганке, которую они прежде видели только в кино, по-гусиному вытянули в сторону переводчиков головы и насторожились в предчувствии чего-нибудь особо веселого и развлекательного. А наши заволновались и встревожились всерьез. Они с удвоенным вниманием стали прислушиваться к переводчикам, надеясь, что те как-нибудь смягчат, скраднут слова деда Вити и тем выручат губернатора, в общем-то по своей воле и легкомыслию попавшего в эту неожиданную переделку.

Но выручил его сам дед Витя. Глянув на побагровевшее растерянное лицо губернатора, он стакан не поставил, а наоборот, еще крепче зажал его в заскорузлой горсти и сказал как бы только одному своему собеседнику:

— А вот за нынешнюю, Дмитриевскую субботу я выпью. Знаешь, что такое — Дмитриевская суббота?

Ни губернатор, ни многие другие, приехавшие вместе с ним областные и московские гости не знали. Но им ловко и вовремя подсказал наш внимательный ко всему происходящему батюшка. Он из-за плеча немецкого пастора в двух-трех доходчивых словах все объяснил губернатору. Тот сразу подобрел лицом, успокоился, улыбнулся деду Вите, может быть, даже опять скрытно гордясь им. А иноземным гостям все было без разницы. Если они мало чего поняли из разговора деда Вити с губернатором, то тем более ничего не поняли насчет Дмитриевской субботы, которая у них, в немецкой стороне, не празднуется и не отмечается. Они теперь с нескрываемым страхом смотрели на стакан деда Вити, не веря, что тот в один раз и присест выпьет его.

Но дед Витя выпил. Не торопясь и не поспешая, мерными расчетливыми глотками, внимательно следя, чтоб ни единая капля не обронилась ему на подбородок. Когда же стакан опорожнился, дед Витя аккуратно поставил его на край стола и закусил малым ломтиком хлеба с колбаской.

Теперь все ожидали (и губернатор, кажется в первую очередь), что почетный гость, ветеран и инвалид, поблагодарит за угощение и потихоньку уйдет домой. Всё, что надо было знать о нем, они узнали от Артёма. Хотелось, конечно, и посмотреть на героя, о котором Артём так вдохновенно рассказывал, чтоб удостовериться — не перебрал ли он, не переборщил ли в своих похвалах. Они посмотрели и удостоверились (втайне решив, что всё ж таки переборщил), и на том их интерес к деду Вите пропал. Делать ему тут вроде бы больше нечего, тем более, как им казалось, хорошо выпивши.

Но дед Витя сам не ушел, а повернувшись к старику-немцу, вдруг почти в самый окуляр фотоаппарата и в грудь ткнул его посошком:

— А ты чего приехал? Воевал небось у нас?!

— Найн, найн! — похоже, без переводчика понимая деда Витю, замал тот руками. — Нихт им Криег!

— Ладно тебе — нихт! — не отставал от него дед Витя. — ЭсЭс, поди?

— Найн — ЭсЭс! — еще пуще заволновался старик. — Их бин ейн инфантерист — пехота.

— Теперь вы все пехота, — подловил его на этой оплошности и невольном признании, что воевал, дед Витя.

Переводчики опять все путано пересказывали и сглаживали, чтоб слова деда Вити не слишком задевали иноземных гостей. Но те на этот раз поняли их правильно, только идти на помощь старику, словно сговорившись, почему-то не решились, а оставили его один на один с дотошным дедом Витей. Растерялись даже генералы и священники.

Минута установилась тяжелая и напряженная. Чтоб разрядить ее, надо было, наверное, вмешаться нашему губернатору, но тот опять не нашелся, как это поумней и поделикатней сделать.

А дед Витя, между тем, повторно ткнул старика в окуляр и, отстраняясь от стола, как бы даже вознамерился подойти к нему вплотную:

— А раз пехота, так, значит, это ты и бросил нам вон там, в селе, — он указал посошком на Серпиловку, — в погреб гранату.

— Найн, найн! — стараясь улыбаться и свести всё на шутку, загородился от деда Вити фотоаппаратом и палкой старик.

— Ну, не ты, так такой, как ты! — вроде бы смягчился тот, но, чуть помедлив, указал посошком на возвышающиеся невдалеке остатки бывшей колхозной фермы. — А вон там, в конюшне, ты, случаем, не сидел, воду по-собачьи из корыта (дед Витя показал — как) не хлебал?

Старик, проследив, куда указывает дед Витя, тоже немного помолчал, покрепче оперся на палку и вдруг произнес:

— Я, Я! (то есть да, да — сидел).

— Ну, стало быть, и гранату ты бросил. И нечего отпираться! — совсем добил его дед Витя.

Старик, дождавшись перевода, начал о чем-то долго и горячо говорить, размахивать палкой и всё время забрасывать за спину непокорный фотоаппарат. Но дед Витя его уже не слушал (и не слушал никого иного). Он неожиданно для всех высоко поддернул на левой ноге штанину и белые подштанники, которые, начиная с сентября месяца, чтоб не мерзла культя, начинал носить, показал немцу прихваченный двумя ремешками за худую костлявую голень старый измочаленный протез:

— Это твоя работа! Фотографируй на память!

Немец сбился с пространной своей речи, забормотал что-то невнятное, а губернатор, видя, что назревает и затевается скандал, поманил к себе Артёма и с раздражением приказал:

— Уводи его отсюда!

Дважды повторять Артёму приказ не надо было. Он тут же обхватил деда Витю за плечи и почти силком начал уводить из-за стола.

— Пойдем, пойдем, — настойчиво уговаривал он его. — Ольга Максимовна поди заждалась.

Но дед Витя, опустив штанину, стоял твердо и никуда идти не собирался. На обманно-ласковые уговоры Артёма он ответил резко, будто ударил наотмашь:

— Ничего — подождет! Она у меня терпеливая.

На помощь Артёму подоспели два милиционера-полицейские, но дед Витя прикрикнул и на них:

— А ваше какое дело?!

Но когда к нему, оставив гостей, сердито подошел сам губернатор, дед Витя вроде бы как подчинился ему, отпрянул от стола и сделал несколько шагов вслед за Артёмом и полицейскими.

Все облегченно вздохнули и потянулись за бутылками, чтоб окончательно разрядить обстановку. Но дед Витя в следующее мгновение, вырвавшись из-под опеки, цепко схватил немца-старика за рукав и развернул его лицом к деревенскому кладбищу-погосту:

— Пошли, коли гонят!

— Вогин золлте ман гээн? (куда идти?), — попробовал было сопротивляться немец, но дед Витя посильней подтолкнул его в спину:

— Шнель! Шнель! Сейчас увидишь — куда! — и снова повторил: — Шнель! — вдруг вспомнив, как осенью сорок первого года немецкие надсмотрщики и полиция гоняли их с матерью копать недокопанную колхозную картошку и все шнелькали, поторапливая прикладами автоматов и палками, которыми были вооружены.

Немец вырваться от деда Вити не посмел, а лишь несколько раз оглянулся на застолье и покорно пошел впереди его, будто под конвоем.

Так они и брели через весь насквозь продуваемый вдруг похолодавшим ветром пустырь: впереди, опираясь на толстую лакированную палку, немец, а в шаге от него дед Витя с рябиновым посошком-палочкой.

В полном одиночестве, один на один, заботливое начальство, правда, их не оставило. Тут же вдогонку за стариками был послан доброволец Артём, милиционер-полицейский и переводчица в ботфортах. Подхватив на плечо камеру, за ними ринулся было еще и телевизионный оператор, пьяненький и оттого самовольно-решительный, но какая-то начальствующая над ним дама удержала его за рукав, своевременно почувствовав и сообразив, что ничего больше снимать не надо и что за столом президиума намерение оператора не одобряют.

Переводчицу дед Витя принял, а на Артёма и милиционера-полицейского взъярился и погрозил им сумкою с остатками еды и пустой четвертинкой:

— Не бойтесь, не задушю я его!

Полицейский и Артём под замахом деда Вити на минуту остановились, потоптались в бурьяне, но послушаться начальства и повернуть назад не рискнули. Отпустив деда Витю, немца и переводчицу на несколько шагов вперед, они двинулись за ними бдительным, неотвязным дозором.

Дед Витя раз-другой оглянулся на них, для острастки опять погрозил сумкою и посошком, но вскоре перестал об этом стерегущем дозоре и думать: идут, ну и пусть себе идут — тоже ведь какая-никакая служба.

С переводчицей, которая, путаясь и заплетаясь в бодыльях полыни и дурнишника тоненькими нестойкими каблучками, постоянно отставала, дед Витя никаких разговоров не вел (не о чем было ему пока с ней разговаривать). А вот немцу время от времени подсказывал:

— Прямей иди, прямей!

Немец опять самостоятельно, без подсказки переводчицы понимал, чего от него требует дед Витя, подчинялся ему и широким упорным шагом, действительно никуда не уклоняясь, шел точно по прямой линии к деревенскому кладбищу-погосту.

Остановились они возле материной могилы. Дав немцу немного отдышаться, дед Витя подвел его к самой ограде и указал на бугорок-холмик:

— Здесь мать моя лежит. От гранаты твоей в погребке погибла.

На этот раз немец дождался от переводчицы подробного перевода, о чем-то даже переспросил ее. Но на слова деда Вити никак не откликнулся: выпрямившись во весь свой немалый рост, он молча стоял у ограды, изредка лишь зачем-то постукивая палкой о ее крашенные штакетины.

Дед Витя, признаться, и не ожидал, и не требовал от немца никаких слов. Молчит, и ладно, вот только палкой стучать о штакетины ему незачем.

Пытаясь унять немца, дед Витя опять жестко взял его за рукав и перевел через прогал-просеку к двум другим могилам:

— А здесь, — взмахнул он снятой еще на подходе к кладбищу шапкой, — соседки наши, тетка Соня и тетка Валя. Тоже в погребке прятались.

Немец и тут отмолчался, но палкой об ограду больше не стучал, а нашел для нее другой применение: оперся сразу двумя длиннопальными, в старческих бурых пятнах руками, но не согнулся и не сгорбился — стоял прямо, будто

в военном строю. Похоже, он надеялся, что на этом его приключения с надоедливим русским стариком закончатся: на выручку подоспеет полицейский и такой обходительный в разговорах с ним глава местной администрации — Артём. Сейчас они покурят возле кладбищенских ворот — и придут.

Но дед Витя рассеял эти его преждевременные надежды. Он теперь уже без всякого насилия и принуждения поманил немца за собой к детским, увенчанным низенькими крестами могилам, встал у первой из них и сказал:

— А здесь дети лежат, тобой убиенные, — и перечислил всех своих погибших сверстников поименно: Гриша, Коля и Нина Слепцовы и Лида и Ваня Борисенко.

Переводчица, до этого какая-то взбалмошенная и чрезмерно горящаяся, что на мероприятии без неё ни большие начальники, ни иностранные гости, ни такой вот крикливый деревенский дед обойтись не могут, вдруг подбралась, перестала ершиться и будто повзрослела.

— Переведи ему всё повнимательней, без пропусков, — перестал сердиться на нее и дед Витя, — чтоб всё понял.

Переводчица, подступив поближе к немцу, действительно со всем прилежанием стала выполнять просьбу деда Вити, особенно четко произнося детские звонкие имена:

— Гриша, Коля, Нина, Лида, Ваня.

Немец тоже слушал ее гораздо внимательней, чем прежде, иногда даже прикладывал к уху ладонь и клонил в сторону переводчицы седую свою голову с жиденькими, но аккуратно, на косой пробор расчесанными волосами. Когда же она закончила, он повернулся к деду Вите и произнес не так уж чтоб и жестко, но и не совсем мягко, с хриплым клокотанием в горле:

— Ее вар ейн Криег!

— Была война! — передала его слова деду Вите переводчица.

— Конечно, война, — вдруг вспыхнул и тверже укрепился посошком и протезом о кладбищенскую землю дед Витя. — И вы здорово научились воевать с русскими детьми и бабами.

— Так и переводить? — переспросила его переводчица, напуганная его громким, почти срывающимся на крик голосом.

— Так и переводи, — повелел ей дед Витя. — Ему не помешает, — а сам он из-за деревьев и кустов испытующе посмотрел на полицейского и Артёма.

И посмотрел не зря. Те, почуяв, что на кладбище дед Витя затевает что-то неладное, побросали папироски и устремились на подмогу и выручку немцу.

Подшли они как раз вовремя. Немец еще не успел до конца понять все-таки сбивчивый и утаенный пересказ слов деда Вити, как они были уже возле могил.

— Ты опять! — закричал на него Артём, чувствуя себя здесь, на кладбище, самым большим и ответственным начальником. — Выпил — и давай домой! Нечего тут разоряться!

— Давай, давай! — принял помогать Артёму и полицейский, натренированно отгалкивая деда Витю от ограды на тропинку.

Но тот не поддался ни Артёму, ни полицейскому.

— Вы меня не погоняйте, не запрягали! — уже во весь замах руки вскинул он на них посошок.

Полицейский с Артёмом стали соображать и вполголоса советоваться, что им делать дальше с распоясавшимся стариком: брать уговорами или силой, а дед Витя тем временем, указывая немцу на пустырь и поминальные столы, опять прикрикнул на него:

— Цюрюк! Шнель цюрюк!

Он сам не мог понять, почему ему вспомнилось еще одно немецкое, лающее и холодное, будто ледышка, слово. Но вспомнилось, и он произнес его еще раз и еще и повторно указал немцу на пустырь:

— Цюрюк коммен — пошел назад!

Когда дед Витя привел немца к столам, поминки-торжество уже заканчивались. Поминальщики, разбившись на мелкие смешанные группки, громко переговаривались, похлопывали друг друга по плечам, обнимались, выпивали “на посошок”.

Немец-старик, высвободившись из-под конвоя деда Вити, неожиданно быстрым шагом занял свое место за столом и тоже потребовал налить себе рюмку. От нашего губернатора поспешный этот шаг и болезненно, по-старчески вздрагивающая в его руке рюмка не укрылись. Оставив деда Витю одиноко, словно на юру, стоять в междурядье столов, губернатор поздравил к себе Артёма и принялся допрашивать его, дознаваться правды:

— Что там?!

— Так что! — переступил с ноги на ногу Артём. — Не надо было его сюда звать — один скандал. Я же говорил.

Артём начал было более подробно рассказывать губернатору обо всём случившемся на кладбище, но не дошел и до середины, как дед Витя вдруг оборвал его, перебил на полуслове и, указав посошком вначале на старика-немца, так и не успевшего еще выпить своей успокоительной рюмки, а потом, через столы и голову губернатора, на земляные бугорки с надгробными бетонными сваями:

— Кол им осиновый, а не могилы! Вот что!

Русская часть застолья замолчала и как бы в единый миг протрезвела, а немцы, не понимая слов деда Вити, но чувствуя, что тот сказал что-то злое и грубое, разрушающее всё торжественно-печальное мероприятие, начали настойчиво переспрашивать, терзать переводчиков. Но те с переводом опять замешкались: во-первых, не зная, как перевести заплотный этот крик деда Вити (в немецком языке подобного выражения насчет осинового кола не существует), а во-вторых, не зная, надо ли вообще его переводить. Они ждали указания, а еще лучше бы какой-нибудь подсказки от губернатора, которая могла бы вывести их из неловкого, затруднительного положения. Но губернатор в негодовании на деда Витю и на Артёма с полицейским, не сумевшим справиться с подвыпившим стариком и увести его домой, и даже на своего соседа, немецкого губернатора, в первую очередь потребовавшего перевода, сам пришел в замешательство. Растерялись и такие верные и надежные во всех иных случаях помощники и советники губернатора. Они начали прятаться за его спиной и незаметно рассеиваться и таять в толпе.

Побагровел до цвета лампас и наш, основательно выпивший генерал (теряться ему не полагалось по высокому своему воинскому званию и должности). Он, словно беря в самый трудный момент сражения, когда командующий фронтом, а может быть, даже и сам верховный главнокомандующий погибли, всё руководство битвой на себя, крикнул что-то грозное полковнику-полицейскому, который окаменело стоял в торце стола. Но окрик этот на полковника никак не подействовал: военный общевойсковой генерал не был для него прямым начальником, и выполнять его приказания тот не был обязан.

И тут вдруг всех выручил наш неприметно-робкий батюшка. Он проворно выбрался из-за стола и, будто прикрывая от деда Вити застывшее в тревоге и испуге застолье широкой своей скуфейкой и клобуком, подошел к нему.

— Так нельзя, — ласково и тихо сказал он деду Вите. — Все мы люди...

— Вам, может, и нельзя, а мне можно, — перебил и батюшку на полуслове дед Витя.

Батюшка столь дерзкому ответу не смутился, он взял в руки наперсный крест и сказал еще тише и проникновенней:

— Бог прощал врагам своим и нам велел.

— Я за Бога не в ответе! — не внял и этим молитвенным словам батюшки не очень-то богомольный по природе своей и прожитой жизни дед Витя. — Где он был в войну? У немцев тоже на ремнях было написано “С нами Бог”.

Батюшка креста из рук не выпустил и, наверное, через минуту-другую нашелся бы, чем утешить и унять разгневанного старика (в его служении бывали еще и не такие случаи). По крайней мере, уговорить деда Витю уйти домой и не разрушать собрания, может, и справедливыми, но необдуманными и не вовремя сказанными словами батюшка смог бы и сумел. Да дед Витя и сам уже собирался уходить, краем глаза увидев, что, спрямляя дорогу, бежит от деревенского их дома к кладбищу Ольга Максимовна, которой поди вернувшиеся с похорон серпиловцы уже рассказали, что дед Витя там воюет и наводит смуту. А может, Ольга Максимовна и без подсказки сама обо всем догадалась. К его негодованиям и ярости она приучена и чует их на самом дальнем расстоянии.

Но надо же было такому случиться, что именно в эти минуты из заблоченной опушки березняка, завершив там все земляные работы, вкрадчиво возвращался на место стоянки за палаточным городком строителей тяжелый гусеничный трактор-бульдозер. Как раз напротив деда Вити он замер, и тракторист-казах, не выключая мотора, подбежал с докладом к прорабу, который тоже уже пристроился за поминальными столами.

Дед Витя вспаленно глянул на этот оранжево-красный, робко, словно боясь грозного окрика начальства, работающий на самых малых оборотах трактор, на его широко распахнутую дверцу и вдруг, оттолкнув на ходу нескольких поминальщиков, в два-три шага оказался возле него. Привычно, как не раз это делал в молодые свои годы, когда подменял трактористов, он взобрался в кабину, захлопнул дверцу и, опустив на землю многотонный, весь еще в комьях сырого кладбищенского грунта нож, круто развернул бульдозер вначале на поминальные столы, а потом и дальше, прицельно метя на заглавную правофланговую немецкую могилу.

— Кол вам синовый, а не могилы! — еще раз крикнул он, цепляя ножом и подминая гусеницами сияющий хрустальями, фарфором и дорогими бутылками стол президиума.

Поминальщики, вся хмельная, загульная толпа, не взирая на должности и ранги, толкая друг друга, бросилась из-под ножа и гусениц врассыпную. В первые мгновения никто не мог сообразить, что случилось и как остановить этот, словно сам собой, без человеческого участия сорвавшийся с места и теперь изничтожающий все на своем пути трактор. Но потом с одной стороны бульдозера кто-то из самых отчаянных милиционеров-полицейских, а с другой — обронивший где-то на ходу шляпу Артём попробовали вскочить на подножку трактора, распахнуть дверцу и вытащить из кабины, кажется, совсем потерявшего разум деда Витю. Но дверцы никак не поддавались им, и спасатели, теперь уже боясь за свои собственные жизни, спрыгнули на землю, едва не поломав себе ноги и не свернув шеи.

А дед Витя, расправившись со столом, тем временем медленно и неостановимо подвигался к правофланговой, уже чуть подернутой пылью и засыпанной вокруг бетонного столбика березовыми листьями могиле. Еще бы минута-другая, и он снес бы ее ножом, а потом подмял бы и сравнял с землей гусеницами. Но в последнее мгновение, словно из-под этой земли, перед ним вырос и встал во весь свой громадный рост немец-старик. Стоял он прямо и бесстрашно, широко расставив ноги, как привык это делать в молодые свои годы, когда был верным и надежным солдатом вермахта. Лакированную палку немец положил на оброненный на грудь фотоаппарат и цепко обхватил ее по краям покрасневшими от напряжения и потерявшими старческие пятна руками. Соединившись в одно целое, фотоаппарат и палка воочью напоминали немецкий автомат-шмайссер, а за поясом у старика, в прорехе распахнутого плаща деду Вите почудилась еще и граната на длинной точеной ручке. Но дед Витя ничуть не испугался и не заробел бывшего немецкого пехотинца (а может, и вправду эсэсовца), с его шмайссером и гранатою. Ничего они сделать не могли ни против его самого, ни против тяжёлого, напоминающего русский танк-тридцатчетверку трактора. Не уклоняясь от наведенного дула автомата и остекленевшего взгляда немца, дед Витя все ближе и ближе подвигал к могиле грозно блестящий сталью нож бульдозера. Остановил он его лишь в нескольких сантиметрах от старика, едва не придавив ему но-

ги, обутые в твердокожаные с высокой шнуровкой ботинки. Распахнув дверцу, дед Витя выбрался из кабины и, ни разу не оглянувшись на немца, пошел, пособляя себе посошком и поскрипывая протезом, навстречу Ольге Максимовне, которая уже почти подбежала к столам.

Толпа поминальщиков расступилась перед ним, образовав живой коридор, и никто в этой толпе не знал, что же делать с разгневанным дедом Витей: не знали ни губернаторы (наш и немецкий), ни оба протрезневших генерала, ни даже священники — протестантский пастор и наш православный батюшка. Они лишь растерянно смотрели друг на друга да теребили в руках наперенные кресты, с которых скорбно взирал на окрестный мир распятый Иисус Христос.

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ДУША МОЯ НАСКВОЗЬ ПРОБИТА...

КЛЯТВА

Были тучи, как из стали,
Папа был. И я при нём.
И глядел товарищ Сталин
На сиротский детский дом.
На линейке все стояли.
Рядом с папой я стоял.
Клятву мальчики давали.
Клятву девочки давали.
Папа клятву принимал.
В клятве все слова знакомы.
Я всегда был в курсе тем —
Сын директора детдома,
Хоть и маленький совсем.
Рядом папа молодой.
Он с войны пришёл живой.
Не погиб он на войне.
Повезло.

Ему.

И мне.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Автор девяти поэтических сборников, книги прозы "Все-го-навсего", документального сувенирного издания "Вятская гармоника". В "Нашем современнике" печатается с 1997 года. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. Живет в г. Кирове (Вятке).

МИРУ — МИР

Выпей да по-новому налей.
Если ж нет, то, значит, и не надо...
Ты осталась в памяти моей,
Словно невручѐнная награда.
Отзвенела тонкая струна,
Оборвав по-детски “тили-тили”...
Миром ли закончилась война —
Та, в которой мы не победили?
Где-то снова собирают рать.
И поскольку мы с тобой не пара,
Будем мы поврозь не ожидать
Нового внезапного удара.
Снова в бой — и нет пути назад?!
Плачет у кладбищенской ограды
Демобилизованный солдат —
Тот, что воевал не за награды.
Костыли... Афган или Чечня?
Кровь его за Родину пролита.
И пробито сердце у меня,
И душа моя насквозь пробита.
И хоть мир спасти мы не смогли,
Мир наступит поздно или рано,
Лишь бы беды мира утекли
В эти вот его сквозные раны.
Так помянем женщин и друзей,
Вспомним невручѐнные награды...
Выпей да по-новому налей,
Если ж нет, то, значит, и не надо.

* * *

Спиною чувствуя погоду,
Я понимаю, пряча взгляд,
Как страшно прибавлять по году,
Когда уже за шестьдесят.
Осталась лишь одна награда,
А может, и одна беда,
Что никуда спешить не надо,
Спешить не надо никуда.
Ведь старость — долгое сиротство.
Как ни ворчи и слѐз ни лей,
Уже всё меньше остаѐтся
Здоровья, времени, друзей.
Что будет дальше? — я не знаю:
Где обрывается стезя?
Но вот возьму и опоздаю,
Куда опаздывать нельзя...

НОВЫЙ АПОКАЛИПСИС

Как будто в предсмертном угаре
Рождается утро в ночи.
И чёрное солнце нам дарит
Свои ледяные лучи.
И чёрная водка в стакане
От слѐз наших стала бела.

Вот здесь — в мировом океане
Япония раньше была.
Ах, как же мы были беспечны
И чёрных не видели дыр!..
Ничто в этом мире не вечно,
Особенно сам этот мир.
Наивны ненужные споры
В преддверии новых утрат,
И молча Уральские горы
Из чёрной пучины глядят.
Пусть гавани нового берега
Пока что неведомы нам,
Но светлая тень от ковчега
Упрямо скользит по волнам.

ВЫСЛУШАТЬ БЕРЁЗКУ

Глядеть бы и глядеть из-под руки,
Не раздвигая времени завесу,
На этот лес по берегам реки
И на реку, текущую по лесу,
Чтобы впитать всю радость и всю грусть,
Что лес копил, что лес берёг веками.
Я над обрывом к дереву прижмусь,
Чтобы берёзку выслушать руками.
Она такая стройная на вид,
А жизнь её и гнула и ломала,
И пусть у нас по-разному болит,
Но общего у нас в судьбе немало.
Я нашу землю, как она, люблю —
И снег, и дождь, и радугу над нами,
Хотя дождинки радостно ловлю
Не листьями, а мокрыми губами.
Я понял, лишь доживши до седин,
Как больно жжёт берёзовое пламя.
А Божий мир велик,

но он един,

И крона кровно связана с корнями.
Все наши даты выстроятся в ряд,
Ведь на мосту искать не надо брода,
И прадеды со мной заговорят
На вечном языке без перевода.
И скоро мне, как им, держать ответ,
Как прожил жизнь и не нарушил лада.
Когда с мною этот Божий мир,
То мне пока другого и не надо.
А я не спас Россию от беды
И не погиб во славу и во имя...
Лишь плеск воды.

Лишь только плеск воды.

Да шум берёз над плёсами речными.

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

МАРШЕВАЯ РОТА

РАССКАЗ

Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случилось наблюдать в жизни и переживать.

Л. Н. Толстой

1

На следующий день после показательного, для острастки, расстрела двух дезертиров, что входит в программу подготовки молодого бойца, снайперской роте объявили построение с вещами. Ранее таких построений не было; ребята растревожились.

Слухи о том, что вот-вот начнут формировать маршевую роту, томили душу и прежде, хотя к тому всё и шло. Но одно дело слухи, а иное — вот она, роковая минута — сердце оборвалось...

Молча каждый, сопя, трепыхал свой сидорок, выкидывая лишек. В казарме установилась непривычная тишина, если не считать шорох возни. Пол захламылся клочками газет, ношеным тряпьем и бог весть какими соблазни-

---

ШАПОВАЛОВ Владислав Мефодьевич родился в 1925 году на Белгородчине. Семнадцати лет, в 1943 году, ушел на фронт. Тяжело ранен в бою. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью "За отвагу" и др. В конце войны ему было присвоено офицерское звание — младший лейтенант. Окончил Днепрпетровский государственный университет и тридцать лет учительствовал, был директором школы. За плечами автора более двадцати книг прозы. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в Белгороде.

тельными вещами, негодными в окопе. Смотрю и дивуюсь тому, сколько скрытого хлама таилось в котомках среди шмоток и как всё враз оголилось на глаза. Необычная обстановка взвинтила и до того натянутые нервы.

У Колоня Лапка выпала, стукнув о пол, иконка. Паренёк испугался и, полохливо озираясь, пихнул её обратно в мешок. Стянул заснурком узел.

По возрасту Колоня самый младший в роте. И самый хилый по здоровью. Сквозь тонкую, туго натянутую кожу лица у него просматривались черепные кости. И какой-то он весь невдалый: то пуговицы у него перепутают петли, то обмотка сосунется на ботинок. А то забудет подперезаться, оставив брезентовый поясok в казарме.

Да и все остальные не намного, на несколько месяцев, старше Колоня. И по здоровью далеко не ушли. Это был последний призывной год войны — 1925-й, который сгребали по всей стране. Правда, на фронт частично попал и 26-й, а иные юнцы, редко, и 1927 года рождения. Но это не правило... В отрочестве, за два года оккупационной бескормицы, они не взяли рост, а на харчах запасного полка не взяли вес. И если говорят о “пушечном мясе”, то сейчас гнали на убой “пушечные кости”. Немецкие газеты на русском языке времён оккупации, как значилось в выходных данных, “для населения областей, освобождённых от жидо-большевизма”, карикатурно изображали Главнокомандующего: Сталин берёт из люльки за ушко младенца с соской во рту и перекидывает его в открытый люк танка — “тотальная мобилизация”.

Чья бы мычала!

Последней сгребал и Гитлер. Команды поганышей — Hitlerjugend (“гитлеровская молодёжь”) — сопли до пола — жгли в Берлине из-за угла фаустпатронами танки, что стало полной неожиданностью для нашего командования, по генеральской дури загнавшего броневые машины в межстенные ловушки улиц, где нет манёвра.

— Выходи строиться! — опять по сердцу.

Эти зычные, с металлическим дребезгом, команды Курского Воробья пробивали барабанные перепонки насквозь, дважды отзываясь эхом в ушных раковинах. А называли старшего сержанта Болтина по аналогии с “курским соловьем”, откуда он родом. Низкорослый, копнистый, с пупырышком носа на круглом монгольском лице, он взял голосом, чем изгалялся над ребятами невыносимой, до влягу, муштрой. Команды подавал с каким-то кичливым пренебрежением к нам, на что имел основания.

Ещё в годы войны и долго после “весь советский народ” (так и рвётся перо в строку: “Как один человек, весь советский народ за свободную Родину встанет!”) — так вот, “весь советский народ” поделили на две части: “чистых” — и “нечистых”, которые оказались в немецкой неволе. Это около 40% населения страны. И так как под коричневую пята угодили, в основном, земли восточных славян, то и “меченых” среди них оказалось больше, чем у других народов. Чистые — первосортные — вернулись из эвакуации невредимо, заняли в городах квартиры и значные места, нам же, второсортным, побывавшим под оккупантами, вернувшимся с войны, достались негодные ошурки.

Метки публично не оглашались, а скрытно таились в сейфах органов и кадровиков. Я более десяти лет носил позорное клеймо и в личных делах унижительно заполнял графу: “Находился ли на оккупированной территории и чем занимался”. Да выживал на краю гибели, брошенный на произвол судьбы...

Нынешнему поколению трудно представить, что такое два года беспросветной ночи фашистской оккупации. Одна только бытовая деталь: сразу оборвалось электричество, не стало воды и отопления зимой. Не стало работы и зарплаты. Не стало снабжения и магазинов. Ничего не стало...

Ну, это ещё куда ни шло! Надо было вернуться от лассо, арканящего рабочую скотинку на каторжные работы в Германию! И это не всё: надо было не угодить под затылочный шлёп, а я был залётным мальым, залетел однажды и в застенок, отдав свой подневольный срок. Дрожь по коже, как вспоминаю: узкие, плетённые серебряным шнуром погоны, чёрно-белая, с

красной окантовкой ленточка, загнутая за борт кителя, гузно кокарды с паучьей крестовиной свастики, нацеленное в тебя с фуражки...

Старший сержант Болтин принадлежал к “чистым”, потому его отношение к нам, “оккупированным”, соответствовало духу времени, что дало ему право вволю поиздеваться над хлопцами за четыре месяца службы в запасном полку. Бывало, за какую-нибудь пустяковую провинность заставит утюжить снег по-пластунски — у нас бушлаты на животах, вылиняв, побелели.

Впрочем, нас, вероятно, истязали маршировкой — носок на уровень плеча! — вовсе непригодной в окопе, закаляя на выносливость и, естественно, для укрепления дисциплины, что именуется беспрекословным повиновением.

— В колонну по четыре стано-вись!

Утешала надежда: изнурительная муштра скоро кончится.

— Живо разобраться!

После списочной проверки (меня, как всегда, по фамилии, окликнули последним) роту вывели за ворота.

— Э-р-р-р-р! Э-р-р-р-р! Э-р-р-р-р! — приводил в порядок шаг роты, рвал связки Воробей.

С Холодной Горы, приглушённые, мы спустились к железнодорожной станции на товарную площадку, где спаренные рельсы подходили к длинному пакгаузу. Торцевая дверь пакгауза, оббитая для скрепы толстым полосовым железом, больше походила на ворота, куда мог вкатить грузовик. Ворота были отворены настежь.

У пакгауза, с левой стороны ворот, стоял на возвышении упитанный еврей лет тридцати, в капитанских погонах и смужковой шапке. На нём была добротная, светло-бежевого цвета дублёнка, продавленная наискосок по груди португесей; на ногах — фетровые, на кожаной подошве, тёплые валенки с прошивкой тесёмки из коричневого хрома спереди. Я так прикинул, по серебряным погонам: верно, интендант, а то и завскладом.

Капитан свысока смотрел, как хлопчики понуро бредут вольным шагом на взъём эстакады в распахнутые ворота склада. И торец пакгауза, и разинутые ворота напомнили мне дверку огромной печи, карикатурно изображённой в газете времён германской оккупации.

Сталина рисовали с низким, в два пальца, лбом, большим крючком шнобеля, длинными, ниже подбородка, моржовыми усами, в обычной для него “сталинке” с нагрудными карманами, в грубых сапогах до колен. Он стоял с увесистой грабаркой в руках у огромной печи. На передней стенке печи большими буквами было начертано: “ВОЙНА”. А к открытой дверке печи, где в ненасытном жерле бушевал огонь, подходила нескончаемой лентой от самого небокрая к своей погибели колонна красноармейчиков. Кормчий, весь в поту, черпал грабаркой членистые повзводно квадратики солдатиков, кидал их в прожорливую пасть Молоха. Из высокой трубы валил чёрный дым.

На складе каждый получил увесистый клунок верхней и нижней одежды, бушлат, пустой вещмешок, пару портянок и два скрутка тёмно-серых, с голубым отливом обмоток. Примерил по ноге юфтовые, свиной кожи, с крапинками счёсанной щетины, ботинки на рубцовой резине. Обнова — радость. Почувствовать себя в военной форме всегда приятно. Однако тот смысл, который она приобрела теперь, тягостно поверг в уныние, начисто сняв юношеский восторг. После санитарной обработки, одетых с иголки, сияющих чистотой, как огурчики, нас прогнали торжественным строем перед штабом полка.

Ритуал маршевой роты сроден похоронам: и там моют, одевают в чистое, провожают с музыкой и с рясыком в чёрном; и здесь моют, одевают в чистое, с музыкой, и теперь — с рясыком в чёрном.

По такому знаменательному случаю вынесли из клуба фанерную тумбочку с красной звездой на передней панели, поставили рядом расчехлённое знамя с тройкой бойцов. Один, в центре, держал у ноги древко знамени, двое по бокам положили руки на автомат у груди. Меднотрубно поблёскивал на солнце возле трибуны истомно ожидающий оркестр. Небольшого росточка, живой, смахивающий на цыгана, дирижёр в звании капитана нетерпеливо

дёргался перед своей командой. Ярko алели в лучах солнца, будто кровью налитые, складки знамени.

Выступающих не объявляли. Сначала к трибунке вышел подполковник с круто загнутым к губе носом. Видно, командир запасного полка. В казарме мы его не видели. Его сменил, наверное, заместитель по политчасти, тоже подполковник лет сорока, его мы тоже не знали. Чернявый, с ужатым по бокам, вытянутым вперёд неславянским лицом, длинный, как угорь, говорил громче, размахивал руками круче, утверждая каждую фразу вздёргом головы. Временами казалось, что ему не давал покоя агитационный зуд войны.

Оба кидали из-за тумбочки, точно как из амбразуры, плакатные лозунги, обмозолившие глаза в казарме. Всё это мы слышали десятки раз, как повторение — мать учения: и “Родина — мать зовёт!”, и “Будь героем!”, и “Бей насмерть!”... Видимо, для поддержки боевого духа требуется непрерывно через сознание пропускать пропагандистский ток, чтобы человек постоянно был идеологически наэлектризован. По их выкладкам выходило, что война — это естественное состояние жизни, а не наоборот, что каждый должен отдать все силы на разгром ненавистного врага, а если потребуется, то и свою жизнь, что называлось героизмом. Что мы должны гордиться доверием, которое оказывает нам командование... доверием на смерть...

Говорил заместитель по политчасти долго, занудно, а, как известно, длинные речи имеют короткий смысл. Слушали его изморно рассеянно, головы одолевали иные думки. Закончил он самым частым тогда призывом: “Смерть немецким оккупантам! Ура, товарищи!”

И хотя накануне Воробей десятки раз наставлял, вымучив пробамы, гоня в мороз по снегу, как на смотре следует гаркнуть во всё горло: “Ура!”, что означало бы отличную боевую подготовку, в этот раз “ура” вышло жидковатым. Ребята почувствовали уже отвязку от злополучной казарменщины, вели себя вольнее: по-пластунски теперь не уложат, некогда. Маршрут расписан по минутам.

Сержанта передёрнуло — ему такие вольности подчинённых в зачёт не пойдут, а то могут отпирать, что страшнее всего, и на фронт. Уж очень тихо он прилачился в щёлке запасного полка.

Впрочем, на передовой это “ура” так ни разу и не пригодилось. И когда, наконец, зычно раздалась команда: “Рот-та, напра-во!” — а в первый шаг громовым ударом бухнул барабан и медные басы, не опоздав, гулко рывкнули низкими тонами ему в такт — мурашки пошли по коже...

Вот как хитро всё придумано: и слово, и нота, и пуля — в один лад.

— Э-р-рясь! Э-р-рясь! Э-р-рясь! — вступил в свои права Курский Воробей, как только замолк оркестр, боясь, что маршевики без барабанного такта соьют шаг. Он с особым смаком, пружиня на ногах сбок роты, чеканил своё “Э-р-рясь!”, вкладывая в него всю душу, будто это главное дело на земле, к которому он приуродён и которое исполнял отменно, как мастер высшего разряда, довольный тем, что классно вымуштровал настоящих бойцов за четыре месяца издёвки.

А мы радовались, что это “Э-р-рясь!” последнее, заключительное, потому что Воробей оставался в запасном полку, где приписан, хотя радоваться нечему...

И как только скрылся угол последней казармы, колонну опять оглушил тот же занудный голос:

— Запе-вай!

Дуня-Тонкопяха взял высоким тоном первую строку песни, вывел чуть пониженным вторую, затем третью и четвёртую, и вся рота, накачанная подъёмным торжеством, гаркнула застуженными, но трюхи окрепшими за три дня без изнурительной муштры и улучшенной кормежки голосами во всю мочь:

*Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идёт война народная,
Священная война!*

В наше время сорвалась бы с цепи автосигнализация легковушек.

Глотки рвали механически, так же мыслили.

Жидкая толпа зевая сбок обеих сторон улицы, образовав живой коридор, местами разомкнутый пустыми, без людей, прогалинами, не понимая, что так жить нельзя, восторженно взмахивала руками, а иные, с цветами, кидались наперерез маршу, сбивая твёрдую поступь грозного войска.

Так показывали нас в кинохронике — и это сущая правда.

На беду, случилась оплошка. Незадачливый Колоня неукладно накрутил обмотку. И как раз, когда под громовую песню рота, выкидывая по-строевому ногу, с тупым рыком шлёпала резиновыми подошвами о булыжники мостовой, обмотка ссунулась на ботинок и рассучилась. На брусчатку, дзенькнув, выпала алюминевая ложка.

Сзади идущий наступил на конец. Колоня споткнулся, пнув переднего, и ряды смешались, потеряв строй. В толпе засмеялись. Песня оборвалась. Кто-то матюкнулся.

— Лапко! Выйти из строя!

Курский Воробей украинские фамилии произносил с озлобленным выизгом.

Колоня выскакал на обочину, согнулся в три погибели, выпятив на спине горбом вещмешок, начал снимать обмотку: раскручиваешь двухметровую кишку — “Широка страна моя родная...”, навёртываешь — “И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт”.

Казарменные прибаутки шли следом.

Войны последних времён я рассматриваю как продукт мирового капитала, порождённый системой, которую точно определил наш выдающийся учёный О. А. Платонов: “Капитализм возник как антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А. Ф. Лосева, одной из сторон развёртывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами и, прежде всего, за счёт обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества”.

Здесь впору вспомнить В. И. Ленина: “Европейская и всемирная война имеет ярко определённый характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабёж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наёмных рабов одной нации против наёмных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны”.

Отсюда — в Отечественную мы воевали не только за себя, а и против себя, отодвигая окончательное поражение на столетия, ибо, уничтожая одну напасть, мы спасали другую той же масти. И если в то время под знаменем пламенного патриотизма сгорали миллионы лучших из лучших сынов Отечества заради неведомых для нас тогда, как оказалось теперь, чуждых целей, то нынешний “демократический” возврат к патриотизму не что иное, как повторение пройденного. Только в ту пору мы действительно обороняли и Родину, теперь же защищать нечего...

“Запах русской крови, видимо, сладок” (гений русской музыки Г. В. Свиридов).

Особенно сейчас. Чуют они его! Запах русской кровушки!

Конечно, мне могут возразить: в 45-м году мы победили. Внешне это выглядит правдоподобно. Однако глубинно зачистка осуществлялась одними и теми же силами с одной и той же целью как тогда, так осуществляется и теперь. И тогда мы были поставлены в безвыходное положение класть головы, и теперь безвыходно кладем их. Только иным способом. И рука этого процесса одна и та же, что составляет главную проблему человечества. И решать её следует не в одиночку — в одиночку нас перетрут, а всем миром разом. Никто не отсидится в своей обособленной норке. Всех достанут. По очереди. Не осознаем — исчезнем.

Из Харькова выехали под утро в телячьих вагонах без буржук — что надьшали, то и наше. Судя по направлению, состав держал курс на Киев.

Мне досталось место на втором ярусе нар, у откидной, из железа, щелясто не пристающей к стене, затворки под самым потолком товарного вагона. Вещмешок под голову, ушанку для сугрева глубже на голову. Упаковался — и на боковую, ни тебе подъёма, ни отбоя, валяйся, сколь душе угодно, да и лучше: не толкаться лишний раз в сутолочном проходе.

Сначала огорчился: на ходу задувал ветер. Пришлось откатать уши, завязав тесёмки у подбородка, поднять куцый воротник бушлата. Но потом, на нудных стоянках, когда начинало мутить от кислого пота, запрелых портянок, а то и от скрытного шишуна, за что давали тычка, успокоился. Благо ребята ещё не курили, не успели привыкнуть при немцах, в такой бескормице не до пацанячьего баловства. Морально мы были самым чистым и непогрешимым поколением.

Я упаковался, закрыл глаза, мысленно отгородил себе от вселенной маленький мирок и, не живя настоящим, противясь реальности, плавая мысленно где-то в заоблачных высях, убаюканный мерным стукотом колёс, умиротворённо заснул.

— Какая станция?

Меня побудил голос Дуни. Дверь была отодвинута набок, в проёме чернела его сутулая фигура. В затхлый вагон ворвался бодрящий дух весенней свежести, и я прищурил глаза от обилия света.

Уже появились первые мартовские проталины, хотя по ночам схватывали обесиленные заморозки, а на полях ещё лежал усадистый снег. Но заметно потеплело, и отсюда, с высоты неплотно примкнутого оконца товарного вагона, сквозь мереживо чёрно отсыревших ветвей, сетчато видно, как просели подпорченные внешней водой, зрелые на талину сугробы, и радостно тронулись вербные почки. Прилетели грачи, набив чёрные костыли в голые кроны пристанционных вязов. И всё это весеннее пробуждение природы никак не вязалось с тем, куда устремилась человечья жизнь... У человечества есть все данные, чтобы стать счастливым, но человечество все силы покладает на то, чтобы оказаться обездоленным. И я порадовался безбрежному свету, порадовался грачам, неукротимой радости почек, всему этому блаженному миру, но сразу притушил наивный восторг тягостным гнётом завтрашнего дня.

— Миргород, — слабо донеслось издали через прогалину отворённой двери.

Дуня-Тонкопыха засуетился. К нему так и прилипла нелепая кличка из-за песни, которую он бубнил под нос. Есть люди, которые в коллективе служат как бы связующим звеном, на них и держится товарищество. Стоит этому человеку выбыть, как сообщество распадается. Таким как раз и был Петяша Величко, по-свойски Дуня.

Если большая станция, то будет переключка перед вагонами — государево око бдило строго, чтоб иной не выпрыгнул из рядов на сторону. А может, дадут и похлёбку или кирзовую кашу, называемую перловой шрапнелью.

— А ну-ка, Федюнчик — за котелочки да за кипяточком!

Федя за кипятком не ходил. Все знали, что на перрон, где бесплатно отпускают горячую воду только военнослужащим, пойдёт сам Дуня, прихватив Сошинского-младшего и ещё двух-трёх со взвода.

Федя Прокудин, уменьшив годы, затесался в команду восемнадцатилетних и выглядел солиднее, его назначили старшим по вагону. В строю, по росту, он был первым, норовил командовать. Федю осаждали. Особенно подсекал острым словцом его гонористую прыть Юра Сошинский-младший. Юра выделялся начитанностью и рахубистой головой, на что я сразу, не без скрытой завидки, обратил внимание. У меня всегда была тяга к умным, а Саша часто высказывал мои мысли, что всё больше роднило меня с ним. Я считал, что всё, что он говорит, правильно.

Сошинских было двое: братья-двойняшки, не похожие друг на друга. Младший Юра, послабее и ниже ростом, суше телом. В общем, последыш.

А старший Владимир — лежебокий увалень, сёрбающий носом, то ли с привычки, а может, и по родовому ущербу.

Горячим не покормили. А переключку провели. Вывалилась перед вагонами повзводными кучками страна бушландия, построилась в две шеренги.

— Подравнять носочки! — показывал себя Федя Прокудин перед комендантом поезда.

— Подравнять портянки... — съязвил Юра.

Место для построения оказалось негодным, под скос насыпи, равнение действительно ни к чему. Ребята загоготали, толкая друг друга, теряя равновесие. Мы думали, что избавились от Курского Воробья, его заменил Федя.

Наконец, когда всё уюмонилось, поезд тронулся. Медленно проплыла вывеска станции: *МИРГОРОД*.

На стене, сбоку и ниже вывески, выделялась чёрными буквами в два ряда, отпечатанная через трафарет, надпись: *МИН НЕТ*.

Иван Старук.

Миргород... Миргород... Миргород...

Что-то до боли знакомое с детства.

Да это же Гений!

В двадцатых годах прошлого столетия отец, мой дорогой Мефодий, выписывал собрание сочинений Гоголя. Пухлые томики на серой бумаге, неразрезанные постранично, приходили почтой без конвертов, обвязанные поперёк полоской бумаги с адресом. Отец брал кухонный нож, осторожно, чтоб не повредить бумагу, разнимал страницы, отчего лохматились края книги. Да не в этом суть. Как сейчас помню мягкую обложку с чёрно-белым рисунком: театральная сцена, две свиньи, схватив с двух сторон зубами концы занавеса, стягивают половинки к середине, а из открытого проёма, в несколько рядов друг на друге, вываливаются на свет божий толчей и черти, и вурдалаки, и прочая нечеловеческая нечисть. Такие рисунки скирдуются в памяти навечно.

Занавес...

Какое у нас было счастье: “ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС!” От беды.

Спасительный занавес! Вы помните: граница на замке!

Мурловатые пацочки не удержали, не сомкнули распахнутые края, не замкнули, взяв на замок, занавес, и всё западное дерьмо зловонно хлынуло на города и веси, леса и поля, затопив демократической гнилотой родную землю до последней былиночки...

Вспоминать прошлое и легко, и отрадно; в настоящем тяжко. Прошлое свершено, настоящее вершить, что неимоверно трудно. И я, роясь в кружеве памяти радужного детства, забывался, не гнобя себя заранее грозным грядущим. Вспоминались почему-то самые светлые кусочки жизни, отчего легче носилось долгое и нудное время продвижения к неизвестному... упокоению, а оно постоянно, как топор палача, висит над головой...

Я прочёл уйму книг о войне. Недалёкие литераторы полагают, будто чем больше они выстрелят на странице, чем больше нагонят на читателя пушечно-пулемётного страха, тем сильнее окажется впечатление от действительно фронтового кошмара.

Пустяки всё это!

Главный психизм происходит до. В движении к передовой. А как поднялся в атаку, там уже забываешь обо всём, кроме “бабах”. Всё до примитива просто: везение или невезение. Повезло — ты его; не повезло — он тебя. И всё! Иного не дано! Да и суть войны тоже до примитива проста: убить — забрать. Как убить и сколько забрать — это уже стратегия и тактика. Думается, что идут с оружием наперевес иступлённо, часто не отдавая себе отчёта, напрапают. Одно на уме: поразить — спастись.

Интересно, что и после ранения возвращается то же состояние — осмысление былого, но оно уже носит иную окраску.

Я понял это рано, потому в моих произведениях о войне, даже самых ранних, почти нет стрельбы. В художественном отношении она малозначима и может играть лишь вспомогательную, служебную роль. Ещё Лев Никола-

евич Толстой заметил: “Мне интереснее знать: каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве”.

3

Жизнь в маршевой роте, на колёсах, и привольна, и легка, одна забוטка — это если покормят на большой станции горячим — вовремя столпиться у дверной створки с котелком, чтоб влили твою толику, и, облавив котелок покрепче, зажав, чтоб не выбили, пайку хлеба — хоп на своё место. Ну точно, как в тюрьме.

Вот на древнем холме и славный град градов Киев с дивными звонницами в небо, куполами в золоте.

Медленным котом, глухим стукотом колёс, будто по мякине, проплыли мимо сторожевой будки, мимо часового с оштыкованной винтовкой, примкнутой к ноге. Неожиданно совсем рядом, у самой двери вагона, блеснула вода. Неподальку по Днепру, вверх по течению, просел между быками пролёт клетчатой фермы от моста; разломилась надвое колбаса, занурив концы в мерцающую на солнце воду. Сапёры ползают муравьями на плавучем кране; поднимают, обвязав тросами, железные обломки. И как только усмирённые колёса прошелестели по опасному месту, как только почувствовали под собой земляную твердь, враз ходко застучали, выцокивая свою тревожную песню.

Товар срочный.

В расщелине двери мелькали одна за другой станции. За Житомиром появились первые зенитные установки — значит, сюда долетают вражеские бомбардировщики.

На таких станциях, с обеих сторон при въезде и на выезде, торчали в небо тонкие стволы пушек, окольцованные земляной обваловкой. Молоденькие зенитчицы — одна лучше другой — уже по-летнему, в пилотках поверх причёсок, отчего на расстоянии казалось, будто их головы конусно заострены перевёрнутой вверх корнем редькой, прощально взмахивали руками; зелёные маршевики безнадёжно лепили им на ходу воздушные поцелуи — под бравурный хохоток, пошловатую удаль.

Отъявленный шибеник Дуня, грызя каменный брусок пшённого, сладковато-горького концентрата величиной с кусок хозяйственного мыла, запивая холодной водой из кружки, склёпанной из-под консервной банки, не стерпел: — Эх, ма! Покружить бы власть!..

Федя Прокудин чмокнул губами; нецелованное воинство замкнуло рты. Только едкий Сошинский-младший подсекнул язвинкой:

— На сухом пайке не погарцуешь.

Маршевая рота — это смертный приговор. Грозит каждому. И никто не знает, кому он уготован. Как никто из нас, лежебоких бездельников, тогда не знал, что первым из нашей команды ляжет на поле брани именно он, лучший из лучших, как я считал, Сошинский-младший — последыш, выбравший остатки, по слабости любимец матери, опекавшей его больше старшего Владимира. Сошинский-старший всю войну прошёл не задетым и, после демобилизации обосновавшись директором в рыбсовхозе, что в пойме Самары — левом притоке Днепра, окончательно разжирил и, проспиртованный до мозга костей, благополучнейше почил в райском хмелю.

Я встретил его лет пятнадцать спустя после войны, когда дядя Павел, материн родной брат, Куцевский Павел Никифорович, взял меня на рыбалку в самарские плавни с их бескрайними разливами, опущенными по берегам плакучей ивой.

Ехал я на встречу с какой-то неудержимой, трепетной радостью увидеть окопника — сколько братских слёз окропит рубахи крепкая обнимка, сколько слов, сдавленных горлом, не будет высказано сразу. Только потом, когда отойдут сердца, сколько боевого братства всплывёт в памяти из тяжкого прошлого...

Вовка Сошинский так же сёрбал носом; за это время, заматеревший, оплывший, он погрузнел и выглядел не по годам старо. Вёл себя удовлетворенно

властно, как хозяин своего поместья. Он глянул на меня как-то по-бычьему из-под картуза и, не говоря ни слова, пошёл к “уазику”, достал из багажничка бутылку и стаканы, штук пяток вяленых плотвичек. Разровнял взмахом рук в стороны газетку на траве, с трудом, на неровностях, установил стаканы. И так как я не пью, разговор у нас не склеился, никакие воспоминания о боевом братстве не понадобились... Я поднялся и ушёл на сижи снимать перемёты.

Дожигал свои последние дни август. Плакучая навесь ив, уткнув прутики веток в не тронутую гладь реки, роняла горькие слёзы в глазированную закатным золотом воду. Смотрю, а перемёты мои ходят вверх-вниз по течению. Подогнал древний, в слизи зелёных водорослей каюк, стал поднимать крючки, идущие через интервалы ко дну от перекидной через реку, от берега к берегу, лески. И тут впервые проснулся во мне пещерный инстинкт моих давних, тысячелетних предков — чувство добычи, когда видишь в глубине, под бутылочно-тёмной толщей воды, как что-то ещё неопознанное водит шнур туда-сюда — вот вытяну сомину пуда на два!..

Самое сильное охотничье чувство захватывает, когда пожива под водой, и ты не видишь, что тянешь. А когда добыча всплыла, страсти укладываются.

Теперь задача выудить её и выметнуть на берег. Я подел пальцами туго натянутую тетиву, осторожно потянул на себя. Под водой показалась большая рыбина. Она водила мою руку, норовя спрыснуть с крючка. Но вот и бычья голова с разинутым на крючке ртом — рукой подать. Карп вышел наполовину из воды и, блеснув на солнце золотой сковородкой, хлопнул обратно в пучину. Не рыбина — сердце оборвалось.

Тогда я взял осторожно вторую жилку. Повёл её — карп опять так же сорвался. Что за чертовщина! Берусь в третий раз. А тямю нема, чтобы сачком подваживать. Он-то, карп, своим весом и оборвёт губу... Рыбачил я впервые.

Прошёл до края и только тут ахнул: так это же я пустил их на погибель...

На беду, явились дядя Павел и Вовка. Поддатые. Особенно Вовка. Он поднял перемёт и увидел на каждом крючке по рыбьей губе.

Оторопь взяла. Прескверно заняло сердце...

Неожиданно поезд остановился. Ребята прислушались. Прошёл на быстром ходу встречный, колыхнув дряхлый вагон воздухом.

— Вот бы их туда, с нами... — не унимался Дуня.

В наступившей тишине его звонкий голос, гожий для строевой песни, слышен по всему вагону.

— А чё им там делать — пули титьками ловить?

— Вот посадят в окоп, дадут снайперскую винтовку. Будешь целоваться через оптический прицел.

— Говорят, на фронте начальство заводит себе баб. ППЖ называются. Походно-полевая жена.

— Так-то тебе и жона!

— А чё, начальство всё может. Им разрешено.

— Так в шинелях они даже бабами не пахнут.

— А ты нохал?

— Вот Федюня... — осёкся Дуня, вспомнив Луганск, где Федя переспал с хозяйкой, напустив ей в постель вшей.

— А что Федя! Он теперь держит двумя руками... Галстук-то.

— Ха-ха!

— Под одеялом, чтоб не сбежал.

— Так одеял нема...

— Какая разница: под одеялом или под бушлатом. Гнёт гусака в дугу. Урезонивает.

— Не в дугу. Под поясок заправил.

— Гы-гы!

Федя, уловив плутоватый перегляд товарищей, озлился:

— Ты лучше подмети пол.

Дневалил Дуня.

— А чё стоим? — отвёл он разговор.

— Колёса к рельсам примёрзли.

— Куда спешить?..

— Успеем. Не на свадьбу. Что сейчас взяли — то и наше.

Тормозные колодки медленно отошли, отпустив колёса, и они, тихо шипя, набрали ход, выскокивая свою вечно походную чечётку.

Нужно сказать, что в запасном полку, тем более на фронте, фривольные разговорчики случались редко. Не до того. То ли крайняя умора убойной муштры, то ли постоянная угроза уморы на передовой. Плоть замирала. Как бы отключалась. Юра Сошинский-младший выразился бы грамотнее: наступала полная импотенция в самом сексуально-бурном возрасте. Это сейчас ребята, развалиясь на двухэтажных нарах в старом, скрипящем на ходу вагоне, за несколько дней отлёжки в пути чесали языки от безделья. А так, в то время великой беды, нравственность, как никогда, была в чести.

Правда, в госпиталях, случалось, отъевшись на усиленных харчах, какой возьми да и взбрыкнётся по пьяни. Но медико-девичий корпус по непорочности запечатан был наглухо, начальство следило строго. Да и моральная чистота, переданная по наследству от потомков твёрдыми устоями, соблюдалась неизменно. А тогда они, наши удивительные цесарочки, чаяния свои устремляли не на блуд, а на заветное: как обустроить очаг в супружеском согласии да отоплить его потомством. Это в наше время пришло — злосчастное воронье срубило мораль под корень...

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ИСПИТЬ ВОДЫ ИЗ БОЖЬЕГО СЛЕДА...

БОЖИЙ СЛЕД

Николе Радеву

“Господь ходил когда-то по земле, —
так говорил с тоской Никола Радев. —
Мир не тонул тогда в кромешном зле,
и люди были все друг другу рады...”

Что изменилось с тех далёких пор?
Всё так же море пенится в прибое.
Прохладный воздух льётся утром с гор,
восходит солнце в небо голубое.

Французы — так же любят лягушат,
а немцы — пиво, рульку и капусту.
Ну, а в России — водкою грешат
да матерятся (“Чтоб вам было пусто!”).

Плывёт над миром белых тучек пух,
целует солнце каждый лоб с любовью,
но дух — угас, и жар сердец — потух,
и пульс утих, чуть движим стылой кровью.

ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович — известный русский поэт, критик, прозаик, журналист, переводчик. Родился 12 мая 1954 года в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом. Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 16 книг стихов, прозы и критики. Живёт в Москве.

Мы отступили от своих святых,
как староверы — от прадавних кладбищ.
Так в оны дни — был предан Божий Сын.
Так в наши дни — сдан Радован Караджич.

Грядущий день теряется во мгле.
Что нам осталось? Разве только помнить,
что Бог ходил меж нами по земле,
чтоб наши души верою наполнить.

Чтоб в некий час назначенный, когда
мир погрузится в смертную истому —
испить воды из Божьего следа
и приобщиться к ангельскому сонму...

ПОРТРЕТ ЧЕ ГЕВАРЫ

Я пиво пил и цацу* ел.
Невдалеке сияла Варна.
Возле кафе прибой шумел
и к скалам клеился вульгарно.

За барной стойкой, на стене,
висело фото Че Гевары,
который — прямо в душу мне
смотрел сквозь дым своей сигары.

Он словно ждал, что я спрошу
его о чём-то очень важном,
он словно ждал, что я решу
продолжить путь его отважный.

Но я смотрел в пивной бокал,
я рыбу брал руками с блюда,
я приключений — не искал
и не скучал без революций.

Мир жил совсем в ином ключе,
цена тусовки и фуршеты.
Прости нас, команданте Че —
забыли мы вождей заветы!

Три раза не пропел петух,
а мы уж отrekliсь поспешно
от славных лет, где гордый дух
над всей Землёй витал безбрежно.

Там, выше всех других идей,
не нисходя до конформизма,
мечта о счастье всех людей
плыла, как призрак коммунизма...

И вот — всё рухнуло. Кому
теперь пожаловаться можно?
Земля летит в огонь и тьму,
кругом всё призрачно и ложно.

---

*Цаца — болгарское блюдо из мелкой рыбы.

И только здесь вот, на стене,
как свет включённой кем-то фары,
горит, пронзая душу мне,
взгляд команданте Че Гевары...

КАФЕ ВОЗЛЕ ОТЕЛЯ “НОЙ”

В кафе висело фото Че Гевары.
Шумел прибой, невидимый во мгле...
Сюда любили приходить болгары —
поговорить о правде на Земле.

Несла хозяйка пиво и ракию*,
кюфте, кебабче, чорбу** и салат,
и начинались диспуты такие,
каких не знал при жизни и Сократ.

Слова взрывались, как протуберанцы,
грозя спалить собою Земной шар:
“Россия!” “Путин!” “Буш!” “Американцы!” —
из-за любого вспыхнуть мог пожар.

Жена шептала: “Не влезай, не надо”, —
и я лишь слушал, что кричат вокруг:
“У русских есть ответ, достойный НАТО!
США не возьмут Россию на испуг!..”

“Тут был вчера турист из Ленинграда
(а ленинградцы — к Путину близки),
и он сказал, что если будет надо,
Москва порвёт весь Запад на куски!..”

“А я встречал знакомого торгпреда,
он был в Москве на днях и говорит,
что есть у русских новая ракета:
где пролетит — там вся земля горит!..”

“Да, это так. Как будто зэк заточку,
Россия прячет силу в рукаве.
И США ещё раскаются за то, что
они сегодня царствуют в Москве...”

...То затухая, то взрываясь снова,
кипели страсти, пенясь, как вулкан.
Я в эти споры не вставлял ни слова
(хоть мне за ним — не надо лезть в карман).

Лишь, отпивая пиво понемногу,
я соглашался: сила — есть у нас,
но не в ракетах, а в молитве к Богу,
что защитит нас в самый трудный час.

---

* Ракия — виноградная водка.

** Кюфте, кебабче, чорбу — блюда болгарской кухни.

ДАВАЙТЕ У БОГА ПОПРОСИМ

И снова багровая осень
простёрла над миром крыла...
Давайте у Бога попросим,
чтоб жизнь эта — вечной была.

В тоске расшибаются оземь
последние листья в саду...
Давайте у Бога попросим,
чтоб Он — отодвинул беду.

Надежды, как листья, уносит
по стылой тропе октябрей.
Давайте у Бога попросим,
чтоб мир этот — стал чуть добрей.

О счастье мечты в себе носим,
а ходим по горло в крови.
Давайте у Бога попросим,
чтоб дал Он побольше любви!

Коль душу мы не отморозим
в гуденье январской пурги,
давайте у Бога попросим
прощенья за наши грехи.

Когда же всё зло с себя сбросим
и тем побеждён будет бес,
давайте у Бога попросим,
чтоб Он — улыбнулся с небес...

СНЕГОПАД 2 МАРТА 2010 ГОДА

Сегодня снова выпал снег.
(Хотя всё шло к теплу, казалось...)
И, как во сне, мысль о весне
опять на клочья расплзлась.

Мечталось: звонкая капель
забарабанит в землю гулко!
Но снова ветер, как кобель,
гоняет снег по переулку.

И снова дворники скоблят
асфальт дворов рукой умелой.
И, как щенки, вокруг скулят
авто, буксуя в каше белой...

Откуда столько у зимы
взялось снегов в её поклаже?
Как будто оказались мы —
на грандиозной распродаже.

Греби сугробы задарма!
Лепи снеговика скорее!
Последней щедростью зима
нас веселит, морозом грея.

Уже недолго ей царить
на светлых мартовских страницах.
Но щедрым снегом одарить
ещё успеет всех старицей.

Мети, метель! Гуляй, пурга,
врываясь в щели подворотен.
В тебе не вижу я врага,
хотя твой бунт — антинароден.

Как лихо бы ни пировал
мороз, вернув себя на царство,
но на заведомый провал
обречено его бунтарство.

И, как фрегат, что сел на мель
и там недвижимым остаётся,
он сядет в лужу — и апрель
над ним в охотку посмеётся...

А нам — всё пофиг, мы плывём
сквозь белый омут снегопада.
Мы в этих прихотях — живём,
и нам иных погод не надо!

Автор этих воспоминаний, перу которого принадлежат четыре романа, повести и рассказы, родился в 1936 г. в Горьком в семье военнослужащих. Поступив в Военно-медицинскую ордена Ленина Краснознамённую академию им. С. М. Кирова в Ленинграде, закончил её в 1954 году. Служил на подводных лодках и кораблях Черноморского и Северного флотов. В 1972 году закончил командно-медицинский факультет Военно-медицинской академии, и после вся его служебная деятельность прошла в центральном аппарате ВМФ СССР. Полковник медицинской службы, был главным эпидемиологом Военно-морского флота, сейчас в отставке. Занимаясь литературным творчеством, стал лауреатом всероссийских и международных литературных премий. Член Союза писателей России с 1979 года. Живёт в Москве и постоянно сотрудничает с журналом "Наш современник". Его воспоминания о годах учёбы в знаменитой Военно-медицинской академии, курсантском житье-бытьё в Рузовке, как называли своё общежитие-казарму курсанты, написаны живо и увлекательно.

ЮРИЙ ПАХОМОВ

ПРОЩАЙ, РУЗОВКА!

Моим однокашникам по Военно-медицинской академии. Тем, кто жив и кого уже нет с нами.

... Многие считали, что на втором курсе будет легче. Второй курс всё-таки — привыкли, пообтёрлись. Да и жить нам предстояло не в полуподвальном помещении бывшей Обуховской больницы, а в Рузовской казарме. И почему-то это обстоятельство рождало в юных душах особую надежду.

Казарма, как нетрудно догадаться, называлась так потому, что стояла на улице Рузовской. Тем, кто подзабыл Петербург, напомним: сразу за Витебским вокзалом на Загородный проспект, стекающий вниз от центра, выплескиваются несколько улиц, названных в честь городов русских, — Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая. В стародавние времена на них размещались роты его Императорского Величества лейб-гвардии Семёновского полка. Если сложить начальные буквы названий этих улиц, то выходило: "Разве можно верить пустым словам балерины?" Только лихой лейб-гвардеец, оставленный возлюбленной, мог создать такой печальный акростих. Некоторые исследователи утверждают, что вместо "балерины" воины чаще всего использовали более крепкое словцо. Вот в таком историческом месте нам суждено было жить.

А отпускники всё прибывали и прибывали. Возмужавшие, загорелые, с двумя серебристыми галочками на левых рукавах белых форменок, на погонах посверкивали якорьки, нередко не те, что выдавали баталёры, а неуставные, заказанные в мастерских. Стояло начало сентября, гроздьё ягод боярышника свисали с колючих ветвей, в парке академического городка кое-где уже

проступала желтизна, пахло сырыми дровами и “Тройным” одеколоном – запах накатывал из парикмахерской, где орудовал доктор парикмахерских наук Макс.

Ребята, свалив рюкзаки и чемоданы в кучу, разбрелись по парку. На скамейках у памятника Пирогову сбилась стайка курсачей: Вилли Цовбун, Женя Журавлёв – Джага, Толя Соловьёв, Ваня Палёный, Витя Родин, Толя Брюховецкий. В центре – Славка Филипцев по прозвищу Конь, кликуху ему прилепили за успехи в беге на длинные дистанции, соревноваться с ним мог только чемпион Олимпийских игр Куц да ещё Витька Шостак. Филипцев помахал мне бескозыркой и крикнул:

– Юрец, подгребай!

Славке очень подходило прозвище, он и в самом деле был похож на коня и одновременно на актёра Фернанделя. Начальник кафедры анатомии профессор Годинов как-то сказал ему:

– Вы избрали не ту профессию, Филипцев. Из вас получился бы блестящий актёр.

Славка скорчил уморительную рожицу:

– Герой-любовник?

– Берите выше – комик. Редкостный дар. Героя-любовника может сыграть и мой шалопай, – профессор вздохнул. Его сын Руслан учился на нашем курсе. У нас вообще было много отпрысков академической профессуры и высокого начальства. Отец Ярослава Караганова – вице-адмирал, начальник управления в Москве, Виктор Подолян – сын заместителя начальника академии по научной работе, Сашка Нецветаев – сын начальника кафедры физкультуры и спорта и так далее. Всех перешиб Эдик Новиков – его отец занимал должность заместителя начальника Тыла Вооружённых Сил, появление бонзы столь высокого ранга всегда вызывало у академического начальства панику. Генерал ходил по кубрикам, хмуро заглядывал в тумбочки, а его порученец измерял линейкой расстояние между койками. Посещение высочайшего папаши неизменно заканчивалось указанием начальнику курса: наказать сына за... Повод всегда находился. Деньги на карманные расходы Эдик получал тайком, от матери. Отец считал это баловством. Основная же курсантская масса – безотцовщина, бедолаги из провинций и блокадного Ленинграда.

Догорало питерское бабье лето. Я прислушивался к разговорам товарищей, а сам был ещё там, в нашем краснодарском дворике, где пряно пахли петунии и ночная красавица, а в сумраке светились белёные известью печки, на которых соседи готовили летом еду. Как приятно было сидеть на скамейке, чувствуя спиной теплоту кирпичного дома. На крыльцо выходила тётя Маня и, вытирая руки о фартук, звала: “Иди ужинать, моряк, красивый сам собою”.

Во мне ещё жило ощущение простора, что открывался с высокого берега Кубани: зелёное болотистое заречье, а за ним у слоистого горизонта проступали синие горы. Могучая река, стиснутая берегами, стремительно несла жёлтые воды, закручиваясь в водовороты и всплескиваясь на перекатах. Отсюда, с высоты, лодка черкеса-перевозчика выглядела маленькой, хрупкой, и, хотя перевозчик напряженно грёб, казалось, что плоскодонка стоит на месте. Утонувшие в садах белые домики Дубинки, высохшая за лето старица Кубани – “первуха”, ощущение свободы...

Мне не верилось, что на втором курсе будет легче, что-то подсказывало, что нас ждут большие перемены. Первый курс я одолел легко, не смутили меня и лагерные сборы, я был хорошо подготовлен физически, окончил двухгодичную школу бокса при юношеской спортивной школе, выиграл первенство академии, был включён в сборную и на Всесоюзном первенстве Высших военно-морских учебных заведений дошёл до финала. Спортсмены в академии пользовались льготами. В городе я бывал чаще других: тренировки, сборы. Курс подобрался спортивный. Особенно выделялись ленинградцы и москвичи. Ещё во время лагерных сборов в Приветнинском сложилась крепкая волейбольная команда во главе с Борисом Ходкевичем, мастером спорта, членом молодёжной сборной страны. Немало было и спортсменов-разрядников по другим видам спорта: самбистов, боксёров, фехтовальщиков, легкоатлетов, штангистов. Неудивительно, что на первенстве академии наши волейболисты и боксёры разгромили команды старшекурсников, заняв первые места. И с учёбой у меня всё шло гладко. Что-то будет на втором курсе?

Подошёл Игорь Кравченко.

- Слышал, роты перетасуют и, возможно, мы окажемся в одном взводе.
- От кого узнал?
- От Витьки Подоляна.
- И что ещё?
- Сменятся командиры рот. Начальник курса Паша Ревенко останется.
- Уже хорошо.

Игорь переживал первую любовь. Он похудел, почернел, в глазах его появился металлический блеск. Нину я видел всего два раза. В такую девушку невозможно было не влюбиться. Матовая, как бы светящаяся изнутри кожа, яркие насмешливые глаза, сложена превосходно. Ей шло всё пестрое, цветастое, цыганское, что ли. Умна, иронична, раскованна. Мы были ровесниками, но по сравнению с ней выглядели неловкими подростками. Помнится, тогда я подумал, что союз этот вряд ли долго продлится. Так и вышло. Через несколько лет Игорь напишет такие стихи:

*В закате вечер поздней осени,
В нём просинь — тылая река.
Над головою редкой проседью
Лежат спокойно облака.*

*За железнодорожной насыпью,
Как клетка, что без птиц пуста,
Прозрачную ажурной массой
Дрожит под ветром старый сад.*

*Семь лет назад такой же осенью
Я провожал тебя сюда,
И в тихих оголённых просеках
Стояла жёлтая вода...*

Дико подумать, мы с Игорем жили в одном городе, но ни разу не встретились. Из торцевого окна школьного коридора можно было разглядеть ворота в типичный краснодарский двор с низкими кирпичными домами, в одном из них жила семья, приютившая Игоря, — дядя Лёня, тётя Нина и двоюродная сестричка Лидоша, в другом, совсем уж маленьком — бабушка. Игорь — сирота, отца потерял в раннем детстве, мать — начальник поезда, перевозившего военные грузы, умерла в конце войны. Учились мы в разных школах и встретились при поступлении в академию.

Первый отпуск, запах гари, натужный паровозный гудок, мохнатым комом укатывающийся в ночную темень, редкие огни, Краснодар, площадь переревших слив и, наконец, знакомый забор с огромной акацией. Мы ещё не друзья, мы однокурсники, поэтому видимся редко, и нет ещё чувства тяготения друг к другу.

Я внимательно вглядывался в лица однокашников. За год ребята подравнились, уже не отличишь, кто городской, кто деревенский, Ленинград наложил на них отпечаток, и акцент сохранился разве что у белорусов, да и то он еле заметен. Вот сидит, упершись локтями в раздувшийся от деревенских даров “сидор” — зелёный вещмешок, Саша Гаврушев. Саша в восемнадцать лет увидел паровоз и впервые попробовал лимонад. Он незаметен, говорит тихим голосом, неразличим в толпе. Разве мог я тогда предположить, что Гаврушев сделает самую блестящую среди однокурсников карьеру военного врача — станет начальником медицинской службы Балтийского флота.

Жизнь не раз сталкивала меня с Сашей то на Северном, то на Тихоокеанском флоте, то в Ленинграде. Хочется думать, что мне удалось сыграть определенную роль в его жизни. Как-то после заседания научно-технического комитета одного закрытого НИИ я отпустил машину на Невском и пошёл пешком по Владимирскому проспекту. Нужно было освежить голову. Заседания обычно заканчивались часов в семнадцать, дальше — несколько часов свободного времени, “Красная стрела”, утром Москва и сразу, с вокзала, на работу. Можно успеть навестить друзей, посидеть в ресторане или просто побродить по вечернему Ленинграду. На этот раз у меня были два билета в Мариинку на

балет “Лебединое озеро”. Январь стоял сухой, морозный, по Владимирскому проспекту мела поземка. У подсвеченного огнями подъезда театра Ленсовета я едва не столкнулся с Сашей Гаврушевым. Шёл он, засунув руки в карманы шинели, шапка надвинута на лоб. Обнялись. Саша предложил:

– Пойдём посидим где-нибудь, выпьем.

– У меня встречное предложение, идём в Мариинку. Есть лишний билет.

– Что-то мне сегодня не до искусства. Настроение скверное, поговорим по дороге. Я тебя провожу.

Мы миновали глыбу Владимирского собора, свернули на Загородный проспект. Саша рассказал, что служит на Камчатке, флагман дивизии атомных подводных лодок, надоело, перспектив никаких. Сейчас в отпуске, остановился в “Октябрьской”, завтра в Москву, нужно поговорить с кадровиком Советовым. Может, что предложит.

– Незачем тебе в Москву ехать.

– Не понял.

– В ложе Мариинки сегодня будет Игорь Константинович Советов. Мы с ним вместе возвращаемся в Москву. Вот и поговоришь в непринужденной обстановке. Выпьем в поезде, перед отходом. Бутылка коньяка у меня в портфеле.

Мариинка, балет, коньяк, беседа в курилке – через три месяца Саша в Советской Гавани в роли начмеда базы, а еще через два года – заместитель начальника медицинской службы Тихоокеанского флота. Служба пошла.

По высвеченному солнцем больничному парку летали серебристые паутинки, в виварии лаяли собаки. Неподалеку от вивария в тенистом углу размещался морг. В нём, в начале века, лежало тело поэта Иннокентия Анненского, умершего на ступеньках Царскосельского вокзала, а по дорожке, ведущей к главному зданию Обуховской больницы, некогда прохаживался со свитой принц Ольденбургский, а на лестничной площадке больницы, перед тем как броситься в пролёт лестницы, страдал от тоски и безысходности гениальный и безумный писатель Всеволод Гаршин. История переплелась с реальностью...

От КПП к памятнику Пирогову шли, точнее, плыли по воздуху старшины рот: высокий, сутуловатый, со сросшимися у переносицы бровями Николай Ермилов и всеобщий любимец Константин Артарчук, с трудом удерживающий на лице суровое выражение. Ермилов поднял руку и крикнул:

– Всё, дробь! Отпускную расслабленность отставить. Всем следовать в Рузовскую казарму. Вопросы?

– Строем пехать или можно индивидуально? – спросил Филипцев.

– Индивидуально, причём осторожно переходя проезжую часть улицы.

Филипцев – московский хулиган с Якиманки. Только тройка по поведению помешала ему получить золотую медаль в престижной школе, где учились сынки дипломатов, крупных партийных работников и министров. За шесть лет учёбы я ни разу не видел Славку с учебником в руке, зато лекции он слушал внимательно, перед экзаменами ему достаточно было полистать чужой конспект. Поступки его чаще всего были неординарны, а уж шуточки всегда на грани фола.

Казарменный галльон с унитазами типа “генуя” – священное для курсантов место (пусть не морщатся чистоплюи, никогда не служившие в армии), здесь можно укрыться от старшинского гнева, обсудить последние новости, перекурить. Одним словом, клуб по интересам.

И вот сидим мы в позиции “орла”, беседуем, и тут приоткрывается дверь и кто-то командует:

– Встать, смирно!

И этот “кто-то”, несомненно, старшина роты. Голос не спутаешь.

Мы вскакиваем как есть. У дневального Руслана Годинова срывается с ремня штык от карабина и исчезает в глубинах фановой системы.

– Вольно, ребятки, проверка боеготовности, – в проёме сияет улыбающаяся рожа Филипцева.

– Сволочь ты, Славка, – горестно говорит Володя Тюленев. – Я же только чехол выстирал.

Его белая бескозырка лежит посреди лужи. Недавно была приборка.

– Заметь, Вова, бескозырка всегда падает белым чехлом вниз. Закон термодинамики.

– Да пошёл ты...

Руслан чуть не плачет:

– Идиот, как же я теперь достану штык? За утрату оружия знаешь, что бывает?

– Минимум – штрафбат, максимум – вышка. Ничего, прорвёмся. – Славка начинает раздеваться. Оставшись в одних трусах, ухмыляется:

– Слабонервных прошу покинуть служебное помещение.

Филипцев бесстрашно засовывает длинную обезьянью руку в зев унитаза и через минуту извлекает оружие. – А теперь, братцы, мыться. Тащите воду из титана.

Намыливают Филипцева вчетвером. Голова, грудь, живот. Серые хлопья пены шлепаются на кафель. Неожиданно Славка вырывается, выскакивает в коридор. Перепуганный дежурный офицер спрашивает:

– Что такое? Что с вами?

– Не знаю, товарищ капитан, – мычит Филипцев, – с утра знобило, а потом пена пошла... Видимо, холера.

Славка увлекался странноватыми “исследованиями”. Во время морской практики, когда мы стояли на рейде Таллина и никто не знал, будет ли увольнение на берег, Славка проделал такой эксперимент: на корме он запускал слух, что увольнение будет, но только для отличников боевой и политической подготовки, бежал с секундометром в нос учебного корабля и засекал время. Таким образом он узнавал, с какой скоростью на “Комсомольце” распространяются слухи. Как-то во время большой приборки он высыпал в носовом галюне целый барабан хлорки. Его интересовало, кто и как выругается, оказавшись в отравленной атмосфере. Я храню мятый пожелтевший листок со статистическими изысканиями Филипцева. Приведу его полностью:

“За три курсантских года было получено 671 письмо, написано 329, изношено 6 пар ботинок, в нарядах и караулах потеряно 2704 часа, от Рузовской казармы до камбуза пройдено 1314 километров, по лестницам в аудитории мы поднялись на высоту 27 километров, исписано 4 литра чернил, выкурено 13140 сигарет, трехгодовой диурез равен 1643 литрам, 2200 раз сказано слово “есть”, один раз – “больше не буду”, на вечерних поверках потеряно 130 часов, спето 60 строевых песен, получено 108 кусков мыла.

За три года женилось 14 человек, сдано 20 экзаменов, съедено 6570 килограммов хлеба, на каждого курсанта приходится 0,3 лампочки, 0,12 портретов вождей. На курсе 2 пианиста, 1 скрипач, 4 поэта, 2 прозаика, 1 фокусник...”

Отец у Славки погиб в сорок первом, тянула его мать, швея. После второго курса, возвращаясь из отпуска, я побывал в коммунальной квартире на Якиманке, где родился и вырос Славка. Коммуналка запомнилась смутно: коридоры, коридорчики, огромная закопченная кухня, на которой вперемежку стояли газовые плиты и кухонные столы. На одной из плит матушка Филипцева добрейшая Александра Петровна обычно варила в чайнике кофе.

...Когда я переступил порог Рузовки, на меня пахло неистребимыми запахами казармы – гуталина, хлорки и ещё чем-то мерзким, клопомором, что ли. Наш полуподвал в здании бывшей Обуховской больницы и то выглядел уютней. Огромный гулкий коридор, в котором можно было выстроить роту в полном составе, пирамиды с оружием, столик для дежурного по курсу, доска с убранными под плексиглас разными мудрыми инструкциями, двери, ведущие в кубрики, пустые пока вешалки для бушлатов и шинелей, и в самой глубине – гимнастические снаряды, похожие на орудия пыток.

Нам с Шурой Орловым досталась двухъярусная койка, третья от окна – это уже удача, в окно наверняка будет дуть зимой. Бросили пальцы на “морского”, мне выпал верхний ярус, ему нижний. С Орловым я подружился ещё во время лагерных сборов. Небольшого роста, этакий французик с аристократическим носом с горбинкой и скрыто-надменными глазами. Прозвище – Моржик, приехал из Североморска, отец полковник, занимающий высокую должность. Шура не переносит мата, болезненно чистоплотен, бреется по два раза в день, в тумбочке у него такой порядок, что старшины в неё и не заглядывают. Он постоянно рисует и что-то записывает бисерным почерком в записную книжечку. Шура много читает, хорошо знает живопись. С ним интересно. Но есть в нём что-то незавершенное, не определившееся, что ли.

Я уже на первом курсе твердо знал, что стану эпидемиологом или бактериологом. Шура только пожимал плечами.

После выпуска Кравченко и Орлов укатили на Тихоокеанский флот, я – на Черноморский. С Шурой мы встретились лишь через двенадцать лет в Москве. Служба у него не пошла. Уволившись, он стал цирковым врачом, много ездил по разным странам, с годами наши отношения постепенно охладели – разные интересы, разные взгляды на жизнь, но мы так и остались верны традициям курсантского братства.

Рузовка встретила нас сурово. Разом погас смех. Уже никого не тянуло рассказывать отпускные байки, да и время как-то сжалось – ни одной свободной минуты. Ермилов построил нас в коридоре и суховаато сказал:

– Даю час на то, чтобы сдать в баталёрку рюкзаки, чемоданы и привести себя в порядок: умыться, побриться. Через час – построение, начальник курса представит вам нового командира роты. Вопросы?

На этот раз даже у Филиппцева не хватило духу задать вопрос. В казарменном воздухе витало нечто такое, что подавляло волю.

Новый командир роты майор Руденко сразу не понравился. Среднего роста, но какой-то массивный, с тяжёлым, исподлобья взглядом бесцветных глаз, с налитой красной шеей и несоразмерно маленькими стопами, обутыми в хромовые ботиночки.

– Сапог, – припечатал Толя Соловьёв.

– Вот-вот, он из нас сопли-то выдавит, – хмуро добавил Володя Тюленев. – Одним словом – Рудос.

Прозвище состоялось. Рядом с майором начальник курса подполковник медслужбы Ревенко выглядел аристократом из иных времён – стройный, в превосходно сшитой тужурке. Белая накрахмаленная рубашка оттеняла загорелое, с тонкими чертами лицо.

– Здрас, тащи курсанты! – ухнул майор Руденко.

Рота ответила в той же тональности:

– Здрав желам, тащъ майор!

Помнится, никто тогда не обратил внимания на солидную колодку орденов и медалей на кителе командира роты. И тут в чисто вымытые окна ударило солнце, разом преобразив казарменный коридор, – словно улыбка скользнула по суровому, жёсткому лицу. Рузовка приняла нас, взяла под своё покровительство. И еще откуда-то пахнуло одеколоном “Шипр”, и этот запах на долгие годы станет для меня добрым предзнаменованием, что всё в конце концов наладится и что жизнь не такая уж скверная штука.

...Прошлым летом, раздираемый недовольством собой, я на даче жёл в железной бочке рукописи, черновики, газеты с ранними публикациями. Огонь с вожделием пожирал бумажный хлам. И тут из пачки с рукописями, перевязанной бельевой верёвкой, выпала тетрадь в облезлой бледно-голубой обложке с торопливыми дневниковыми записями. Я не открывал её более пятидесяти лет. С какой-то смутной надеждой я возил тетрадь с собой с одного флота на другой, с квартиры на квартиру, пока она не упокоилась в архиве. Я уселся на чурбан для рубки дров и стал читать – неплохие чернила для авторучек делали в те времена, за полвека скитаний буквы не поблёкли, текст читался свободно. Вскоре я понял, что записи не имеют ни информационной, ни тем более литературной ценности. Так, эмоциональные юношеские зарисовки. К тому же автор писал с оглядкой на то, что дневник её прочесть кто-то посторонний. Но произошло нечто, похожее на чудо. Между мной и тетрадью проскочил мощный электрический разряд, возрождая целый пласт воспоминаний. И тотчас нашлось объяснение, почему я хочу вернуться в казарму на Рузовской улице. Там, на Рузовке, в курсантской купели закалялись, огранивались наши характеры, всё, что происходило потом, было лишь развитием сложного и мучительного процесса вызревания души.

Меня до сих пор поражает мудрость начальства. С удивительной точностью оно выбирало из разношерстной массы новобранцев тех, кто может командовать людьми, то есть старшин, младших командиров. Но случались и сбои. Старшиной первой роты назначили Гайдамовича. Он закончил фельдшерское училище, успел поработать в поселковой больничке и оттрубить срочную в лесной белорусской глухомани. Я помню его в армейских шмотках с сержантскими лычками.

Гайдамович впитал в себя всё худшее, что было в сухопутных войсках. О “дедовщине” тогда ещё не слышали, но “деды”, в отличие от флота, уже были. Крупный, носатый, со скрипучим голосом, он с какой-то садистской изобретательностью гонял первую роту, наказывал за пустяки, издевался над вчерашними десятиклассниками и всячески пакостил. А ведь был самый трудный период – лагерные сборы, где мы проходили курс молодого бойца. За что он так ненавидел ребят, особенно городских, не знаю. Платили ему той же монетой.

Нам-то повезло, старшиной второй роты назначили Николая Ермилова – старшину первой статьи с линкора “Октябрьская революция”, человека жёсткого, но справедливого.

Господь покарал Гайдамовича. Дежурный офицер застал его в тот момент, когда он развлекался с дородной поварихой в овощехранилище на мешках с картошкой. Разводящий караула, обходя посты, засёк сержанта во время любовных утех. Будь это кто другой, он бы не поднял шума, но Гайдамович уже у многих стоял костью поперек горла. Доклад дежурному офицеру поступил незамедлительно. Сержанта разжаловали в рядовые, и он оказался в нашей роте. Я тогда впервые осознал всю тяжесть бойкота. Гайдамович перестал физически существовать для курсантов. Разжалованный сержант притих, но по его злым взглядам можно было судить, что он затаил обиду и ищет повод отомстить.

Во время лагерных сборов нашим отделением командовал старший матрос Владимир Шупаков, сероглазый улыбчивый красавец. Мы – салаги носили грибовидные бескозырки без ленточек (ленточки появились после принятия присяги), отделенный отслужил на кораблях Балтики три года, посему красовался в лихой “беске”, на ленте которой золотом было тиснуто “Балтийский флот”. Нас оболванили под “ноль”, я с изумлением разглядывал шишковатые черепа товарищей и старался как можно реже смотреть на себя в зеркало, Шупакову как старослужащему сохранили шевелюру – его густые светлые волосы отливали мёдом. Володю совсем не портили две золотые коронки на передних резцах. Он играл на гитаре и пел. У него был превосходный баритон, и он вполне мог стать профессиональным певцом. Стоит ли говорить, что все мы были по-мальчишески влюблены в нашего командира отделения. К тому же Володя в отличие от других старшин редко повышал голос, и я не помню случая, чтобы он кого-то наказывал.

После третьего курса Володя исчез, его отчислили из академии по неведомой мне причине.

... Весной шестьдесят первого года в конце перегона подводной лодки по внутренним судоходным путям из Сормово в Северодвинск я схватил двусторонний гайморит, меня комиссовали и направили служить в дивизион ремонтирующихся и резервных кораблей, сокращенно ДРПК, а в просторечии “Дырка”. Дивизион размещался на острове Ягры и представлял собой довольно странное соединение. Часть кораблей стояла в ремонте на СРЗ “Звёздочка”, часть – на стапелях в законсервированном виде. К “Дырке” был также приписан плавающий дивизион торпедных катеров и кораблей-целей. Штаб дивизиона располагался в доме, где раньше обитала администрация лагеря политических заключенных, неподалеку кладбище эзков, превращённое в стрельбище. Вот такая весёлая картина. Меня тотчас сделали штатным начальником по физкультуре и спорту и гарнизонным врачом острова Ягры. Тогда мне пришлось изрядно повертеться...

Как-то меня вызвал комдив Владимир Михайлович Ручко и сказал, что мне надлежит провести беседу с выпускниками медицинских институтов, призванными на флот. Поступило указание из политотдела базы. У меня с комдивом установились хорошие отношения. Я тренировал сборную Беломорской базы по боксу, и мы дважды выиграли кубок Северного флота. А Ручко был страстным болельщиком.

– Какую беседу? – удивился я.

Комдив усмехнулся:

– О том, как хорошо докторам служить на флоте.

– И где все это будет происходить?

– На “СС-18”. Кажется, писатель ошвартован у двадцать пятого причала.

– Так туда же пехать и пехать. Да в дождь. У меня будет нетоварный вид.

– Возьми мою машину.

И вот там, в плохо освещённом кормовом кубрике спасательного судна я среди молодых врачей-новобранцев и увидел Володю Шупакова. Точнее, не его, а его неподражаемую улыбку. После окончания медицинского института он вернулся на флот, служил на атомной подводной лодке и завершил службу начальником базового госпиталя.

Запомнился ещё один младший командир – помкомвзвода старшекурсник Михаил Бачев. Бледный, с тонким, заострённым носом, белёсыми ресницами, он походил на одну из кукол Образцова. За неказистой внешностью сразу угадывался человек мягкий и добрый. Спал он в нашем кубрике в полуподвальном помещении бывшей Обуховской больницы.

Что говорить, добротой его пользовались, но старались не подвести.

Бачев терпеть не мог строевых занятий. “На кой ляд докторам муштра?” – вслух удивлялся он. Помаршировав для виду, мы уходили в глубину больничного парка, где виселись поленницы дров, кто-то курил, кто-то рассказывал анекдоты. Зато уж на строевых смотрах взвод маршировал, как на параде. И Рудос кричал от удовольствия.

По утрам, когда особенно хочется спать, тишину взрывает свист боцманской дудки. Погода испортилась, резко похолодало, второй день идёт дождь. Больничный парк как-то разом пожелтел, словно заболел инфекционной желтухой, листья на боярышнике облетели, обнажая ягоды, на которых висели янтарные капли. Единственное тёплое и сухое место – караульное помещение. Там топится настоящая печка, пахнет дымком, сухо потрескивают дрова. Четыре часа сна – и снова на пост. Шура Орлов перешёл на тёплые носки. Перед тем как надеть, он тщательно их исследует, прощупывая каждый сантиметр. Для этого есть некоторые основания. На первом курсе как-то после обеда, собираясь поспать в “адмиральский час”, я обратил внимание на его носки. Они были в такой степени заношенности, что стояли рядом с ботинками, напоминая мягкие полусапожки. Пристяжные резинки (их носили в то время) уныло свисали с голенищ. Меня это позабавило. Я достал из тумбочки пуговицу от суконки и пришил ее снаружи на пятку носка. Не успел прилечь на койку, как дневальный, свистнув в боцманскую дудку, дурашливо заорал: “Подъём! Команде вставать, койки убрать!” Шура свесил с койки толстенькие ножки, натянул носки и сунул стопы в яловые ботинки. Сонная задумчивость мгновенно слетела с его лица, он прищурился, словно выслеживая мышь, стянул ботинок, вытряхнул его и вновь надел. Пуговица была пришита крепко. У Шуры порозовел нос, он снял ботинок, затем носок и тщательно изучил его изнутри – никакого инородного тела. Когда он вновь обулся, на лице его застыло такое изумление, словно он увидел доисторического ящера. Я корчился от смеха. Снял ботинок, Орлов хмыкнул, достал ножницы и отпорол пуговицу. Покосившись на меня, тихо сказал: “Брандахлыст, запомни: месья моя будет страшна!”

Война прервала наше детство, нам было не до шалостей. Строгая мужская школа, где во дворе мы маршировали с деревянными винтовками, затем закрытое военное учебное заведение. Мы так и остались мальчишками. И склонность к шалостям держалась в нас дольше, чем в ровесниках, вплотную не соприкоснувшихся с войной.

Отошли, скользнули видением за горизонт первый отпуск и первая морская практика. Грянула опостылевшая “бирочная компания”, когда к шмоткам пришивали бирки с именем владельца. Постепенно всё улеглось, встало на свои места или, как говорил Славка Филиппцев, “устаканилось”. Даже Рудос не вызывал прежнего раздражения, его словесные перлы гуляли по ротам, как анекдоты. Особой популярностью пользовались два его изречения: “Эй, вы, трое, оба ко мне!”, “Какие вы будущие врачи, кола параллельно земле вбить не можете!”

Прохаживаясь по коридору, майор Руденко ронял перед вытянувшейся по стойке “смирно” ротой тяжёлые, как поленницы дров, слова:

– Вчера имело место явление гастролирования по карнизу крыши в кальсонах. Вы академия или кто? Безобразия нарушаете? Сигналы от граждан поступают под разным соусом...

“Гастролирование по карнизу в кальсонах” и в самом деле имело место. Кто-то из курсантов ночью проник на чердак, выбрался на крышу через слу-

ховое окно и стал прогуливаться по карнизу, изображая лунатика. Соседи вызвали наряд милиции, но злоумышленника так и не нашли.

На третьем курсе посыпались женитьбы, то один жених, то другой, со-брав нехитрый курсантский скарб, отправлялся к новому месту жительства. По поводу ранних женитьб Рудос хмуро изрёк:

– Тут явления наметились со стороны гражданских лиц женского пола. Об-лава на женишков. И уж многих умыкнули. Плохо дело, товарищи курсанты. Молодая баба, да задорная – прямой подрыв боеготовности под разным со-усом. Женилки до колен отрастили, а ум детский, вот вас и берут на живца.

Во время лагерных сборов командиром роты был у нас капитан второго ранга Запорожец, человек мягкий, нерешительный, без каких-либо отличи-тельных черт – я теперь его и вспомнить не могу, а вот Рудоса запомнил.

Уверен, что все эти словечки командира роты, нарочитая армейская нео-тёсанность – своеобразная маска. Руденко, человек малообразованный, но добрый, таким вот способом готовил нас к флотской службе, где нередко приходилось иметь дело с командирами, особенно из тыловиков, пользующи-мися такой же лексикой. Вечерние проверки, проводимые Руденко, мы жда-ли, как небольшой спектакль.

– Сколько раз талдычу вам в лоб и в разные места – всё мимо. Я вам где? Филиппцев, равняйся, как сказано!

– Я равняюсь на половую щель, товарищ майор! Ну, там, где доски схо-дятся...

– Разговорчики в строю! Ты не на эту щель равняйся, а на грудь справа стоящего курсанта! Кто о чём, а вшивый о бане.

Занятно, но командир первой роты подполковник Андреев мне тоже не запомнился. Разве что застряла в памяти одна черта – он не любил задержи-ваться в ротных помещениях.

В Ленкомнате или в одном из кубриков нередко разыгрывались скетчи, в которых использовались наиболее крылатые выражения Рудоса. Но с огляд-кой – его побаивались и уважали. А вот начальник курса подполковник Ревен-ко Павел Григорьевич пользовался всеобщим расположением, хотя был крут и схлопотать от него “месяц без берега”, а то и пятерик на губе, как говори-ли в курсантской среде, что два пальца... Причина проста: Паша (так курсан-ты называли Ревенко) был в высшей степени справедлив, незлопамятен и всегда защищал своих выкорышек от начальства. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Как-то перед ужином меня неожиданно вызвал к себе начальник курса. Я шёл, недоумевая, зачем я понадобился Паше, за мной вроде бы ничего тако-го не числилось.

Ревенко был хмур, слегка прихрамывая (ранение на фронте), прохаживал-ся по своему крошечному кабинету. Я доложил о прибытии и застыл у дверей.

Павел Григорьевич остановился и, пожав плечами, сказал:

– Не ожидал от тебя, не ожидал. Хороший курсант, спортсмен, чемпи-он... Ладно, я тебя не накажу, если скажешь, с кем играешь в преферанс на чердаке.

Я был настолько поражён, что, наверное, с минуту молчал, потом брякнул:

– Преферанс на чердаке? Товарищ подполковник, да я карточных мастей не знаю, а тут такое...

Паша густо покраснел и тихо, переходя на шепот, произнёс:

– Пять суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте. За враньё и ук-рывательство подельников.

Откуда мне было знать, что Ревенко страстный преферансист, и заявле-ние о том, что я, девятнадцатилетний болван, не знаю карточных мастей, он принял за издевательство.

У меня, как при нокдауне, поплыла стена с картой Советского Союза.

– Разрешите идти?

– Иди. И не забудь пройти медкомиссию.

В коридоре меня захлестнула обида, даже скулы свело. Игорь Кравчен-ко, стоящий дневальным по роте, глянув на меня, спросил:

– Что с тобой? На тебе лица нет.

– Пятерик схватил... с содержанием.

– За что?

– За преферанс. На чердаке я, видите ли, играю. С поделеньниками.
– Да ты же в карты ни бум-бум.
– Начальству виднее.
– Не переживай, Томас Манн сказал: “Чтобы стать писателем, надо обжиться в каком-нибудь исправительном заведении”.

Сам Игорь, уже не помню за что, на первом курсе отсидел пятерик на губе, что на Садовой улице. И как следствие – цикл любовной лирики!

Весть о том, что Паша упёк меня на пять суток, мгновенно облетела роты. Ко мне подходили, жали руку, поздравляли с боевым крещением. Филиппцев, частый посетитель исправительного заведения, дал мне подробную инструкцию, как вести себя в камере, как представиться сидельцам, как закосить температуру и перебраться в лазарет.

– Хорошо, если пошлют работать в архив. Бабы там – огонь! Это от соприкосновения с героическим прошлым. Идут на тебя гренадёрским строем. В случае чего прикинись припадочным. Или ночное недержание у тебя...

– Славка, я ведь и в морду могу дать.
– Опять ты за своё. На губе не геройствуй, не при, как слон на буфет. Особенно с Мойдодыром.

– Кто это?
– Старшина губешника. Мойдодыр спрашивает меня однажды: “Спички, сигареты есть?” – Я ему: “Так точно, спрятаны в анальном отверстии, сразу за сфинктером!” Мойдодыр, понятное дело, не знает, где это. Добавили мне двое суток за оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей.

А я купался в обиде. Когда ты невиновен и страдаешь по чьему-то навету, обида особенно сладостна. Я представлял себя то генералом Карбышевым, которого фашисты на морозе обливают водой, то Достоевским, ждущим казни.

Перед посадкой меня опять выдернули к начальнику курса. Старшина роты Ермилов остался в приёмной с документами об арестовании. На этот раз Павел Григорьевич встретил меня с улыбкой. Я четко доложил:

– К следованию на гарнизонную гауптвахту готов.
– Садись.
– Спасибо, я постою. – Я себе в этот момент очень нравился: холодный тон, непоколебимая уверенность в своей правоте. Хорошо бы сейчас умереть. Упасть бы у стола и... вот шуму-то будет.

– Я тебя вызвал, чтобы извиниться. Осечка вышла. Перепутали тебя с Русланом Годиновым. Намудрил информатор в темноте. Руслан – симулянт известный, отсиживался в лазарете, а как узнал, что тебя, невинного, сажают, прибежал в больничном халате и повинился. Он на чердаке карточный притон устроил. Разогнал я эту малину. Ещё раз извини и не держи зла. – Паша пожал мне руку и с усмешкой добавил: – А игру в преферанс всё же оставь. А то чем ты на флоте заниматься будешь?

Ах, Паша, Паша! Добрейшая душа. Пестовал нас по-отцовски, сурово, мы – дети войны были обделены мужским вниманием, сплошь безотцовщина. Он, да и все воспитатели, включая Рудоса, готовили нас к сложной жизни, тяжелой морской службе. За это низкий вам поклон.

...Повседневная жизнь, рутина. Лекции, семинары, практические занятия. После блуждания по морским просторам и ароматного юга запахи анатомички пришибли меня. На мраморных столах анатомического зала лежали распотрошенные во время препарирования трупы, в белых куветах органы: почки, печень, гениталии. В препараторской, в стеклянных банках скалились жмурики. Одни головы в формалине. А ведь когда-то эти головы улыбались, глаза излучали свет. Любовь, счастье, удача и... финал. Курсант Женя Анохин поспорил с приятелем, что укусит труп за нос. И укусил. Цинизм спасает медиков от страха перед смертью.

Реорганизация курса ограничилась сменой командиров рот. Игорь Кравченко остался в первой роте. Дружит с Витькой Подоляном. Витька типичный профессорский сынок, узкоплечий, с пухлым, немощным телом, военную службу переносит с трудом, старшины не дают ему поблажек – таково требование отца. Зато Виктор превосходный пианист. Второй пианист Виталька Бердышев – классом ниже, но всё равно и у него получается здорово. Я ни

черта не смыслю в музыке, но когда слышу скерцо Шопена в исполнении Подяна, у меня что-то обрывается внутри, и я вижу фрагменты картин: сады на окраине Краснодара, густой подлесок на острове посреди реки в паводок, слышу мелодичное посвистывание ветра в камышах, что растут в заводях Старой Кубани. Иногда вижу маму, и тогда к горлу подкатывает ком и влажнеют глаза. Наверное, подлинники ценители музыки испытывают нечто иное, чем я, провинциал, только в Ленинграде впервые попавший на концерт классической музыки в филармонии.

Игорю сейчас не до меня. У него полный разрыв с Ниной. Он потрясён, но держится. Именно в это время Игорь стал писать настоящие, взрослые стихи.

После выпуска из академии его направили служить на Тихоокеанский флот, там он ухитрился настолько достать кадровика, что тот упёк его в военно-строительный отряд, расположенный в таёжной глубинке. Сосны, белки, снег по пояс, весной сопки в пламени цветущего багульника, затем Владивосток, остров Русский, Камчатка, Авачинская бухта, сверкающие на солнце вулканы, Паратунька, Долина гейзеров. Поэту незачем было собирать материал, он жил в нём, с каждой новой книгой набирая уверенность и силу.

Сейчас, когда жизнь, в сущности, прожита, я могу с уверенностью сказать, что едва ли найдутся еще два-три человека, которые оказали на меня такое влияние, как Игорь. Мы ровесники, но в те далёкие годы он всегда был немного старше меня. Во мне слишком долго держалась полудетская наивность. Не будь Игоря, я вряд ли стал бы профессиональным литератором. О моих сомнениях на этот счёт немало записей в той самой голубой тетради. Кажется, Чехов сказал, что очень хорошо начать плохо. Что-то в этом роде. Я начинал настолько плохо, что нормальный человек давно бы бросил это пустое занятие. Да и карьера у меня складывалась вполне удачно. Зачем попусту портить бумагу?

Зимой 1967 года я сжёг рукописи и решил серьезно заняться наукой. Для этого были все условия: превосходно оборудованная лаборатория в санэпидотряде, тема диссертации, солидный руководитель. Я сходу сдал часть экзаменов на кандидатский минимум, а в начале мая прилетел в Северодвинск Игорь. Группа молодых поэтов после совещания в Москве разъехалась по стране. Кравченко выбрал Север, чтобы повидаться со мной. У него уже готовилась к печати вторая книга со вступительной статьей Павла Антокольского. Мой друг был на подъёме, выступал в клубах, Доме офицеров флота, студенческих общежитиях, и везде его встречали громом аплодисментов. Он принёс с собой в наш северный город дыхание океана, простора, какой-то иной жизни. “Тебе нужно встряхнуться, — сказал он, — приезжай ко мне, во Владивосток. Это другая страна, другие масштабы”.

Через год я вылетел во Владивосток и пережил ощущение, которое испытывает молодой матрос, вперёдсмотрящий на корабле — захлебнулся от вольного ветра.

Владивосток конца шестидесятых! Меня поразила сама страна — с белыми свечами многоэтажек на сопках, со сверкающей голубизной бухтой Золотой Рог, с центральной бесконечной улицей Ленина, по старинке называемой Светланкой, с бриннеровскими домами (вспомним знаменитого голливудского актёра Юла Бриннера — дома принадлежали его семье), таинственной Змеинкой и кораблём-памятником у причала.

Многоэтажная конструкция города то ввинчивалась вверх, забираясь на рыжие сопки, то соскальзывала вниз, в распадки, и случалось так, что прогуливаясь по скошенному тротуару неподалеку от центра, вы могли заглянуть в окно третьего этажа застывшего ниже дома. И всё это было соединено мостами и мосточками, арками, за которыми открывались узкие переходы, внезапно ныряющие в тупики. Ещё сохранилась Корейская слобода, где среди новостроек крепенькими грибами прорастали фанзы с иероглифами на ставнях.

Владивостоку вообще не свойственны прямые линии, но меня как-то особенно поразила Китайская улица, взбирающаяся вверх, к основанию сопки. Однажды по этой улице с невероятным грохотом скатился на коляске с мороженым друг Игоря известный поэт Илья Фаликов. В городе об этом рассказывали с удовольствием и даже с гордостью, как о некой достопримечательности.

Во Владивостоке любили поэтов, актеров и авантюристов и вообще всё нестандартное.

Обилие воды, чайки, простор, солнце, тёплые дожди и каждый день неожиданные встречи – вот впечатления первых дней.

Утром, наскоро перекусив, мы с детским топотом скатывались по крутым лестницам-трапам мыса Диомид к причалу, садились на катер и через полчаса оказывались на тридцать шестом причале, в самом центре Владивостока. После плоского, уныло-болотного, серо-деревянного Северодвинска замечательный приморский город выглядел чем-то вроде Сан-Франциско или Рио-де-Жанейро. И обитатели Владивостока были ему под стать.

В той поездке я осознал, что означает слава. Игоря узнавали на улицах. Мы беспрепятственно проходили в молодёжные кафе, хотя там у входа стояли очереди. Вскоре друзья Кравченко отправили нас в составе съёмочной группы на острова Римского-Корсакова. Телевизионщики снимали фильм “Изобата-50” о погибшей шхуне “Восток”, описанной ещё Гончаровым. Потом мы оказались на острове Попова, выступали перед рыбаками, жили в доме старого шкипера, ловили трепангов, бродили по острову, где росли лопухи в человеческий рост, а плоды шиповника были величиной с яблоко, подружился с молодыми учительницами, ходили ночью купаться. Вода фосфоресцировала, и было жутковато, когда рядом всплескивала крупная рыба. Как-то во время путешествия вдоль ручья, стекающего в море, набрали на островок, сплошь усеянный махонами. Когда бабочки шевелили крыльями, казалось, островок вспыхивает радужным пламенем. Это был какой-то другой, сказочный мир.

Дружить с Игорем непросто. Он яростный спорщик и в споре может обидеть. Спорили мы до хрипоты, часто ссорились, как-то по нелепому поводу два года не переписывались, не звонили друг другу. Но потом всё забылось. А сейчас чего уж нам делить, когда жизнь катится под уклон, и звук бубенцов всё глуше и глуше. Я держал на руках его сыновей, из которых выросли славные мужики, крепкие и надёжные. И жена Игоря иногда ворчит на меня так же, как и на мужа.

Мы – два хрупких сосуда, в которых бережно хранится память о прожитых годах.

...Задолбала химия: физколлоидная, неорганическая, органическая. Практические занятия, коллоквиумы, зачёты. Преподаватели – одни женщины, а женщины – существа безжалостные. “Неуды” так и сыпались на бедные курсантские головы, и как результат – неувольнение в город. А город манил, подмигивал огнями, и сны снились – товарищам рассказать неловко. Я жил вольготней. Три тренировки в неделю, две – в академическом спортивном зале и ещё одна, в субботу, в боксерском зале Ленинградского дома офицеров. В академическом зале у меня практически не было противников в моём весе для спарринга, боксировал в основном со средневесом, матросом кадровой команды Братановским, перворазрядником. Тренировки в ЛДО носили ещё более жёсткий характер. Тренировалась сборная Ленинградского гарнизона, и паренки там были крепкие. Суббота – день увольнения. Но куда пойдёшь, если под глазом фингал, брови посечены и залеплены пластырем. С такой рожей патруль заметет, да и в милицию можно загреметь. В казарме меня с надеждой ждали различного рода страдальцы: заступи дневальным, подмени в пожарном отделении или в группе по борьбе с наводнениями. Был ещё один идиотический наряд: ходить в патруле по территории академии.

Но всё это терпимые, незначительные издержки. Бокс научил меня держать удар, а это важнее.

С теплотой вспоминаю своего тренера Леонида Павловича Кривоноса.

Краснодар. Мартовский денек с голубыми в розовом небе, с запахами первой зелени, и человек лет сорока в модном плаще, узких брюках и туфлях на каучуковой подошве – редкость по тем временам. Принять его можно было за приезжего артиста.

Я толкнул Толю Лагетку в бок:

– Гляди, какой фраерок чапает.

– А знаешь, кто это? Новый тренер Кривонос. Будет в юношеской спортивной школе вести секцию бокса.

– Кроме шуток?

– Точно, он.

Кривонос мне тогда не понравился. Пижон, а не тренер.

Между тем через месяц в подвальном помещении юношеской спортивной

школы был оборудован настоящий боксёрский зал. И ринг, и “груши”, и шведская стенка. Даже новая штанга стояла в углу на помосте.

Охотников заняться боксом нашлось много. Компания в подвале собралась пестрая. Кожзаводы, Дубинка, Покровка – самые буйные в те годы районы – направили своих “лучших” представителей. Даже известный всему городу Хачик явился поглядеть на нового тренера, а заодно и поучиться. “Рыцари” улиц и привокзальных переулков стояли в мятых трусах до колен и скалились. Кривонос оглядел всех внимательно, сказал:

– Ну что же, занятия начнём с того, что будем учиться ходить.

Пацаны, удивленные услышанным, хохотнули, а кто-то озадаченно ма-тюгнулся.

– Стоп! – Кривонос поднял руку, призывая к вниманию. – Вот что, соколики, если хоть раз от кого-нибудь услышу матерное слово – выгону. Прошу усвоить.

Дальше пацаны, к чьей походке по вечерам с тревогой прислушивались горожане, действительно учились ходить, то на пятках, то на носках и даже прыгали по-жабьи, разве что не квакали. Боксом и не пахло. Тренер излучал неясное обаяние, да и любопытно было, чем вся эта канитель закончится, поэтому ходили “соколики” и дрыгали ногами с большим удовольствием. Прыжки особенно удавались Хачику. Потому как по основной своей воровской профессии он был “скокарём”. И на ногах у Хачика были новенькие боксёрки. Боксёрки не помогли, через неделю Кривонос выставил его за дверь – Хачик оскорбил уборщицу.

– Хачатуров, на тренировки больше не ходите. Спорт – прежде всего дисциплина, а вы хулиган.

Повисла жуткая пауза. Хачик был человеком опасным. К тому же “хулиган” у воров – тяжкое оскорбление. Хулиганов они не жалуют. Все замерли в предчувствии страшного. Но ничего страшного не произошло. Хачик даже улыбнулся, кивнул снисходительно.

– Ладно, пляшите тут... Ты только не духарись, Ленпалыч. Духариться не нужно.

Поговаривали, что Хачик утвердил:

– Ленпалыча не трогать. Он полезный.

Как и почему сделал такой вывод удачливый “скокарь” – неведомо. Мир, к которому он принадлежал, имел свою мораль, и разобраться в ней было не просто.

Тренировки между тем шли своим чередом, мало-помалу захватывая ребят, хотя число их и поубавилось. Тренировки Кривонос начинал с беседы. Рассказывать он умел, знал про бокс много, так что публика сидела с открытыми ртами. Разговор иногда отклонялся от темы и шёл просто “за жизнь”. Взрывной характер бесед я понял позже, когда уличное хулиганье ходило за Ленпалычем ватагой. Носители челок и фикс стали даже на пробор зачесываться, под Кривоноса, и если не бросали курить, то курили, прячась в туалете, как второклассники.

Тренировки обрели смысл, появились новенькие перчатки, “лапы”, и вскоре все поняли, что бокс не драка, а спорт – культурный и героический. Оказалось, расквасить нос дело никчемное, важно работать так, чтобы не получать ударов, маневрировать, и если уж бить, то наверняка и точно. В трусах до колен на тренировки уже никто не ходил. Однажды Кривонос принес ножницы, нитки и дал еще один урок, теперь уже портняжничества. Из обычных трусов за час сотворил настоящие боксерские трусики с тройной резинкой, объяснив при этом: “По тому, как сидит форма на боксере, можно судить и о его подготовке...”

Матери, наверное, до чрезвычайности удивились, когда шалопутные их сыновья, разгильдяи и неряхи, потянулись к швейным машинкам и утюгам. Факт небывалый и даже пугающий. Но было всё это так, между прочим. Основное всё-таки бокс. Уверенно управляя сырой пока ещё боксерской массой, Кривонос находил время для каждого, выбирал момент. Мне он сказал: “У тебя неплохие данные. Только тебя нужно переделать... Встань фронтальной. Вот так. Подбородочек ниже. Ноги широко не расставляй, потеряешь манёвренность. Твоё оружие – скорость, реакция. Работай в “челночке”. И думай, думай в ринге, переигрывай противника головой”. И полгода не прошло, как на открытом ринге я выиграл свой первый бой.

Леонид Павлович Кривонос вырастил двух олимпийцев: бронзового призёра Толю Лагетко и серебряного – Юру Радоняка, который несколько лет тренировал сборную СССР.

Иногда мне казалось, что Рузовка – живое существо, и оно не только хранит память о прежних обитателях, но и может влиять на судьбы ныне живущих в старой казарме. Мне снились фантастические сны. То я видел лейб-гвардейцев-семёновцев, повзводно марширующих по улице Рузовской. Вглядываясь в лица солдат, узнавал в усачах своих однокашников. То я летел на воздушном шаре, вцепившись в борт корзины, и, холодея от ужаса, глядел вниз на Витебский вокзал, от которого отходил детский паровозик с длинной трубой, слышал скрип и позвякивание буферов игрушечных вагончиков, покрашенных в жёлтый цвет. Я просыпался в кубрике, освещённом тусклым синим светом, с тревогой глядел в окна, за которыми гудел дождь. А казарма дышала. Кто-то тёмный, на мягких лапах бесшумно ходил между койками и поправлял сползшие со спящих курсантов одеяла.

Рузовка дарила нам несколько минут перед сном, заполнив их рассказами товарищей, – предтеча будущего кают-компанийского трепа. Чаще всего вспоминали детство – оно было рядом. Особенно удавались рассказы эстонцу Лео Сусину, низкорослому белокрысому пареньку. Лео – сирота, воспитывала его тетка. Тетку он наделил множеством фантастических качеств, и судьба у неё была героическая: то она была партизанкой, то входила в группу снайперов, которым было поручено совершить покушение на Гитлера. Как-то Лео заврался настолько, что сообщил, будто его тётка, прошедшая специальную подготовку, могла присесть на корточки и с этой позиции запрыгнуть на платяной шкаф. Кубрик взорвался таким хохотом, что прибежал дежурный офицер.

Студенческий Ленинград между тем оживал, то в одном, то в другом институте устраивали танцевальные вечера, балы. На тумбочке у столика дежурного офицера лежали пригласительные билеты. А у меня субботние тренировки. Помог случай.

Как-то на тренировке появился чемпион страны во втором среднем весе заслуженный мастер спорта Вазин, крепко скроенный качок с нокаутирующим ударом справа. Чемпион начал подготовку к первенству СССР. Тренер отобрал десять полусредневесов, или, как их ещё называли, “петухов”: отработал раунд, тебя сменяет другой. “Петухи” – боксёры скоростные, да и с ударчиком. Я попал в десятку боксёров для партер-спаррингов.

На второй тренировке я заметил, что Вазин при ударе левой опускает правую руку. Подбородочек у него был приметный, с ямкой посередине. Вот я и врезал левым боковым по этой самой ямке. И, не давая чемпиону опомниться, добавил левым прямым. На следующей тренировке я, окончательно обнаглев, решил повторить комбинацию. И тут почему-то погас свет. В себя я пришёл в раздевалке, рядом суетился врач, в углу тренер крыл матом Вазина, тот сконфуженно кивал головой, а мне казалось, что я не лежу на кушетке, а как бы завис в воздухе. Нокаут – дело серьезное. Неделю провалялся в лазарете. Меня на три месяца отстранили от тренировок. Зато я мог ходить в увольнение и на танцы.

Никогда не вернуть тот удивительный вечер с игольчатыми уколами дождя, плывущими в сумерках огнями реклам, фонарями, опрокинутыми в черную воду Фонтанки. Академия арендовала у какой-то организации танцевальный зал. Старинный особняк за чугунной оградой, мрамор фойе, запах духов, женские голоса. И тут я увидел Валентину. Девушка скромно стояла у колонны, прижимая к груди дешевую сумочку, и, судя по выражению лица, чувствовала себе неуверенно. Я вытер лицо платком и подошел к ней.

Боже мой, за столько лет у меня стёрлись в памяти её черты, помню голос, мягкий, грудной, и ещё губы, всегда почему-то шершавые. Когда я целовал её, мы от неловкости стучались носами и потом тихо давились от смеха, прислушиваясь, не идёт ли разводящий. Валя приходила ко мне, когда я стоял в карауле у строящегося здания клиники на набережной Фонтанки, – в пустом корпусе что-то потрескивало, ухало, осыпалось. Проезжающие по набережной Фонтанки автомобили светом фар выхватывали из темноты наши бледные, запрокинутые лица. Во время поцелуев бескозырка всегда сваливалась с головы и падала на клумбу с якорем в центре. От увядающих цветов пахло горько и волнующе.

Валя приносила кулёк с пирожками, и мы ели их, как зайчата, испуганно прислушиваясь к каждому шороху. Иногда где-то в самой глубине строящегося здания возникал и тотчас гас протяжный вопль. Валя прижималась ко мне и шептала: “Это филин. Филин – не к добру”. – “Филин в городе?” Чепуха! Это кричит пушкинский безумный Германн. На том месте, где строится клинический корпус, в старинные времена стоял барак для умалишенных”.

Первая любовь, первая женщина. У нас были похожие судьбы: отцы погибли на фронте, эвакуация, мыканье по чужим углам, возвращение в разоренный дом. Мать Валентины работала нормировщицей на Кировском заводе, девушка – на почте и еще училась на вечернем отделении Финансово-экономического института. Она была старше меня на два года, но выглядела моложе. Жилось им с матерью трудно. Из того времени в памяти остались дождливая осень, холодная зима, мы гуляли по набережной Мойки, грелись в подъездах, а когда были деньги, ходили в кафе “Лягушатник” на Невском. Там подавали коктейли, и туда не заглядывали патрули.

Однажды Валя не пришла на свидание. И больше не приходила. А телефона у неё не было... Прошло пятьдесят пять лет. Я не могу представить её старухой. То, что тогда вспыхнуло между нами и погасло, – неподвластно времени.

...Нет ничего тоскливее, чем сидеть на самоподготовке! Классы для самостоятельных занятий располагались на верхних этажах Принцевского корпуса. Сумрачное, выкрашенное в казарменно-жёлтый цвет здание глядело на Введенский канал.

Принцевский корпус назван так в честь принца Ольденбургского, известного мецената, построившего здание на собственные средства. Имя принца частенько мелькает в истории отечественной медицины.

Спать хочется зверски, но старшины зорко следят за порядком на самоподготовке. Курсанты отсыпаются, когда в классе присутствует помковзвода Миша Бачев, он жалеет мальчишек. Но если у сержанта “знобит спину”, выспаться не удаётся. Миша раздражён, вздыхает и жалуется на судьбу: “Эх, Бачь, Бачь! И зачем только тебя matka родила”.

За окном антрацитовая тьма. Положив под голову чемоданчик с книгами, сладко спит Миша Полукеев по прозвищу Майк Лобиалес (лобиалес по латыни – губы). У него огромные губы, и вообще он похож на неандертальца, чей бюст стоит на кафедре биологии. Миша – спокойный, добрый малый. На шутки он не обижается. Полукеев – деревенский, никогда не рассказывает о своей жизни. Ест он аккуратно, смахивая каждую крошку. Наголодался в детстве.

Мише, наверное, снится что-то приятное, он улыбается во сне, чмокает губами, вдруг, пробудившись, поднимает голову и оглушительно чихает, а через секунду столь же громко рыгает.

Толя Соловьёв весело советует:

– А теперь пёрни, Майк. Для гармонии.

Взвод взрывается от хохота. Громче всех смеётся помкомвзвода Миша Бачев, у него даже слезы выступили.

Полукеев розовеет и смущенно говорит:

– Не могу же я вот так. По команде.

– А ты передохни и начинай в обратной последовательности, – с самым серьёзным видом говорит Соловьёв, – а мы тебя поддержим.

Казарменный быт скучен. Особенно страдают те, кто за нарушение дисциплины и “неуды” по учёбе получили “месяц без берега”. Скуку и однообразие жизни перебивали розыгрышами, а то и отчаянными придумками, граничащими с хулиганством. Судя по произведениям Помяловского, всё это началось еще с бурсы. Бурсаки, ошалевшие от зубрёжки, такое вытворяли, что нам и не снилось.

Полуподвальное помещение северной части Рузовки занимала учебная лаборатория будущих морских метеорологов. Курсанты этого училища жили куда свободнее. К нам “ветродуи” касательства не имели, у них был свой КПП, своё, весьма либеральное начальство. Мы презирали “ветродуев” и завидовали им. Вели себя курсанты-метеорологи нагло, на замечания Рудоса не реагировали, чем доводили его до иступления.

Какой-то умник нашёл на хозяйственном дворе казармы брошенный “ветродуями” шар-зонд, налил в него холодной воды и положил под простыню Бо-

рису Михайлову, парню грузному и большому любителю поспать. Боря вернулся из увольнения “под мухой”, вождельно разобрал постель, разделся и брякнулся в ледяную купель. От его визга и проклятий проснулась вся казарма.

Однажды я был свидетелем целого ритуального действия – похорон саксофона. Вместе с нами учились офицеры из послуживших на флотах фельдшеро-в. Они были старше нас, вчерашних десятиклассников, на пять – восемь лет. Среди офицеров выделялся капитан медслужбы Каберидзе (точно фамилию не помню) – смуглый красавец с тонкими злодейскими усиками. Был он поразительно тощ, почти лишён зада, брюки соскальзывали, не имея опоры, он их постоянно поддёргивал, и от этого казалось, что капитан все время слегка приплясывает. С курсантами капитан заигрывал, держал себя рубахой-парнем, любил рассказывать скабрёзные анекдоты, но его сторонились, знали – стучач. Кто-то прилепил ему прозвище Саксофонов. Прозвище приросло.

И вот одним воскресным днем, во время дежурства Саксофонова, когда по неведомой причине запретили увольнение в город, в глубине ротного коридора грянул похоронный марш. Курсовой секстет “Зеленый аксолотль” под руководством Вилли Цовбуна медленно двигался к выходу. Впереди на подушке, покрытой красной скатертью, изображающей гроб, лежал саксофон, подушку нёс, понунив голову, Филипцев, процессию завершал безутешный саксофонист Баякин. Из кубриков слышались глухие рыдания, кто-то измененным голосом ритмично выкрикивал: “Шахсей-вахсей!”, а невидимый хор подхватывал: “У-упа! У-упа!”

Саксофонов не сразу понял, что происходит. Резко побледнев, закричал, переходя на визг:

– Прекратить! Применю оружие!

И тогда откуда-то сверху тяжело ухнул бас:

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”...*

Песню подхватили.

Тренировки и сборы выбили меня из учебной колеи, я основательно подзалетел с органической химией. Надгробные плиты формул, не уместающиеся на грифельной доске, приводили меня в ужас. Нашу группу вела профессор Дробинцева, добрейшая женщина, называющая нас, балбесов, мальчишками. Она всякий раз пугалась, когда перед лекцией старшина командовал: “Смирно! Товарищ профессор...” Дробинцева махала пухлыми ручками и умоляла всех сесть.

Кафедрой руководил её муж – профессор, полковник медслужбы Васюточкин. Остроносый, всегда почему-то взъерошенный, в укороченных брючках, он напоминал деловитую птицу, вроде дрозда. Его обожали, любили его яркие лекции, манеру говорить, нараспев повторяя химические термины. Возможно, у него был своеобразный дефект речи, а может, он специально растягивал слова – эффект получался эстрадный. Задрав голову, он сладостно возглашал: “А-а-рабиноза и глюко-о-пираноза!” Аудитория взрывалась от хохота. Васюточкин, не обращая внимания, продолжал лекцию дальше. Иногда, наверное, чтобы ещё больше развеселить нас, он рассказывал истории из своей жизни. Подтянув брюки и встав на цыпочки, профессор после полуминутного молчания доверительно сообщал:

– Мы с женой, профессором Дробинцевой, недавно купили машину.

– В самом деле? – заинтересовался кто-то из курсантов.

– Представьте. Поразительное легкомыслие. Поехали в Озерки. А там машину у нас украли.

Гул негодования.

Васюточкин всплеснул руками и с детской улыбкой сообщил:

– Но мы не растерялись и купили дру-гу-ю.

На этот раз хохот был такой силы, что в аудиторию заглянул командир роты.

В ту пору в Военно-морской медицинской академии преподавали учёные с мировыми именами: Быков, Орбели, Джанелидзе, Лазарев – список крупных деятелей отечественной военной медицины можно было бы продолжить.

Одни были излишне академичны, другие суховаты, третьи слишком уж суровы. На всю жизнь запомнились профессора с чудинкой, к тому же имеющие дополнительные, порой неожиданные интересы, как, например, профессор-патологоанатом Соломон Самуилович Вайль.

Первый раз я увидел его в парке академического городка бывшей Обуховской больницы. Стоял конец сентября, бабье лето. Мы, курсанты, собирали в кучи опавшие листья и жгли на костре, — ароматный дымок плыл между деревьями. Он шёл по аллее, переваливаясь на коротковатых ногах, тужурка с серебристыми полковничьиими погонами расстегнута, фуражка лихо сдвинута на затылок, старый разбухший портфель оттягивал руку. Полковник покачивал квадратной головой в такт шагам, сладко жмурился и что-то напевал. Я приставил к дереву грабли, вытянулся и отдал ему честь. Он приветливо помахал мне рукой и по-домашнему сказал:

— Здравствуй, голубчик. Погодка-то? А-а? Прекрасная пора, очей очарованье!

Снял фуражку, его лысая голова как бы высветилась изнутри, напоминая матовый плафон, что висел у нас в шестой аудитории.

— Кто этот чудак? — спросил я у приятеля.

— Профессор Вайль, патологоанатом.

— Тот самый?

— Ну!

Дело в том, что среди курсантов вот уже месяц гуляла рукопись поэмы “Сифилиада”, принадлежавшая перу ныне покойного петербургского поэта Семёна Ботвинника. Поэму сопровождала легенда, что будто бы Ботвинник, в те времена курсант Военно-морской медицинской академии, на экзаменах по патологической анатомии предложил профессору Вайлю прочесть эту самую поэму, ибо в ней была глава, посвященная гистологическим особенностям вторичного сифилиса. Профессор не только не выгнал Сёму с экзамена за нахальство, но и заставил прочесть поэму целиком и вывел в его зачетке пятерку с плюсом.

Как нередко бывает с любимыми профессорами, имя Соломона Самуиловича было окружено легендами, байками и анекдотами. Вот некоторые из них. У Вайля была привычка, входя в трамвай, снимать калоши и ставить их рядом со скамейкой, на которой сидел. Так вот, входит профессор в трамвай, снимает, как обычно, калоши, садится и мгновенно засыпает. Сопровождающий его адъюнк, чтобы не тратить зря время, — ехать далеко, в больницу имени Коняшина, начинает “клеить” соседку-студенточку, та кокетничает, резвится и роняет на колени спящему профессору батистовый платочек. Девушке пора выходить, платочек нужно взять, но так, чтобы не смутить старика. Адъюнк наклоняется, что-то шепчет на ухо профессору, осторожно указывая на платочек. Вайль сконфуженно розовеет и, приняв спросонья платок за уголок рубашки, вылезший из ширинки, начинает его торопливо туда заталкивать.

Эту якобы подлинную историю я слышал в Москве уже в качестве анекдота. Другая байка: Вайля как ведущего прозектора города пригласили в медицинский институт возглавить экзаменационную комиссию. Экзамены уже близились к концу, когда в аудиторию развинченной походкой вошёл студент и, не обращая внимания на членов комиссии, принялся рыться в экзаменационных билетах. Не найдя, видимо, ничего подходящего, хмыкнул и направился к выходу. “Молодой человек, — остановил его Вайль, — дайте, голубчик, ваш матрикул”. Тот, немало удивившись, вернулся и протянул зачётку. Профессор неторопливо начертал в ней: “Удовлетворительно”. Наступила очередь удивляться экзаменационной комиссии. “Студент ведь что-то искал, значит, он всё же что-то знает, — пояснил Вайль. — Как же я могу поставить ему неудовлетворительную оценку?”

Как ни был я подготовлен к встрече с профессором-оригиналом, он меня всё же поразил. На одной из лекций, в самом начале, Вайль вдруг умолк, некоторое время сумрачно глядел в аудиторию, потом, усмехнувшись, сказал:

— Всё, что я вам толковал сейчас о печени алкоголиков, — чепуха! Я за всю многолетнюю практику ни разу не видел классической печени алкоголика. Да-с! И вообще, мне сегодня не хочется говорить о скучных материях. Поговорим о вечном... Скажем, об эстетике. В том смысле, как понимал её Кант, то есть науке о правилах чувственности вообще...

Я впервые прослушал лекцию по философии, в которой и Кант, и Гегель выглядели не скучными придурочными идеалистами, которые свихнулись на “вещи в себе” и прочих заумных штучках, а вполне понятными, привлекательными гениями. И возможно, впервые задумался о смерти и бессмертии, которое начинается здесь, на столе прозектора, либо не начинается вовсе, и с пугающей ясностью осознал беспощадность исчезающего времени.

На одной из очередных лекций Вайль дал нам развернутый литературоведческий анализ... романа Пушкина “Евгений Онегин”. И вот что любопытно, столь необычные лекции, где философия и литература соединились с патологической анатомией, запоминались намертво, словно кирпичики укладывались там, в голове, не оставляя никого равнодушным.

Считалось, что Соломона Самуиловича невозможно вывести из себя. И всё же один раз мне довелось увидеть гнев профессора. Случилось это во время зимней сессии. Из-за эпидемии гриппа запретили увольнения. Настроение у масс достигло самой нижней черты. Экзамены мы сдавали прямо в казарме в одном из “кубриков”. Второпях организовали “службу спасения”: шпаргалки решили передавать на двух связанных между собой лыжных палках. Я вошёл, взял экзаменационный билет и уселся за крайний, поближе к двери, стол, ожидая, что сработает “служба”.

Профессор Вайль прихлебывал из стакана с серебряным подстаканником чай и доброжелательно разглядывал нашего ротного красавца Витю Денисенко. Тот плыл по всем правилам военно-морского искусства, при этом хлопал девичьими ресницами, и на лице его запечатлелось выражение, какое бывает у человека, когда с ним внезапно случился детский грех.

— Хорошо, — вздохнул профессор. — Приведите мне, голубчик, в завершение пример инволюции человеческого органа.

Имелась в виду вилочковая железа или что-то в этом роде, но в бедной Витиной голове инволюция перепуталась с эволюцией и он, выпучив глаза, брякнул:

— Головной мозг!

Вайль хрястнул авторучку об пол и, розовея, заорал:

— Болван! Это у тебя инволюция! Убирайся вон и зайди через полчаса.

В этот момент я почувствовал лёгкий укол в спину, — вступила в действие “служба спасения”: мне передали шпаргалку. Я снял отвратительно похрустывающий лист бумаги с острия лыжной палки, и мои глаза встретились с глазами профессора. Лицо его снова обрело благодушное выражение. Когда я вышел отвечать, он спросил:

— По бумажке будешь читать или так поговорим?

Меня обдало жаром:

— Лучше так, товарищ полковник...

— Отлично, отлично. Расскажите-ка мне, голубчик...

Произошло нечто невероятное: словно от прикосновения волшебной палочки в голове моей прояснилось, я увидел аудиторию, расположенные амфитеатром ряды кресел и услышал голос профессора Вайля. Я заговорил и, наверное, со стороны наша беседа напоминала дискуссию. Только в одном месте Вайль меня прервал:

— Погодите, коллега, кто вам сказал такую глупость?

— Вы... На лекции.

— Хм-м, — профессор вытер лысину платком. — К сожалению, я говорю глупости не только на лекциях. Да-с!

Расписываясь в моей зачетке, он задумчиво сказал:

— Царство мёртвых не для вас, молодой человек. Для этого вы слишком честолюбивы. Вам подавай что-нибудь драматическое, в стиле Гуго Глейзера.

Профессор оказался прав: книга австрийского врача “Драматическая медицина” лежала в моей курсантской тумбочке, я рвался спасти человечество, и с патологической анатомией мне было не по пути.

... В конце второго курса в ротах определились неформальные лидеры: Витя Шостак, Леня Балашевич и Женя Розов. Были и формальные — старшины рот Николай Ермилов и Константин Артарчук, они шли на золотые медали, прекрасно учились, словом, пример для курсантов. Их, как сейчас говорят, рейтинг снижало полное отсутствие индивидуальности: они не могли похва-

литься успехами в спорте, как Шостакович, не умели рисовать, как Балашевич, и не обладали феноменальной памятью, как Розов.

К тому же старшин, как ни крути, любить нельзя, уважать – пожалуйста, да и только, а неформальных лидеров любили, любили искренне, гордились ими.

Витя Шостакович шёл ровно, сохраняя темп, как и положено бегуну на дальние дистанции. Он был сфокусирован на результат и чётко добился цели. Витя закончил академию с золотой медалью, затем адъюнктуру, защитил кандидатскую, а вскоре и докторскую диссертацию, стал профессором, крупным учёным-физиологом. Он ушёл из жизни, когда я заканчивал эти воспоминания.

Лёня Балашевич – натура художественная, в его действиях присутствовала, скажем так, эмоциональная компонента. Учился блестяще, его конспекты, чёткие, лаконичные, где было выбрано самое главное, служили палочкой-выручалочкой для курсовых лентяев. Он тоже закончил академию с золотой медалью, имел право выбора места службы, но пошёл служить на подводную лодку Черноморского флота, заранее зная, что его модернизированный корабль перегонят по Североморпути на Тихоокеанский флот. Лёню влекли просторы. Его дневник межфлотского перехода – превосходная проза. Дневник долгое время хранился у меня, и во многом помог мне при сочинении морских повестей и романов. Лёня мог стать профессиональным писателем, художником, фотохудожником, но судьба сама сделала выбор: после долгого скитаний вернула в Ленинград. Лёня стал выдающимся офтальмологом, доктором наук, профессором.

Третий неформальный лидер – Женя Розов был наделен подлинно русским талантом – талантом души. Конечно, Господь щедро окропил и его, Женя обладал феноменальной памятью, организационными способностями, он мог стать крупным организатором военной медицины, начальником медслужбы флота, генералом. Но не стал. Как нередко случается с талантливыми русскими людьми, сорвался, не выдержал испытания судьбы. Неудачно женился ещё курсантом, развёлся, за аморальное поведение – так расценили развод – золотого медалиста сунули на спасательное судно, доживающее свой век на Балтике. Женя стал попивать, через два года был уволен в запас, остался жить в Таллине, работал спортивным врачом, тренировал самбистов, высшее достижение – судья республиканской категории.

Женька в бытность помкомвзвода дважды спас меня от серьезных неприятностей. Шёл второй семестр четвертого курса. Апрель, капель, белые ночи. Нас недавно перевели на положение слушателей, мы обрели свободу, право жить дома или на съёмной квартире, могли в неслужебное время носить гражданскую одежду и получали солидную по тем временам стипендию. Вот в такой весенний день ехали мы учебной группой в троллейбусе в больницу имени 25 октября. Последним в троллейбус ввалился Гайдамович. При этом он так толкнул меня, что едва не сбил с ног. Бывший сержант весил килограммов восемьдесят, был жилист и силен. Я едва сдержался.

– Гайдамович, извинись. Из-за тебя я девушке на ногу наступил. Нехорошо.

– Да пошёл ты...

Ссориться в троллейбусе, на публике, да ещё в форме – глупо. Потому уже в аудитории, когда мы натянули белые халаты, я подошёл к обидчику и спокойно сказал:

– Повторяю, извинись за грубость, если ты порядочный человек.

Глаза у бывшего сержанта стали белыми:

– Давай в коридор, там и поговорим, сопляк.

Когда мы вышли, он без предупреждения попытался ударить меня ногой в пах – рефлекс сработал мгновенно: я коротко и сухо ударил левым боковым, целясь в подбородок, но угодил в огромный нос. Нос лег на левую щеку. Ничего подобного в своей практике я не видел, у меня опустились руки. К нам бежали ребята, за ними шёл преподаватель. Гайдамовича сразу взяли на операционный стол. Подошёл Розов, хмуро сказал:

– Я свидетель, он оскорбил тебя и первым ударил. Ты защищался. Есть осложняющие факторы: вы оба в белых халатах, и дело происходит в лечебном учреждении. За драку можно вылететь из академии.

Событие всколыхнуло курс. Гайдамовича ненавидели и курсанты, и офицеры – тот каждому хоть раз да нахамил. Комсомольское собрание с повест-

кой “Драка в белых халатах” превратилось в разбораловку опального бывшего сержанта. Начальство, уловив общее настроение, спустило дело на тормозах. Влепили нам по строгачу без занесения, на том и разошлись.

Второй раз дело обстояло куда хуже. Пятый курс, первый семестр, сидим в секретной библиотеке безвылазно, изучаем организацию и тактику медицинской службы в мирное и военное время – один из важнейших предметов. Я настолько ошалел, что по рассеянности сунул секретную тетрадь в портфель, отпросился у Розова и махнул домой. Я готовил ужин, ожидая Шуру Орлова, когда в дверь позвонили, и на пороге возник Розов, бледный от волнения.

– Где твоя секретная тетрадь?

– Я же сдал её...

– Посмотри.

Я открыл портфель и обмер: среди учебников лежала тетрадь с грифом “секретно”.

– Что же делать? – Я покрылся холодной испариной.

– Впредь быть внимательнее. Да и я виноват – не проверил. Хорошо, что ты живёшь близко.

Надвигался шестидесятый год, времена суровые, шпиономания. Самое меньшее, что меня ожидало, – исключение из академии.

Женька держал наши тетради в опечатанном чемодане и при необходимости выдавал их нам. Секретчице он сказал, что сдаёт чемодан временно, вернётся через час и продолжит занятия. Он рисковал, рисковал сознательно, чтобы выручить товарища.

Женьки уже нет. Верить в это не хочется...

Слава Малькович никогда не ходил в лидерах. Скромный паренёк из белорусской глубинки, неграмотная мать, пятеро детей, война, оккупация, землянки, мороженная бульба. Как можно получить серебряную медаль, таскаясь в школу за несколько километров через ухабы и болотины? Среди ребят белорусов, а их было на курсе немало, Малькович выделялся тем, что говорил по-русски чисто, без акцента, даже несколько старомодно, словно закончил не сельскую школу, а петербургскую гимназию или какой-нибудь привилегированный лицей.

Коллеги поражались диагностическому дару Мальковича, – этот дар не приобретается с опытом, с ним нужно родиться. У нас яркий курс, среди выпускников есть крупные организаторы военной медицины, профессора, членкоры различных академий, два писателя, профессиональный эстрадный фокусник и даже цирковой врач. А вот лечащих врачей – раз, два и обчелся. И среди них Вячеслав Константинович Малькович.

Тянулись вялые, отдающие болотной тиной брежневские годы. Однажды Слава с горечью рассказал мне, что в его отделение положили одну из удочерённых внучек министра обороны, здоровенную халду, алкоголичку, не помню уж, были ли у неё какие-нибудь эндокринные расстройства или родственники решили просто упрятать её в госпиталь. Явилась она вместе с бурым медведем на цепи и рослым порученцем для причудливых утех. В её палату боялись заходить сёстры и санитарки: медведь рычал, а пьяная пациентка швырялась в персонал посудой. Славе как-то удавалось с ней ладить, но чего это ему стоило! Кончилось пожаром, – мадам предпочитала гасить сигареты об обивку дивана.

Мальковича порой включали в экипаж чёрного реанимобиля, постоянно следовавшего за одряхлевшим генсеком. От Славы я впервые услышал историю о любимом егере Брежнева. Перескажу её по памяти.

Генсек, удачно отстрелявшись по кабанам в Завидово, взбодрился коньячком и потребовал к себе егеря, организовавшего загон. Явился ладный тверской мужичок, простодушный, с доверчивыми глазами. Лесной человек, дитя природы. Брежнев усадил его за стол, сам налил стопарь и спросил:

– Дорогой, а воинское звание у тебя какое?

Егерь смутился:

– Какое звание, Леонид Ильич? Образование – четыре класса да коридор. Охотник я, простой охотник.

Генсек нахмурил свои знаменитые брови, поманил к себе порученца:

– Р-разъясни мне, дорогой товарищ, где я сегодня охотился?

– В военном охотхозяйстве, Леонид Ильич.

– А почему егеря без воинских званий? Непорядок!

Егерю было спешно присвоено звание майора!

Как-то раз Брежнев вновь оказался в Завидово. Превосходный загон, недурно организованный выстрел, и перед генеральным секретарём вновь возник удачливый егерь в новенькой офицерской форме, на погонах поблёскивали майорские звезды. Егерь уже слегка под хмельком.

– Доволен жизнью, дружок? – с трудом сложил Брежнев, наполняя гостью стаканчик отборным коньяком.

– Хорошо живу, Леонид Ильич. Очень хорошо. Спасибо вам.

– погоди, а в звании ты почему не растёшь? Всё майор да майор. Не порядок. Где порученец?

Тот мгновенно вырос перед генсеком.

– Переговорите с министром, подготовьте распоряжение. Нужно ввести генеральскую должность главного егеря. Пусть руководит. И кандидата искать не нужно, он перед вами.

Получив звание генерал-майора, егерь запил по-чёрному, кореша ему проходу не давали, каждый день подначки. Так и сошёл с круга хороший лесной человек. Не выдержал тяжести генеральских звёзд!

По-видимому, таких историй Слава знал немало, но рассказывал их неохотно. Как-то с горечью сказал: “Ты даже не представляешь, сколько кругом грязи...”

Слава не был отмечен ни высокими наградами, ни государственными премиями, да и диссертацию все не было времени защитить. Он лечил больных. Как-то, навещая товарища в госпитале, я зашёл к Мальковичу, он беседовал с пожилым человеком, лицо которого мне показалось знакомым.

Слава улыбнулся:

– Познакомься с моим пациентом генералом армии Штеменко.

У генерала была сухая и ещё сильная рука.

Малькович пользовал не только выдающихся политических деятелей и военачальников, чаще всего он лечил людей простых: офицеров, их жён, солдат, матросов. Простые люди благодарней, у них дольше хранится память об их спасителе.

Слава всю жизнь тянулся к искусству: театральная премьера, выставка молодых художников на Малой Грузинской – всюду попевал он с женой Галей. До Красногорска вечером добираться непросто, выручал старенький “жигулёнок”. В хлебосольном доме Мальковичей собиралась порой довольно пестрая компания: профессора Военно-медицинской академии, писатели, художники. Слава никогда не афишировал свои связи и знакомства со знаменитыми людьми. Мало кто знает, что он был лечащим врачом писателя Юрия Павловича Казакова.

С Юрием Казаковым я был знаком ещё с 1963 года, по Архангельску, куда он частенько навещался. Дружба продолжилась в Москве, бывало, по несколько дней я жил у него на даче в Абрамцево, выполняя роль домашнего врача и вышибалы: приходилось спускать с лестницы нахальных телевизионщиков, приезжающих к писателю с водкой. А пить Юрию Павловичу совсем было нельзя. Я видел все его последние рассказы ещё в заготовках, да и писем Казакова у меня сохранилось немало. Юрий Павлович и рекомендацию мне в Союз писателей дал. “Ты хоть и самый главный на флоте эпидемиолог, да и доктор, как говорится, от Бога, а всё равно медицину бросишь и станешь сочинителем”, – сказал однажды он со своей легкой усмешкой.

...Наш взвод опять кинули на уборку территории академического городка. Листья облетели, в сквозном гулком пространстве орала ворона. Мы собирали листья в кучу и на тачках свозили к грузовику, замершему у здания клиники военно-морской хирургии. Славка Филипцев подхватил тачку и запел:

*А двое враскорячку
Везли большую тачку,
А в ней сидел пузатый генерал...*

Я вяло шевелил граблями, имитируя работу. Накануне схватил два наряда вне очереди за сон на лекции, и настроение было неважное. Чапающая по тропинке старушка-санитарка с отёчными ногами сказала Славке:

– Ишь ты, ухарь, генерала он повёз, глаза бесстыжие. Небось девки от тебя плачут.

– О, синьорина, вы ошибаетесь. Я женат, и у меня четверо детей.

Шестипудовая “синьорина” улыбнулась беззубым ртом, шамкнула:

– Балабол. – А, взглянув на меня, добавила: – А ты генералом никогда не станешь, потому что работать не любишь.

Как припечатала, старая ведьма!

Генералом я так и не стал. Сбылось вещее предсказание престарелой санитарки, хотя мои предшественники, случалось, носили штаны с лампасами.

Сладкой жизни у Главного эпидемиолога в ту пору не было, да и быть не могло. Огромный флот, боевая служба – на пике. Корабли плавают в любой точке Мирового океана. Мой рабочий день начинался в 7.30 утра на Центральном командном пункте ВМФ. Нужно было успеть изучить обстановку, в случае необходимости самостоятельно принять решение, подготовить телеграмму, подписать у начальника Главного штаба, сдать связистам. И в результате корабли оперативной эскадры, направляющиеся в Коломбо пополнить запасы воды, свежих овощей и фруктов меняли курс, ибо в Коломбо возник эпидемический очаг холеры. Представляю, что думали обо мне моряки, мечтающие погулять под пальмами, – ведь давно уже в море, и вот какой-то хмырь лишил их этой радости.

Как-то утром часовой не пустил меня на ЦКП, секретчик забыл поставить в мой пропуск соответствующую звёздочку. Я пошел к заместителю начальника управления контр-адмиралу Константину Валентиновичу Макарову.

– Что за чепуха? – удивился адмирал. – Ведь вы каждый день у нас работаете. Исправим глупость. – Внимательно посмотрел на меня и добавил: – Доктор, а ведь вас нельзя пускать за границу. Как поедете, либо начинается государственный переворот в стране, либо полномасштабная война, как в Сомали.

– По-видимому, я играю роль своеобразного детонатора. Кстати, эпидемии, войны и революции развиваются по одному закону.

– Вот как? И по какому же?

– Источник инфекции, механизм передачи и восприимчивый организм. Если эту цепочку переложить на язык политологов и военных теоретиков, – всё сойдётся...

Константин Валентинович – яркий, талантливый флотоводец – сделал блестящую карьеру. Вскоре его назначили начальником штаба Балтийского флота, затем командующим, а в отставку он ушёл с должности начальника Главного штаба ВМФ в звании адмирала флота.

Судьбы иногда закручиваются в удивительный узел. Как-то раз Саша Гаврушев рассказал:

– Атомоходом, на котором я служил, командовал Константин Валентинович Макаров, моряк отличный, но человек жёсткий. Драл всех подряд. Мне тоже доставалось. Как-то в конце трехмесячного похода в Атлантику я окончательно выдохся. Свет не мил. Сажу в каюту в полной прострации. Спирт выпит, в голову ничего не лезет. По отсеку проходил командир, глянул на меня и спрашивает:

– Ты что такой мрачный, доктор? Заболел?

– Надоело всё. Мне бы сейчас стакан “шила”.

– Ну-ну.

Минут через десять заходит в каюту, в руке стакан спирта.

– Давай дерни и ложись спать. Скоро дома будем.

Когда адмирал Макаров командовал Балтийским флотом, начальником медицинской службы флота стал Александр Гаврушев, – командир лодки и доктор встретились, но уже в ином качестве.

... Старая голубая тетрадь с мальчишескими записями дала энергетический толчок, а желание воплотить замысел усилило другое событие – пятидесятилетие выпуска нашего курса.

По традиции мы встречались каждые пять лет в академическом городке у памятника Николаю Ивановичу Пирогову. Собирая материал для романа, я перелопатил кучу книг по истории медицины – пласт нераспаханный – и всё же докопался, откуда такая традиция взялась. Оказалось, её инициатор – выпускник Военно-медицинской академии 1860 года, известный гигиенист, эпи-

демиолог и санитарный просветитель, действительный статский советник Илинский Пётр Алексеевич. Именно он предложил однокурсникам встречаться у памятника барону Виллие. Мы выбрали памятник Пирогову.

Пятидесятилетие выпуска — дата серьезная, для многих, возможно, последняя встреча. Юра Кондратьев прилетел из США, приехали ребята из Финляндии, с Украины, из Белоруссии. Собирались мы, пожилые мужики, у памятника великому хирургу, кто с палкой, кто с костылем. Постаревшие жёны, взрослые дети, внуки. Поцелуи, объятия. И не было здесь удачливых учёных, академиков, профессоров и тех, чьи судьбы не состоялись, — собрались одноклассники, объединенные нерушимым курсантским братством. И так же, как многие годы назад, по осеннему парку летали серебристые паутинки, с кустов свисали тяжёлые гроздья боярышника и сладковато-бражно пахло опавшими листьями...

...Первым ушёл Володя Зубков.

Я хорошо помню то январское утро 1961 года. Севастополь, Корабельная сторона, солнце, иней на крышах, пустые, прозрачные сады. И запах, скорее осенний, чем зимний: солений, перебродившего виноградного сока и еще дыма костров — в садах жгут листья.

Мы с женой снимали крошечную комнату в доме, стоящем на улице, скачущей к морю, и ночами было слышно, как ворочается, живёт, погромычивает Корабельная сторона, а утром этот равномерный, неумолчный гул пробивали пронзительные трели боцманских дудок, а чуть позже, во время подъёма флагов на кораблях, трубили горнисты.

В нашей комнатке стояла старинная кровать с медными шарами на спинках, пузатый комод, а в кухне над печью висели гирлянды лука и чеснока. Во дворе, за сараем, прилепилась коптильня. Хозяйка, вдова моряка, коптила в ней янтарную, с золотыми прожилками барабульку. В ветреную погоду ветви миндаля с лёгким звоном стучали в окно.

Я шёл, представляя уютную тишину комнаты, нашего временного жилища, прибежища среди дорог, перестука вагонных колес, тоскливого крика паровоза, сулящего печаль разлуки и радость встреч. Я был счастлив в то утро, с жадностью вдыхал горьковатый дымок костров, чадающих за высокими каменными заборами, и всё вокруг виделось отчетливо, остро и так же остро запоминалось. Я миновал площадь, на которой стоял пустой троллейбус с опущенной дугой и молочно-белыми, запотевшими за ночь стёклами, и тут увидел их. Три офицера и мичман шли какой-то странной походкой, будто плыли, поддерживая друг друга. И я не сразу понял, что они пьяны. Я знал этих парней — вместе столовались в бригаде подводных лодок.

“Что это они с утра пораньше?” — подумал я и пошёл навстречу, глядя в их окаменевшие лица, еще не испытывая, а как бы предчувствуя тревогу.

— Привет! — сказал я. — Со свадьбы, что ли?

— Какая свадьба, — хмуро отозвался старший лейтенант, штурман. — “С-80” не вернулась из полигона. — Губы у него дрогнули. — А у меня на ней друг, на соседних койках в училище спали.

“С-80”? Лодок с таким номером в нашей бригаде не было.

— А где? В каком полигоне? — растерянно спросил я.

— На Северном флоте. Второй день ищут. Гробанулись, видно...

И они прошли мимо, унося на плечах тяжёлую ношу горькой вести. А вокруг всё кричало о жизни, о скорой крымской весне с влажными ветрами и розовой пеной цветущего миндаля...

О подводной лодке “С-80” ходили невероятные слухи, один, самый нелепый: лодка со всем экипажем ушла к... супостату. Говорят, семьям погибших какое-то время даже не выплачивали пенсии. Пресса в те годы угрюмо отмалчивалась. Первые сообщения появились лишь в 1990 году.

Из рассказов участников ЭОН — экспедиции особого назначения, документов, публикаций мне удалось более-менее точно восстановить события, происшедшие много лет назад.

27 января 1961 года подводная лодка “С-80” под командованием капитана третьего ранга Ситарчика шла под перископом в режиме РДП — работы дизеля под водой. Штормило. В том районе Баренцева моря всегда беспокойно. Выдвижные устройства покрылись коркой льда. Когда волна захлёстывала

шахту РДП, дизель начинал стучать с перебойми, в отсеках падало давление, и рулевой-горизонтальщик морщился, удерживая штурвал. Где в этот момент был Володя Зубков? Скорее всего, на "боевом посту" во втором отсеке.

Командир лодки не отходил от перископа. Ударил снежный заряд, видимость резко снизилась, а тут, как всегда бывает по закону подлости, забарахлила радиолокационная станция. Командир развернул перископ и сквозь белесую муть с трудом различил тень судна, скорее всего траулера, пересекающего курс лодки, коротко скомандовал: "Лево на борт", пытаясь разойтись с траулером, но через несколько минут понял: опасность столкновения сохранена, и тогда последовала команда: "Срочное погружение!" Дизель замер. Наступившую тишину разорвал нарастающий гул поступающей воды, и лодка стала стремительно проваливаться на глубину. Трагедия произошла в 14 часов 20 минут.

Это потом комиссия установит, что у "С-80" была конструктивная особенность: шахта РДП оказалась значительно шире, чем на других подводных лодках такого типа, на верхней крышке шахты намерз лёд, и она не могла закрыться. Когда вода ринулась в пятый отсек, два моряка пытались предотвратить аварию, но было уже поздно. Их так и нашли вместе. Установлено и то, что экипаж до конца боролся за живучесть, и им удалось сделать почти невозможное — мягко опустить лодку на грунт. Они пытались всплыть, но иссякли запасы воздуха высокого давления...

Подводную лодку подняли и отбуксировали в бухту Завалишина. Для извлечения тел погибших были созданы бригады врачей. Володю Зубкова опознали по медицинским эмблемам на истлевших погонах. Выяснилось одно странное, почти мистическое обстоятельство: Володя вышел на ракетные стрельбы... не на своей лодке. Однокашник, Костя Сотников, уезжавший в Архангельск на курсы усовершенствования, попросил Зубкова вместо себя сходить в море, всего на несколько суток. Судьба у Кости тоже не сложилась. Должно быть, его угнетало, что он как бы проживает чужую жизнь.

Филипцев завершил жизненный путь не столь героически. После выпуска Славку распределили в бригаду дизельных лодок в Ягельном. Оттуда в Северодвинск, где я тогда служил, докатывались слухи о его нестандартных поступках. Филипцев выучился играть на гитаре и стал любимцем дружеских застолий подводников. В Северодвинске перекрещивались пути многих моих однокашников, чьи атомные подводные лодки достраивались или стояли в ремонте на СРЗ "Звёздочка". Да и не только. Я жил напротив госпиталя, рядом — штаб военно-морской базы, так что вероятность встреч возрастала. Когда я только не встретил за годы службы в Северном Париже — так называли Северодвинск тех лет. Боря Никонов, Петя Терехов, Боря Ефремов, Леня Балашевич, Володя Шупаков — всех не вспомнить. В шестьдесят седьмом году меня назначили старшим помощником начальника медицинской службы Беломорской военно-морской базы. Начмед Иван Блажков вскоре укатил на пять месяцев в Ленинград на учёбу, а я в звании капитана стал рулить медслужбой базы первого разряда с полным комплектом учреждений, обеспечивающих операционную зону величиной с Францию, куда заодно входили и Соловецкие острова.

Как-то я сидел в кабинете, вёл прием посетителей, вдруг дверь без стука отворилась и вошел Филипцев в белом халате, под которым виднелся китель не первой свежести.

— Юрец, ты стал бюрократом, — не поздоровавшись, сказал Славка, — в коридоре очередь. Офицеры, бабы, одна с дитём. Не стыдно?

— Нет. Плановый приём посетителей. Путёвки в санатории, детсады, кадровые вопросы... Да мало ли. Откуда ты?

— От верблюда, гражданин начальник. Лодка в ремонте. Вчера пришли. Жить негде.

— У меня будешь жить. Жена на учёбе в Харькове. Где ты взял халат?

— Мишу Бачева раздел. Я и не знал, что он теперь под твоим началом служит. Без халата к тебе не попадёшь. Очередь разорвет. Ты когда освобождаешься?

— В двадцать один, не раньше. Бумаг куча накопилась. В обеденный перерыв отведу тебя домой. На лодке не хватятся?

— Я командира предупредил.

— Тогда погуляй.

– Где тут у вас магазин с напитками?
– Рядом, на улице Воронина. Попусту в городе не шляйся, комендант города Вебер – очень серьёзный человек.
– Зубки обломает. – Филипцев стянул халат – на плечах сияли майорские погоны. – Ну что? Обскакал тебя?
– Нет, Славик. Сейчас кадровик звонил, поздравил с присвоением очередного... Погоны офицерам моего ранга вручает лично адмирал, командир базы. Скушал? А теперь изыди.

Вечером мы распили бутылку “Кориандровой” – жуткое пойло. Славка рассказал, что женился, у него сын. Жена в Москве под опекой Александры Петровны. Как дадут жильё, обе приедут, с Серегой. Жене двадцать лет, красавица. Потом Филипцев читал стихи собственного сочинения.

Лодку отремонтировали, Филипцев исчез. Встретились мы уже в Москве. Славка служил начмедом узла связи в Горках Ленинских. В подчинении у него оказался Шура Орлов. Сейчас, когда Славки давно уже нет, я с горечью вспоминаю его и чувствую свою вину. Филипцев стремительно спивался. Появлялся он у меня всегда неожиданно. В лёгком подпитии он оставался прежним, веселым, остроумным, неплохо пел под гитару, но стоило ему перебраться, мрачнел, говорил о близкой смерти. С женой он развёлся, она попала в тюрьму, потом на поселение. Сын воспитывался у чужих людей. Последние годы Филипцев постоянно жил на даче. Появлялся редко, чаще осенью, и всегда с огромным букетом белых астр.

Умер Славка весной 1994 года. Деньги на похороны выделил его одноклассник, бизнесмен, да и мы скинулись. Я выбил в АХО ВМФ автобус, собрал однокашников-москвичей. Ехали в деревню, расположенную километрах в тридцати от железнодорожной станции Сходня. Филипцев лежал в гробу в залоснившейся флотской тужурке без погон. На лбу кристаллики льда. Робкое солнце, птицы, жизнь... Славка упокоился на сельском кладбище. Рядом с могилой ржаное поле. Сын на похороны не приехал, зато пришли все жители деревни, его любили.

... Всякий раз, прощаясь с Петербургом, я обходил памятные с курсантских времён места. С годами это стало своего рода традицией.

Перенасыщенный транспортом Загородный проспект, шелест иномарок, троллейбусов, лишь изредка со скрежетом выкатывал трамвай, возвращая утраченное время. Дальше – сумрачное здание Военно-медицинского музея, где в разделе “Врачи-писатели” некогда экспонировались мои книги, часы, подаренные главкомом, и трубка. Как же писатель без трубки? За тусклыми, давно не мытыми стёклами окон музея – темень. Ремонт, а может, музей и вовсе закрыли. В скверике перед музеем всё также бегали и кричали дети. Слева выглянула выкрашенная в салатный цвет башенка бывшей Обуховской больницы – в башенке шестая аудитория. Как там сладко спалось после ночного патрулирования. Руслан Годинов носил в чемоданчике резиновую надувную подушку с чехлом, на котором было вышито “С добрым утром”. В шестой аудитории я стал вести дневник, который помог мне вернуться в курсантские годы. Введенский канал давно засыпали. Но там, где он нёс свои мутные воды в Фонтанку, недовольно бугрится асфальт. А старые тополя остались, цел и высоченный жёлтый забор, через который ухитрились перелезть томимые любовной страстью самовольщики, а над зданием, где помещалась кафедра физики, всё так же торчала закопчённая труба, на которую на спор залез курсант, а ныне профессор психологии Толя Соловьев. Принцевский корпус грустно глянул на меня мёртвыми окнами, он одряхлел, покрылся морщинами и напоминал старушку, сидящую на скамейке у загаженного подъезда. Клинический корпус давно построили, на фасаде прикрепили мраморные таблички с именами выдающихся учёных. Я поискал глазами клумбу с якорем, куда ронял бескозырку, когда целовал Валю, и не нашел. А навстречу мне по набережной Фонтанки шли длинноногие, сказочной красоты студентки, и я для них уже был представителем иного мира. Монстром ушедшей эпохи. Да, всё проходит...

– Прощай, Рузовка!

*К 110-летию со дня рождения выдающегося американского писателя,
лауреата Нобелевской премии Джона Стейнбека*

ГЕРОИ И РЕПТИЛИИ

Предисловие к публикации Джона Стейнбека

I

Каждый раз, когда наступает очередная годовщина Великой Победы, наша мазохистская идеологическая индустрия стряпает на государственные деньги какой-нибудь “штрафбат”, или “последний бой майора Пугачёва”, или сериалы о зверствах “Смерша”, о несчастной судьбе маршала Жукова, или кинобылину о мучениях Вольфа Мессинга. Почти во всех этих эпопеях, мелодрамах и сагах советские люди изображены жертвами режима, “совками” и винтиками бесчеловечного тоталитарного механизма. И поневоле закручинишься: пройдёт ещё какое-то время, и когда уйдут из жизни последние ветераны, а за ними свидетели эпохи — “дети войны”, то некому будет ни пристыдить, ни высмеять фальсификаторов истории — всяческих сванидзе, пимановых, пивоваровых... Их усилиями создана такая антирусская атмосфера в нашей публичной исторической науке, что нынешние потомки нацистов, заседающие в европейских законодательных верхах, решились уравнивать советский и нацистский режимы, лукаво забыв о том, что их отцы и деды в составе коричневой общеевропейской орды топтали нашу землю и убивали её сыновей и дочерей.

И тем не менее, всегда и во все времена на Западе жили и мыслили люди таланта и чести, о которых в эти майские победные дни я хочу вспомнить. В первую очередь — это блистательная когорта американских писателей, возмужавших после I мировой войны в эпоху становления Советской России и Великой американской и мировой депрессии. Их имена навечно вписаны в историю западной цивилизации. Осуждение ими хищного и бездушного капитализма, обрушившего мировую жизнь в хаос 30-х годов и в пламя II мировой войны — было близким и понятным читателям Страны Советов. Знаменитые романы — “Американская трагедия” Драйзера, “Гроздь гнева” Стейнбека, “Домой возврата нет” Томаса Вульфа, “Великий Гетсби” Фитцджеральда, “По ком звонит колокол” Хэмингуэя, “Шум и ярость” Фолкнера (трое из великолепной шестёрки — нобелевские лауреаты!) были наполнены социальным пафосом, любовью к маленькому человеку из простонародья, живущему в американской глубинке, неприятием звериных законов рыночной антихристианской конкуренции, насаждаемой протестантским эгоизмом. Их благотворная власть над человеческими душами длилась в американском обществе целое поколение — до 60–70-х годов, до поры, когда новые идеологи американского общества приняли окончательное решение загнать историю в новые кровавые тупики. И недаром у себя на родине в США финансовая и бюрократическая элита, осознавшая опасность, исходившую от великих сыновей Америки, сделала в эпоху Рейгана всё, чтобы на смену реалистам и пророкам пришла массовая культура, пришли голливудские мифы с их “оскарами”, пришли телевизионные шоу и блокбастеры, пришла, по выражению Макклюэна, нечитающая “деревня”, припавшая к голубым экранам. Все идеологические, финансовые и административные рычаги американского истеблишмента стали работать на историческое забвение простых американцев реалистического, трезвого и бесстрашного понимания жизни, которое формировали

произведения их классиков XX века, учившихся понимать душу человеческую у Толстого, Достоевского, Чехова. С итогами этой “дегуманизации” я сам познакомился в 1990 году во время посещения Америки.

Один из этой когорты, Джон Стейнбек, для создания книги о послевоенной жизни в СССР приехал в Москву в 1947 году, через год после Фултонской речи Черчилля, которая стала, по сути, объявлением Советскому Союзу холодной войны. Сразу же после речи Черчилля в Фултоне состоялось совещание промышленных магнатов США, словно бы ждавших своего часа. Они как с цепи сорвались. Вот выдержки из их резолюции: *“Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в наглости, предательстве и терроризме”*. Чтобы поставить победительницу европейского фашизма на место, это совещание расистов призвало разместить свои атомные бомбы *“во всех регионах мира и безо всяких колебаний сбрасывать их везде, где это целесообразно”*. И это было сказано о союзниках, которые лишь полтора годами раньше спасали англо-американские войска от разгрома в Арденнах, когда тот же Черчилль униженно попросил Сталина организовать “крупное русское наступление на фронте Вислы”, чтобы немцы перебросили часть своих войск из Франции на Восточный фронт. Сталин выполнил просьбу Черчилля и спас союзников от позора и поражения. Стейнбек, наверное, не знал сталинского ответа Черчиллю, опубликованного через неделю после Фултонской речи 14 марта 1946 г. в газете “Правда”.

“По сути господин Черчилль и его друзья в Англии и США предьявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке, — в противном случае неизбежна война <...> но нации проливали кровь в течение 5 лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей”.

Стейнбек, зная о крутом повороте англо-американской элиты по отношению к вчерашнему союзнику, тем не менее после двухмесячного пребывания в Советском Союзе, после посещения разорённой Украины и Сталинграда, после поездки в Грузию и пребывания в Москве создал книгу “Русский дневник”, в которой с глубочайшим уважением, пониманием и даже с любовью изобразил советских людей, восхитился их самоотверженностью, выносливостью, верой в будущее своей страны, оценил их гостеприимство, дружелюбие и добросердечие, высокое простодушие и чувство собственного достоинства.

Он ничего не приукрасил в этой книге, но ничего и не очернил. Он был верен своему таланту, своему пониманию высокой миссии честного писателя, своему пристрастию к простонародью, которое вершит историю. Конечно, эта книга была поперёк горла и американскому истеблишменту, и Трумэну, и Черчиллю, но Стейнбек писал её не по социальному заказу, а следуя великому толстовскому завету, который предшествовал одному из рассказов Толстого о севастопольской обороне: *“Герой, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизводить во всей красе его, и который есть и будет прекрасен, — правда”*.

II

Когда я перечитывал “Русский дневник”, то наткнулся в своей библиотеке на книгу с длинным заголовком: “Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне”, изданную к 40-летию нашей победы. Эта книга чрезвычайно помогла мне войти в атмосферу героического и трагического времени, когда складывались непротые отношения Советского Союза (“Советской России”) с миром западных демократий. Англоамериканский Запад вкупе с эмигрантами из оккупированной гитлеровцами Европы с замиранием сердца следил за событиями на Восточном фронте. В течение всей войны каждая наша великая выигранная битва — Московская, Сталинградская, Курская, и победы поменьше — освобождение Минска, Варшавы, Будапешта, Бухареста, Вены — сопровождалось в западной прессе и в телеграммах, летящих в Москву, бурями восторгов, поздравлений, выступлений официальных лиц — в первую очередь Рузвельта, Черчилля, де Голля, Эйзенхауэра и всяческих ВИП-персон:

королей и королев, великих герцогинь и принцев, президентов и премьеров европейских стран, сидевших с конца 30-х годов в лондонской эмиграции и с нетерпением ожидавших, когда же советские войска разгромят этих тевтонских гуннов, чтобы им вернуться в свои столицы, дворцы и на свои троны.

В книге множество отрывков из приветствий и поздравлений Уинстона Черчилля руководству СССР и советскому народу в связи с победами на фронтах, но мы не будем цитировать их, зная, что меньше чем через год после окончательной капитуляции рейха тот же Черчилль объявит нашей стране “холодную войну”. Трудно верить в искренность его красноречивых восторгов. Он скорее поступал как государственный деятель, знающий, что у Великобритании никогда “нет постоянных друзей”, но есть “постоянные интересы”. Искренность Франклина Рузвельта была более естественной и человеческой:

“Я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берёт свои истоки и от которого она получает своих мужчин, женщин и снабжение.

Русский народ отдаёт все свои силы войне и приносит высшие жертвы”.

“Русские оказались способными отступить, не потерпев крушения, они эвакуировали большую часть своих промышленных предприятий на Восток <...> Мир не видел большей самоотверженности, чем та, которая была проявлена русским народом и его армией под командованием маршала Иосифа Сталина”. (1943 г.)

Но кроме официальных поздравлений книга переполнена изъяслением чувств “всемирного гражданского общества”, если говорить сегодняшним языком. Выдержки из газет, вышедших на всех материках Земли, восторги по поводу побед Красной Армии, которыми восхищались профсоюзы и религиозные землячества, коллективы шахтёров и студентов, политические партии и национальные общины... И всё это изобилие чувств – стихийное и отнюдь не организованное никакими спецслужбами, никакими просоветскими элементами... Не до того было...

В отличие от политиков черчиллевского склада, творческая и научная интеллигенция всех крупнейших стран мира, в первую очередь англоамериканских и европейских, затаив дыхание, ждала нашей победы. Вместе с Джоном Стейнбеком этой верой жили все известные писатели Америки и Европы. Эптон Синклер и Шон О’Кейси, Томас Манн и Бернارد Шоу, Лион Фейхтвангер и Жан-Ришар Блок оставили в этой уникальной книге слова благодарности русскому народу, его армии, советскому правительству и лично маршалу Иосифу Сталину. В те роковые времена им было ясно, что кремлёвская власть и каждый советский человек живут одной волей и одной верой в победу.

Теодор Драйзер:

“С 1917 года я следил за социальным строительством России и всегда был убеждён в том, что, как говорит Макарур, “надежды цивилизации в настоящее время покоятся на достойных знамёнах мужественной Красной Армии”, а также на разуме, природной гуманности и социальном благородстве русского народа”.
(“Правда”, 1942 г. 23.06.)

Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон:

“Судьбы человечества поставлены на карту в этой великой битве. На одной стороне свет и прогресс, на другой – мрак, реакция, рабство и смерть. Россия, отстаивая свою социалистическую свободу, борется в то же время за нашу свободу. Защищая Москву, они защищают Лондон”.
(“Советская мощь”, Лондон. 1943 г.)

Испанский писатель Х. Бергамин:

“Ваша война много грандиозней и страшней, чем та, которую мы вели в Испании. Но зато среди вас нет изменников, как это было у нас, которые предали бы родину врагу”.

(Из письма, адресованного А. Толстому, М. Шолохову, И. Эренбургу. Июль 1941 г.)

Американский писатель Эрнст Колдуэлл:

“Русские не рассчитывали, чтобы кто-то за них воевал. Они сами с полной силой сражались за победу. Они вели эту тяжёлую борьбу, не ожидая какой-либо помощи от Англии и Америки. А то количество материалов, которое посылали Англия и Америка, были что капля в море для фронта протяжением в 1500 миль”.

(“Напролом по дороге к Смоленску”, 1941–42 гг.)

Американский учёный У. Кеннан:

“Стоит припомнить, что во время войны в Испании Россия была единственной европейской державой, выполнившей международный договор о помощи законному демократическому правительству, в отличие от Франции, Англии и Соединённых Штатов, отказавших ему в поддержке” (май 1942).

Посол США в СССР в 1936–1938 гг. Дж. Дэвис:

“Я полагаю, что честные люди мира не могут испытывать ничего другого, кроме благодарности, к Советскому Союзу и советским людям, которые умирают, чтобы предотвратить в мире инквизицию носителей “мирового порядка” (1942 г.).

Лауреат Нобелевской премии учёный-физик А. Хилл (Англия):

“Стойкость и мужество народов Советского Союза, действенность, с которыми они мобилизовали все свои ресурсы для того, чтобы отразить Германское нападение, явились убедительным доказательством советской системы и ценности того, что может быть достигнуто в сравнительно короткое время с помощью энергичного и мудрого государственного планирования” (1942 г.)

Американский писатель Эрнст Хэмингуэй:

“Вы спасли мир от вероломства в 1942 году, оказываете сопротивление одни, почти без помощи”.

(Из приветствия советскому народу по случаю Нового 1943 года.)

Немецкий писатель антифашист Томас Манн:

“Победоносная защита Сталинграда является одним из подвигов, о которых история всегда будет рассказывать с величайшим благоговением” (январь 1943 г.).

А как убедительно, честно и благородно восхищались Советским Союзом и его вождями, Красной армией и её полководцами и русским народом лучшие сыны мирового еврейства той эпохи!

“Каждая победа, каждый великий подвиг Красной Армии не только разрушает часть военной машины варваров, но сокрушает чудовищную крепость предрассудков, которую создаёт против Советского Союза злоба и зависть во всём мире”.

(Л. Фейхтвангер, 1942 г.)

“Слушайте, парижане! Первых трёх дивизий, которые вторглись в Париж в июне 1940 года, больше не существует! Они уничтожены под Сталинградом: русские отомстили за Париж! Русские отомстят за Францию!”

(Из обращения писателя Жана-Ришара Блока к французскому народу о победе советских войск под Сталинградом 1943 г.)

“С величайшим восхищением и уважением я шлю искренние поздравления к XXV годовщине Красной Армии и Флота, которые столь мужественно защитили удивительные достижения советской цивилизации и уничтожили смертельную угрозу будущему развитию человеческого прогресса”.

(А. Эйнштейн, февраль 1942 г.)

“Я не знаю, что такое коммунизм, но если он создаёт людей, подобных тем, что сражаются на русском фронте, мы должны уважать его. Настало время отбросить всякую клевету, потому что они отдают свою жизнь и кровь за то, чтобы мы могли жить. Нам следовало бы отдать не только наши деньги, но и всю духовную способность к дружбе, которой мы обладаем, чтобы помочь им <...> Россия, ты завоевала восхищение всего мира. Русские, будущее – ваше”.

(Чарли Чаплин, 1943 г.)

Как злободневно звучат слова великого сына Америки Чарли Чаплина, имя которого занимает почётное место в книге “Знаменитые евреи” (М., 1997 г.), о том, что “настало время отбросить всякую клевету” о Советском Союзе, о Великой Отечественной войне, о нашем героическом народе!

Но ведь клеветают же российские соплеменники великого артиста, да так бесстыдно, что его кости, наверное, в гробу переворачиваются. Вспомним хотя бы телепередачу М. Швыдкого, названную “**Русский фашизм страшнее немецкого?**”; вспомним А. Гербер, разглагольствовавшую на радио “Свобода” о том, что советским евреям было “**плохо жить в фашистской стране**”, “**им здесь жить не давали**”, что у нас “**в стране был фашизм**”; вспомним не-

кого правозащитника Подрабиника, утверждавшего, что настоящие герои войны — это “оуновцы”, “бандеровцы”, “лесные прибалтийские братья”; вспомним Новодворскую — “9 мая — история дедов и отцов, чужая история”...

Но даже эти всплески патологической ненависти к своей отчизне кажутся цветочками по сравнению с фонтаном сатанинской русофобии, который выплеснулся в стихотворении И. Ратушинской, опубликованном в русскоязычной газете “Форум” (2.3.2011 г.), издающейся в Нью-Йорке.

У, РОДИНА!

*Историческая уродина,
Заскорузлая да посконная,
Кисло-горькая ты смородина,
От которой вся жизнь — оскомины!
Мутно-грязная, душно-зяблая,
Безнадёжная, бездорожная,
Расползалась квашнёю дряблою,
Отравляла гордыней ложною.*

*На свободных всегда озлоблена,
Язвы выпячены, не лечены...
Сколько жизней тобой угроблено!
Сколько душ тобой искалечено!
Родовое моё проклятие,
Не дождёшься за эти шалости
Ты не то что любви-симпатии,
А и самой брезгливой жалости.*

*Что любить здесь? На что надеяться?
Тошнотворная да кровавая,
Ты не мать и не красна девица,
Ты — чудовище многоглавое.
Сверху головы нагло скалятся,
Снизу — рабски привыкли кланяться,
Верх — срубить бы да не печалиться,
Но ведь низ — всё равно останется!*

*Не изменится, не исправится,
Новый верх из него проклянется,
И вчерашнему быдлу здравица
Умилённой слюною сплюнется.
Вновь, пустыми глазами лупая,
Зверь спасителем пообедает...
Нет, спасти тебя — дело глупое,
От тебя спасти — вот что следует!
Все последние шансы — пройдены.
Хватит этой больной романтики...
Я смываю ошмётки родины
В бирюзовой воде Атлантики.*

В этом стихотворении проклиняется не режим, не власть, не Кремль, не конституция, не Сталин и не Путин, а наше всё, вся история России и весь её народ — “историческая уродина”, “чудовище многоглавое” и “быдло”, причём проклиняется от имени всех соплеменников автора — “родовое моё проклятие”...

Особенно невыносима для нашей фурии способность народа возрождаться после поражений и катастроф:

*Верх — срубить бы да не печалиться,
Но ведь низ — всё равно останется!
Не изменится, не исправится,*

*Новый верх из него проклянется,
И вчерашнему быдлу здравица
Умилённой слюною сплюнется.*

Какое отчаяние! “Верх” – то есть русскую национальную власть – в революционные времена “срубили”, но народ (“низ”) всё равно возродил её в сталинскую эпоху во время “большого террора” и Великой Отечественной войны. Об этой способности русского народа “выращивать голову” проницательно писал в 1929 году Василий Витальевич Шувльгин в книге “Что нам в них не нравится?": “Народы – это такой вид жизни, что у них головы отрастают. И отрубленная у русского народа голова вырастет”. “Как же тут не впасть в истерику... Больше того, в душе русскоязычной рифмоплётки живёт страх, что и в наше время может случиться нечто подобное, что из народного низа “проклянется” “новый верх”. А строчка “и вчерашнему быдлу здравица умилённой слюною сплюнется” – конечно же, судорожный плевок в далёкую историю, в 1945 год, в день, когда Иосиф Сталин произнёс “здравицу” в честь русского народа и поблагодарил его за мужество, ясный ум, стойкий характер и терпение.

Я не буду говорить о тотальном косноязычии этого “романтического” текста, потому что он подлежит внимательному разбору не литературоведа, а опытного психиатра. Добавлю лишь то, что особи, питающие себя столь изощрённой ненавистью, подрывают не только собственное здоровье, но опасны и для государства, и даже для гражданского общества. Ратушинская имеет двойное американско-российское гражданство. Может быть, посчитать это стихотворенье ходатайством об освобождении “дочки” от тяжких уз гражданства российского? Тем более что “ошмётки родины” она уже “смыла” “в бирюзовой воде Атлантики”. Удачный образ, если вспомнить, что кожу меняют змеи.

Но что делать – насильно мил не будешь. Надо пойти ей навстречу, освободить измученную рептилию от постылого гражданства, а “родину-уродину” за все её безобразия лишить прав материнства по отношению к “романтическому” существу. И никаких статей вроде пресловутой 282-й “за разжигание межнациональной розни” к ней не применять, а просто выблывать её в Атлантику возле американского берега, пускай там отмывается... Правда, Америку жаль. Жаль, что вместо её родных и приёмных сыновей, любивших “уродину Россию”, – Теодора Драйзера и Томаса Манна, Эрнеста Хэмингуэя и Альберта Эйнштейна, Чарли Чаплина и Сергея Рахманинова, на её берега из Атлантики выползают вот такие шипящие земноводные.

Впрочем, пора плюнуть на них “умилённой слюною” и прочесть избранные страницы из “Русского дневника”, написанного рукой настоящего, коренного сына Америки Джона Стейнбека.

Станислав КУНЯЕВ

ДЖОН СТЕЙНБЕК

РУССКИЙ ДНЕВНИК

I. МОСКВА

* * *

Я был здесь всего несколько дней в 1936 году, и перемены с тех пор произошли огромные. Во-первых, город стал гораздо чище, чем тогда. Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет грандиозно вырос-

ло строительство. Сотни высоких новых жилых домов и новые мосты через Москву-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения.

Повсюду заметны следы бомбёжки, но разрушения незначительные. По-видимому, немецким самолётам не очень удавалось прорываться к Москве. Некоторые корреспонденты, которые работали здесь во время войны, рассказывали нам, что противовоздушная оборона была настолько эффективной, а истребители так многочисленны, что после нескольких воздушных боёв немцы, понеся большие потери, практически оставили попытки воздушных налётов на Москву. Но несколько бомб всё же было сброшено: одна попала в Кремль, несколько других – на окраины. К этому времени “люфтваффе” изрядно потрепали над Лондоном, и немцы уже не хотели жертвовать большим количеством самолётов, чтобы бомбить хорошо защищённый город.

Мы заметили также, что город приводят в порядок. Все дома стояли в лесах. Их заново красили, кое-где ремонтировали, ведь через несколько недель город справлял своё 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. А через несколько месяцев после этого наступала 30-я годовщина Октябрьской революции.

Электрики развешивали гирлянды лампочек на зданиях, на Кремле, на мостах. Работа не останавливалась вечером, она продолжалась ночью при свете прожекторов; город прихорашивался, приводился в порядок: ведь это будет первый послевоенный юбилей за многие годы.

Но, несмотря на предпраздничную суматоху, люди на улицах выглядели усталыми. Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была хоть и опрятной, но не очень нарядной. Большинство мужчин носили военную форму, хотя они уже не служили в армии. Их демобилизовали, и форма была единственной одеждой, которую они имели. Форма была без знаков различия и погон.

* * *

Нам кажется, что одним из самых глубоких различий между русскими и американцами является отношение к своим правительствам. Русских учат, воспитывают и поощряют в том, чтобы они верили, что их правительство хорошее, что оно во всём безупречно, что их обязанность – помогать ему двигаться вперёд и поддерживать во всех отношениях. С другой стороны, американцы и англичане остро чувствуют, что любое правительство в какой-то мере опасно, что правительство должно играть в обществе как можно меньшую роль и что любое усиление власти правительства – плохо, что за существующим правительством надо постоянно следить, следить и критиковать, чтобы оно всегда было деятельным и решительным. Позже, когда мы сидели за столом с крестьянами, они спросили нас, как действует правительство, и мы постарались объяснить, что мы очень боимся, если власть будет сосредоточена в руках одного человека или одной группы людей, что наше правительство живёт компромиссами, предназначенными для того, чтобы власть не перешла в руки одного человека. Мы старались объяснить, что люди, стоящие во главе нашего правительства, и те, кто в это правительство входит, так боятся чьей-то власти, что охотнее скинут хорошего лидера, чем допустят прецедент единовластия.

* * *

На следующий день мы поехали на воздушный парад. Хотя это не считалось военным торжеством, всё-таки проводили его Советские Военно-Воздушные Силы. В Советской Армии у каждого рода войск свой праздник. Есть День танкиста, День пехоты, День военно-морского флота и День авиации...

Наши места находились на трибуне, и это, конечно, было ошибкой. Нам надо было быть на зелёном поле, откуда буквально миллионы людей наблюдали за воздушным парадом. День был жаркий, а от солнца некуда было укрыться. На ровном зелёном поле стояли палатки, в которых продавали прох-

ладительные напитки и пирожки. Когда мы заняли свои места, вдруг послышался гул, который перерос в настоящий рёв: все, кто стоял на поле, приветствовали Сталина, который только что приехал. Нам не было его видно, потому что мы сидели на другой стороне трибуны. Его появление было встречено не приветствиями, а гулом, как в гигантском улье.

Праздник начался почти мгновенно. Его начали гражданские лётчики – с заводов, из авиаклубов, женских организаций. Самолёты летели звеньями, сложными звеньями и делали это прекрасно. Самолёты следовали цепочкой за ведущим, делали “мёртвые петли”, повороты, пикировали один за другим.

Потом появились военные самолёты, летящие в спарке, тройками, пятёрками, семёрками, крыло к крылу, как одна большая машина. Это был превосходный полёт, но не то, ради чего пришли люди. Они пришли, чтобы увидеть новые типы самолётов, реактивные машины. Наконец они появились. Некоторые из них взлетали почти перпендикулярно, на огромной скорости, оставляя за собой на небе белые следы. И вот наконец показались реактивные самолёты. Не знаю зачем, может, из-за иностранных обозревателей, самолёты пронесли на высоте трёхсот футов над землёй, и к тому времени, как мы услышали звук, сами самолёты уже исчезли из поля зрения. Показали три или четыре новые модели самолётов. У нас не сложилось ни малейшего представления, чем они отличаются от других реактивных самолётов, нам они показались очень быстрыми. За весь парад пролетело всего два больших самолёта, скорее всего это были бомбардировщики.

Затем нам показали воздушный бой. Появились самолёты “противника”, навстречу поднялись самолёты-защитники, а с земли, откуда-то издалека, доносился рёв и были видны вспышки батарей ПВО, и всё поле вздрагивало от раскатов. Это было очень зрелищно, время от времени какой-нибудь самолёт выпускал облако чёрного дыма и огня, штопором летел к земле, и за холмом вспыхивало пламя кальция, создающее иллюзию взрыва. Это было по-настоящему захватывающее зрелище.

Конец праздника был очень эффектным. К полю подлетела большая группа транспортных самолётов, и один за другим над полем стали появляться парашютисты. В воздухе находилось по меньшей мере около пятисот человек с красными, зелёными и синими парашютами. Солнце делало их похожими на небесные цветы. Они летели к полю и прямо перед тем, как приземлиться, выпускали ещё один парашют, поэтому никто не падал и не спотыкался, все приземлялись на обе ноги.

К этому празднику готовились, наверное, много недель, время было рассчитано очень точно, никаких задержек. Одно действие следовало сразу же за другим. Когда всё кончилось, толпа опять загудела и сотни тысяч людей захопала. Уезжал Сталин, а мы его так и не увидели.

* * *

Продовольственные магазины в Москве очень большие; как и рестораны, они делятся на два вида: те, в которых продукты можно приобрести по карточкам, и коммерческие магазины, также управляемые государством, где можно купить практически любую еду, но по очень высоким ценам. Консервы сложены горами, шампанское и грузинские вина стоят пирамидами. Мы видели продукты, которые могли бы быть и американскими. Здесь были банки с крабами, на которых стояли японские торговые марки. Были немецкие продукты. И здесь же лежали роскошные продукты Советского Союза: большие банки с икрой, горы колбас с Украины, сыры. Рыба и даже дичь – дикие утки, вальдшнепы, дрофы, кролики, зайцы, маленькие птички и белая птица, похожая на белую куропатку. И различные копчёности.

Но всё это были деликатесы. Для простого русского главным было, сколько стоит хлеб и сколько его дают, а также цены на капусту и картошку. В хороший год, в такой, как мы попали, цены на хлеб, капусту и картофель упали, а это показатель успехов или хорошего урожая.

На витринах продовольственных коммерческих магазинов и тех, в которых действуют карточки, выставлены муляжи того, что можно купить внутри. На витринах лежит ветчина из воска, бекон и колбаса, восковые куски говядины и даже восковые банки с икрой.

Мы прошли в соседний универсальный магазин, где продаётся одежда, обувь, чулки, костюмы и платья. Качество и пошив одежды оставляли желать лучшего. В Советском Союзе существует принцип производить товары первой необходимости, пока они нужны, и не выпускать предметы роскоши, пока товары первой необходимости пользуются спросом. Здесь были набивные платья, шерстяные костюмы, а цены показались нам слишком высокими. Но не хотелось бы обобщать: даже за то короткое время, что мы были в Советском Союзе, **цены снизились, а качество вроде стало лучше**. Нам показало, что то, что верно сегодня, назавтра может оказаться неверным.

Мы ходили в комиссионные магазины, где продаются подержанные товары. Это специализированные магазины. В одних продаются фарфор и люстры, в других – ювелирные изделия, в основном старинные вещи, поскольку в настоящее время выпускается очень немного ювелирных украшений: гранаты и изумруды, серьги, кольца и браслеты. Есть ещё магазин, который торгует фотооборудованием и камерами, в основном немецкими камерами, которые привезли с войны. В четвёртом продают ношенные вещи и обувь. Есть магазины, где можно купить полудрагоценные камни с Урала – бериллы, топазы, аквамарины.

II. УКРАИНА

* * *

Наверное, когда-то город был очень красив. Он намного старше Москвы. Это – мать русских городов. Расположенный на холме у Днепра, Киев прославлен вниз, в долину. Некоторые из его монастырей, крепостей и церквей построены в XI веке. Некогда это было любимое место отдыха царей, и здесь находились их летние дворцы. Его общественные здания были известны по всей России. Киев был центром религии. А сейчас Киев почти весь в руинах. Здесь немцы показали, на что они способны. Все учреждения, все библиотеки, все театры, даже цирк – всё разрушено, и не орудийным огнём, не в сражении, а огнём и взрывчаткой. Университет сожжён и разрушен, школы в руинах. Это было не сражение, а безумное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые были построены за последнюю тысячу лет. Здесь хорошо поработала немецкая “культура”. Одна из маленьких побед справедливости заключается в том, что немецкие военнопленные помогают расчищать эти руины.

* * *

В гостинице “Интурист” украинские хозяева устроили нам превосходный обед. На обед подали спелые помидоры и огурцы, мелкую солёную рыбёшку, чёрную икру и водку. Мы ели жареную днепровскую рыбу и прекрасно приготовленные бифштексы с украинской зеленью. Мы пили грузинское вино, а украинские колбасы были великолепны.

Эти люди были настроены весьма дружелюбно. За обедом они, веселясь, рассказали нам об американце, который приехал в Киев в составе делегации какого-то международного комитета. По приезде в Америку этот человек написал серию статей и книгу об Украине. А развеселило их то, что этот американец мало что узнал об Украине. Они рассказали, что он очень редко выходил из своего номера, ничего не видел и с таким же успехом мог написать свою книгу, не покидая Америки. Эти украинцы утверждали, что в книге много неточностей и что его начальник прислал письмо, в котором это признал. Но больше всего их беспокоило то, что этому человеку, которого теперь считают специалистом по Украине, поверят в Америке. Они рассказали со смехом, как однажды вечером с улицы у гостиницы, где американец ужинал, донёсся громкий автомобильный выхлоп. Американец сильно вздрогнул и закричал: “Большевики расстреливают заключённых!” Скорее всего, сказали украинцы, он до сих пор этому верит.

Днём мы гуляли по красивому парку, который выходит на обрыв Днепра. Здесь росли огромные деревья, а на месте эстрадных раковин, сожжённых

немцами, построили уже новые. Среди деревьев виднелись могилы защитников города — зелёные холмики с красными цветами. В парке были маленькие театры и много скамеек.

Далеко внизу река огибает обрыв, а на той стороне реки — песчаный пляж, где загорают и купаются. Вдали равнина и город, полностью разрушенный во время боёв за него, руины, чернота и одиноко стоящие стены. С этого места Красная Армия начала отвоёвывать город у немецких оккупантов.

* * *

В парке играл оркестр, дети сидели на скамейках и слушали. По реке сновали лодки и пароходики, купались люди.

Мы перешли по пешеходному мостику над дорогой и внизу увидели автобусную остановку. Перед автобусом разыгрался скандал с участием женщин, равному которому мы не видели давно. Законы очередей у русских незыблемы. Чтобы попасть в трамвай или автобус, надо встать в очередь. Исключения из этого правила составляют беременные женщины, женщины с детьми, старики и калеки — они могут в очереди не стоять. Так вот, внизу какой-то мужчина прошёл без очереди, возмущённая женщина вцепилась в него, чтобы оттащить его туда, где он стоял раньше. Но тот с каким-то упрямством не уступал и всё-таки пролез в автобус. Но женщина бросилась вслед за ним, вытолкала его из машины и поставила в очередь. Она была в ярости, а те, кто стоял в очереди, подбадривали её, пока она выволакивала мужчину из автобуса и ставила его на место. Это был один из немногих случаев насилия, с которыми мы столкнулись за время всей нашей поездки. А в основном люди относятся друг к другу с невероятным терпением.

У наших хозяев накопилось к нам много вопросов. Они хотели знать об Америке, о её размерах, о её урожаях, о её политике. И мы начали сознавать, что рассказывать об Америке очень сложно. Есть у нас много такого, чего мы не понимаем сами. Мы рассказали о нашей теории правления, где одна часть правительства контролируется другой её частью. Мы постарались объяснить, что очень боимся диктатуры и лидеров, наделённых слишком большой властью, и что наша форма правления такова, что исключает сосредоточение власти в одних руках, а если уж допускает это, то не даёт долго сохранять её. Мы согласились, что наша страна из-за этого медленнее функционирует, зато функционирует надёжнее.

Они спрашивали о заработках, жизненном уровне, образе жизни рабочего человека, есть ли у среднего гражданина автомобиль, в каком доме он живёт, ходят ли в школу его дети и какая это школа.

А потом они стали говорить об атомной бомбе и заявили, что не испытывают страха перед ней. Сталин сказал, что бомбу в войне никогда не используют, и они безоговорочно верят этому заявлению. Один человек сказал, что, даже если её и сбросят, она разрушит одни только города. «А наши города уже разрушены, — сказал он. — А на что ещё она способна? Если на нас нападут, мы будем защищаться, как мы защищались от немцев. Мы будем сражаться в снегу, в лесах и в полях».

Они говорили о войне с волнением: они столько всего пережили. Они спросили:

— Нападут ли на нас Соединённые Штаты? Неужто нашему поколению придётся опять защищать свою страну?

Мы ответили:

— Нет, мы не думаем, что Соединённые Штаты нападут на вас. Мы не знаем. Нам такие вещи не говорят. Но не думаем, что наш народ хочет напасть на кого-то. — И мы спросили у них, с чего они взяли, что мы можем напасть на Россию.

Что ж, ответили они, мы узнали об этом из ваших газет. Некоторые ваши газеты постоянно пишут о нападении на Россию. А кое-какие призывают к так называемой превентивной войне. Но известно, сказали они, превентивная война такая же, как и любая другая. Мы ответили, что газеты, которые они называют, и те обозреватели, которые пишут только о войне, не являются настоящими представителями американского народа. Мы не думаем, что американский народ хочет войны с кем бы то ни было.

И тут всплыл старый-старый вопрос, который возникает всегда: “Почему же тогда ваше правительство не контролирует газеты и журналистов, которые призывают к войне?” И нам снова приходилось объяснять, как и много раз до этого, что мы не считаем, что нашу прессу нужно контролировать, и думаем, что побеждает, как правило, правда, а контроль просто загоняет всё плохое вглубь. У нас считают так: пусть наговорятся и напишутся публично, это лучше, чем если они тайно, в ночи, будут распространять свою отраву.

Перед тем как заснуть, мы немного поговорили. Если между Советским Союзом и Соединёнными Штатами разразится война, эти люди будут считать злодеями нас, американцев. Пропаганда ли тому причиной, или страх, или что другое – винить в случае войны они будут нас. Речь всегда идёт о вторжении в их страну, и они очень боятся этого, потому что через это прошли. Снова и снова спрашивают: “Соединённые Штаты нападут на нашу страну? Неужели вы пошлётё бомбардировщики, чтобы причинить нам ещё больший вред?” Но они никогда не говорят: “Мы пошлём свои бомбардировщики” или “Мы вторгнемся в Америку”.

* * *

Я смотрел на женщин, которые шли по улице, как танцовщицы. У них лёгкая походка и красивая осанка. Многие из них прелестны. Местное население часто страдало из-за того, что украинская земля так богата и плодородна, множество захватчиков тянулось к ней. Представьте себе территорию Соединённых Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса, и получится приблизительно район Украины, подвергшийся разорению. Вы можете представить себе людские потери, которые понесла Украина: шесть миллионов человек, не считая солдат, т. е. 15% населения.

Если считать и солдат, то жертв, конечно, ещё больше, но на Украине было убито шесть миллионов из сорока пяти миллионов гражданского населения. Здесь есть шахты, которые никогда не откроют снова, потому что немцы сбросили туда тысячи людей. Всё промышленное оборудование на Украине было разрушено или вывезено, и теперь, пока не будет поставлено новое, всё производится вручную. Каждый камень и кирпич разрушенного города надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров. Но пока ведутся восстановительные работы, украинцы должны ещё производить продукты питания, потому что Украина является главной житницей страны.

Они говорят, что в период уборки урожая нет выходных, а теперь как раз время урожая. На фермах не существует ни воскресений, ни отгулов.

Работа, которая им предстоит, грандиозна. Здания, которые надо отстроить заново, сначала необходимо снести. А то, что бульдозер сделал бы за несколько дней, вручную можно расчистить только за недели. Но бульдозера пока нет. Всё необходимо заменить, и сделать это нужно быстро. Мы прошли через разрушенный и уничтоженный центр города. В музее есть планы нового города. Мы все отчётливо сознавали, как жизненно важна для советского народа надежда на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь в белом гипсе была изготовлена модель нового города. Должен вырасти грандиозный, невероятный город классических линий из белого мрамора, с огромными зданиями, колоннами, куполами, арками, гигантскими мемориалами. Гипсовая модель будущего города занимала большую часть одного из залов. Директор музея показывал нам здания. Это будет Дворец Советов, это – музей. Опять, как всегда, музей.

Капа говорит, что музей – это церковь русских. Им нравятся величавые и богато украшенные здания. Они любят чрезмерность. В Москве, где нет никакой надобности в строительстве небоскрёбов, поскольку пространство практически неограниченно и ландшафт этого не требует, они всё-таки планируют строительство высоких зданий в нью-йоркском стиле, хотя в отличие от Нью-Йорка в этом нет надобности. Они возводят свои города медленно, с муравьиной настойчивостью. А пока люди идут мимо руин, мимо разрушенных и разбитых домов; люди – мужчины, женщины и даже дети – идут в музей, чтобы посмотреть на гипсовые города будущего. В России о будущем думают всегда. Об урожае будущего года, об удобствах, которые будут через десять лет, об одежде, которую очень скоро сошьют, Если какой-либо народ и может из надежды извлекать энергию, то это именно русский народ.

В этот день, 9 августа, мы поехали в колхоз имени Шевченко. Потом мы стали называть его “Шевченко-1”, потому что вскоре мы посетили другой колхоз имени Шевченко, названный так в честь любимого украинского национального поэта.

На протяжении нескольких миль дорога была вымощена, потом мы свернули вправо и поехали по разбитой грунтовой дороге. Мы ехали через сосновые леса, по равнине, где шли ожесточённые бои. Повсюду остались их следы. Сосны были истреплены и разбиты пулемётным огнём. Здесь были траншеи и пулемётные гнёзда, даже дороги были разбиты и искромсаны гусеницами танков и изрыты артиллерийскими снарядами. Повсюду лежали ржавые останки военной техники, сожжённые танки и сломанные грузовики. За эту землю сражались, её уступили, но постепенно, сантиметр за сантиметром, её отвоевали у врага.

Колхоз “Шевченко-1” никогда не относился к числу лучших, потому что земли имел не самые хорошие, но до войны это была вполне зажиточная деревня с тремястами шестьдесятю двумя домами, где жило 362 семьи. В общем, дела у них шли хорошо.

После немцев в деревне осталось восемь домов, и даже у этих были сожжены крыши. Людей разбросало, многие из них погибли, мужчины ушли партизанами в леса, и одному Богу известно, как дети сами о себе заботились.

Но после войны народ возвратился в деревню. Вырастали новые дома, а поскольку была уборочная пора, дома строили до работы и после, даже ночами, при свете фонарей. Чтобы построить свои маленькие домики, мужчины и женщины работали вместе. Все строили одинаково: сначала одну комнату и жили в ней, пока не построят другую. Зимой на Украине очень холодно, и дома строятся таким образом: стены складываются из обтёсанных брёвен, закреплённых по углам. К брёвнам прибивается дранка, а на неё для защиты от морозов с внутренней и внешней стороны наносится толстый слой штукатурки.

В доме сени, которые служат кладовой и прихожей одновременно. Отсюда попадаешь в кухню, оштукатуренную и побелённую комнату с кирпичной печкой и подом для стряпни. Сам очаг отстоит на четыре фута от пола, здесь пекут хлеб – плоские тёмные буханки очень вкусного украинского хлеба.

За кухней расположена общая комната с обеденным столом и украшениями на стенах. Это – гостиная с бумажными цветами, иконами и фотографиями убитых. А на стенах – медали солдат из этой семьи. Стены белые, а на окнах – ставни, которые, если закрыть, также защитят от зимнего мороза.

Из этой комнаты можно попасть в спальню – одну или две, в зависимости от размера семьи. Из-за трудностей с постельным бельём кровати у них покрыты чем угодно: ковриками, овечьей шкурой, чем угодно, лишь бы было тепло. Украинцы очень чистоплотны, и в домах у них идеальная чистота.

Нас всегда убеждали, что в колхозах люди живут в бараках. Это неправда. У каждой семьи есть свой дом, сад, цветник, большой огород и пасека. Площадь такого участка – около акра. Поскольку немцы вырубили все фруктовые деревья, были посажены молодые яблони, груши и вишни.

Сначала мы пошли в новое здание сельсовета, где нас встретили председатель, потерявший руку на фронте, бухгалтер, который только что демобилизовался из армии, но носил ещё военную форму, и трое пожилых мужчин. Мы сказали им, что знаем, насколько они заняты во время уборки урожая, но хотели бы сами посмотреть уборочные работы. Когда пришли немцы, в колхозе было семьсот голов крупного рогатого скота, а сейчас всего две сотни животных всех видов. До войны у них было два мощных бензиновых движка, два грузовика, три трактора и две молотилки. А сейчас – один маленький бензиновый движок и одна маленькая молотилка. Трактора нет. Во время пахоты они получили одну машину на близлежащей тракторной станции. Раньше они имели сорок лошадей, осталось только четыре.

Село потеряло на войне пятьдесят человек разного возраста, здесь было много калек и инвалидов. У некоторых детей не было ног, другие потеряли зрение. И село, которое так отчаянно нуждалось в рабочих руках, старалось каждому человеку найти посильную для него работу. Инвалиды, которые хоть

как-то могли работать, получили работу и почувствовали себя нужными, участвуя в жизни колхоза, поэтому неврастеников среди них было немного.

Эти люди не были грустными. Они много смеялись, шутили, пели.

На полях колхоза выращивали пшеницу, просо и кукурузу. Почва была лёгкая, песчаная, поэтому здесь хорошо росли огурцы, картофель, помидоры, было также много мёда и подсолнухов. Здесь очень широко используется подсолнечное масло.

Сначала мы пошли на огороды, где женщины и дети собирали огурцы. Людей поделили на две бригады, и они соревновались, кто больше соберёт овощей. Женщины шли рядами по грядкам, они смеялись, пели и переключались. На них были длинные юбки, блузы и платки, и все были разуты, поскольку обувь пока ещё слишком большая роскошь, чтобы работать в ней в поле. На детях были только штаны, и их маленькие тельца становились коричневыми под лучами летнего солнца. По краям поля в ожидании грузовиков лежали кучи собранных огурцов.

Паренёк по имени Гриша в живописной шляпе из тростника подбежал к матери и закричал с удивлением:

— Эти американцы такие же люди, как и мы!

* * *

Это был весёлый доброжелательный народ, они заставили нас попробовать огурцы и помидоры. Огурцы — очень важный вид овощей. Их солят, и солёные огурцы едят всю зиму. Засаливают также и зелёные помидоры, из которых с приходом снега и морозов делают салаты. Эти овощи, а также капуста и репа — зимние овощи. И хотя женщины смеялись, болтали и заговаривали с нами, они не переставали работать, потому что урожай был хороший — на семьдесят процентов выше, чем в прошлом году. Первый по-настоящему хороший урожай с 1941 года, и они возлагают на него большие надежды.

Потом мы пошли на цветущий луг, на котором стояли сотни ульев и палатка, где жил пасечник. В воздухе слышалось приглушённое жужжание пчёл. К нам быстро зашагал старый бородатый пасечник, чтобы закрыть наши лица сетками от пчёл. Мы надели сетки и спрятали руки в карманы. Пчелы сердито гудели вокруг нас.

Старик-пасечник открыл ульи и показал нам мёд. Он сказал, что работает здесь уже тридцать лет и очень гордится этим. В течение многих лет он работал с пчёлами, но знал в общем о них не много. Но сейчас он стал читать и учиться, и теперь он обладатель огромного сокровища: у него шесть молодых маток. Он сказал, что они из Калифорнии. Из его описания я понял, что это был некий калифорнийский вариант “итальянской чёрной” пчелы. Он сказал, что очень доволен новыми пчёлами. И добавил, что они будут более устойчивыми к морозу, а рабочий сезон увеличится — начнётся раньше, а закончится позже.

Потом он пригласил нас к себе в палатку, спустил полог, нарезал большие куски вкусного ржаного украинского хлеба, намазал мёдом и угостил нас. Снаружи доносилось пчелиное жужжание. Позже старик снова открыл ульи и бесстрашно выгреб оттуда целые пригоршни пчёл, как это делает большинство пчеловодов. Но предупредил нас, чтобы мы не раскрывались, потому что пчёлы не любят незнакомых.

Оттуда мы пошли на поле, где молотили пшеницу. Оборудование было на удивление неподходящее: старый одноцилиндровый бензиновый двигатель, от которого работала старинная молотилка, и воздуходувка, которую надо было крутить вручную. Здесь также не хватало людей. Женщин было намного больше, чем мужчин, а среди мужчин было очень много инвалидов. У механика, который управлял бензиновым двигателем, на одной руке совсем не было пальцев.

Поскольку земля была не очень плодородной, урожай пшеницы получили невысокий. Зерно высыпалось из молотилки на широкое полотно брезента. По краям сидели дети и подбирали каждое зерно, которое, случалось, падало в грязь, — ведь каждое зерно на счету.

Когда мы возвратились из России, чаще всего мы слышали такие слова: “Они вам устроили показуху. Они всё организовали специально для вас. То-го, что есть на самом деле, они вам не показали”. И эти колхозники действительно кое-что устроили для нас. Они устроили то, что устроил бы для гостей любой фермер из Канзаса. Они вели себя так, как ведут себя люди у нас на родине...

И они действительно постарались ради нас. Пришли с поля грязными, сразу вымылись и надели лучшую одежду, а женщины достали из сундуков чистые и свежие платки. Они помыли ноги и обулись, надели свежестырированные юбки и блузы. Девочки собрали цветы, поставили их в бутылки и принесли в светлую гостиную. А из других домов приходили делегации ребятшек со стаканами, тарелками и ложками. Одна женщина принесла банку огурцов особого засола, и со всей деревни присылали бутылки водки. А какой-то мужчина принёс даже бутылку грузинского шампанского, которую он припас Бог знает к какому грандиозному торжеству.

На кухне вовсю хлопотали женщины. В новой белой печи гудел огонь – там пеклись плоские караваи доброго ржаного хлеба, жарилась яичница, кипел борщ. За окном лил дождь, поэтому наша совесть была спокойна – ведь мы не отрывали людей от уборочных работ, во всяком случае во время дождя работать с зерном невозможно.

В одном углу гостиной висела икона Богородицы с младенцем в красивом позолоченном окладе, под пологом из домотканых кружев. Эту икону, а она была очень старой, по всей вероятности, закопали, когда пришли немцы. На стене висела увеличенная и раскрашенная фотография прапрадедушек. Двое сыновей из этой семьи погибли во время войны, их снимки висели на другой стене, – они были сфотографированы в форме и выглядели очень молодо, строго и провинциально.

В комнату вошли мужчины, опрятно одетые, чистые, помытые, побритые и обутые. На работах в поле ботинки не носят. Спасаясь от дождя, в дом прибежали девочки с полными фартуками яблок и груш.

Хозяин – лет пятидесяти, с высокими скулами, светлыми волосами, широко посаженными голубыми глазами на обветренном лице. На нём была гимнастёрка и широкий кожаный ремень, какие носили партизаны. Его лицо было искажено, словно от ранения.

Наконец нас пригласили к столу. Украинский борщ, до того сытный, что им можно было наесться. Яичница с ветчиной, свежие помидоры и огурцы, нарезанный лук и горячие плоские ржаные лепёшки с мёдом, фрукты, колбасы – всё это поставили на стол сразу. Хозяин налил в стаканы водку с перцем – водку, которая настаивалась на перце горошком и переняла его аромат. Потом он позвал к столу жену и двух невесток – вдов его погибших сыновей. Каждой он протянул стакан с водкой.

Мать семейства произнесла тост первой. Она сказала:

– Пусть Бог ниспошлёт вам добро.

И мы все выпили за это. Мы наелись до отвала, и всё было очень вкусно.

Теперь наш хозяин провозгласил тост, который мы уже слышали очень много раз: это был тост за мир во всём мире. Странно, но нам редко удавалось слышать интимные, частные тосты. Чаще звучали тосты за нечто более общее и грандиозное, чем за будущее какого-то отдельного человека. Мы предложили выпить за здоровье членов семьи и процветание колхоза. А крупный мужчина в конце стола встал и выпил за память Франклина Д. Рузвельта.

Мы начали понимать, как относились к памяти Рузвельта во всём мире, и то, как трагически встретили известие о его смерти. Я вспомнил одну историю, когда-то мною услышанную. Когда умер Линкольн, известие о его смерти через неделю пришло даже в Центральную Африку, новость передавали при помощи барабанов, посылали гонцов – то была весть о трагедии мирового масштаба. Совсем неважно, как думают или говорят противники Рузвельта, даже если бы Рузвельт был жив. Действительно, имеет значение то, что его имя во всём мире является символом мудрости, доброты и понимания. Для простых людей мира Рузвельт перестал быть человеком – он стал принципом. А те, кто нападают на него теперь и порочат его память, на самом деле совсем не причиняют вреда его имени, а проявляют себя как под-

лые, жадные, эгоистичные и глупые люди. Имя Рузвельта недостижимо для недалёких умов и грязных рук.

* * *

Директор “Шевченко-2”, бывший известный партизан, и теперь носил военную форму защитного цвета и ремень. У него были голубые глаза и жёсткие складки у рта.

В колхозе жили около тысячи двухсот человек, большинство мужчин погибли. Председатель сказал нам:

– Мы можем восстановить поголовье лошадей, можем даже увеличить его, но наших мужчин не возвратит, а калекам не вернуть ноги и руки...

Колхоз “Шевченко-2” был из числа преуспевающих. Земля здесь плодородная и ровная. Выращивают пшеницу, рожь и кукурузу. Прошлой весной ударили морозы, и часть озимой пшеницы погибла. Люди мгновенно стали готовить почву под кукурузу, чтобы земля не пустовала. А под кукурузу земля здесь очень хорошо подходит. Стебли вырастают до восьми-девяти футов, початки крупные и полные.

Мы пошли на пшеничное поле, где работала масса людей. Поле было очень большое, и повсюду мы видели, как люди убирали пшеницу косами, ведь в колхозе была лишь одна маленькая жатвенная машина и трактор. Поэтому большую часть пшеницы жнут и вяжут вручную. Люди работали неистово. Они смеялись и перекликались, ни на секунду не переставая работать. И не только потому, что соревновались между собой, но и оттого, что впервые за долгое время получили прекрасный урожай и хотели собрать всё зерно: ведь их доход целиком зависит от этого.

Мы отправились в зернохранилище – здесь мешки подсолнечника на масло, рожь и пшеница. Всё распределено: это для государства, это отложено для будущего сева, остальное для колхозников.

Сама деревня расположилась по берегу озера, в котором купаются, стирают, моют лошадей. Голые мальчишки заезжали в озеро верхом на лошадях, чтобы вычистить их. Вокруг озера сосредоточились и общественные заведения – клуб с маленькой сценой, залом и танцплощадкой; мельница и контора, где хранятся сбережения и выдаются письма. В этом же учреждении есть радиоприёмник, репродуктор которого вынесли на крышу. А все домашние громкоговорители деревни подключены к этому основному. Эта деревня электрифицирована, здесь есть фонари и работают моторы.

Дома с садами и огородами стояли на склонах пологих холмов. Деревня была очень красива. Дома недавно побелили известью, зеленели и пышно цвели сады, краснели помидоры на кустах, около домов высилась кукуруза.

Дом, в котором нас должны были принять, находился на самом холме, под нами раскинулась равнина, поля и сады. Дом был, как и все другие, как большинство украинских сельских домиков: с прихожей, кухней, двумя спальнями и гостиной. Дом совсем недавно оштукатурен. Даже полы были отделаны заново. В доме сладко пахло глиной.

Нашим хозяином стал сильный, улыбчивый человек лет пятидесяти пяти – шестидесяти. Его жена, которую он звал Мамочкой, полностью соответствовала своему имени. Эта женщина была настоящей труженицей, в полном смысле слова.

Нас пригласили в гостиную и дали нам отдохнуть. Стены комнаты были побелены с синькой, а на столе стояли бутылки, обёрнутые в розовую бумагу, с бумажными цветами всех оттенков.

Совершенно очевидно, что эта деревня была богаче, чем “Шевченко-1”. Даже икона была больше по размеру и покрыта светло-голубым кружевом в тон стен. Семья была не очень многочисленной, один сын – его сильно увеличенная раскрашенная фотография висела на стене гостиной; о нём они упомянули лишь раз.

Мать сказала:

– Окончил биохимический факультет в 1940 году, призван в армию в 1941-м, убит в 1941-м.

Когда Мамочка сказала это, лицо её очень побледнело; она упомянула о нём лишь раз, а был это её единственный сын.

* * *

Мы считали, что встали рано, хотя вся деревня работала в поле с самого рассвета. Мы пошли в поле, где они жали рожь. Мужчины с длинными косами шли в ряд, оставляя за собой широкие полосы скошенной ржи. За ними шли женщины, которые вязали снопы скрученными из соломы верёвками, а за женщинами шли дети – они подбирали каждый колосок, каждое зёрнышко, чтобы ничего не пропало. Они работали на совесть, ведь время было самое горячее. Капа фотографировал, они смотрели в объектив, улыбались и продолжали работать. Перерывов не было. Этот народ работал так тысячелетиями, потом их труд был ненадолго механизирован, но теперь они опять вынуждены вернуться к ручному труду, пока не будут созданы новые машины.

Мы были на мельнице, где мелют зерно для хлеба, и сходили в контору, где хранятся колхозные бухгалтерские книги.

На краю деревни они строили кирпичный заводик. Местные жители мечтают строить кирпичные дома с черепичной крышей: их беспокоит опасность пожара от возгорания соломы на крыше. Они рады, что у них есть торф и глина, чтобы делать кирпичи. А когда их деревню застроят, они будут продавать кирпич соседям. Заводик будет достроен к зиме, и, когда закончатся полевые работы, они перейдут на завод. Под навесом уже заготовлены горы торфа.

В полдень мы навестили одну семью во время обеда: она состояла из жены, мужа и двоих ребятишек. Посреди стола стояла огромная миска супа из овощей и мяса; у каждого члена семьи была деревянная ложка, которой он черпал суп из миски. И ещё была миска с нарезанными помидорами, большая плоская буханка хлеба и кувшин с молоком.

Потом люди, сидящие за столом, стали говорить о будущем их колхоза. Через год или два его электрифицируют и механизмируют. Очень они гордятся своим колхозом. Скоро, сказали они, привезут новые тракторы, и скоро деревенские жители смогут хорошо питаться и хорошо жить, и им не придётся так ужасно много работать.

– Приезжайте к нам через год, – говорили они, – и посмотрите, как у нас всё переменится. Мы начнём строить кирпичные дома, построим кирпичное здание для клуба, крыши – из черепицы. И жить будет намного легче.

* * *

С рынка нас повели в гигантскую пекарню, где печётся чёрный хлеб для всего города. Прежде чем мы вошли в пекарню, директор надел на нас белые халаты. Часть пекарни разрушена, сейчас её отстраивают и расширяют. Директор рассказал, что, когда город был в осаде, пекарня всё равно продолжала работать и даже тогда, когда на город падали бомбы, печи выдавали хлеб.

Здесь были горы хлеба. Пекарня была полностью механизирована: миксеры, мешалки, печи – всё работало автоматически. Длинные цепочки из буханок чёрного хлеба проходят через печи, складываются в тележки и везутся в город.

Люди очень гордились этой пекарней, и директор спросил нас, есть ли в Америке такие замечательные вещи. И здесь мы опять столкнулись с тем, что нам так часто уже встречалось: русские действительно верят, что это придумали именно они. Они любят автоматические механизмы и мечтают о том, чтобы вся их техника была полностью механизирована. Механизация означает для них свободу и удобство, а также обилие еды и всеобщее богатство. Они любят машины так же, как американцы: вокруг нового автомобиля собирается толпа, люди стоят и глазят на него почти с благоговением.

* * *

Время нашего пребывания в Киеве подходило к концу, и мы готовились к отлёту в Москву. Люди, с которыми мы здесь встретились, были очень гостеприимные, добрые и великодушные и очень нам понравились. Это были умные, очень энергичные, весёлые люди с чувством юмора. На месте руин они

с упорством возводили новые дома, новые заводы, строили новую технику и новую жизнь. И неустанно повторяли:

– Приезжайте к нам через пару лет, и вы увидите, чего мы добьёмся.

III. Сталинград

На центральной площади лежали развалины того, что раньше было большим универмагом, бывшим последним опорным пунктом немцев после окружения. Фон Паулюса захватили именно на этом месте, здесь же и завершилась битва.

На другой стороне улицы находилась отремонтированная гостиница “Интурист”, в которой мы должны были остановиться. Нам дали две большие комнаты. Из наших окон были видны груды обломков, битого кирпича, бетона, измельчённой штукатурки; среди руин росли странные тёмные сорняки, которые обычно появляются в разрушенных местах. За то время, пока мы были в Сталинграде, мы всё больше и больше поразились, какое огромное пространство занимают эти руины, и самое удивительное, что эти руины были обитаемы. Под обломками находились подвалы и щели, в которых жило множество людей. Сталинград был большим городом с жилыми домами и квартирами, сейчас же ничего этого не стало, за исключением новых домов на окраинах, а ведь население города должно где-то жить. И люди живут в подвалах домов, в которых раньше были их квартиры. Мы могли видеть из окон нашей комнаты, как из-за большой груды обломков появлялась девушка, которая шла утром на работу, поправляя расчёской волосы. Девушка, опрятно и чисто одетая, пробиралась через сорняки, направляясь на работу.

Мы не могли себе представить, как им это удавалось. Как они, живя под землёй, умели сохранять чистоту, гордость и женственность. Женщины выходили из своих укрытий и шли на рынок. На голове – белая косынка, в руке – корзинка для продуктов. Всё это было странной и героической пародией на современную жизнь.

Мы хотели увидеть и сфотографировать знаменитый Сталинградский тракторный завод. Именно на этом заводе рабочие продолжали собирать танки под немецким обстрелом. А когда немцы подошли слишком близко, люди отложили свои инструменты и пошли защищать завод, а потом снова принялись за работу.

Здесь, на заводе, который обороняли его рабочие и где эти же рабочие собирали тракторы, можно было ощутить дух русской обороны...

Завод за большими воротами был примечательным местом: пока одна группа рабочих трудилась здесь на сборочной линии, в кузнечном цеху и на прессах, другие в это время восстанавливали руины. Пострадали заводские цеха, большинство из них стояли без крыш, а некоторые были полностью разрушены. И восстановление завода шло одновременно с выпуском тракторов. Мы видели плавильные печи, где в переплавку шли останки немецких танков и орудий. И мы видели металл на прокатном стане. Мы наблюдали за отливкой, штамповкой, шлифовкой и отделкой деталей. И вот наконец с линии съезжали новые тракторы; покрашенные и отполированные, они собирались на стоянке в ожидании вагонов, которые отвезут их на поля. А среди полуразрушенных зданий работали строители, слесари, каменщики и стекольщики, которые восстанавливали завод. Времени ждать, пока завод будет полностью восстановлен, не было.

* * *

Работая над великими планами возрождения Сталинграда, небольшая армия архитекторов не забывает и менее важные объекты: школы, деревни и проекты маленьких домиков. Поскольку город начинают застраивать с окраин, здесь, вдали от центра, тысячами вырастают маленькие дома и жилые здания. А в центре ничего не строят до тех пор, пока не будут утверждены проекты общественных зданий.

Пока мы сидели у архитектора, в кабинет вошёл служащий и спросил, не хотим ли мы посмотреть на подарки, которые прислали в Сталинград со всего

мира. И мы, хотя и были уже сыты музеями по горло, решили, что на этот раз нам необходимо на это взглянуть. Мы вернулись в гостиницу, чтобы немножко отдохнуть, но, как только добрались до своего номера, в дверь постучали. Мы открыли, и в комнату вошла целая вереница мужчин, которые держали какие-то коробки, чемоданы, портфели. Это были подарки сталинградцам. Здесь был красный бархатный щит, украшенный филигранным золотым кружевом, – подарок от императора Эфиопии. Здесь был пергаментный свиток с высокопарными словами от правительства Соединённых Штатов, подписанный Франклином Д. Рузвельтом. Нам показали металлическую тарелку от Шарля де Голля и меч, присланный английским королём городу Сталинграду. Здесь была скатерть, на которой вышиты имена тысячи пятисот женщин одного маленького британского города. Нам принесли все эти вещи в комнату, потому что в Сталинграде ещё нет музея. Нам пришлось просмотреть гигантские папки, где на всевозможных языках были написаны приветствия гражданам Сталинграда от разных правительств, премьер-министров и президентов.

Нас вдруг охватило чувство печали, когда мы увидели все эти подношения от глав правительств, копию средневекового меча, копию старинного щита, несколько фраз, написанных на пергаменте, и множество напыщенных слов, и, когда нас попросили записать что-то в книгу, нам просто нечего было сказать. В книге было много выражений, таких, как “всемирные герои” и “защитники цивилизации”. Слова и подарки походили на гигантские, мускулистые, уродливые и идиотские скульптуры, которые обычно создавались, чтобы отметить какое-то скромное событие. А в эту минуту нам вспоминались только закрытые железными масками лица мужчин, стоящих у печей на тракторном заводе, девушки, выходящие из подземных нор и поправляющие волосы, да маленький мальчик, который каждый вечер приходил навестить своего отца на братскую могилу. И это были не пустые аллегорические фигуры. Это были маленькие люди, на которых напали и которые смогли себя защитить.

Средневековый меч и золотой щит казались абсурдными и подчёркивали некоторую скудость воображения того, кто их подарил. Мир наградил Сталинград фальшивой медалью, в то время как город нуждался, скажем, всего лишь в полдюжине бульдозеров.

Нам показали новые и восстановленные жилые дома для рабочих сталинградских заводов. Нас интересовало, сколько они получают, сколько должны платить за квартиру и еду.

Квартиры маленькие и довольно удобные. Кухня, одна-две спальни и гостиная. Чернорабочие, то есть неквалифицированные рабочие, получают теперь пятьсот рублей в месяц. Рабочие неполной квалификации – тысячу рублей в месяц, а квалифицированные рабочие – две тысячи рублей. Но это ничего не значит, это имеет отношение только к питанию и квартплате, а квартплата по всему Советскому Союзу, если вам, конечно, вообще удастся получить квартиру, неправдоподобно мала. За такие квартиры, включая стоимость газа, электричества и воды, платят двадцать рублей в месяц, что составляет два процента дохода квалифицированного рабочего и четыре процента – от дохода рабочего неполной квалификации. Еда в магазинах стоит очень дешево. На простую еду, которая входит в обыкновенный рацион человека, то есть хлеб, капусту, мясо и рыбу, уходит совсем немного денег.

IV. Грузия

Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра сделан из цветного стекла. Сталин родился в крошечном одноэтажном домике, построенном из оштукатуренных камней, с двумя комнатами и верандой по всему фасаду. И всё же семья Сталина была так бедна, что все теснились в половине дома, в одной комнате. Через дверь протянут шнур, но каждый может заглянуть внутрь, увидеть кровать, небольшой платяной шкаф, маленький стол, самовар, кривую лампу. В этой комнате семья жила, готовила еду и спала. Шатёр из цветного стекла опирается на квадратные золочёные мраморные колонны. Всё это сооружение находится в большом розовом цветнике. За цветником расположен Музей Сталина, где представлено всё, что только можно было найти из предметов, связанных с его детством и юностью:

ранние фотографии, картины, посвящённые эпизодам из его жизни, фотографии, сделанные, когда он был арестован. В то время он был очень красивым парнем с дикими горячими глазами. На стене — огромная карта, где отмечены его перемещения, тюрьмы, где он был заключён, и места его ссылки в Сибири. Здесь же его книги, бумаги и передовые статьи, которые он писал для маленьких газет. Его жизнь была последовательной — с самого начала он повёл линию, которую продолжает по сей день.

Во всей истории нет человека, которого бы так почитали при жизни. В этом отношении можно вспомнить разве что Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шёпотом и ходили на цыпочках. В тот день ответственной по музею была очень хорошенькая молодая девушка, и после прочитанной лекции она пошла в сад, срезала розы и преподнесла каждому из нас по бутону. Все тщательно спрятали цветы, чтобы сберечь их как сокровище в память о святом месте. Нет, во всей истории мы не знаем ничего, что можно было бы с этим сравнить.

Если в какой-нибудь город Америки и приезжает посетитель, то ему показывают Торговую палату, аэродром, новое здание суда, бассейн и арсенал. А приехавшего в Россию ведут в музей и парк культуры и отдыха. Парк культуры и отдыха есть в любом городе, и мы уже привыкли к ним: скамейки, длинные цветочные клумбы, статуи Сталина и Ленина, каменные скульптурные группы в память о боях, которые происходили в городе во времена революции. Отказ посмотреть местный парк культуры и отдыха будет считаться такой же бестактностью, как если бы отказаться посмотреть районы новой застройки в американском городке. Несмотря на то, что мы устали после жуткой тряски в джипе и обгорели на солнце оттого, что у нас не было с собой шляп, нам всё же пришлось идти в парк культуры и отдыха города Гори.

* * *

Поезд спустился к берегу Чёрного моря и шёл параллельно ему. Всё побережье — гигантский летний курорт. Каждый клочок земли занят под большой санаторий или гостиницу, и даже с утра пляжи заполнены купальщиками, ведь это место, куда приезжают отдыхать почти со всего Советского Союза.

Теперь наш поезд, казалось, останавливался через каждые несколько футов. И на всех остановках с поезда сходили люди, которые приехали отдыхать в один из санаториев. Это отдых, к которому стремятся почти все русские рабочие. Это вознаграждение за долгий тяжёлый труд; здесь восстанавливается здоровье раненых и больных. Глядя на пейзаж, на спокойное море и тёплый воздух, мы поняли, почему люди по всей России всё время повторяли нам:

— Подождите, вот увидите Грузию...

Батуми — очень приятный тропический город, город пляжей и гостиниц и важный порт на Чёрном море. Это город парков и затенённых деревьями улиц — ветер с моря не даёт им накалиться.

Днем мы посетили некоторые дома отдыха. Это огромные дворцы среди великолепных садов, и почти все они выходят к морю...

Первый дом, в котором мы были, выглядел как роскошная гостиница. Вверх от пляжа к нему вела большая лестница, он был окружен высокими деревьями, а огромная веранда выходила прямо на море. Дом принадлежал московскому отделению профсоюза электриков, и все, кто здесь остановился, были электриками. Мы заинтересовались, как они смогли сюда приехать, и нам ответили, что на каждом заводе и в каждом цеху существует комитет, в который входят не только рабочие — представители завода, но и заводской врач. Комитет, рассматривающий кандидатуры тех, кому предстоит отпуск, принимает во внимание многие факторы: и длительность работы, и физическое состояние, и степень усталости, и, сверх всего прочего, вознаграждение за работу. Если рабочий перенес болезнь и ему требуется долгий отдых, медчасть заводского комитета направляет его в дом отдыха.

Одна часть этого дома отдыха предназначена для мужчин, другая — для женщин, а третья — для семей, которым на время отпуска предоставляются квартиры. Есть ресторан, игровые комнаты, читальные залы, музыкальные комнаты. В одной игровой комнате люди играли в шахматы и шашки; в другой шел быстрый поединок в пинг-понг. Теннисные корты были заполнены игроками и зрителями, а по лестницам шли вереницы людей, возвращаясь с купания или спускаясь на пляж. Гостиница имела свои лодки и рыболовные снасти. Многие просто сидели на стульях и смотрели на море. Здесь были выздоравливающие после болезни и пострадавшие от несчастных случаев на производстве, которых послали поправиться на теплом воздухе Черного моря. В среднем отпуск длится двадцать восемь дней, но в случае болезни пребывание здесь может быть продлено на столько, на сколько посчитает нужным заводской комитет.

Нам сказали, что очень многие профсоюзы имеют на море дома отдыха для своих членов. За один раз дом отдыха может принять триста человек.

Мы проехали несколько миль вниз по побережью к санаторию, который тоже походил на огромную гостиницу. Это был государственный санаторий для туберкулезников и людей, страдающих другими болезнями легких, наполовину больница, наполовину дом отдыха. Очень приятное солнечное место. Лежачих больных вывозили на кровати на балконы с видом на сады и море, а амбулаторные пациенты бродили, слушая музыку и играя в неизбежные шахматы — игру, которая по популярности стоит на втором месте после футбола.

Пациенты были направлены в этот дом медицинскими учреждениями своих районов. Это было место отдыха. Когда мы только приехали сюда, оно казалось совсем пустынным, потому что все пациенты еще были в постелях. Но пока мы там были, прозвенел звонок, и все постепенно стали выходить на прогулку.

Нам сказали, что по всему побережью сотни таких санаториев, и, проезжая по побережью, мы видели на холмистых склонах многие из них.

* * *

Утром шел сильный, но теплый и мягкий дождь. Повернувшись на другой бок, мы заснули опять. Около десяти проглянуло солнце, и за нами пришли — пора ехать на государственную чайную плантацию.

Мы поехали вдоль побережья, потом вверх через расселину к зеленой горе в дальнюю долину, где на мили тянулись темно-зеленые чайные кусты и то здесь, то там виднелись шапки апельсиновых деревьев. Это было очень приятное место и первая государственная ферма, на которой мы побывали.

И опять мы не можем обобщать, мы рассказываем лишь то, что увидели и что слышали. Государственная ферма управлялась как американская корпорация. Есть свой управляющий, совет директоров и служащие. Рабочие живут в новых, чистых и приятных жилых домах. У каждой семьи своя квартира, а работающие женщины могут устроить детей в детские ясли. У них такой же статус, как и у людей, работающих на фабриках.

Это была очень большая плантация с собственными школами и собственными оркестрами. Управляющий был деловым человеком, который запросто мог бы руководить филиалом американской компании. Это очень отличалось от колхозов, поскольку в последних каждый фермер имеет долю с дохода всего коллектива. Здесь же было просто предприятие по выращиванию чая.

Мужчины обрабатывали землю. А чай собирали в основном женщины, потому что их пальцы тоньше. Женщины двигались длинными рядами вдоль борозд; работая, они пели, перекликались и выглядели очень красочно. Капа много раз их фотографировал. Здесь, как и везде, было много наград за сноровку. Среди работниц была девушка, которая получила медаль как победительница в соревновании по сбору чая, и ее руки летали над чайными кустами с молниеносной быстротой, она собирала свежие зеленые листочки и складывала их в корзину. Темная зелень чайных кустов и цветные женские одежды представляли собой очень красивую картину на склоне холма. У подножия холма стоял грузовик, в который принимали свежесобранный чай и отвозили на фабрику.

* * *

Мы остановились у маленьких детских яслей, где пятьдесят или шестьдесят малышей танцевали на зеленой траве — дети женщин, которые работали на чайных полях. Капа нашел красивую маленькую девочку с длинными кудрями и огромными глазами и захотел сфотографировать ее, но она растерялась, заплакала, и утешить ее было невозможно. Он сфотографировал маленького мальчика, который тоже расплакался. Капа — друг детей. Воспитательница сказала, что девочку трудно успокоить, потому что она не грузинка, а украинка, сирота, которую удочерила грузинская семья, и она вела себя так странно, потому что еще ничего не понимала по-грузински. Немало грузинских семей усыновили детей из разрушенных районов, поскольку этот богатый край не затронули бои и люди чувствовали свой долг перед другими. Мы то и дело останавливались, заходили в маленькие домики. Вокруг каждого домика — сады и огороды. Нас угощали орехами, или домашним сыром, или свежим черным хлебом, грушей, сорванной прямо с дерева у дома, или гроздьем винограда. Казалось, что мы едим постоянно, но отказаться не могли. Мы также попробовали грузинскую водку, которую никому не рекомендуем, потому что она взрывоопасна. Это настоящий реактивный напиток, и наши желудки просто были не в состоянии его принимать. На самом деле это совсем не водка, а дистиллированное вино или, как мы обычно его называли, граппа. Для нас оно было слишком крепким.

* * *

Грузия — это волшебное место, и в тот момент, когда мы покинули его, оно стало похожим на сон. И люди здесь волшебные. На самом деле, это одно из богатейших и красивейших мест на земле, и эти люди его достойны. Теперь мы прекрасно поняли, почему русские повторяли:

— Пока вы не видели Грузию, вы не видели ничего.

V. Москва

* * *

Москва пребывала в состоянии лихорадочной деятельности*. Многочисленные бригады развешивали на зданиях гигантские плакаты и портреты национальных героев. По мостам протянули гирлянды электрических лампочек. Кремлевские стены, башни и даже зубцы стен тоже были украшены лампочками. Каждое общественное здание подсвечивалось прожекторами. На площадях были сооружены танцевальные площадки, а кое-где стояли маленькие киоски, похожие на сказочные русские домики, в которых собирались продавать сладости, мороженое и сувениры. К этому событию выпустили маленький значок на колодке, и все носили его.

Почти ежечасно прибывали делегации из разных стран. Автобусы и поезда были перегружены народом. Дороги были заполнены ехавшими в город людьми, которые везли не только вещи, но и еду на несколько дней. Они так часто голодали, что старались не рисковать, когда куда-нибудь ехали, и каждый вез несколько буханок хлеба. Кумач, флаги и бумажные цветы украшали каждое здание. На здании каждого наркомата висели свои панно. Управление метрополитена выставило огромную карту Московского метро, а внизу маленький метропоезд ездил взад-вперед. Это собирало толпы, и люди допоздна глазели на него. В город въезжали вагоны и грузовики, нагруженные продовольствием, капустой, дынями, помидорами, огурцами — подарками колхозов городу на восьмисотлетие.

На каждом прохожем была какая-нибудь медаль, лента или орден, напоминающие о войне.

---

* Автор имеет в виду дни накануне празднования 800-летия Москвы.

Нам показалось, что даже за те два месяца, что мы здесь были, люди стали лучше одеваться, а московские газеты объявили понижение цен на хлеб, овощи, картофель и некоторые ткани. В магазинах все время было столпотворение, покупали почти все, что предлагалось. Русская экономика, которая почти полностью производила военную продукцию, теперь постепенно переходила на мирную, и народ, который был лишен потребительских товаров – как необходимых, так и предметов роскоши, – теперь стоял за ними в магазинах. Когда завозили мороженое, выстраивалась очередь на много кварталов. Продавца мороженого моментально окружали, и его товар распродавался так быстро, что он не успевал брать деньги. Русские любят мороженое, и его всегда недостает.

* * *

Ужин, на который нас пригласили московские писатели, проходил в грузинском ресторане. Там было около тридцати писателей и официальных лиц Союза, и среди них – Симонов и Илья Эренбург.

Речи за этим застольем были длинными и сложными. Большинство приглашенных знали помимо русского другие языки – английский, французский или немецкий. Они выразили надежду, что нам понравилась поездка по их стране. Они надеялись также, что мы собрали необходимую информацию, за которой приехали. Они снова и снова пили за наше здоровье. Мы ответили, что приехали не инспектировать политическую систему, а посмотреть на простых русских людей и что мы их видели и надеемся, что сможем объективно сказать правду обо всем. Эренбург встал и сказал, что, если нам удастся это сделать, они будут просто в восторге. Человек, который сидел с края стола, встал потом и заявил, что существует несколько видов правды и что мы должны предложить такую правду, которая способствовала бы развитию добрых отношений между русским и американским народами.

Тут и началась битва. Вскочил Эренбург и произнес яростную речь. Он заявил, что указывать писателю, что писать, – оскорбление. Он сказал, что если у писателя репутация правдивого человека, то он не нуждается ни в каких советах. Он погрозил своему коллеге и обратил внимание на его плохие манеры. Эренбурга мгновенно поддержал Симонов и выступил против первого оратора, который пытался хоть как-то отбиться. Нам всегда внушали, что линия настолько непоколебима, что среди писателей не может быть никаких расхождений. Атмосфера этого ужина показала нам, что это совсем не так.

* * *

Ну вот и все. Мы увидели, как и предполагали, что русские люди – тоже люди и, как и все остальные, они очень хорошие. Те, с кем мы встречались, ненавидят войну, они стремятся к тому, чего хотят все люди, – жить хорошо, с большими удобствами, в безопасности и мире.

Мы знаем, что этот дневник не удовлетворит ни фанатично настроенных левых, ни не принадлежащих ни к какому классу правых. Первые скажут, что он антирусский, вторые – что он прорусский. Конечно, эти записи несколько поверхностны, а как же иначе? Мы не делаем никаких выводов, кроме того, что русские люди такие же, как и все другие люди на земле. Безусловно, найдутся среди них плохие, но хороших намного больше.

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ “ПОБЕДИТЕЛИ”

Говоря о Второй мировой войне, мы не вправе забывать о ее жертвах — тихих нейтральных странах Скандинавии, внесших свой посильный вклад в победу над Германией и Объединенной Европой. Правда, сами они в эту Объединенную Европу и входили, воюя, хотя и “в частном порядке”, против СССР, отчего возникало даже некое раздвоение их международно-правовой личности.

*Датчане — это скандинавские французы,
шведы — это скандинавские немцы,
а норвежцы — это скандинавские русские.
— А финны?
— Финны не скандинавы вовсе.*

Б. Н. Григорьев. Скандинавия с черного хода. Записки разведчика: от серьезного до курьезного

I. ТЕЛЕГРАММА

Вторник 9 апреля 1940 года для Дании и лично ее короля Кристиана Десятого явно не задался: в его владения нежданно и негаданно попрыгали с небес немецкие парашютисты. Так “образцовая тюрьма” Дания с ее Эльсинором стала второй после нарывавшейся “на скандал” Польши жертвой гитлеровской агрессии.

Тем же утром германские послы в Осло и Копенгагене вручили правительствам Норвегии и Дании одинаковые по содержанию ноты, в которых вооруженное выступление Германии было обосновано вынужденной необходимостью защитить обе нейтральные страны от якобы предстоящего в самое ближайшее время нападения англичан и французов и предупредить замышляемое ими распространение войны на территорию Скандинавии, т. е. выведение Дании и Норвегии из состояния нейтралитета. Кстати, 31 мая 1939 г. был подписан Германо-датский пакт о ненападении. При этом Дания настояла лишь на том, чтобы подписание состоялось не одновременно с Латвией и Эстонией.

Руководивший общей операцией “Везерюбунг” генерал Н. фон Фалькенхорст предлагал даже в целях устрашения провести психическую атаку — пропустить под аккомпанемент духового оркестра по Копенгагену целый немецкий батальон. Однако вместо этого командующий операцией в Дании генерал Л. Каупиш проявил строптивость и приказал вместо прохода по главной улице с оркестром штурмовать старую крепость над гаванью и взять в плен рас-

квартированный там гвардейский полк, что и было сделано без единого выстрела. Одним словом, датчане оказались слишком цивилизованными для того, чтобы сражаться.

Король Кристиан счел ниже своего достоинства заниматься вопросами войны (для того у него имелся военный министр). Однако королевство было маленькое, а посему развернуться военному министру было негде, и король в тот же день и час решил капитулировать, сердечно поздравив (от себя лично) германского генерала К. Химера с “блестяще выполненной работой”.

В ответ смущенный Химер ответил, что лично он глубоко сожалеет о том, что был вынужден явиться к королю с такой миссией, но он лишь выполняет долг солдата. И добавил, что немцы пришли в Данию как друзья. Похоже, так оно и было. Хотя друзья бывают порой с норовом.

Одним словом, сопротивлялась Дания отчаянно, хотя и недолго – всего 1 (один) день, а еще вернее, целых четыре часа. И уже в середине дня мирные копенгагенцы попивали пиво с доблестными немецкими солдатами и обменивались с ними утонченными шутками. Нет, не зря датчан называют скандинавскими французами!

Любопытно, что военно-морской флот Дании не произвел ни единого выстрела ни со своих кораблей, ни с береговых батарей, когда немецкие транспорты с войсками проходили вблизи этих орудий, способных разнести их вдребезги. 4 апреля – как только было получено известие о германских планах вторжения в Данию и о группировании германского флота в датских территориальных водах, – датский флот получил приказ не вступать в боевое столкновение с нападающими. Это позволило немцам произвести высадку без всякого сопротивления.

“И Божья благодать сошла на... Данию”.

Страна с успехом стала использоваться в качестве витрины “миролюбивой” политики на оккупированных территориях, оставаясь формально независимым государством. В своем отдельном меморандуме фюрер гарантировал территориальную целостность и независимость страны, политическая жизнь которой оставалась неизменной: продолжали действовать король, правительство, парламент, самоуправление, политические организации. Армия, флот, полиция оставались под датским командованием. Нацификация общественной жизни не производилась, деятельность профсоюзов не запрещалась. Были введены только ограничения свободы прессы и собраний. Вольготно чувствовали себя в оккупированной миниатюрной Дании и ведшие свой прежний привычный образ жизни евреи. Правда, позже почти все они в количестве 7000 человек благополучно переселились в Швецию. Не пожелали покидать королевство не более 500 человек. Современники отмечали, что повседневная жизнь датчан в первые годы оккупации практически не изменилась, и потому движение “Сопrotивления” поддержки не находило.

Таким образом, почти четыре года, покуда ветренная фортуна не отвернулась от свирепого тевтона, датский король и его народ, – добродушный и беззаботный, – доставляли фюреру очень мало беспокойства, в результате чего Дания и приобрела славу “образцового протектората” и продовольственной базы Германии. Полностью переориентирована была на нее вся экономика королевства.

Ввиду растущих потребностей нового сюзерена Дании экспорт ее непрерывно возрастал, что послужило благоприятным фактором для уровня благосостояния датского населения. Другим положительным фактором стало широкое привлечение датской рабочей силы для строительства военных и гражданских объектов в Германии и в оккупированных странах, за что датским рабочим было выплачено более 5 миллиардов крон. Резко сократилась безработица и стабилизировалась экономическая ситуация. Все это в первые годы способствовало положительному или нейтральному отношению широких слоев датского общества к оккупации страны.

Однако всему прекрасному приходит когда-то конец; после битвы на Курской дуге социально-экономическая ситуация стала резко ухудшаться, и отважные датчане решили показать немцам кукиш. Так, на выборах в фолькетинг потерпели поражение датские национал-социалисты из “Датской национал-социалистической рабочей партии” (Danmarks Nationalsocialistiske Arbejderparti, DNSAP), получившие 2,1% голосов (местный Центризбирком недоглядел!), что доставило фюреру немалое неудовольствие. А 29 августа 1943 г. в Дании

случилась всеобщая забастовка, и немцы, не ожидавшие подобной наглости от своих меньших братьев, отстранили от власти коалиционное правительство и объявили чрезвычайное положение, введя, таким образом, прямое германское правление.

Власть в стране перешла к имперским уполномоченным секретарям по Дании. В страну были введены армейские части и подразделения гестапо. Армия была разоружена. Датские моряки сумели затопить большую часть датского флота, после чего в массовом порядке подверглись интернированию. Начались аресты.

Изменение политики германских властей сказалось на возникновении так называемого “Сопrotивления”. Уже в сентябре 1943 года был создан нелегальный “Совет свободы” из представителей всех подпольных организаций, приступивший к формированию подпольных вооружённых отрядов. Этот-то “Совет свободы” и установил (восстановил?) в июле 1944 года дипломатические отношения с СССР.

Биографы датского короля не перестают подчеркивать, что сей венценосец отнюдь не симпатизировал нацистам, добавляя при этом, что вел он себя довольно осторожно, допуская уступки оккупантам. Но и то: а что бы вы делали на его месте? Кидали гранаты из королевского дворца? Залегли с пулеметом на крыше?

Отмечается также, что имя доброго короля Кристиана стало символом датской государственности и даже Сопrotивления, чему способствовали некоторые его антинемецкие протокольные демонстрации.

Сопrotивлялись участники датского Сопrotивления отчаянно. И в основном англичанам, лезшим из кожи вон, чтобы наладить в Дании хоть какое-то подполье. Однако отважные подпольщики неоднократно и настоятельно требовали у Англии... прекратить поставлять им оружие, потому что отдельные горячие головы могут им воспользоваться, и тогда немцы обозлятся и начнут репрессии. Кроме того, англичан настоятельно просили не призывать к саботажу выполнения заказов для Германии (опять же во избежание репрессий и ухудшения экономического положения датчан).

Наконец, выдвигались требования не бомбить военные заводы, поскольку во время бомбежек на них могли ненароком пострадать ни в чем не повинные люди. Зато в национальный день датчане явно в демонстративных целях зажигали в окнах свечи.

Вот об одной такой демонстрации, получившей название “телеграфного кризиса”, и хотелось бы напомнить. В сентябре 1942 г. получил Кристиан X ко дню своего рождения поздравление от... кого бы вы думали? Ни за что не угадаете! Самого фюрера!

Любопытное дело, однако: королевство датское оккупировано, а король датский как ни в чем не бывало сидит себе в своем дворце и работает с документами, а не отдыхает на нарах. Чудеса да и только! Ну да нам, сиволопым, этого не постичь! Европа!

Думается, вряд ли фюрер стал бы поздравлять какого-нибудь нераскаянного сопrotивленца. Что-то даже Сванидзе с Радзинским и Латынина с Радзиховским не сказывают, чтобы Гитлер слал с 1941-го по 1944 гг. аккурат каждое 21 декабря поздравительные телеграммы товарищу Сталину.

А что же король Кристиан? А он – вместо полагавшейся по протоколу многословной ответной телеграммы – дерзнул ограничиться сухой благодарностью. В общем, вышел дипломатический “бунт, похуже Пугачева”.

Фюрер был, понятное дело, взбешен. Конечно, раздражение ефрейторавыскочки к венценосной особе да еще и Главковерху всех датских ратей и флотов было понятно: уели Его Величество безродного самодура, возмнившего себя Нибелунгом и Зигфридом!

Тут-то Его Величество, поняв, что пересолил, решил дать задний ход и послал фюреру новый ответ в стиле “цирлих-манирлих”. Да не тут-то было: злопамятный Адольф на новые реверансы внимания уже не обратил и стал заворачивать оккупационную гайку.

Так монаршья фи́га обернулась для подданных новым утеснением.

И пришлось бедным датчанам слать в рейх больше соленой кильки со шпротами в масле, и копченой салаки со свежими селедками, чем до эффективного королевского демарша. Ну и, понятное дело, добровольцев-эсэсовцев на советско-германский фронт.

22 июня 1941 года Дания разорвала дипломатические отношения с СССР, а ровно через неделю – 29 июня в датской газете “Fædrelandet” было объявлено о формировании **Добровольческого датского корпуса (ДДК)** “для войны против большевизма”. Правительство Дании разрешило военнослужащим датских вооружённых сил брать отпуска и записываться в корпус с сохранением воинских званий. Образованный в пожарном порядке ДДК был направлен 8 мая 1942-го на Восточный фронт, где верноподданные короля Кристиана Десятого воевали в районе Демянска и под Великим Луками. В начале июня 1943-го датский корпус был расформирован, и большая часть личного состава была переведена в полк “Данемарк” в составе 11-й добровольческой дивизии СС “Нордланд”, остальные вернулись в Данию.

В январе 1944 дивизия “Нордланд” была отправлена на Восточный фронт под Ленинград и в феврале приняла участие в сражении за Нарву, именуемое в западной литературе “битвой европейских народов” (поскольку против советских войск там воевали норвежцы, датчане, голландцы, валлоны, фламандцы, эстонцы, а также немцы). Через пять месяцев еврокультуртрегеры отступили, оказавшись, в конечном счете, в Курляндском котле. Остатки дивизии были брошены на оборону Берлина.

Всего в боевых действиях на стороне Германии на советско-германском фронте, а также в Хорватии против партизан Тито принимали участие датские добровольцы числом до 10 тысяч голов.

Так что к концу войны в сталинских лагерях оказалось 457 подданных благородного и храброго короля Кристиана, из чего логически вытекает, что воевало королевство именно что на советско-германском фронте, позабыв про защиту самого себя.

И чем так не угодила датчанам матушка-Россия? Бог весть.

В свою очередь, бойцы Красной Армии бойцы брали штурмом датский остров Борнхольм с его 12-тысячным гарнизоном, орудиями ужасающих калибров и восемью генералами. И, разумеется, взяли.

Так что товарищ Сталин мог бы при случае припомнить Кристиану Десятому его прегрешения и намекнуть датским коммунистам на необходимость возглавить процесс обновления датской конституции 1915 года (со всеми вытекающими из этого для короля Кристиана и его семейства последствиями).

А злые западники все ж таки припомнили Кристиану X то, что он не успел вовремя покинуть страну, и потому не включили Данию в число стран-победителей.

Да. И еще. Англичане в Дании все ж таки сподобились организовать подполье. Вооружение завозилось из Великобритании и Швеции. По призыву “Совета свободы” в 1944 году в стране развернулась, как гласит официальная датская доктрина, “диверсионная война”: за 1944 год было произведено свыше 1500 взрывов на железных дорогах и свыше 2800 на предприятиях, кораблях и верфях. Всего к маю 1945 года подпольные вооружённые силы насчитывали около 50 000 человек (в Норвегии тайных бойцов было всего лишь 40 тысяч). О числе немцев, убитых бойцами невидимого даже для гестапо фронта, датская историческая наука деликатно умалчивает.

Благодаря “движению Сопrotивления” Дания была признана воюющей с агрессором страной и стала одним из учредителей ООН.

Денацификация Дании практически не коснулась. Послевоенное правительство заняло в отношении коллаборационистов и предателей типа Скавениуса примиренческую позицию и не стало их преследовать, как, например, сделали французы. А чтобы пострадавшим не было обидно, наградило их солидными пенсиями, особенно тех из них, кто отсидел срок в концентрационном лагере. Поэтому чиновничий аппарат остался незатронутым перипетиями войны и как ни в чем не бывало продолжал обслуживать новый послевоенный режим.

А 9 апреля является в Дании Флаг-днем. До 12.00 флаг поднимают до середины, затем до самого верха (конца).

Теперь подытожим. Датские потери составили при “обороне Дании” от гитлеровцев составили 13 убитых и 23 раненых. Немцы потеряли примерно 20 человек.

Всего за годы Второй мировой войны погибло 398 соотечественников принца Гамлета, воевавших за “Великую Германию” в рядах Ваффен-СС. Потери гражданских лиц составили 100 датчан.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находилось 457 подданных короля Кристиана.

Так на каких же фронтах датчане действительно воевали?

II. СКРЕПКА, ИЛИ КОРОЛЬ-ПОБЕДИТЕЛЬ ИЗ СТРАНЫ ФИОРДОВ

...Когда с кичливым бился он Норвежцем...

В. Шекспир. Гамлет

1. Начало

Вторник 9 апреля 1940 года для демократического норвежского короля Хокона VII тоже не задался: к нему тоже неожиданно и нежданно пожаловали немецкие парашютисты.

В отличие от датского короля, его единокровный брат и собрат по трону оказался явно не такой джентльмен и стал тянуть резину: все ж таки Норвегия в полтора раза больше Дании! После того, как немецкие десантники заняли центральный аэродром г. Осло Форнебу, он поспешил от греха подальше вместе с правительством в город Эльверум, что близ шведской границы, и через два дня, обдумав сложившуюся ситуацию, призвал свой народ к сопротивлению...

...9 апреля 1940 года командир горно-стрелковой дивизии генерал Дитль и полковник Рор, только что высадившиеся в Нарвике, отправились на такси в город на поиски коменданта. Комендант был найден на удивление легко. Перед немцами возникла целая куча офицеров и гражданских, в числе которых оказался и офицер в скромной полевой форме. Это был комендант города, полковник Сундло. Дитль представился ему и, приложив руку к фуражке, сказал по-немецки: "Я приветствую норвежскую армию. У меня приказ совместно с Вами защищать Нарвик от англичан". Попутно Дитль, разряженный как рождественская елка, напомнил норвежцу, что в случае кровопролития вся ответственность ляжет на него, полковника Сундло. Тот попросил время на размышление. Дитль дал ему 5 минут. Однако норвежскому полковнику вполне хватило и трех, поскольку он уже успел выяснить у Дитля, что высадилась целая немецкая дивизия. "Хотя это противоречит моей офицерской чести, я должен избежать насилия", – заявил комендант. И распустил всех резервистов по домам.

Действительно, только насилия еще на войне не хватало!

Так был взят Нарвик.

...Эти строки были писаны трепетной тевтонской рукой как раз в те дни: "Норвежские фиорды! Страстное стремление столь многих немцев и любовь норвежского народа! Как много немцев в прошедшие годы находили радость и разрядку после трудной работы, любуясь вашими кристалльными потоками, крутыми скалами, вашими лесами и вашими милыми местечками... Мы любили норвежские фиорды, норвежскую землю и норвежских людей! И вот теперь, в ожесточенной борьбе народов против тирании Англии на море, мы хотели прийти к вам, норвежцам, как друзья... Но случилось иначе. Вы, норвежцы, не поняли становления новой Европы, созревания нового мировоззрения, духовной революции, направленной против материальных, капиталистических интересов. Что знали вы о действительных целях освободительной борьбы Великой национал-социалистической Германии, борьбы, которая велась и за освобождение вашей страны от английского господства и произвола? ... Англия была готова к прыжку на побережье Норвегии...

Однако немецкий простофиля Михель не спал! ... Он наострил в этот раз уши и совершенно точно обнаружил, что коварный Альбион что-то замышлял... И вот по приказу фюрера все три вида немецких вооруженных сил развернули тайные приготовления. Фюрер запланировал неслыханно смелый удар, причем военно-морской флот должен был быть главным действующим лицом в этом военном походе на Крайний Север, напоминавшем набеги древних викингов. Эта задача была по сердцу главнокомандующему военно-морским флотом и всем его людям на кораблях немецкого флота, испытанных в штормах и боях... Берегись, Англия! Храбрые мужи с железными сердцами

уже плывут на стальных кораблях на Север! Они полны бурлящего гнева против высокомерно улыбающихся ненавистников их священного флага со свастикой и их национальной чести!

... Покорение далеких фиордов Норвегии было решающим шагом на пути к свободе, к освобождению морей. И только свобода морей может создать нашему упорному и настойчивому народу такое положение в мире в экономической и культурной областях, которого он заслуживает" (Die Kriegsmarine erobert Norwegens Pjorde. Erlebnisberichte von Mitkämpfen. Im Auftrage des Oberkommandos der Kriegsmarine hrsg. von Georg von Hase, Leipzig, 1940. S. 9–32).

... Когда по тебе начинают палить из всех стволов, даже самый законченный пацифист поймет, что происходит что-то неладное, служивый же человек откроет ответный огонь на поражение. Именно так и поступили норвежские артиллеристы в Осло-фьорде, потопив немецкий тяжелый крейсер "Блюхер", вошедший в давно пристрелянный комендорами квадрат.

Однако вскоре они услышали по радио выступление В. Квислинга, объявившего себя премьером и призвавшего прекратить сопротивление ввиду бегства короля, его правительства и командования армией невесть куда.

В итоге в Норвегии образовалось целых два правительства, и не ясно стало, какое из них более законное и чьи распоряжения следует исполнять, тем более что прежнее — правительство его величества — признаков жизни упорно не подавало.

Так перед канонирами береговой батареи Осло-фьорда, равно как и всей норвежской армией, включая ее верховное командование, встал вопрос: "Бить или не бить?" Мнения отцов-командиров, как водится, разделились, и вскоре батарейцы, прикрывавшие подходы к столице королевства, получили приказ вышестоящего начальства прекратить огонь.

В результате брожения умов военного командования немцами без какого-либо сопротивления были захвачены Берген, Кристиансанн, Тронхейм. Лишь на подступах к Нарвику два норвежских корабля береговой обороны "Эйдсволь" и "Норге" оказали сопротивление, пытаясь преградить путь немецким кораблям к причалам Нарвика, но были потоплены немецкими эсминцами. Сам же город, для обороны которого имелось достаточно сил и средств, был сдан противнику без единого выстрела.

Норвежское правительство (законное) и командование армии эвакуировались вглубь страны и напомнили о себе лишь через два дня — 11 апреля, когда большая часть сухопутных сил уже дезертировала либо сдалась в плен. Однако остатки воинских частей, резервисты и добровольцы все же вели сдерживающие бои в надежде на помощь со стороны Англии и Франции.

Спротивлялись потомки свирепых викингов, как могли, однако укорота зарвавшемуся тевтону так и не учинили. И виной тому была беспримерная немецкая наглость. Да и мудрено было упираться при виде форменного бесстыдства, примером которому мог служить захват аэродрома Ставангер-Сола.

По немецкому плану ("ди ерсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт") он должен был быть занят парашютистами, однако десантные самолеты, попав в зону плохой видимости, к месту назначения не прибыли и повернули восвояси. Тем временем над летным полем появилась эскадрилья немецких двухмоторных истребителей Bf-110, которые должны были поддерживать десантников и сестя на захваченный ими аэродром (на возвращение им не хватало уже топлива). Не обнаружив своих, немцы покружились над летным полем, а потом нагло пошли на штурм. Подавив ПВО, они совершили посадку, после чего экипажи самолетов (в общей сложности максимум 25 человек) с пистолетами и снятыми с самолетов пулеметами захватили аэродром, взяв его защитников в плен. Появившимся вскоре самолетам с немецкой пехотой оставалось лишь совершить мягкую посадку. Что и было сделано.

Ну и много ли навоюешь, сражаясь с такими вот циничными хулиганами?

Одним словом, сложившаяся ситуация стала ярчайшей иллюстрацией тому прискорбному обстоятельству, что перед разнузданным хамством интеллигентный человек, хотя бы и вооруженный — попросту бессилён.

В условиях же ограниченности ресурсов (силы требовались немцам для предстоящего наступления против Франции и Бельгии) ставка фюрера на откровенное хамство своих "зольдатен" — оказалась, ко всеобщему удивлению его генералов — верной.

Общая же численность немецких сил вторжения составляла 120 тысяч человек, а англо-норвежского “ограниченного контингента” — порядка 90 тысяч штыков. Сбросить немецкие десанты в море норвежцы с англичанами так и не сподобились, а посему вынуждены были со скоростью спринтера-разрядника оставить южную и западную Норвегию и учинить ретираду на север. А уже во второй половине апреля встал ребром вопрос и об их эвакуации.

Но вернемся в 9 апреля 1940 года.

Население Осло пребывало в полном замешательстве. Тому способствовала и германская пиар-акция, объяснявшая вторжение Германии в Норвегию защитой Страны фиордов и ее нейтралитета от военной агрессии со стороны Великобритании и Франции, что, кстати, было сущей правдой. И хотя в столице королевства и находились кое-какие войска, однако привести их в состояние боевой готовности не то забыли, не то не удосужились. Немцы недоумевали: “Отчего не было предпринято решительно ничего для организации обороны?”

... Формально Норвегия была нейтральной, однако, как показала практика, защищая свой нейтралитет от Германии и интернируя немцев, Норвегия готова была терпеть нарушение своего нейтралитета со стороны Великобритании, совершенно забывая при этом интернировать англичан. Тем не менее, премьер-министр Франции Э. Даладьё призвал даже захватить норвежские порты, однако каких-либо серьезных протестов со стороны Норвегии на это не последовало. Одним словом, обстановка вокруг девственно-нейтральной Норвегии час от часу накалялась.

На море союзники обладали подавляющим превосходством над Германией — флот Британии располагал тремя авианосцами, четырьмя линейными кораблями, двадцать одним крейсером, таким же числом эсминцев и восемнадцатью подлодками. Французский флот имел на ТВД два крейсера, одиннадцать эсминцев и одну подводную лодку. Кроме того, в операции участвовали три эсминца и одна подлодка ВМС Польши, действовавшие в составе британского флота.

Вторжение в Норвегию обеспечило Германии решение ряда стратегических задач, а именно обеспечение доступа к шведской железной руде, вывоз которой производился через Нарвик, и к северным норвежским незамерзающим портам для дальнейшего доступа в Северный ледовитый океан и Северную Атлантику. Теперь фюреру было уже из чего строить корабли и танки, а подлодкам и надводным рейдерам главкома Кригсмарине Редера был гарантирован свободный выход в океан и возможность блокады берегов Англии.

При другом раскладе англо-французское вторжение в Норвегию обеспечивало, в свою очередь, почти полную морскую блокаду Германии и оставляло ее без шведской железной руды и цветных металлов, в силу чего война неизбежно превращалась в одно сплошное издевательство над Германией и ее фюрером.

Итак, кто-то же должен был овладеть формально нейтральной Норвегией, ориентировавшейся по существу на Англию! С Англией короля Хокона связывало многое и в первую очередь родственные династические связи: он был женат на принцессе Мод (1869–1938), младшей дочери британского короля Эдуарда VII и королевы Александры. Такое даром не проходит, хотя само по себе еще ничего и не гарантирует (помимо этого он был родственником дома Бернадоттов. Его мать, кронпринцесса датская Луиза, была дочерью шведского короля Карла XV).

Норвегия тяготела к Англии, являвшейся ее главнейшим торговым партнером. Норвежские судовладельцы и промышленники, импортеры и экспортеры жестко зависели от этой морской державы. Так, еще накануне Первой мировой войны Норвегия оказалась на грани внутреннего кризиса ввиду отсутствия продовольственных товаров, в силу чего у страны сложилось с Англией своеобразное “отраслевое” соглашение: англичане покупали норвежские товары, прежде экспортировавшиеся в Германию. Взамен же англичане обязывались стабильно поставлять сырье и прежде всего горючее. Тем самым Норвегия оказалась втянута в британскую блокадную систему, направленную против Германии.

После отъезда короля из Осло вместе с правительством и лидерами политических партий норвежцы почувствовали себя сиротами. Однако природа, равно как и политика, не терпит пустоты, и на авансцену разыгравшейся

психодрамы вылез с политической галерки хулиган и дебошир В. Квислинг.

Это был для немцев сущий реприманд. Когда столица находилась в руках немцев, Квислинг влетел на радиостанцию и объявил, что правительство Ньюгорсвольда, покинувшее столицу, считается распущенным и что вместо него создано правительство “национального единения” (так называлась партия Квислинга). Помимо обязанностей премьера Квислинг взял себе также портфель министра иностранных дел. Похожая на перформанс акция Квислинга была беспроигрышной: никаким сопротивлением в стране и не пахло.

К слову сказать, 9 апреля 1940 г. Квислинг и сам был захвачен врасплох немецким нападением, однако мгновенно сориентировался и попытался влезть в игру, презрев железное армейское правило: “Всякая инициатива наказуема!”

Но и немцы не ожидали от Квислинга подобной прыти: этот своевольный и авантюристичный поступок их креатуры обрекал на провал все их усилия склонить Норвегию к капитуляции, а самого короля к сотрудничеству. Так что у фюрера явно чесались руки выпороть этого Бог весть что возомнившего о себе вождя “всея королевства”. Через пять дней фюрер снял его с самовольно занятой им должности и вызвал в Германию на курсы повышения квалификации.

Гитлер отнюдь не стремился свергать в Норвегии монархию. Напротив, Хокон вполне устроил бы его, подобно тому, как устроил его днем ранее датский король Кристиан, а чуть позже бельгийский король Леопольд (разумеется, при наличии немца-управителя). И хитроумный Хокон, почувствовав эту слабину, стал упираться. Напрасно фюрер через своего посла Брайера пытался уговорить варяжского короля вернуться к исполнению своих служебных обязанностей в Осло и назначить Квислинга (за неимением ничего получше) своим премьером. Не возымели действия и уговоры местных национал-социалистов: король при всем своем демократизме не стал разговаривать с этими “плебейми”. И когда утром 11 апреля появился эмиссар Квислинга капитан Иргенс, настаивавший на возвращении монарха в столицу и обещавший, что Квислинг будет лояльно служить ему, это заманчивое предложение было отклонено с молчаливым презрением.

Дело чуть не испортил военно-воздушный атташе германского посольства капитан Шпиллер, решивший навесить короля Хокона лично. Ему показалось, что вместе с двумя ротами десантников ему удастся уговорить гордого короля Хокона вернуться с почетом и славой в Осло и сделать все, что от него требуется.

Однако случилось нечто совершенно невероятное: лихие немецкие парашютисты, распевавшие задушевные народные песни, попали в засаду, подстроенную личной охраной хитрого короля Хокона, и их тривиально посекали из пулеметов: растянувшаяся колонна автобусов неплохая мишень для опытных стрелков. Кажется, это была единственная удачная операция норвежских военных. Впрочем, то была не рядовая воинская часть, а личная охрана предсудетельного короля норвежцев.

В дело пришлось вступить германскому послу Брайеру, которому как кадровому дипломату со стажем пришлось после столь досадного казуса весьма туго. Напрасно карьерный дипломат старой школы то льстил монаршему самолюбию, то недвусмысленно намекал на грозные “санкции”: хитроумный король норвежцев доблестно валял ваныку и изображал из себя чистоплюя-конституционалиста: он-де по конституции не правомочен принимать политические решения. Это, мол, дело правительства, с которым ему, естественно, необходимо посоветоваться.

Своим же правительствующим подданным верный конституции Хокон заявил, что сам-то он “не местный — датчанин, приехал он в эту страну всего лишь тридцать пять лет назад”, однако назначать Квислинга премьером все же не хочет (еще бы он хотел, после того как тот, не испросив согласия и разрешения у своего доброго короля, провозгласил себя вторым лицом в королевстве!). Не хочет он, впрочем, и того, чтобы министры принимали решения под влиянием его заявления. Далее печальный король посетовал на то, что в условиях надвигающейся войны, в которой многим молодым норвежцам придется отдать свои жизни, единственным выбором для него остается отречение.

При слове “отречение” членов правительства наверняка пробил озноб. Сплочение вокруг благородного и храброго короля счастливо состоялось, и было решено продолжать борьбу, о чем министр иностранных дел Х. Кот и уведомил германского посла.

Сопротивлялись норвежцы (вместе с англичанами и французами) недолго: французские части покинули позиции в Норвегии 5 июня, через два дня за ними последовали англичане. Эвакуация прошла организованно, решительно и быстро и завершилась в ночь на 8 июня. А накануне король и его министры эвакуировались на крейсере “Девоншир” в Англию, предусмотрительно прихватив с собой золотой запас королевства и кое-какие секретные документы МИДа.

Об этих государственных мужах герой замечательного норвежского писателя С. Хёля говорил так: “И откуда, собственно, оно взялось, это правительство? Можно подумать, кто-то специально ходил и днем с огнем выискивал его членов в доме для дефективных! Но поскольку все они сплошные бездарности и сами это прекрасно знают – нет, только подозревают, потому что знать они ничего не знают, ни черта! – то, естественно, они стараются и окружение себе подбирать соответствующее, держа на почтительном расстоянии всех тех, кто уже одним своим присутствием делал бы их смешными. Вот откуда этот наш смехотворный норвежский Лондон – карликовый рай, как окрестил его один умный человек, попавший туда по ошибке.

Без сомнения, это надо рассматривать как великолепное доказательство живучести нации. В разгаре величайшей в мире войны, поселившись в величайшем в мире городе, наши соотечественники умудрились – фокус-покус – устроить себе захолуднейшее из всех норвежских захолустьи!”

Впрочем, это могло быть субъективное мнение писателя, хотя написаны эти строки были уже после войны, а сам Хёль имел прочную репутацию антифашиста. Не пощадил писатель и своего несчастного короля, хотя сделал это вполне изящно, описывая устами своего героя бодрящую душу норвежца-антифашиста пропаганду из Лондона: “Ах, сколько пустой болтовни!.. Представьте: двое идут полмили по тридцатиградусному морозу, чтоб послушать радио, – так было! Сидят в нетопленной избушке, верят, ловят... И что же они слышат? Получасовой отчет о рождественской елке в Кардиффе”.

Вместе со своим королем взял курс на Туманный Альбион и его торговый флот (числом до тысячи единиц, составлявших двадцать процентов мирового тоннажа): его вскоре пришлось топить “волкам” Деница. Другая часть осталась в Норвегии, служила верой и правдой немцам, и ее пришлось пускать на дно уже советским подводникам.

На другой день после благополучного прибытия в Альбион норвежское правительство, громогласно заявившее о своей готовности продолжать борьбу, приказало частям и группам солдат прекратить организованное вооруженное сопротивление германским войскам, прибавив, однако, что борьба с оккупантами будет продолжена.

По всему выходило, что приказ сопротивляться и стоять до последнего понадобился непобежденному королю Хокону и его правительству лишь для того, чтобы обеспечить себе безопасную эвакуацию из страны.

Фюер сдержал свой гнев и проявил известный политический такт, не став форсировать политические события. В соответствии с его Указом об исполнении полномочий по управлению в Норвегии от 24 апреля 1940 г., он назначил блюстителем германских имперских интересов Й. Тербовена, в компетенцию которого входило осуществление высшей правительственной власти в гражданской сфере. Помимо этого тот наделялся полномочиями издавать соответствующие правовые нормы. Имперский комиссариат, создавший управление по надзору за норвежской администрацией, действовал и после 1 февраля 1942 г., когда Тербовен предложил Квислингу пост министра-президента Норвегии.

Выступая перед членами нового правительства, Тербовен пообещал, что будет соблюдать Конституцию страны и даже объявил амнистию всем беженцам, уехавшим из страны за время оккупации. После такого выступления даже многие евреи поверили словам рейхскомиссара и вернулись из Швеции в Норвегию.

В стране были оставлены в силе норвежские законы, конституция, местная администрация. Легально действовали все политические партии. Органом сотрудничества правящих кругов страны с оккупационными властями стал Административный совет из умеренных коллаборационистов, заручившихся, кстати говоря, согласием короля и его правительства.

Правда, уже 25 сентября 1940 г. Тербовен выступил по норвежскому радио с изложением новой политики немецких властей в Норвегии, в соответст-

вии с которой король был объявлен лишенным престола, запрещались все политические партии, кроме партии Квислинга, парламент и Административный совет распускались; газеты, издававшиеся политическими партиями, были закрыты. С одобрения оккупантов сторонники норвежского “фюрера” В. Квислинга заняли официальные руководящие посты в управлении и общественных организациях.

Поскольку имя “Квислинг” стало ПОНЯТИЕМ, то уделим ему пару слов.

2. Из России – с любовью (и даже с двумя)

Квислинг не был самым радикальным национал-социалистом (с ударением на “национал”). В королевстве были нацидеры и покруче (в смысле радикализма), но немцы сделали ставку именно на него, чтобы не раздражать невозмутимых норвежцев совсем уж безбашенными и откровенными отморозками. Он родился в 1887 году в семье пастора – крупнейшего демонолога Норвегии, автора “классического” труда “Души ангелов”. Выходец из древнего норвежского рода, Квислинг-младший получил военное образование и дослужился до майора. В апреле–декабре 1918-го служил военным атташе в Петрограде. Вместе с Фритьофом Нансенем он работал в Советском Союзе во время голода в 1920-е годы. В 1931–33-м занимал должность военного министра (от Аграрной партии). Однако всерьез его на этом посту никто не воспринимал, что повергало Квислинга в немалую печаль. Для него “придерживали” некоторое время престижную должность в норвежском генштабе, но и там что-то не срослось. Норвежской элите, ориентировавшейся на Англию, этот германofil был попросту не нужен, что обрекало амбициозного политика играть роль сущего отщепенца (маргинала). Это было для него тем более обидно, что сам он, безо всякого сомнения, относился к числу элитариев.

В 1930 году Квислинг выпустил книгу “Россия и мы”, в которой заявил о себе как лютой антисоветчик. 17 мая 1933 года, в день Конституции Норвегии, при помощи своих немецких товарищей Квислинг основал партию “Национальное соглашение” (норв. *Nasjonal Samling*), получив членский билет партии под № 1. Сам Квислинг занимал в партии должность вождя (норв. *Fører* – фёерер). Политический успех партии был относительным: на выборах 1933 года, через три месяца после основания партии, она набрала около 28 тысяч голосов. На следующих выборах 1936 года фашистская партия, которая пропагандировала прогерманскую и антисемитскую политику, набрала около 50 тысяч голосов.

Квислинг был дважды женат и оба раза на русских женщинах, что характеризовало его как последовательного и верного единожды избранным принципам политика и человека. Правду сказать, во время пребывания в России он обзавелся не одной, а двумя женами, став двоеженцем. Жен он привозил из поездок в Россию. Первую – 17-летнюю Александру Воронину – из первой поездки, а Марию Пасечникову – из второй. Дело кончилось тем, что Александру сплавил во Францию.

Мария Пасечникова дождала до глубокой старости, оставаясь верной идеям своего мужа и германского фюрера, портреты которых висели у нее на стенке вплоть до самой ее кончины, последовавшей в 1980 году; она тоже не могла поступаться своими принципами и оставила свои мемуары.

После возвращения из СССР Квислинг едва не закрутил роман с “коммунизмом”, сблизившись зимой 1925 года (на непродолжительное время) с руководством Норвежской рабочей (НРП), входившей, кстати, до 1923 года в Коминтерн, и Коммунистической партий, предложив им создать свои вооруженные отряды. Неясно было, впрочем, в какой мере данное предложение было выражением его политических убеждений, тем более что впоследствии Квислинг упорно отрицал, что был сторонником в той или иной форме марксистской революции в Норвегии.

В дальнейшем Квислинг громогласно и на всех углах провозглашал, что главным противником Норвегии являются коммунизм и СССР. Или наоборот: СССР и коммунизм.

В целом же весьма расплывчатые идеи лидера норвежских нацистов можно было бы характеризовать в качестве социально-консервативных и националистических. Социалистическими они были, скорее, по видимости. Сам же лидер оставался, в сущности, приверженцем идеи корпоративного государства, власть в котором формировалась бы “сверху вниз”.

Наибольшую поддержку его идеям оказали крестьяне, разорявшиеся в условиях проводимой властями проанглийской экономической политики, а также радикальная националистически настроенная интеллигенция.

Впрочем, единого представления о национализме в норвежском обществе не существовало, и, по мнению ряда норвежских историков, следовало бы говорить о двух его направлениях: собственно норвежско-националистическом и прогермански-нацистском. Следует отметить, что начало Второй мировой войны вообще ознаменовалось в Норвегии резким всплеском национализма.

В целом же можно сказать, что это был лидер из “европейского захолустья”, каковым считали свою страну норвежцы, и таких как он “фюреров” водилось в тогдашней Европе немало.

Во время немецкой оккупации Квислинг пытался в рамках возможного вести собственную игру “независимого фюрера норвежской нации” и часто бежал даже впереди германского паровоза, однако в целом “своя игра” у него по объективным причинам не задалась и задаться не могла.

9 мая 1945 г. министр-президент “всёя Норвегии” сдался, не оказав сопротивления, новым властям, вызвав к себе на дом полицию, которой до того дня командовал. И действительно, не самому же ему было идти в участок и не такси же ради такого дела вызывать! Вскоре он был обвинен в государственной измене и принял почетную смерть от пороха и свинца в крепости Акерсхаус.

В тюрьме Квислинг объявил себя мучеником за “великую Норвегию от моря до моря”. Неясно, правда, от какого и до какого: то ли от Баренцева до Северного, то ли от Гренландского до моря Амундсена. В перерывах между заседаниями суда составил свое генеалогическое древо, в котором возводил свою родословную к хозяину Валгаллы богу Одину (Вотану) – покровителю военной аристократии и повелителю валькирий. Кажется, это был первый европейский руководитель со столь знатной родословной.

3. Сопротивленцы активные и пассивные

Норвегию, как это ни странно, можно формально отнести к странам-победительницам во Второй мировой войне, поскольку король Хокон Седьмой вместе со своим правительством в эмиграции присоединился после Новогоднего застолья – 1.01.1942 г. – к антигитлеровской коалиции, т. е. будущим победителям. А разве присоединившийся в самый разгар драки к победителю не есть ПОБЕДИТЕЛЬ? Хотя бы и чисто юридически?

Итак, Норвегия “расколосась” на Норвегию de jure и Норвегию de facto.

Норвегию de jure представлял благородный король Хокон Седьмой со своим правительством, а Норвегию de facto – рейхскомиссар Й. Тербовен и В. Квислинг со своей администрацией. А посему норвежское сопротивление приходится поневоле рассматривать в двух его ипостасях.

Итак, Норвегия de facto оказалась оккупированной. Как воспринимали норвежцы оккупацию и как противились они ей?

Были те, кто если и не приветствовал оккупацию открыто, то усматривал в ней некую политическую благодетельность для страны. Были и такие, кто остро чувствовал неизмеримое превосходство “сумрачного германского гения” над “духом торгашества” и посему приветствовал приход немцев как носителей идей “освобождения”. К их числу относился выдающийся норвежский писатель К. Гамсун, выступивший по радио с речью, в которой призвал соотечественников поддержать правительство Квислинга.

После войны Гамсуна судили за коллаборационизм, но из-за преклонного возраста сочли слабоумным и отправили в дом для умалишенных, оштрафовав заодно на четыре пятых его состояния. Ан и впрямь: зачем сумасшедшему деньги? До сих пор в Норвегии (стране, буквально утыканной памятниками всем и вся) нет ни одного памятника Гамсуну – человеку, прославившему свою страну в начале двадцатого века, но запятнавшему себя по чисто культурологическим соображениям коллаборационизмом.

Что же до политиков и политических партий, то о них ясно выразился норвежский писатель С. Хель, отмечавший, что приход немцев горячо приветствовали правые, видевшие в Гитлере защиту от самого страшного пугала – большевизма, и крестьянская партия, воссылавшая хвалу Господу за Гитлера.

Было, было. Правда, теперь вспоминать об этом дурной тон и почти что

криминал. А сразу же после окончания войны начался процесс активного вытеснения из памяти этих неприятных обстоятельств, в результате чего Норвегия предстала в роли страны-страдальцы, оказывавшей в едином порыве героическое внутреннее и внешнее сопротивление оккупантам.

И, наконец, главное. Отсутствие воли к сопротивлению, наглядно продемонстрированное норвежской армией, да и всем норвежским обществом, отсутствие желания противостоять агрессору было лучшим свидетельством тому, что “новый порядок” не рассматривался в качестве чего-то совершенно неприемлемого для норвежцев. И они были в этом отношении не одиноки: отсутствие желания противостоять национал-социалистской Германии наглядно показала и “остальная Европа”: Франция, Бельгия, Голландия, Чехословакия и уж тем более Австрия.

Что ж, в самую пору поговорить о Сопротивлении и сопротивленцах.

Сопротивление, как известно, бывает активное и пассивное. В качестве пассивного сопротивления можно привести историю двух норвежских фермеров, оказавших помощь советским военнопленным и попавших за это в немецкий концлагерь.

4. Добрые самаритяне

Двое стариков-фермеров попали в концлагерь из-за того, что помогли бежать русским пленным. Однажды к находящемуся уже в преклонных летах Перу Гулану пришел русский военнопленный и спросил, как лучше пройти в Швецию. Старик показал тропу. А через несколько часов по следу пришло трое немецких солдат.

– Видел русского?

– Да, видел, – вежливо ответил старик. – И дорогу ему показал.

От удара старик свалился на землю. Больше от него не удалось добиться ни слова за все два года заключения. “Не разговариваю с людьми, которые в ответ на вежливые слова лезут с кулаками в лицо”, – говорил он после освобождения.

Другой крестьянин, по фамилии Таросен, умер в лагере. К нему тоже пришли трое русских. Он накормил их, пустил ночевать и наутро, указав кратчайший путь в горы, снабдил хлебом, сыром и удочками для ловли рыбы. А когда через некоторое время к нему в поисках бежавших русских пришли немецкие солдаты и спросили, не видел ли он русских – с той же откровенностью ответил, что не только видел, но, как добрый самаритянин из Евангелия, оказал им милостыню. Когда нацисты избивали его, он все время повторял: “Если бы и вы пришли ко мне за милосердием, я оказал бы вам его”. И об этом твердил все время заключения в концлагере до самой своей смерти.

После войны жена кузнеца из окрестностей Бергена Мария Эстрем издала документальную книгу воспоминаний под названием “Дневник русской мамы”. В советское время эта книга была издана на русском языке, а сама М. Эстрем – удостоена советского ордена Отечественной войны. И подобных примеров христианского милосердия со стороны простых норвежцев было немало.

Гораздо хуже обстояли дела в оккупированной Норвегии с сопротивлением активным, то есть с сопротивлением с оружием в руках. Здесь надобно отметить, что данный род сопротивления норвежцам в сущности **навязали** английские спецслужбы и НКВД вкуче со Смершем и ГРУ.

Весной 1941 г. возник подпольный центр военного Сопротивления, получивший сокращенное название “Милорг”. А уже зимой 1941/42 г. сложился руководящий центр гражданского Сопротивления – Координационный комитет, имевший сеть подпольщиков по всей стране и видевший свою задачу в противодействии фашизации и накоплении сил для начала восстания в тот момент, когда союзники высадятся в Норвегии. Они настороженно относились к актам саботажа и диверсий, организуемым британским УСО. Это обстоятельство обусловило, как отмечает без тени иронии ряд современных исследователей, преобладание в норвежском Сопротивлении невооруженных форм борьбы.

К концу войны “Милорг” располагал так и не вступившей в бой сорокатысячной подпольной армией. А 7–9 мая 1945 г. его отряды взяли на себя охрану порядка в стране, благо сопротивления со стороны капитулирующих частей вермахта они не встретили.

Тем самым Норвегия продемонстрировала всему миру текучесть и проблематичность границ, разделяющих – не только в понятийном, но и практическом планах – военное и гражданское сопротивление. Впору даже вводить в научный оборот новое понятийное членение: **активное и пассивное военное сопротивление**.

Были известны случаи, когда организовывались даже ООО и ЗАО с целью помощи беженцам в пересечении шведской границы. В частности, возникла фирма “Перевозки Карла Фридрихсена”, которую основал бывший полицейский Альф Петтерсен, работавший в тесном контакте с Сопротивлением. В период с октября 42-го по середину января 43-го, когда Петтерсен с женой были вынуждены бежать от гестапо за рубеж, два грузовика компании курсировали четыре-пять раз в неделю от Осло до границы. На каждом автомобиле было место для двадцати человек, спрятанных среди перевозимой картошки, сена или деталей машин. Ярым с шофером всегда располагался проводник из Народного фронта. По самым заниженным оценкам, за одиннадцать недель своего существования “Перевозки Карла Фридрихсена” доставили в безопасную Швецию свыше тысячи человек.

Ярким примером воли рядовых норвежцев к сопротивлению оккупантам стала так называемая Молочная забастовка, случившаяся в Осло в сентябре 1941 года. Справедливости ради, героями ее следует назвать и оккупационную администрацию и местные власти, прославившиеся своим ротозейством и головоупяцтвом в вопросах продуктового снабжения столицы Норвегии.

8 сентября 1941 года, когда рабочие не получили положенных им молока и сливок на своих предприятиях, они, не сговариваясь, покинули свои рабочие места и разошлись по домам. Оставить столицу без молокопродуктов – такого не случилось со времен викингов! И уже на следующий день, 9 сентября, в забастовке приняли участие около 25 000 рабочих Осло. Двое зачинщиков забастовки были расстреляны, лидеры профсоюзного движения перешли на нелегальное положение, однако перебои с продовольственным снабжением прекратились.

А какое же сопротивление без Штирлицев? Были в Норвегии и свои штирлицы, точнее, один, а еще вернее, одна. Это была известная красавица и актриса Соня Вигерт (1913–1980). Начиная с 1941 года Соня активно сотрудничала с норвежским сопротивлением, точнее, со шведской разведкой, агентом которой она стала в 1942 году, получив оперативный псевдоним “Билл” (“Bill”).

В августе этого же года она была направлена на родину с целью установления связей в среде высшего немецкого командования для сбора информации. Ей без особого труда удалось очаровать рейхскомиссара “всея Норвегии” Й. Тербовена. Внимание к ослепительной нордической красавице со стороны Тербовена росло параллельно с запросами “Билла”, в результате чего в 1942 году Соня Вигерт вступила в контакт с американской разведкой, представленной американской дипмиссией в Стокгольме. С 1944 года она уже официально работала на американскую разведку (Office of Strategic Services) – мать ЦРУ.

Однако тут вышел досадный казус: к осени 1943 года СД и гестапо имели уже достаточно информации о деятельности Сони Вигерт, чтобы заподозрить её в антигерманских настроениях, и шланг, по которому поступал к ней “информационный кислород”, был туго зажат немецким гаечным ключом.

Нельзя сказать, что вооруженного сопротивления в Норвегии совсем уж не было. Однако организаторами и вдохновителями его были не король и правительство Норвегии в эмиграции, а Черчилль со своим Special Operations Executive (SOE) и тов. Сталин со своими НКВД и Смершем.

Речь в данном случае должна идти о трех группах, использовавших методы и тактику спецподразделений: “Рота Линге” (Company Linge), “группа Шетланд” (Shetland) и партизаны северного норвежского региона Финнмарк (Finnmark).

“Рота Линге” и “группа Шетланд” были сформированы на начальном этапе войны британскими властями в рамках SOE. SOE была секретной организацией, созданной в 1940 году Черчиллем “для саботажа и подрывной деятельности на оккупированной врагом территории и для создания ячеек обученных людей для оказания помощи группам сопротивления”. Их диверсионно-разведывательная роль и задачи не менялись всю войну. Именно в них служили герои

норвежского Сопrotивления Тур Хейердал и ставший после войны личным телохранителем короля Хокона Макс Манус, действовавшие, кстати, не без ведома и благословения НКВД. Напомним, что Т. Хейердал забрасывался в Норвегию с советской территории, а М. Манус проник через СССР в Турцию, из которой и отбыл в Новый свет. Согласитесь, СССР отнюдь не был проходным двором, чтобы какой-то беглый норвежец смог проехать по нему с севера на юг да еще и перебраться на Туретчину!

Именно английские командос, в составе которых были норвежцы, и взорвали в феврале 1943 года хранилища тяжелой воды на заводе в Рьюкане — вошедшая в историю Второй мировой войны операция “Gunnarside” (“Ганнерсайд”). Через год он был добомблен англо-американской авиацией в ноябре 1944-го.

Третья группа, партизаны Финнмарка, менее известна, так как действовала она под командованием советских войск и состояла из лиц, бежавших на восток после немецкой оккупации. Эта группа была организована и обучена НКВД. Хотя их операции начались еще в конце 1940 года, деятельность их оценивается обычно в период 1941–44 гг. Партизанские операции были сфокусированы в Тромсе и Финнмарке, двух самых северных областях Норвегии. Эти партизаны оказали серьезную помощь 14-й советской армии в районе Западная Литса в советском Заполярье.

Именно их деятельность привела к успешному разрушению советскими войсками немецкой инфраструктуры 70-тысячной группировки вермахта в Финнмарке и Северной Финляндии. В результате советская авиация наносила успешные удары по немецким складам, базам, фортификационным сооружениям. Однако большая часть разведывательных сетей в восточном Финнмарке была вскрыта.

Точное число партизан, обученных советской разведкой, до сих пор неизвестно, но по разным оценкам оно может составить около 75 человек. Норвежский историк Р. Ульстер считает, что 35 из них были убиты, а бежавшие или попавшие в плен уверены, что погибли почти все.

Однако самым боеспособным отрядом норвежского Сопrotивления стали наши соотечественники. с нацистским режимом активно боролась целая русская армия, отличавшаяся высокой боеспособностью и железной дисциплиной. Армия эта состояла из бежавших с гитлеровской каторги советских солдат и офицеров, а командовал ею бывший разведчик, начальник Информационного управления ГРУ, подполковник Василий Андреевич Новобранец.

В один прекрасный день немецкий концлагерь, в котором находился подполковник Новобранец, прекратил свое существование. Наши пленные разоружили и ликвидировали охрану. Оружия же в лагере хватало на целый батальон. После этого первая на территории Норвегии советская воинская часть отправилась на освобождение других военнопленных. Вскоре батальон вырос в полк, затем перерос в дивизию и, наконец, превратился в настоящую, хорошо вооруженную армию с грамотными командирами и бесстрашными солдатами. Эта армия, задолго до капитуляции Германии, сумела очистить Норвегию от гитлеровцев, после чего разместилась гарнизонами по стране. Бывший военнопленный, а ныне командующий самостоятельными войсками В. Новобранец пользовался огромным авторитетом у норвежцев. С большим уважением и, надо полагать, с легкой опаской относился к нему и возвратившийся в Норвегию в июне 1945 года страну славный король Хокон.

Это совершенно отдельная и драматическая история. Уже закончилась война, подписан акт о капитуляции Германии, а войска В. Новобранца так и стояли в Норвегии, не зная, как им вернуться домой.

Наконец, Новобранец обратился к самому королю с просьбой обговорить с правительством СССР вопрос об эвакуации его солдат. Его величество моментально согласился, поскольку присутствие хорошо вооруженных русских на территории королевства приводило его в легкое смущение и даже замешательство. И король героически сел сочинять письмо самому товарищу Сталину.

В. Новобранца проверяли целых десять лет. Выручили его норвежские друзья, приехавшие в СССР в 1954 году и потребовавшие у Председателя Совмина встречи с ним.

В кратчайший срок В. Новобранца доставили спецрейсом в Москву, восстановили в армии, присвоили очередное звание полковника, после чего устроили встречу с его норвежскими соратниками. В. А. Новобранец повторно

отучился в Академии Генштаба, служил Родине и умер в 1984 году. Однако его мемуары, касавшиеся освобождения Норвегии и “службы” героическому королю Хокону VII, до сих пор так и не опубликованы.

5. Добровольческий легион “Норвегия”

Сопrotивление – понятие довольно расплывчатое, если не сказать, мутное, и обозначает оно по сути оборону. А лучшая оборона – это, как известно, нападение. Так что к числу “активных сопротивленцев” – правда, уже не Германии, а СССР – можно отнести и норвежских бойцов из Добровольческого легиона “Норвегия” и прочих заблудших подданных доброго короля Хокона, служивших в частях СС-Ваффен.

В июне 1941 года призыв иностранных добровольцев в “германских” странах шел довольно бойко. Многие члены пронацистских партий присоединились к “крестовому походу” против большевизма. Агитация была незамысловата, зато эффективна и сводилась к нехитрой формуле: “Ты, Юхан (Свен, Шарль, Кеес) против немца ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ, а с немцем ты, Юхан (Свен, Шарль, Кеес) – СВЕРХЧЕЛОВЕК!” Сверхчеловеками хотели стать, на первых порах, многие. К тому же многие политические и иные деятели, открывавшие вербовочные пункты в своих странах, крепко рассчитывали (как голландцы или норвежцы – в лице Квислинга) на получение своей доли русской земли.

Правда, первоначально Квислинг замахнулся на незамерзающий порт Мурманск вкупе со всем Кольским полуостровом, в подземных кладовых которого залегают буквально все элементы периодической таблицы Менделеева. Однако германский фюрер ответил своему норвежскому вассалу весьма жестко, и раскатавшему губу – не дуру Квислингу пришлось закатать ее обратно и обратить свои взоры на украинские черноземы, которые и были вскоре проинспектированы его аграриями.

В результате активных пропагандистских мероприятий во фронтовых частях и различных военизированных соединениях германского фюрера оказалось до 100 тысяч скандинавских добровольцев. Почти каждый десятый из них не вернулся с Восточного фронта, на котором потомки варягов воевали с первых часов войны.

К концу июля 1941 года в Германию отправились первые триста норвежских добровольцев. После прибытия в Киль они были отправлены в учебный район Фаллинбостел. Здесь первого августа 1941 года был официально создан добровольческий легион “Норвегия”. В середине августа сюда прибыли еще 700 добровольцев из числа бывших подданных отважного короля Хокона, а также 62 добровольца из норвежской общины в Берлине.

16 марта 1942 года легион численностью более 2000 человек прибыл на Ленинградский участок фронта. В нескольких километрах от Ленинграда норвежцы были введены в состав 2-й пехотной бригады СС. После прибытия части легиона стали нести патрульную службу, а затем принимали участие в боях на фронте до мая 1942 года.

В это же время на фронт прибыла первая из четырех полицейская рота Норвежского легиона, созданная в Норвегии из пронемецки настроенных полицейских, “отметившихся” своими зверствами у Константиновки, Красного Бора и Красного Села над советскими подпольщиками и партизанами. Так, лишь с 24 октября по 5 ноября 1941 г., было казнено 118 человек, из них 31 за агентурную деятельность.

Несли свою службу норвежские эсэсовцы и в концлагерях Ленинградской области: таковых лишь под одной Гатчиной было целых три.

Надо сказать, что новоявленным варягам на фронте если и везло, то не слишком. С первых же дней долговязые борцы с коммунизмом стали отличной мишенью для наших снайперов, о чем писал в своих воспоминаниях один немецкий артиллерист (Липпих В. “Беглый огонь. Записки немецкого артиллериста 1940–1945 гг.” М.: Яуза-пресс, 2009). А посему охотникам на русского медведя приходилось сидеть в окопах согнувшись в три погибели, уже не мечтая разглядеть его берлогу.

После успешного выполнения своих полицейских функций на оккупированных территориях Ленинградской области норвежские эсэсовцы были отправлены под Минск для борьбы с партизанами. Но и там им не слишком везло. В феврале 1943 года 800 оставшихся в живых легионеров были соединены

с запасными ротами, а в конце марта легион был выведен с фронта и отправлен обратно в Норвегию.

Эти субъекты “активного вооруженного сопротивления” были признаны преступниками и осуждены послевоенным норвежским судом к различным срокам тюремного заключения и каторжным работам. Осуждены были и вернувшиеся из плена эсэсовцы.

Памятников в современной Норвегии им, как преступникам, не ставят. Зато один такой поставлен им в России. И надо же было такому случиться, что именно в Красном Селе, где они прежде и зверствовали. Так, 23 августа 1998 года в Красном Селе – пригороде Санкт-Петербурга – был открыт и освящен настоятелем местной церкви памятник норвежским оккупантам, погибшим на Ленинградском фронте во время блокады города. Памятник, точнее могильный камень, поставлен на территории церкви святого Александра Невского.

В российской печати об этом эпохальном событии, происшедшем по благословению главы местной администрации в лице **В. В. Фролова**, не было проронено отчего-то ни слова. По словам председателя приходского совета **О. Б. Поликарповой**, норвежцы, погибшие в Красном Селе, были “насильно” пригнаны под Ленинград: “Они хотели служить в Финляндии, а не воевать в России, их обманули, и они стали просто пушечным мясом”. Установка мемориального камня была поддержана и немецко-русской организацией “Примирение” (занимающейся поиском и захоронением останков немецких солдат, погибших в Ленинградской области) во главе с **Юрием Лебедевым**. Широкий, широкий русский человек. Впору бы кое-кого из нашего брата-русака и впрямь сузить!

Среди добровольцев, состоявших в нацистской партии и воевавших в таких частях, как полк “Нордланд” в составе дивизии СС “Викинг” (Восточный фронт), убито около 1000 человек. Число погибших бойцов Сопротивления – **2091 человек.** Жертвы бомбардировок союзников – **752 человека.** Участниками движения Сопротивления уничтожено **65 норвежцев** и **15 немцев.**

Полтора десятка убитых оккупантов – это, бесспорно, изрядное достижение норвежского Сопротивления.

Одним словом, норвежским историкам еще предстоит выяснять и выяснять, на каких фронтах норвежцы “сопротивлялись” пуще: на своем собственном – норвежско-германском или все же на советско-германском.

6. Освобождение

Успешное проведение советскими войсками Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции вынудило Финляндию выйти из войны. К осени 1944 года войска Карельского фронта в основном вышли на довоенную границу с Финляндией, за исключением Крайнего Севера, где гитлеровцы продолжали занимать часть советской и финской территорий. Германия стремилась удержать за собой этот район Заполярья, являвшийся важным источником стратегического сырья (медь, никель, молибден) и имеющий незамерзающие морские порты, в которых базировались силы германского флота. В районе Лапландского “гранитного вала”, в труднопроходимой горно-лесистой местности со множеством скал, рек, озер и болот за три года была создана сильная оборона, состоявшая из трех полос глубины до 150 км. На фронте длиной около 100 км тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, а господствовавшие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости.

В общем, для “русского медведя” настала пора освобождаться и от своих норвежских “освободителей”.

Командующий войсками Карельского фронта генерал армии К. А. Мерецков писал: “Под ногами тундра, сырая и какая-то неудобная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели... Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал... Тем не менее, нужно было воевать. И не просто воевать, а наступать, бить врага, гнать его и уничтожить. Пришлось вспомнить слова великого Суворова: “Где прошел олень – там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень – там все равно пройдет русский солдат”.

В Петсамо-Киркенесской стратегической операции войскам 14-й армии Карельского фронта предстояло нанести удар в направлении на Луостари и Петсамо (Печенгу), освободить эти города, разгромить в Заполярье основные силы немецкого 19-го горнострелкового корпуса и в дальнейшем наступать на Киркенес в Северной Норвегии. Северный флот должен был содействовать 14-й армии высадкой морских десантов на побережье; кораблям также ставилась задача блокировать порты Петсамо и Киркенес и воспрепятствовать противнику эвакуировать свои войска морем. Планировалась активизация действий подводных лодок. С воздуха наши войска поддерживали 7-я воздушная армия и авиация Северного флота.

Так оно и вышло. И тут благородный король Хокон, получив в Лондоне известие о вступлении Красной Армии в пределы своего королевства, вспомнил о “вековой дружбе” русского и норвежского народов и выступил с обращением к своему народу по лондонскому радио. Его выступление было вполне под стать знаменитой Песне Варяжского гостя из бессмертной оперы Н. А. Римского-Корсакова.

Не исключено, что при этом он держал в уме и щекотливую мысль о том, что теперь норвежские коммунисты, вдохновленные успехами советских войск, начнут “реформировать” норвежскую конституцию, после чего ему, благородному Хокону, придется перекалцифицироваться в персональные пенсионеры, а его сыну – наследнику престола – подыскивать себе другую работу.

И вот что сказал тогда своему припавшему к радиоприемникам народу мудрый король Хокон:

“Русская угроза” – явление не новое. Мы знаем миф о “русских точильщиках”.

Тут надобно напомнить, что накануне Первой мировой войны пресса в Швеции и Норвегии подняла шум вокруг русских точильщиков, которые приезжали в Скандинавские страны на временную работу. Они ходили по провинциальным городам, селам и хуторам, занимаясь своим ремеслом. Скандинавские газеты бесосновательно приписывали им занятие шпионажем.

“Новое, что пришло после русской революции, – продолжал не страдавший плохой памятью благородный король Хокон, – “большевистская угроза”. **Сейчас нет никаких доказательств, что Россия имела по отношению к Норвегии какие-либо агрессивные планы. Наоборот, нет недостатка в доказательствах того, что страх перед русскими и большевиками систематически возбуждается государственными и кругами, имеющими агрессивные планы против России. В истории, начиная с 1918 г., имеется более чем достаточно тому примеров”.**

Это был увесистый бульжник, запущенный прямо в бульдожью морду Черчилля – милостивца Хокона Седьмого.

“Представители реакционных кругов пытались посеять этот страх и в норвежском народе, – все более и более воодушевлялся в своей речи пламенный король норвежцев. – Эти круги заинтересованы в том, чтобы норвежское население поддерживало войну Гитлера против Советского Союза. И эти люди хотят прийти к власти в Норвегии после войны.

На международной арене Советский Союз был решающим фактором в борьбе демократических стран против гитлеровского варварства. В нашей национальной борьбе норвежские коммунисты стояли в первых рядах мобилизации боевых сил народа против угнетателей и против тех, кто не хочет, чтобы развитие после войны пошло на основе конституции. Путь к свободной, независимой, демократической Норвегии – это путь лояльного и тесного сотрудничества со всеми объединенными нациями, в том числе и с Советским Союзом. Этот путь ведет через откровенное сотрудничество всех честных патриотических сил в норвежском народе, включая коммунистов.

У нас есть много доказательств дружбы и симпатий правительства Советской России и русского народа к нашей стране. И мы с восхищением и восторгом следим за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца – оказывать нашим советским русским союзникам самую большую поддержку”.

Надо полагать, что подданные, прослушавшие речь своего возлюбленно-го монарха, разом выпали в осадок. Прежде они слыхивали о русских и со-

ветских большевиках совсем иные речи и привыкли к совсем иному **практическому** отношению правительства его величества к косматому русскому медведю. Но... все течет, но не в одну и ту же реку.

Надо сказать, что подданные не забывали Хокона, когда он находился в добровольном лондонском изгнании. Так, однажды специально для него была привезена контрабандой ёлочка с его любимой родины. А уже после возвращения королевской семьи в Осло у норвежцев сложилась традиция посылать каждый год пушистую норвежскую красавицу в Англию, где её устанавливают на Трафальгарской площади в Лондоне. Так по сию пору благодарят норвежцы своих братьев-англичан за их поддержку во время немецкой оккупации.

... 8 мая в Норвегии, как и в других странах Европы, отмечается День Освобождения. В этот день в 1945 году состоялась капитуляция Германии.

Акт капитуляции, как известно, был подписан сепаратно 7 мая в Реймсе (Франция), что вызвало резкую реакцию Москвы. В тот же день поздно вечером командующий немецкими войсками в Норвегии генерал Ф. Бёме получил распоряжение о капитуляции всех частей и подразделений. В 22.00 по радио NRK норвежцы услышали официальное подтверждение о завершении войны и оккупации страны.

Формальная же капитуляция состоялась на следующий день, 8 мая, в 23.30 по местному времени в Лиллехаммере, где находилась штаб-квартира немецкого командования. На улицах норвежских городов к тому времени уже шли народные ликования.

Всего к тому моменту в Норвегии находилось около 351 тысячи немецких солдат. Как отмечают норвежские историки, правительство в Лондоне, **опасаясь возмозных провокаций**, призвало норвежские отряды Сопротивления к спокойствию и порядку. Однако обошлось без эксцессов, и оккупанты, и еще вчера оккупируемые сидели тихо – тише воды, ниже травы, явно опасаясь неадекватной (или, напротив, адекватной) реакции “своих партнеров по переговорам”. Правда, вторые радовались больше первых. В тот же день рейхскомиссар Й. Тербовен и ряд нацистских лидеров покончили с собой, другие, включая Квислинга, были арестованы и преданы суду.

11 мая прошла церемония сдачи крепости Акерсхус норвежским частям. 13 мая в столицу прибыл кронпринц Олаф, его приезд также ознаменовался бурным народным ликованием. Остальные члены королевской семьи, в том числе король Хокон, прибыли 7 июня, – в тот же день, когда они покинули страну в 1940 году. До этого момента страна в течение месяца после германской капитуляции формально управлялась вооружёнными силами союзников.

А теперь о предмете, вынесенном в заглавие нашего эссе. О канцелярской скрепке – изобретении сумрачного варяжского гения. В годы оккупации скрепка стала символом “норвежского сопротивления”. На сей счет в королевстве бытуют две льстящие вольному варяжскому духу версии.

Версия первая

В феврале 1942 года администрация Квислинга издала указ о создании Национального педагогического союза, в который должны были войти все учителя начальных и средних школ, что должно было гарантировать воспитание подрастающего поколения в духе национал-социализма. Надо сказать, что такие, прямо скажем, дуболомные директивы были следствием требования германского фюрера “Верните мне норвежцев!” и были отданы “во исполнение” его поручения обеспечить максимальную лояльность населения.

Однако, как утверждают современные норвежские источники, “практически все учителя отказались вступать в нацистскую организацию, так как воспитание детей по нацистскому образцу противоречило их совести”. Тогда правительство начало увольнять и арестовывать учителей. Более 1300 учителей были отправлены в концлагерь, 500 на принудительные работы. В ответ начались забастовки всех учебных заведений Норвегии. В качестве знака солидарности с учителями и участниками забастовки было предложено носить на одежде (лацкане пиджака, воротнике, кармане и т. д.) обычные канцелярские скрепки. В результате, видя нарастающее сопротивление населения нацистским порядкам, оккупационные власти вынуждены были пойти на уступки. В октябре 1942 года **ВСЕ** арестованные учителя были отпущены, а членство учителей в Национальном педагогическом союзе стало не обязательным.

Версия вторая

По этой версии, местным жителям запрещалось носить любые значки с изображением или инициалами норвежской королевской фамилии, и тогда символом единения нации и патриотизма стала обычная скрепка. “За скрепку на лацкане пиджака можно было запросто угодить в тюрьму, а то и лишиться жизни”, как утверждают все те же современные норвежские источники. С тех пор норвежцы очень трепетно относятся к этому предмету офисного обихода, почитая его своеобразным символом нации.

В январе 1990 года в Норвегии был воздвигнут единственный в мире памятник скрепке. Выполненная из нержавеющей стали, она была установлена в Осло, а через девять лет попала и на почтовую марку, чего удостаиваются далеко не многие проминенции.

Вот как надо бороться с иноземными захватчиками за свое освобождение и побеждать — СКРЕПКОЙ, то есть малой кровью, пусть и на своей территории. Так что, кто более матери-Норвегии ценен — Скрепка или же Хокон Седьмой — это еще большой вопрос.

А теперь подытожим. Итак, число погибших норвежских солдат составило около двух тысяч.

Среди добровольцев, состоявших в нацистской партии и воевавших в таких частях, как полк “Нордланд” в составе дивизии СС “Викинг” (Восточный фронт), убито около 1000 человек.

Число погибших бойцов Сопротивления — 2091 человек.

Жертвы бомбардировок союзников — 752 человека.

Участниками движения Сопротивления уничтожено 65 норвежцев и 15 немцев.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находился 101 подданный короля Хокона.

Норвежцев называют иногда “русскими Скандинавии”.

Ну, не знаю, не знаю...

Уничтожить за годы оккупации **65** гитлеровских прихвостней и **15** немцев — это для русских партизан, пожалуй, чересчур.

III. КОРОЛЬ-БЕЛОШВЕЙКА

Быть нейтралом — это всегда придерживаться политики “и нашим, и вашим”. Вернее сказать так: в каких-то областях действительно “и нашим, и вашим”, а в каких-то — “ни вашим, ни нашим”.

В ходе Второй мировой войны в нейтралах ходили в Европе Андорра, Испания, Ирландия (в пик Англии), Лихтенштейн, Монако, Португалия, Сан-Марино, Швейцария и Швеция. А на Востоке Афганистан, Иемен и Тибет. Может, и еще кто, ну да не суть — не будем вдаваться в дебри юридических фикций.

Нас же интересуют в данном случае шведы.

Шведы числились нейтралами с 1814 года — с момента подписания Кильского мирного договора, по которому датский король отдавал свое наследственное право над Норвегией королю шведскому. А за четыре года до этого на шведский трон взошел бывший маршал Франции хитрый гасконец Бернадотт, на груди которого красовалась тщательно скрываемая с некоторых пор татуировка: “Смерть королям!”.

Принципиальный был товарищ.

Нелишне напомнить при этом, что королем шведов он стал благодаря русскому царю Александру Первому Благословенному. Но это уже тема другой диссертации.

Король Швеции Густав V (1858–1950) был из династии Бернадоттов и унаследовал от своего далекого предка не меньшую принципиальность, равно как и хитрость.

Вошел же он в историю Швеции как покровитель спорта. Именно Густав Пятый содействовал проведению в Стокгольме в 1912 г. Олимпийских игр, был страстным поклонником футбола, но, главное, отличным теннисистом, породив не к ночи будь помянутую традицию бегать в трусах по корту, вместо того чтобы работать на благо страны с документами. Под псевдонимом “Мистер Г.” он сам неоднократно участвовал в ряде турниров, в том числе и международных.

Другим же хобби короля была вышивка. Вышивал он и крестиком, и гладью на зависть иным белошвейкам и к восторгу своих набожных подданных.

А еще он дружил с Гретой Гарбо, поучаствовавшей, как и положено звезде первой величины, в шпионских делах. “Снежная Королева” водила дружбу как с датским королем Христианом X, так и со шведским Густавом V, что весьма поспособствовало переправке известного физика Н. Бора из Дании в Швецию, а оттуда в Англию и США, где тот всюю включился в процесс создания атомной бомбы.

1 сентября 1939 года первые немецкие бомбы упали на Варшаву.

Лондон развлекал слушателей музыкой: в эфире звучал красивый и немного грустный вальс, из Парижа также неслась в эфир музыка – что-то опереточное, веселое, Вена же – как это ни покажется странным – транслировала не вальсы Штрауса, но речь Гесса, обращенную к странам... Африки. Лишь воинственный Берлин передавал записанную на пленку патетическую речь фюрера.

Из Стокгольма также доносились звуки легкой музыки. Прослушав ее, Густав V выключил радиоприемник и посоветовал своему правительству выступить с декларацией о нейтралитете своего королевства.

Следует отметить, что нейтралитет Швеции со времен Ледового перехода М. Б. Баркляя-де-Толли был весьма зыбок, а перед Великой (Первой мировой) войной королевство припомнило вдруг все обиды, “чинившиеся ей Россией” со времен Петра Великого и чуть было не вступило в войну на стороне Центральных держав, т. е. Германии и Австро-Венгрии. От такого, прямо скажем, весьма опрометчивого шага Густава V уберегла превентивная мера командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. Эссена, отправившего в первые дни войны к берегам королевства эскадру Балтийского флота.

Тем не менее, опасность вступления в войну Швеции на стороне Центральных держав против России сохранялась, и русская военно-морская разведка сравнивала политику Швеции с капризной женщиной, которая в любую минуту может изменить свое мнение в ту или другую сторону.

Декларированный нейтралитет был в одночасье забыт во время советско-финской войны, когда в Швеции был создан Добровольческий корпус, насчитывавший к концу войны 12 тыс. человек. Созданное по случаю “Движение солидарности” требовало даже отправки в Финляндию регулярных войск, однако после энергичных протестов советской стороны шведы от этой идеи отказались. Шведский Добровольческий корпус, как уверяют нас современные шведские историки, не участвовал в серьезных операциях, однако освободил финскую армию от несения караульной службы в обширных пограничных районах Северной Финляндии.

Совершенно иначе повели себя шведы менее чем через месяц после окончания советско-финской войны – 9 апреля 1940 года, когда гитлеровцы оккупировали Данию и вторглись в соседнюю Норвегию.

Тут уже ни один “доброволец” не был послан в Норвегию, где шли бои между немецкими войсками и отдельными частями норвежской армии. Ни одно орудие, – да что там орудие! – ни один патрон не был переброшен через шведско-норвежскую границу.

Сказать, что Швеция была не на шутку напугана решительностью германского фюрера – значит не сказать ничего. И хотя правительство и объявило о готовности защищать свой нейтралитет, военное командование прекрасно осознавало, что обороноспособность страны была серьезно ослаблена переброской значительной части военной авиации, артиллерии, а также всех видов военного снаряжения Маннергейму. Не были ослаблены лишь военно-морские силы и береговая оборона, однако адмиралы и высший офицерский состав был ненадежен, симпатизировал Германии и готовил военный переворот.

Во главе заговора стоял вице-адмирал Тамм. По его приказу военные корабли, вошедшие в фиорд, соединяющий Балтийское море с озером Маларён, на котором расположен Стокгольм, должны были высадить в ночь с 10 на 11 апреля десант, в задачу которого входил арест премьер-министра Ганссона и его правительства. В свою очередь, офицеры столичного гарнизона должны были оказать морякам помощь, блокировав военное министерство, полицию и верные правительству части.

Заговор, однако, не удался: узнав о нем, англичане проинформировали начальника контрразведки, а тот доложил начальнику генерального штаба.

Премьер-министр, получив сообщение о заговоре, тут же информировал короля. Было принято решение арестовать вице-адмирала Тамма и близких ему морских офицеров. Были произведены аресты и среди офицеров стокгольмского гарнизона.

Если политическая обстановка в Швеции относительно нормализовалась, то экономическое положение страны резко ухудшилось: полностью прекратилась торговля с западноевропейскими странами и Америкой. Торговые суда либо застряли в портах воюющих держав, либо были поставлены на прикол у шведских пристаней. Экспорт шведской железной руды, шедший через Нарвик, полностью прекратился. Лесная и целлюлозная промышленность северной Швеции, работавшая на Англию и США, остановилась. Внешняя торговля Швеции, игравшая значительную роль в ее экономике, сократилась за две недели германского вторжения в Скандинавию на 60 процентов. Финансовое положение страны стало отчаянным.

Шведскую элиту охватили чемоданные настроения. Первым сбежал из Стокгольма и из Швеции один из самых богатых ее жителей – крупный миллионер-промышленник Веннер-Грен. За ним последовали члены семьи миллионеров Бонниер. А банкиры Валленберги уже давно наслаждались гостеприимством далекой от войны Америки. Миллионеры, банкиры и дельцы помельче покинули столицу, надеясь избежать бомбежек, спрятавшись в мелких городках или поселках. Большинство из них направилось на север Швеции, к финской границе и в Финляндию – поближе к берлоге русского когтистого медведя. Теперь даже они поняли, что получившая советские гарантии безопасности Финляндия стала самым спокойным местом, где можно было действительно не бояться неожиданных бомбардировок или вторжения иностранных войск.

И вот настало 22 июня 1941 года.

Казалось бы, нейтралитет, как и дворянство, обязывает. Однако в этот же день немцы потребовали согласия на транзит через Швецию немецких войск, следовавших из Норвегии в Финляндию на северный участок советско-германского фронта. И король Густав V, грозя правительству отречением, вынудил его пропустить гитлеровские войска. В нарушение всех норм нейтралитета и Гаагских конвенций. Одним словом, “нейтралитет” был истолкован отчего-то в пользу Германии и в ущерб СССР и мог быть выражен простой и незатейливой формулой: “нашим, но не вашим”.

Так что блокадой Ленинграда мы обязаны в числе прочих и шведскому королю.

Именно так.

Разумеется, интрига была гораздо глубже, однако по форме все выглядело так, что правительство убоилось отречения своего горячо обожаемого монарха и пошло на откровенное нарушение международно-правовых норм, регулирующих поведение нейтрального государства во время вооруженного конфликта.

Запугав до полусмерти свое правительство, Густав Пятый вернулся домой и принялся со спокойной душой за любезное его сердцу вышивание.

В свою очередь премьер-министр социал-демократ П. А. Ханссон обещал шведам, что больше ни одна немецкая дивизия не будет пропущена на советско-германский фронт, а сама Швеция не вступит в войну против СССР. Однако несмотря на эти обещания и заверения, сделанные по большей части для Сталина, нежели для собственного народа, немецкие транспортные суда продолжали перевозить в Финляндию войска. При этом, опасаясь атак советских подводных лодок, они частенько укрывались в территориальных водах Швеции, а до зимы 1942–1943 гг. их и вовсе сопровождал конвой шведских военно-морских сил.

Не отрываясь от процесса вышивания, нейтральный Густав V весьма поспособствовал открытию немцам кредита на покупку шведских товаров и перевозки их на шведских же судах, а его благочестивое и нейтральное королевство по-прежнему оставалось основным поставщиком в Германию железной руды и многого другого, без чего война не война, а сушая каторга. В 1941 году он приватно поблагодарил Гитлера за борьбу с “большевистской чумой”. Посильную помощь оказывали шведы и своим меньшим братьям: всю войну от них к финнам шли боеприпасы и продовольствие. Трудно даже вообразить, что еще могла сделать “нейтральная” Швеция для воюющих против нас Германии и Финляндии!

Перевозку немецких военных материалов через свою страну шведы прекратили лишь в середине августа 1943 года – сразу же после победы Красной армии на Курской дуге. Очевидно, к тому времени венценосный теннисист уже в полной мере осознал, что его политические кружева и вышивание гладью могут товарищу Сталину очень не понравиться. Со всеми вытекающими из этого оргвыводами. Тем более что правовых оснований для того, чтобы объяснить шведам, что они неправы, было у СССР предостаточно.

Здраво рассудив, что на Лубянке иголки с нитками у него отберут, Густав V решил более товарища Сталина не дразнить. А то, что товарищ Сталин был настроен весьма решительно, доказывает хотя бы судьба шведского дипломата Р. Валленберга, арестованного в Берлине сотрудниками Смерша. И если СССР пошел на такой беспрецедентный шаг, как арест дипломата, да еще нейтральной страны, то говорит это о многом. И не только о глубине интриги.

Вот такая история. Вы спросите, отчего мы заговорили о Густаве V и шведах как победителях во Второй мировой войне?

Да что ж тут непонятного? Если бы не преступное милосердие кровавого тирана Сталина, то Красная Армия вполне могла провести в Стокгольме мастер-класс настоящего нейтралитета. Причем еще быстрее и эффективнее, чем на уроке, который им преподавал в 1809 году Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

Так что отделались шведы вместе со своим королем-спортсменом, можно сказать, легким испугом.

А если учесть, что жертв и разрушений за всю войну шведы так и не познали, то выглядят шведы с их королем-белошвейкой и впрямь победителями.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находилось 72 шведа.

И чего им дома не сиделось?

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

д.э.н., член-корреспондент РАЕН

МИР И МЫ

БРИК, БРИКС или...?

В конце минувшего века в Америке вышла книга Джима О'Нила "Карта роста: экономические возможности стран БРИК и за их пределами" (Jim O'Neill, *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond*, New York, Portfolio / Penguin, 2011). Её автор руководит подразделением по управлению активами "Голдман Сакс" – одного из крупнейших нью-йоркских банков с филиалами и представительствами по всему земному шару. Десять лет назад он решил объединить четыре развивающиеся страны (Бразилию, Россию, Индию и Китай) по ряду признаков – быстрые темпы роста, большие внутренние рынки, перспективные потенциалы их развития, а также по мировому весу в политических решениях. Дж. О'Нил предрек, что настанет эра, когда именно эта "четверка", а не США, Великобритания, Германия и Япония будут лидерами мировой экономики. Так родилась концепция БРИК. Тогда прогнозы о стремительном подъеме названной группы государств казались чудачеством.

Однако акроним оказался не только популярен, но и стал жить независимой от его создателя жизнью. Пожалуй, ни одной другой экономической идее в XXI веке не удавалось столь быстро воплотиться в действительность. В 2006 году произошел четырехсторонний контакт министров иностранных дел, а начиная с 2009 года БРИК проводит ежегодные саммиты, на которых обсуждаются вопросы взаимодействия на мировой арене. Группа стала признанным всеми геополитическим и инвестиционным фактором. В странах БРИК живет около трех миллиардов человек – более 40% всего 7-миллиардного населения планеты.

Торговля между членами организации развивается особенно динамично. Бразилия и Россия активно поставляют сырье, в котором так нуждаются Индия и Китай. Лидеры группы уже обсуждают альтернативы использования американского доллара в качестве основной валюты для торговых расчетов, рассматривают возможности создания общего банка. Китай и Бразилия ста-

---

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич, ученый и публицист, доктор экономических наук, член-корреспондент РАЕН, профессор Международного университета в Москве. Член Союза писателей России. Член Общественного совета газеты «Слово». Автор книг (в том числе переведенных на многие языки мира): "Миллиардеры из провинции", "Миллиарды на оружие", "Военно-промышленный комплекс США", "Бизнес-долголетие: новый тип российских миллионеров", "Модель для России", "Кризис и модернизация", "Конвергенционный набат".

ли мощными магнитами, притягивающими прямые иностранные инвестиции. В прошлом году в состав объединения была приглашена ЮАР, ставшая его пятым членом. Коалиция стала представлять интересы влиятельных и набирающих силу развивающихся государств четырех континентов: Европы, Азии, Латинской Америки и Африки – и приобрела в полном смысле глобальный формат. Уже сейчас на неё приходится свыше четверти мирового ВВП. Аббревиатура БРИК превратилась в БРИКС (последняя буква означает South Africa).

Впрочем, сам изобретатель термина не одобряет включения Южной Африки, считая, что её экономика пока что слишком мала для этого. Подводя итоги десятилетия своего теоретического нововведения, Дж. О'Нил высказывает прогнозы на будущее, указывая, где теперь следует искать потенциал роста. Им называются следующие одиннадцать стран (Next eleven, или вкратце N-11): Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Южная Корея, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция и Вьетнам. А среди них он в первую очередь выделяет четыре страны, которые в скором будущем могут стать такими же важными, как БРИК: Южная Корея, Мексика, Турция и Индонезия. «Хотя ЮАР, – подмечает банкир-экономист, – сейчас является крупнейшей экономикой Африки, она составляет приблизительно 0,5 процента от глобального ВВП и около половины объема экономики Индонезии или Турции».

Все восемь стран (БРИК и новая «четверка»), по словам О'Нила, надо уже отнести не к «развивающимся рынкам» (emerging markets), а к «растущим рынкам», или к «рынкам роста» (growth markets). Основным критерием принадлежности к этой группе он считает долю в мировом ВВП, которая должна превышать 1 процент. Главной «экономикой роста» в «восьмерке» является Китай (9,3% мирового ВВП), который по этому показателю занимает второе место в мире после США. ВВП Бразилии, Индии и России вместе составляют 8 процентов, а четырех «новичков» – 5,5 процента. Все другие экономики следует, согласно мнению автора, продолжать рассматривать как развивающиеся рынки. Лейтмотивом книги «Карта роста» служит тезис: инвесторам следует ухватиться за те возможности, которые предоставляют экономики Бразилии, России, Индии, Китая и других «growth markets».

Признавая, что успехи нашей страны в области экономики бесспорно скромнее остальных членов БРИК, О'Нил всё же видит её перспективы в радужных тонах: «России достаточно просто избегать экономических кризисов. Если это удастся, её ВВП может превысить показатели Италии к 2017 году, а в период с 2020 по 2030 год последовательно потеснить Францию, Великобританию и, в конечном счете, Германию». Заглядывая ещё дальше, эксперт полагает, что если Россия остановит убыль населения, то к середине века при среднегодовых темпах роста в 3–4% увеличит ВВП до 10 триллионов долларов – более чем в 6 раз по сравнению с нынешним. Он исходит из того, что в будущем «большая четверка» станет ещё устойчивее к глобальным финансовым и экономическим потрясениям.

Основной потенциал развития БРИК им видится на внутренних рынках и в расширении взаимной торговли. Автор считает, что западные критики России «ослеплены политической антипатией», что у нас имеются условия для диверсификации экономики и определенные преимущества в системе образования.

Тем не менее, число критиков экономики России на Западе меньше не становится. Основатель немецкого инвестиционного фонда WAM Йохен Вермут уверен, что экономическая стабильность, воцарившаяся в России в нулевые годы, превратилась в «застой», «грозный членству страны в неформальном клубе БРИК». Причиной тому, по его словам, служат высокая коррупция, отсутствие реформ, сырьевая зависимость и медленные темпы экономического роста. «Если Россия и дальше будет стагнировать, её де-факто исключат из этой группы», – заявил он недавно агентству Рейтер.

Как никогда прежде на российскую экономику ополчились в конце минувшего января на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Американский экономист иранского происхождения профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, прославившийся предсказанием глобального кризиса, и президент Eurasia Group английский экономист и банкир Ян Бреммер в ходе совместного интервью утверждали, что за 10 последних лет «товарищи» по БРИК ушли от России далеко вперед. Экономика страны, подмечали они, совершенно не диверсифицирована, а её успехи связаны с нефтяным богат-

ством, помноженным на высокие цены на углеводороды. Будущее России, по их мнению, выглядит малообещающим по причинам низкой конкурентоспособности экономики, непрозрачной структуры власти и тотальной коррупции чиновников. По разным международным рейтингам (экономической свободы, предпринимательской активности, технологическому развитию и др.) Россия, продолжали они, оказывается в конце списков и позади своих партнеров, что раньше, что теперь. Кроме того, она хуже всех остальных перенесла экономический кризис. В связи с этим ими было предложено заменить Россию в объединении на Индонезию или Турцию.

С ними солидарен экономист транснационального инвестиционного банка JP Morgan Анатолий Шаль: «Основная идея БРИК состоит в том, что это быстрорастущие страны, которые через 20–50 лет станут экономическими тяжеловесами. Но Россия сейчас не растет такими темпами, потенциальный темп экономики значительно снизился. И с этой точки зрения будет действительно справедливым исключить Россию из БРИК». А генеральный директор работающего в России с 1993 года международного алюминиевого гиганта ALCOA Клаус Кляйнфельд привел следующий пример аномальных условий для бизнеса в России: «Мне больно и обидно это видеть. Я честно сказал Дмитрию Медведеву, что не могу поверить, что в налоговую инспекцию нам пришлось представить 115 000 страниц документов на один объект».

Как же отнеслись к этим словам российские эксперты? Кем-то было замечено, что группа БРИК формально не является международной организацией, и не совсем понятно, «как оттуда нас можно выгнать». Кроме того, они апеллировали к тому, что в ближайшие годы инвестиционный климат в России должен улучшиться. Ведь анонсировал же В. Путин о том, что у страны есть задача подняться на 100 ступеней – с 120-го на 20-е место в рейтинге (Doing business), оценивающим условия для ведения бизнеса. На что сомневающийся западный оппонент вопрошал: «Не слова ли это? До этого ведь сидели десять лет на нефтяной игле, и ничего – никто не шевелился».

Справедливости ради следует отметить, что за время правления Путина сначала в качестве президента, а потом премьера ВВП России на душу населения всё же удалось почти удвоить, а разрыв в производительности труда с США также испытал позитивную динамику – уменьшился с 75% до 60%.

Европа во мгле

В середине 2009 года президент РФ Д. Медведев на Петербургском Международном экономическом форуме заметил, что, хотя наиболее острая фаза кризиса преодолена, шампанское открывать пока рано. И сейчас столь же очевидно, что не стоит этого делать. Эпицентр драматических событий с тех пор переместился из Америки в Европу, где долговые проблемы ряда стран грозят развалить еврозону. «Не туман, а мрак», «Говорим «кризис», подразумеваем «Европа», «В 2012 году нас накроет волна корпоративных дефолтов», «Греческая трагедия для Европы» – гласят заголовки статей о состоянии дел в Старом Свете.

Еврокомиссия пришла к выводу, что в 2012 году зона евро, в которую входит 17 государств, не сможет выйти из кризисной полосы, и рецессия, хотя и «умеренная», будет продолжаться. В Евросоюзе, объединяющем 27 стран, ожидается, в лучшем случае, стагнация, то есть нулевой рост. В двух западноевропейских экономических локомотивах – Германии и Франции – прогнозируется спад экономических показателей. Прирост ВВП в них не превысит 0,6% и 0,4% соответственно. Объем ВВП Италии сократится на 0,8%, на 0,2% уйдет в рецессию Испания, а экономика Греции упадет на 6%.

Главной причиной такого неблагоприятного положения стало скопление небывалых государственных долгов в Греции, Италии, Испании, Португалии и ряде других государств региона. Вследствие этого фискальные стимулы, действовавшие прежде, теперь уже неэффективны, и наступила эпоха жесткой экономии, усугубляющая ситуацию. Сокращение производства и разорение значительной части фирм и предприятий в свою очередь усиливает неустойчивость и вялость европейских рынков.

Европейский Центробанк вынужден время от времени включать печатный станок, и евро девальвируется. Небеспочвенны прогнозы дальнейшего снижения курса евро по отношению к доллару. Есть и те, кто считает, что при

сильном экономическом спаде на континенте обе валюты могут сравняться. Развала еврозоны, вероятно, не произойдет, но Греции, скорее всего, придется уйти, так как страна в принципе не может выполнять финансовые обязательства. По расчетам разных организаций, при неконтролируемом дефолте этой страны Еврозоне грозит потеря более 1 триллиона евро. Такой сценарий развития событий беспокоит не только европейцев. Почти четверть валютных резервов Китая (3,2 триллиона долларов) держатся в евро, поэтому обвала европейской валюты Китай стремится не допустить.

Кредитные проблемы в Европе обусловлены не только мировым финансово-экономическим кризисом, заставившим правительства расходовать бюджетные средства на поддержку падающей экономики, но и различиями в уровне экономического развития стран, входящих в валютную зону. В условиях открытой конкуренции и отсутствия её ограничений (в виде собственной валюты и протекционистской политики) менее сильные в экономическом отношении государства южной части Еврозоны проигрывают соперничеству «северянам». Именно на этой основе, прежде всего в Греции и Италии, происходит, и имело место ещё до начала мирового кризиса, нарастание государственного долга. Похоже, что «вылечить» такие страны за счет оказания финансовой помощи и принуждения к затягиванию поясов практически невозможно: низкая конкурентоспособность постоянно порождает всё новые и новые долги. Лишь требующие длительного времени структурные перемены могут разрешить экономические проблемы таких стран.

Распространено мнение, что выход Греции и, возможно, некоторых других стран из валютной зоны был бы в связи с этим приемлемым решением, или наименьшим из двух зол. Правда, и он весьма проблематичен, так как это чревато масштабным падением производства в регионе.

Причины нынешнего долгового кризиса уходят корнями в события 1999 и 2002 годов, когда создавалась зона евро. Главными инициаторами проекта валютного союза были Германия и Франция. Авторитетные аналитические центры тогда давали рекомендации о соответствии финансовых систем стран-претендентов требованиям, необходимым для участия в еврозоне. Желая во что бы то ни стало войти в союз, Греция занижала уровень своего бюджетного дефицита. С другой стороны, крупные западноевропейские страны торопились, больше всего думая о гарантированном сбыте своей продукции и захвате всего европейского рынка, что со временем и произошло. Расходы стран ЕС росли, приходилось занимать. Затем стали выпускать государственные облигации. Часть западноевропейских банков их покупала, но когда стало понятно, что темпы роста экономики в ряде государств настолько низки, что не позволяют обеспечивать покрытие выпущенных бумаг и займов, то оставалось надеяться лишь на Европейский ЦБ.

В 2011 году безработица в странах еврозоны достигла рекордного за последнее время уровня – 16,5 млн человек. Хуже всего обстоят дела в Испании, где безработица перешагнула за пятимиллионный рубеж – без постоянного заработка остаются почти 23% её дееспособных жителей. Не многим лучше ситуация в Греции. По мнению экономиста Citigroup Гийома Менюэ, в 2012 году количество безработных в странах Евросоюза будет только увеличиваться: «Часто можно видеть, как фирмы продолжают задерживать инвестиционные проекты. Те, кто все еще работает с прибылью, новых работников не нанимают. Для тех же, кому грозит ухудшение финансовых показателей или убытки, сокращение персонала становится единственным возможным решением».

Британский журналист Джон Ворд утверждает, что еще в январе этого года крупнейшие банки Уолл-стрит располагали информацией о точной дате греческого дефолта, запланированного на 23 марта. Он приводит факты существования тайного соглашения между Германией, МВФ и США об «ампутации» Греции и контроле над ситуацией, так как спасение мировой банковской системы всегда оставалось их важнейшей задачей. В начале марта Греции всё же удалось договориться с подавляющим большинством кредиторов о реструктуризации долга, но так, что это сочли «контролируемым дефолтом». Главы европейских стран вздохнули с облегчением. Но надолго ли спокойствие?

В СМИ всё чаще раздаются тревожные голоса. Профессор экономики Гарвардского университета Кеннет Рогофф полагает, что в Европе помимо экономического наличествует и политический, конституционный кризис. «Если, – утверждает он, – она не сможет превратиться в Соединенные Штаты Ев-

ропы, не думаю, что еврозона сохранится как устойчивое образование”. Джон Тейлор из FX Concepts разместил в интернете послание, в котором говорится: “Рынок ещё не открыл глаза на последствия краха Греции. Еврозона будет смертельно ранена, и мир перенесет значительную рецессию, может быть, такой же глубины, как и в 2008 году. Европейские банки потеряют большую часть своего капитала, и многие из них окажутся под угрозой банкротства. Но так же, как и после краха банка “Леман Бразерс”, правительства попытаются спасти банки и держателей их облигаций, независимо от ситуации с платежеспособностью. Банки потеряют всякий интерес к европейской суверенной бумаге, что вызовет режим строгой экономии, за которым последуют дефляция и бесконтрольное печатание денег. Европейская рецессия войдет в книгу исторических рекордов”.

Стагнирующие Штаты Америки

Многим казалось, что кризисное падение в главном экономическом центре мира закончилось к середине 2009 года, а восстановление началось той же осенью. С полгода экономика США росла темпом в 5%, но затем он снизился до 1,6%, чего никто из прогнозистов не ожидал. Во второй половине 2010 года рост замедлился до 1%, а безработица поднялась до 10%. Страна погрузилась в депрессивное состояние и вновь оказалась на грани очередного спада. С тех пор экономика США растет черепашьями темпами. В 2011 году её ВВП США увеличился всего лишь на 2%, а резервная армия труда намного меньше не стала. Несмотря на финансовые послабления (QE) и наличие денежного капитала, инвестиционный климат не улучшился, а госдолг продолжал расти и превзошел все прежние рекорды, перевалив за астрономическую величину в 15 триллионов долларов.

Из-за накопленной компаниями и домохозяйствами задолженности новые кредиты затруднительны. Поэтому рабочие места создаются незначительно. При таком слабом экономическом росте и сопутствующих ему других негативных тенденциях угроза новой рецессии существует. Тем более что здесь, как и в Европе, приостановлены бюджетные вливания. Это вызывает сокращение социальных расходов, рост напряженности в обществе. С осени прошлого года возникло и не затихает движение “Захвати Уолл-стрит”. И надо признать, что оно бьет в точку. Ведь борьба с непосредственной причиной нынешнего глобального кризиса – масштабной спекулятивной деятельностью, вызывающей финансовое “пузырение” и последующее их “лопание”, – не ведется так масштабно и последовательно, как следовало бы.

Принятые антикризисные меры направлялись в основном против ликвидации последствий, а не для искоренения факторов случившегося. Эти проблемы обсуждают на встречах G-20, однако действенных решений не находят. К тому же крупнейшие финансисты мира всячески противятся какому-либо ограничению хедж-фондов и прочих спекулятивных институтов и инструментов. Стало быть, возможности для очередных спекулятивных ажиотажей, надувания новых финансовых пузырей сохраняются. К тому же национальные интересы стран играют свою роль, что также препятствует императиву регулирования глобального капитализма.

Рассуждая о перспективах дальнейшего хода событий, следует принимать в расчет и тот важный факт, что крах спекулятивной модели капитализма не отменяет традиционной цикличности развития, а дополняет её и переплетается с ней. Видные и проницательные российские ученые-экономисты (С. Глазьев, С. Миньшиков) не без оснований полагают, что помехой скорого выхода из кризиса является понижительная фаза “длинной волны” Кондратьева. Пятый технологический уклад уже прошел пиковую фазу и находится где-то на склоне, если не на излете. Правда, информационно-компьютерные технологии продолжают быстро развиваться. Но и они уже прошли период своего взрывного роста. К тому же их удельный вес в большинстве экономик не столь уж велик. Так, в США развивающие интернет-сервисы и программные продукты создают лишь чуть более одного процента американского ВВП, а в Европе – и того меньше. Выручка компьютерного гиганта Microsoft в последние годы была в 3 с лишним раза меньше, чем у Toyota, у Google – в 4 раза меньше, чем у Siemens.

Начавшаяся в нулевые годы понижительная фаза продолжится ещё как минимум пять лет и будет обуславливать вялое состояние мировой и амери-

канской экономической конъюнктуры. Лишь только после того, как новый технологический уклад обретет вполне определенный вид, наберет силу и мировой размах, может наступить коренной перелом в характере воспроизводственного процесса глобального капитализма, а промышленный подъем будет опираться на прочный, долговременный фундамент.

Экономическая политика правительства США и других стран Запада подвергается критике со стороны ряда ученых, в частности нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана. Долги правительства, считает он, не страшны сами по себе. Главное – это обеспечить экономический рост, и тогда удельная доля долгов уменьшится сама собой. Для этого надо увеличить налогооблагаемую базу и бюджетные расходы. Главное – это заставить любой ценой экономику расти.

В своей колонке в “Нью-Йорк таймс” он утверждает: “Когда Кейнс писал о необходимости выхода из депрессии, Британия была в долгах глубже, чем любая развитая страна сегодня (за исключением Японии). Конечно, Америка, с её неумным антианалоговым настроем, не имеет правительства, “ответственного” в этом смысле. Но в этом случае вина не в нашем долге, а в нас самих. Долг значим. Но другие вещи сейчас значимее. Нам нужно больше, а не меньше, правительственных расходов, чтобы вывести нас из ловушки безработицы. И плохо информированные, одержимые долгом глупцы стоят у нас на пути”.

Считая, что американская экономика демонстрирует первые признаки выздоровления, Кругман подчеркивает, что немалые риски остаются, и один из них заключается в европейском кризисе, способном сорвать позитивный тренд.

США, по его мнению, следует сейчас тратить деньги в таких же масштабах, как во времена последней мировой войны. “Что нам сейчас нужно, – утверждает он, – так это экономический эквивалент войны. На самом деле, Великую Депрессию свела на нет программа многочисленных общественных расходов, более известная под именем Второй Мировой Войны”. Он заявил, что войны в Ираке и Афганистане, хотя и затратные, малы для оказания стимулирующего воздействия на экономику. Недавно он призвал разыграть трюк с вторжением в Америку из космоса: “Если мы вдруг обнаружим, что инопланетяне планируют атаку, и нам, чтобы противостоять угрозе из космоса, нужно организовывать оборону, то дефициты с долгами отойдут на второй план, а спад закончится в течение полутора лет. А потом мы скажем, ой, мы ошиблись, нет никаких пришельцев”.

Ослабление экономических позиций США находит свое выражение и в сфере геополитики.

Как меняется мироустройство

Корни нынешней конфигурации мирового порядка произрастают из событий начала 1990-х годов, когда “холодная война” между двумя противоположными и противоборствующими общественными системами закончилась победой Запада и развалом социализма во главе с Советским Союзом. “Независимая” Россия пошла по пути капитализма. Биполярный мир уступил место однополярному. Американский социолог японского происхождения Фрэнсис Фукуяма сразу же в одноименной книге объявил “Конец истории”, а доктрина *Rax Americana* как будто бы воплотилась в жизнь, во всяком случае, на какое-то время. Разумеется, западноевропейские страны никогда не были и не стали безропотными сателлитами США. Между Старым и Новым светом всегда имелись и имеются немалые трения и противоречия. Но по кардинальным вопросам они почти всегда выступают в унисон и действуют сплоченным кланом.

Вскоре после “исторических перемен” экономическая структура России приняла однобокий вид, превратившись в поставщика сырьевых товаров Западу и импортера готовой продукции. Мы мечтали и надеялись занять место под солнцем среди ведущих развитых капиталистических государств, но оказались на периферии мировой экономики в числе развивающихся стран, в прежнем так называемом “третьем мире”. Там, впрочем, не скатились на самое дно, а закрепились на более или менее почетном месте – среди стран БРИК. Правда, в её рамках, как уже отмечалось, числимся отстающими. Темпы роста экономик Индии и Китая превосходят наши более чем в два раза. Особенно разителен разрыв по выпуску высокотехнологичных товаров. Китай на этом направлении занимает уже 1-е место в мире (17,1% мирового рынка,

тогда как США – 17%). Доля же России в мировом экспорте хайтек-продукции в последние годы колеблется от 0,2 до 0,3%.

По имеющимся оценкам, глобальный рынок высоких технологий возрастет в текущем десятилетии с 3 до 10–12 триллионов долларов. В то же время объем рынка энергетических ресурсов увеличится с 0,7 до 1 триллиона долларов, в результате чего произойдет масштабное изменение соотношения высокотехнологического и энергосырьевого рынков с сегодняшнего 4:1 до 10:1. Стало быть, наше положение на мировой экономической арене существенно ослабится.

Позиции же Китая резко усилятся. Не исключено, что он займет наше прежнее место и станет новым полюсом в меняющемся мировом порядке. И дело не только в том, что ВВП Поднебесной вскоре сравняется с американским. Или что Китай теперь уже обладатель самых крупных в мире золотовалютных резервов и кредитор № 1 США. Главное состоит в том, что он представляет альтернативный Западу тип развития, иную экономическую модель. Это не капитализм, хотя Китай и проделал за истекшие 33 года немалый путь в направлении рынка. Это и не социализм, хотя теоретики и руководители КПК называют господствующий у них строй “социализмом с китайской спецификой”. Здесь правит бал смешанное конвергентное общество с планово-рыночной экономикой, царит симбиоз, по сути дела, новый способ производства, идущий на смену и либеральному капитализму Запада, и социализму, остатки которого функционируют в Северной Корее и на Кубе.

И политически Великий Дракон представляет собой скорее соперника, чем союзника США. Не случайно американские ракеты сегодня в основном направлены на Китай, а не на Россию. Таким образом, выходит, что мир движется к новому биполярному мироустройству, но для нас уже в нем уготовано иное место. И надо смотреть правде в лицо. В сложившихся ныне условиях наши попытки играть в сверхдержаву не имеют под собой достаточных оснований. Кроме того, такого рода акции были бы на руку нашим геополитическим противникам и позволили бы им под разными предлогами восстановить единый антироссийский фронт по образцу антисоветского блока времен “холодной войны”.

На февральском, принципиально важном голосовании по Сирии в Совете безопасности ООН мы с Китаем оказались единственными союзниками. На принятие резолюции, открывающей путь к очередной агрессии Запада в ближневосточной стране, было наложено вето. Похоже, что эта линия продолжится и в будущем. А с позапрошлого года Китай стал для нас и главным торговым партнером.

В начале текущего года известный китайский ученый-экономист Ху Анганг, находясь в Москве, представил доклад в Институте Дальнего Востока РАН “Китай и мир к 2030 году” (China and the World by 2030, Hu Angang, Institute for Contemporary China Studies, Tsinghua University, 2012, Moscow). Ху Анганг – профессор Пекинского университета Цзинхуа и директор Центра по исследованию Китая КАН (китайской Академии наук). Центр относится к числу оказывающих влияние на формирование политики КНР “думающих танков”. Из доклада следует, что при сохранении нынешних темпов роста (7–8%) Китай к 2020 году по ВВП нагонит США, а к 2030 году экономика Поднебесной превзойдет американскую экономику более чем в два раза. При этом китайский ВВП на душу населения к 2030 году будет составлять от 52 до 56% соответствующего показателя США. К этому времени Китай превратится в главный центр инновационного развития. Его научно-технический потенциал составит 30% мирового – больше, чем у США и Евросоюза вместе взятых. По расчетам Ху Анганга, соответствующая доля России будет равна 2,3%.

Так как же видится наше расположение на политико-экономической карте мира в будущем?

В оптимистическом сценарии через 10–15 лет мы, удерживая нынешние темпы роста экономики и при сохранении высоких цен на нефть и газ, можем подняться на пятое место в мире по размерам ВВП (после Китая, США, Индии и Японии). В этом случае предполагается также, что политическая турбулентность у нас пойдет на убыль и не выльется в нечто непредсказуемое. Мы не станем экономической сверхдержавой, но перейдем из мировой периферии в число передовых государств.

Но и при таком варианте развития событий слабым местом будет консервация сырьевой хозяйственной структуры, так как в мировой экономике всё большую роль будут играть высокотехнологичные и инновационные компоненты.

Пессимистический сценарий предполагает, что спекулятивный и бюрократическо-олигархический характер российского капитализма не только застопорит перевод экономики на инновационный путь развития, но и чреват провокацией социального взрыва. В таком случае политико-экономические контуры страны не поддаются какому-либо четкому определению.

Ориентиры и задачи

Во время предвыборных дебатов между Михаилом Прохоровым и Сергеем Мироновым телеведущий Владимир Соловьев задал вопрос – какие страны кандидат в президенты от партии “Справедливая Россия” считает для нас ориентиром? Странник социал-демократии назвал скандинавскую группу.

В ней и в самом деле высокий уровень жизни. По ВВП на душу населения Норвегия (84 840 долл. США) занимает 4-е место в мире после Катара, Люксембурга и ОАЭ. В первую десятку по этому показателю входят также Швеция, Дания и Финляндия. Продолжительность жизни в регионе составляет у мужчин в среднем 78 лет, у женщин – 82,6 года. Расходы государственного бюджета в процентах от ВВП здесь выше на 3–5% по сравнению со средними показателями по Европе. Причем затраты на социальную защиту, здравоохранение, образование и услуги составляют в общих расходах до 80%. Если сравнить эти же государства по динамике Индекса человеческого развития (синтезированного показателя, учитывающего среднедушевой ВВП, продолжительность жизни и уровень образования граждан) с Великобританией и США, то видно, что социал-демократические страны идут впереди. И по распределению доходов они отличаются в лучшую сторону. Децильный коэффициент (или индекс Джинни) в них значительно ниже, чем у других. Расходы же на исследования и разработки (R&D), напротив, выше, а показатели Швеции и Финляндии превосходят даже японские!

Однако в связи с экономическим спадом на континенте темпы роста скандинавских стран составляют от 1% (Дания) до 4% (Швеция). Поэтому наряду с ориентацией на опыт Скандинавии нам следует обратить взор и на практику рекордсменов мирового развития, в частности, таких наших партнеров по БРИКС, как Китай и Индия. Оба государства, как говорилось, показывают преимущества смешанной конвергентной экономики. И наша социальная модель должна воспринимать лучшие и подходящие для нас элементы их формаций и структур. Такая ориентация не противоречит поиску собственного варианта. Но не надо изобретать велосипед, если он уже существует.

Мы уже не раз подробно останавливались на экономических задачах, стоящих на повестке дня. Поэтому лишь подытожим их в самом кратком виде: 1) возрождение планового регулирования на новой демократической основе, 2) демонополизация экономики и усиление её конкурентных начал, 3) улучшение инвестиционного климата с целью привлечения иностранного капитала и прекращения оттока капитала из страны, 4) диверсификация экономики, 5) снижение уровня социального расслоения в обществе.

Международные цели определяются нашим местом в мировом политико-экономическом пространстве. Россия, как и другие государства БРИКС, находится в G-20 (Группе-20), и нам, естественно, следует поддерживать добрые отношения с развитыми капиталистическими странами Запада. Но некоторые из них ведут против нас подрывные действия через неправительственные организации (НПО) и прочих “агентов влияния”, включающих и отделения транснациональных корпораций. НАТО не прекращает попыток дальнейшего продвижения на Восток и строительства новых объектов военной инфраструктуры в непосредственной близости от наших границ, создания под нажимом США системы ПРО в Европе.

Военное вмешательство США, Запада и НАТО в Ираке, Ливии и других странах Северной Африки и Ближнего Востока чревато для нас потерей нарабатанных за десятилетия позиций на местных рынках, лишением крупных коммерческих контрактов. Причем ниши тотчас же заполняются экономическими операторами тех государств, которые приложили руку к смене правящих

режимов. В последней “международной” статье В. Путина в связи с этим подмечено: “Может возникнуть мысль, что сами трагические события в определенной степени были протестированы не заботой о правах человека, а чьей-то заинтересованностью в переделе рынков. Как бы то ни было, но нам, конечно, нельзя с олимпийским спокойствием взирать на всё это. И мы намерены активно работать с новыми властями арабских стран, чтобы оперативно восстановить наши экономические позиции”.

С союзниками по БРИКС нам надо развивать всесторонние связи, тем более что Китай теперь уже один из важнейших центров глобальной экономики. Мы должны активнее выстраивать новые кооперационные направления, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, умело задействуя китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока. Нам следует продолжать оказывать друг другу поддержку на мировой арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, ШОС и других многосторонних механизмах.

Следует также всячески укреплять отношения с другим азиатским гигантом – Индией, с которым нас связывают традиционно дружеские отношения. От этого выиграют не только наши страны, но и вся меняющаяся система мирового порядка. России следует стремиться наладить более тесную координацию с партнерами по внешнеполитическим вопросам, плотнее работать на площадке ООН. Когда “пятерка” развернется по-настоящему, её влияние на мировую экономику и политику будет весьма весомым.

Находящиеся в кризисном состоянии Евросоюз и еврозона не могут не затрагивать интересов России – прежде всего с учетом того, что ЕС является нашим крупнейшим внешнеэкономическим и торговым партнером. А от состояния дел у европейцев в значительной мере зависят перспективы развития всей глобальной экономической конструкции. Из кризиса в Европе для нас следуют кое-какие уроки.

Один из них состоит в том, что следует быть весьма осмотрительными при укреплении Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, формировании единого экономического пространства. Путь к нему уже проложен, получила развитие идея Евразийского экономического союза, который должен заработать к 2015 году. Конечно, хорошо было бы восстановить с Украиной добрые партнерские отношения. Включение её в Таможенный союз способствовало бы интересам обеих сторон. Однако не следует торопиться с расширением трехстороннего объединения. Лучше предварительно укрепить его наднациональными структурами, сделать интеграцию необратимой и взаимовыгодной для всех её составляющих сторон. Но эта интеграция вовсе не противоречит широкому охвату стран СНГ военным сотрудничеством, развитию Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

И последнее по счету, но не по значению: надо оздоровить и усилить оборонно-промышленный комплекс, деградировавший в годы односторонних уступок Западу и следования политике, диктуемой Вашингтонским консенсусом. Из либеральных кругов иногда раздается критика по поводу запланированных руководством страны крупных трат на эти цели в грядущие годы. Это, мягко говоря, недальновидно. Мы живем в чрезвычайно сложном, турбулентном мире, где нарастает террористическая активность, маячит угроза распространения оружия массового уничтожения, в ряде мест тлеют региональные конфликты, готовые вспыхнуть масштабными пожарами, участилось применение силы со стороны НАТО в стремлении навязать угодные Западу порядки в той или иной стране. США руководствуются идеями обеспечения себе “абсолютной неуязвимости”, расшатывающей систему безопасности для всех. По сути, это возвращение к агрессивному девизу, пущенному в оборот древнеримским военным историком и писателем Вегецием: “Хочешь мира – готовься к войне”. У нас, конечно, нет желания участвовать в новом туре гонки вооружений. Но нельзя и забывать о принципе разумной достаточности, о том, что с нами будут считаться лишь тогда, когда мы будем сильны во всех отношениях.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

*доктор экономических наук,
директор Института проблем глобализации*

КАК ВЫМИРАЕТ “БЛАГОПОЛУЧНАЯ” РОССИЯ

Причины, динамика, тенденции

1. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ

Вымирание населения России продолжается. Его минимальная скорость была достигнута в августе 2009 года. Но затем долговременные демографические “волны”, обусловившие тогда минимальную смертность при максимальной рождаемости, начали расходиться, и надежды безграмотной части бюрократии на нормализацию ситуации не оправдались.

В первой половине 2011 года естественная убыль населения номинально сократилась (со 142,2 до 138,8 тыс. чел.), однако в расчете на 1 тыс. человек – в силу общего сокращения населения – ситуация не изменилась. После сокращения естественной убыли населения с 2,5 чел. на тысячу живущих (промилле) в первой половине 2009 года до 2,0 промилле в первой половине 2010 года в аналогичном периоде 2011 года естественная убыль осталась на уровне 2,0 промилле.

Рождаемость снизилась вместе со смертностью: первая с 12,3 до 11,9 на 1 тыс. человек, вторая – с 14,3 до 13,9 промилле; таким образом, тенденция сокращения смертности (как из-за изменения половозрастного состава населения, так и в силу инерционных последствий улучшения жизни в 2000-е годы) сохранилась, а тенденция повышения рождаемости (по тем же причинам) прекратилась.

Безусловным позитивным явлением стало заметное снижение младенческой смертности (это обобщающий показатель качества жизни, хотя он, похоже, фальсифицируется, хотя и не так сильно, как убийства): с 8,1 на тысячу родившихся живыми в первой половине 2009 года до 7,6 в первой половине прошлого года и до 7,1 в аналогичном периоде 2011 года.

Демографическая ситуация в стране определяется сочетанием собственно демографических факторов, являющихся исключительно долгосрочными и крайне инерционными, с последствиями социально-экономической политики государства, способной при значительных усилиях весьма существенно и долговременно корректировать “демографические волны”.

Эти “волны” связаны с численностью различных поколений и изменением их отношения к деторождению в силу изменения их образа жизни.

Вместе с тем тезис российской либеральной пропаганды, по которому демографическая ситуация не поддается сознательной корректировке со стороны государства, а любое стимулирование рождаемости ведет к последующему компенсационному ее падению, представляется циничной ложью, призванной прежде всего оправдать продолжающуюся демографическую катастрофу.

Частным случаем этой лжи является ссылка на то, что и в развитых странах Европы численность населения снижается, и в этом плане мы движемся в общеευропейском тренде.

Оставив в стороне сугубо прагматические возражения (прежде всего – зачем нужна “цивилизация”, продвижение к которой означает вымирание), отметим несоответствие рассматриваемого утверждения реальному положению дел. Ведь, если в развитых странах женщина в среднем имеет столько детей, сколько хочет, россияне, по данным Левады, имеют на одного ребенка меньше, чем хотят (среднее число детей, которое, по их мнению, должно быть в семье, составляет 2,5 ребенка, а реальное – 1,5 ребенка*).

Демографические последствия Великой Отечественной войны и либеральных реформ для нашей страны вполне сопоставимы. Почти двукратное падение рождаемости в сочетании с почти двукратным ростом смертности в начале 90-х годов, получившее название “русского креста”, не может быть вызвано никакими объективными причинами и в силу своей статистической однозначности полностью разоблачает либеральную ложь.

Неверие либералов в возможность сознательного улучшения демографической ситуации обусловлено ограниченностью самого либерализма: поскольку его идеологические догмы носят противоестественный для нормального человеческого существа характер, даваемые им рецепты в принципе не способны привести к улучшению демографической ситуации.

Но это касается не любой государственной политики, а лишь его разрушительной, либеральной политики.

Человек, будучи частью живой природы, всецело подчиняется ее объективным законам: попав в благоприятные, соответствующие его природе условия, он, как и любой другой биологический вид, начинает бурно размножаться. Создание таких благоприятных условий и есть не только идеальная, но и вполне реальная, достижимая практически цель государства.

Непосредственная причина вымирания России заключается в невыносимых социально-экономических условиях, в которых искусственно удерживается ее население.

По данным центра Левады, летом 2011 года лишь 16% россиян обладали уровнем потребления, характерным для “среднего класса”, то есть не испытывали нехватки денег для покупки товаров длительного потребления. 83% россиян такую нехватку испытывали, то есть были бедными (в том числе 8% испытывали нехватку денег на покупку еды, а 28% – на покупку одежды).

При этом в 2011 году наблюдается даже некоторое ухудшение ситуации. Так, по данным Росстата, реальные доходы населения снизились в первом полугодии на 1,4%. А в I квартале 2011 года, несмотря на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру (цена нефти устойчиво превышала 110 долл/барр), численность населения с доходами ниже прожиточного минимума выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2,3 млн чел.

Социально-экономические условия ведут и к ухудшению общественного здоровья, усугубляемого последовательным уничтожением системы здравоохранения (и тем более системы обеспечения безопасности потребительских товаров) в рамках либеральных реформ.

Наиболее наглядно о разрушении общественного здоровья свидетельствует прекращение акселерации молодежи и снижение среднего роста призывников (до того массовое снижение роста целого народа на протяжении жизни одного поколения отмечалось лишь в Северной Корее), однако оно сильнее всего проявляется и в репродуктивной сфере. Так, по данным главного акушера-гинеколога России В. Кулакова, 15% семейных пар в России страдает бесплодием, и число их увеличивается.

Вместе с тем жизнь человека определяется далеко не только материальными факторами; психологический климат в обществе не менее важен для его благополучия, чем уровень жизни и уверенность в завтрашнем дне (также отсутствующая в России). Человеку нужны не только благосостояние, но и чувство принадлежности к чему-то большему, чем он сам, – некая “сверхзадача”, вне зависимости от ее реалистичности и адекватности, – а также ощущение справедливости, соответствия повседневных правил жизни принятым в данном обществе моральным установкам.

---

* <http://semya.globl.ru/publ/18-1-0-300>.

Без этого человек просто вымирает, — что мы и видим. Лишенные смысла жизни и перспектив, россияне массово уничтожают себя — не только самоубийствами, наркотиками и алкоголем, но и проявляющейся в гомерических масштабах бытовой неосторожностью. Это не менее важный фактор продолжающейся демографической катастрофы, чем искусственная бедность, неуверенность в завтрашнем дне, разрушение морали и общественного здоровья.

Наглядное улучшение ситуации в 2000-е годы было вызвано ростом уровня жизни за счет нефtedолларов, просыпавшихся обществу с пиршественного стола коррумпированной бюрократии и олигархии. На изменение ситуации повлияло и вступление в фертильный возраст поколения “детей Горбачева”, родившегося благодаря снижению пьянства из-за “сухого закона”.

Однако к настоящему времени эти резервы исчерпаны:

– коррупционные аппетиты растут быстрее цен на нефть, сокращая доходы населения (которые рассматриваются правящей тусовкой как законная добыча),

– социальная сфера последовательно разрушается (новый виток ее уничтожения намечен на 1 июля 2012 года, когда после инаугурации следующего президента вступит в действие закон “О бюджетных организациях”),

– отложившие рождение ребенка в нищете и ужасе 90-х либо родили детей, либо утратили способность к деторождению,

– “поколение Горбачева”, попав в неблагоприятные социально-психологические, а во многом и экономические условия, в демографическом плане выдохлось (хотя в политическом, будучи самым многочисленным из ныне живущих поколений, себя покажет, — как в демократической революции конца 80-х — начала 90-х показало себя самое многочисленное тогда поколение послевоенных “бэби-бумеров”).

Это обуславливает неизбежность нового витка ухудшения демографической ситуации в России, — как минимум, в текущем десятилетии.

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

2.1. Рождаемость и смертность

Говоря о предстоящем ухудшении демографической ситуации, нельзя не отметить демографического эха катастрофы лета 2010 года, связанной с лесными пожарами и, по сути дела, химической атакой на ряд российских городов и населенных пунктов.

Августовская смертность превысила уровень 2009 года на 45 тыс. чел., июльская — почти на 15 тыс. чел. при том, что обычно отклонение месячной смертности не превышает 5 тыс. чел. Таким образом, можно предположить, что летняя жара, пожары и главным образом чудовищное по своему цинизму бездействие государства (которое и привело, наряду с уничтожением системы охраны лесов в интересах бизнеса, к катастрофическим последствиям) вызвали смерть не менее 50 тыс. чел., которые при прочих равных обстоятельствах должны были жить дальше.

В первой половине 2011 года средние данные естественной убыли, которые в целом соответствуют уровню 2010 года (2,0 человека на тысячу живущих), маскируют неравномерность демографической ситуации: при общем превышении числа умерших над родившимися в 1,17 раза в двух десятках наиболее интенсивно вымирающих регионов превышение составило 1,5–2,2 раза. Естественный прирост населения наблюдается лишь в 20 регионах.

Значительная убыль населения (коэффициент более 7,0 на 1 тыс. чел.) наблюдалась в первой половине 2011 года в 17 регионах: Псковской (– 10,5), Тульской (– 9,3), Тверской (– 9,0), Новгородской (– 8,6), Тамбовской (– 8,0), Ивановской (– 7,8), Владимирской (– 7,5), Смоленской и Рязанской (по – 7,4), Воронежской (– 7,1) и Ленинградской области (– 7,0).

Значительный естественный прирост населения (более 3 промилле) наблюдался в 13 регионах: Калмыкии (3,3), Тюменской области (3,3), Бурятии (3,4), Кабардино-Балкарии (3,9), Ненецком АО (4,6), Якутии (7,4), Республике Алтай и Ханты-Мансийском АО (по 9,4), Ямало-Ненецком АО (9,9), Дагестане (10,4), Тыве (14,7), Чечне (21,2) и Ингушетии (22,4). Таким образом, в 4 регионах естественный прирост населения превысил 1%, а в Чечне и Ингушетии — 2%.

Заслуживает внимания феномен Тывы с высокой рождаемостью при том, что более 60% детей там рождаются вне брака; вероятно, среди населения этой республики “в составе Российской Федерации” широко распространено многоженство.

Наибольшая рождаемость в первой половине 2011 года наблюдалась в Чечне (26,6 ребенка на тысячу населения при среднероссийском уровне в 11,9), Ингушетии (26,5), Тыве (26,1), Республике Алтай (22,0), Якутии (16,6), наименьшая – в Ленинградской (8,2), Тамбовской (8,8) областях, Тульской области и Мордовии (по 9,0), а также в Воронежской области (9,4).

Наибольшая смертность наблюдалась в Псковской области (20,4 человека на тысячу жителей, то есть умерло более 2% населения, – при средней российской смертности в 13,9 человека на тысячу), Тверской (19,3), Новгородской (19,0), Тульской (18,3), Владимирской, Ивановской и Курской (по 17,6) областях, наименьшая – в Ингушетии (4,1), Чечне (5,4), Ямало-Ненецком АО (5,5), Дагестане (5,8) и Ханты-Мансийском АО (6,7). Вымирают традиционные русские области, даже с развитой промышленностью, а наименьший уровень смертности наблюдается в богатых “газовых” и “нефтяных” автономных округах и кавказских республиках, получающих максимальные финансовые средства от центра.

2.2. Младенческая смертность

Младенческая смертность, являющаяся обобщающим показателем качества жизни, в первой половине 2011 года продолжила неуклонное снижение – с 8,1 на тысячу родившихся в первой половине 2009 года до 7,6 в январе–июне 2010 и 7,1 в аналогичном периоде 2011 года.

Низкий уровень младенческой смертности (6,1 на тысячу родившихся и менее) наблюдается в 30 регионах России, в том числе очень низкий (5,1 и менее) – в 9 регионах: Чувашии и Санкт-Петербурге (по 3,6), Тамбовской (3,7), Тюменской без АО (4,5), Белгородской (4,7) областях, Республике Коми (4,8), Смоленской и Калининградской областях (по 4,9) и Сахалинской области (5,0).

Высокий уровень младенческой смертности (8,1 промилле и более) наблюдается в 22 регионах, в том числе очень высокий (9,1 и выше) – в 19 регионах. От Курской области (9,1) и Хабаровского края (9,4), Дагестана (13,7), Ненецкого АО (14,4), Тывы (14,8), Еврейской АО (14,9) и Чечни (16,5). Причём в Чечне, Тыве, Еврейской и Ненецкой АО смертность выросла. То же, что уж ни в какие ворота не лезет, можно сказать о... Москве!

2.3. Насильственные смерти

Все смерти, деликатно именующиеся в статистике “смертями по внешним причинам” (убийства, самоубийства, отравления некачественным алкоголем, транспортные происшествия и иные несчастные случаи), являются по сути своей насильственными. При абсолютной случайности большинства их общий уровень выражает уровень риска для жизни и, соответственно, степень опасности того или иного региона для его жителей.

Число погибших от “внешних причин” в расчете на 100 тыс. чел. снизилось в первой половине 2011 года на 7,5% – до 131,4 по сравнению со 142,1 в аналогичном периоде 2010 года.

Наиболее безопасными (для своих жителей, что принципиально) регионами России являются Чечня (26,6 погибших от “внешних причин” на 100 тыс. жителей), Ингушетия (44,0), Москва (53,0), Дагестан (56,3), Северная Осетия (71,0) и Нижегородская область (71,1). Наиболее опасные для своих жителей территории нашей страны – Тыва (361,9 погибших от “внешних причин” на 100 тыс. чел.), Республика Алтай (269,8), Еврейская АО (256,4), Амурская область (251,3) и Забайкальский край (250,9).

Наибольший рост уровня опасности повседневной жизни и, соответственно, наибольшее увеличение смертности от “внешних причин” наблюдается, как это ни парадоксально, в самом безопасном для своих жителей регионе России – Чечне (на 30,4%). Далее идут Ямало-Ненецкий АО (на 15,5%), Кабардино-Балкария (на 11,4%).

Понятно, что высокий уровень опасности оказывает негативное влияние на демографические перспективы любой территории.

2.4. Браки и разводы

Отношение числа разводов и браков характеризует прочность семейных отношений, что оказывает значительное влияние на демографические перспективы людей человеческой общности.

Одним из ярчайших проявлений демографического неблагополучия России и античеловеческого характера уничтожающих ее либеральных реформ является практически неуклонный рост как численности детей, рожденных вне брака, так и их удельного веса в общей численности рождающихся детей: с 14,6% в 1990-м и 18,2% в 1993 году до 26,1%* в 2009 году.

Прочность семьи в первой половине 2011 года незначительно снизилась: число разводов на 1 тыс. заключенных браков после резкого снижения в 2010 году выросло на 1,0% – с 670 до 677.

Наибольшее число разводов на тысячу заключенных браков наблюдается в Чукотском АО (1070, то есть разводов больше, чем свадеб), а также Ленинградской (953), Магаданской (952), Астраханской (878), Сахалинской (867), Иркутской (816), Воронежской (812) и Калужской (806) областях, наименьшее – в Чечне (107), Ингушетии (136), Дагестане (226), Тыве (387), Кабардино-Балкарии (445), Северной Осетии (455) и Карачаево-Черкесии (528).

При этом значительный рост числа разводов отмечен в Ингушетии (на 28,3%), Чукотском АО (27,1%), в Иркутской (23,1%) и Астраханской (17,2%) областях, Хакасии (16,8%).

2.5. Наиболее и наименее благополучные регионы России

Сопоставление отклонения от среднероссийского уровня рождаемости и смертности, а также младенческой смертности, смертности от “внешних причин” и прочности семьи позволяет выделить наиболее и наименее демографически благополучные регионы.

Наиболее благополучными следует признать: Чечню (индекс текущего демографического состояния составляет 238,8, то есть превышает среднероссийский уровень почти в 2,4 раза), Ингушетию (229,9), Дагестан (163,9), Тыву (152,0), Кабардино-Балкарию (134,9), Ханты-Мансийский АО (134,5), Москву (132,5), Санкт-Петербург (129,0), Северную Осетию (121,4), Карачаево-Черкесию (121,2).

Наименее благополучны с демографической точки зрения Еврейская АО (72,7), Чукотский АО (75,2), Приморский край (78,2), Амурская (79,1), Новгородская (79,5), Тверская (81,2) и Курганская (82,4) области, Ненецкий АО (83,6), Псковская (83,8) и Брянская (84,8) области.

Однако рассмотрения лишь текущей демографической ситуации недостаточно; не менее важно учитывать и ее изменение, которое отражает индекс динамики демографического состояния.

Серьезные улучшения демографической ситуации наблюдались в первой половине 2011 года в Рязанской области (индекс равен 114,5), Карачаево-Черкесии (110,7), Псковской области (109,5), Красноярском крае (109,4), Санкт-Петербурге (109,0), Тюменской области без АО (106,5), Мордовии (106,4), Чувашии (105,4) и Нижегородской области (105,1), а также Магаданской области и Забайкальском крае (по 104,6).

Наихудшая динамика демографической ситуации наблюдалась в Чукотском АО (индекс динамики демографического состояния – 68,4), Ненецком АО (82,5), Еврейской АО (85,9).

Совмещение индексов текущей демографической ситуации и ее динамики позволяет вывести общий, итоговый индекс демографического положения регионов (как их среднее арифметическое).

Регионы России с наилучшим демографическим положением (указан итоговый индекс демографического положения):

Ингушетия – 151,9

Чечня – 143,9

Дагестан – 126,9

Тыва – 118,9

---

* Это среднероссийский показатель; в Тыве, напомним, формально вне брака рождается более 60% детей, – хотя в данном регионе это, скорее, свидетельствует не столько о разрушении семьи, сколько о возврате к ее патриархальной модели, не соответствующей российскому законодательству.

Санкт-Петербург – 118,6
Москва – 117,3
Карачаево-Черкесия – 115,8
Ханты-Мансийский АО – 114,3
Омская область – 110,6
Красноярский край – 110,4.

Регионы с наихудшим демографическим положением:

Чукотский АО – 71,7
Еврейская АО – 79,0
Ненецкий АО – 83,0
Нижегородская область – 85,0
Приморский край – 86,3
Камчатский край – 86,8
Курганская область – 87,4
Амурская область – 88,5
Орловская область – 89,0
Ивановская область – 89,4.

3. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Негативная демографическая ситуация оказалась полной неожиданностью для системы управления, ориентированной на уходящую демографическую структуру общества. В результате эта система начала захлебываться, как мотор без топлива: ей не хватает населения.

Наиболее ярким примером служат армия (в которой нарастающее падение численности призывников, и тем более здоровых призывников, наблюдается с 2007 года), а также система образования, рынок которого начинает “схлопываться”, оставляя без работы значительную часть преподавателей вузов и усугубляя объективно присущий этой системе монополизм.

С каждым годом обостряется проблема обезлюживания (как в силу вымирания, так и в результате бегства населения) Сибири и Дальнего Востока, которая может привести к утрате контроля за этими территориями уже при жизни нашего поколения.

Сокращение численности молодежи в сочетании с частичным восстановлением продолжительности жизни увеличивает социальную нагрузку на нее. Хотя пенсионный кризис в настоящее время вызван отсутствием должного контроля за пенсионными средствами и запретительно высоким налогообложением основной массы россиян (по безумному принципу “чем человек беднее, тем больше он должен платить”), рост реальной социальной нагрузки уже носит болезненный характер (в частности, когда один молодой человек должен, по сути, содержать двух своих родителей, которым государство отказывает в достаточной для выживания пенсии).

Сокращение удельного веса молодежи и увеличение – пожилых людей меняет социально-психологический климат, дополнительно усиливает атмосферу деструкции и увядания.

Однако все это – лишь частные проявления неспособности системы управления реагировать на заметное сокращение численности людей, драматического сокращения молодежи и рост удельного веса старших поколений.

Другой, и значительно более глубокой проблемой, является стремительное изменение этнокультурного баланса, меняющего само лицо России.

Масштабы этого изменения вполне наглядно видны из сопоставления наиболее быстро вымирающих и прирастающих населением регионов. Более того: даже в традиционных “русских” регионах значительная часть прироста населения обеспечивается переселенцами с Кавказа и Средней Азии (в частности, столкновение со школьниками, не владеющими русским языком и не желающими подчиняться женщинам-учителям, часто при полной поддержке своих родителей, стало кошмаром значительной части учителей школ, расположенных в центре России).

Политические последствия этого продолжающегося демографического перелома, лишь усугубляемого последовательно проводимой (прежде всего в силу коррупционных интересов и стремления к снижению издержек за счет

почти рабского труда гастарбайтеров) политикой правящей бюрократии, представляются вполне очевидными. Весьма вероятно, что уже на нашей памяти на смену социальному противостоянию в России придет противостояние, хотя и не национальное, но этнокультурное – и это будет означать колоссальный шаг к деградации и архаизации всего российского общества.

Сокращение численности русской по культуре молодежи сопровождается ростом молодежи иных этнокультурных групп. Поскольку “новая молодежь” несет социальную нагрузку в значительно меньшей степени (в силу нетрадиционного для России образа жизни), чем традиционные группы, это повышает социальную нагрузку на добросовестную часть общества и способствует ее размыванию. Другое следствие – возникновение объективного основания для форсированного уничтожения социальной сферы, о котором в коррупционных интересах грезит правящая тусовка.

Общее снижение удельного веса молодежи вроде бы повышает стабильность общества, уменьшая вероятность “арабской весны”. Однако в этнокультурных группах, склонных к изоляции от российского общества, доля молодежи, напротив, стремительно растет; в результате естественное для молодых ниспровержение порядков может обратиться против местного населения и госструктур.

Постепенно формируется новое общественное противоречие, которое грозит стать основным для России: между стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодёжно-этнических кланов с другой.

Вызревание этого конфликта кардинально ускоряется тем, что изменения в составе элиты идут значительно быстрее, чем в массе населения в целом: сплоченные этнические кланы стремительно “вычищают” из власти разрозненных горожан даже там, где составляют незначительную часть населения (классическим примером является Адыгея, где доля “коренной национальности” лишь немногим превышает четверть населения).

Поскольку общество, подчиняясь элите, принимает ее обычаи и правила, это ведет к стремительной архаизации социального устройства, классическим проявлением которой стала расцветшая именно в 2000-е годы клановость.

Образованные носители русской культуры выдавливаются путём создания для них невыносимых условий.

Следствие – **утрата Россией русского лица**, качественное изменение ее не только этнического, но и культурного состава: “старые мехи” российской территории наполняет “новое вино” в лице представителей кавказских и азиатских народов.

Утрата культуры в общечеловеческом плане неминуемо аукнется и в технологической сфере. Социальная и этническая архаизация неминуемо приведут к продолжению и углублению идущей 20 лет технологической деградации, которая может приобрести качественный характер в виде крупномасштабных техногенных катастроф.

4. НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Принципиально важно понимать, что в силу комплексного характера демографических проблем их решение невозможно без оздоровления всего общества.

Безусловно, современное стимулирование рождаемости “материнским капиталом”, который нельзя использовать в наиболее тяжелые первые три года воспитания ребенка и в принципе нельзя использовать на наиболее насущные нужды (например, питание и лечение), представляет собой издевательство над материнством и детством.

Ограничение пособия по беременности, приведшее к широким и публичным протестам беременных женщин, также является одним из ярких примеров государственного издеательства над материнством.

Стимулирование рождаемости должно осуществляться только в регионах с дефицитом населения и заключаться прежде всего в выплате регулярного пособия, достаточного для ухода за ребенком, по крайней мере, в первые годы его жизни.

Однако оно окажет лишь незначительное влияние без оздоровления социальной среды в целом, что требует полного прекращения либеральных реформ и восстановления разрушенной ими социальной сферы (в первую очередь доступного здравоохранения и образования).

Создание для детей человеческих условий требует искоренения хотя бы нищеты, то есть гарантирования государством реального (а не издевательски заниженного) прожиточного минимума.

Нормализация межнациональных отношений, прекращение вытеснения носителей русской культуры с рынка труда (а значит, и из жизни) дешевым трудом гастарбайтеров требует, как минимум, кардинального ограничения коррупции.

Возвращение смысла жизни значительным массам россиян требует создания привлекательных рабочих мест и модернизации экономики. А это немислимо без ограничения произвола монополий, разумного протекционизма (по примеру Евросоюза), а затем проведения комплексной модернизации всей технологической инфраструктуры.

И лишь на фоне этих преобразований имеет смысл осуществлять целевые меры по повышению рождаемости и снижению преждевременной смертности.

5. ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕЛОМ?

Негативные демографические тенденции, как было показано выше, лишь в сравнительно небольшой степени обусловлены объективными обстоятельствами. Неадекватная государственная политика вызвана не фатальным недостатком интеллекта либо организационных способностей, но глубоко порочным целеполаганием: подчинением государственной машины интересам, с одной стороны, глобального бизнеса (в рамках либеральной идеологической парадигмы), с другой стороны – коррупционным интересам во многом обслуживающей этот бизнес правящей тусовки.

Сложившаяся на этой основе система является жесткой, целостной, внутренне непротиворечивой – и не только не имеющей отношения к нуждам и потребностям российского общества, но и, насколько мы видим, в принципе не совместимой с самим его существованием.

Созданная для обслуживания этой совокупности интересов политико-административная система обладает достаточно высокой эффективностью, в критических для себя ситуациях способна проявлять гибкость, достаточно радикально трансформировать свою организационную структуру и даже обновлять ключевые кадры (как мы видели после дефолта 1998 года). Она не поддается эволюционной переориентации на обслуживание интересов российского общества, не нуждается в такой переориентации и, насколько можно судить в настоящее время, не способна на нее в принципе.

Для перелома негативных демографических тенденций необходимо прекратить уничтожение России при помощи либеральных реформ и начать активно проводить социально-экономическую политику, нацеленную на интересы не глобального бизнеса и коррумпированной правящей тусовки, но самого российского общества.

Это потребует изменения самой системы целеполагания российской государственности, что означает ее кардинальное оздоровление и преодоление ситуации, когда почти повсеместная и практически не скрывающаяся коррупция производит впечатление не преступления, но основы государственного строя.

Такое изменение представляется возможным в условиях системного кризиса, к которому данная управляющая система неминуемо приведет страну. Утратив управление в условиях развертывания кризисных тенденций российского общества (нехватка средств из-за растущей коррупции; межнациональный кризис, разрушение технологического наследия советской цивилизации, внутрибюрократический межклановый конфликт), часть управляющей системы покинет страну, не желая рисковать интересами своих выведенных за рубеж активов. Это приведет к фактическому разрушению сложившейся системы и создаст условия для ее переформатирования.

Всесторонняя подготовка к этому моменту должна быть главным делом всех ответственных сил и элементов современного российского общества.

Когда собиралась новая подборка читательских писем, то несомненным стало, что главное слово в читательской корреспонденции — слово “правда”. Это неудивительно. События последних месяцев показали, что конфликт в нашем обществе проходит по линии правда — ложь. Правда народной жизни, жизни простого российского человека, живущего своим нелёгким трудом, эта правда вступает в кричащее противоречие с неправдой, даже лучше сказать — с ложью всего того наносного, искусственного, предвзятого, фальшивого, что сыплется на нас с экранов телевизоров, со страниц многочисленных аляповатых таблоидов (так теперь именуют то, что раньше называлось хорошим словом газета), из уст нечистоплотных политиков и шоуменов всех мастей. И право, сейчас уже трудно отличить политика от крикливого паяца. Тем более ценно, что истинный, неподвзятый народный голос, простые, тёплые душевные слова находят своё место на страницах журнала “Наш современник” — журнала, существующего для людей и творящегося в самой глубине народной жизни. Журнал наш и крепок своим всегдашним “бесстрашным провозглашением правды”, что любят и ценят наши читатели. А мы работаем для них. Для правды и для России. Без которой жить нельзя.

“БЕССТРАШНОЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПРАВДЫ...”

НУЖНА ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Сегодня в России сложилась такая же ситуация, какая была в апреле 1917 года. Вытащить Россию из **двадцатилетней керенщины** могут только патриотически настроенные силы страны. Больше никому. Первый шаг на пути к мирному освобождению страны от национального и социального порабощения патриоты-коммунисты сделали на состоявшемся в начале июля 2011 года IX Пленуме ЦК КПРФ, начав создание “Всенародного ополчения имени Минина и Пожарского”. Однако нужны и следующие шаги. Возможно создание “Всероссийской трудовой социалистической партии”. Такая партия объединит в своих рядах все национально-патриотические силы России. Сегодня на всероссийский социализм работает даже магия цифр. Так, в 1612 году русское народное ополчение изгнало поляков и своих бояр-предателей; в 1812 году — французов и офранцузившихся русских бюрократов. Сможет ли в 2012 году “Всенародное ополчение имени Минина и Пожарского” стать достойным деяний предков? — на это вопрос ответит время. Объективные условия для мирного национально-освободительного движения налицо; дело только за **волей руководителей**.

Владимир Кузьмич Бакшут,
доктор философских наук, старший научный сотрудник
Уральского отделения РАН, член ВКП(б) с 1946 г.

Ирина Владимировна Зырянова,
сотрудник Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург

ЖИВЁТ ДЕРЕВНЯ. ВОПРЕКИ РАВНОДУШИЮ И ПУСТОГОЛОВЬЮ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Пишу Вам с благодарностью за книгу и письмо, а главное – за отзывчивость. Ответ мой задержался – река наша Юг труднопроходима для “Почты России” во время ледостава, а власть у нас сейчас не Советская, и почту вертолётном, как бывало в те “мрачные”, как нам внушают, времена, сейчас не возят. Да и больных тоже (меня ведь вот так вертолётном в своё время вывезли, спасли мне жизнь после несчастного случая). И вот при Советской власти мы летали до Вологды аж за... 14 рублей! И в каждом мало-мальском посёлке был аэродром. Новая власть считает, что это для народа вредно. Так что мои земляки во время ледохода и ледостава попадают домой через... Кировскую область в условиях нынешнего полного бездорожья. Но живём. Без иллюзий и тщетных мечтаний. У меня сложились такие строки стихов:

*В стране богатой и огромной,
Основа жизненной реки,
Живёт деревня. Обречённо.
Пустоголовым вопреки.*

Книгу Вашу читаю. Не спеша. Я люблю, чтобы досконально чувствовать автора и чтобы собственной душой ощутить его боли и радости. Да и где узнать правду, не из телепередач же? Из них можно только узнать, как много стало на Руси придурков, всё телевидение исключительно им. Бедные иностранцы, если они придут к нам и посмотрят наше телевидение, то, верно, схватятся за голову с криком: “Куда я попал!”

К сожалению, это всё не способствует повышению авторитета Родины, и сколько уже стало довольно именитых наших граждан, готовых доказывать, какая хреновая Россия... мало того, они хотят, чтобы и народ наш считал их чуть ли не мучениками власти!

Тесен мир, Станислав Юрьевич, а может, и вправду родственные души находят друг друга? По крайней мере, я заочно, по письмам знаком с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем, взгляды которого совпадают с моими. Два письма его храню... Я настороженно относился к творческим людям, считая, что их обострённое неприятие еврейства – плод воспалённого воображения. Сейчас знаю, что ошибался.

К нашим местным вологодским писателям и вообще ко всей областной писательской организации с осуждением я не отношусь, наоборот удивляюсь, как ещё выживают... Но вот какая незадача, Станислав Юрьевич, если их голос не слышен в периодике, если помалкивают, вместо того чтобы обозначить свой взгляд публицистикой, то каким образом могут они донести до вологжан, что их тревожит?..

А говорить с людьми надо, пока они живы. Вы вот, Станислав Юрьевич, не считаете потерей времени публично высказывать свои мысли, раскрывать своё видение происходящего. А у нас в районе это позволяют себе делать десять человек от силы. Все остальные чего-то ждут. О равнодушии мне приходилось писать острые и даже удачные статьи по тому или иному поводу. Думаете, кто-нибудь спасибо сказал или покритиковал?.. Могила. Тишь да гладь, хоть все и не благодать. С горечью думаешь иногда – ребята, я сердце в кровь рву, чтобы хоть что-то улучшилось. Так скажите же, что вы рядом...

Извините уж, Станислав Юрьевич, что свою боль на Вас перекалдываю. Сам я пишу часто и честно готовлюсь к любой встрече с любой аудиторией. Это единственное, что я могу сделать в противоядие отравленной телеканалами жизни.

С уважением

Н. С. Алеяшкеев,
сел. Орлово Великоустюжского р-на Вологодской обл.

“ЧТО СКАЖУТ ПОТОМКИ О НАС...”

Уважаемый журнал “Наш современник”!

Очень хочется поделиться с вами мнением о телевизионной передаче “Право голоса”, что я просмотрела недавно, передаче, обращённой к теме любви к Родине. Говорили они о любви к Родине, а вышли у них только старые, всем надоевшие обвинения советского времени. Их сентенции по воспитанию молодого поколения периода 90-х годов вызывают удивление. Можно ли воспитать грамотную, думающую, гармонично развитую молодёжь, если нарочью забыть о достижениях своих предков? Надо ведь взять всё положительное из наследия наших государей, которые строили Российское государство, не истребляя другие народы, а присоединяя их на добровольной основе, не нарушая их уклад и обычаи, их религию и культуру. Надо доказать на исторических примерах, что наша страна никогда не была “империей зла”. Патриотизм воспитывается на положительных примерах: в годы Великой Отечественной войны дети высших членов правительства погибли на фронтах или участвовали в боях, защищая свою Родину наравне с сыновьями и дочерьми простых людей – эта сыновья Хрущёва, Микояна, Фрунзе. Сын Сталина был замучен в застенках фашистского концлагеря. Они были примером для молодёжи и вызывали уважение и восхищение.

Хорошо, если современный школьник правильно ответит, что первый спутник Земли – наш, первый космонавт планеты, первая женщина-космонавт – наши лётчики. Знают ли они о перелёте Чкалова с экипажем в Америку, помнят ли челюскинцев, папанинцев, Стаханова, Маресьева, великую стройку ДнепроГЭСа?.. Наридательным стало имя оклеветанного несчастного Павлика Морозова; не там, дескать, упал самолёт Гастелло, не ту амбразуру якобы закрыл Матросов... Зачем всё это? Для воспитания патриотизма?..

Советское поколение получило уничижительное название “совок” за то, вероятно, что напрягало все силы, восстанавливая разрушенную страну, развивало авиацию, приборостроение, космонавтику и многое другое, чем мы пользуемся да сих пор. “Жила бы страна родная, и нету других забот”, – была такая популярная молодёжная песня. Нужно не забывать памятные даты и славные имена, – как сказал Г. К. Жуков.

На одних рассказах о репрессиях не воспитаешь молодое поколение. В своё время Путин назвал цифры репрессированных – 4 миллиона человек; подверглись расстрелу около одного миллиона осуждённых, но “демократам” этого мало, они продолжают твердить о “сотнях миллионов замученных” (!), для красного словца, что ли? Для пущего страха? Или им действительно мало крови, нужно больше... За последние тринадцать лет страна потеряла 11 (отнюдь не мифических) миллионов граждан, об этом также сказал Путин. Их никто не расстреливал, не сажал, скончались сами от жизни такой в “лихие 90-е”, как принято сейчас говорить, скромно умалчивая, кто у нас в России правил в эти “лихие годы”!

Изучение в школе тенденциозной книги “Архипелаг ГУЛАГ”, дальнейшее поношение нашего прошлого – и о воспитании молодого поколения можно не беспокоиться. Зачем же растить “иванов, не помнящих родства”, вытравляя из памяти народа 7 ноября как праздник Октябрьской революции, иезуитски назначать новый праздник на 4 ноября, а уж на 7-е число – марш в честь парада на Красной площади 1941 г.! А в честь какого события тот парад состоялся? – опять скромно умалчивают. Такое фарисейство рождает ущербное или циничное поколение. Лучше проанализировать, кто сейчас нас защищает, лечит, учит, а то как бы не вернуться к сохе и всеобщей безграмотности!

Неприятна была слушать нашего действующего президента: “...Сталин и его клика...”, неужели ничего достойного в истории нашей страны этот человек не сделал?... Ещё неизвестно, что скажут потомки о нашей современности, где царствует “золотой телец”, а жизнь – копейка. Вот за это должно быть стыдно!

Чтобы лучше понять то время, призываю прочитать книги историка Ю. Жукова “Иной Сталин”, “Сталин: операция “Эрмитаж” и другие, написанные по архивным материалам, сравнить – какую страну получил в управление Сталин и какую – наши демократы, при режиме которых преступность стала такой, что “Чёрная кошка” отдыхает. А молодёжь может спросить, кто же спас Россию от голода и распада – Гайдар или Черномырдин?..

А. И. Шеховцева,
г. Москва

НЕ ЗАБЫВАТЬ ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Хочу рассказать о своём отце — Гришичеве Степане Фёдоровиче. Он родился 7 ноября 1911 года в деревне Харлушино Хотенковского сельсовета Каргопольского района Архангельской области. Время жизни моего отца — это революция, гражданская война, становление Советской власти, превращение Архангельска в валютный цех страны с его лесной и деревообрабатывающей промышленностью, комсомол, война с Финляндией, Великая Отечественная война. А затем — восстановление разрушенного войной хозяйства, воспитание детей, внуков настоящими гражданами страны. Такая нелёгкая ноша легла на плечи русского архангельского мужика. Недаром это поколение людей называют поколением ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Это поколение через 16 лет после самой разрушительной войны первым открыло человечеству дорогу в космос!

Энтузиазм людей поколения моего отца потрясает. Крестьянский паренёк из глухой Архангельской провинции приехал в Архангельск на строительство лесопильных заводов. Имея 4-классное образование, начал свой трудовой путь с рабочего, а закончил его начальником самого крупного водного цеха на Исакогорской лесобазе.

Мой отец ушёл добровольцем на фронт на Финскую и Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. Воевал он на Волховском и Ленинградских фронтах. Был трижды ранен, но после госпиталя возвращался в строй. Самой ценной считал медаль “За оборону Ленинграда”, в своих воспоминаниях был немногословен, но, когда, собираясь с родными и друзьями за столом, начинал петь “Ленинградскую застольную” — он не мог её допеть — рыдал. . .

Слова этой песни принадлежат Павлу Шубину, музыка И. Любана:

*Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.*

*Пусть боевая семья Ленинградская
С нами сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.*

*Будут веками навеки прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши штыки подо Мгой.*

*Вспомним мы тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.*

*Вспомним мы тех, кто неделями долгими
Мёрзнул в сырых блиндажах,
Бился на Ладогое, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.*

*Выпьем и чокнемся кружками стоя мы
Между друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых.*

*Редко теперь уж встречаться мы стали,
Выжившие под огнём...
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальём!*

Эта песня прошла через всю нашу жизнь: передалась детям и внукам. Ведь известно, что песня — это душа народа, поэтому она и передаётся из поколения в поколение.

Передо мной простреленный фронтовой дневник моего отца. Многие слова уже стёрлись, но удалось разобрать строки о том, как в атаке рядом гибли его товарищи. Как за счастье считалось поесть сухарей, как они в трескучие морозы сидели в окопах и сырых блиндажах — и прорвали блокаду Ленинграда и ПОБЕДИЛИ!

Что двигало нашими отцами и дедами? Почему русский народ победил? Не в этом ли загадка русской души?

Недаром глава ЦРУ Аллен Даллес сказал: "...русских в открытом бою победить невозможно!" Поэтому нашу страну пытаются победить изнутри, внедряя в сознание людей ложные ценности в виде культа денег, разлагая моральные устои, фальсифицируя нашу героическую историю.

В заключение хочу сказать, что эти строки я посвящаю не только столетию со дня рождения моего отца Гришичева Степана Фёдоровича, но и поколению всех наших отцов, поколению Победителей!

Мы — их дети и потомки, несмотря на временное отступление, должны вывести Россию в число мировых держав и гордиться своей страной, своим народом. Недаром генералиссимус А. В. Суворов любил говорить: "Я — русский. Какой восторг!"

Галина Степановна Николаева (Гришичева),
г. Архангельск

ПЕРЕЖИЛИ ДВЕ БЛОКАДЫ

Уважаемая редакция!

Хочется вспомнить об удивительных людях, переживших страшные блокадные годы в Ленинграде, но писать об этом нелегко. Потому что поначалу просто не находишь слов для объяснения и понимания того, откуда нашлись в них те самые нечеловеческие силы, которые помогли им выстоять, выжить и победить.

Евгения Георгиевна Клычкова — одна из тех уважаемых людей, перенесшая Ленинградскую блокаду, те самые 900 жестоких голодных дней.

Родилась Женя в Саратове, там же в 1938 году окончила химический факультет государственного университета и была направлена на работу в качестве инженера-химика на один из заводов Ленинграда. Поначалу Евгения жила на знаменитой Петроградской стороне, и до работы ей приходилось добираться на разном транспорте, зачастую пешком, но для девушки это было не в тягость. Она любила ходить по улицам города, любясь его неповторимыми по архитектуре домами-дворцами, красивыми мостами. И, конечно, не думала, что на него скоро обрушится беда. И она пришла 22 июня 1941 года. В 3 часа ночи фашистские самолёты совершили первый налёт на город. Но нанести прицельный массированный удар фашистам не удавалось. Ленинград был хорошо защищён с воздуха аэростатами. Поэтому, несмотря на длительные бомбёжки, по 10–12 часов в сутки, — больших разрушений не было.

— Фашисты вели по городу и артиллерийский огонь, — вспоминала Евгения Георгиевна.

С первых же дней осады началась эвакуация детей и престарелых, а также промышленных предприятий стратегического назначения вместе с рабочими, в основном на Урал и в Сибирь.

Завод, на котором работала Женя, должен был эвакуироваться 23 августа, но накануне по радио объявили, что все дороги перекрыты фашистскими войсками. Так город Ленинград был отрезан от внешнего мира, и начался отсчёт блокадным дням. Но люди, оставшиеся волей судьбы в городе, не пали духом, не поддались панике, — с гордостью подчёркивала Евгения Георгиевна.

Руководство Ленинграда организовало его оборону. В подвалах домов оборудовали бомбоубежища, спасали исторические памятники, обивая их досками, засыпая песком. Жильцы домов поочередно дежурили во время на-

лётов на чердаках и крышах домов, удаляя с них зажигательные бомбы, тушили пожары, эвакуировали больных и раненых в безопасные места.

— Однажды, в начале сентября, пришлось наблюдать страшное зрелище, — вспоминала Евгения Георгиевна. — Фашистским самолётам всё же удалось прорваться в район продовольственной базы, где хранился неприкосновенный запас на случай войны. Рядом находился склад с нефтепродуктами. В результате бомбежки и возникшего огромного пожара, который продолжался несколько дней, всё сгорело. В связи с этим была значительно снижена норма выдачи продуктов. На день стали выдавать по 125 граммов хлеба на человека, а на детей ещё отпускали по 500 граммов сахара и 20 граммов масла на месяц.

Вскоре были разрушены — электростанция, водопровод, котельные. Дома остались без тепла, воды и света. На дворе стояла лютая зима. Начались самые тяжёлые дни блокады, борьбы с холодом и голодом.

— Не передать словами, что пришлось увидеть, пережить, — с болью говорила Евгения Георгиевна. — За водой ходили на Неву. В домах оборудовали печки-временки, практически сожгли всю деревянную мебель, чтобы хоть как-то согреться и приготовить еду. Но всё больше и больше людей умирало от голода. Трупы собирали, свозили на кладбище, где их сжигали, рыть могилы не было сил.

И всё же сломить дух и волю защитников города фашистам не удалось. В этих жесточайших, нечеловеческих условиях ленинградцы не потеряли не только человеческого облика, но и гражданского достоинства. И ветеран подтвердила сказанное таким убедительным примером:

— В сентябре 1941 года несколько сот человек на окраине города рыли противотанковые укрепления, и вдруг мы увидели наш горящий самолёт, который, уже падая, сбрасывал на землю пакеты. В них оказались плитки шоколада, пачки печенья, сливочного масла, рыбий жир и другие продукты — всё, что прислала нам Большая Земля. . . Всё это мы собрали и отнесли в ближайший госпиталь, несмотря на то, что сами были очень голодны. Никто даже не заикнулся о том, чтобы всё это разделить между собой. Это ещё раз убедительно показало большую силу духа, благородство и милосердие ленинградцев. Вот потому-то враг и не смог их сломить и взять город на Неве. И горько слышать, когда в нынешнее тяжёлое время гуманитарную помощь, присылаемую детям в горячие точки и пострадавшим от стихийных бедствий, растаскивают, хуже того — продают по коммерческим ценам, — с возмущением говорила Евгения Георгиевна.

И понять нашу уважаемую землячку несложно. Она пережила жесточайшую блокаду в городе на Неве и хорошо знала великую цену жизни и той последней блокадной карточки на хлеб, которую она сохранила на память о тех страшных годах военного времени.

Евгения Георгиевна ушла тихо из жизни на склоне своих лет, не пережив ещё одну не менее разрушительную блокаду — войну нынешних реформаторов против своего народа.

А написал я это всё, уважаемая редакция, с надеждой и верой, что сегодняшняя молодёжь, прочитав, будет гордиться беспримерным мужеством и стойкостью своих прадедов и прабабушек и оправдает их заветы по защите великих человеческих ценностей, созданных талантом и героическим трудом советских людей.

В. Логашов,
ветеран труда, член Союза журналистов,
г. Петровск, Саратовской области

“РАССКАЖИТЕ ПРАВДУ О СОВЕТСКОЙ ЭПОХЕ...”

Уважаемая редакция!

Хочу сказать в своём письме, что сейчас подступило к последней своей черте то поколение, которое занималось созидательным трудом во имя государства и Отечества. В большинстве своём оно жило не для себя, не для своих

личных интересов, а для государственных и общественных. А сейчас повсеместно происходит переоценка (или подмена) ценностей. Теперь во главу угла ставят личные, шкурные интересы, а не общественные. Это началось с поколения так называемых “шестидесятников”, когда в моду вошло “диссидентство” с его постоянным охаиванием всего отечественного, почвенного, коренного и восхвалением всего западного, пришлого, наносного. Бессмысленное времяпрепровождение заменило созидательный труд, размыло основы сознания, что государство надо защищать и отстаивать. Были и есть талантливые люди, конечно, и сейчас, но нет стремления к раскрытию своего потенциала, так как нет общей идеи служения обществу, принесения пользы людям. А без этого — на чём строиться государству и обществу?

Моё мировоззрение сформировано на примере личностей и творческих поисков таких людей, как В. Кожин, Ст. Куняев, М. Лобанов, С. Семанов. Всё это авторы и соиздатели журнала “Наш современник”. Конечно, и сейчас есть более молодые авторы, но, читая их, не чувствуешь цельности и законченности их взглядов, они менее доступны пониманию читателя. Им не хватает той глубины и объёмности взглядов, что присущи авторам старшего поколения. Потому я обращаюсь к людям опытным и помнящим славное прошлое: пишите воспоминания! Они ещё сыграют свою роль в деле построения будущего. Через 20–30 лет не останется людей, которые смогли бы рассказать правду о Советской эпохе. Это ушло, но остались ещё люди, которые жили и творили тогда. И я обращаюсь к ним — писателям и читателям: ваши воспоминания, дневники, письма — это те документы, по которым мы будем судить об ушедшей Великой эпохе.

С уважением

Сергей Беленичев,
г. Калуга

“РАЗВЕ ИСТОРИЮ ПРЯЧУТ?..”

Многоуважаемая редакция!

Прежде всего, огромное спасибо за то, что вы есть. Проза, поэзия в журнале всегда интересны. Другие материалы смелы и правдивы, вызывают уверенность, что сванидзе, млечины и им подобные не сумеют вытравить из народной памяти всё хорошее, что было в Советском Союзе. Да, мы, старики, жалеем о прошлом. И что же здесь плохого? Вполне естественно помнить о “...родных пепелищах”. И в угоду новоявленным “историкам” менять свои привычки и взгляды, заискивать перед Америкой, Западом... зачем? Зря, господа, стараетесь! Мы верим и знаем, что станет Волгоград вновь Сталинградом, и имя И. В. Сталина опять будет в почёте. Как можно исказить, грубо перевернуть свою историю, своё великое прошлое?

Теперьшний “правлящий тандем” ластится перед Западом, всё старается по их образцам делать: министр обороны — невоенный (будто у нас и генералов уже нет?). На параде — натовцы. Мавзолеем Ленина стыдливо спрятали под полотнище, будто он обветшал, стал неприглядным. Зачем все эти детские ухищрения? Разве Историю прячут? Или всё советское прячут? Дальше, как говорится, некуда... Россия платит контрибуцию Чечне. Генерала Трошева не сохранили, Буданова уничтожили! Милиция стала полицией. Самодовольная власть “модернизирует” буквально всё в народном хозяйстве. А результат?... Гречка (крупа) — 110 руб. за 1 кг! Лечиться — за свой счёт. Лечиться, больные, вам всё по карману, всё доступно, особенно пенсионерам...

Смотреть современные российские фильмы (сериалы, других нет) мутно. Видишь в телящике, как сытые господа жрут, пьют — и в постель. И это из сериала в сериал. Невольно вспоминаешь советское кино, Николая Рыбникова, например: “...та заводская проходная, что в люди вывела меня...”. Те фильмы, постановки звали людей к добру, к труду, к честной жизни, наконец.

В библиотеке навалом читава, Тополь, например. У него вместо прекрасного русского языка — матерщина. Нужна ли нам такая “свобода слова”, та-

кая “демократия”? Не надо нам пляжного разврата, не надо других “ценностей”, которые хлынули и почти уже затопили Святую Русь. Ведь как верно сказал наш русский поэт Николай Рубцов:

*Россия! Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они —
Иных времён татары и монголы...*

Когда становится тошно, берёшь, например, С. А. Есенина или М. В. Исаковского с его родной “Катюшей”, считаешь — всё возвращается на место в сердце и в душе.

Ваш журнал также придаёт силы, вселяет веру, что не всё потеряно, что Святая Русь не погибнет от зла, ползущего на неё со всех сторон.

Моё письмо не жалоба. Я ещё в силах противостоять млечинным, сванидзе и другим врагам всего русского.

Особое моё почтение главному редактору вашего журнала С. Ю. Куняеву, здоровья и долгих лет жизни ему!

Борис Алексеевич Игнатьев,
ветеран труда,
пос. Выползово Тверской обл.

“ОТЛИЧАТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ ОТ ЛИБЕРАЛЬНОГО БЛУДА”

Любезный Станислав Юрьевич!

Вам признаюсь в исключительной симпатии, почтении и уважении! Хотел бы рассказать немного о себе...

Моя мама умерла, когда мне было 8 лет. До 14 лет воспитывался в Емельяновском детском доме Красноярского края, потом строительное училище и работа каменщиком-монтажником. Служил в Советской Армии. Жил бесхитростно и простовато. Шабашил после работы: сложил более пятидесяти домов, десятки печей и каминов. Пил по случаю и без оного, курил, слушал “Голос Америки”. Увлекался Владимиром Высоцким. Правда, наряду с этим с удовольствием читал Есенина, Пушкина и других отечественных и мировых классиков. Но в уме не было гармонии и простого порядка, и меня ожидала обычная судьба труженика с ограниченным и хаотическим мировоззрением.

Переворот в моём сознании произошёл после того, как я случайно выписал журнал “Наш современник” и стал его регулярно читать. Тогда ещё главным редактором был Сергей Викулов. С этого момента, естественно, не сразу, по прошествии многих лет, я стал отличать национальную, традиционную культуру и её носителей от либерального, космополитического блуда в поэзии, прозе, публицистике.

Однажды я купил в Тимашевске в книжном магазине книгу С. Ю. Куняева “Огонь, мерцающий в сосуде” и прочитал её. Задумался, возвращался к отдельным страницам много раз и... разлюбил Высоцкого! Он для меня стал поэтом с маленькой буквы и Диверсантом с большой. Он подрывал, по моему мнению, основы традиционной нравственности и советской государственности. Потом я прочитал собрания сочинений Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Пушкина, Есенина, Джека Лондона и многих других отечественных и зарубежных классиков, что приучило меня к систематическим занятиям. Окончил вечернюю школу, университет, получил высшее юридическое образование. Работал старшим следователем, преподавателем, параллельно работая строителем, клал печи. Защитил диссертацию по праву и думал, что должность доцента университета — это вершина моих чаяний.

Но мои друзья и знакомые буквально принудили меня к творческой работе. Одну из моих книг, “Генезис антисистемы в праве”, я с удовольствием высылаю Вам.

Станислав Юрьевич, Ваша книга “Жрецы и жертвы холокоста” находится на моём письменном столе в кабинете, и я постоянно обращаюсь к ней. Эта

книга – бесстрашное провозглашение правды, это своё мнение я разделяю со многими другими читателями Вашего журнала.

Искренне Ваш
Валерий Петрович Проценко,
профессор Кубанского государственного аграрного университета,
г. Тимашевск Краснодарского края

В ПОИСКАХ ДУХОВНОЙ ОПОРЫ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Огромная Вам благодарность за Ваш подарок для меня – Вашу книгу! Я постоянный читатель Вашего журнала, даст Бог – стану и подписчиком. Где больше найдёшь для души в наше протухшее от дебилизма СМИ время. Пока занимаюсь пропагандой Вашего журнала везде и всюду при всяком удачном случае.

Не могу не выразить Вам свою признательность читателя и русского человека за Ваши стихи! Спасибо Вам, спасибо за книги “Поэзия. Судьба. Россия”. Спасибо за публицистику “Жрецы и жертвы холокоста”, читал в Вашем журнале.

Я не могу себе представить и понять – как я, любознательный к литературе человек, не умудрился раньше познакомиться с Вашим творчеством. Но лучше поздно, чем никогда, тем более сейчас, когда изверившийся во всём русский народ так нуждается в духовной опоре.

Спасибо за Ваше мужество и душу сострадательную!

Виктор Долбёжкин, ветеран труда,
сел. Яжелбицы Валдайского района Новгородской обл.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Обращаюсь к Вам как благодарный и давний Ваш читатель. Ещё лет 25 тому назад меня поразил Ваш рассказ “Жизнь и смерть в небесных горах” о судьбе известного геолога, путешественника, учёного Эрнста Портнягина. Ныне эти записки вошли главой в Вашу книгу воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”. Перечитала Ваш рассказ уже с картой в руках. Завораживает даже музыка топонимов. Словесная характеристика мест и людей впечатляет сильнее, чем если бы это было на экране или в натуре. А я видела Среднюю Азию своими глазами – Ташкент, Маргилан, Казарман, Шахимардан, Рыбачье на Иссык-Куле. Непостижимо, как Вы сумели простыми словами достигнуть эффекта, когда реальность беднее изображения!

Прошлым летом перечитала и в третий раз, но уже с картой Южного Урала. Открылся ещё один пласт Вашего многомерного повествования. Причём ощущение поэзии, идущее от Ваших строк, усилилось. Поняла, почему герой этого произведения так относится к своей малой родине: ведь он – зауральский! Нашла деревню Стариково на границе Челябинской и Свердловской областей. Между двух озёр. Это – Зауралье лесное...

И вот когда, примерно год назад, стала читать журнал “Наш современник”, то с радостью открыла для себя, что автор полюбившегося мне произведения – главный редактор этого журнала! Решилась написать Вам и выказать восхищение Вашим текстом. Я сама по профессии учитель биологии и географии, сейчас на пенсии.

Всего Вам самого доброго!

С уважением
Лариса Сергеева,
г. Ульяновск

КАЛУГА – “ДУША РОССИИ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Если бы Вы знали, как Ваш журнал поднимает дух и настроение! Получив очередной номер, я, как коршун, набрасываюсь на чтение, отбросив все дела. Всем друзьям и знакомым рассказываю о журнале и советую его читать, чтобы разобраться во всём, что происходит в стране и в мире.

Очень порадовала меня Ваша статья в журнале (№ 6 за 2011 г.) “*Душа России*”. С какой любовью к своей малой родине, к Калужской земле, она написана! И сколько интересного в ней о российской истории: и о Пушкине, и о Блоке, о параде 7 ноября 1941 г., и о встрече Сталина с иерархами церкви. Меня очень тронула эта статья. Мои корни – в Калужской земле (недалеко от Медыни) – мои деды и родители оттуда. У меня было десять братьев и сестёр. Этим летом я собрала, кого могла, из родственников и на четырёх машинах предприняла поход на могилы предков. Убрали все могилы и решили каждый год их посещать. Вот на что может подтолкнуть слово писателя, такого, как Вы. Все мои родственники восхищаются Вами и передают поклон.

С уважением
Зоя Андреевна Софранчук,
г. Москва

“ЖИТЬ МОЖНО, КОГДА ЛЮБИШЬ РОССИЮ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Благодарю Вас за всё, что Вы сделали и делаете в жизни, за все Ваши литературные труды и общественную позицию Вашу, когда “добро должно быть с кулаками”! Благодарю за воспоминания Ваши о детстве, за Ваше уважение к предкам. Это так важно сейчас, когда многие люди теряют свои родственные связи. Сейчас у меня большие трудности, помогала брату и залезла в удавку долгов. Но на Ваш журнал и газету “Русский вестник” подписусь обязательно, хотя бы пришлось сдавать вещи в ломбард. Да и то сказать, единственная радость у меня здесь в Казахстане – это Международный русский фестиваль, который организует ректор местного университета Панин и Русский культурный центр, очень хорошие концерты там проводят. Жить можно, когда любишь Россию, ею живёшь...

Милый Станислав Юрьевич, я желаю Вам долгой жизни, огради Вас, Господь, силою честного и животворящего Креста и сохрани Вас от всякого зла!

Сердечный привет Вашей жене Гале и сыну Серёже. Пусть в этом году наступит долгожданное Возрождение России!

Уважающая Вас
Светлана Бродникова,
г. Семипалатинск (Казахстан)

“ЧИТАЮ И ПЕРЕЧИТЫВАЮ ВАШИ КНИГИ...”

Многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Не могу представить, как Вы, перегруженный редакторской и авторской работой, находите время для чтения книг, но у меня есть такая возможность, я читаю и перечитываю Ваши книги и журнальные работы. К сожалению, книг Ваших у меня немного, зато настольной стала “Сквозь слёзы на глазах...”, изданная на Вашей родине, и, к сожалению, что не ново, постсоветским мизерным для Вашего имени тиражом. Тем и драгоценней она для меня. Не могу её не перечитывать от знаменитых строк “Добро должно быть с кулаками...” до лирических хроник – Калужской, Тунгусской, “Русских снов”. Это я читаю помимо журнала с его “Жгучим отпрыском Аввакума” Сергея Куняева,

с острыми статьями политологов, экономистов, литераторов, направленными против нынешнего мракобесия.

А что в нашей районной библиотеке? Увы, как и вся культура, искусство, литература, брошенные нынешней властью на произвол судьбы, на самовывживание, библиотеки обречены на жалкий набор периодики и ещё более жалкий – современной художественной литературы. К примеру, вот какие Ваши книги оказались на полках или в хранилище, откуда получил их с трудом, лишь по требованию: 1. Книга стихов “Рукопись” (1977 г.); 2. Избранное (стихи и поэмы, 1979 г.); 3. Избранные произведения, 1988 г. (1-й том, 2-го нет); 4. “Сергей Есенин”, ЖЗЛ, 1997 г. (чему я страшно обрадовался – ведь это настоящая энциклопедия русского гения); “Русский полонез”, 2006 г.

Вот и весь набор Ваших книг, но на радость читателям есть ещё журнал “Наш современник”. Это всё служит тому, по Вашим словам, “...чтоб в мировой пыли не сгинула твоя дорога”.

Остаюсь с пожеланиями наилучших успехов

Алексей Корнеев,
г. Чехов, Московской обл.

СПОР О ХОЛОКОСТЕ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

К выходу в свет готовится книга скандально известного историка Я. Гросса, в которой поляки обвиняются в соучастии в преступлениях холокоста и попытках “нажиться на евреях” во время Второй мировой войны. Его тезис о том, что такого рода явления носили массовый характер и полностью поддерживались польским обществом, вызывает волну критики в адрес автора и очередной всплеск дискуссии об антисемитизме поляков.

Новая книга “Золотой урожай” постоянно проживающего в США польского историка еврейского происхождения Я. Гросса, уже “прославившегося” своими трудами о взаимоотношениях поляков и евреев во время и после Второй мировой войны (“Соседи”, 2000 г.; “Страх”, 2006 г.), ещё только готовится к публикации, однако уже вызвала весьма острую реакцию в польском обществе. Патриотично настроенные польские “активисты” организовали даже хакерские атаки, пытаясь помешать выходу книги в свет. Её главный тезис, судя по данным СМИ, состоит в том, что поляки не только участвовали в убийствах не менее 200 тысяч евреев, но и наживались на них как могли, шантажируя выдачей немцам, присваивая имущество депортированных и убитых лиц, требуя немалую плату за укрывательство беглецов из гетто и т. д. Особое возмущение вызвало утверждение Я. Гросса о том, что за укрывание евреев полякам вовсе не грозила смертная казнь, это утверждает польская историография.

Не отрицая самих тезисов Я. Гросса о причастности поляков к перечисленным фактам, местные эксперты решительно отвергают выводы автора о массовом характере таких явлений. “Гросс поступает непорядочно по отношению к польскому обществу, выдавая экстремальные действия некоторых деморализованных личностей за нормы поведения, принятые во всей стране”, – заявил советник президента Польши профессор Т. Наленч.

“Я. Гросс переворачивает всё с ног на голову, утверждая, что спасение евреев во время немецкой оккупации было доходным бизнесом для поляков”, – негодуют сотрудники польского института национальной памяти историки Я. Журин и Г. Брендт.

Примечательно, что из польских и заграничных еврейских организаций поступают позитивные оценки книги Я. Гросса, открывающей поле для дискуссии об антисемитизме в польском обществе не только во времена Второй мировой войны, но и сегодня. Любопытно также, что, по свидетельству сотрудников готовящего тираж издательства, к ним ежедневно поступают сотни писем от “истинных христиан” с угрозами и утверждениями, что “если бы не холокост, то евреи давно сделали бы с поляками то, что делают сегодня с палестинцами”.

Несмотря на то, что нынешняя польская власть избегает открыто насаждать тезис о непричастности поляков к гонениям на евреев в годы гитлеровской оккупации (этим отличалась “пропагандистская машина” эпохи братьев Качиньских), в современном польском обществе мнения, подобные высказываемым Я. Гроссом, по-прежнему воспринимаются как клевета и “фальсификация истории”. В то же время отмечается появление в печати материалов ряда независимых авторов, раскрывающих новые конкретные факты соучастия польского населения в расправах над евреями.

С учётом польской ментальности можно с большой долей уверенности говорить о том, что начинающееся обсуждение содержания книги Я. Гросса не ограничится дискуссиями академического характера и затронет существенную часть политической элиты страны. Под угрозу ставится один из приоритетов польской политики – чистота “исторического досье”.

Н. Огнев,
г. Санкт-Петербург

“РАЗДЕЛЯЕМ ВАШУ БОЛЬ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Благодарим Вас за журнал “Наш современник” и просим передать наилучшие пожелания всему коллективу редакции руководимого Вами журнала, который был и остаётся “лучом света в тёмном царстве”, благодаря которому не потеряна надежда, что Россия сохранится, возродится, а русская патриотическая интеллигенция, часть которой утратила нравственную устойчивость и национальную почву под ногами, очистится от предательской и коллаборационистской скверны.

Ваши книги, Станислав Юрьевич, стихи и проза – это неиссякаемый родник духовной чистоты и свежести, и мы полностью разделяем Вашу позицию, Вашу боль за Россию и Русский народ.

Жмём Вашу руку

Владимир Максимович Ковалёв,
заслуженный врач России, полковник внутренней службы в отставке,
Александр Ильич Сорокин,
заслуженный работник МВД СССР, полковник внутренней службы в отставке,
г. Москва

“С ДУШОЮ ОБНАЖЁННОЮ, КАК МЕЧ...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Я не читаю газет и журналов, тем более, не выписываю их (это, конечно, не красит, но лично меня они мало чему учат). А вот однажды в местной писательской организации мне передали четыре номера журнала “Наш современник” (№ 1, 12, – 2007 г.; № 1, 2 – 2008 г.). Свои экземпляры я положил на шкаф в рабочем кабинете почти на два года и лишь в январе 2010 года вдруг обнаружил их и забрал домой для ознакомления.

Один из журналов был раскрыт на рубрике “Мир Юрия Кузнецова”. Перечитал все тексты, связанные с Юрием Поликарповичем, и понял, что должен написать Вам это письмо, в котором предложить к опубликованию в журнале свои стихи, имеющие отношение к Ю. П. Кузнецову. Не для своего неожиданного и возможного пиара (эти стихи уже опубликованы в моих книгах), а ради памяти великого русского поэта. Ведь не случайно же А. С. Пушкин заявил, что он будет славен, “...доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит!” Ведь сказал он это и о других русских поэтах, и о них будет идти слава по всей Руси Великой, так же как и о нём, пока в подлунном мире остаёт-

ся живым хотя бы один “пиит”. Их всегда хоть сколько-то, да остаётся. И они в узком поэтическом круге сохраняют память об ушедших поэтах, воскрешают их! Это Пушкин понимал. И он остаётся живым в словах и посвящениях ему ныне здравствующих поэтов. И остаются живыми все поэты — в живом слове о них: и Лермонтов, и Тютчев, и Некрасов, и Есенин, и наш омский Павел Васильев, и Рубцов, и Передреев. И Кузнецов. Все они, однажды стяжавшие всероссийскую славу, покоровшие воображение своих современников и будущих поколений и через своё творчество сохранившие образ о России на все её времена!

А у меня как у поэта, слава Богу, живого, не искавшего ни у кого никакой поддержки, самого себя сделавшего, есть такие стихи, которые в ряду произведений других авторов делят вечную славу нашего великого современника, русского поэта Юрия Кузнецова.

В 1982 году я впервые увидел Юрия Поликарповича в Новосибирске, куда я с омскими поэтами и прозаиками приехал на совещание молодых писателей Сибири и Дальнего Востока. Видел я его только один день, но он мне запомнился так, что я там уже вчерне написал стихотворение, которое пролежало 25 лет среди прочего написанного, а потом оказалось в книге “Я вырастил русскую душу” (что перекликается с книгой Кузнецова “Русский узел”). Вот это стихотворение.

*На сборище неведомых поэтов
Присутствовал единственный Поэт.
Все ждали исцеления — ответов,
А он явил собою тьму и свет.
Его глазами скромно пожирали,
Его просили что-нибудь прочесть.
И он прочёл. И воцарилась в зале
Благая тишина. Благая весть!
И в тишине, поодаль от Поэта,
С душою обнажённою, как меч,
Хлебнувшею с лихвою тьмы и света,
был человек...*

Но не об этом речь!

*Тут чай разлили девушки в стаканы,
Всем предложили сладкий рафинад.
Последняя секунда истекала...
И зал взорвался — не было преград.
Кто басом брал. А кто звенел фальцетом.
Кто нотой монотонною томил...
На сборище неведомых поэтов
Трещал паркет от тех духовных сил.
Стихи звучали с сахаром вприкуску.
Поэт молчал о чём-то о своём,
Его душа не находила чувства
Ответного. Томилась за столом.
Но в зале том, поодаль от Поэта,
С душою молчаливою, как меч,
Хлебнувшею с лихвою тьмы и света,
был человек...*

Но не об этом речь.

*Зал выдохся от крика горлового
И даже свет не выдержал — погас...
И в тишине ещё шипело слово,
Как будто обезвреженный фугас...
Довольство растекалось темнотою,
Ведь сам Поэт их голосу внимал
И всей своей душевной полнотою
Он их, конечно, очень понимал...
И, двигаясь неспешно к раздевалке,
Он думал о пустой кончине дня:*

*“Немыслимо... ужели... ёлки-палки...
Ни одного, кто понял бы меня...”
Но в полутьме, поодаль от Поэта,
С душою понимающей, как меч,
Хлебнувшей с лихвою тьмы и света,
был человек...*

Но не об этом речь!

Вот, собственно, и всё: обязанность сказать своё слово о Ю. П. Кузнецове на страницах журнала “Наш современник” исполнена. Для меня важна память о Поэте! И пусть читатель решает, как удалось это сделать скромному поэту из Омска.

С наилучшими пожеланиями
Пётр Козлов,
г. Омск

ЖУРНАЛ НА ВЫСОТЕ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Только что получил “Наш современник” № 1. А в номерах за прошлые годы – много интересного, талантливое. Стихи Юрия Ключникова – прелесть! Лиричные, глубокие, народные. Такого бы уровня стихи почитать бы в “Литературной газете”. Но увы! Хороши белорусские поэты в № 12, понравились почти все. На высоте проза, публицистика, критика.

Желаю Вам здоровья, крепости духа, творческой энергии и успехов!

Николай Ситников,
г. Сочи

ТАЛАНТЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

Уважаемая редакция!

Должна вам сказать, что в 2011 году журнал “Наш современник” познакомил читателей с замечательными поэтами. Я, как поклонница поэзии, встретила впервые с рядом выдающихся талантов, разбудивших в моей душе целую гамму чувств, заставивших учащённо биться сердце, сопереживать, задуматься, восхищаться, удивляться. Ещё А. С. Пушкин характеризовал поэзию как “союз волшебных звуков, чувств и дум”. Действительно, в самой поэзии заложена музыка, вызывающая такое же состояние души, как музыка великих композиторов: Калинникова, Рахманинова, Шумана. Это поэзия А. Штырова (№ 4), Д. Мизгулина (№ 8), В. Брюховецкого (№ 10).

Пронзительно тревожные чувства вызывают стихи Валентина Сорокина. А поэзия отца Андрея (Логвинова) (№ 4) удивительно акварельна: светла, воздушна, прозрачна, красочна. Она убеждает в преданном служении автора Богу, в том, что его служение – это праздник, праздник длиною в жизнь. Очень жаль, что все эти превосходные поэты не имеют достойных тиражей. А ведь талантливым поэтам нужен выход на широкую читательскую аудиторию, нужна популярность. Не должны такие перлы поэзии кануть в вечность. Ведь поэзия – это часть общечеловеческой культуры, а культура – это всё, что остаётся от цивилизаций.

Тамара Константиновна Капорцева,
врач, ныне пенсионер,
пос. Петровское Ярославской обл.

“ВАШЕ ПЕРО ЗАТОЧЕНО НА ПРАВДУ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я, рядовой читатель Вашего журнала из провинции, ценю последовательность и верность избранным ценностям, искренность, честность и хочу пожелать Вам успехов в дальнейшей деятельности. С удовольствием читаю, слежу и стараюсь понять, где правда, почему такой разницей в оценке прошлого и настоящего, почему общество расколото, когда надо сплотиться, и почему такой ералаш в головах людей за последние десятилетия?

Два раза перечитал статью Игоря Ильинского “Белая правда Бунина”, опять разные правды, одна белая, другая красная... В советское время была одна правда и большинство искренне верили в неё, потом пришли нехорошие времена, открылась другая правда, сейчас, видимо, надо ожидать следующей правды?.. Как раньше ценили слово и правду, Иван Бунин изумлялся крепости слова русского купца, а какая правда во лжи, грабеже, насилии, убийстве? Враньё сыпется со всех сторон, простому человеку трудно разобраться, где правда. С экрана телевизора видные лица называют Николая II “кровавым царём” и смиренно со свечками молятся в церкви у иконы святого Николая II... Добро и зло смешали так, что уже трудно разобрать – где честный человек, а где жулик, вначале отдолбят человеку печёнку, а потом говорят: “Давайте жить дружно!”. Мне кажется, национальная идея должна стать Правда, правда обо всём, что было и творится сейчас в России, начиная с 1917 года, ведь уже скоро столетие с тех “окаянных дней”.

Станислав Юрьевич, Ваше перо заточено на такую правду, спорить с которой трудно, откройте такую страничку правды, пусть она будет радостной или печальной, но она внесёт примирение, а это многого стоит.

С уважением
Валерий Морозов,
с. Ямская Слобода,
Крестецкий р-н Новгородской обл.

“...КАК РОДИНА И КАК ВЕСНА”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Мы живём в Англии, в эмиграции с 1994 года. Наша семья подписывает Ваш журнал с 1970 года (с небольшим перерывом, но и в этот период мы брали интересующие нас материалы журнала через интернет). Публикации в “Нашем современнике” всегда интересные, содержательные.

Вдали от Родины журнал помогал нам быть в сфере русского языка, очень часто мы читали его вслух в семейном кругу. А последние 10 лет жизни нашей дочери, Любы Талимоновой, тяжело болевшей почечной недостаточностью и жившей фактически на гемодиализе (искусственная почка), журнал или распечатка статей журнала всегда были с нею в больнице и помогали выдерживать многочасовую нелёгкую процедуру очистки крови 3–4 раза в неделю.

И вот Люба скончалась 14 августа 2011 года... Несмотря на тяжёлую болезнь, преследующую её с детства (инсулинозависимый диабет с 2-летнего возраста и его осложнения), она не сдавалась, писала стихи, трудилась, была избрана членом Британского Союза писателей и Союза художников. Во всех своих работах она была верна идеям русского космизма.

Посылаем Вам одно из последних её стихотворений, написанное 17 июля 2011 г. Надеемся, Вы сочтёте возможным опубликовать его.

*По краю Земли и Неба,
На переломе дней,
Жизнь даровало Небо
Бедной душе моей.*

*Близится смена эпохи,
Растёт накал страстей.
Дикий цветок тревоги
Посеян среди людей.*

*Звёзды роняют слёзы,
Годы идут быстрее,
Народы встают на народы
В век техники и скоростей.*

*Кто-то живёт счастливо,
Где-то царит беда,
Исчезла Любовь из мира,
Осталась одна вражда.*

*Безумие длится долго
И, кажется, без конца...
Но — тучи на горизонте —
Значит, будет гроза!*

*Новое — не за горами.
Старое — отойдёт.
Мир, омытый дождями,
В светлое утро придёт!*

Н. Л. и А. В. Талимоновы,
г. Лондон (Великобритания)

“В КАКИЕ ВРЕМЕНА МЫ ЖИВЁМ...”

День добрый, уважаемый Александр Иванович!

Прежде всего, в Вашем лице выражаю огромную благодарность коллективу журнала за рассылку “Нашего современника” старейшим писателям Санкт-Петербурга. Огромное всем спасибо, что не забываете нас, стариков!

А меня Вы, надеюсь, тоже не забыли. Я ведь не только “старейший писатель” города на Неве, но и давний автор “Нашего современника”. Помню нашу первую встречу в журнале, когда мы, ещё молодые, вернулись из Карабихи, где во главе с Сергеем Викуловым проводили Некрасовские чтения, а Вы только что приступили к работе в нашем замечательном журнале. В дальнейшем лично Вы принимали у меня стихи и опубликовали несколько подборок. Это было более четверти века тому назад... Сейчас смотрю на список редколлегии журнала и из тех, кого лично знал, в списке нахожу только Вашу фамилию. Вот и обращаюсь с благодарностью непосредственно к Вам! Давно я хотел возобновить связь с “Современником”, да вот никак не мог собраться. Но, как говорится: “Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе”. Вот и я пришёл снова к нашему журналу, как к последнему маяку среди бушующего моря жёлтой прессы. Заботит меня клевета на Великий Подвиг ленинградцев в дни блокады. Боже, до чего мы докатились, в какие ужасные времена живём! Статья какого-то мерзавца, опубликованная в газетёнке “МК в Питере”, называлась “Пятна на подвиге” — чего название стоит! Не могу я об этом молчать.

А пока прощаюсь с Вами. Новых успехов “Нашему современнику”!

Ваш
Валерий Шумаков,
житель блокадного Ленинграда,
г. Санкт-Петербург

“ПРИШЛИТЕ ВАШИ КНИГИ!”

Дорогой Александр Иванович!

Сердечное Вам спасибо и гражданская благодарность за Ваш неустанный и талантливый бой с недругами России, за Слово здравомыслия для тех, кто способен его воспринять.

Читаю всегда всё, что приходит ко мне в “Современнике”, других связей с внешним миром не имею по причине хвороб и возрастного одиночества (кто был близок и дорог – все ушли). Мне уже не интересна внешняя жизнь, природа, но главное для меня – судьба России, её культура и судьба мира, планеты – неужто исполнится “по писаниям” и будут “всё и вся” под копытом “царя иудейского”, ведь это тихой сапой и осуществляется!

У меня почтительная просьба – вкупе с Вашей книгой выслать мне налоговый платежом “Жрецов...” Станислава Юрьевича, здесь в Питере я не имею ни малейшей возможности приобрести эту книгу, да и книгу “Поэзия. Судьба. Россия” я бы тоже была рада получить. Сколько бы это ни стоило. Для меня, не ради красного словца, этому и цены нет.

Рада буду написать Вам ещё раз и очень надеюсь на получение Ваших и Станислава Юрьевича книг.

Сил и бодрости Вам и мой земной поклон.

Эмилия Сейль,
г. Санкт-Петербург

“ЧТО ЗА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ТАКАЯ?..”

Уважаемый Александр Иванович!

Журнал “Наш современник” читаю постоянно. Много интересного. Очень нравятся Ваши “Дневники современника”. Могу подписаться под каждым Вашим словом.

В № 10 за прошлый год, в статье “Поезд убирается в тупик” многие вопросы, которые Вы освещаете, касаются и нашей семьи. Одну мою родственницу уволили с работы, а стаж у неё был – 30 лет на одном производстве, – в связи с “переоборудованием производства”. Отчаявшись устроиться на работу через центр занятости, она пошла работать по объявлению в одну из частных столовых, которая значится как “ООО”. Проработав почти шесть месяцев, зарплату получила только за два. Потом хозяин сказал, чтобы она не приходила больше. Один день побыла дома, опять вызвали на работу, люди стали увольняться из-за невыплат зарплаты. Хозяин набирает новых работников, но и им не платит. Работают там, как при крепостном праве – за тарелку супа. Пожаловаться некому, хозяин – собственник. Работают по десять часов без перерыва, бесправие абсолютное, а ведь пока Трудовой кодекс “по Прохорову”, за которого так рьяно голосует сытая столичная интеллигенция, ещё никто не отменял.

Да и что это за “интеллигенция” такая? Несколько раз по телевидению показывали сюжет, где на одном из собраний, которое проводил известный всем “деятель культуры” Н. С. Михалков, молодой парень, или даже, скорее, паренёк бросил в Никиту Сергеевича пару яиц, которые разбились о его шикарный костюм. Михалков закричал как зарезанный, что-то вроде “Держи, хватай!..”. Два амбала-охранника схватили мальчишку под руки, приволокли его в первый ряд, а сам Михалков ботинком ударил его в лицо. Мальчишка в крови, согнулся, но никто из, так сказать, “интеллигентов”, которыми был заполнен зал, не вступился за него, выявив таким образом полное равнодушие. Такие сцены мы видели раньше только в кино про войну!

Кстати, таких мальчишек раньше называли подростками, а теперь почему-то “тинейджерами”. А ведь у Достоевского есть прекрасное произведение “Подросток”. Видно, придётся его переименовать в “Тинейджера”, чтобы было понятно современникам!

И ещё один вопрос: с интересом прочитала о великом русском певце Штоколове. Хотелось бы больше узнать о других знаменитых русских людях, людях искусства, например, Ирине Архиповой. Случайно встретила маленькую заметку, что её больше не стало... А ведь это певица мирового уровня!

Хочу пожелать Вам, Александр Иванович, доброго здоровья и продолжения Ваших "Дневников"!

С уважением
Элеонора Михайловна Егорова,
г. Домодедово Московской обл.

НЕ ПОРА ЛИ ЗАКАНЧИВАТЬ С РЕФОРМАМИ?..

Уважаемый Александр Иванович!

8 лет назад впервые прозвучала мысль экспертов Всемирного банка (мондиалистская структура) о необходимости убрать русское население с равнин России и сосредоточить его в двадцати крупных агломерациях (попростому: гетто без ограждения). Похоже, указание Всемирного банка исполнено. Но почему же тогда Медведев заявляет о том, что он сам придумал это расширение Москвы?! Все напрочь забыли о разработанной гигантской Программе развития малых городов.

Вот действительно необходимая для России программа! И ведь денег вбухали! Теперь как будто этой Программы вообще не существовало. Получается, либералы из правительства расчищают пространство для переселенцев из Азии. С этим же связана массовая скупка через подставных лиц иностранными фондами пахотной земли в России. Например, шведский фонд (один!) уже накупил 300 000 га.

Либералы из Правительства распахивают двери перед ордами мусульманских переселенцев. Только официально выведено из России 10 млрд долларов. А неофициально? – 30–40 миллиардов. Т. е. соизмеримо с выводом из России денег крупными и мелкими бизнесменами – официально – 36 млрд долларов. Таким образом, Россия выглядит в мире, как русский ребёнок в германских лагерях для получения крови – высасывают и высасывают, как пауки или нацисты. А чего стоит введённая норма, раз родился в РФ, значит, гражданин РФ. А с какого бодуна? Уже едут целые поезда рожениц из Киргизии.

А возьмём военную реформу – 9 лет назад представители Всемирного банка представили доклад, в котором потребовали (конечно, в рекомендательной форме – но попробуй послушаться!) вывести все военные Академии из Москвы и крупных городов. Объяснение – милитаризация крупных городов. Я не поверил... А ведь всё выполнили в точности в ходе проведения так называемых сердюковских реформ.

9 апреля этого года по телеканалу РБК вечером была передача об аварии самолета АТР и положении дел в авиапромышленности. Так вот, некий лысый ведущий проталкивал всё время мысль о том, что надо покупать иностранные самолеты и приглашать иностранных пилотов. А интервьюированные летчик-испытатель и эксперт открытым текстом заявили о том, что пока возможно вернуть часть утраченных позиций и через три года завалить самолетами Россию, но авиационную промышленность уничтожают.

А почему в США все иностранные НПО обязаны регистрироваться как иностранные агенты, а у нас они ещё получают государственные дотации?..

Хорошо бы системно и постоянно отслеживать и сравнивать действия нового Президента и его предвыборные обещания. Например, какой будет состав Правительства, какой будет состав Общественной Палаты, наконец, какой будет состав Общественного телевидения. Соблюдает ли наш Президент важнейший принцип нашего многонационального государства – **этнический баланс** во всех сферах жизни. То есть не только в общественной сфере, но и в финансовой, информационной, ресурсной (олигархат), энергетической (нефть, газ, электричество) и узких сферах, обеспечивающих жизнедеятельность (например, питание).

Этнические группировки контролируют ныне жизнь городов – именно поэтому все, кто борется против организованной преступности, объявляются “экстремистами” и им шьётся 282-я статья. Все этнические группировки – организованные. Например, в Москве официально 47 этнических культурно-национальных группировок, ещё и получающих деньги с налогов русских москвичей на спецшколы, концерты, и т. д.

Вот и возникает вопрос – не пора ли заканчивать с “реформами” и начинать контрреформы?

С уважением
Алексей Гонцов,
г. Москва

“ЧИТАЮ ЕГО УЖЕ МНОГО ЛЕТ...”

Уважаемая редакция!

Передаю своё восхищение Сергею Куняеву за его прекрасную публикацию о поэте Николае Клюеве “Ты, жгучий отпрыск Аввакума...”. Это для меня совершенно новое прочтение Клюева. И сколько лично для меня новой информации о поэте!

Александр Казинцеву низкий поклон за его публицистическое исследование “Поезд убирается в тупик”. Читаются его материалы всегда с большим интересом, читаются неотрывно! Я постоянно читаю его уже много-много лет... наверно, уж лет 20! Он уникален и исключителен среди многих наших публицистов.

Геннадий Морозов,
г. Касимов Рязанской обл.

“СОГРЕТО НЕРАВНОДУШНЫМ СЕРДЦЕМ”

Дорогой Геннадий Михайлович!

Книжкой Вашей “Незабытое” я очень доволен и глубоко благодарен Вам за неё. Читал с удовольствием и пользой! Узнал много нового и о Вашей жизни, о жизни литературной и нашей общей советской жизни. Во-первых, радуется, что книга многоплановая. Ясно, что она автобиографична, но в ней не только жизнеописание, но есть и исторические очерки, и литературоведческие, и рецензии, и много чисто художественных зарисовок, которые удачно дополняют разделы книги.

Очень важно, что везде слышится Ваш живой голос, Ваша оригинальная интонация, а это много для художника. Сколько пишется повестей, рассказов, неразличимых по интонации. У Вас есть своя живинка! А есть живинка – есть и язык. Чистый, правильный, сочный русский язык. Читал с наслаждением, чувствуется даровитый автор, с горячей душой человек. Можно писать безукоризненно стилистически, соблюдать все языковые нормы, но если написано не одухотворённо, если не согрето неравнодушным сердцем – грош всему цена!

Низко кланяюсь Вам, дорогой старший товарищ, наставник и друг. За всё благодарю.

Роберт Балакшин,
г. Вологда

“УЧИЛ НАС ДОБРОТЕ...”

Уважаемый Василий Васильевич Киляков!

Спасибо Вам за повесть “Балагур”, напечатанную в одиннадцатом номере журнала “Наш современник” за 2011 год. Прочитали Вашу повесть я и мои домашние с большим удовольствием. Вспомнилась деревня в Ярославской области Тутаевского района, где прошло моё детство, и как живой встал перед глазами дед Игнатий, сказочник и балагур. Мы, детвора до 7 лет, проснувшись, прихватив, что нам было оставлено из еды, стекались в избу Игнатия, словно ручейки, со всех концов деревни. Носили ему воду, дрова, кормили кур и козу. Дед Игнатий был слеповат. А потом начинались сказки...

Ваш Тимофей Круглов очень похож на нашего деда Игнатия. Была у деда Игнатия большая седая борода, и мне всегда хотелось до неё дотронуться. Игнатий учил нас доброте, всегда спрашивал, какие добрые дела мы сделали. От него мы впервые услышали о чести и о зависти. Но больше всего нравились его сказки о фее мудрости. Однажды я спросила деда, а смогу ли я быть мудрой. Он пристально посмотрел на меня:

– Вот когда косица твоя станет седой, как моя борода, вот тогда и встретишь фею мудрости.

– А я косицу обрежу, она мне мешает...

– А она снова отрастёт, – усмехнулся дед Игнатий. Так оно и случилось.

Наверно, пока не переведутся на Руси такие деды Игнатии и Тимофеи Кругловы, жива будет душа народная.

Ещё раз спасибо Вам!

Ельза Павловна Щеглова,
г. Приозёрск Ленинградской обл.

“ОЧЕНЬ ПОРАДОВАЛ ВАШ ЖУРНАЛ”

Здравствуйтесь, дорогая редакция!

Первый номер Вашего журнала за этот год меня очень порадовал. Весь он очень интересен, даже изумителен, особенно публикация Андрея Убогого об Индии “В стране радости”, помещённая в рубрике “Записки путешественника”. Многие места перечитывала неоднократно. До чего трогателен этот народ, чист душой! Иногда хохотала над их детской наивностью. Впечатление – как будто сама бывала в Индии.

Разглядывала фотографию А. Убогого на последней странице журнала с его хитрющими, умнющими глазами. А его тайну о смуглой молодой индианке я, конечно, сберегу... Нескольким своим подругам, которым я выразила своё восхищение от чтения очерков А. Убогого, я не поленилась собственноручно переписать эпилог этого произведения и разослать письмами, даже во Владивосток.

Андрей Убогий талантливый писатель, яркий, незаурядный человек, кладезь доброго юмора, чувствуется, что очень образованный. Он правильно подметил в характере индийского народа их миролюбие, добродушие. Их много, но они не угрожают России своим засильем, в отличие от некоторых других народов.

С глубоким уважением и благодарностью к журналу “Наш современник”

Алла Константиновна Фатхулова,
г. Суоярви, Карелия

ПАВЕЛ ЛАВРЁНОВ

“ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ...”

Камчатские зарисовки

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Уютное, тихое местечко, и от города не вдали. Нежное, беззащитное название – Паратунка. В нём и детскость, и неожиданность звучания, и приятное выговаривание. А вокруг лесистые сопки и высокая купольно-небесная синь.

Жилой посёлок безлюден. Редко проедет машина, даже рейсовый автобус не всегда завернёт. Никлые домики, привычные огороды и непутёвые, завалившиеся изгороди – картинка, от материковой деревни не отличишь. И только воздух – тонкий, свежий, бодрит особым холодком и напоминает, это – Камчатка. Избушка с высохшим православным крестом, маковка молельни цельновырублена из комля дерева – тоже примета, железо на Дальнем Востоке в цене.

Май, а снег лежит полтораметра, плотный, синий, крупнозернистый и совсем не холодный. Можно ходить разоблачась, и не зябко, до поры, конечно, потом замечаешь, настыл, но одеваться всё равно не хочется.

Сегодня в Паратунке, как и по всей стране, отмечают день Великой Победы.

При дороге стоит фанерный вагончик – шашлычная, машин понаехало к ней с дюжину. На пятачке толкуются парни, курят, на их плечах преданно виснут девушки. Из чьей-то машины прёт во всю мощь японских динамиков музыка.

Тёмное нутро шашлычной набито празднующими. Музыка лупит и здесь. За крохотными столиками насело сверх всякой меры. Тесно и бутылкам на столах, закусок за стаканами не разглядеть. Между пьющими прохаживается хозяин шашлычной – азербайджанец, трезвый. Оборачивается к одной группе, другой, картинно покрикивает: “Оборзели!” “Эй, заглохни!” Плечистые, коротко стриженные парни его замечания не относят к себе, но всё же пытаются блюсти меру в голосе, густой матерщине. Под потолком работает телевизор, немо крутит праздничный кремлёвский концерт.

В слащавом притворстве меню предлагает “салатик из помидорчиков”, “салатик из огурчиков”, “из помидорчиков и огурчиков”. Овощи без вкуса, китайские. Почётно прописаны “свинные рёбрышки” и кавказский “шашлык”. Самое безопасное – покупные пельмени, их, слава богу, не лепят здесь, а так накормить могут и собачатиной. За стойкой служит молоденькая, откровенно красивая девушка. Перекрикивая музыку, честно советует: “Возьмите курицу, хорошая, американская! мы сами едим!”

Вдруг в дальнем углу вспыхивает ссора. Молодой парень схватился с крепким седым мужиком. Мужчина тянется поймать парня за горло, но мо-

лодой вывернулся и с маху ударил противника. Дерущихся особо не разнимали, отнеслись к потасовке обыденно. Мужчина отстал от парня, лицо залито кровью. Кое-как дошёл до жестяного умывальника, постучал соском, сколько смог смыл кровь. Под глазом глубокое рассечение.

Парень победным махом опрокинул полстакана водки, понюхал хлеб.

За окном две девушки открыли под авторadio танцы. Повторяя подсмотренные в фильмах движения стриптизёрш, играют пьяную страсть. Барабанная музыка тшится протолкать тишину Паратунки и, бессильная справиться, оседает на затоптанном дворике. На крыльце проявился убранный от греха хозяин. Поигрывает чётками, подзуживает девушек гортанными криками.

Компания с драчливым парнем поднялась. На улице один из друзей приобнял драчуна, подхвалил: “Ну, ты герой!” На задке пятка у дощатой уборной стоял побитый мужчина, прикладывал к глазу снег.

Более достойная дань памятной дате воздаётся в месте ином.

Малоприметный поворот с поселковой дороги, крутой взбег, и на пригорке светится мёдом новенький бревенчатый храм. Ещё выше, за воротами глухого забора, горбится закованная в панцирь железных пластин гостиница. Под берёзами-каменущами притаились добротные дома местной знати. Зазаборная земля – частная собственность, отписана у посёлка. Чудачество архитектора – островерхая башня гостиницы с “президентским” номером в ней маячит надзирательской вышкой.

На помосте у голубенького бассейна с природной горячей водой сидят за длинным столом двое сочных мужчин. Снуют вокруг слуги, подносят кастрюли, меняют простывшие блюда. Один из знати – камчатец, второй – с материка, прилетает на полуостров поесть свежую рыбу, оздоровиться в термальных источниках.

Здесь тишина ещё глубже, и даже слуги двигаются бесшумно.

Материковый хозяин выкусывает мясистый бок рыбины, хвалит, попутно жалуясь: “Миллион долларов за дом финнам отдал, а переправить сюда и поставить – ещё столько же заплатил!” Сосед расстёгивает куртку, задирает свитер, подставляет солнцу большой живот и совестит: “Ну что же ты раньше мне не сказал?! Я бы местных рабочих пригнал, бесплатно собрали бы!” И долго судят европейские цены, ругают русских строителей-неумех. Потом переходят к правительству, по кличкам называют министров, решают, кого зазывать на Камчатку и чем развлекать. Номера в гостинице распределяют по рангу: “президентский” оставляют чину промышленности, похваливают, смеясь – “славно в приватизацию воевал, заслужил боец отдых”. Хозяин финского дома небрежно делится: “Работал его пацан у меня, так, оболтус обыкновенный, для формы числился. По Швейцарии на машине гонял да на курортных озёрах купался”. “А полпред катится в Паратунку, движение закрывают, вездеход спецвязи на частную землю вопрёт, взрывчатку с собаками ищут”. – Так мирно, час за часом говорят, делятся новостями, состраивают планы на будущее.

Из финского дома, похожего на пещеру, высыпала семья, шумная, весёлая, быстрая. Мамаша садится к столу, дети лезут в бассейн с целебной термальной водой, визжат, плещутся. Слуги поспевают обновить тарелки. Отец привлекает старшенького: “Поешь помидоры – камчатские, настоящие, экологически чистые, такие и в Швейцарии ни за какие деньги не купишь”. Сын кукусит лицо, отворачивается. “Ну тогда сходи посмотри, что в нашей гостинице делается”. Парень ковыряет ботинком плотный снег, кутается в куртку, нудит: “А что интересного там?” Отец спохватывается: “Мы за Победу не пили!” Сосед гладит живот, осматривает владенья: “С кровью досталась земля, тяжёлые бои за курортную зону выдержали”. Наезжий хозяин что-то вспоминает, отвлекает жену от кушаний: “Ты отдала икону попу?” Женщина растолкала языком по защёки куски, мотнула головой: “Отдала”. Вспоминает и сосед: “Этот поп доски на иконостас забраковал, новые просит”. Товарищ стискивает бутылку в руке, убийственно смотрит соседу в глаза: “Он что – совсем обнаглел?! Мы ему церковь бесплатно построили!” Женщина торопится поддержать мужа: “Я икону через всю страну сюда волокла. Икона старая, дорогая, задаром её получил!”

Накупались до розовости, навизжались до всхлипов дети, стуча по настилу пятками, побежали в дом. Потоптался у стола старшенький и потащился скучно к гостинице.

Со стороны океана всплыли жидким дымком белые облачка, а следом, срезая купол синего неба, насунулась армада тёмных тяжёлых туч. Посуровели сопки, ощутимо потянуло морозцем. Завечерело.

Мужчины нетрезво обнялись, дружелюбно обхлопали друг другу толстые спины. Владелец финского домика вцепился в руку товарища: “Угодий бы ещё прикупить, в гектарах Швейцарию переплюнуть. Нигде лучше рыбалки нет и охоты”. Местный хозяин шутливо отрапортовал: “Направление удара понял, разработаем в штабе стратегию! силы повоювать за Камчатку есть! на будущий год к юбилею Победы поспеем!” – “И вот что, за гостиницей спуск лыжный устроить, ну ты понимаешь, Кто может прилететь! Там развалюхи, выселить бы... И на въезде халупы вид портят”. – “Халупы щитами закроем, а за гостиницей – их тальми водами ежегод заливаает, скоро сами уйдут, денег нет с паводками бороться”. И ещё раз обнялись крепко, расцеловались.

Компании парней в придорожной шашлычной выволакивали девок наружу, хлопали дверцами подержанных японских машин. Победоносно сигналили, разъезжались. На крыльце стоял тёмный хозяин, сплёвывая вослед, гостеприимно кричал: “Завтра жду похмеляться!” Неожиданно из приоткрытого окна последней машины пролилась случайная песня: “А Камчатка, а Камчатка от Москвы далековата...” И совсем уже от дороги “японец” донёс: “...здесь начинается Россия”.

И стихло, как вымерло.

Вжилось в душу скудное поселение. На вопросы о его названии камчатцы пожимали плечами: “от речки Паратунка, наверно”, и, чужая родной русский язык, уверенно отрицали: “но не от “пара” горячих источников”.

Из справочных книг, переписки с работниками областной библиотеки Петропавловск-Камчатского наскреблись малые крохи: в начале XVIII века в верстах 20–30 от нынешней Паратунки стоял острожек Паратун – одно из крупнейших поселений Камчатки. Был назван казаками так по имени тайона (старейшины) ительменского рода Паратуна. Это имя вошло и в название ближней речки, хотя сами ительмены и коряки не называли своими личными именами озёра, реки, горы, населённые пункты. В году 1740 его сменяет острожек Карымчин, а острог Паратун исчезает. Вскоре и Карымчин перестает существовать. Тоже вымирает. И теперь уже на новом месте зарождается (1828 г.) поселение, переняв имя реки Паратунка.

Не богато сохранилось истории.

Чистый воздух, живая вода, благодатные земли. “Несмотря на пасмурную погоду, постоянную сырость и сильные испарения, Камчатка всё же является одной из наиболее здоровых стран в мире”*. Прибывать бы народом здесь, набираться нации силы... “Вымираем...” – подтвердила сотрудница библиотеки. И с такой интонацией это сказала, будто полонянка в чужбине. И показалась на миг крышегорбая гостиница хищной железной птицей, закогтившей селение, островерхая башня-головка ещё и в небе выцеливает, что клювом схватить. И те два победителя на помосте – пируют, как все захватчики во все времена. А народу – халабуда пьяной шашлычной, да костью брошен небольшой деревянный храм...

ЗЛАТО-СЕРЕБРО

И снег на сопках истаял, и потеплело вроде, а Небо медлит чего-то, за-слоняется тучами наглухо. Сырой полумрак, вязкость туманов. От земли ни единого запаха – и она изнывает по солнцу, серая, в бурых космах старой травы. Мрачнют вулканы, – обнажились лавовые чёрные струпы. И ветер швыряется чем ни попадя. Даже вороны каркают жалобно. А солнца всё нет, май уже на излёте. И когда смиряешься, приведён камчатской природой в покорность, вмиг деваются куда облака, и в крутой синеве неба является солнце – маленькое, аккуратное. Золотая заклёпочка. Крохотка эта ничего, кажется, не сможет согреть. И тем удивительней его полная власть. Сильные

---

* Георг Вильгельм Стеллер. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999 г., с. 55.

до нажёга лучи свободно пронзают сырой воздух, просушают в мгновение камни. От неожиданной перемены всё вокруг замирает, блаженно жмурится горячему свету. И разбойный ветер унялся, не шевельнёт единой былинки сухой.

Ну, наконец-то! Думалось, холоду не будет конца, а тут из зимы сразу в лето! Сбросить быстрее волглую куртку, тяжёлую обувь и вбирать под чистой синью золотое тепло. И вот уже сопки завиваются цветной пеленой. Этот разноцветный обвой принимаешь сперва за обман. Цвета на Камчатке чёткие, с определёнными границами красок. И запахи тоже тонкие, едва уловимые. Опускаешь глаза и не веришь: сквозь укатанную половодьем сухую траву схватились подняться зелёные побеги! Почка каменок поспели распариться, приоткрылись, а до солнца были крепким зерном! Стремительность восхода невероятна. И весёлое сожаление – тайну главную проглядел! Но не раз ещё сожмутся от холода желторотики-почки, и пеленчатая окутка сопки будет припадать. А вера теперь уже твёрдая – днями полностью отворится Небо.

В назначенный день или утро прекращает вовсе буйствовать ветер, полуостров охватывает устойчивое тепло. Начинается всеобщий разгул цветения. И серчавшие вулканы будто добреют, а какой-то не сдержится, удовлетворенно пыхнет солнцу дымком. Вороны – огромные, чёрные, не перебрёхиваются верными стражами, – мурлычут, осовели в ветвях свежей зелени. За всех отдуваются воробы – стрекохут, толкутся, свиристы! Их не было на Камчатке до 70-х годов XX века; очевидцы утверждают: с материка попали на барже с зерном; выжили при человеке. Всё такого же простенького серого оперения, а голос набрали – на тебе, перепоят курского соловья.

Упоительно летнее светоношение. Оно изливается, нисходит и не ослепляет, до края даёт смотреть.

Вселенски развернулся и Океан – утишенный. Всю зиму пестовал побережье, прочь морозы сдувал. К весне потемнел тяжело, сейчас у неба перенимает цвет. Зато не на шутку разбушевалась на суше растительность. Разлапались еле выпростанные недавно листочки, поднялась до колен трава. И каждый день начинается с окропления: поостывший за ночь берёзник быстро нагревается в лучах взошедшего солнца и брызжет, сеет влаги пыльцу – благословляется земля за долготерпение. А зеленые уже штурмуют вулканы, берёт подножия приступом, пластается, круто бурлит, не боится набегать и на холодные океанские воды. Ничто, кажется, не остановит её, сопки давно покорены. Наливается медвежья дудка, ей махануть в два метра – пустяк. Невиданно сочный папоротник – невольно поверишь, здесь он не может не зацвести. Все цвета по-прежнему чёткие, так же ясно границы красок проведены, никогда не смешаются, не примут бледных полутонов. А запахах нет, лишь едва их можно услышать в лесу. И веет, непрестанно веет с холодинкой воздух – от океана и не сошедших с вулканов снегов.

Быстро матереет листва, входят в ядрёную спелость травы. Наступает очередное преобразование. Разом, как всегда, в один день прекратился всеобщий разгул. В благодетельной тишине развернулась из края в край круто заведённых тонов картина: берег океана, там где он непреступно скалист, строго делится на две части по цвету: верхняя, отданная солнцу, – серая; нижняя, обливаемая волнами, – чёрная до монашеских риз. И пологие берега черны, в старательно просеянном вулканическом, шелковистом песке. И с береговой границы без отступов и проплешин господствуют по всей земле роскошные зеленя. На сопках, потеснив деревья, разбросались куртины кедрового, ольхового стланика, вздулись шарами кусты рябины. Издали плотный покров смотрится рытым бархатом. В низинах и поймах рек он ещё гуще, темней, там – осина, тополя, можжевельник. В увалистой недоступной серёдке пушится реликтовая грациозная лиственница, в любом возрасте девичьей красоты! И настолько покров ворсист, что в нём и вулканы вот-вот утонут, а были куда как велики! – в облачении чёрно-белом, работают кадилами празднично. Кое-где снежники в жаре уцелели, лежат на бархате нерпичьими шкурками. Чьим-то сметливым глазом и отзывом сердца точно определено: Камчатка – наш Северный Крым.

Разграничены краски. Цвета полны. Невозможной свежести воздух. В мерном дыхании Океан. Благодетельной высоты Небо. С ладошку землицы от России всей, а как нигде понимаешь: именно здесь хранится чистозвонное её сокровище – могучность. Нет, не за право ясачить стояли насмерть в середине XIX века камчатцы против англо-французской эскадры. И не по долгу

одному и присяге. Бились неподневно вдыхать могучую девственность первородного края. В том – русский народ, корень всей нации. И благодарно толкаешься сердцем к пращурам. Не иссыхают смыслы доблестных внешних Побед. Поднимается, крепится дух.

Усилия солнца зазря не пропали. В одно из утр находишь на камешках обворожительную подмену: там и сям развешаны листочки из самородного крушца. Не увядшие, не зачахлые, не в болезненных пятнах – тонкократные, полупрозрачные, сработаны мастерски, ювелирно. И вновь посыпались на землю подарки. Горстями подбавляется золота, а то брызнет кропилом, или капнет крупно, или куском выложится. Поразительно, как жёлтая листва светится в сумерках! Это убывающему солнцу взамен. Покров держится темно-зелёный, и грядки берёз на нём – шикарные золотины.

В такой же свой час ветер сдёрнет разом с деревьев листву, сопки натянут на себя буюру шкуру. И на их макушки опрокинет по ковшику свежего серебрца. А прежде того – на Корякский вулкан. Коряк шапку надел, – верная примета скорого снега. И пометёт длинно, без передыху. Всю зиму белейшие сугробья будет накручивать.

Над каким ещё краем трудится с такой любовью Творец?!
Счастье.

БЕЗДНА

Бесприютен поздней осенью Петропавловск-Камчатский – грязноват, обшарпан, гол. Ни дать ни взять промышленный городишко при каком-нибудь заводе, хозяин которого бессовестно обкрадывает рабочих и нисколько не заботится о быте рабов, полученных в придачу к бесплатно доставшейся фабрике. Всё повторяет Россию – разбитые донельзя дороги, чадающие смрадом автобусы, дикая дороговизна электроэнергии, топлива и всех жизненно необходимых товаров. В реках – стадища рыбы, но благородные лососёвые, икра, славного урожая креветки с океанских полей, – и те малодоступны на рынке, а уж о крабе, морских ежах, гребешках и прочих чудесностях и не помыслится – деликатесы, ими кормятся японцы, корейцы, многолюдный Китай. И ещё налетают полакомиться полезнейшими гадами материковые олигархи. Оленина – дефицит. И грибы, ягоды крайне дороги, а их на Камчатке божественное изобилие. Папоротник – лучшая на свете еда; пожаренный на постном масле – изысканнейшее мясо по вкусу забьёт. Его косят корейцы, солят столитровыми бочками, отправляют к себе. Нашим поехать собрать – нечем уплатить за бензин. Где-нибудь в пригороде чуток пощиплют. Крупнющую, неправдоподобно сладкую бруснику, голубику, жимолость, шикшу, белые грибы, ароматнейшую черемшу – сельчане по той же причине на городской рынок не привезут. Им себе бы управиться на зиму заготовить. Сама жизнь в её естестве становится недоступной. Впрочем, выйдет ещё дороже прежде времени помирить.

А поздняя осень гнетёт, давит безжалостно. Солнце исчезло. Резкий порывистый ветер переплетён ледяными струями. Не смягчает морозного его придыхания и туман. В горах и в центре полуострова давно выпал снег, там лето быстро перевернулось в зиму, жарят морозы всюду. Окрестные чёрно-бурые сопки, как стадо лосей опустили морды понуро. Вороны конечно же злые, каркают недружелюбно. Давно скукожилась и облетела с деревьев листва, пригнулись одеревеневшие буздылки травы. Тягости добавляет разлетевшийся по городу мусор, горы опавшей листвы, чёрные намётины вулканического песка. У бетонных кубиков пятиэтажных домов, ещё как-то приукрашенных летом, оголились обитые заржавленным железом торцы. Эта ржа на домах выглядит особенно безутешно: как останки кораблей немалой флотилии – в одночасье потерпели крушение, выброшены на берег волнами Авачинской бухты. Люди чудом спаслись, пытаются на каменистой суше выжить. Дома плохо для этого приспособлены, в их скромных квартирах уют даётся с трудом.

Расстарывалась советская власть, бетона на коробки не пожалела, землетрясение и свыше десяти баллов, кажется, выдержат. Но как холодно, сыро в них, особенно осенью, пока не включают тепло. И весной, и летом. В летние дни, правда, иное, – солнечная сторона накаляется, комнаты превращаются в душегубки, а куда лучи не дотянут – по-прежнему погреба не теплей. В 90-е было – не отапливали вообще; зимой ставили в квартирах буржуйки.

Как люди выжили?! И край не бросили свой! Не предали землю! И продолжают отстаивать изо всех сил. Выдумывают оберечь жилища, сочинили обить железом торцы – спасительная самоделка. Секущие то с запада, то с востока снега и дожди разрывают межблочные швы, крошат, высекают бетон. И никакая краска против сырости на железе не держится. Поёживаешься от внешнего вида коробок. На архитектурную мысль и намёка нет. Таким ли домам стоять в Господнем краю?! Сюда просятся деревянные, небольшие, индивидуального отопления, с придомным участком земли. Северные канадцы, финны смогли под холодный климат выдумать технологии, не упустили позаботиться и о красоте. Да и наши помнят, как правильно ставить, русский колорит сохранить. Пара таких исторических домиков стоят в центре, до сих пор справны, краеведческим музеем, престижным рестораном служат. И людей-то живёт на Камчатке – пятисот тысяч не наскребёшь! Но на удобную красоту для простого человека не бывает денег у земных властей.

Сеет, бесконечно капает дождь. Рванёт снежный ветер – накрап на минуту затихнет, унесётся порыв – опять принимается поливать. Пасмурность дни напролёт. Есть ли солнце вообще во Вселенной?! Кажется, всякая жизнь за стенами остановилась. Из-под крыши не хочется вылезать. Ан, нет! Охи напрасны, улицы народу полны, и на дождь никто не обращает внимания, без зонтиков ходят. Странно, – сверху покапывает непрерывно, а вроде не мокро, и холод не злой. Неиспорченная чистота природы. Душевная дурнота в ней – грех! И не встречаются унылые лица! Что-то не видать и сбитой в кучи листвы, – ветер распахнул куда надо. И чёрный песок дождевыми водами смыло. Но мусор – глаза колет! – клочки бумаги весь город засеяли. “Да что ж так замусорено?” – “Ветер, вороны”. Ответено со спокойным признанием слабосильности человека против природных стихий. А слышится юмором – вороны беспорядок наводят. Хотя с ними и вправду не сладить – вездесущие, хозяйева здешней земли. Знают: их легендарный предок Кутх по камешку сотворил в пустынном океане Камчатку.

Всё-таки плохо без солнца, от пасмури подустаёшь. Но если смотреть не в небо, а в даль, увидишь необычное осенней поры явление. Низко идущие тёмные тучи, обложившие землю даже с боков, на горизонте обрываются. И между ними и океаном сияет свет. Временами посвёркивает, будто поворачивается гранями прозрачный хрусталь – то ли утренняя заря задержалась, то ли вечерняя вступила до времени, а может, сошлись на краю? Завораживающе красиво. Горизонт виден так далеко, что сомневаешься – не обманка ли зрения.

В один из таких дней разлетелся по Петропавловску слух: “Абрамович приехал. На яхте в порту встал”. Появление этой особы у берегов полуострова было загадочным. Никто его сюда не звал и не ждал. Вскоре таинственность разъяснилась: “Яхта олигарха с неопознанным предметом в океане столкнулась!” Ходившие на рыбалку и знавшие океан камчатцы насмехались: “Топляк тронул борт, а он...” Заволновались чиновники, сам губернатор встречи искал, но олигарх не заинтересовался, сослался на частный визит.

Не проявляли интереса к нему и жители города. Без намёка на зависть пересказывали описание корабля. Редко-редко кто приостанавливался на самой высокой точке холма прибрежной Аллеи Флота и пытался разведать за портовыми постройками стометровое чудо.

Яхта и впрямь прекрасна. Чёрное тело, точенное резать океанские волны, напоминает стремительными бокастыми линиями касатку. Белоснежные, сглаженных форм надстройки, торчащий спинным плавником радар усиливают сравнение с хищницей. К хребту прикреплены вертолёт, глиссер и ещё яхта – парусная. Всё – налаченное, чистоты безупречной. Подобные вещицы в мире наперечёт. В переключку с бездонными водами яхта названа “LE GRAND BLEU” – “ГОЛУБАЯ БЕЗДНА”.

Вдоль причала протянута красно-белая дорожная лента, а там, где не хватило её, наставлены мятые железные бочки. По эту сторону ленты отаптывается женщина в форме пограничницы. По ту – сидит за раскладным столиком обряженный в новый костюм круглощёкий детина. Следит за передвижениями портовых рабочих, записывает в амбарной книге загружаемые продукты. Служба личной безопасности олигарха. У пограничницы нет ни будочки, ни навеса над головой, пост обозначен её туловищем.

– К яхте подойти можно?

– Нельзя. Государственная граница.

– Так причал же – наш!

– Корабль – иностранный.

Пониже “Голубой бездны” означено – Hamilton, порт приписки.

– Это что же, Абрамович внутри страны уже границы проводит?

– Проводит...

Женщина подняла воротник, сунула в рукава озябшие руки, устало привалилась к бочкам; обвисшая старенькая шинель, стоптанные сапоги. Ветер потрепывает светлые волосы непокрытой головы. На лице полное безразличие к “Бездне”, “границе”, “посту”. И вправду, зачем мёрзнуть ей здесь? Всё равно камчатцы не прибегут с дрыном наперевес возвращать украденное у народа имущество. У них из-под носа и порт этот увели, и корабли. Полоска шербатого причала у государства осталась.

Неожиданно сверху спланировал ворон, перемахнул “госграницу” и встал против детины. Ух ты, здоровущий! чернуший! породистый! Ветер с Авачинской бухты взьерошил на вороновой спине перья, отчего он стал ещё больше, грозно-горбатым. Какое-то время птица целила длинный нос в детину, разглядывала, изучала. Уяснив ничтожное значение человечка, ворон повернулся задом, церемонными перепрыгами прошёлся вдоль “Бездны” и вернулся назад. При приближении докеров, таскавших на горбу бутылки с питьевой водой, он и с места не двинулся. Мужики уважительно обошли пернатого. А тот стоял и смотрел, резко вертя головой, на яхту, работу докеров. Красив, красив и могуч! Недаром ительмены назначили его своим божеством. Такое же во взгляде лукавство, и в форме носа читается весёлое озорство.

Ворон расставил прямые крепкие ноги, дёрнул плечами, как бы примеряясь к той тяжести, что носили на себе грузчики, и сильно ударил носом в бетонный причал. Отвага, однако – постройка нехай древняя, а всё же каменная. Но дело своё он знал, видать, хорошо. В несколько приёмов выломал из бетона увесистый голыш и, оживляя на глазах сказку о Кутхе, подбросил камень вверх. Звук упавшего на причал голыша достиг борта яхты, отразился эхом, со стороны послышалось, кто-то колет в чреве кита орехи. Ворон заинтересовался звуком, с ловким вывертом шеи бросил камень ещё пару раз. Пограничница, радуясь пустячному развлечению, с улыбкой следила за работой птицы. А он вдруг подхватил орудие и перелетел с ним на борт судна. Пограничница засмеялась. Ворон приземлился у китового плавника и вновь подбросил океанский голыш. Камень с грохотом ударился о наблещенные части корабля. Охранник подбежал к яхте, замахал руками, но высоченный борт безопасил птицу. Кутх упорно долбил камнем хищницу. Позабыв караульный устав, залиvisto хохотала пограничница. Насупленный охранник включил рацию, вызвал подмогу. Над головами мелькнул чёрный взьерошенный ком, раздалось карканье: “Вон, вор! Вон, вор! Позор!” И унеслось вместе с ветром в сторону города. Детина привязанно вернулся на место. Обрела скучающий вид пограничница. Трепетала надставленная пустыми бочками куца ленточка государственной границы. Стыла “Бездна”, наглухо застав горизонт.

Великий Стеллер – немец с русской душой, в XVIII веке записал: “По их (ительменов) мнению, вовсе не нужно, чтобы Бог карал людей за грехи: и без того большое несчастье для человека, если он от природы плох, и тем самым он уже в достаточной мере наказан самими людьми: ведь если кто-либо при жизни был вором... то его за это в своё время жестоко избивали, а порою даже убивали, никто с ним не дружил, а следовательно, сам он был всегда беден и во всём нуждался”*.

О, мудрые ительмены! У нашего племени законы иные.

СЕВЕРО-ЭВЕНСК

Местный охотовед, бегая с нами от гостиницы к районной администрации и обратно, попутно знакомил с порядками Северо-Эвенска:

– По посёлку, особенно вечером, по одному не ходите.

Камчатский егерь, привязывая его наставления к предстоящей охоте, пошутил:

---

* Георг Вильгельм Стеллер. Там же, с. 159.

– Волки в посёлок заходят?
– Местные подростки – волки! Ничего не бояться. Хоть какой ты здоровый будь, убежать не стесняйся!

На наши повторные просьбы помочь с гостиничными номерами заместитель главы района реагировал чутко. Кабинет подчёркнуто бедный, неряшливый, на подоконнике, письменном столе, канцелярских принадлежностях лежит слой затвердевшей, спёкшейся в грязь пыли, и только в центре стола, где чиновник возит руками, столешница чистая и пол сносно помыт. Плюгавенький замглавы смотрит на нас напряжённо. Сальные волосы, мятая рубашка, протёртый узел грязного галстука. Выжидательный взгляд с готовностью немедля помочь – по-чиновничьи отработаны.

Наседая на него новостью о приезде в посёлок важных людей, которые выбрались сюда поохотиться, кое-как удалось получить скупое признание: все отдельные номера забронированы для судей магаданского выездного суда.

Местный охотовед выругался за порогом: “Это же его едут судить за финансовые нарушения, а он, как ни в чём ни бывало, в кабинете сидит. Второго по счёту заместителя у нас за финансы судят, а сам глава района словно и не виновен!”

Администратор гостиницы Женя развела на наши уговоры руками:

– Если бы ваши начальнички-охотнички раньше приехали, любые номера могли бы занять, гостиница весь год пустая стоит. А тут ещё оленеводы со своим слётом, никак не разъедутся. Да вы и поселяться после них не захотите.

Женя опустила глаза. Уж очень мы откровенно рассматривали её. Стройная, красивая, женственная. Усердствуя подружиться с Женей, ележно потянули на разговор:

– Очень плохие номера?

– Грязные. Идёмте, посмотрите.

Не заходя в номер, мы отступили от порога подальше. Длинный коряк спал в одежде на голом матрасе лицом вниз.

Женя смело вошла в номер, схватила постояльца тонкими пальцами за плечо:

– Вставай! Тебя родственники обыскались! Освобождай номер!

Коряк поднял косматую голову, пьяно посмотрел на девушку:

– Ружьё, где ружьё моё?

– В милиции! Как протрезвеешь, его тебе отдадут! – И, бросив зильца, посетовала: – Месяц после них грязь выгребать, помещения проветривать.

Мы упорно разговаривали девушку туманными намёками:

– Женя, а в кафе ходите?

– Хожу иногда, но там спокойно не посидишь. Подростки после первых рюмок с танцами лезут. Два раза откажешь, на третий – тарелки на пол скинут или стол вверх тормашками перевернут.

Стесняясь мужских взглядов, девушка покраснела, стянула на груди кофточку, обмотала шею шарфом. Одолеть смущение помог телефонный звонок. Отрезала в трубку какому-то ухажёру:

– Пошёл ты! – Пояснила нам свою грубость: – Замотал предложениями, в гости домой набивается.

Чтобы не вызывать к себе таких подозрений, мы перешли на стандартный набор:

– Женя, в посёлке шампанское продают?

Снарядив одного из наших в лавчонку, продолжили подлащиваться к девушке: “А что это за слёт оленеводов? И давно ли она в посёлке живёт? Чем народ занимается? Что можно купить из продуктов?”

Убедившись в нашем уважении к ней, Евгения открыла книгу записей:

– С судьями сами будете объясняться.

И, утверждаясь в своей независимости от начальства, выдала нам ключи от номеров.

Захватывая последние часы слёта оленеводов, мы поспешили в Дом культуры.

Ледяной всепронзающий ветер колет лицо серым морским песком, засоряет глаза. Сощурившись до слепоты и не разбирая дороги, едва не налетели на самоходную коляску. Здоровый мужик в телогрейке с распахнутой грудью, словно мороз и не жалил его, газовавил на трёхколёсной мотоциклетке. Вместо колёс к раме приделаны большие баллоны, перетянутые брезентовой

лентой. По телевизору эта придумка подаётся корреспондентами едва не техническим достижением, здесь же, среди кривых домиков, ледяных глыб и камней, самоделка катила страшноватым инопланетным пришельцем.

Сопровождавший нас местный охотовед, сплёвывая песок, объяснил:

– Мужики додумались мотоцикл переделать! По снегу удобно ездить! И колёса легко сдуть, в тепло спрятать. У меня шины на служебном “Урале” полуквадратными от мороза становятся и, пока на ходу разогреешь, как на лошади несколько километров в кабине скачешь!

У Дома культуры, где проходили главные торжества, стояли небольшими группками эвены, коряки в расшитых бисером праздничных национальных одеждах. Заслоня собой от ветра огонь, варили в котлах угощение из оленины. Спиртного видно не было, но слегка выпившие всё же встречались. Мы с любопытством ходили между гуртами. Несмотря на наши доброжелательные лица и явное желание пообщаться, оленеводы, как мне показалось, не обращали на нас внимания намеренно. В стороне боролись за программный приз двое молодых, раздетых по пояс эвенов. Три оленьих упряжки готовились к гонкам. Продолжая искать общения, я спросил одного ездока:

– Олени по песку сани потянут?

– И по песку...

В какой-то момент мы почувствовали себя на празднике чужаками. Наш интерес к оленеводам ничего не значил для них. Разбросанные по лесотундре, оторванно живя месяцами малыми семьями, они хотели наговориться с сородичами, показать друг другу свои праздничные одежды.

Над входом типовой железобетонной коробки прибито кумачовое полотно, казённым языком приветствуется оленеводческий труд. Войдя в коридор, мы уважительно раскланялись с ветеранами, сидевшими на лавках вдоль стен. Пожилые эвены и эвенки первыми принимали почёт от входящих, поверх зимних одежд приколоты трудовые ордена, медали.

В зале торжества завершились, развернулась торговля. Грубо выделанные шкуры волка, собранные из плохонького меха малахаи, традиционные торбаса, свёрнутые кулёчком ложки из бересты, незатейливо вырезанные поделки из дерева стоили дорого, даже по ценам столничным. Молодёжки продавщицы-корячки на попытки что-либо у них спросить застенчиво улыбались, прятались от фотоаппарата за спины друг друга.

На улице вручали приз победителю гонок. Молодой коряк, прикладывая ладонь к красному распухшему уху, сообщил:

– На повороте малахай потерял, ухо отморозил, всё равно первым пришёл.

Мы поздравили его, спросили, можно ли купить оленьего мяса.

– Олени есть. Бензин нужен для снегохода. Бочку дадите?

– Дорого сверх всякой меры!

– Спросите у других, за водку тушу дадут.

Покупать вообще за спиртное что-либо мы отказались. Вживую глядя на оленеводов, явственно осознаёшь хрупкость их жизненного уклада. Всё богатство коренных малых народов – одежда ручной работы, олени, язык.

На обратной дороге встретили полураздетого пьяного коряка, идёт в резиновых калошах на босу ногу, непокрытая голова в проплешинах. Вслед за ним вылезла из деревенского домика пьяная корячка. Полезли в домик соседний.

Охотовед заметил с горечью:

– Лишай, туберкулёз, спиваются. Во хмелю перестают соображать, могут совершить и убийство.

Вечером, нарушив наставление проводника, я отправился на почту один. Ветер стих, мороз к ночи усилился. Вдалеке молотил генератор, густо дымил котельная. Воздух в безветрии пропитался запахом угольной сажи. Холодная гулкость, низкое небо. Избушки с тёмными окнами, на окраине посёлка две мёртвые пятиэтажки, стёкла выбиты, двери заколочены досками. Ни души. Берег Охотского моря дыбится желтоватыми глыбами льда, вода тяжёлая, вязкая. Безжизненность вызывает тревогу. На двери почты приколоты записка о техническом перерыве. Коротая время, я взобрался на кучу дырявых чугунных батарей, выброшенных из разбитых панельных домов. Вдалеке помигивала лампочка продуктового магазина. На дороге замаячила фигура.

Крепкий мужчина остановился, спросил привычно:

– Наскребём выпить?

Я отозвался по-свойски:

- Да ни одной батареи ещё не продал!
- Ну, приходи потом в магазин.

К общим впечатлениям о жизни приморского посёлка добавил красок сосед по гостинице:

– Тяжело без работы. Рыбалки нет, переработку морепродуктов в 90-е загубили. И браконьерить смысла нет, вывозить нечем. Народ опускается. Ягоду, грибы для себя бросили заготовливать. – И попытался смягчить беспробудность. – Но служащие аэропорта держатся, хоть рейсовые самолёты и перестали летать! Милиция стоит, районный охотовед – парень чёткий! А если ехать куда, берите водителем Асланбека Камбулатовича, надёжный ингуш. Есть ещё крепкие люди здесь! Я тоже кручусь!

И предложил купить у него резные рога лося, охотничий нож.

Перед отлётом поохотившиеся начальники устроили прощальный ужин. Полная, энергичная женщина, владелица хлипкой избушки, приспособленной под кафе, строго-настрого наказала: “Дверь закройте изнутри, на стуки не откликайтесь, иначе местные просить выпивку будут, не дадут спокойно вам посидеть”.

Приглашённые главы местных служб едва притронулись к выставленным угощениям и всё порывались рассказать “большим людям” с “большой земли” о планах возрождения промыслов, добыче, переработке.

“Важные люди” слушали молча, полистали подаренную книгу о крае. Заботили добытые трофеи, шкуры волков не протухли бы.

Под конец вечера поднялся с тостом высокий узкоплечий на косолапых ногах охотник. Обедая взглядом покосившиеся стены, заклеенные бумажными заплатками окна, мяклым голосом оценил: “Хорошо у вас тут. – Немного подумал и скорбно признался: – Устаёшь за год от европейских порядков. В Швейцарии скорость на машине превысил, пришлось пять тысяч долларов выложить, чтобы права сохранить. Адвоката лучшего нанимал! – И, делясь благостным настроением, похвалил местных службистов: – А у вас простор, красота! За ваш край! За ваше гостеприимство!”...

Вертолёт медленно набирал высоту. В иллюминаторе потянулась бесконечная тундра, ледяное Охотское море и на берегу, не в силах подать сигнала о помощи, дымил крохотным однотрубным корабликом Северо-Эвенск.

ПО СЛЕДУ

Необъяснимо привязывает к себе Дальний Восток. И через пять лет, в марте 2012 года, я попытался разыскать в Северо-Эвенске кого-нибудь, с кем коротко там касался. Все номера телефонов молчали. Ответил один. Жив посёлок! Всё ещё жив! Да, да, всё так же плещут холодные воды Охотского моря, секучий ветер с песком... а люди? С ними вот что: охотовед убит, застрелили. Сбылось пожелание молоденькой сотрудницы из журнала “Москва”: “Очень мрачно о Северо-Эвенске у вас. Напечатать не можем. Хотя бы одного положительного героя дайте, который пусть погибает, но борется”. Пожалуйста, как по заказу: умер охотовед от раны в больнице, из ружья прострелили мошонку. Администратор гостиницы Женя уехала в Магадан, насосем, сказала. А глава района, заместителей которого судили за воровство и осудили “условно”, назначен якобы “руководить недрами” всей Магаданской области. Его заместители тоже перебрались на материк. Рыбалки в Северо-Эвенске по-прежнему нет, фундамент завода рыбной переработки уже рассыпался. Зато появилась некая фирма, начала копать в окрестностях земли, хочет добывать полезные ископаемые. От земляных работ будет и дальше съёживаться оленеводство. И вслед за оленями уйдут в небытие коренные народы. Добытые ископаемые повезут, скорее всего, за границу, вряд ли в России им найдут применение.

Здоров, слава Богу, шофёр Асланбек, по-прежнему тянется прокормить семью. На рыбалку, где можно, просится. Аэропорт работает, рабочие фирмы на вахту в Эвенск летать будут. Гостиницу новым хозяевам продали. А больше никаких изменений с тех пор и нет.

И в Москве, и во всей России нет изменений.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“В БОРЬБЕ НЕРАВНОЙ ДВУХ СЕРДЕЦ”

* * *

Над бандой поэтических рвачей и выжиг...

В. Маяковский

Помнится, как в разгар перестройки Виталий Коротич щедро публиковал групповые цветные фотографии известных поэтов-шестидесятников в своём журнале “Огонёк”, выходявшем тогда пяти миллионным тиражом. **“Нас мало, нас, может быть, четверо!”** – восторгался А. Вознесенский своей компашкой: он сам, Е. Евтушенко, Р. Рождественский и “Белка – (Б. Ахмадулина) божественный кореш” – в заснеженном Переделкино, под деревьями, с дежурными улыбками прижавшиеся друг к другу, все в дорогах дублёнках, у каждого в послужном списке поэма о Ленине: у Евтушенко “Казанский Университет”, у Вознесенского “Лонжюмо”, у Рождественского “210 шагов” (если считать от Спасской башни до мавзолея). Поэмы эти – дорогого стоят. Каждая из них не только идеологическая “охранная грамота”*, но и свидетельство о благонадёжности, можно сказать, дубликат партбилета, пропуск во все кабинеты на Старой площади. Правда, у “божественного кореша” ничего о Ленине нет, но из своей родословной она кое-что наскребла о каком-то итальянском предке – Стопани, якобы социал-демократе, революционере. Но на коллективной фотографии видно, что Р. Рождественский чувствует себя как-то не вполне на месте. Глаза в сторону отвёл, позирует с какой-то стыдливостью. Стесняется, на манер Альхена из знаменитого романа Ильфа и Петрова... Всё-таки он самый советский из них, сын офицера, автор песен к знаменитому сериалу о чекисте из культового фильма “17 мгновений весны”... И назван в честь латыша из ленинской гвардии Роберта Эйхе. Неловко как-то Рождественскому стоять в обнимку с Евтушенко, заменившему к тому време-

---

* У подлинных русских поэтов (Н. Рубцов, А. Передреьев, Г. Горбовский, А. Прасолов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, В. Казанцев, Ст. Куняев, Г. Ступин, В. Сорокин, В. Лапшин), вышедших из простонародья, таких “охранных грамот” не было да и быть не могло, поскольку никто из них органически не мог заявить, подобно Р. Рождественскому, “по национальности – я советский”. Они ощущали себя русскими людьми советской эпохи.

ни строчки о России, которую он якобы “любит”: “дух её пятистенок, дух её кедрача, её Разина Стеньку и её Ильича” на другой вариант: “дух её пятистенок, дух её сосняков, её Разина Стеньку и её стариков”... Нехорошо так стихи переделывать, не по-советски. И на фото видно, как Р. Р. чуть отворачивается от Е. Е., стесняется вроде бы, стыдится... Однажды место “божественного кореша” в знаменитой четвёрке на огоньковской странице занял другой блистательный “шестидесятник” – Булат Окуджава. Поскольку у него был настоящий полноценный стихотворный цикл о Ленине (а не о каком-то неизвестном итальянце – не то анархисте, не то ревизионисте), то и в ленинскую четвёрку он вписался с гораздо большим основанием, нежели Ахмадулина. Дело в том, что у Булата в его первой книге “Лирика”, вышедшей в Калуге в 1956 году аккурат к XX съезду партии – о Ленине было написано столько, что хоть пригоршнями черпай: “Мы приходим к нему за советом, приходим за помощью. Мы встречаемся с ним ежедневно и в будни и в праздники”. Конечно, это послабее, нежели у А. Вознесенского: “И Ленин как рентген просвечивает нас”*, но зато искренне сказано и без подтекста: ведь рентгеном – то облучаться постоянно – вредно и даже опасно для жизни.

А вот ещё из калужской книги Булатика, как любила его называть Белла: “Калуга дышала морозцем октябрьским и жаром декретов, подписанных Лениным”. А может быть, это был пресловутый тоталитарный декрет “О борьбе с антисемитизмом”? Далеко смотрел Булат Шалвович! А вот его стишок о Франции, в котором, как в зёрнышке, просматривается весь план будущей поэмы Вознесенского “Лонжюмо”:

*И в этом бою неистовом
рождается и встаёт
в поступи коммунистов
будущее моё.
И в кулаках матросских,
в играх твоих детей,
и в честных глазах подростка,
продающего “Юманите”.*

Булату к выходу калужской книги (1956 г.) исполнилось 34 года. Человек зрелый, за свои слова отвечающий, он вскоре напишет эпохальные строчки о “комиссарах в пыльных шлемах”, до образа которых ни один из его младших друзей по великолепной четвёрке не додумался. Не зря же какой-то его родственник с фамилией “Окуджава” (а может, даже отец?) вместе с Лениным приехал в Россию весной 1917 года в запломбированном вагоне.

Но всё-таки Р. Р. и от Окуджавы на фотографии отодвинулся, как чуял, что Окуджава пойдёт по стопам Евтушенко, предаст идеалы Революции и отречётся от великого ленинского завета о том, что мы должны научить “кухарку управлять государством”.

Оно так и вышло: вскоре Роберту Ивановичу пришлось испить чашу разочарования, когда он прочитал стихотворенье Булата в демократической газете “Литературные вести”, редактируемой Валентином Оскоцким, ставшим известным после того, как он научился во время митингов 90-х годов на манежке громче всех кричать: “фашизм не пройдет!”:

*Кухарку приставили как-то к рулю,
она ухватилась, паскуда,
и толпы забежали по кораблю,
надеясь на скорое чудо.*

*Кухарка, конечно, не знала о том,
что с нами в грядущем случится.*

---

* “Ленинские заклинания” вообще были козырной картой А.В. Кроме “Лонжюмо” он “изваял” еще “Секвойю Ленина”, “Уберите Ленина с денег – он для сердца и для знамён” и т.д. Этот почти религиозный культ вождя был настолько иррационален, что в последние годы жизни поэт, которого часто показывали по ТВ сидящим в кресле, стал похож на своего кумира, сидящего в такой же позе и почти в таком же кресле на знаменитой фотографии, сделанной в Горках в 1923 году.

*Она и читать-то умела с трудом,
ей некогда было учиться.*

*Кухарка схоронена возле Кремля,
в отставке кухаркины дети.
Кухаркины внуки снуют у руля:
и мы не случайно в ответе.*

Прочитал Роберт этот паскудный антинародный стишок и закручинился – вот и Окуджава предал Ленина, скурвился, а ведь писал в калужской книжке:

*Всё, что создано нами прекрасного,
создано с Лениным,
всё, что пройдено было великого,
пройдено с ним.*

И в стихотвореньи “В музее Революции” клялся:

*Я по прошлому иду —
я его не подведу.*

И людей труда из простонародья, комбайнёров, убирающих хлебное поле, уважал:

*И когда вы хрустите жаркой
хлебною коркою, знайте,
Сашка не дрейфит,
он железно стоит у руля...*

“Да, – размышлял Роберт Иванович, глядя на огоньковскую фотографию, – надо было отодвинуться от ренегата и руку снять с его плеча. Но сукин сын Коротич настоял на этой композиции. У него, кстати, тоже есть поэма о Ленине – “Том 54” – об очередном томе ленинского собрания сочинений. Но не выдержал, пересмотрел убеждения, пошёл по антиленинской дорожке, как и Олжас Сулейменов... А какая у Олжаса была замечательная поэма “От января до апреля”, к столетию со дня рождения Ильича написанная! Как смело эти нацмены подходили к ленинской теме с такой стороны, с которой ни один из нас, московских поэтов, подойти не решался:

*Его таким нарисовал Андреев,
его один бы бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея
его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится, картавит и смуглеет...
.....
Он, гладкое поглаживая темя,
Смеётся хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косою ему прибавил зренья,
Он видел человечество евреев”.*

Вспомнил эти стихи Роберт Иванович и расстроился: “Нет, не разрешала нам в Москве цензура, ни за что не разрешала такое написать и напечатать! Это только им, нацменам, можно было своё мнение иметь по национальному вопросу. Вроде идеология у нас одна, цензура одна. “По национальности я советский!” – что, плохо, что ли у меня сказано? Но только Олжасу, моему другу, дозволяется утверждать, что в будущем всё человечество станет “евреями”. Ну разве не обидно?”

Роберт вздыхал и вспоминал слова близкой ему верной и мудрой женщины: “Не горячись, Роба, ещё неизвестно, как жизнь обернётся. Вспомни, что партия доверила тебе как настоящему “шестидесятнику” в 27 лет руководить крупнейшим идеологическим отрядом – московской писательской организацией, что ты член партии, что с 1957 по 1982 год ты издал 70 стихотворных

Сколько бы их ни было, они погибли от нашей руки. Оказалось также, что я могу убить и потом спокойно спать и есть. <...>

Мы вырвали у них страну. Ну а пока мы получаем всё, о чём условились то ли с Воландом, то ли с Мефистофелем, то ли с Ельциным” (“Огонёк”, № 2–3, 1994 г., стр. 26). А в своей книге “По ту сторону отчаяния” В. Новодворская добавила:

“Я благодарна Ельцину... Пойдём против народа. Мы ему ничем не обязаны... Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первыми, убивать...”

Конечно же “бал королей Сатаны”, “Воланд” и “Мефистофель” возникли в воображении Новодворской не случайно: она возрастала, как ведьма и гражданка, не только на песнях Окуджавы, но и на стихах Ахматовой, и на прозе Булгакова. “Любовь, исполненная зла” заразительна. Её статья явилась естественным продолжением “расстрельного” письма 42-х писателей, написанного в стиле письма Ленина “об изъятии церковных ценностей” и опубликованного в “Известиях” 5 октября 1993 года. Разве что градус патологической ярости у Валерии был покруче. Хотя и в известинском письме защитники Российского парламента, убиенные в тот день, были названы **“красно-коричневыми оборотнями”**, **“ведьмами”**, **“убийцами”** и **“хладнокровными палачами”**, как будто не их тела были октябрьской ночью погружены на баржу и увезены в неизвестном направлении, а трупы Ельцина, Лужкова, Гайдара и прочих “гуманистов”, “борцов за права человека”.

Для статистики и для суда потомков будет полезно знать, что из 42-х подписантов “известинского письма” две трети – это классические “шестидесятники”, “дети XX съезда партии”. Это Алесь Адамович, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Кузовлева, Александр Борщаговский, Александр Гельман, Андрей Дементьев, Александр Иванов, Римма Казакова, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Александр Кушнер, Татьяна Бек, Юрий Левитанский, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Владимир Савельев, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова и др.

Я перечисляю эти имена, потому что страна не должна забывать “героев” Великой Криминальной Революции. Видимо, по нелепой случайности почти половина подписантов оказались потомками сефардов и ашкенази. И, конечно же, все они были единомышленниками и всё, что у “шестидесятницы” и существа неизвестной национальности Валерии Новодворской “было на языке”, у них “было на уме”. Недаром такими же, как у Новодворской, чувствами была переполнена душа её кумира Булата Окуджавы:

“Мы ловили каждый звук с наслаждением” (Новодворская о взрывах танковых коммулятивных снарядов в Белом Доме); **“Для меня это было финал детектива. Я наслаждался этим <...> никакой жалости у меня к ним не было”** (слова Окуджавы из интервью газете “Подмосковные известия”, 11.12.1993 г.).

Вскоре после октябрьской бойни Окуджава приехал на гастроли в Минск, где перед кинотеатром, в котором он должен был выступать, часть его бывших поклонников вывесила плакат со словами:

*В Москве палач царил кроваво
И наслаждался Окуджава.*

А известный киноактёр Владимир Гостюхин прилюдно на сцене раздавил каблуком пластинку с записью песен барда-шестидесятника.

“Я желала тем, кто собрался в “Белом Доме” одного – смерти”, – пишет Новодворская. Но история умеет зловеще шутить: из 42-х жаждущих крови “гуманистов” через 20 лет после их торжества на сегодня осталось в живых лишь шестеро: Даниил Гранин, Андрей Дементьев, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Андрей Нуйкин и Мариэтта Чудакова. Я рекомендую им перечитать откровения госпожи Новодворской и ещё раз **насладиться** воспоминаниями о своей позорной победе. “Панк-молебен” нынешней группы Pussy Riot – это всего лишь детский лепет по сравнению с фундаментальным кошунством Новодворской:

“Я не питаю ни малейшего уважения или приязни к русской православной церкви”, “Такие, как я, вынудили Президента на это (на расстрел Парламента. – Ст. К.) решиться и сказали, как народ иудейский Пилату: Кровь Его на нас и на детях наших”, “Один парламент под назва-

нием Синедрион уже когда-то вынес вердикт, что лучше одному человеку погибнуть, чем погибнет весь народ"... В ненависти к христианству и его создателю Новодворская выступает как достойная ученица Емельяна Ярославского и Демьяна Бедного. А теперь некоторые соображения об ответственности за смерть нескольких сотен защитников российского парламента.

"Они, — пишет Новодворская в "Огоньке", — погибли от нашей руки, от руки интеллигентов <...> не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполнили приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами", "Мы предпочли убить и даже нашли в этом моральное удовлетворение". Вы согласны с этим, Мариэтта Чудакова? Если — "да", то не забывайте, что у всех убитых в ночь на 4 октября 1993 г. есть отцы, матери, братья, сёстры, возмужавшие дети, что они в любое время могут встретиться с Новодворской или с вами на московских улицах и узнать вас в лицо. И что им останется делать? — Самое гуманное — это плюнуть в вашу Pussy'ю морду... За что? За ненависть к советскому простонародью и за то, что вы все в те чёрные дни подготовили для власти "идеологию расстрела". В этом Новодворская права. Скажите ей спасибо за честность и вспомните, как вы кричали на судьбоносной встрече "интеллигенции" с Ельциным: "Борис Николаевич! Действуйте!"...

Прадедом Новодворской, как свидетельствует Википедия, был профессиональный революционер из белорусского местечка Барановичи, организовавший первую социал-демократическую типографию в Смоленске. Видимо, был сослан в Сибирь, где в казённом остроге родился её дед, воевавший в Первой Конной армии Будённого.

Отец, по её собственному признанию, уехал в Америку, изменив свою настоящую фамилию. Так что у нашей революционной фурии тяжёлая наследственность — комплекс комиссарши, осложнённый неизлечимым приступом ренегатства.

Тот же самый диагноз, что у Гайдара, у Окуджавы, у Василия Аксёнова — столкновение двух несовместимых, взаимоисключающих заболеваний, ведущее к шизофрении, то есть к раздвоению личности.

Единственный, кто из 42-х подписантов сатанинского письма прилюдно ужаснулся октябрьской бойне, был писатель Юрий Давыдов. Остальные, промолчав, согласились с Новодворской, что они "убийцы", члены фарисейского "Синедриона", и такие же местечковые демоны "той единственной гражданской", какими были Розалия Землячка-Залкинд, Лариса Рейснер, Софья Гертнер из питерского ЧК, Евгения Бош, Ревекка Мойзель и прочие "комиссарши", хорошо изображённые в стихотворенье Ярослава Смелякова "Жидовка". Но наши нынешние по сравнению с ведьмами той эпохи куда более прагматичны. Как пишет Новодворская, они **"выскочили на Красную площадь"**, чтобы защищать не только **"свободу"** и **"Президента"**, но и **"нашу будущую собственность, и нашу будущую же законность"**.

И ещё два слова о том, "отстирывается" ли "свежая кровь". Через какое-то время после 4 октября российское телевидение показало словесную схватку между подписантом "письма 42-х" Андреем Нуйкиным и Вадимом Кожинным. Секундантом дуэли был, кажется, тележурналист из "Взгляда" Александр Любимов. Когда схватка, которую Нуйкин проиграл вчистую, закончилась, Любимов предложил противникам пожать друг другу руки. Нуйкин протянул руку Кожиннову, но тот отказался от рукопожатия со словами: "Ваша рука в крови"...

Новодворская, Окуджава, Чудакова, Карякин и прочие отвязанные демократы забыли пророческие стихи своей любимицы Анны Андреевны Ахматовой:

*Привольем пахнет дикий мёд,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водю пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.*

---

* Имеется в виду "письмо 42-х".

*И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...*

Всё-таки, несмотря на то, что она любила балансировать на грани добра и зла, и на все свои сомнительные связи с потусторонним миром, Анна Андреевна была много умнее экзальтированных ведьм Великой Криминальной революции – Валерии Новодворской и Мариэтты Чудаковой. Как писал Михаил Булгаков, “рукописи не горят”. Но, оказывается, письма* не горят тоже.

* * *

Истерика Хрущёва, которую он устроил Вознесенскому во время встречи руководителей партии с интеллигенцией (после которого бедного Андрюшу “мучили страшные рвоты”, “я перестал есть”, “нашли даже какое-то утоншение стенки пищевода”), была полным недоразумением. Они вполне могли понять друг друга, поскольку оба ратовали за “ленинские нормы жизни”, одновременно издеваясь над православием: Хрущёв обещал обществу через 20 лет показать последнего попа, а Вознесенский припечатывал людей, избравших монашескую судьбу, – “Крест на решётке – на жизни крест”...

И Хрущёв, и Вознесенский ненавидели Сталина как термидорианца и диктатора, как “убийцу революции” не меньшей ненавистью, нежели та, которая клочотала в жилах Льва Троцкого. Впрочем, все известные либеральные “шестидесятники” – от Войновича до Аксёнова, от Окуджавы до Гладиллина были за продолжение революции, все были авторами книг серии “Пламенные революционеры”, все они в эпоху оттепели устроили “заговор против Сталина”, который не сумели реализовать их отцы при жизни “тирана”. И Михаил Шатров свою пьесу “Дальше... дальше... дальше!” не зря же написал в хрущёвское время как бы от имени “пламенных революционеров” то ли ленинского, то ли троцкистского “разлива”, как вызов ненавистному сталинизму.

У каждого из “маяковской троицы” “шестидесятников”, кроме обязательной поэмы о Ленине, был ещё свой личный любимец из революционной эпохи.

У Вознесенского – это Тухачевский, который “играл на скрипке” и “ставил на талант”. Поэт, видимо, не знал, что его кумир травил газами восставших тамбовских крестьян, то есть “ставил на террор”.

У Роберта Рождественского любимцем был Роберт Эйхе (в честь которого дали имя будущему поэту), партийный руководитель Западно-Сибирского громадного края. В стихотворении “О моём имени” стихотворец рыдал над судьбой этого латышского революционера, погибшего в год “Большого террора”, потому что, как и Вознесенский, плохо изучал историю родного отечества и не знал, что летом 1936 г., когда Сталин с небольшой группой своих единомышленников попытался сделать выборы в Верховный Совет СССР более демократическими, с включением в избирательный бюллетень кандидатов от общественных организаций, то против этого проекта выступила целая когорта “пламенных революционеров”, руководителей республиканских и областных парторганизаций. Возглавлял эту когорту Р. Эйхе. Эти партийные бароны, испугавшиеся, что после кровавой коллективизации население не выберет их в Верховный Совет, решили “зачистить” электорат и потребовали от Сталина, чтобы он дал им право на “лимиты”, по которым они отправили бы на расстрел и в ссылку всех выявленных в своих регионах контрреволюционеров. **“Самыми кровавыми”, – пишет в своей книге “Иной Сталин” историк Ю. Жуков, – оказались двое: Р. И. Эйхе, заявивший о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края, не говоря о ещё не определённом числе тех, кого он намеревался отправить в ссылку; и Н. С. Хрущёв, который сумел подозрительно быстро разыскать и “учесть” в Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо высылке 41 305 “бывших кулаков и уголовников”.** Вот таков был вдохновитель и организатор XX съезда КПСС.

Сталин, не обладавший тогда полной властью, проиграл “агрессивному революционному большинству” схватку за демократизацию избирательной системы. Всё, что он мог – так это вдвое снизить цифру в графе “Расстрел” из списков Эйхе, Хрущёва и других их союзников. Однако он не забыл унижительного поражения, и большая часть “партийных баронов”, требовавшая “лимитов”, – была репрессирована в течение последующих нескольких месяцев. Вот так Р. Эйхе оказался жертвой сталинизма и героем стихотворения Р. Рождественского.

А Евгений Евтушенко благоговел перед Ионой Якиром, о памятнике которому он возмечтал в годы перестройки: **“Якир с пьедестала протянет гранитную руку стране”**. Мало того, что у нас на всех площадях стоял Ленин с вытянутой рукой, так нам ещё Якира не хватало в той же позе. Видимо, Е. Е. хотел, чтобы та “гранитная рука” указывала на донские земли, где Якир рассказывал станции, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей.

Все известные “шестидесятники” бредили Серебряным веком. Но персонажи Серебряного века при всём их растлении – нравственном, эстетическом, религиозном, сексуальном – субъективно всё-таки были людьми честными и за свои грехи рано или поздно расплачивались эмиграцией, нищетой, самоубийствами, одиночеством, искалеченными судьбами, смертями в домах призрения... Наши же, ненавидя одним полушарием мозга образ жизни, сложившийся в Советском Союзе, родное государство, тоталитарный режим, другим полушарием сочиняли стихи и поэмы в честь основателя этого государства, во славу социализма истроек коммунизма, клялись в любви к певцу советского отечества Маяковскому, получали Ленинские и Государственные премии, выполняли некоторые деликатные поручения КГБ, при этом проклиная в душе “кровавую гёбну”... Политическая, мировоззренческая и душевная шизофрения – вот главный диагноз, главная болезнь либерального шестидесятилетия.

Владимир Маяковский является основоположником советской “ленинианы”, которая началась с его монументальной поэмы о Ленине. Продолжателей, подражателей и эпигонов у него после смерти появилось много. Маяковский верил, что рано или поздно советская наука найдёт способы воскрешения людей и жаждал быть воскрешённым. Талантливый литератор Юрий Карабчиевский в книге “Воскресение Маяковского” пришёл к мысли, что это чудо **“уже имело место в советской реальности <...> произошло это, разумеется, в виде фарса и сразу в трёх ипостасях. Три поэта: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Каждый из них явился пародией на какие-то стороны его поэтической личности.**

Рождественский – это внешние данные, рост и голос, укрупнённые черты лица, рубленные строчки стихов. Но при этом в глазах и в словах туман, а в стихах халтура, какую разве лишь в крайнем бессилии позволял себе Маяковский.

Вознесенский – шумы и эффекты, комфорт и техника, и игрушечная заводная радость, и такая же злость.

Евтушенко – самый живой и одарённый, несущий всю главную тяжесть автопародии <...> Ни обострённого чувства слова, ни чувства ритма, ни, тем более, сверхъестественной энергии Маяковского – этого им было ничего не дано <...> они заимствовали одну важнейшую способность: с такой последней, такой отчаянной смелостью орать верноподданнически клятвы, как будто за них – сейчас на эшафот, а не завтра в кассу...”

Невозможно себе представить Маяковского, преподающего какой-то курс по русской поэзии в какой-то американской Оклахоме, чем много лет занимается его “автопародия”.

Но ежели всё-таки наука добьётся воскрешения нас, грешных, и Маяковский встретится в каком-нибудь из миров со своими “тремя ипостасями”, то, грозно взглянув на них, он может позволить себе прочесть своим громовым голосом:

*Явившись в ЦККа
грядущих светлых лет,
над бандой
поэтических рвачей и выжиг*

*я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих партийных книжек.*

* * *

Серебряный век с его воплями о том, что “человек — это звучит гордо”, “человек — мера всех вещей”, “если Бога нет, то всё позволено”, “поэтам вообще не пристали грехи”, в сущности, требовал от общества признания новой языческой религии, которая в наше время стала называться “правами человека”.

Конечно, советским вождям никакая религия, кроме религии социализма, понравиться не могла. Но всё, что произнёс Жданов о творчестве Ахматовой и Зощенко, выглядит либеральным детским лепетом рядом с оценками Серебряного века многими знаменитыми людьми русской литературы.

Из выступления И. А. Бунина на юбилее газеты “Русские ведомости” 8 октября 1913 г.

“Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьёзность, простота, непосредственность, благородство, прямота, — и морем разлилась вульгарность и дурной тон, — напыщенный и неизменно фальшивый... Опошлен стих. Чего только не проделывали мы за последние годы с нашей литературой, чему только не подражали мы <...> каких только стилей и эпох не брали, каким богам не поклонялись? Буквально каждая зима приносила нам нового кумира. Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм, и порнографию, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и “пролёт в вечность”, и садизм, и прятие мира, и неприятие мира, и адамизм, и акмеизм... Это ли не Вальпургиева ночь!”

В конце своего выступления, произнесённого скорее всего под влиянием Пушкинской речи Достоевского, Бунин высмеял творчество тех кумиров Серебряного века, “которые задавались целью совершенно устранить из литературы этический элемент, проповедовать безграничный индивидуализм, разнузданность все позволяющей личности, прославлять под видом утончённости разврат, <...> прославлять смерть, квиэтизм и даже самоубийство”.

В том же году Иван Бунин, когда ему задал вопрос какой-то газетный корреспондент: “Каково Ваше отношение к Пушкину”, — ответил: “Никак я не смею относиться к нему”. Об этом исчерпывающем ответе великого писателя не надо бы забывать, помня, как амикошонски относились к Пушкину кумиры Серебряного века.

... В мае 1918 года Александр Блок встретился с молодыми поэтами Петербурга, которые жили стихами символистов, акмеистов, футуристов... “Барышня с глазами, как большие тусклые агаты, говорила спокойным и равнодушным тоном.

— До революции у нас был кружок из двенадцати человек. Мои родители называли его “клубом самоубийц”. Действительно, не так давно пятеро из них покончили с собой: трое совсем, а двое не совсем; остальные разошлись как-то сами собою”.

После этой встречи Блока провожал домой молодой поэт Валентин Стенич и рассказывал ему о себе и своих друзьях:

“Мы все обеспечены и совершенно не приспособлены к тому, чтобы добывать что-нибудь трудом. Все мы наркоманы, опиисты, женщины наши — нимфоманки <...> Нас ничего не интересует, кроме стихов. Все мы — пустые, совершенно пустые <...>. Вы же ведь и виноваты в том, что мы такие...”

— Кто “мы?” — спросил Стенича Блок.

“Вы, современные поэты. Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а вы нам давали камень. — Я не сумел защититься; и не хотел; и... не мог” (А. Блок. “Русские денди”).

А незадолго до смерти, в апреле 1921 года Блок напишет в своём роде литературное завещание “Без божества, без вдохновенья”, в котором, говоря об акмеизме, произнесёт своеобразный приговор многим модным поэтам своего собственного Серебряного века;

“Если бы они все развязали себе руки. Стали хоть на минуту корявыми, неотёсанными, даже уродливыми, и оттого более похожими на свою родную,

искалеченную, сожжённую смутой, развороченную разрухой страну! Да нет, не захотят и не сумеют... Они хотят быть знатными иностранцами...” Высочайшим требованиям Блока о поэте, **“похожем на свою родную, искалеченную, сожжённую смутой, развороченную разрухой страну”**, в то время соответствовал лишь один Сергей Есенин, автор “Пугачёва”, “Страны негодяев”, “Анны Снегиной”, Сергей Есенин, о котором акмеистка Ахматова, прошедшая школу “Башни” Вяч. Иванова и “Бродячей собаки”, в 30-х годах отзывалась так: “Сначала, когда он был имажинистом, его нельзя было раскусить, потому что это было новаторство. А потом, когда он просто стал писать стихи, сразу стало видно, что он плохой поэт. Он местами совершенно неграмотен <...> В нем ничего нет — совсем небольшой поэт. Иногда ещё в нём есть задор, но какой пошлый! <...> Пошлость. Ни одной мысли не видно... И потом такая чёрная злоба. Зависть. Он всем завидует...” (П. Н. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1, стр. 37). Но сколько зависти было в словах Ахматовой о Есенине, когда вся страна в 1965 году праздновала 70-летие поэта! Я был тогда со многими своими друзьями в Константиново, где многотысячное море людей пело, плясало, слушало и читало стихи любимого народного поэта. Но Чуковская вспоминает, что говорила Анна Андреевна в этот поистине незабываемый для России день:

“8 октября 65... Помолчали. — Вы заметили, — спросила она, — кто именно во всё горло чувствует нынче Есенина?.. Зелинский, Сергей Васильев, Куняев, Прокофьев... Заметили, что Есенина выдвигают сейчас в противовес Маяковскому?”

Среди либералов широко распространено мнение, что Анна Ахматова, не смотря на цикл из 10 стихотворений, написанных и опубликованных к 70-летию вождя в 1950 году, была убеждённой антисталинисткой. Однако некоторые её исторические оценки противоречат этому убеждению. Любопытно то, что для Ахматовой Владимир Маяковский был куда более значимой фигурой в русской поэзии, нежели Сергей Есенин. В 1940 году она написала апологетическое стихотворение, посвящённое своему современнику по Серебряному веку, которое заканчивалось строчкой: “В каждом слове бился приговор” — “приговор” старому миру. Революционность Маяковского была куда ближе её душе, нежели народность Есенина, о котором товарищ Сталин не вспомнил ни разу в жизни, а Владимира Маяковского, подобно Ахматовой, объявил “лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи”. Так что полными антиподами Иосиф Сталин и Анна Ахматова, видимо, не были. Может быть, поэтому в стихотворном цикле 1950 года, о котором либеральная общественность старается забыть, как о досадном недоразумении из жизни поэтессы, есть несколько стихотворений, отмеченных печатью подлинного вдохновения и таланта.

При всём своём уме, пронизательности и чувстве времени Ахматова, видимо, из-за уязвившей её душу зависти “не заметила”, что Есенина к середине XX века “выдвинули” не мы грешные, а сама История. Я думаю, что Георгию Васильевичу Свиридову были известны суждения Ахматовой о Есенине, потому что его нижеследующие слова звучат как прямая полемика с ней:

“В лютых бедствиях, в окопах войны, в лагерях и тюрьмах, в изгнании на чужбине народ пронёс с собой Есенина, его стихи, его душу. Не славе Есенина завидуют Маяковский, Пастернак, Цветаева и многие другие поэты, а народной любви к нему, так же, как Сальери завидует не славе и не гениальности Моцарта, а любви к его мелодиям слепого скрипача и трагичной публики. Вот ведь в чём соль! Завидуют, говоря затрёпанным без нужды словом, его народности”.

Даже Наум Коржавин, поэт весьма либеральных убеждений, эмигрировавший в своё время в Америку, и тот в статье “Анна Ахматова и Серебряный век” честно признавался: **“Среди деятелей этого “века” было много чистейших людей. Но проповедовали они часто худое: допустимость грязи, подлости, даже убийства”** <...> **“Были люди — самоубийством кончали, если выяснялось, что не выдерживают экзамены на исключительность”** <...> **“Никто даже из хороших поэтов не избежал воздействия отравленной атмосферы той эпохи”** (“Новый мир”, 1989 г., № 7).

Для вящей убедительности своей правоты можно еще привести суждения честнейшего философа эпохи Серебряного века Семёна Франка, являющегося авторитетом для многих интеллектуалов, в том числе и еврейского проис-

хождения: **“Самый трагический и с внешней стороны неожиданный факт культурной истории последних лет – то обстоятельство, что субъективно чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры оказались не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнужданными любителями полового разврата, – этот факт все же с логической последовательностью обусловлен самим содержанием интеллигентской веры, именно ее нигилизмом: и это необходимо признать открыто, без злорадства, но с глубочайшей скорбью. Самое ужасное в этом факте именно в том и состоит, что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности...”**

Сергей Кара-Мурза вспомнил эти слова Семёна Франка, рассуждая о кумире шестидесятников Владимире Высоцком, культовой фигуре нескольких эпох – от хрущевской до ельцинской: **“Именно то, о чем писал Л. Франк, мы видели в среде наших нигилистов, антисоветчиков-шестидесятников. Какие песни сделали В. Высоцкого кумиром интеллигенции? Те, которые подняли на пьедестал вора и убийцу. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии! Высоцкий, конечно, не знал, какой удар он наносил по обществу, он не резал людей, он “только дал язык, нашел слово” – таков был социальный заказ элиты культурного слоя. Как бы мы ни любили самого Высоцкого, этого нельзя не признать...”**

Можно, конечно, возразить, что такого рода оценки крайне пристрастны, что о вкусах не спорят, что это разборки между собой людей искусства, по-разному понимающих его цели и задачи, что Толстой не признавал Шекспира, что *“у поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплёвывать друг друга”* и т. д.

А кому же тогда верить? За кем остаётся последнее слово, когда речь идёт о незаурядных талантах?

Трагедия русской жизни в эпоху Серебряного века была усугублена ещё тем, что единственная духовная сила, могущая противостоять тотальной бесовщине – русское православие, – была поражена тем же недугом распада.

Известный православный писатель Сергей Иосифович Фудель в книге воспоминаний приводит слова своего отца священника Иосифа Фуделя, чьим духовным чадом был Константин Леонтьев: **“Люди, живущие жизнью церковной, скорбят о том, что наши приходы и обезличены, и не проявляют даже признаков жизни”**. А от себя Сергей Иосифович добавлял: **“Святая Русь”** умирала изнутри, идея сохранения христианства в массах терпела страшное крушение <...> период перед Первой мировой войной был наиболее душным и страшным периодом русского общества. Это было время ещё живой **“Анатэмы”**^{*}, ещё продолжающихся **“огарков”** и массовых самоубийств молодёжи, время разлива сексуальной литературы, когда сологубы, вербицкие, арцибашевы буквально калечили людей <...> Главная опасность этого времени заключалась в том, что даже лучших людей оно точно опаяло иссушающим ветром”.

Единственным воином на поле духовной брани в начале XX века в России оставался лишь Иоанн Кронштадтский, который с поистине аввакумовской страстью бичевал пороки Серебряного века и всех его кумиров. Модные поэтессы мечтали стать **“мраморными”**, поэты бронировали себе места на площадях (*“мне бы памятник при жизни – полагается по чину”*, – В. Маяковский; *“В России новой, но великой поставят идол мой двуликий”* – В. Ходасевич; *“Чтоб и моё степное пенье сумело бронзой прозвенеть”* – С. Есенин), а Иоанн Кронштадтский задолго до этих деклараций поставил диагноз их гордыне и непомерному тщеславию:

“Наши светские литераторы, писатели при жизни своей сами себя делают богами, и по смерти желают своим собратьям по перу дорогих памятников на видных местах <...> Самомнения – бездна...”

---

^{*} **“Анатема”** – чрезвычайно популярная в те годы пьеса Леонида Андреева, исполненная патологического кошунства. **“Огарками”** назывались участники тусовок, собиравшиеся на ночные оргии, название пришло из книги писателя А. Скитальца **“Огарки. Типы русской богемы”**, 1906.

Порой он смиренно просил “властителей дум”, зная силу их соблазнительных талантов, не забывать о душе и о Боге:

“Господа писатели! Мысль ваша и язык ваш обтекает всю землю, о всём вы мыслите и пишете, только не заглядываете в свою душу, а всё ли благополучно в ней...”

Иногда великий проповедник доходил чуть ли не до отчаяния и горевал, видя, как кумиры толпы употребляют во зло свой дар, полученный ими по Высшей Воле от природы:

“Светские писатели, пишущие многоглаголиевые романы, увлекающие искусно составленными рассказами о вымышленных или действительных лицах и их пустой страстной жизни <...> пожнут тление. Сеяли суету, суету и пожнут <...> Ты один, Господи, можешь очистить загнившую нравственную атмосферу русского юношества и людей зрелого возраста, зачитавшихся еретиком Львом Толстым и вообще гнилою литературою России и Запада”.

Иоанн Кронштадтский не случайно упомянул имя Толстого, так же как не случайно его идейный враг В. Ленин в те же самые годы назвал Толстого “зеркалом русской революции”. Но Толстой был революционером не только потому, что его так высоко ценил Ленин, и не только потому, что в памфлете “Не могу молчать” (1908 г.) он со всей исполинской мощью своего авторитета обрушился на столыпинскую власть за её зверские расправы над “террористами” и “бунтовщиками”, и даже не потому, что великий писатель отпал от церкви. Нет, главной сущностью его “как революционера” стало то, что над его прахом возвысился зелёный холм без креста... Ведь даже поэт советской эпохи Николай Рубцов знал, что **“каждому на Руси памятник – добрый крест”... “Тихо ответили жители – каждому памятник – крест”...**

А Льва Толстого похоронили **“без церковного пения, без ладана, без всего, чем могила крепка”**. Скорее по-ленински, чем по-русски.

В своей проповеди, названной “Бесноватые”, Иоанн Кронштадтский употребил слово, не сходящее с языка сегодняшней демократической прессы:

“К особенному роду бесноватых надобно отнести людей, так называемых либеральничавших: то есть слишком свободно, вопреки христианскому и всякому здравому смыслу мыслящих”.

Он постоянно пытался напоминать литераторам об их великой ответственности перед обществом, перед народом, перед Россией:

“Вот характер наших борзописцев: живя в постоянной, ежедневной прелести самообмана, они прельщаются или стараются прельстить всех и сделать участниками своего самообмана”.

Книга Иоанна Кронштадтского, откуда взяты эти пламенные мысли, вышла при жизни проповедника и называется “Путь к Богу”.

Конечно, чрезвычайно трудно или почти невозможно слабым и грешным людям неукоснительно следовать таким высоким поучениям, но и убийственно для души человеческой подчиняться всем соблазнам и прелестям Серебряного века, неожиданно ожившим и принявшим разные обличья в наше время. Мне кажется, что печально знаменитый доклад товарища Жданова, произнесённый им в 1946 году в Ленинграде, был бы куда более убедителен, если бы он использовал в нём размышления о литературе и искусстве Серебряного века товарища Бунина, товарища Блока, товарища Франка, товарища Свиридова и товарища Коржавина... А если бы ещё атеист Андрей Андреевич был знаком с проповедями святого Иоанна Кронштадтского! – цены бы не было его докладу... Смею предположить, что такое, на первый взгляд, фантастическое развитие событий могло быть возможным после встречи Сталина осенью 1943 года с тремя высшими иерархами церкви и восстановления патриаршества по его державной воле.

Голоса Серебряного века, грязной “оттепели” и кровавой перестройки до сих пор звучат в нашей сегодняшней жизни. Включаю 2 февраля 2012 года TV-канал “Культура” и вижу фильм о знаковой фигуре этих родственных друг другу эпох – об Оскаре Уайльде. О том, как он, выйдя из Редингской тюрьмы, где сидел за содомитство, был изгнан из Англии, ещё строго хранившей свои пуританские традиции, в растленный Париж, куда к нему приехал его английский супруг-партнёр. Однако последний, как следует из фильма, вскоре бросил несчастного Уайльда, поскольку тот не мог содержать своего любовника. Оставшись в одиночестве, лондонский денди опустился, растерял любой шарм, растолстел и вскоре умер. Похоронили беднягу при помощи его

бывшей жены на известном парижском кладбище и установили на могиле не крест, не бюст, а надгробье в виде гранитного Сфинкса.

...В последних кадрах фильма его создатель Роман Виктюк, картинно простирая руки к надгробному чудовищу, возопил, обращаясь к телезрителям:

– Вот видите! На отполированном граните алые пятна! Нет, это не лепестки роз, это следы поцелуев, которые оставили на камне поклонники великого писателя!

Поскольку, на мой взгляд, у женщин нет причины целовать надгробье Оскара Уайльда, то остаётся думать, что это геи всего мира оставляют следы алой помады со своих губ на отполированном граните, прикладываясь к нему, как верующие к иконе. А чему удивляться? Через сто лет после изгнания несчастного содомита во Францию в некогда чопорном пуританском Лондоне один из высших чинов англиканской церкви обвенчал какую-то однополую брачную пару. Так что дело Оскара Уайльда живёт и побеждает и в Соединённом Королевстве, и в России, потому, что фильм с Уайльдом и Виктюком был создан при финансовой поддержке Российского агентства по печати и массовым коммуникациям. Видимо, такие фильмы очень нужны нашему телезрителю, если они делаются на бюджетные деньги.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

“БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ”

19 сентября 2011 года в Твери на 91-м году жизни умер сын слесаря-механика сапоговаляльного завода в деревне Журихино Кинишемского района Ивановской области. Можно сказать, что сделал это он не в самый подходящий момент. Мог бы ещё и пожить. Потому что жив ещё его старший брат Аркадий, не по своей воле превратившийся в гражданина иностранного государства, самостийного и незалежного. И не появился ещё на свет долгожданный правнук, продолжатель фамилии.

Как принято, на похороны съехались отовсюду многочисленные родственники. У гроба и на поминках вспоминали, какой прекрасный ушёл из жизни человек. В войну был на фронте и в те годы легко мог сгинуть, но судьба хранила – вернулся живой, дослужив до подполковника. Стал строителем, тут тоже “вырос” до ведущего инженера стройуправления, и сына, не из рода, а в род, определил опять же в строители, чтобы продолжил династию.

“Вот так. И что дальше? А ничего. Тогда к чему бы это? Да ни к чему. Мыслим, узнаём, ковыряемся и в конце концов преподносим... да пошли вы а задницу с такими открытиями. Этот мир – возможность счастья для всех, поэтому он так хорошо устроен, комфортно, грамотно, пользуйтесь этим, и наслаждайтесь, и скользите”.

Тут я, простите, процитировал писателя, чьё имя, как уверяет читателей издательство ОЛМА Медиа Групп, “давно уже стало символом не только Санкт-Петербурга, но и всей России”. Зачем? Ну, сам бы он на сей счёт сказал бы незатейливо: “Эти великие писатели любят ошарашивать нас такими откровениями”. “Нас” – это тех, кто “не сознаёт своего невежества”. О писательских откровениях и нашем невежестве чуть позже, а пока сохраним хронологию.

За накрытыми столами меж поминальными словами родичами было решено создать своими силами книгу памяти, в которой попытаться вспомнить о той веточке человеческих судеб, что пошла некогда от деда-прадеда из маленькой русской деревушки на Волге. Как-никак детей в семье было одиннадцать человек. Мамы их не стало, когда младший сын ещё, как говорят, пешком под стол ходил. Воспитывать младших братьев и сестёр пришлось старшей сестре. Подрастая, они разлетелись из родных мест кто куда. После войны в живых остались восемь человек. Из них четверо сумели получить высшее образование, а один даже стал кандидатом технических наук и лауреатом Сталинской премии. Обычная русская семья – тут репрессированные и награждённые, воевавшие и терявшие здоровье на трудовом фронте, разбросанные по городам на землях России, Азербайджана и Украины.

Главным летописцем семейной книги судеб предшествующих поколений, от дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, избрали мою жену. На то были две причины. Во-первых, она относительно свободна. Минувшей осенью ушла на пенсию. Во-вторых, человек не просто пишущий, а в одной из своих книг ещё 20 лет назад затронувшая тему:

“У восьми моих дядей и тётей семнадцать детей. Одни из них родились за-долго до войны, другие – во время лихолетья, но большинство знает о войне только по рассказам родных. Из семнадцати моих двоюродных братьев и сестёр трое получили среднее специальное образование, у четырнадцати человек – высшее образование, причём одна из них закончила аспирантуру, а ещё одна – кандидат медицинских наук. Мои тёти и дяди все уже стали дедушками и бабушками, и многие из их внуков учатся в институтах и техникумах.

Когда отец повёз меня на могилу к бабушке, я знала очень много о деревенском детстве моих родственников: о речке, в которой стиралось бельё, о русской печке, на которой спали все дети разом... Мысленно я сотни раз представляла себе места, откуда пошла наша фамилия. Каково же было моё удивление, когда я увидела всё своими глазами. В рассказах моих тётушек дом их был большим, речка глубокой, а Красная горка, на которой они собирали малину и землянику для пирогов, таких размеров, что на неё карабкаться надо было с немалым усердием. То ли речка обмелела, то ли горка осела, то ли в воспоминаниях родные передавали свои детские ощущения, да только когда я вошла в избу, где родился мой отец, то увидела две небольшие комнаты да кухню с русской печкой. Глядела я на неё и никак не могла взять в толк, как могли уместиться на ней все ребятишки сразу”.

И вот первая “командировка” – едем на пару с женой в Питер интервьюировать тамошних родственников. Волей случая с собой в поездку я взял почитать книгу писателя, того самого, чьё имя стало символом Санкт-Петербурга и всей России, – Даниила Гранина “Всё было не совсем так”. В ней автор повествует о собственной и близких ему людей судьбах и, конечно же, об истории страны. Так что её без особой натяжки тоже можно считать книгой памяти в жанре “о времени и о себе”. И хотя, если откровенно, у каждого своя судьба и история страны каждым видится по-разному, интересно взглянуть и немного сопоставить разные судьбы людей. Тем более что “Сапсан” мчит нас как раз в город на Неве.

Сам я, нет, не ленинградец, однако к городу этому имею пусть крохотное, но всё же отношение. Здесь на Ново-Волковском кладбище лежит мой брат, умерший в голодный год уже после войны. Мы тогда с ним оба одновременно лежали в больницах в разных концах города, и мать разрывалась каждый день между нами, мотаясь туда-сюда. Младшему брату не суждено было выйти из больницы, а я выжил и чуть позже, пяти лет от роду, был крещён в одном из ленинградских соборов.

Тут, казалось бы, мне уместно взять и согласиться с мыслью Гранина, что “время всегда наносит раны и оно же исцеляет их”. Благо она присутствует ещё в начале книги, принадлежащей перу писателя, “наряду с талантом обладающего ещё и набором лучших человеческих качеств”. Но то ли раны время наносит разные, то ли время не давало клятвы Гиппократу, и потому случаются накладки: время далеко не всегда лечит.

По законам жанра и судя по названию “Всё было не совсем так”, книга Гранина должна быть о том, **что было**. Но, судя по тексту, в ней помимо того, что было, присутствуют заметки и наблюдения о том, **что есть**, и даже вопросительные размышления, которые можно сформулировать коротко: “А **что** же будет?”. Поэтому постараюсь “судить”, следуя законам, которые автор сам для себя избрал, создавая книгу.

“Дураков не убывает, а дорог не прибывает” – этот ёмкий и точный гранинский афоризм вполне заслуживает право быть вынесенным в подзаголовок его книги. Однако в таком случае напрашивался бы вопрос “Почему?”. Жаль, ответа на него в книге не найдёшь. И ещё. Вряд ли положение исправят те советы-рекомендации, какие Гранин щедро разбросал по страницам книги. К примеру:

“Не будешь гнуться, не выпрямишься”;

“Хочешь стать свободным – стань равнодушным”;

“Удачу надо жрать, не откладывая”;

“Вода благоразумно принимает форму сосуда”.

Когда и где рождалась философия жизни, какую “любимец славы”, как сам себя называет Гранин, презентует своим читателям? Само собой, в детстве. Книга именно с него и начинается. Даже несколько раньше. С быстрого крупного выигрыша в рулетку, позволившего будущему отцу Д. (и впрямь, не называть же самого себя с первых дней жизни Даниилом Александровичем) для того, чтобы появился на свет наш герой, устроить “совершенно новый брак”. “Первый брак его устарел, испортился”, и только новый, “в этом Д. **был** твёрдо убеждён”, мог способствовать его появлению. На то были две серьёзные причины. Во-первых, “всё, что творит природа, не случайно”. Во-вторых, ещё до рождения наш герой “не представлял себе мира без своего хотя бы незримого присутствия”.

Первые самостоятельные и осознанные впечатления детства Д. связаны с коммуналкой. Но обращает на себя внимание тот факт, что главак о коммунальном житье-бытье юного героя называется не “Коммуналка”, а “Коммуналки”, во множественном числе. Можно предположить, что в главке присутствует некое обобщение. Оно, действительно, есть, хотя и основано исключительно на опыте одной, той, в которой Д. довелось пребывать самому.

Тут жизненный опыт Гранина никакое не исключение. Моё собственное детство тоже прошло по коммуналкам. Получить коммуналку – по тем временам уже было хорошо. В 1954 году во Владивостоке нашей семье, например, довелось несколько месяцев жить в каюте военного корабля, на котором служил мой отец. И только потом была коммуналка, где кроме нас жили ещё две семьи. Можно ли было коммуналку назвать распрекрасным жильём? Смотря с чем сравнивать. Через несколько лет, после демобилизации отца по хрупкому сокращению численности армии и флота, нами в качестве возможного рассматривался переезд на отцовскую родину, в город Ржев. Туда на разведку поехал мой дед. И увидел, что люди в городе, расположенном всего-то в 230 км от Москвы, жили ещё в землянках. Первую отдельную, двухкомнатную, квартиру наша семья из четырёх человек получила в 1963 году. Почему, собственно, я об этом вспоминаю? Наверно, потому, что утверждение Гранина, будто “коммуналка была худшим из всех созданий Советской власти. Насильно согнанные в одну квартиру разные семьи день и ночь должны были находиться на виду друг у друга. Было известно, что готовили, что покупали, ночная жизнь наутро обсуждалась, подслушивали, подглядывали, вызнавали про любовные шашни”, видится мне какой-то полуправдой.

Нет, особой романтики в коммунальной жизни я не нахожу. Конечно, соседи попадались ой какие разные. И хотя жить в деревне мне не доводилось, психология деревенской жизни, как мне представляется, немногим отличалась от коммунальной городской квартиры. Там тоже все про всех всё знали-ведали. Но я не про психологию, я об утверждении Гранина о “насильно согнанных” в одну квартиру разных семьях. Я про суждение писателя о коммуналке, как “худшем из всех созданий Советской власти”. В 1953 году я жил в Москве и, идя каждый день в школу, проходил мимо чёрных барачков, в которых жили люди. Уверен, они там мечтали из них перебраться в коммуналку.

Мне странно, что в череде деяний, столь ему не милых, самым зловерным Гранину кажется, судя по всему, одно: в коммуналке “подглядывали, вызнавали про любовные шашни”. Странно, потому что вспоминаются-то детские годы Гранина, ещё совсем не писателя. Или это оговорка по Фрейду?

Впрочем, если честно, меня мало тронул гранинский пассаж: “*Я не мог уединиться, всюду меня доставала злоба совместной жизни*”. Куда больше взволновала причина сохранившегося у него на всю жизнь чувства затравленности. Тут, не скрою, напрашивается разговор на тему о мужских комплексах, называемых “комплексом сыщика” и “комплексом покровителя”, когда человек, желающий вершить судьбы людей и держать в своих руках бразды правления, подсознательно запрограммирован на недоверие к окружающим. Тихий и незаметный, он, во-первых, ценит себя и своё внимание, проявленное к остальным, и вполне естественно, что он ждёт благодарности за своё участие. Во-вторых, на подсознательном уровне такому человеку страшно нести ответственность за свою жизнь, поэтому ему намного проще управлять жизнью других людей. Превосходство и снисходительная опека будет всегда выделять его. Считается, что невротическое желание кого-то опекать и поучать, быть значимым и любимым есть выражение нереализованных потребностей. При этом демонстрация своей доброты и заботы создаёт у такого человека иллюзию счастливых отношений.

Я верю Даниилу Александровичу, когда он пишет, что желание ощущать важность своей персоны проявилось у него очень рано. Хочу понять истоки этого желания. Откровенность писателя позволяет увидеть три фактора, позволяющие разобраться, откуда, как говорится, ноги растут.

Первый фактор. Гранин рано осознал свой социальный статус – он не кто иной, как “портнихин сын”. Пройдут годы, но, даже будучи писателем, он сохранит в себе ощущение какой-то неловкости и даже стыда за своё “низкое” происхождение. В чужой улыбке ему непременно будет видиться подтекст: “знаем мы, кто вы такой”, “подумать только, как это вы стали писателем, сын портнихи...”. Гранин не уточняет, был ли он к тому времени уже Героем Социалистического Труда, кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, лауреатом Государственной премии СССР и Государственной премии России, а также премии Президента РФ в области литературы и искусства, но признаётся: “Мне было обидно”.

Второй фактор. Его детство прошло в окружении “женщин, которые приходили к матери” и “были не похожи на женщин коммуналки. От них пахло духами, у них был маникюр, на ногах блестели лакированные лодочки или ботинки, в шубках, они походили на красоток, нарисованных в журнале мод”.

Третий фактор. Среди соседей мальчика по коммуналке был “доцент Зайкин”, ставший для подрастающего Д. первым учителем жизни. Именно от него Гранин услышал основные положения миропонимания. Сосед зазывал Д. к себе в комнату на чашку чая, сажал в кресло и говорил: “У нас воспевают коллективизм, а что это такое, ты знаешь? А ты не думал, что это стадность? Стадо. Вне стада человеку уже неудобно. Приучили”.

Философию доцента Зайкина герой воспоминаний воспринял с уважением. А потому в книге позволяет себе растолковывать тем, кто “не сознаёт своего невежества”, истины относительно их бытия: счастье – это то, что ты есть, что каждый божий день уцелеваешь. Всё остальное, – с трогательным чувством живописует писатель выстраданную мораль, – это небольшое благополучие. *“Например, я никогда не мог повести жену в хороший ресторан. Вечером видно сквозь окна – там полно, нас там нет и не будет. На самом деле, нам, всем таким, как я, надо совсем мало. Чтоб нам перестали врать. Чтоб менты нас не цепляли и не требовали денег. Чтобы я получал деньги за работу, а не подачку. Ещё бы иметь маленькую отдельную квартиру”.*

Полагаю, этот отрывок где фигурируют невозможность писателя “повести жену в хороший ресторан” и желание “иметь маленькую отдельную квартиру”, не требует комментария. Для того чтобы согласиться с Граниным, признать, что таким, как он, надо совсем мало, мне, в прошлом работнику Госкомиздата СССР, надо забыть одно существовавшее в ту пору негласное правило присуждения писателю звания Героя Социалистического Труда. Он должен был иметь такие тиражи, которые приносили советской стране многомиллионные прибыли и одновременно делали самого автора миллионером. И такими списками Госкомиздат располагал. Но в приведённом здесь пассаже меня больше умиляет то, что в роли критерия несчастной жизни выступает именно ресторан. И, заметьте, какая по-писательски точная деталь: “хороший ресторан” – это недостижимое счастье, а просто ресторан – всего лишь “небольшое благополучие”.

После поездки в Питер я перечитал страницы книги жены, где она писала о своих, ставших и моими, родственниках:

“По-разному довелось жить выходцам из большой дедовской семьи. Мыкались по общежитиям, жили в полуподвалах, вшестером ютились в девятиметровой комнате. И всё это было совсем недавно. Но теперь и они все живут в отдельных квартирах, и многие их дети уже переселились в благоустроенные новые дома.

Если бы мы задумали собрать воедино все награды, полученные родственниками, можно было бы открыть фамильный музей боевой и трудовой славы. Они вырастили, как мне кажется, достойную смену. Среди нас, потомков деревенского механика, есть врач, корабельщик, учителя, строители, художник, станкостроитель, атомщик, автодорожник, инженер железнодорожного транспорта и связист. И ведь это родственники лишь по отцовской линии.

Перебираю семейные реликвии. Держу в руках паспортную книжку, выданную 13 сентября 1899 года дочери сумского дворянина, девице Надежде Павловне Лесевич, – единственный документ конца прошлого века, сохра-

нившийся от бабушки по материнской линии, перечитываю письмо деда, датированное 1919 годом, рассматриваю мамин школьный аттестат, так не похожий на те, что сама подписываю теперь каждый год, и её дипломы кандидата педагогических наук и лауреата Государственной премии Украинской ССР, достаю из коробочки боевые медали мамы и трудовые награды отца”.

Я был бы последним поддонком, если в моей голове родилась вдруг, хотя бы с перепою, дикая мысль назвать эту большую, дружную, по всем “параметрам” коллективистскую семью стадом. Хотя и не наблюдал среди её членов с самого рождения “постоянного желания начать жизнь по-новому, без вредных привычек”, какое отмечает в себе Даниил Гранин.

В моих попытках понять ход мыслей отмеченного славой писателя и взглянуть вместе с ним на прожитые годы не следует искать ни желания очернить, низвергнуть “последнего из могикиан”, ни стремления, наоборот, вырвать из очевидного забвения того, кто некогда провозглашал бескорыстное, чистое служение литературе. И тут даже не стану поминать эпизоды из его жизни, когда сам он этому принципу не следовал.

Я процитирую тезис, заявленный в книге Гранина, с которым соглашусь безоговорочно: *“Нет и не было правых на той ужасной, на Гражданской. Самоистребление уничтожало лучшую часть людских сокровищ, накопленных Россией, её аристократию, трудолюбивое крестьянство, тончайший слой интеллигенции, офицерство, мастеровых... Всё пошло прахом”*. Писатель развивает его в “клочке” (жанровое определение самого Гранина) о поляках и чехах, когда первые “сопротивлялись немцам как могли”, а вторые “не сопротивлялись и сохранили себя”: “Вопрос – “Кто прав?” не корректен. И те и другие действовали соответственно своему характеру”.

Но, во-первых, выражу глубокое сожаление, что в своих размышлениях об истории, творившейся не где-то вдаль, а на его глазах, писатель постоянно отступает от справедливого тезиса и делит окружающих на правых и виноватых.

Конечно, легко углубиться в давно минувшие дни и рассуждать: *“Говорят, что Пётр истощил Россию. Можно и так судить. Но куда важнее признать, что он воодушевил Россию. Высвобождение из цепких пут старины с энтузиазмом приняли русские женщины, молодёжь. В их быт вошли европейские обычаи и ритуалы, наряды и парики. Женщина стала дамой, мужчина – кавалером. Девушки не хотели больше сидеть взаперти в душных теремах, среди нянек и лампад. Юноши открывали для себя новые сферы деятельности. Это было освобождение, духовный переворот, нравственная революция...”*

Но почему тогда эти “наблюдения” соседствуют с другими, по сути антиподами? *“Оказалось, родился я в древней, мало ныне известной стране “СССР”. Не все уже знают, что значит эта аббревиатура. Чем дальше уходит в забвение эта страна – тем она становится для меня интереснее и даже признаюсь, – милее”*.

Распространено мнение, что времена и героев не выбирают. Как видим, судя по книге Гранина, очень даже выбирают. С несомненной выгодой для себя. Она ведь бывает не только в денежном выражении. Как пишет Гранин, *“тише сидишь – дольше будешь”*.

Чем милее ему СССР? Были кружки, читальные залы, художественная самодеятельность, в каждом районе были парткабинеты, политпросвет школы, собирались профсоюзные собрания, комсомольские и прочее, и прочее, шла общественная жизнь, было понятие “общественная нагрузка”, выходили стенгазеты – таково милое перечисление, сделанное Граниным, который тут же задаёт вопрос: *“И что же мы получили взамен?”*

Это не единственный вопрос Гранина, это не главный даже вопрос содержания его книги. Это вопрос нашего с вами понимания или, точнее, разумеания автора “клочков” из отдельных эпизодов, мыслей и эмоций относительно хода истории. Потому что далее Гранин предлагает тоже перечисление (цитирую полностью!): *“Открылось множество ресторанов, кафе, баров. Хороших, роскошных, современных, ничуть не хуже европейских. Появились заведения всех мастей, всех стран, китайских, японских – не счесть. Испанские, мексиканские, французские, итальянские. Есть рыбные, устричные, бельгийские... Есть ресторан “Идиот”, есть “Заветы Ильича”, “Кукарача”, на любые вкусы. Никогда такого выбора не было. Есть магазины sex-shop”. Значит, всё-таки без Фрейда не обошлось. И вообще, меня восхищает гранинское восприятие жизни, которая у него непременно начинается с ресторанов.*

Вот ещё один характерный “клочок”: “Кризис породил новые страхи – банкротство, не банка, а предприятия. Это что-то незнакомое. Закрываются магазины, рестораны – на нашей улице”.

Летят годы – на смену одному кризису приходит другой, но гранинское восприятие жизни через рестораны остаётся неизменным: “2009 год, бушует кризис, банки, пресса, власти сокращают штаты, избавляются от “планктона”. На нашей улице закрылось несколько магазинчиков, старый ресторан “Флора” обанкротился, вместо него теперь японские “суши” – “Евразия”.

Во-вторых, задержусь на ужасной Гражданской. История России, если приглядеться, – сплошная гражданская война. Чаще это “холодная” война, медленно тлеющая, чтобы потом, в одночасье, низвергнуть царскую империю или развалить Советский Союз. Но иной раз она приобретает самые “горячие” формы, как их ни называй: княжеская междоусобица, смута, пугачёвщина, восстание Болотникова, восстание декабристов, война белых, красных и зелёных, репрессии против собственного народа, развенчание культа Сталина, расстрел рабочих в Новочеркасске, борьба с инакомыслием, ГКЧП или все-российская акция протеста против официальных итогов выборов в Госдуму.

В скольких семьях (не стану касаться братоубийственной борьбы московского, тверского и рязанского князей) ещё совсем недавно гремели раскаты такой гражданской войны после XX съезда КПСС, после ввода танков в Прагу, после начала войны в Афганистане? Попытаюсь воссоздать картинку с натуры споров до хрипоты на семейном “партсобрании” между моими тещей и тестем, тоже своеобразный “клочок”:

– Зачем мы ввели свои танки в Прагу?

– А ты что, хотела, чтобы туда вошли танки бундесвера?

– Да пусть бы и вошли они первыми. Зато потом мы стали бы освободителями, а не оккупантами. За что теперь нашим мальчишкам плюют в лицо?

– Так ты хочешь войны?

Я понял бы, произнеси Гранин, не превращая воспоминания в жующуюся по инерции жвачку, покаянные слова в свой адрес: “Стыдно жаловаться, когда столько людей в стране не имели и не имеют даже десятой доли того, что было и есть у меня, известного писателя”. А потом с горечью и ностальгией по уходящей в забвение интересной и милой стране обратился бы к своим читателям: “Так и хочется спросить: “Ну что у вас, люди, за генсеки и президенты? За кем вы идёте, кому рукоплещете, кому верите, от кого ждёте правды и справедливости? Сидите на кухне и думаете: голосовать – не голосовать... А если голосовать, то за кого... Но есть ли среди них хоть один, за кого не проголосовать невозможно?”

Я согласился бы, скажи Гранин просто и без затей: “Жизнь прекрасна, но жить такой жизнью не хочется”. Но нет, писатель красиво рассуждает о милосердии, о совести, о патриотизме, о правде, прикрывая разговором о них – не скажу: своекорыстную ложь, но чётко выдержанную полуправду, оформленную в почти что афоризмы.

“Социализм у нас был незрелый, перешли в капитализм, он получился дикий, тоже незрелый. Всё время потребляем незрелое, вот и маемся”.

“У каждого народа свои святые и свои антихристы”.

“Все на Земле кормятся бесплатно, все имеют бесплатное жильё, все, кроме человека”.

“История переворачивает жизнь как песочные часы”...

Стоп, а надо ли постоянно стремиться говорить красиво? Действительно, все, кроме человека, имеют бесплатное жильё и кормятся бесплатно. Все – это звери, которые поедают друг друга. Это лучше? А максима про историю, жизнь и песочные часы... Куда справедливей и честней сказать, что это люди переворачивают историю, как песочные часы.

Предположим, что Гранина и впрямь волнует вопрос: “Появится ли новая мечта, ради которой будут жертвовать собой, близкими? Мечта о справедливом устройстве”. Однако странно, что в своих ожиданиях сладостной мечты, толкающей на жертвы, он что-то не вспоминает про необходимость для человека реальных дел, рождающих желанное справедливое устройство?

Собственно, складывается впечатление, что Гранина, задающего тот или иной “волнительный” вопрос, ничуть не интересуется ответ на него. Поставив один вопросительный знак, он торопится пристроить следующий, позаковыристей: “Знает ли Господь о существовании России? Вот вопрос”. Неужели

это и есть главный, полный событий и смысла, вопрос, вставший перед человеком, которому “судьба подарила долголетие”?

Безусловно, вглядываясь в прошлое, своё и окружающих людей, важно уметь задавать вопросы. Для немалого числа людей давно стали любимыми: “Кто виноват?” и “Что делать?”. Вот и мысли Гранина, заявляющего, что ему “хочется исповедаться”, постоянно витают вокруг них. “Мы не находим в себе мужества быть виноватыми”. “Мы, советские люди, были без инициативы”. “Мы были статисты”. “Везде царило единодушие, единомыслие. Самостоятельно думать не нужно”. “У нас если не могут сделать лучше – делай больше, выше, ярче”.

Для понимания того, “кто виноват в этом?” писатель предлагает читателю “клички” о Хрущёве, Брежнев, Андропове, Горбачёве, Романове, Первухине... Но самым часто звучащим именем в книге является Сталин. Как пишет Гранин, “есть в искусстве “эффект попадания”. То есть какой-то романс, допустим, заставляет резонировать вашу душу”. Фигура Сталина возникает на страницах книги чаще других. Становится ясно, что одно это имя заставляет резонировать душу автора.

Нет, было бы странным ждать от Гранина любви и почитания Вождя, Хозяина, Диктатора. Но куда более странным представляется то, что без комментариев остаются чьи-то приведённые им слова: “Ненавижу Сталина за то, что стал трусливым, за то, что столько лгал, задушил свою совесть, предал себя, перестал думать, за все мои подлости, от которых корчусь до конца своих дней. За то, что должен помалкивать, когда говорят о том времени”. Можно предположить, что Гранин воспроизводит их, предлагая читателю самому задуматься над высказанной кем-то мыслью. Но что-то заставляет думать иначе: чем-то чужие слова оказались созвучны его собственному отношению к Сталину. Только почему в лжи и трусости человек винит не себя, а другого, даже если этот другой – всесильный Сталин? Почему виноват кто-то, а не сам?

В пассаже о Первухине (их разговор происходил через много лет после XX съезда, когда многое уже выяснилось и было опубликовано) Гранин пишет про бывшего члена Политбюро: “Почитание Сталина навсегда вошло в его душу, ничто её не поколебало”. Надо полагать, что подобное отношение Граниным не приветствуется. Но неужели заскорузлый страх и рабская зависимость от Сталина принимается им за норму? Ладно, если бы речь шла исключительно об упоминаемых писателем Молотове, Кагановиче, Маленкове, Ворошилове, Микояне, Косыгине, Пospelове. Но ведь почитание Сталина, мы знаем, вошло в души и многих простых людей. А сегодня можно сказать, что и немало числа наших молодых современников, никогда не знавших ГУЛАГа. Однако почему-то этот процесс несколько не волнует человека с “набором лучших человеческих качеств”. А потому думать об этом писатель не намерен.

... Вот с такими мыслями мы с женой приближаемся к Питеру. Первым, кто у нас значится в списке, старший брат недавно умершего тверичанина Фёдор. Не знаю, каким образом сказалось на его характере рождение 8 февраля, и обернулось ли оно, как у самого Даниила Гранина, “постоянным желанием начать жизнь по-новому, без вредных привычек”. Но из своего Журихино Фёдор сначала поехал учиться сначала на рабфак в Кинешму, а затем перебрался в Москву и поступил в МВТУ имени Баумана.

В сентябре 1931 года у студента Фёдора рождается дочь. А он в это время подрабатывает в Закавказье, занимается электрификацией края. Ожидая сына, придумал ему имя РЭМ (революция, электрификация, мир). Регистрировать новорожденную в загсе Сталинского района Москвы отправилась сестра Серафима (мать после тяжёлых родов не могла). Но там сказали, что в справочнике, которым загс пользовался при выборе имён, такого женского имени нет. Серафима, стремясь выполнить наказ брата, прибавила гласную букву “а” в конце имени, но была вынуждена тем не менее зарегистрировать девочку как Реамира. Однако официальное имя не приживётся. Для всех, и родных, и окружающих, она всегда будет Рэмой.

После окончания МВТУ Фёдор получает направление на учёбу в Академию связи имени Будённого в Ленинград. Семья жила в общежитии, окна которого выходили на Поцелуев мост. В углу комнаты стояла большая голландская печь, на изразцах которой Фёдор, решая задачи, писал формулы. Здесь в 1935 году в семье появляется сын, которого называют Иллен (Ильич-Ленин).

А далее как у всех – война. Но первая трагедия происходит далеко от

фронта, в деревне Лежнево, что в 27 километрах от Иваново, куда к бабушке Фёдор отправил жену и детей. В доме тёщи Фёдора 7 ноября три женщины (мать и две дочери, Александра, жена Фёдора, и младшая Людмила) накрыли праздничный стол. К ним присоединились два офицера НКВД, квартировавшие в крыле этого же дома. Посидели, выпили, женщины разошлись спать. Александра с Рэмой спали на одной кровати. Людмила легла в своей комнате. А офицеры продолжали шумное празднование. Один из них стал стучать в дверь к Людмиле, требуя, чтобы она вышла к нему. Девушка не открывала. Офицер не успокаивался. Сквозь сон Рэма услышала слова матери: "Пойду разберусь". Через какое-то время девочка проснулась от того, что рядом не было тёплого тела матери. Она слезла с постели и на пороге комнаты увидела лежащее тело. Судя по всему, Александра, решив угомонить гостя, вышла... и получила пулю. Сам офицер после этого тоже застрелился. Детям сначала не сказали, что мать погибла. Говорили, что она в больнице в Иваново, и даже привозили Рэме "от мамы" записки. Фёдор появился на сороковины. С горя хотел даже застрелиться. Тёща отняла оружие.

В войну Фёдор на Волховском, Карельском и Ленинградском фронтах в 53-й армии Мерецкого. Был начальником штаба связи. Участвовал в освобождении Великого Новгорода и первым въехал в него на мотоцикле. Награждён орденом Красной Звезды, Отечественной войны всех степеней, медалями "За боевые заслуги", "За отвагу".

После войны Фёдор возвращается в Ленинград и становится начальником ОКБ НИИ-17 радиолокационного оборудования. В один из дней ему раздался звонок от Гризодубовой. Легендарная летчица, Герой Советского Союза, полковник В. С. Гризодубова работала тогда в гражданской авиации заместителем начальника московского НИИ-17 (позднее Институт приборостроения) по лётной части. Её подразделение проводило испытания радиоэлектронной аппаратуры для Военно-воздушных сил и гражданской авиации. Фёдор был с ней знаком и дружил ещё с войны. Разговор был короткий: "Немедленно приезжайте в НИИ в Москву!"

Домой в Ленинград Фёдор уже не вернулся. Зная, что в Ленинграде готовится волна арестов и понимая, что Фёдору грозит опасность, Гризодубова организовала его назначение в Новосибирск, где Фёдору Ивановичу предстояло стать основателем Сибирского научно-исследовательского института автоматики (п/я 54). Каким он был человеком и руководителем? Из Новосибирска "позвал к себе" несколько человек, те, оставив Ленинград, к нему приехали. Был случай: спас от суда своего бухгалтера, так вышло, отца будущего первого секретаря Ленинградского обкома партии Зайкова. Но никогда позже своим поступком и знакомством с семьёй Зайкова не пользовался.

В 1950 году "за внедрение в серийное производство новой радиоаппаратуры" Фёдор становится лауреатом Сталинской премии. Тогда же пишет диссертацию. С её защитой вышла особая история. Диссертация уже написана, но в Новосибирске защищать её негде. А тут ещё неожиданная напасть. Тема диссертации связана с изобретённым Фёдором реле, заинтересованность к которому проявили американцы, что, кроме осложнений и крупных неприятностей, в те времена принести не могло. Поэтому работа Фёдора Ивановича остаётся лежать под сукном. И лишь когда какому-то начальнику уже в собственной диссертации понадобилась официальная ссылка на его изобретение и соответственно диссертацию, была организована срочная защита в Томске, прошедшая успешно. Но, боясь продолжения неприятностей, Фёдор в 1956 году демобилизуется. Похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге.

Чем запомнился родственникам? В большой семье старший брат, к тому же самый "высокопоставленный" (фронтовик, орденосец, кандидат наук, лауреат премии), всегда претендовал на положение главного в роду. Его побаивались. Диктатор по натуре, хранитель патриархального порядка вещей, сталинист, не изменивший своих убеждений до конца жизни. Сделал песню "Волховская застольная", рождённую в 1943 году, своеобразным "гимном" семьи. Весьма знаменитую в годы войны, разошедшуюся по фронтам, эту песню в послесталинские годы убрали из эфира, она осталась разве что в ветеранских застольях. Он всегда исполнял её стоя и поднимал всех сидящих за столом. Было впечатление, что причиной служил последний куплет:

*Выпьем за то, чтоб ещё крепче стали мы,
Выпьем за то, чем живём.
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем — и снова нальём!*

Я специально завершаю рассказ о Фёдоре на застольях не для того, чтобы подчеркнуть разницу в отношениях двух орденоносцев и лауреатов к Сталину (не зря чуть раньше заметил, что у каждого своя судьба, и история страны каждым видится по-разному), а исключительно из желания понять странные слова Гранина: “Жили весело. Оттого, что нить жизни легко рвалась в те годы, от этого спешили радоваться, гуляли крепко, бояться как следует ещё не научились, поэтому гостей много было и сами в гости ходили”.

Вглядываясь в жизнь Фёдора Ивановича, я и сейчас затрудняюсь определить, можно ли её назвать счастливой, отличался ли Фёдор удачливостью, и вообще, был ли он при рождении желанным младенцем. Другое дело Даниил Гранин, счастливо ведающий, что “был желанным, и это не раз помогало ему, наделило его способностями, здоровьем, я бы даже сказал, удачливостью”.

Несомненные способности и удачливость позволяли Гранину, спокойно принимая награды от Советской и постсоветской власти, без суеты взирать на “хамство как неотъемлемое качество власти сверху донизу”. И предваряя резонный читательский вопрос “почему?”, он даёт любопытное объяснение со ссылкой на Германа Хафнера, специалиста по античности: “Подданный римского императора должен не думать о том, как выглядит его владыка, а с благоговением ощущать свою ничтожность”.

Кто-то предположит, что интерес Гранина к прошлому подогрет банальной ностальгией и недовольством сегодняшним днём. Отчасти готов с этим согласиться. Но есть, как мне кажется, более глубинная мотивировка. И она опять же проистекает из дней давно минувших. Об её истоках можно прочесть у Гранина в “клочке”, где он вспоминает историю после первой своей публикации — рассказа в журнале “Резец” — о неудачной попытке записаться в библиотеку Дома писателей. Писатель по сию пору уверен, что жар юношеской клятвы, принесённой будущему, должны помнить мраморные ступени Шереметьевского особняка: “...помню, как, спускаясь по лестнице, я покаялся, что вернусь сюда победителем, они ещё пожалеют, они ещё устыдятся... Извините, что посягнул на ваш заповедник, говна пирога.

— Я вернусь! Вы ещё пожалеете! Вы увидите, я въеду сюда на белом коне!”

Как тут не согласиться с Граниним, страницей ранее написавшим: “У каждого своё пережитое...”

Казалось бы, можно порадоваться за Гранина: в конце концов он въехал на белом коне и отнюдь не только в библиотеку Дома писателей. Но почему тогда, чем дальше переворачиваешь страницы его книги, тем чаще возникает странное чувство дискомфорта, непонимания, а с кем, собственно, ты, читатель, ведёшь внутренний диалог: с автором книги, с вполне конкретными людьми, чьи фамилии Гранин обозначает, или с анонимными персонажами, чьи слова то закавычены, то начинаются с тире (то есть обозначено, что это тоже, надо понимать, сказано кем-то), то даны без всякого “оформления”. Особенно когда перед тобой случаи, когда автора тянет на философские обобщения. Вот и гадаешь, то ли это пассаж “за кого-то”, то ли авторское размышление-утверждение: “Сократ утверждал, что лучше перетерпеть несправедливость, чем самому быть несправедливым. Как бы не так, а если я могу отсудить себе квартиру, даже комнату в коммуналке? Никакой Сократ меня не остановит. Потому что я ему докажу, что я прав, что это вполне справедливо — отсудить себе комнату, мне она нужнее”.

Во всяком случае, мысль, выраженная здесь, совершенно соответствует тем упомянутым советам-рекомендациям, какими Гранин щедро делится с читателями книги.

Расположив на страницах книги вперемешку смешное и трагическое, сложное и простое, отказавшись от сюжета, хронологии и даже тематической композиции, Гранин, похоже, полагал, что внимательный и наблюдательный читатель сможет составить своё собственное представление о том, как делалась история, какими средствами, какие преступления при этом совершались, что могло быть сделано, что не могло быть сделано, какие люди стоя-

ли у власти, чем руководствовались они в своём житье-бытье. Но, на мой взгляд, писатель не смог совладать с выбранным жанром “клочков”, с очевидной выхваченностью фраз из контекста. У этой формы оказалось коварное свойство. Читатель вынужден сопоставлять и сравнивать. Вот воспроизводит Гранин очередной афоризм не отличавшегося культурой В. Черномырдина: “Мы можем многого добиться, если не будем заниматься реформами”, предлагая читателю вроде бы горько посмеяться. И почти тут же на одной из страниц приводит собственный: “Много знаний теснят ум”. А потом на другой “кнопочкой прикрепляет” ещё один: “Нам надоели банальности, но без них не обойтись, мы больше страдаем от новаций”. И как должен воспринимать читатель после этого самого Гранина?

Ладно, Гранина... Как умудрённый жизнью писатель предлагает воспринимать прожитые им годы? Как мифы Древней Греции? Как эпоху, богатую на душераздирающие трагедии титанических героев? Как прошлое, где царили всесильные небожители, наплевавшие на свой народ?

Принять за ответ очередной афоризм без авторства: *“– Прежде мы не знали, куда мы движемся, теперь мы не знаем, где мы?”* Или согласиться с развёрнутым ответом, исходящим от Гранина: *“... Вера в коммунизм возвышала. И те, кто прожили свою жизнь, исполненные веры в мировую революцию, в царство справедливости, в миссию советской страны, – они жили великой красивой целью. Что же это – плохо? Извините, может, отнюдь не хуже, чем жить в горечи разочарования и опустошённой души”*?

Но почему тогда сам писатель это “отнюдь не хуже” клеймит буквально на каждой странице, где речь заходит о тех, кто вёл народ “в царство справедливости”? И клеймит совершенно заслуженно и обоснованно. Довелось много слышать и читать о “великом маршале” К. Ворошилове, но не достаточно ли эпизода (о котором я знал и раньше), где Гранин рассказывает о его “программе” подготовки к уличным боям в Ленинграде с пиками, кипятком и горячим варом, чтобы понять уровень руководителя, бывшего тогда председателем Комитета обороны при СНК СССР.

И подобных эпизодов, рисующих картину управления страной партийными функционерами, в книге предостаточно. Картину, из которой становится ясным, кто начал разваливать страну, которая и сегодня Гранину милее.

...Наша следующая “командировка” с женой была в Нижний Новгород. Там среди наших родственников корабельцы с берегов Волги, создатели морских атомных субмарин. И вот сидим, слушаем одного из ведущих конструкторов “Скатов” и “Барракуд”, пережившего развал страны и своего ЦКБ “Лазурит”, полуслепшего, получившего совсем недавно, к юбилею, премию в одну тысячу рублей. Рассматриваем домашние фотографии. В них история проектов, рождённых конструкторами ЦКБ, за которыми видна история некогда сильного государства. Вот поход на подводной лодке в автономное плавание на 3, 5 месяца почти до Северного полюса, потом в Атлантический океан – было чем гордиться! Беседуем о том, что стало. Это уже другой период жизни, постсоветский. Тут больше горечи, и личной, и за страну.

Гранинская книга тоже не обходит стороной сегодняшний день, хотя, говоря о нём, писатель менее красноречив, “кочки” на эту тему какие-то невзрачные и непояснённые, словно фотографии без нужной резкости: *“Они составили заговор. Зомбировать всю Россию. Чтобы проще управлять. Сделать из нас быдло. Изготовить стадо, скотов, полезную безмолвную, послушную скотину. С помощью ТВ. Пусть после работы сидят перед экраном и смотрят, как истязают, убивают, ловят, судят. Кругом бандиты. Садисты. Маньяки... Таким образом нагоним страх. Без страха нельзя. Во всяком случае, не дадим думать. Никакой пищи для размышлений. Мозговую активность прекратить”*.

Кто эти “они”? И вообще, идёт здесь речь о лихих 90-х или о нынешнем дне? Или Гранин не видит разницы? И как в таком случае он из рук заговорщиков принимает орден Святого Андрея Первозванного и “За заслуги перед Отечеством”, премию Президента РФ в области литературы и искусства и не признаётся: “Мне было обидно”? Надо полагать, справедливы его афористичные истории, мысли и эмоции, из которых складывается “картинка, противоречивая и неоднозначная, как сама жизнь”: “Люди легко обходятся той порядочностью, которой обладают” и “Всегда интересен тот, кто молчит”.

Кстати, последняя максима невольно заставляет вспомнить вполне конкретный “клочок” про встречу писателя в 2008 году с В. В. Путиным. Сюжет,

примечательный даже не содержанием монолога Гранина на тему, что подрастает владеющее компьютером поколение “невоспитанных грубых хамов, говорящих на уродливом русском языке, отвыкших писать, да и читать, они могут не знать уже, в каком веке жил Пушкин и что он написал — то ли “Героя нашего времени”, то ли “Анну Каренину”. И это вполне устраивает владельца фирмы, да и руководителя муниципалитета. Так мы будем жить ещё ближайшие годы”.

Примечательный реакцией (вернее, отсутствием реакции) на услышанное со стороны Владимира Владимировича. Гранин пишет: “Мне показалось, что Президент был согласен, во всяком случае, он не возражал”. Но диалога тем не менее не произошло. Видимо, по протоколу он не предполагался или не полагался.

Вряд ли именно по этой причине сегодня Гранину милее времена СССР. Да и на дворе уже стоял как-никак 2008 год. Какие могли быть иллюзии! К тому же Даниил Александрович никогда наивностью не отличался. Поэтому никаких обид не выразил. Так что, напомним, слова Сократа “лучше перетерпеть” и Германа Хафнера про подданного, который должен “с благоговением ощущать свою ничтожность”, приведены в книге Гранина не зря.

И опять я не из стремления выпятить разницу в отношении к власти у двух состоявшихся в своём деле людей, а исключительно из желания понять странные слова Гранина: “Каждый новый президент был по-своему хорош”, не могу не предложить свой вполне конкретный “клочок”, привезённый из Нижнего Новгорода.

Пятью годами раньше встречи Гранина с Президентом в среде нижегородских корабелов-подводников родилась и пелась на музыку гимна “народная песня” со словами, поразительно заглянувшими в будущее. Я списал их:

*Распался навеки союз нерушимый,
Стоит на распутье великая Русь.
Но долго ли будет она неделимой,
Я этого вам предсказать не берусь.
К свободному рынку от жизни хреновой,
Спустившись с вершин коммунизма, народ
Под флагом трёхцветным с орлом двухголовым
И гимном советским шагает вразброд.*

*Припев: Славься, Отечество наше привольное,
Славься, послушный российский народ,
Что постоянно меняет символику
И не имеет важнее забот.*

*Когда-то под царскою властью мы жили,
Но вот наступила заря Октября.
Мы били буржуев и церкви крушили,
А также поставили к стенке царя.
Потом его кости в болоте достали,
Отправили в Питер на вечный покой.
Простите, товарищи Ленин и Сталин,
За то, что дошли мы до жизни такой.*

*Сегодня усердно мы Господа славим
И ленинским молимся славным мощам,
Дзержинского скоро на место поставим
Затем, чтобы нас не пугал по ночам.
Мы всем офицерам дадим по квартире,
И пенсии выплатим всем старикам,
И всех террористов замочим в сортире,
И всем олигархам дадим по мозгам.*

*Коррупционеров засадим в Бутырку,
Чтоб знали, насколько закон наш суров.*

*Мы выдадим всем мужикам по бутылке,
А бабам на выбор дадим мужиков.
Мы время теряли в борьбе и тревоге,
Но нынче мы снова на верном пути.
Вот только б опять дураки и дороги
Нам не помешали до цели дойти.*

Две последние строчки этого “протестного” гимна нижегородских военноморских атомщиков о дорогах, которыми мы идём или нас ведут (кому как больше нравится), живо напомнили мне первые минуты недавнего пребывания на питерской земле. Мы только вышли тогда из здания вокзала на площадь и первое, что увидели – огромный баннер, на котором был помещён известный слоган избирательной кампании “Единой России”: “Будущее за нами!” И то ли величина букв, бьющая в глаза, то ли эмоции благополучного прибытия, но я остановился и спросил сам себя: “За нами – это что, сзади?” Нет, мне был понятен ход рекламной мысли, шедшей от известных слов “Победа будет за нами!” Но там присутствовал глагол будущего времени, который не позволял возникнуть тому, что называется амфиболией – двусмысленностью, получающейся от неудачного употребления или расположения слов. Здесь же необходимый глагол отсутствовал, и вся суть переключалась в предлог “за”.

В результате получилось что-то вроде распространённого крылатого выражения “Казнить нельзя помиловать”. Я решил перепроверить себя и обратился к знакомому французу за разъяснением, как он понимает смысл фразы “Будущее за нами!” Логика обращения к иностранцу была простой – мне хотелось узнать, как понимаются эти три слова в первом, самом непосредственном, прямом восприятии. Я оказался прав, приятель махнул рукой себе за спину: “Это там...” Получалось, партийный слоган, имеющий предназначение звать вперёд, разворачивал народ назад, в прошлое.

Но это ещё не всё. Двумя смыслами не обошлось. Чуть позже я увидел предвыборный плакат с тем же слоганом, по обеим сторонам которого располагались фотографии Путина и Медведева. И тут уже возник третий смысл, из которого становилось понятным, у кого это будущее будет всенепрерывнейше, а у кого (у электората, кому, собственно, плакат адресован) оно как бы останется под вопросом. Что и говорить, неисповедимы пути и дела рекламные! Тут и старика Фрейда поминать излишне.

Однако вернёмся к книге Гранина. У меня отношение к ней тоже очень даже не однозначное. Немало “клочков”, в которых штрихи времени воссоздают, на мой взгляд, точную и честную картину нашей жизни, когда, “всегда живя на пороге прекрасного будущего”, этого самого порога мы никогда не переступали. Чего стоит “клочок”, в котором личная драма высвечивает драму страны, где мы родились, живём и которую, как известно, никому не дано выбирать:

“Николай Антонович пришёл ко мне за советом. Студентом он донёс на Анечку, лаборантку, за то, что она плохо говорила о Жданове. Её выгнали из института. Спустя двадцать лет он встретил её. Она не узнала его. У них завязался роман. Хочет жениться и боится признаться”.

Как фотографически точны сцены “изъятия” специального замка для дверей членов Политбюро в момент снятия Фурцевой в брежневские времена и традиционного, принятого как норма, хамства по отношению к только что снятому с поста секретаря Московского горкома Гришину в пору большого демократа и либерала Ельцина:

“После заседания члены бюро направились в их ход. Мальчики остановили Гришину – “вам сюда!”, показали на общий выход. Гришин по общему ходу вышел на улицу. Подъезжает обыкновенная чёрная “Волга”. “Это вам”, – говорит шофёр.

Первым делом – отобрать, лишить. Самая срочная мера”.

Если бы наши современные менеджеры от политики с таким усердием боролись с коррупцией, способствовали развитию высокотехнологичных производств, занимались модернизацией экономики России и решали социальные проблемы бытия людей, для которых выборы проводятся, но у кого выбора нет.

Впрочем, не зря говорят, что за кого ни голосуй – всё равно получишь таких правителей, которых заслуживаешь. Далекое за примером ходить не надо:

“Врач говорила со мной таким тоном, когда не ждут ответа, как говорят с собаками”.

Современный политический словарь к сегодняшнему дню обогатился новым сравнением: *как говорят с “бандерлогами”*. Слово, рождённое на рубеже XIX–XX веков, вдруг зазвучало с трибуны и на митингах XXI века. Такие вот времена. Гранин, чья книга как раз о времени и о себе, по поводу первой части ограничился китайским изречением: *“Время позади нас, время впереди нас, только с нами нет его”*. Даже не соглашаясь с этой максимой (не спорить же с китайцами, читая книгу Гранина, тем более не ведая, согласен писатель с ними или нет), нельзя не признать, что время – штука коварная.

Не спрашивая нас, оно заставляет одних бежать вперёд, добиваться успеха, признания, власти в конце концов. Однако, как давно заметили люди, всё бы хорошо, вот только, оглядываясь назад на прожитое, очень часто мы понимаем, что многое отброшено в сторону и нет самого главного в жизни – счастья. Его не измеришь метрами, килограммами, не повесишь вместо ордена, не предъявишь другим. Его вообще редко замечаешь, когда оно есть, но сразу чувствуешь, как только оно исчезает. Незримое, нематериальное, но такое ценное, что дороже денег, золота. Считается, что время никого не красит – не уверен. Зато соглашусь с тем, что время, увы, не всем прибавляет разума. Другими словами, частенько приходится видеть: до седых волос дожил, ума не нашёл.

Даниилу Гранину в уме не откажешь. Но, читая его по сути автобиографическую книгу, понимаешь, что счастьем талантливый человек обделён. Так что напрасно издательство приписало ему “набор лучших человеческих качеств”. Книга, как мы убедились, не смогла скрыть их отсутствие. *“Автобиографии знакомых людей читать интересно – видишь, как автор представляет себя и свою жизнь, а ты знаешь его другим. Этой разницей можно мерить нравственность человека”*, – эти слова принадлежат самому Даниилу Александровичу. Правильные слова. И “странные сближения”, воспользуясь пушкинским выражением, разных судеб, обозначенные в этой статье, лишь подтверждают тот факт, что в названии гранинской книги присутствует двусмысленность, подобная той, что есть в известном слогане избирательной кампании “Единой России”. В жизни страны, если по правде, “всё было не совсем так”, как попытался изобразить прославленный писатель в своей книге “Всё было не совсем так”.

Всё было куда проще и сложнее одновременно. Проще – потому что одну веру отняли, другую подсунили, а совсем без веры жить – это худая жизнь.

Сложнее – потому что люди, и те, кто почитал, и те, кто ненавидел Сталина, о насущных делах тем не менее не забывали. Жили без оглядки на китайцев, древних греков и индусов, Б. Брехта, О. Хайяма и Б. Паскаля, Сталина и Молотова: хлеб растили и детей кормили, картошку сажали и худую крышу латали, корову за околицу выводили и по заводскому гудку на работу вставали.

Как могли, как своим умом понимали, трудились. Чтобы потом кому-то можно было и о ресторанах думать. Да, одни любили, другие проклинали. Одни, поднимаясь в атаку из окопа, кричали: “За Родину! За Сталина!”, другие рвали глотки одним звуком: “А-а-а-а-а-а!”, а третьи, как могли и умели, материли всех и вся. Всё как сегодня. Одни кричат: “За Путина!”, другие рвут глотки на митингах, а третьи, как могут и умеют, матерят всех и вся.

Сталина уже более полувека нет, а мы его “поделить” не можем, на какую полку истории положить, не знаем. Так и живём: одни космические корабли выдумывают, другие копают глубже, кидают дальше. И это не демагогия, это жизнь, в которой всё всегда совсем не просто, а сложно. И что, так и будем жить нескончаемой гражданской войной?

Тут бы известному писателю и спросить себя и других: “Почему так живём?” Жаль, ответа на этот вопрос в книге не найдёшь. До каких пор делить и материть друг друга будем?

Если уж говорить о временах и вникать в то, что было, что есть и что будет, придётся сказать: было не хуже, стало не лучше, или (выбирайте сами) было не лучше, стало не хуже. Всё повторяется, поэтому среди лозунгов, принесённых на проспекте Академика Сахарова, был один, вспомнивший классику: “Бывали хуже времена, но не было подлей!”.

Перед тем как закрыть книгу Гранина, я напоследок перечитал “клочок” о Молотове, который после смерти Сталина *“прожил ещё 41 год! Бог ты мой –*

целую жизнь! Было время объясниться с Историей, поправить себя, оставить какую-то ясность. Нет, не захотел. Все, что делал, правильно, честно, мудро, иначе было нельзя, никаких покаяний, фиг вам!” Интересно, понимает ли Гранин, что сказанное им о другом человеке невольно проецируются на него самого?

Но мне не хочется завершать на этом разговор о книге писателя, который по сию пору убеждён: “Мне достался мир постоянно воюющий, суровый, где мало улыбок, много хмурого, мало солнца. Обилие талантов и запретов. Я попал в него не в лучшую пору. В этом мире мне тем не менее повезло. Мне достались времена трагические, весьма исторические, главное же, от них осталось сокровенное чувство счастья – уцелел!”

Тут самое время продолжить фразу, прозвучавшую у меня в самом начале: “у каждого своя судьба и история страны каждым видится по-разному”, – у каждого и свои понимание и восприятие счастья.

Перебирая запасы жизненных впечатлений, Гранин пишет: “Рассказывая о себе, люди творят, рисуют свою жизнь, причём не обязательно выгодно, не всегда приукрашивают, кое-что утаивают, кое-что оправдывают. Бывает и самоуничтожение, и это тоже не случайно. Вообще, кроме содержания, интересен ещё и язык автопортрета, голос, интонация, мимика”. “Магия появления героя состоит в том, что человек появляется из ничего”. Я со всем сказанным тут соглашусь, да и собрание гранинских “клочков” это подтверждает. Разве что сделаю оговорку: из ничего Человек не появляется, появляется такое же ничего. Это как в математике – при умножении на ноль в результате только ноль. Язык Гранина, его голос, интонация, мимика, какие мы видим и слышим в книге “Всё было не совсем так”, – тому свидетельство.

Поэтому в финале я вновь открою давнюю книгу жены и перечитаю строки: “За каждым из документов судьба близких мне людей и... история моей страны. Я знаю хронологию событий минувшей войны, имена героев, но оттого, что среди отстоявших Москву были и мои мама с папой, события полувековой давности отзываются во мне, они коснулись моей семьи. История страны в конечном итоге складывается из личной истории каждого из нас. Государство – это по сути своей мы сами. Долг, совесть, верность, честь, достоинство российского человека – гражданина и семьянина – обретают свою реальность в самых что ни на есть конкретных проявлениях: как мы выбираем свои жизненные позиции и как на них стоим. Успеть бы всё расспросить у тех, кто жил, когда нас не было на свете. Суметь бы рассказать всё без прикрас живущим после нас.

Пока близкие рядом, кажется, что ещё успеешь послушаться их рассказов, и не спешишь задавать вопросы. И только когда лишишься их, начинаешь понимать, как много ты не знаешь о самых любимых тобою людях. И гнетёт мысль, что по твоей вине слабеет нить времён, что связывает прошлое с настоящим и будущим”.

Мне по-человечески эти слова ближе.

Поздравляем давнего друга нашего журнала и его постоянного автора Ямиля Мустафина с 85-летием!

Высоко ценим его вклад в литературную жизнь Советской эпохи и последних десятилетий, а также в дело взаимопонимания между православными и мусульманскими народами России.

Доброго здоровья тебе и новых литературных успехов, Ямил Мустафьевич!

АННА ФЕДОРЕЦ

ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ЖИВОПИСИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА НЕСТЕРОВА

К 150-летию юбилею со дня рождения художника

Русское искусство второй половины XIX — начала XX столетий развивалось под мощным влиянием московского купечества — его вкусов, пристрастий, мировидения, культуры. Вклад всего нескольких десятков коммерсантов из “второй столицы” Империи был настолько велик, что сегодня трудно представить себе его истинные масштабы. Образованный класс современной России так или иначе знает о железных дорогах и предприятиях, построенных усилиями купцов. Кто не слышал о купеческом меценатстве и благотворительности, размах которых поражает современного человека? Но по сию пору очень немногие задумываются над тем, сколь сильный и благодатный отпечаток оставило предпринимательское сообщество старой России на современной ему культурной жизни. Он виден повсюду: в архитектуре, литературе, театре, науке! Не избежала его, конечно, и живопись.

Сказанное относится к таким гигантам купеческого мира, как П. М. Третьяков, С. И. Мамонтов, С. Т. Морозов. Но невозможно, неправильно было бы ограничиться только этими, поистине титаническими, личностями. Их деятельность представляет собою всего лишь самые заметные вершины в обширном горном кряже купеческого воздействия на художественный мир дореволюционной России. Относится оно и к менее заметным в финансовом смысле фигурам, оказавшим, тем не менее, громадное влияние на умы современников. И речь идет не только о меценатстве и коллекционировании живописи. Порою выходец из купеческого сословия сам становился за мольберт и начинал говорить на языке живописи, выражая идеи и эмоции всей своей немотствующей среды. Один из таких людей — по призванию художник, а по происхождению уфимский купец — Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942).

Тема русской святости — одна из центральных в творчестве М. В. Нестерова.

На склоне лет, обзревая пройденный путь, художник писал: “Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им скромный пейзаж, человека, живущего внутренней духовной жизнью в объятиях нашей матушки-природы”. Стремление передавать глубинную суть человека, его живую связь с Богом отразилось в череде полотен М. В. Нестерова из жизни русских

святых. Таково, например, изображение Преподобного Пафнутия Боровского, сидящего с дочкой на берегу озера возле срубленной им церковки (1890). Или, скажем, — Благоверного князя Александра Невского, молитвенно склонившего голову перед иконой Богоматери (1895). Или старца Авраамия, в раздумье глядящего в тёмные, пока ещё тихие озерные воды (1916)...

Особенно любовно Михаил Васильевич относился к Святому Преподобному Сергию Радонежскому (до пострижения — Варфоломею).

Всякому образованному русскому человеку известно “Видение отроку Варфоломею”. Полотно иллюстрирует один из ключевых эпизодов жития Преподобного Сергия — момент его встречи с черноризцем, предсказавшим великую будущность святого. На этой картине, быть может, лучшей из всех вещей Нестерова, художник в полной мере отразил собственное христианское чувство, свою живую веру. Однако не все знают, что эта живописная работа Нестерова — безусловно, ярчайшая, но не единственная в своем роде. На протяжении многих лет Михаил Васильевич упорно стремился в полной мере воссоздать облик Сергия, постичь все грани его святости, самую суть его молитвенного делания, преобразившего Русь, — и выразить при помощи красок то, что невозможно передать словами. В результате художник создал целую серию картин, посвященных Радонежскому чудотворцу. “Видение отроку Варфоломею” стало первой из них.

Каждый раз, обращаясь к житиям святых, Нестеров заново решал непростую творческую задачу: как показать невидимую, но прочную мистическую связь между героем жития и Богом. Всякий раз, удачно решив очередную задачу, художник... словно бы терял интерес к уже изображенной личности. Не так было с Сергием Радонежским — облик этого святого, будто магнит, притягивал к себе мысли художника. Нестеров снова и снова обращался к личности великого старца. Медленно, осторожно, любовно рассматривал его со всех сторон — как драгоценный живой бриллиант. Не зря, видимо, на нестеровских полотнах Радонежский чудотворец предстает во всех возрастах: и ребенком, и юношей, и зрелым мужчиной, и пожилым человеком.

Каковы корни столь пристального интереса художника именно к этому святому?

Михаил Васильевич писал в воспоминаниях: образ Сергия Радонежского “...пользовался у нас в семье особой любовью и почитанием”. В детские годы этот святой “был нам близок, входил... в обиход нашей духовной жизни”. Такое отношение не удивительно — в повседневном существовании купеческой среды, выходящем из которой был Нестеров, вера занимала одно из ключевых мест. Но одной лишь “домашней привычкой”, унаследованной от детских и отроческих лет, объяснить особую тягу к Сергию у Нестерова невозможно.

Особое значение для художника этот святой обрел намного позже — когда Михаил Васильевич находился в мучительных поисках самобытного творческого пути. Найти этот путь художник сумел, познакомившись с подмосковной усадьбой Абрамцево, с ее постоянными обитателями — и зачарованными абрамцевскими лесами.

Абрамцево в то время принадлежало крупному предпринимателю и меценату Савве Ивановичу Мамонтову. На протяжении многих лет здесь концентрировались лучшие художественные силы всей Москвы — да и не только Москвы. Здесь гостили И. Е. Репин и В. Д. Polenov, В. М. Васнецов и М. М. Антонковский, И. И. Левитан и М. А. Врубель, а также другие крупные деятели художественного мира. В литературе это объединение принято называть Абрамцевским художественным кружком.

Впервые попав в Абрамцево, Нестеров окунулся в новый мир. Усадьба расположена неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. С XV века по этой местности пролегла дорога “на Троицкое богомолье”, по которой совершали паломнические шествия к обители и государи московские, и простые люди. В здешних лесах и озерах, полях и реках, холмах и церковках “Сергиевский дух” чувствовался сильнее, чем в любом другом уголке России. Сама абрамцевская земля, казалось, помнила Преподобного Сергия. Помнила, как вместе с братом Стефаном ходил он по здешним светлым рошицам, темным чащобам и солнечным полянам в поисках места для будущего монастыря. “Они исходили много лесов и наконец пришли в одно пустынное место в чаще леса, где бил источник воды. Братья обошли то место и полюбили его, ибо Бог

направлял их”, — так писал в житии святого его младший современник, Епифаний Премудрый.

Богатство природы и близость Сергиевой обители в эпоху расцвета Абрамцева удачно дополнялись атмосферой со-творчества супругов С. И. и Е. Г. Мамонтовых, а также гостивших в их доме художников, столь непохожих друг на друга творческою манерой. Плоды их работы преобразили усадьбу. Это и храм Спаса Нерукотворного образа, возведенный по эскизам В. Д. Поленова и В. М. Васнецова. Это и иконы, написанные художниками для иконостаса этого храма, в их числе — образ Сергия Радонежского кисти В. М. Васнецова. Новый взгляд на изображение русских святых, в первую очередь Сергия Радонежского, был предложен хозяйкой усадьбы, Елизаветой Григорьевной Мамонтовой, и подхвачен художниками.

Всё это подействовало на творческий стиль формирующегося художника. Особенное влияние на Михаила Васильевича оказали идеи Е. Г. Мамонтовой. Вместе с подругой Е. Д. Поленовой Мамонтова собрала богатый материал о русской святости. “Собирая для библиотеки... иллюстрации к житиям святых, они убедились в преобладании пошлых, бездарных картинок, редко попадались вещи, проникнутые народным духом. Захотелось в эту отрасль внести больше художественности и непосредственности. Особенно заинтересовала Елизавету Григорьевну мысль об иллюстрации жизни русских святых в связи с их родной обстановкой и природой... Стали читать жития русских святых, покупать печатные тексты с картинками, изображающими главные моменты их жизни, и в первую очередь остановились на Преподобном Сергии”, — вспоминала Н. В. Поленова, родственница хозяев усадьбы и жена художника В. Д. Поленова.

Возвышенная атмосфера Абрамцева, а также общее стремление возродить национальное начало в русском искусстве вдохновили Нестерова. Он получил богатейший материал для размышлений и переживаний. В итоге именно здесь, в Абрамцеве, Михаил Васильевич создал лучшую из своих вещей — “Видение отроку Варфоломею”.

Но прежде, чем написать ее, художник коренным образом изменил свое видение живописи.

Начинал он совсем иначе...

Раннее творчество Нестерова полностью соответствует реалистическим традициям передвижников. Сначала художник изображает современный ему быт, потом пишет картины на темы из русской истории. Одновременно подрабатывает иллюстрированием русских сказок и здесь, в прекрасном мире сказочной мистики, ищет собственный стиль. Н. В. Поленова отмечает, что до посещения Абрамцева (1888) Нестеров “...не мог найти себя. Работая над иллюстрациями русских сказок по заказу издателя Ступина, он желал сделать нечто русское, оригинальное, но у него не хватало материала, ни художественного, ни научного, получалось что-то театральное и неискреннее”.

По мере погружения Нестерова в творческую атмосферу Абрамцева образ Сергия Радонежского всё более завладевает умом и воображением художника. В окрестностях Абрамцева, Сергиева Посада, Хотькова художник искал подходящие лица и природу, изучал биографию Сергия Радонежского, приметы его эпохи. Как свидетельствует сын владельца усадьбы, В. С. Мамонтов, первые значительные произведения художника — “Пустынный” и знаменитое “Видение отроку Варфоломею” — написаны “...под влиянием абрамцевских пейзажей и абрамцевской церковки”. О том же пишет и сам художник: “...однажды с террасы абрамцевского дома совершенно неожиданно моим глазам представилась такая русская, русская осенняя красота. Слева холмы, под ними вьется речка (аксаковская Воря). Там где-то розоватые осенние дали, поднимается дымок, ближе — капустные малахитовые огороды, справа — золотистая роща. Кое-что изменить, что-то добавить, и фон для моего “Варфоломея” такой, что лучше не выдумать. И я принялся за этюд. Он удался, а главное, я, смотря на этот пейзаж, им любуюсь и работая свой этюд, проникаю каким-то особым чувством “подлинности”, историчности его”.

Именно здесь, в Абрамцеве, Михаил Васильевич нашел, наконец, свое призвание.

На рубеже 1880–1890-х годов обозначается разрыв Нестерова с традициями передвижничества, его переход от светской реалистической живописи

к живописи религиозно-мистической. Первый, сугубо реалистический этап его творчества находит там наиболее полное воплощение и... заканчивается. Начинается этап новый – агиографический. Сначала робко, потом все более и более уверенно, Нестеров следует по найденному художественному пути – и получает громкое признание.

Как уже говорилось, первую славу Нестерову принесли “Пустынник” (1889) и “Видение отроку Варфоломею” (1890). Сперва одну, а потом и другую картину приобрел Павел Михайлович Третьяков, составлявший крупнейшую в России галерею русской живописи. Это дало Нестерову не только довольно крупную сумму, но и своеобразный “знак качества” – одобрение авторитетнейшего ценителя живописи. Однако судьба у картин оказалась разная.

“Пустынника”, выставленного на 17-й Передвижной художественной выставке, хорошо приняли и молодые художники, и старые мастера-передвижники, и даже пресса. А вот “Видение отроку Варфоломею” вызвало среди современников Михаила Васильевича яростные споры. После того как Третьяков купил картину, она была выставлена в Петербурге, на 18-й Передвижной выставке. От картины, от ее принятия или непринятия корифеями передвижничества зависело, примут ли Нестерова в члены Товарищества передвижных художественных выставок, или нет. В передвижники Нестерова приняли, хотя и не без сопротивления со стороны вождей передвижничества. Полотно подверглось ожесточенным нападкам со стороны художника Г. Г. Мясоедова, художественного критика В. В. Стасова и других корифеев. Они даже пытались уговорить Третьякова, уже купившего это полотно, отказаться от “ошибочного” приобретения. Павел Михайлович от картины отказываться не стал: у него были свои критерии оценки художественных произведений, о которых будет сказано чуть позже. Но... в чем же разница между двумя картинами, написанными с промежутком в один год?

Чтобы понять это, следует со вниманием приглядеться к картинам.

Нестеровский “Пустынник” написан предельно просто и реалистично. Скупой серенький свет. Узкая полоса низкого, набухшего от сырости неба над буровато-серым лесом, над гладким свинцом озерных вод. Первый снег, зацепившийся за жесткую щетину жухнувшей травы. Одинокая молодая ёлочка на переднем плане. И – две гугче-красных рябиновых грозди, словно подчеркивающих холодную невзрачность красок поздней осени. Нестеров вывел на полотне типичный, ничем не особенно ярким не украшенный пейзаж средней полосы России. Сколь разительным контрастом на этом унылом фоне сморщится фигура старца! Краски те же: серый, бурый, черный. Но какое внутреннее сияние исходит от лица отшельника, какой теплой улыбкой озарено его доброе лицо, как светится приглушенное золото его бороды, лежащей на простой черной рясе!

Художник “нащупал” ту единственно верную грань между реальностью и мистикой, которую могли простить ему старшие коллеги-передвижники. Всё, что изображено на картине, – реально. Такие пейзажи, таких стариков, казалось, можно было случайно встретить в любом уголке России-матушки. Лишь то, что прячется между “строками” нестеровского послания – особое, торжественно-радостное настроение, разлитое по всей картине, – выдает христианский посыл художника. Да еще глаза старца, говорящие о внутренней работе души, – глаза, смотрящие и видящие не здешние предметы, – свидетельствуют о крепкой связи пустытника с Богом. Товарищи и коллеги Нестерова, ярко выраженные реалисты, подобное принять могли.

Не таков “Отрок Варфоломей”. Вроде бы те же любопытные ёлочки выглядывают из лиственного леса. Вроде бы то же белёсое небо – только не низкое и тяжелое, а высокое, лишенное малейшего намека на дождь – широкой полосой покоится над землей. Но это уже не тот скорбный русский пейзаж, который так часто можно увидеть в ненастное время года. Золото и багрянец ранней осени явственно проступают на полотне. Но лето еще не сдает своих позиций, еще радуется зеленым, еще расшивает золотое убранство луга мелкими голубыми и желтыми цветами. Широким охристым прямоугольником лежит на заднем плане поле. Вдоль неугомонной змейки серебристой реки, повторяя ее затейливые изгибы, тянется дорога. Природа замерла в ожидании чуда... и это чудо происходит на глазах у зрителя.

Апологеты передвижничества обсуждали между собой “Видение отроку Варфоломею”. Они говорили, что нестеровское полотно “. . . подрывает те “рационалистические” устои, которые с таким успехом укрепились правочерными передвижниками много лет”. Картину обвиняли в тяжких грехах. “Вредный мистицизм, отсутствие реального, этот нелепый круг (нимб) вокруг головы старика. . . Круг написан, так сказать, в фас, тогда как сама голова поставлена в профиль”. Сторонники реалистического направления в живописи картину “признали. . . вредной, даже опасной”. . . и дело не в одном только “неверно” изображенном нимбе.

“Пустынник” – это изображение земного, тленного мира. “Варфоломей” же – отражение мира небесного. Высшая, мистическая реальность прорывается в мир земной, наполняет его до краев, преобразует зрителя, делая его чище и совершеннее.

“Видение отроку Варфоломею” – больше чем картина. Это полотно тёплое, нарядное, глубоко символичное. . . как икона допетровских времен.

На картине нет ничего случайного, ничего лишнего. Всё, что здесь изображено, имеет мощный мистический подтекст. Нарядная деревянная церковка на заднем плане – это приходской храм, в котором Преподобный Сергей трижды возвестил свое будущее появление на свет, – и, одновременно, это прообраз будущей Лавры. Извилистая тропа – дорога, по которой он придет к храму. Могучий, раскидистый дуб – будущее, которое ожидает Варфоломея: сам Сергей, его многочисленные ученики и последователи преобразят устои русского монашества. Как это похоже на традиции иконописи – изображать на одной доске события прошлого, настоящего и будущего в столь тесном единстве, будто происходят они в один и тот же миг! Приближает картину к иконе и выбранная художником цветовая палитра. Охристо-желтый и нарядный багряный, голубовато-зеленый и богатый золотой в сочетании с беловато-бежевым фоном и коричнево-черным акцентом. Это нарядное сочетание красок было одним из излюбленных у древнерусских иконописцев. И оно ох как отличается от привычного вседневного колорита северо-восточной Руси!

Столь вольного обращения с реальностью собратья-передвижники Михаилу Васильевичу простить не смогли.

По сути, Нестеров передал на полотне эпизод из жития Преподобного Сергея. Передал, не пожертвовав ни единой деталью. Вековой дуб посреди поляны. Инок, достающий просфору. Варфоломей, юная душа которого томится в ожидании неведомого чуда. И в то же время. . . так гармонично, так красочно это послание, будто сама природа вывалась передать его в наш мир. Не словами жития, но эмоцией, прекрасным, преображённым состоянием родной природы художник сумел передать на полотне миг совершающегося чуда. Мгновение, когда божественный и земной миры соприкасаются, превращаясь в единое целое. То, на что в “Пустыннике” художник лишь намекает, в “Варфоломее” сказано напрямую.

Нет ничего удивительного в том, что “Видение отроку Варфоломею” вызвало столь яростный отпор со стороны старших передвижников. С точки зрения Стасова, Мясоедова и их сторонников Нестеров сделал шаг назад, к традициям академической живописи. Действительно, Нестеров, как, впрочем, и творивший одновременно с ним В. М. Васнецов, вернулся к мифологическим сюжетам. То есть к тому, от чего сами передвижники отреклись в пользу реализма.

Однако противники “Варфоломея” не заметили главного: мифологическая живопись в исполнении Нестерова, обогатившись национальными мотивами, поднялась на новую ступень, на качественно другой уровень “умозрения в красках”. Его картина стала настоящим прорывом в области отечественной религиозной живописи. В ней нет ни следования академическим шаблонам, ни надуманных сюжетов, ни вымученно-патетической композиции. Словом, ничего из того, что отдаляло полотно академического живописца не только от реальной русской жизни, но и от зрителя, этой жизнью живущего. Михаил Васильевич обратился к живому материалу, выбрал максимально близкий душе русского человека сюжет и облёк его в национальные одежды. Художник вдохнул в светскую живопись на религиозные темы новую жизнь, сделал ее ближе к людям – но отнюдь не за счет перехода к сугубому реализму. Он словно заставил зрителя воспарить над миром обыденности, стёр в его восприятии границу между реальным – и мистическим, между картиной – и иконой.

“Видение отроку Варфоломею” встало поперек горла одной части русского образованного общества — и, одновременно, явилось тем событием, которого очень долго ждала другая его часть.

Середина XIX столетия, особенно 1860-е годы, — сложный период для Русской Православной Церкви. На это время пришелся сильный упадок религиозности, в результате которого Церковь лишилась не только многих прихожан, но и, в значительной мере, общественных симпатий. Дворянская верхушка исповедовала частью задиристый атеизм, частью же конфессиональный индифферентизм и была полна либеральных ожиданий. Так называемая разночинная интеллигенция впадала в нигилизм и верила, разве что, в революционный переход к светлому будущему. А те крестьяне, кто не ушел в раскол, прельщались сектантскими идеями. Церковь в это время казалась никому не нужной, неожиданно овдовевшей и потерявшей опору женщиной, из последних сил сносящей брань и плевки, сыплющиеся на нее со всех сторон. С нее срывают богатые парчовые одежды и обряжают в шутовской наряд с бубенцами.

В эту пору разве только ленивый не ругал церковного устройства. Литераторы, общественные деятели разных сортов, публицисты и некоторые художники-передвижники объединенными усилиями создавали новый, неприглядный портрет Церкви: пьяные попы во главе праздничных процессий, мерзость запустения на селе, духовное обнищание священнослужителей вкупе с прихожанам. Этот, якобы реалистичный, портрет признается единственно верным и отвращает от Церкви тех, кто еще не отвернулся от нее самостоятельно.

Немало приходов было закрыто в эту тяжкую эпоху.

Однако в последней четверти XIX столетия, после краха либеральных надежд — с одной стороны, и водворения общественной стабильности — с другой, отношение к Церкви разительно меняется. Мало-помалу в обществе набирает силу христианское чувство. Некоторые исследователи даже пишут о произошедшем в 1880–1890-х годах “православном возрождении”. На волне религиозного ренессанса восстанавливаются закрытые приходы, появляются новые иноческие обители. Выдающийся русский философ и публицист К. Н. Леонтьев пишет: “Женские общины... открываются беспрестанно, и они полны”. Константин Николаевич особенно подчеркивает: в монастыри идут не только простые женщины, но также образованные и обеспеченные — и даже обращенные из нигилизма. Активно возрождается жизнь и в мужских монастырях. Религиозный ренессанс находит отражение в литературе, публицистике и живописи. Он идет рука об руку с возрождением национального чувства в народе.

Какие же общественные силы способствовали православному возрождению?

Одной из этих сил было государство в лице императора Александра III. Но как знать, сумело ли бы оно добиться сколько-нибудь значительных результатов без солидной социальной опоры? Надежной опорой государства в этом вопросе стали патриархальные слои купечества и, разумеется, духовенство.

Русское купечество долгие, чем прочие общественные силы, сохраняет приверженность традиционным ценностям. Большая семья, патриархальный быт, принадлежность к православию*. Правда, в последней трети XIX века купеческая верхушка стремительно европеизируется: отпрыски богатых московских и, в меньшей степени, провинциальных семейств получают превосходное образование, приобщаются к традиционно-дворянской сфере высокой культуры, отходят от традиционно-купеческих занятий.

Начальный этап столкновения крепнущего купеческого и ветшающего дворянского миров в утрированной форме отразил на полотне учитель Нестерова В. Г. Перов (“Приезд гувернантки в купеческий дом”, 1866). Но процесс “одворянивания” все же касается меньшей части потомственных российских предпринимателей, да и затрагивая, далеко не всегда лишает их приверженности традиционным идеалам. Еще и на рубеже XIX–XX столетий купечество в массе своей патриархально. При этом оно отнюдь не является инертной

---

* Часть купечества традиционно принадлежала к старообрядчеству, но численность и общественное влияние купцов-старообрядцев не следует преувеличивать, как это нередко делалось публицистами 1990-х годов. Кроме того, во второй половине XIX века все больше старообрядцев переходило в единоверие.

массой, а, напротив, жаждет действия. У него есть деньги, влияние и четко сформулированные приоритеты. В частности, купечество осознает себя носителем определенных культурных ценностей и желает передать эти ценности как можно более широким слоям российского общества. Именно русский православный купец — П. М. Третьяков, а также С. И. и Е. Г. Мамонтовы, наконец, сам М. В. Нестеров — выступает заказчиком, а нередко и проводником национального и религиозного возрождения в сфере русской культуры.

Двигаясь по этому пути, в какой-то момент Нестеров оказался впереди всех. То, что он почувствовал, то, что ему было открыто, еще не достигло умов большинства живописцев того времени, да и публицистов, общественных деятелей, хотя и пребывало уже в сердцах. Отсюда и столь разное отношение к его “Пустыннику” и “Варфоломею”.

Да, “Пустынник” стал важной ступенью в творчестве Нестерова. Но, поднявшись на нее и приникнув духовным зрением к окну в горный мир, художник сумел написать “Варфоломея” — заглянуть так высоко, как никогда ему больше не удавалось. И как никто не умел в то время. Нестеров создал шедевр, подлинное значение которого поняли весьма немногие его современники.

Не сразу осознал масштаб своего творения и сам художник. Снова и снова старался он превзойти “Варфоломея” или хотя бы написать нечто равное по силе, но это ему так и не удалось.

Так, на протяжении 1890-х художник работает над полотнами “Сергиевского цикла”. Пишет картину “Юность Преподобного Сергия” (1897), триптих “Труды Преподобного Сергия” (1897), полотно “Преподобный Сергий” (1898), эскизы к большой картине “Прощание Преподобного Сергия с князем Дмитрием Донским” (1898–1899).

В 1899 году на Савву Мамонтова, хозяина Абрамцева, обрушивается несчастье: финансовый крах и арест. Это событие отдаляет Нестерова от абрамцевских просторов, от мира сказочной русской природы, а вместе с ними — и от Сергия. Масштабное полотно “Прощание Преподобного Сергия с князем Дмитрием Донским”, к которому уже было создано несколько эскизов, художник так и оставляет неоконченным. Но личность святого продолжает занимать ум живописца. Так, уже при большевиках, в 1926 году, появляется новое полотно цикла — “Христос, благословляющий отрока Варфоломея”. Однако Нестеров остро чувствует: рядом с первой картиной цикла все они серьезно проигрывают.

Каждое из “сергиевских” полотен, появившихся на свет после “Видения отроку Варфоломею”, написано добротно и основательно. Всё-таки Нестеров был настоящий мастер своего дела. Но — мастер, пошедший у своей эпохи на поводу и отказавшийся от дарованного ему прозрения. Это хорошо видно на примере триптиха “Труды Преподобного Сергия”. Протоптанная в снегу тропинка, курящийся над избами дымок, окраина смешанного леса. Разлитый в воздухе блаженный покой, не зависящий от смены времен года. Как и в “Пустыннике”, фоном для трудов святого здесь служит привычный русский пейзаж.

Первое слово, которое хочется применить к картинам — публицистичность. Это попытка образованного и тонко чувствующего художника подстроиться под понимание “простого человека”. Под каждым из “Трудов” можно написать несколько слов, в которых исчерпается все содержание картины. Вот Сергий носит воду, вот рубит избу, а там просто стоит, задумавшись о чем-то; подвиг физический он неизменно сочетает с подвигом молитвенным и... всё. Каждое из трех полотен без труда может быть “рассказано”, оно понятно неискушенному зрителю, и в то же время эта внешняя простота лишает картины острой силы “Видения”, проникающего в самую душу. В “Трудах”, равно как и в других полотнах цикла, нет того живого чувства единения двух миров, которое есть в “Варфоломее”. *В них нет чуда.*

“Видение отроку Варфоломею” не зря считается едва ли не лучшим из произведений Нестерова. Картина *настоящая*, она словно дышит, на нее замороженно смотришь и не можешь сформулировать словами всю глубину смыслов, в ней сокрытых. Слова лишь выхватывают то тут кусочек, то там — а всей полноты объять не могут. Да и не нужны тут слова, без них всё понятно — картина сама вливается в душу.

На протяжении многих лет, реализовывая полученный от Бога живописный дар, Михаил Васильевич Нестеров решал непростую задачу. Каждое его

полотно было своеобразным идейным посылом, адресатом которой было одно из тех двух сообществ, к которым он принадлежал: купечество и передвижничество.

“Пустынный” – это послание, где представитель купеческой среды обращается к передвижникам, говоря с ними на их языке и об их идеалах; лишь лукавинка, затаившаяся на дне глаз, намекает на приверженность автора “купеческим ценностям”.

В “Видении отроку Варфоломею” Нестеров дал себе полную свободу, высказав то, что было на душе у него самого и его сословия. Он признался в любви той Московской Руси, которая взрастила столько славных воинов и великих святых. “Видение отроку Варфоломею” появляется на исторической арене очень вовремя. На фоне общего христианского подъема нарастает потребность в религиозной живописи, поданной на новом уровне осмысления. Нестеров, написав это полотно, воплощает чаяния родной “почвы”. А купечество, в лице П. М. Третьякова, этот “социальный заказ” оплачивает. Картина Нестерова будет висеть на стене Третьяковской галереи и станет образцом для дальнейших изысканий в сфере религиозной живописи.

Остальные же полотна “Сергиевского цикла” стали компромиссом между двумя сообществами, попыткой примирить реалистическое и мистическое. И... как и бывает с компромиссами, политесом и этикетом, их появление ознаменовалось торжеством стихии ума над стихией творческой.

Может быть, один-единственный раз услышав глас небесный, уловив его, подчинившись его звучанию, Нестеров возвысился до гениальности и стал одной из крупнейших фигур христианского возрождения в России. На уровне более приземленном он просто выполнил невероятно важную работу. Купец по крови и живописец по призванию, он передал на полотне то живое христианское чувство, ту веру, которая была столь необходима обществу в его время – да, пожалуй, и в наши дни. И оказался в числе “отцов-основателей” эстетики православного ренессанса.

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ГОДЫ С ПЕТРОМ ПАЛИЕВСКИМ

К 80-летию учёного

О том, что есть Пётр Васильевич, я узнал в 1962 году. Сказала мне об этом Юлия Васильевна, его сестра и наша преподавательница английского. Вскоре я прочёл его нашумевшую тогда статью о структуралистах. Она выясняла следующее: как собрались в Прибалтике ловкие портняжки и шьют широкое платье королю. А король голый, а дураки портняжек превозносят.

Так кончалось – или в это вылилось – слякотное десятилетие “оттепели”. (Слякоть – её шолоховская оценка.)

* * *

Потом, когда нас свела служба, было крайне суровое время – застой, разгул застоя. Шёл 1978 год, весна. А мы стояли битых три часа в верхнем зале аэропорта Шереметьево. Самолёт из Будапешта опаздывал. Летело же к нам в гости, в московский Институт мировой литературы, какое-то венгерское академическое начальство.

У них почти у всех были, оказалось потом, родственники – в Париже, в Канаде, то есть в прибежище усташей и бандеровцев; а также у нас, в Одессе и Витебске. Ну да ладно. А мы – это заместитель директора Пётр Васильевич Палиевский и аз пишущий, вроде переводчика. В зале царил толкучка. Где-то на скамейках вдруг обнаружился и Лазарь Ильич Лазарев-Шиндель из Союза писателей СССР или из “Вопросов литературы” (я этого точно не скажу, но знал его с детства и по “Литературной газете”). Тяжело раненый фронтовик, коммунист, марксист и по духу даже ифлиец, он проводил очередного члена семьи в Нью-Йорк. Толпилась ещё и шумела некая чернокожая молодёжь.

Вообще просматривалось любопытное деление среди живших страстями и идеями времени. Все, кто из колоний – те хотели выглядеть как колонизаторы: чтобы джинсы, тёмные очки, пробковый шлем или панама и крайне непринуждённый вид. Все из Восточной Европы – чтобы внешне тянуть по меньшей мере на Западную; и все из ГДР – чтобы вроде из ФРГ, Австрии или Швейцарии. И т. п. Поведенческие стратегии и практики. Парадигматика. И т. п.

Обмениваясь шутками на этот счёт, мы заходили в близлежащие помещения – ларьки-буфеты и так далее. При случае Пётр Васильевич рассказал, как беспардонно и беспринципно-невообразимо пользовался одной туалетной принадлежностью в аэропорту “Шарль де Голль” некий негр, причём негр со здоровенным биологическим измерением. Меня аж передёрнуло.

Вернулись в общий зал. Там опять галдели, в своей куче, высокие, негро-семитоподобные и мелко-мелкокурчавые люди. И Пётр Васильевич промолвил: “Нет, Серёжа, а правильно ведь Пушкин сказал:

*Ефиопы видом чёрные
И как углие глаза...*

Просто в точку!”

Я видел, что это не эфиопы, а сомалийцы. И язык их был мне знаком, и уменьшенные против среднего, как у ангелочков, круглолобые физиономии, и тот же неперменный галдёж — даже громче кубинцев, цыган и итальянцев. И я заметил Петру Васильевичу, что слова это не Пушкина, а Некрасова, из стихотворения “Влас”. Его любил и исступлённо-заклинательно исполнял когда-то Достоевский.

*И дают, дают прохожие!
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божию
По лицу Руси родной.*

Или как? Ну, примерно так, но уж точно не Пушкин, а Некрасов. Вы согласны?

Ну, вы-то согласны или даже в чем-то поправите. Однако что же Палиевский-то? Чем ответил Палиевский?

“Черт возьми: ведь правда, я дал маху. Впрочем, не важно! Некрасов вполне по-пушкински сказал. И знаете, Серёжа: так и надо судить. Если в любом поэте есть хоть что-то от Пушкина — ну хоть какое-то пушкинское зёрнышко, — то это и определяет, насколько поэт и русский, и подлинный, и натуральный. Нет, без пушкинского зерна не создашь ни за что всенародной песни, вроде “Коробушки” или “Меж высоких хлебов затерялся”.

Вот он, Палиевский. Вот вы, Пётр Васильевич, сказал бы я ему. Какой бы ни случился сбой, оговорка или промашка — ни тени замешательства. Но человек быстрее собрался и изрёк то, чего никогда не забыть.

* * *

Не знаю, печатал ли он где свою эту мысль о пушкинском зерне. Пересказывать же буду вперемешку: и печатное в Палиевском и не печатное. И всё так самобытно, всё — ну, так восхитительно, всё **глубочайше-существенно**. Всё подлинное и должно казаться нам русским и пушкинским. Не зря же воскликнул Юрий Кузнецов: “Отдайте Гамлета славянам!” Стоило взять его у Британии только ненадолго, и возник Григорий Мелехов. А ведь это крепче Гамлета! И в духе “Капитанской дочки”. Аксинья же — это как девица за водой поутру шла: мол, “не хочу перстня носить — хочу так дружка любить”. Ну, так оно и вышло. А ведь Пушкин предупреждал, устами няни и Татьяны.

* * *

Обо многом предупреждал и Палиевский. Например, что не надо превращать в банальный адюльтер Гурова и даму с собачкой, Аксинью с Григорием. Да, Западу только адюльтер и понятен. Но нам-то стоит ли забывать что Тристана и Изольду, что Ромео и Джульетту в их глубочайшем смысле. И не был ли Палиевский двигателем известной дискуссии о классике? Помните?

При нём, находясь в надёжных руках, состоят и Гамлет, и Гамсун, и Шолохов. При нём и Пушкин с Лермонтовым — по его словам, “поэтом без задачи”; при нём и Булгаков с романом, написанным ради задачи единственной — пробудить Ивана Понырева в забывшем своё Бездомном.

Отдайте, оставьте любой неразрешимый вопрос Палиевскому. И не тштесь, разорвав такой вопрос на клочки повседневности, решить его впопыхах: на сегодня, мол, и этого хватит; мол, на сегодня и это сойдёт.

Я мог бы много написать об изумительном человеке, но ограничусь малым. А что: на ошибки его я уже указал; на неподобный дар собраться и изречь непререкаемое – тоже. Учтите и неподобность его самого, человека.

* * *

Не удержусь и замечу (свойство “не удержусь и” Палиевский подчеркнул в Суровцеве и подобной братии критиков-доносителей). Я же не удержусь вот почему. То есть как это Лермонтов – поэт без задачи? Задача-то была; была, и сам же Лермонтов её и нащупал. Но не решал.

Во-первых: ни в коем случае не погибнуть раньше времени, да ещё имея для себя образец в лице Пушкина.

Во-вторых. Не погибнув до срока, сделать самому так, чтобы “нам уже и делать было бы нечего”, как выразился Лев Толстой. И ведь было, было в Лермонтове для этого пушкинское зерно!

В-третьих – не

*смотреть до полночи...
на пляску с топаньем и свистом, —*

а поступать по-другому.

Посмотренье на народ – его в своей “Свадьбе”, топчась на месте, увековечил Борис Леонидович Пастернак. Поэт – или его, пардон, лирический герой – величественно любит; а сам-то ведь побаивается туда же, к простому люду пьяных мужичков, выйти. Ибо вдруг поколотят, к чему причина есть. Нет, не смотреть умиленно-обалдело – а **участвовать во всенародном хороводе**, где нет и грамма от разнузданного свального карнавала так называемой Европы. (Идея Палиевского; сам от него слышал, а он теперь отрицает.) Так что и задача была, и поэт её чуял, но решить её не могли ни он, ни эпоха.

*К чёрту я скидаю свой костюм английский.
Ну-ка, дайте косу, я вам покажу:
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий?*

После Есенина – почти без осложнений, без упитий в дым и почти без буйного рукоприкладства – у нас на этом уровне разве что Шолохов, Шукшин, Белов и Рубцов. Помню в той же связи и Палиевского: в городе Бабушкине у него дома, при матушке и жене, с блинами или пасхой-куличом на столе; и в руках у автора книги “Литература и теория” – балалайка.

Она, а не задумчиво-мужественная гитара Булатов Шалвóвичей. Она, родная! И сын мой, юный балалаечник же, с удивлением и радостью смотрит и слушает, пожирая праздничную пасху бабушки Жени. Спасибо и ей за всё – верной поставщице нам билетов в Большой зал Консерватории.

* * *

Обобщу теперь своими словами, а других у меня нету, какой получилась жизнь, во многом удачно сложившаяся благодаря Петру Васильевичу. То есть не жизнь какого-нибудь взятого из книги Хаджи-Мурата или Микулы Селяниновича Мелехова, а обычного человека. От бездомности или бесприютности – и миную аксаковское, то есть, по аксаковскому словцу, “студентство” – к семье и счастью.

*Осталась минута. От дикого ветра
Укрылись с тобою мы в будке фанерной,
И я говорю, что с неделю, наверно,
Не будет вестей с моего километра.*

*Подходит дрезина по узкоколейке.
А ты всё стоишь, опустивши ресницы,
И, палец продев сквозь дыру в рукавице,
Счищаешь пылинки с моей телогрейки.*

*Ни слова опять с твоих уст не сорвётся.
Но слышится мне: А я ждать и не буду —
Ведь сердцу не нужно вестей ниоткуда,
Оно у тебя навсегда остаётся.*

*Как в детстве всё это легко начиналось!
Подходят дрезины. Отходят дрезины.
А сердце — моё-то где сердце осталось?
Вблизи Воркуты? Иль в дали Аргентины?
Иль всё это сон?*

*Но весьма вероятно —
Один по любви, а другой по работе, —
И вы с Колымы в Лиссабон попадёте,
И даже, с почётом, вернут вас обратно.*

*Дохнут сквознячком с тех учтивых таможен,
Где часу иным на полжизни хватает...
Что ж: будет и там, кто вам сердце предложит,
Кто весть передаст, сыновей воспитает.*

*Лишь, выйдя на волю, былым не кичитесь:
На воле сложнее — там опаснее ветер.
Не каждый, как в детстве, вам сердцем ответит,
Да вы, в пятьдесят, и спросить побоитесь.*

*И всё ж это — воля. Куда торопиться?
Проваливай, жалкие годы студентства!
Но что до советского честного детства —
К нему б я сводил сыновей, подучиться.*

Вы скажете, здесь нету литературоведения. Да, нету; но жизнь — что, разве мало?

Повторяю: значительная часть этого, а особенно добрый этого исход, была обязана Петру Васильевичу.

А он отпирался, хотя и не ругал. “Насчёт советского честного детства вы верно сказали. “Студентство” — это да, по Аксакову. Тоже справедливо. И насчёт того, что там “часу иным на полжизни хватает”. [Знаю, кого он имел в виду — но не пришло время огласить.] А ещё правильно — “да вы, в пятьдесят, и спросить побоитесь”. Хотя...” На этом Пётр Васильевич прервался, и я тоже почти прерываюсь.

То был 1987 год, ему было пятьдесят пять, мы сидели в так называемом ИМЛИ АН СССР.

* * *

Ещё много позже я спросил у него: а почему один человек, у которого в детстве на шее висела табличка с проставленным фашистами номером, не претендует на компенсацию, контрибуцию, приплату?

“Логика в этом есть. **Потому что всяческие их контрибуции и тому подобное — НЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА**”. Это я слышал от Петра Васильевича на Поварской, по пути к “Арбатской”, примерно в 1997 году.

* * *

Вернёмся к самому началу темы. В России, причём в день международного братства трудящихся, родился — был 1932 год — чистый и честный русский человек. В таких обстоятельствах рождения совместились сразу две

идеи. Обе эти идеи человек всю жизнь и представляет, им верно служит своим трудом; только без международного скитальчества, подвижники которого крайне на Петра Васильевича озлоблены за его неуязвимость.

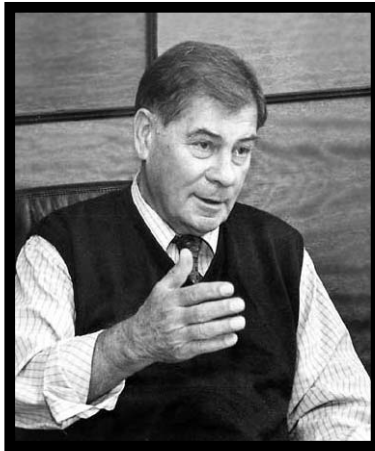
Не учите Петра Васильевича жить, писать, думать и “правильно вести себя”. Лучше подучитесь сами. И не забудьте перечитать его очень своевременные, нужные книги с пользой для себя. Не то он напишет короткую такую статейку о вас, любезнейшие.

* * *

Интересно, знают ли в Смоленске о восьмидесятилетии своего славного земляка? Возраст для вполне ещё разрешимых задач.

Хотя есть и важная особенность. Человек знает, что решать надо даже и задачи неразрешимые, не имитируя их разрешимость через всяческие парадигматики и бинарные оппозиции.

А в Америке, куда его приглашали и где оставляли, он не задержался. Не очень понравилось.

РЫЦАРЬ РОССИИ

Так случилось, что наши пути-дороги с ним пересекались несколько раз. Не так давно мы встречались в кругу замечательных людей, отмечая юбилей нашего старшего товарища. Следующая очередь была его! Но вот надо же...

Леонид Владимирович Шебаршин родился 24 марта 1935 года. Один из руководителей Советской внешней разведки. Генерал-лейтенант. Член КПСС. В 1952 году окончил школу с серебряной медалью, поступил в Институт востоковедения на индийское отделение. После закрытия института в 1954 году переведён в МГИМО, который закончил в 1958 году. Уже на старших курсах поехал в Пакистан на практику. После МГИМО его распределили в Министерство иностранных дел.

Об этом периоде жизни Леонида очень много рассказывал на встречах ветеранов его старший товарищ Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза, участник Великой Отечественной войны Владимир Георгиевич Беляев. Именно они, прошедшие дорогами войны, выводили нас в Большую Жизнь и рекомендовали ещё в комсомольские годы на самые опасные, ответственные посты в государстве: охранять рубежи нашей родины на самых северных точках планеты, открывать дорогу в космос и выполнять кропотливую, изнурительную работу на дипломатическом поприще или в рядах бойцов невидимого фронта. Среди которых был и Леонид Шебаршин.

В 1962 году Леонид Владимирович перешёл на службу в Комитет государственной безопасности. Закончив разведшколу, начал работать в Первом Главном управлении. По линии внешней разведки был в Пакистане, Индии. Затем работал резидентом внешней разведки в Иране в самый сложный момент исламской революции.

В 1983 году вернулся в Москву, назначен заместителем начальника отдела Управления "Р", в ноябре того же года – заместителем начальника информационного управления ПГУ КГБ.

В январе 1989 года – начальник Первого Главного управления (ПГУ) КГБ СССР. В августе 1991 года (с 22-го по 23-е) во время, известное как время ГКЧП, ровно сутки возглавлял КГБ, затем вернулся в штаб-квартиру внешней разведки (Ясенево). 25 августа подписал рапорт об отставке, который остался без ответа. 18 сентября после второго рапорта Шебаршин ушёл на пенсию.

И всё равно он жил интересами своих коллег – всеми силами помогая им. Остались его книги: "Хроники безвременья. Заметки бывшего начальника разведки" и "Жизни мелочные сны".

Исключительно честный и порядочный человек, редкого дара профессионал. Таких, как он, называли Рыцари России.

Юрий Иванович Поляков

12.04.2012 г.

